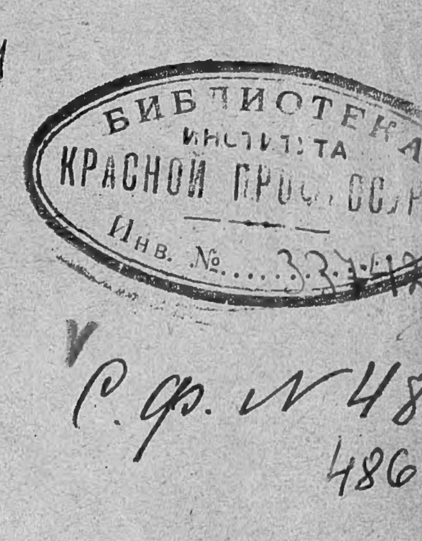
Деникин А.И.
Очерки русской смуты.
т. 5.

Генералъ А. И. Деникинъ

Очерки Русской Смуты

Томъ пятый

Вооруженныя силы Юга Россіи





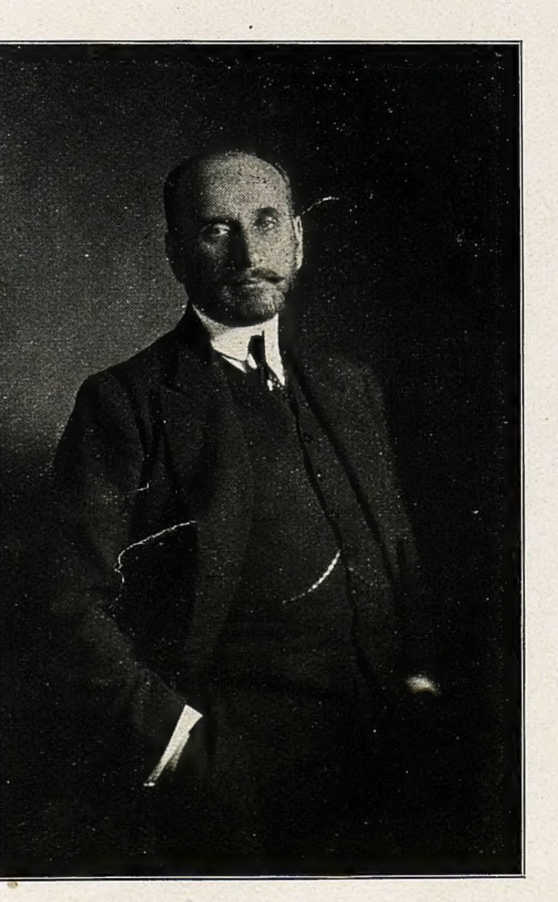
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ“.

Эта книга отпечатана въ Берлинѣ, въ типографіи Зинабургъ и Ко., въ октябрѣ мѣсяцѣ тысяча девятьсотъ двадцат шестого года въ количествѣ 2.500 экземпляровъ.

Слѣва направо: Алябьевъ, нач. бронепоѣздовъ X арміи; Щеденко; Ворошиловъ, первый Командармъ X арміи; Пархоменко.

Начальники отд. штаба X совѣтск. арміи.

(Къ главѣ VII)



Министръ иностр. дѣлъ Омскаго правительства Сазоновъ.

(Къ главѣ IX)



Верховный Правитель Адмиралъ Колчакъ.

(Къ главѣ IX)

1*

Штабъ I пѣх. дивизіи.
Пріѣздъ Комкора I арміи ген. Кутепова (×) передъ операціей на Курскъ, августъ 1919 г. Бѣлгородъ.
Нач. пѣх. дивизіи ген. Тимановскій (××).

(Къ главѣ X)

Штабъ I пѣх. дивизіи за наблюденіемъ фронта по картѣ въ вагонѣ на ст. Бѣлгородъ.
Справа — нач. штаба полк. Битенбиндеръ.

(Къ главѣ X)



Въ Харьковѣ.
(*Къ главѣ X*)



Въ Харьковѣ. Ген. Деникинъ со штабомъ передъ молебномъ.
(*Къ главѣ X*)



В ъ Б ѣ л г о р о д ѣ.

(Къ главѣ X)



Смотръ въ Царицынѣ.
(Къ главѣ X)

Генералъ Мамонтовъ.
(Къ главѣ XI)

У Марковцевъ.
Ген. Ефимовъ (нач. Шт. Д. А.) [x]; Ген. Май-Маевскій (ком. Д. А.) [xx]; Полк. Блейшъ [xxx].
(Къ главѣ XI)



Въ Одессѣ.
(Къ главѣ XI)



Разстрѣлянные красными монахи (× Игуменъ).

(*Къ главѣ XII*)



Харьковскій палачъ Саенко.
(Къ главѣ XII)



Жертвы Харьковской чрезвычайки.
(Къ главѣ XII)



Кіевская чрезвычайка.
(Къ главѣ XII)

Жертвы Кіевской чрезвычайки.
(Къ главѣ XII)

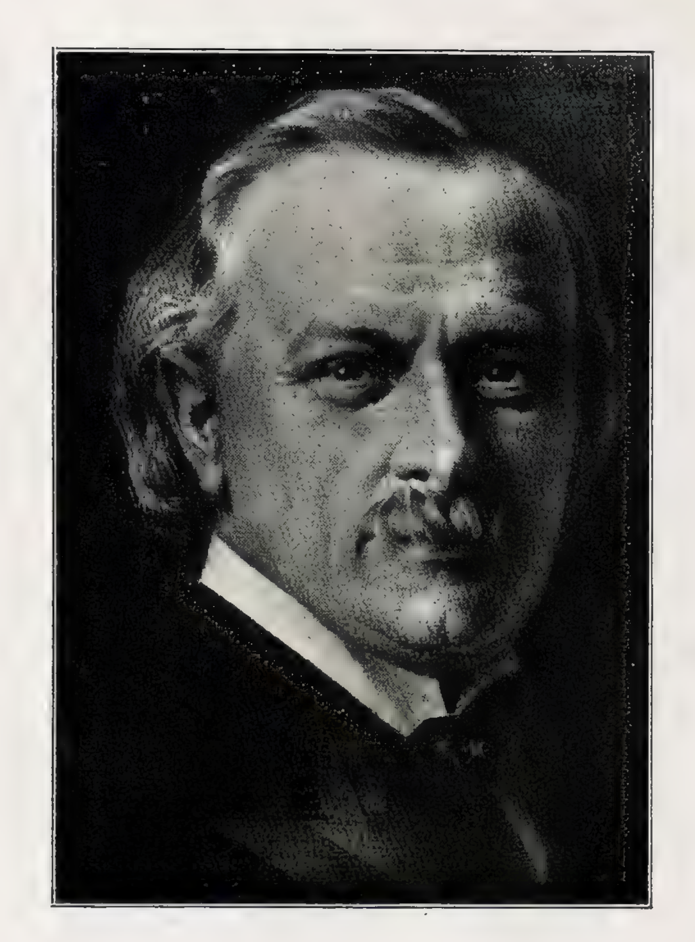


Генералъ Хольманъ.
(Къ главѣ XVI)



Визитъ англійскому адмиралу.
(Къ главѣ XVI)

Черчиль.



Ллойдъ-Джорджъ.

„Двѣ руки“

(Къ главѣ XVI)



Стоятъ: ген. Поповъ, пред. Донск. прав. Рябоволъ, пред. Куб. рады Абрамовъ, пред. Терск. прав. Курганскій пред. Куб. прав.

Сидятъ: Харламовъ, пред. Донск. круга Ляховъ, Астрах. ат. ген. Вдовенко, Терск. ат. ген. Богаевскій, Донск. ат. ген. Филимоновъ, Куб. ат. Шахимъ-Гирей т. п. Куб. рады

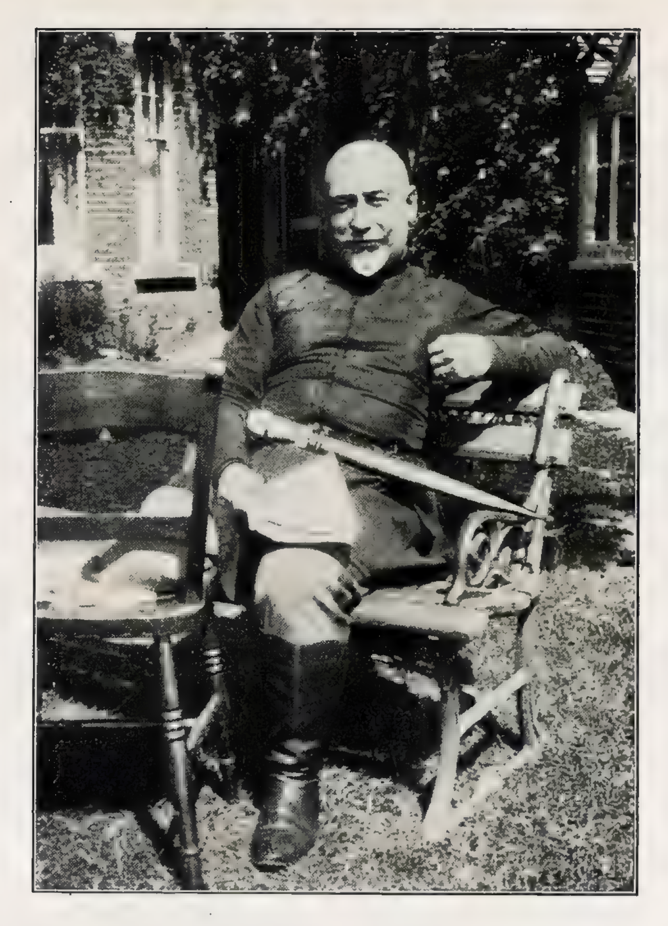
КАЗАЧЬИ ПРАВИТЕЛИ



Кубанскій атаманъ Успенскій.
(Къ главѣ XX)



Генералъ Миллеръ.
(Къ главѣ XXIII)



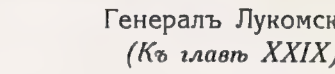
Генералъ Баратовъ. *(Къ главѣ XXV)*

Штабъ Западной Добровольческой Арміи (× — Бермонтъ). *(Къ главѣ XXIII)*



Н. М. Мельниковъ.
(Къ главѣ XXXIV)





Генералъ Лукомскій.
(Къ главѣ XXIX)



Генералъ Шиллингъ.
(Къ главѣ XXVI)

Смотръ англійскаго гарнизона въ Новороссійскѣ.
(Къ главѣ XXXVIII)



Эвакуація на англійскихъ военныхъ судахъ. Новороссійскъ.
(Къ главѣ XXXVIII)

Эвакуація на англ. военныхъ судахъ. Новороссійскъ.
(Къ главѣ XXXVIII)



Генералъ Махровъ.
(Къ главѣ XXXIX)



М. В. Бернацкій.
Предсѣдатель послѣдняго правительства.
(Къ главѣ XXXIX)



И. П. Романовскій въ гробу.
(Къ главѣ XL)

Очерки Русской Смуты

Томъ пятый.

ГЛАВА I.

Ясское совѣщаніе. Захватъ Одессы петлюровцами. Начало французской интервенціи и переходъ власти въ Одессѣ къ Добровольческому командованію. Правленіе Украинской Директоріи.

Если зимою 1918—19 г. событія на Кавказѣ протекали при извѣстномъ участіи Англіи, то западнѣе меридіана Керчи они находились въ большой зависимости отъ французской политики.

Какъ извѣстно, 5 декабря 1917 г. Франція признала Украинскую республику (правленіе Центральной Рады) de facto, и въ Кіевѣ появился французскій «генеральный комиссаръ», ген. Табуи. Но съ заключеніемъ Брестъ-Литовскаго мира и съ нѣмецкой оккупаціей эта связь порвалась; миссія Табуи покинула Украину, и съ марта 1918 г. край этотъ офиціально считался «въ полѣ зрѣнія» французскаго посланника въ Яссахъ, гр. Сентъ Олера. Тамъ же былъ и центръ французскаго освѣдомленія по Юго-Западу Россіи, при чемъ начальникъ развѣдки, состоявшій ранѣе при Табуи, офицеръ Энно, перенесъ свою дѣятельность изъ Кіева въ Кишиневъ. Этому лицу довелось играть видную роль въ южно-русскихъ событіяхъ въ періодъ разгрома нѣмцевъ; съ его именемъ связано тѣсно много разбитыхъ иллюзій и несбывшихся надеждъ.

Энно былъ знакомъ по Кіеву съ В. Шульгинымъ и воспринялъ его точку зрѣнія въ русскомъ вопросѣ. Въ этомъ направленіи онъ и дѣйствовалъ — съ большой энергіей и увлеченіемъ, превышая не разъ свои полномочія, преломляя колеблющіяся и неясныя настроенія союзныхъ правительствъ сквозь призму своихъ личныхъ чувствъ и пожеланій.

6 октября Энно обратился съ письмомъ къ Шульгину, находившемуся въ то время въ Екатеринодарѣ. Въ этомъ письмѣ онъ опредѣлялъ общее политическое положеніе и намѣренія союзниковъ:

> «Германія близка къ концу.
>
> Ея политикѣ — расчлененія Россіи, ея желанію — сохранить силу Брестъ-Литовскаго мира, мира, при помощи котораго разорванная на части Россія попала бы въ экономическомъ отношеніи на безчисленное число лѣтъ въ нѣмецкія руки, ея преступной тактикѣ — поддерживать въ Россіи терроръ большевиковъ, ею же созданный, — союзники хотятъ противопоставить политику возсозданія Россіи. Союзники отказываются признать Брестъ-Литовскій миръ и попрежнему продолжаютъ считать Россію своею союзницей. Въ ихъ программу входитъ освобожденіе провинцій, захваченныхъ нѣмцами, и возстановленіе Великой Россіи, совершенно необходимой для политическаго равновѣсія, ибо только она одна можетъ создать гарантію противъ возможности новой войны въ ближайшемъ будущемъ.
>
> Примѣръ сепаратныхъ государствъ, выдѣлившихся изъ прежней Россіи и заключившихъ союзъ съ Германіей, только укрѣпляетъ Согласіе въ этихъ мысляхъ.

Экономическіе интересы, которые союзники имѣютъ въ Россіи, заставляютъ ихъ во всякомъ случаѣ заняться ею. Итакъ, въ Россію придутъ арміи, чтобы предложить ей мощную и дружественную помощь — матеріальную и экономическую.

Естественная программа Согласія сводится къ нижеслѣдующему: Возсоздать Единую и Недѣлимую Россію и помочь возстановленію въ Россіи монархіи, соотвѣтствующей желанію большинства русскаго народа.

Таковы вкратцѣ предположенія союзниковъ относительно Россіи. Такое изложеніе этихъ проектовъ базируется на офиціальныхъ заявленіяхъ политическихъ дѣятелей державъ Согласія».

Энно сообщалъ, что по его настояніямъ гр. Сентъ-Олеръ приглашаетъ Шульгина въ Яссы, чтобы «безъ замедленія выработать программу политическихъ дѣйствій союзниковъ въ Малороссіи, которыя подготовили бы будущее ихъ военное вмѣшательство». Вмѣстѣ съ тѣмъ Сентъ-Олеръ считалъ необходимымъ вступить въ связь съ вліятельными политическими дѣятелями Кіева, «чтобы изучить всѣ эти вопросы и обмѣняться мнѣніями». Энно прибавлялъ, что до прибытія Шульгина и безъ его совѣтовъ онъ лично ничего предпринимать не будетъ.

Между тѣмъ, событія получили неожиданно быстрое развитіе, и Энно рѣшилъ дѣйствовать, не дожидаясь Шульгина. По его иниціативѣ и съ его участіемъ состоялось 17 октября засѣданіе подъ предсѣдательствомъ русскаго посланника въ Румыніи Поклевскаго-Козеллъ, въ составѣ наличныхъ русскихъ представителей — дипломатическихъ, военныхъ и Краснаго Креста. На этомъ засѣданіи былъ избранъ комитетъ изъ шести лицъ [1]), которому поручено было немедленно пригласить въ Яссы политическихъ дѣятелей. По мысли Сентъ-Олера, какъ сообщалъ ген. Щербачевъ [2]), предполагалось образовать въ Яссахъ постоянное учрежденіе — «Русскій національный совѣтъ», при посредствѣ котораго союзники могли бы узнавать «всѣ нужды, чаянія и запросы организованной и государственно-настроенной русской общественности». Повидимому, этому учрежденію предполагалось присвоить и нѣкоторыя правительственныя функціи, такъ какъ ген. Щербачевъ оговаривалъ, что съ открытіемъ военныхъ дѣйствій союзниковъ и перенесеніемъ ставки союзнаго главнокомандующаго на территорію Россіи «этотъ національный совѣтъ, конечно, сольется съ Совѣщаніемъ при Добровольческой Арміи».

Выборъ участниковъ предположеннаго совѣщанія былъ довольно случайный, такъ какъ членамъ комитета была предоставлена въ этомъ отношеніи полная иниціатива. Присутствовавшему на предварительномъ совѣщаніи ген. Кельчевскому, направлявшемуся къ намъ, поручено было просить главнокомандующаго Добр. Арміей «командировать въ Яссы политическихъ дѣятелей по его усмотрѣнію...» Кельчевскій прибылъ въ Екатеринодаръ только въ началѣ ноября, когда такъ называемое «Ясское совѣщаніе» состоялось уже фактически (1—10 ноября). Въ немъ наряду съ видными представителями русской общественности [3]), при-

---

[1]) 1) Поклевскій-Козеллъ; 2) Особоуполном. Краснаго Креста — полк. Ильинъ; 3) Консулъ въ Яссахъ Савиновъ; 4) Ген. Новицкій; 5) Назначенный французскимъ вице-консуломъ въ Кіевъ Энно. Почетнымъ членомъ комитета былъ избранъ генералъ Щербачевъ.

[2]) Письмо отъ 4 ноября 1918 г.

[3]) Отъ Сов. Гос. Об. — бар. Меллеръ-Закомельскій, Кривошеинъ, Милюковъ, Маргуліесъ и В. Гурко; отъ Нац. центра — Федоровъ и Чемберсъ; Отъ Союза Возр. — Кровопусковъ, Титовъ, Бунаковъ-Фундаминскій; персонально — Брайкевичъ, полк. Новиковъ, Савичъ, Пильцъ, Третьяковъ, Хомяковъ; по своей личной иниціативѣ прибыли Шебеко, Демченко, Ф. Дитмаръ и В. Рябушинскій.

няли участіе и посланники Англіи, Франціи и Сѣв.-Американскихъ Соед. Штатовъ. Выѣхавшій въ Яссы Шульгинъ заболѣлъ въ пути, по пріѣздѣ туда слегъ въ больницу и участія въ Совѣщаніи не принялъ.

На первыхъ же засѣданіяхъ обнаружилось полное расхожденіе русскихъ представителей по вопросу о построеніи власти: буржуазная часть собранія стояла за диктатуру, соціалисты — за директорію. Въ первой группѣ, кромѣ того, мнѣнія раздѣлились и по вопросу о личности диктатора, на роль котораго выдвигались вел. кн. Николай Николаевичъ и главнокомандующій Добр. Арміей. По совѣту англійскаго военнаго агента Совѣщаніе согласилось оставить открытыми эти спорные вопросы и занялось исключительно обсужденіемъ условій союзнической помощи. Въ меморандумѣ, подписанномъ всѣми русскими членами Совѣщанія и врученномъ 10 ноября иностраннымъ посламъ, общій характеръ интервенціи опредѣлялся вкратцѣ слѣдующими положеніями:

«1. Единство Россіи и, какъ слѣдствіе этого общаго положенія — никакихъ независимыхъ государствъ на ея территоріи, въ границахъ до большевицкаго переворота. Никакихъ отдѣльныхъ представительствъ въ международныхъ отношеніяхъ. Это единство Россіи должно осуществляться безъ ущерба для свободы отдѣльныхъ областей, образующихъ Россію.
2. Согласованныя дѣйствія съ союзниками для борьбы противъ большевиковъ.
3. Немедленная и мощная помощь Добровольческой Арміи ген. Деникина.
4. Немедленная замѣна нѣмецкихъ и австрійскихъ гарнизоновъ вооруженными силами русскихъ и союзниковъ, въ цѣляхъ охраны порядка и образованія прикрытія для формированія русской арміи.
5. Дѣйствительная помощь, чтобы предпринять въ кратчайшій срокъ наступленіе на Москву и Петроградъ.
6. Единое командованіе, довѣренное русскому военачальнику. Нужна немедленная помощь войсками и военнымъ снаряженіемъ.

Если союзники хотятъ видѣть Россію сильной и крѣпкой, членомъ цивилизованныхъ народовъ, если союзники не желаютъ допустить вымиранія населенія сѣвера и расхищенія сокровищъ юга, если союзники признаютъ, что въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ войны Россія принимала широкое и славное участіе въ борьбѣ и тѣмъ самымъ содѣйствовала побѣдѣ союзниковъ надъ общимъ врагомъ, если побѣдоносная Антанта рѣшила помочь Россіи возродиться, — помощь должна быть оказана безъ замедленія и въ достаточномъ размѣрѣ».

Еще до окончанія работъ Совѣщанія въ Кіевъ былъ спѣшно командированъ консулъ Энно, снабженный полномочіями отъ союзныхъ пословъ и текстомъ «обращенія» къ населенію Юга, составленнымъ заранѣе членами Совѣщанія; въ этомъ обращеніи пожеланія, одушевлявшія Совѣщаніе, были выражены въ формѣ торжественнаго обѣщанія союзными правительствами своей немедленной помощи... Подобно тому, какъ въ Екатеринодарѣ — союзные генералы и офицеры, здѣсь въ Яссахъ — союзные дипломаты находились также подъ вліяніемъ военной психологіи, которая не могла освоиться съ *такимъ* окончаніемъ войны и съ оставленіемъ на произволъ судьбы поверженной Россіи. Оторванные отъ своихъ центровъ, они предпринимали нѣкоторые серьезные дипломатическіе шаги на свой страхъ и рискъ въ твердомъ убѣжденіи, что эти шаги будутъ одобрены ихъ правительствами и получатъ реальное осуществленіе.

Назрѣвала большая и трагическая по своимъ результатамъ мистификація.

* * *

Положеніе Одесскаго раіона представлялось чрезвычайно сложнымъ. Въ самой Одессѣ и близъ лежащихъ крупныхъ пунктахъ — Херсонѣ, Николаевѣ и др. сосредоточено было около 50 тыс. германскихъ войскъ — силы, совершенно достаточныя не только для того, чтобы прикрыть Новороссію, но и разгромить всю петлюровскую «армію». Но нѣмцы сохраняли нейтралитетъ и оставались безучастными зрителями событій.

«Украинскихъ» войскъ не было никакихъ. Въ Одессѣ находился штабъ 3 укр. корпуса и одни ничтожные кадры его. Командовалъ имъ ген. Стельницкій, который, послѣ отправленной имъ въ Екатеринодаръ телеграммы о подчиненіи мнѣ, былъ смѣщенъ гетманомъ и замѣненъ ген. Бискупскимъ.

Единственной «силой» въ Одессѣ былъ отрядъ добровольцевъ, около 1½ тыс., который признавалъ свое подчиненіе Екатеринодару и находился въ вѣдѣніи адм. Ненюкова — начальника одесскаго центра Добр. Арміи. Наравнѣ съ кіевскими добровольческими дружинами и на такихъ же основаніяхъ этотъ отрядъ былъ подчиненъ мною въ оперативномъ отношеніи мѣстному командованію. Но организація отряда была незакончена, боеспособность его не велика, а защищать «гетманскую власть отъ Петлюры» — какъ въ упрощенномъ видѣ воспринимались событія — желанія было очень мало. Еще меньше было довѣрія къ ген. Бискупскому.

Въ Одесскомъ порту высаживалась еще польская стрѣлковая бригада, сформированная мною въ Екатеринодарѣ и теперь возвращаемая на родину. Но поляки никакого желанія вмѣшиваться во «внутреннія русскія дѣла» не имѣли, да и въ томъ запутанномъ политическомъ положеніи, которое создалось въ Одессѣ, разобраться имъ было трудно.

Наконецъ, на одесскомъ рейдѣ стоялъ французскій линейный корабль и два-три миноносца — эмблема союзной мощи и вѣстники грядущей помощи...

Кіевъ былъ отрѣзанъ, связи съ нимъ почти не было, и гражданская власть въ Одессѣ осуществлялась малоавторитетнымъ и непопулярнымъ гетманскимъ градоначальникомъ Мустафинымъ. Между тѣмъ, городъ волею судьбы сталъ третьимъ этапомъ россійскаго именитаго бѣженства. Цвѣтъ интеллигенціи и политическихъ партій, конспирировавшій ранѣе въ Москвѣ и потомъ бурно крутившійся въ водоворотѣ кіевскихъ событій, волной революціи выбросило на одесскій берегъ... Городъ коммерческой и спекулянтской горячки сталъ новымъ центромъ политическаго ажіотажа, борьбы союзовъ, «бюро», совѣтовъ, организацій, «правительствъ», делегацій... Одесса насыщена была до предѣла привнесенной ими политикой, въ которой купно съ искренними и патріотическими стремленіями переплелись темныя побужденія политическихъ маклеровъ, авантюристовъ и людей съ болѣзненной жаждой власти и вліянія — какими угодно путями, какою угодно цѣной.

Начались немедленно попытки образованія государственной власти на Юго-Западѣ, взамѣнъ отмирающей гетманской. Пріоритетъ въ этомъ отношеніи взялъ на себя Сов. Гос. Об. во главѣ съ бар. Меллеръ-Закомельскимъ и Кривошеинымъ, предложившими себя для начала въ качествѣ «Совѣщанія по оборонѣ» ген. Бискупскому. Не имѣя никакихъ корней и никакой опоры въ общественныхъ и народныхъ кругахъ города, совѣщаніе это вмѣстѣ съ «командующимъ войсками» могло лишь констатировать изо дня въ день свое безсиліе.

* * *

Энно въ Кіевъ не попалъ, такъ какъ въ началѣ ноября войска Петлюры захватили Фастовъ и подошли къ Кіеву, прервавъ его сообщеніе съ Одессой. Въ качествѣ «особоуполномоченнаго французскаго правительства» [1]) онъ разсылалъ изъ Одессы воззванія, обнадеживавшія населеніе, и телеграммы, угрожавшія директоріи и нѣмцамъ. Не найдя на мѣстѣ иной власти, кромѣ призрачной уже гетманской, онъ поневолѣ призывалъ къ поддержанію ея, что шло въ разрѣзъ съ ясскими постановленіями и вызывало недоумѣніе и горечь среди защитниковъ Кіева и Одессы. Тѣмъ не менѣе, первое время его угрозы производили извѣстное впечатлѣніе въ станѣ Петлюры и въ кіевскомъ германскомъ штабѣ, и благодаря имъ, главнымъ образомъ, Кіевъ держался еще нѣкоторое время. Но проходили дни и недѣли, а обѣщанія и угрозы не подкрѣплялись реальной силой. Пропадали вѣра и страхъ. И событія потекли стороною мимо добрыхъ намѣреній и неограниченныхъ возможностей.

Въ концѣ ноября части петлюровцевъ заняли Раздѣльную, отбросивъ небольшія команды добровольцевъ, которыя одновременно подверглись нападенію и со стороны занимавшихъ станцію нѣмцевъ... Петлюровцы двинулись дальше. «Отаманъ» Григорьевъ угрожалъ уже и Николаеву. Энно посылалъ въ Яссы одну за другой телеграммы, остававшіяся безъ отвѣта, и, съ цѣлью выиграть время до прибытія ожидаемаго дессанта, съ согласія русскихъ общественныхъ дѣятелей 25 ноября вступилъ въ переговоры съ директоріей... Это былъ второй шагъ, продиктованный безнадежностью положенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ подрывавшій національную идею борьбы и извращавшій смыслъ союзной помощи. Директорія использовала широко самый фактъ переговоровъ, не стѣсняясь примѣнять и провокацію. Такъ черезъ три дня послѣ посѣщенія украинскими представителями Энно (28 ноября), при возобновившихся въ Казатинѣ переговорахъ между директоріей и нѣмецкимъ командованіемъ, украинскіе представители заявили колебавшимся еще нѣмцамъ: «Положеніе вещей не позволяетъ намъ отложить операцію противъ Кіева. Поэтому директорія не находитъ возможнымъ допустить отсрочку отвѣта, каковая могла бы произойти при посылкѣ, согласно желанію нѣмецкихъ уполномоченныхъ, ихъ представителей къ Антантѣ. Украинское республиканское правительство самостоятельно ведетъ переговоры съ уполномоченными представителями Антанты и на этомъ основаніи оно можетъ заявить, что нѣмецкая армія не имѣетъ повода препятствовать вступленію украинско-республиканскихъ войскъ въ Кіевъ». Договоръ между петлюровцами и нѣмцами заключенъ былъ 30-го, и въ тотъ же день въ кіевскихъ вечернихъ газетахъ появилось сообщеніе, оправдывавшее уводъ нѣмецкихъ войскъ, прикрывавшихъ Кіевъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что державы Согласія «признали Директорію и позволили ея войскамъ занять Одессу...» На другой день сѣчевики Коновальца заняли Кіевъ.

Въ кругахъ близкихъ къ Энно составилось убѣжденіе, что фактическимъ виновникомъ провокаціи былъ нѣкто Муленъ, бывшій подчиненный Энно, застрявшій въ Кіевѣ, работавшій тамъ на пользу Петлюры и распространявшій свѣдѣнія о признаніи Директоріи Согласіемъ...

Изъ Одессы обращались за помощью и въ Добр. Армію. 25 ноября я получилъ телеграмму за подписью Энно, Шульгина и друг., съ изложеніемъ критическаго положенія Одессы, которую «необходимо сохранить, какъ базу союзнаго

---

[1]) Во французской транскрипціи свое званіе онъ опредѣлялъ въ качествѣ «Consul de France — Kiew, chargé de mission».

дессанта», и съ просьбой перебросить туда трехтысячный отрядъ. Добровольческая Армія, насчитывавшая тогда въ своихъ рядахъ 37 тыс. бойцовъ, вела тяжелые бои подъ Ставрополемъ, необходима была вмѣстѣ съ тѣмъ помощь Дону и обезпеченіе Ростовскаго направленія, и задача серьезной обороны Одессы являлась поэтому для насъ совершенно непосильной. Я могъ только обратиться вновь къ ген. Франше д'Эспре съ просьбой ускорить прибытіе дессанта. Его все не было. Помимо неопредѣленности политическаго курса и техническихъ затрудненій, во французскомъ штабѣ очевидно плохо уясняли себѣ масштабъ происходящихъ въ Россіи событій. Такъ 3 декабря Энно получилъ отъ ген. Бертело телеграмму, въ которой, вмѣсто извѣстія объ ожидаемомъ дессантѣ, заключалось распоряженіе: «прошу васъ передать главарямъ большевиковъ, а также Петлюрѣ и Винниченко, что я ихъ дѣлаю лично отвѣтственными за всякое враждебное выступленіе и всякое стремленіе нарушить спокойствіе въ странѣ...»

Одесса понемногу ликвидировала «сопротивленіе». «Совѣщаніе по оборонѣ» заблаговременно отбыло въ Крымъ; ген. Бискупскій вошелъ въ сношеніе съ петлюровскими представителями о передачѣ имъ командованія и города; адм. Ненюковъ посадилъ добровольцевъ на пароходъ «Саратовъ», который вышелъ на рейдъ. Добровольцевъ обвиняли за это весьма жестоко. Врядъ ли, однако, городъ съ милліоннымъ почти населеніемъ, въ которомъ не оказалось ни иниціативы, ни вождей, ни моральнаго подъема, ни желанія нести матеріальныя жертвы для самозащиты, имѣлъ право обвинять эту горсть людей — плохо организованныхъ и еще хуже снабженныхъ.

Петлюровскіе отряды 28 ноября безъ боя вошли въ Одессу. Часть Николаевскаго бульвара была оцѣплена постами изъ состава польскаго отряда и французскихъ экипажей, образовавъ «нейтральную зону», надъ которой былъ поднятъ французскій флагъ. Петлюровцы не пытались ея нарушить.

* * *

И длилось властвованіе ихъ всего семь дней.

Въ нейтральной зонѣ нашли себѣ пріютъ общественные дѣятели и офиціальныя лица, не пожелавшіе покинуть Одессу. Въ ихъ числѣ были Энно и чл. Особаго Совѣщанія Шульгинъ, вернувшійся по выздоровленіи изъ Яссъ, ген. Гришинъ-Алмазовъ [1]), командированный мною въ Яссы для ознакомленія русскаго посла Поклевскаго-Козеллъ и иностранныхъ представителей съ положеніемъ дѣлъ на Востокѣ и возвращавшійся черезъ Одессу; генералъ Эрдели, командированный къ союзному командованію, и адм. Ненюковъ. На фонѣ общей растерянности Энно, Шульгинъ и Гришинъ-Алмазовъ не опускали рукъ и энергично искали выхода изъ положенія, при чемъ по свидѣтельству Шульгина душою ихъ кружка и работы былъ Энно. Имъ принадлежала идея «французской зоны», по ихъ же настоянію Ненюковъ согласился вручить командованіе добровольцами Гришину-Алмазову. Послѣдній путемъ суровыхъ мѣръ остановилъ начавшуюся было панику, водворилъ въ отрядѣ дисциплину, и въ ближайшіе же дни добровольцы стали занимать внѣшнюю линію зоны, въ которую понемногу начали пробиваться изъ города застрявшіе тамъ офицеры, броневики, даже артиллерійскія части.

4 декабря подошли, наконецъ, первые транспорты французской дессантной дивизіи (156-й), во главѣ съ бриг. генераломъ Боріусомъ.

---

[1]) Бывш. военный министръ Сибирскаго правительства. По увольненіи въ отставку въ концѣ октября пріѣхалъ въ Екатеринодаръ.

На требованіе французскаго командованія сдать городъ петлюровцы отвѣтили отказомъ. Ген. Гришинъ-Алмазовъ, чтобы не предоставлять французамъ чести «взятія» Одессы и не давать тѣмъ предлога для оккупаціи ея, предложилъ Боріусу для обезпеченія высадки французскихъ войскъ очистить Одессу отъ петлюровцевъ силами добровольческаго отряда. Предложеніе было принято съ большимъ удовлетвореніемъ, и 5 декабря, послѣ десятичасового боя городъ былъ занятъ добровольцами, потерявшими при этомъ до 150 человѣкъ. Петлюровскія войска, до 4 тыс., ушли изъ Одессы, но продолжали занимать ея ближайшія окрестности, окружая городъ полукольцомъ.

Гришинъ-Алмазовъ, по предложенію ген. Боріуса, занялъ постъ военнаго губернатора Одессы и сталъ править отъ имени Добровольческой Арміи, донеся немедленно мнѣ и ожидая утвержденія. Въ офиціальномъ письмѣ на мое имя, составленномъ въ нѣсколько торжественномъ тонѣ, онъ «завѣрялъ честнымъ словомъ», что «нигдѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ не будетъ проводить политики иной, кромѣ указанной въ (моихъ) директивахъ» и что «никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не измѣнитъ» Добровольческой Арміи и мнѣ...

Это неожиданное приращеніе территоріи хотя и соотвѣтствовало идеѣ объединенія южной Россіи, но осложняло еще болѣе тяжелое въ то время положеніе Добровольческой Арміи, возлагая на нее нравственную отвѣтственность за судьбы большого города, обложеннаго непріятелемъ, требующаго снабженія и продовольствія, а главное — города съ крайне напряженной политической атмосферой.

Но трехцвѣтный флагъ былъ уже поднятъ надъ Одессой, и это обстоятельство обязывало.

Я утвердилъ Гришина-Алмазова въ должности военнаго губернатора Одессы и прилежащаго раіона и приказалъ произвести тамъ призывъ офицеровъ и двухъ возрастныхъ классовъ, «руководствуясь условіями мѣстной обстановки».

* * *

И въ составъ Директоріи, и въ составъ украинскаго правительства вошли только украинскіе соціалисты [1]). Винниченко и предсѣдатель правительства Чеховскій были выразителями крайняго—большевицкаго теченія, въ руслѣ котораго и протекала декретивная и законодательная дѣятельность власти, вызывавшая недоумѣніе своей исключительной безграмотностью.

Національзація земли — по декрету, требовавшему немедленной ликвидаціи помѣщичьяго землевладѣнія, осложнялась дополнительнымъ приказомъ Директоріи, обѣщавшимъ по окончаніи войны надѣлы и денежное пособіе лицамъ, принимающимъ активное участіе въ борьбѣ въ рядахъ арміи. Только послѣ удовлетворенія этой потребности, остальная земля должна была перейти въ общій національный фондъ. Въ этихъ видахъ «казакамъ» (солдатамъ) полковое начальство выдавало особыя «посвідчення» на право пользованія надѣломъ. Послѣ опыта Центральной Рады «національный подъемъ», какъ возбудитель къ борьбѣ, былъ оставленъ за полной непригодностью. «Земля» и «капиталы буржуевъ» были тѣмъ новымъ стимуломъ, которымъ народъ привлекался въ армію. Но деревня рѣшала вопросъ самостоятельно, безъ власти, а власть не рѣшалась покончить съ буржуазіей. Въ своихъ демагогическихъ декретахъ Директорія обру-

[1]) Партіи укр. с.-р. и с.-д. и соціалъ-самостійники. Партія буржуазная соціалъ-федералистовъ въ началѣ не была допущена къ власти.

шивалась неизмѣнно съ угрозами на буржуазію, устранила ее отъ управленія, широко практиковала аресты, систему заложниковъ и конфискаціи, накладывала руку на сейфы, золото, драгоцѣнности, вырабатывала нормы обложенія контрибуціей, вводила даже суррогатъ чрезвычайки, въ видѣ «Верховной слѣдственной комиссіи», подъ началомъ отличавшагося своей жестокостью Ковенко. Приступлено было къ разработкѣ законовъ о принятіи безработныхъ на иждивеніе казны, о вселеніи рабочихъ въ буржуазныя квартиры, о національзаціи сахарныхъ заводовъ и т. д., и т. д. Словомъ, Директорія повторяла почти всю большевицкую программу, остановившись только передъ прямымъ терроромъ, который не декретировался свыше, но возникалъ стихійно въ практикѣ разнузданныхъ войскъ и народныхъ низовъ, направляясь по преимуществу противъ «пановъ и жидовъ». Еврейскіе погромы въ краткій періодъ Директоріи были наиболѣе кровавы и жестоки.

Другое отличіе отъ совѣтскаго большевизма заключалось въ соціальной базѣ «украинскаго» движенія. На конгрессѣ украинск. соц.-дем. Винниченко заявилъ, что если въ совѣтской Россіи — диктатура рабочихъ, то на Украинѣ должна быть установлена диктатура крестьянства, которое необходимо «пролетаризировать», превратить «изъ мелко-буржуазнаго въ трудовое». Это-де вызывается не только соотношеніемъ силъ, но и настроеніемъ галиційскихъ сѣчевиковъ Коновальца — единственно надежнаго войска, которое не помирится съ рабочей диктатурой.

Коновалецъ былъ дѣйствительно хозяиномъ положенія въ Кіевѣ, и засиліе галичанъ въ арміи и правительствѣ создавало картину настоящей оккупаціи ими Украины. Галиційскіе сѣчевики были достаточно дисциплинированы и обучены. Слушались своихъ начальниковъ, не взирая на крайне разношерстный ихъ составъ: тамъ были, кромѣ русскихъ галичанъ, румыны, венгры, нѣмцы — разноязычный конгломератъ бывшей австрійской арміи. Дрались сѣчевики исправно и съ презрѣніемъ относились къ разнузданнымъ толпамъ «надднѣпрянцевъ». Но своимъ неистовымъ украинствомъ, грубостью, реквизиціями и грабежами они вызывали крайнее озлобленіе не только въ великорусскомъ, но и въ малорусскомъ населеніи, которое обзывало сѣчевиковъ «нѣмцами».

Украинизація, начавшаяся съ вывѣсокъ, въ формахъ исключительно грубыхъ и пошлыхъ захватывала школу, церковь, печать и вызывала новую чистку служилаго элемента во всѣхъ сохранившихся еще государственныхъ учрежденіяхъ. Борьба съ украинствомъ была объявлена приказомъ Петлюры государственнымъ преступленіемъ, подлежащимъ вѣдѣнію полевыхъ судовъ, при чемъ подъ понятіе его подводилась всякая критика дѣйствій Директоріи и поставленной ею власти. Приказъ грозилъ отвѣтственностью «по законамъ военнаго времени» и поручалъ наблюденіе за исполненіемъ его «всѣмъ чиновникамъ республики», вмѣняя имъ въ обязанность «направлять виновныхъ въ ближайшія войсковыя части или къ коменданту». Точно также «по законамъ военнаго времени» Директорія обѣщала карать «всякую агитацію и пропаганду лозунговъ бывшаго гетмана о федераціи» (съ Россіей).

При всемъ этомъ члены Директоріи именовали себя представителями демократіи, а введенный ими государственный строй — демократической республикой.

Національный большевизмъ Директоріи ни въ городѣ, ни въ деревнѣ не нашелъ для себя почвы, но въ значительной мѣрѣ способствовалъ все болѣе охватывавшему край большевизму совѣтскому. Имъ окончательно прониклись укр. соц.-рев. и профессіональные союзы, центр. бюро которыхъ принимало живѣйшее участіе въ образованіи кіевскаго совѣта рабочихъ депутатовъ; къ нему склонялась и болѣе умѣренная до того времени партія укр. соц.-дем. И въ то время,

когда Петлюра велъ борьбу, хотя и безрезультатную, съ большевизмомъ въ арміи, Винниченко и Чеховскій потворствовали большевицкому движенію въ краѣ, совершенно открыто направляемому кіевскимъ совѣтомъ раб. деп. подъ лозунгомъ: «Долой кулацко-офицерскую диктатуру! Долой кулацкій конгрессъ! Да здравствуетъ власть совѣтовъ на Украинѣ».

На почвѣ этой въ нѣдрахъ Директоріи и правительства начался расколъ, раздѣлившій украинскихъ дѣятелей на два враждебныхъ лагеря: одинъ — во главѣ съ фанатикомъ по опредѣленію однихъ и совершенно безпринципнымъ человѣкомъ по словамъ другихъ — Винниченко и другой умѣренный, допускавшій сотрудничество съ буржуазіей — Петлюры.

Обманутые въ своихъ ожиданіяхъ немедленныхъ благъ — земли по «посвідченнямъ» и вольнаго грабежа, войска Директоріи разошлись по домамъ, унося съ собою ружья и пулеметы, иногда увозя даже орудія. Частью были они разоружены командованіемъ, частью перешли въ полномъ составѣ къ большевикамъ. Военный министръ Грековъ повѣдалъ впослѣдствіи Трудовому Конгрессу [1]) о тяжеломъ положеніи на фронтахъ: «мы одѣваемъ людей, даемъ имъ деньги, а воевать они не хотятъ, покидаютъ фронтъ. Только січевые стрѣльцы (галичане), какъ каменная стѣна, стоятъ на фронтѣ, но этихъ силъ мало, ихъ хватитъ ненадолго...» «Генералиссимусъ» Петлюра добавилъ, что главнѣйшая причина такого состоянія арміи — «несоотвѣтствующій составъ офицерства, которое только и думаетъ о повышеніи и объ увеличеніи жалованья. Часто покидаютъ фронтъ не казаки, а такіе офицеры...»

Трудно было ожидать иного отъ арміи, гдѣ люди, проникнутые украинскимъ націонализмомъ, считались единицами, а прочіе были просто вольными или невольными наемниками. Всѣ эти непомнящіе родства «Иваніви и Пётріви» балакали съ грѣхомъ пополамъ на мовѣ, боялись своихъ «казаковъ» и ждали только подходящаго случая, чтобы бросить свой курень и «Вільну Украину».

Между тѣмъ опасность грозила со всѣхъ сторонъ.

Къ серединѣ декабря съ сѣвера и востока, съ фронта Лунинецъ — Курскъ — Купянскъ началось наступленіе большевиковъ на Кіевъ. На западѣ, въ Галиціи шли жестокіе бои галиційской арміи (до 40 тыс.) съ поляками, которые лѣвымъ своимъ крыломъ двигались въ Владиміро - Волынскомъ направленіи. На югѣ и юго-востокѣ стояли войска французовъ, Добровольческой Арміи и Дона, которыхъ петлюровскій ген. штабъ считалъ также въ числѣ противниковъ Украины и намѣренія которыхъ были для него не ясны... Противъ главнаго противника — большевиковъ, въ Черниговскій и Харьковскій районы высланы были почти всѣ наличныя силы — около 14 тыс. галиц. січевиковъ и 10—12 тыс. укр. гайдамаковъ. Прочія совершенно деморализованныя украинскія части неопредѣленной, никому неизвѣстной численности, подкрѣпленныя 5—6 тыс. січевиковъ, разбросанныхъ малыми командами по 50—100 чел., составляли гарнизоны городовъ, жел.-дор. узловъ и прикрывали Волынь и югъ.

* * *

Въ первые же дни правленія Директоріи были официально объявлены основныя положенія ея внѣшней политики: 1) дружественный нейтралитетъ въ отношеніи германскихъ войскъ; 2) дружба и согласіе съ совѣтской Россіей и 3) недопущеніе оккупаціи Украины союзниками. Вмѣстѣ съ тѣмъ во всѣ страны Евро-

[1]) См. ниже.

пы посланы были огромныя миссіи, въ общемъ около 200 человѣкъ, для пропаганды идеи самостійной Украины, въ поискахъ признанія и помощи. За недостаткомъ людей образованныхъ среди правительственныхъ партій, въ составъ этихъ миссій зачислялись въ большомъ количествѣ соц.-федералисты — представители буржуазіи подъ болѣе благозвучнымъ именемъ «трудовой интеллигенціи». Эти делегаціи, снабженныя большими средствами и неукротимой фантазіей, долгое время мистифицировали Европу въ отношеніи стремительности «національнаго» движенія, прочности правительства и силы «пятисотъ тысячной украинской арміи».

Ни одно изъ принятыхъ Директоріей положеній не могло быть осуществлено.

Ненависть къ нѣмцамъ была именно однимъ изъ стимуловъ, которые двигали возставшій народъ. Никакія правительственныя распоряженія не могли повліять на народныя настроенія. Германскіе эшелоны подвергались нападеніямъ и ограбленію, небольшія части избивались, связь корпусовъ съ Кіевомъ и Кіева съ Германіей была прервана. Особенно тяжелымъ было положеніе германскихъ войскъ отдаленнаго Харьковскаго раіона, для котораго всѣ пути были отрѣзаны. Въ виду этого представители сов. солд. депутатовъ и штаба 1-го нѣм. корпуса были вынуждены войти въ соглашеніе съ совѣтской властью объ эвакуаціи черезъ совѣтскую Россію — цѣною передачи большевикамъ оружія и артиллеріи и прекращенія охраны нейтральной зоны.

Пути къ Кіеву большевицкой «Повстанческой украинской арміи» были, такимъ образомъ, открыты.

Еще до начала возстанія Винниченко вступилъ въ соглашеніе съ совѣтомъ комиссаровъ при посредствѣ кіевской совѣтской миссіи Раковскаго на слѣдующихъ основаніяхъ: признаніе самостійности Украины, легализація коммунистической партіи на Украинѣ, но безъ права призыва къ захвату власти, заключеніе союза противъ Согласія[1]). Со стороны Совѣтовъ это былъ только политическій ходъ, и съ первыхъ дней Директоріи вся московская печать съ нескрываемымъ презрѣніемъ относилась къ «мелко-буржуазному теченію», которое должно уступить мѣсто «диктатурѣ рабочаго класса и бѣднѣйшаго крестьянства».

Винниченко, не видя принципіальныхъ расхожденій съ совѣтской властью, шелъ на какія угодно уступки, лишь бы сохранить самостійность Украины и власть Директоріи. «Единственный союзникъ Украины—говорилъ онъ открыто—совѣтская Россія. Необходимо создать свой большевизмъ; только въ этомъ случаѣ мы останемся у власти — въ наши дѣла большевики вмѣшиваться не будутъ». Но Москва не хотѣла ни самостійности, ни Директоріи. Поэтому, когда было обезпечено невмѣшательство нѣмцевъ и выяснена полная инертность французскихъ войскъ на югѣ, совѣтъ комиссаровъ рѣшилъ покончить съ фикціей украинской власти. 14 декабря въ гор. Екатеринославѣ мѣстнымъ революціоннымъ комитетомъ поднято было возстаніе, увѣнчавшееся захватомъ города. Одновременно 1-я повстанческая дивизія двинулась на Черниговъ и 2-я на Харьковъ. Послѣ краткаго боя съ отрядами Болбачана совѣтскія войска 21 декабря вступили въ Харьковъ, а вслѣдъ за ними туда прибыло и «рабоче-крестьянское правительство Украины», во главѣ съ Пятаковымъ[2]).

По поводу развернувшихся событій, между двумя потентатами по прямому проводу Москва — Кіевъ произошелъ откровенный разговоръ[3]):

---

[1]) Изъ рѣчи Винниченко на Трудовомъ Конгрессѣ 12 января 1919 г.

[2]) Пятаковъ возглавлялъ временно; предсѣдателемъ правительства былъ назначенъ Раковскій.

[3]) У аппарата были съ одной стороны члены Директоріи, съ другой — Раковскій, Чичеринъ, Мануильскій.

Директорія: «Извѣстно ли совѣтской республикѣ, что войска ея переходятъ демаркаціонную линію и ведутъ наступленіе на трудовую Украинскую республику, и какіе шаги думаетъ предпринять Совѣтская республика, чтобы устранить это?»

Раковскій: «Здѣсь у аппарата находится народный комиссаръ Чичеринъ и ему о такихъ фактахъ ничего не извѣстно».

Директорія: «На Харьковскомъ фронтѣ войска подъ начальствомъ Коцюбинскаго и Пятакова переходятъ демаркаціонную линію и ведутъ наступленіе на Украинскую народную республику».

Раковскій: «Войска подъ начальствомъ Коцюбинскаго и Пятакова не являются войсками совѣтской республики. Это войска большевиковъ Украины. Совѣтская республика во внутреннія дѣла Украины не вмѣшивается. Помощь ея самая минимальная. Она можетъ только отчасти обслуживать технически эти войска, не больше, но съ другой стороны препятствовать этому наступленію не собирается».

Директорія: «Мы заявили по этому поводу протестъ. Украинская политика народной директоріи такова, что она равняется по общему демократическому фронту и идетъ въ ногу съ трудовыми элементами Украины, для каковой цѣли созывается Трудовой конгрессъ».

Раковскій: «Трудовой конгрессъ является ни больше, ни меньше, какъ комедіей. Дано 9 дней для производства выборовъ и агитаціи по этимъ выборамъ. При отсутствіи организаціи у трудовыхъ элементовъ, при наличіи осаднаго положенія и аннулированія всѣхъ свободъ (!) — этотъ конгрессъ будетъ не авторитетенъ и признаніемъ Совѣтской республики пользоваться не будетъ. Со своей стороны намъ извѣстны факты, что украинская народная власть препятствуетъ развитію большевицкаго движенія на Украинѣ. Факты таковы, что.... (перечисленъ цѣлый рядъ пунктовъ, гдѣ возникло большевицкое движеніе, которое было задушено). Если въ дальнѣйшемъ такой уклонъ политики Украинской народной республики будетъ продолжаться, то Совѣтская республика оставляетъ за собою свободу дѣйствій».

Въ результатѣ, въ концѣ декабря состоялось объявленіе Украиной войны совѣтской Россіи — обстоятельство, не вызвавшее никакихъ измѣненій на фронтѣ и знаменовавшее лишь внутренній кризисъ: побѣду военной партіи Петлюры—Коновальца—Грекова надъ Винниченко—Чеховскимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, окончательный поворотъ въ сторону Согласія.

«Трудовой Конгрессъ» открылся въ составѣ около 350 делегатовъ, въ томъ числѣ 50 галичанъ. «Крестьянъ, рабочихъ и трудовой интеллигенціи»[1]). Выборы протекали въ условіяхъ анархіи, желѣзнодорожной разрухи и административнаго произвола, при полномъ абсентеизмѣ деревни и бойкотѣ рабочихъ организацій; составъ — преимущественно соціалистическій, при чемъ до 40% членовъ принадлежало къ «селянскимъ спілкамъ» — полуправительственнымъ учрежденіямъ, близкимъ къ украинскимъ соц.-рев.

На торжественномъ засѣданіи 10 января единогласно былъ одобренъ и оглашенъ актъ о возсоединеніи Галиціи съ Украиной. На дальнѣйшихъ засѣданіяхъ Директорія и правительство въ рѣчахъ Чеховскаго, Петлюры, Винниченко и др. нарисовали безнадежное положеніе «державы»: арміи нѣтъ, власти нѣтъ, враги кругомъ, ни съ Москвой, ни съ Антантой къ согласію не пришли. Директорія и правительство считаютъ Конгрессъ источникомъ верховной власти и готовы передать ее — кому онъ прикажетъ.

---

[1]) Первоначально въ качествѣ «трудовой интеллигенціи» допускались только такія профессіи, какъ фельдшера, школьные учителя, конторщики и т. д. Затѣмъ Директорія распространила право участія на докторовъ, профессоровъ и т. д. Численность и значеніе этой группы на конгрессѣ были ничтожны.

«Армія» Антонова-Овсѣенко заняла уже большую часть Черниговской и Полтавской губ., атаманъ Григорьевъ въ Новороссіи съ числившимися въ его подчиненіи 15 тыс. при 40 оруд. передался на сторону большевиковъ [1]), передовыя части 1-й повстанческой дивизіи, наступавшей изъ Чернигова, заняли Козелецъ, а большевицкія банды появились уже у Броваръ, верстахъ въ 20 отъ Кіева. При такой обстановкѣ революціонная демократія обсуждала судьбы края, являя картину, гнетущую своимъ однообразіемъ, повторяющуюся на всемъ протяженіи революціи. Основные мотивы всѣхъ рѣчей: 1) вся власть совѣтамъ; 2) миръ съ совѣтской Россіей (которая мириться не желаетъ); 3) «побѣдить большевиковъ можно легко, опираясь на всероссійскую и міровую демократію»; 4) національзація фабрикъ и заводовъ; 5) демократизація Директоріи, правительства и Конгресса... Кажется только одинъ Старухъ, представитель Галиційскаго блока говорилъ трезвымъ голосомъ: «въ этотъ моментъ слѣдуетъ думать только о защитѣ страны. Священный долгъ Конгресса — создать возможно скоро дисциплинированную армію. Украинцы Галиціи поклялись бороться за землю и волю, но необходимо, чтобы крестьянство Украины также приняло участіе въ борьбѣ. Довольно разговоровъ. Надо дѣйствовать. Надо бороться противъ краснаго имперіализма, надвигающагося съ сѣвера...»

Но крестьяне не видѣли очевидно никакой разницы между Винниченкой и Раковскимъ, а «земля и воля» изъ Харькова предлагалась имъ въ формахъ не менѣе обольстительныхъ, чѣмъ изъ Кіева. И они рѣшительно не шли въ армію Директоріи.

Еще въ одномъ вопросѣ Конгрессъ высказалъ полное единодушіе — въ отказѣ отъ какой бы то ни было интервенціи Согласія. Слухи о томъ, будто ген. Грековъ заключилъ въ этомъ смыслѣ договоръ съ французскимъ командованіемъ [2]), вызвали возбужденіе на Конгрессѣ, и Грекову пришлось опровергать эту «провокацію»: «Это невѣрно — говорилъ онъ — я не могъ заключить договора, такъ какъ Согласіе не признало Директоріи, считая, что она находится въ тайной связи съ нѣмецкими спартаковцами и русскими большевиками. Французское командованіе съ большой охотой слушаетъ меня, когда я заявляю, что мы рѣшили собственными руками отвоевать свою свободу и что мы не нуждаемся въ иностранныхъ силахъ, но отказываетъ, когда я прошу военный матеріалъ, боясь, чтобы онъ не былъ употребленъ противъ Согласія...»

По тѣмъ рѣчамъ, которыя раздавались на Конгрессѣ, можно было думать, что собраніе свергнетъ Директорію и возьметъ власть въ свои руки. Но этого не случилось. 14 января, въ связи съ безнадежнымъ положеніемъ, нарисованнымъ властью, слухами о приближеніи большевиковъ къ Кіеву и появленіемъ на улицахъ города ушедшихъ съ позицій частей, произошла сильнѣйшая паника. Началась хаотическая эвакуація всѣхъ правительственныхъ и военныхъ учрежденій. Разбѣгались министры и чиновники. Настроеніе стало окончательно подавленнымъ, и офиціальная газета Директоріи «Украинская Ставка» писала: «послѣ того, что намъ пришлось видѣть вчера въ украинскихъ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, намъ стыдно смотрѣть людямъ въ глаза. Тамъ такая бездна страха, такая дикость перепуганнаго звѣря, такое отсутствіе образа человѣческаго, что отъ стыда можно съ ума сойти...» Подъ вліяніемъ такого настроенія Конгрессъ, принявъ большинствомъ голосовъ «селянскихъ спілокъ»

---

[1]) Фактически у него было едва ли болѣе 4—5 тыс.

[2]) Большевики въ своихъ прокламаціяхъ перечисляли и «15 пунктовъ» состоявшагося, якобы, договора — отголосокъ условій, поставленныхъ фактически французами въ порядкѣ частныхъ переговоровъ.

резолюцію о довѣріи къ Директоріи, неожиданно закрылся, и члены его спѣшно разъѣхались. Изъ своего состава Конгрессъ оставилъ въ комиссіи 41 члена «съ законодательными и контрольными функціями» для опеки надъ верховной властью и постановилъ образовать «трудовыя рады изъ рабочихъ и крестьянъ» для контроля надъ мѣстной властью (правительственными комиссарами).

Директорія отдала Кіевъ безъ боя и переѣхала въ Винницу, отправивъ правительственныя учрежденія частью въ Каменецъ-Подольскъ, частью въ Галицію. А 23 января передовыя части 1-й сов. дивизіи «повстанцевъ» входили въ городъ съ большой осторожностью и... недоумѣніемъ, такъ какъ ни близко, ни далеко никакихъ серьезныхъ силъ у большевиковъ не было.

* * *

Всѣ эти событія послужили основаніемъ для непримиримаго отношенія командованія Добровольческой Арміи къ Директоріи — отношенія, вызывавшаго не разъ суровое осужденіе въ центробѣжныхъ кругахъ, особенно на Кубани.

ГЛАВА II.

Первые шаги Добровольческой власти въ Одессѣ. Дѣятельность тамъ русскихъ политическихъ организацій.

Ближайшія двѣ-три недѣли послѣ занятія Одессы налаживалась еще только связь ея съ Екатеринодаромъ, и ген. Гришинъ-Алмазовъ правилъ почти независимо отъ Ос. Совѣщанія, находясь подъ вліяніемъ Шульгина. Для гражданскаго управленія онъ создалъ «правительственный аппаратъ» во главѣ съ Пильцемъ (онъ же управл. вн. дѣлъ), въ составѣ восьми отдѣловъ, въ томъ числѣ юстиціи, путей сообщ., (одна жел.-дор. станція), финансовъ и т. д. Подъ предлогомъ затруднительности сношеній съ Екатеринодаромъ, что было отчасти справедливо, одесская власть стремилась упрочить maximum своей самостоятельности, въ то время какъ Екатеринодаръ проводилъ идею вѣдомственнаго подчиненія органамъ Ос. Сов. На этой почвѣ начались недоразумѣнія. Несогласованность плановъ продовольственнаго, топливнаго, товарообмѣна, морскихъ перевозокъ и т. д. особенно тяжело отражалась на положеніи осажденнаго города, жившаго исключительно подвозомъ. Въ этомъ дѣлѣ въ равной мѣрѣ были виноваты одесскій сепаратизмъ, екатеринодарскій централизмъ и личныя эгоистическія устремленія многихъ торгово-промышленниковъ, пароходовладѣльцевъ и стоявшаго за ними финансоваго міра. Но больше всего, конечно, — блокада петлюровцами города.

Къ случайно зародившейся власти отнеслись вообще съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ, и не только въ Одессѣ, но и въ Екатеринодарѣ. Гришина-Алмазова не зналъ у насъ никто. Смущали нѣкоторыя неудачныя назначенія его сотрудниковъ; вызывали возраженіе самостоятельное распоряженіе эмиссіей одесской экспедиціи и широкія ассигнованія государственныхъ средствъ; большіе штаты и крупные по екатеринодарскимъ масштабамъ оклады; назначеніе «мѣсячнаго пособія» всѣмъ состоящимъ на государственной и общественной службѣ и рабочимъ — пріемъ не могущій быть примѣненнымъ на всей территоріи Добр. Арміи и отзывавшійся демагогіей; выдача крупныхъ по тому времени суммъ на

агитаціонную работу Совѣта Гос. Об. — организаціи не доброжелательной по отношенію къ Добр. Арміи и т. д. Къ тому же одесскіе освѣдомители указывали постоянно на непопулярность, якобы, Гришина-Алмазова и связывали между прочимъ его дѣятельность, какъ оказалось потомъ совершенно неосновательно, съ работой Сов. Гос. Об., вѣроятно, благодаря активному участію въ этой организаціи и покровительству ей предсѣдателя одесскаго «правительства» Пильца.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ я послалъ Гришину-Алмазову телеграмму, въ которой, указавъ на ненормальность служебныхъ взаимоотношеній его и «правительственнаго аппарата» съ Екатеринодаромъ, потребовалъ [1]):

«1. Вашъ правительственный аппаратъ немедленно расформировать.
2. Для управленія городомъ Одессой и прилегающимъ раіономъ пользоваться нормальными органами одесскаго градоначальства.
3. Немедленно прекратить крупныя ассигнованія изъ казны безъ моей санкціи.
4. Упразднить должности завѣдующихъ отдѣлами и установить немедленно подчиненіе мѣстныхъ органовъ суда и управленій Особому Совѣщанію по соотвѣтствующимъ отдѣламъ.
5. Считаю желательнымъ для обсужденія принципіальныхъ дѣлъ гражданскаго вѣдомства приглашать представителей одесскаго городского и херсонскаго земскаго самоуправленій» [2]).

Я полагалъ возможнымъ вернуть Одессу въ положеніе градоначальства, съ тѣмъ, чтобы послѣ расширенія раіона учредить тамъ областное управленіе съ болѣе широкимъ кругомъ компетенціи и власти.

Моя телеграмма вызвала большое волненіе въ правящихъ и политическихъ кругахъ Одессы и цѣлый рядъ откликовъ. Энно, свидѣтельствуя о полной лойяльности Гришина-Алмазова и его «правительства», просилъ объ отмѣнѣ распоряженія, которое «вызоветъ безпорядки въ Одессѣ и парализуетъ французское командованіе въ его сношеніяхъ съ гражданской и военной властью...» Шульгинъ въ телеграммѣ ген. Драгомирову счелъ принятыя мѣры актомъ недовѣрія къ нему лично, какъ главному иниціатору созданной схемы управленія. Говорили по аппарату съ ген. Драгомировымъ Гришинъ-Алмазовъ и Пильцъ. Всѣ они указывали на крайне плохую связь съ Екатеринодаромъ, необходимость поэтому большей самостоятельности мѣстной власти и недопустимость чрезмѣрной централизаціи. Говорилъ также инженеръ Демченко [3]) «отъ имени своихъ политическихъ единомышленниковъ — Сов. Гос. Об., Нац. центра (?) и финансово-промышленныхъ организацій». Осуждая, главнымъ образомъ, стремленіе Екатеринодара руководить экономическими и финансовыми вопросами, касающимися Одессы, онъ между прочимъ сообщалъ [4]):

> «Этими днями вернулись изъ Бухареста князь Куракинъ и Маргуліесъ, которые вели тамъ переговоры съ гр. Сентъ-Олеромъ и ген. д'Анзельмъ. Послѣдній ближайше долженъ быть въ Одессѣ. Французы заявили — считаютъ необходимымъ, чтобы *при командующемъ всѣми французскими войсками, штабъ котораго будетъ въ Одессѣ, былъ или совѣтъ изъ представителей различныхъ политическихъ теченій, или образовано спеціальное Южно-русское прави-*

---

[1]) Телеграмма отъ 27 декабря, № 1425.

[2]) Указанное въ § 5 было сдѣлано по ходатайству одесскихъ демократическихъ организацій, переданному мнѣ по телеграфу посѣтившимъ Одессу ген. Лукомскимъ.

[3]) Демченко пользовался плохой репутаціей въ отношеніи своей финансовой дѣятельности; игралъ большую роль за кулисами одесскаго «правительственнаго аппарата».

[4]) Разговоръ съ членомъ Ос. Сов. Шуберскимъ 29 декабря.

тельство для контактной работы, гдѣ будетъ распространяться французское вліяніе. Въ виду этого, послѣ пріѣзда ихъ изъ Бухареста, въ связи съ тѣми приказаніями, которыя они привезли отъ военнаго и дипломатическаго вѣдомства, послѣдніе дни у насъ было соединенное совѣщаніе представителей умѣренныхъ и лѣвыхъ группъ, т. е. Сов. Гос. Об., Нац. центра и Союза Возр. Россіи, которые пришли къ единогласному рѣшенію о необходимости созданія немедленно правительства, которое охватитъ весь югъ Россіи, гдѣ раньше была власть гетмана; при этомъ правительство, которое есть въ Добр. Арміи, должно считаться обще-россійской властью. Въ этомъ новомъ правительствѣ министръ иностранныхъ дѣлъ и военный должны назначаться генераломъ Деникинымъ, а остальные министры намѣчаются соглашеніемъ между Сов. Гос. Об., и Нац. центр. съ одной стороны и Союзомъ Возр. и Земск. Городск. Союзомъ — съ другой стороны».

Образованіе новаго правительства считалось въ Екатеринодарѣ нарушающимъ идею объединенія русскихъ областей. Поэтому генералъ Драгомировъ сообщилъ Гришину-Алмазову, что «никакихъ претензій у Ос. Сов. быть Всероссійской властью никогда не было, нѣтъ и теперь». Что главнокомандующій, возглавивъ вооруж. силы Юга Россіи, считаетъ необходимымъ на Югѣ единство военной и гражданской власти и не допускаетъ образованія въ Одессѣ особаго «правительства». Ген. Гришинъ-Алмазовъ въ свою очередь завѣрилъ, что идея эта возникла безъ всякаго его участія и даже безъ его вѣдома и что онъ лично не допуститъ никакихъ перемѣнъ.

Между тѣмъ, Сов. Гос. Об. счелъ, очевидно, откровенность Демченки преждевременной. Телеграммой отъ 30 декабря предсѣдатель Совѣта, бар. Меллеръ-Закомельскій удостовѣрялъ, что «сообщенныя Демченкой свѣдѣнія касаются лишь предварительной теоретической разработки вопроса о временной организаціи власти на юго-западѣ, при чемъ всѣ соображенія по этому поводу рѣшено было представить ген. Деникину на одообреніе черезъ делегацію отъ Совѣта...» Однимъ изъ главныхъ основаній необходимости созданія правительственной власти на мѣстѣ являлась по его словамъ увѣренность, что «въ условіяхъ оккупаціи, полной неожиданностей и препятствій, отсутствіе на мѣстѣ полномочнаго аппарата власти привело бы неминуемо къ фактическому переходу ея въ руки команднаго состава дессантнаго отряда...»

И въ телеграммѣ Демченки, и въ завѣреніяхъ бар. Меллера-Закомельскаго оказалось много неточностей. Четыре организаціи по вопросу построенія власти не только не пришли «къ единогласному рѣшенію», но, какъ увидимъ ниже, расходились въ немъ кореннымъ образомъ; идея созданія новой власти «при командующемъ французскими войсками» принадлежала не французамъ, а исходила изъ нѣдръ Сов. Гос. Об.; вопросъ вышелъ далеко изъ рамокъ «теоретической разработки», такъ какъ 14 декабря Совѣтомъ Гос. Об. были посланы въ Бухарестъ М. Маргуліесъ и кн. Куракинъ съ цѣлью воздѣйствовать на французскихъ представителей и въ частности на штабъ ген. д'Анзельма, собиравшійся переѣхать въ Одессу, и предложить имъ изложенную выше схему власти, съ кандидатами въ правительство изъ состава Совѣта Гос. Об.. Маргуліесъ съ кн. Куракинымъ заявили французамъ «о желательности образованія Юго-западнаго правительства хотя бы сперва въ формѣ совѣта при французскомъ командованіи». На этой формѣ они остановились, какъ на «наиболѣе пріемлемой для французовъ...»[1]). Эту идею поддерживали и послы Совѣта, командированные въ Парижъ, Бухарестъ и Константинополь (Шебеко, кн. Урусовъ и Моловъ). По край-

[1]) Маргуліесъ. «Годъ Интервенціи».

ней мѣрѣ такіе взгляды высказывали они по возвращеніи въ Одессу на общественныхъ собраніяхъ.

После всѣхъ переговоровъ и доклада ген. Лукомскаго, вернувшагося изъ Одессы, я послалъ военному губ. въ измѣненіе телеграммы № 1425 новое распоряженіе:

«1. Сохранить нынѣ дѣйствующее при Васъ Совѣщаніе исключительно въ качествѣ совѣщательнаго органа безъ правительственныхъ функцій, каковыя принадлежатъ лишь Вамъ въ предѣлахъ полномочій, коими Вы облечены.

2. Для неотложныхъ расходовъ испросите необходимый Вамъ авансъ, въ предѣлахъ котораго разрѣшаю производить финансовыя операціи на надобности, по которымъ своевременно не можетъ быть получено разрѣшенія финансоваго отд. Ос. Сов.

3. Общее управленіе финансами, торговлей и промышленностью, транспортомъ сухопутнымъ и морскимъ, а также учрежденіями суда должно регулироваться директивами соотвѣтствующихъ Управляющихъ Отдѣловъ Ос. Сов., при мнѣ находящагося, коимъ присвоены министерскія права. Въ случаяхъ неотложной необходимости принимайте чрезвычайныя мѣры, донося немедленно мнѣ. Всѣ остальныя указанія тел. № 1425, не отмѣненныя настоящей телеграммой, остаются въ силѣ.

№ 1. Екатеринодаръ. 1 января».

Эта «конституція» существовала до самаго переворота, устроеннаго французами, видоизмѣненная нѣсколько въ концѣ января съ назначеніемъ ген. Санникова «главнокомандующимъ и командующимъ войсками Юго-западнаго края», съ предоставленіемъ ему большихъ полномочій [1]). Его же усмотрѣнію былъ предоставленъ вопросъ о существованіи и дѣятельности «совѣщанія» при военномъ губернаторѣ Одессы. Ген. Гришинъ-Алмазовъ былъ оставленъ въ своей должности.

Гражданское управленіе Одессы съ большимъ трудомъ начало было налаживаться. По мѣрѣ выясненія обстановки создавалось большее взаимное пониманіе, и централизмъ Екатеринодара принималъ болѣе умѣренныя формы. Многіе главы вѣдомствъ (военн., морск., финанс., торг.-пром.) побывали въ Одессѣ, чтобы войти въ личное общеніе съ мѣстной властью и устранить возникшія тренія. Сотрудничество военн. губ. съ городскимъ головой Брайкевичемъ и предс. земск. упр. Бутенко — по свидѣтельству Брайкевича протекавшее въ большомъ согласіи — приближало власть къ мѣстной жизни и нуждамъ. Эти взаимоотношенія выдержали благополучно и нѣкоторое испытаніе: въ началѣ января въ Одессу была послана телеграмма о роспускѣ думы, которой истекъ срокъ 1 января, и о веденіи городского хозяйства управой впредь до созыва новой думы по вырабатываемому въ Ос. Сов. закону [2]). Это общее распоряженіе, касавшееся всей территоріи Добр. Арміи, проходило вездѣ безболѣзненно, такъ какъ Добровольческая власть въ освобождаемыхъ отъ большевиковъ раіонахъ въ области городского и земск. самоуправленія находила пустое мѣсто и только не возстанавливала думъ и собраній; въ Одессѣ же дума существовала и поэтому тамъ роспускъ вызвалъ нѣкоторое волненіе и борьбу. Я оставилъ въ

---

[1]) Ген. Санниковъ былъ во время міровой войны начальникомъ снабженій Румынскаго фронта, а въ первый періодъ австрійской оккупаціи — городскимъ головой города Одессы.

[2]) Ясское совѣщаніе также отрицательно относилось къ «думамъ Вр. пр-ства», считая необходимымъ «ввести всеобщее избирательное право въ разумные предѣлы» путемъ повышенія цензовъ — возрастного и осѣдлости.

покоѣ одесскую думу. И долженъ признать, что отъ насквозь соціалистическаго состава ея и вообще отъ м ѣ с т н ы х ъ бытовыхъ и классовыхъ организацій Добровольческая власть не испытывала и десятой доли тѣхъ затрудненій, какъ отъ нѣкоторыхъ п р и ш л ы х ъ элементовъ — русскихъ и иноземныхъ.

* * *

Кромѣ обвиненій въ централизаціи, Добровольческую власть упрекали въ томъ, что она «не идетъ навстрѣчу организованной общественности». Между тѣмъ въ Одессѣ не оказалось ни сколько-нибудь объединенной общественности, ни «общественнаго мнѣнія». Въ этомъ политическомъ Вавилонѣ, какъ въ фокусѣ, отразился разбродъ россійской интеллигенціи — весьма показательный и по своему значенію выходящій далеко за предѣлы мѣстной жизни. Здѣсь слагались окончательно тѣ взаимоотношенія, которыя легли въ основу всей дальнѣйшей междуусобной политической борьбы, раздиравшей противобольшевицкій фронтъ.

С о в ѣ т ъ Г о с у д а р с т в е н н а г о О б ъ е д и н е н і я велъ наиболѣе интенсивную работу, сумѣвъ придать себѣ значительный вѣсъ въ глазахъ представителей французскаго командованія. Его послы побывали въ Константинополѣ, Бухарестѣ, Парижѣ, Екатеринодарѣ — всюду, гдѣ только слагались центры вліянія на событія Юга. Пополненный «кооптаціей» вновь пріѣхавшихъ лицъ, довольно однородный по своему соціальному составу, Совѣтъ въ политическомъ отношеніи представлялъ болѣе пеструю картину: уходя своими корнями вглубь нѣмцефильскихъ круговъ, прогетманскихъ организацій, Протофиса и «хлѣборобныхъ» союзовъ, онъ былъ связанъ вмѣстѣ съ тѣмъ персональнымъ совмѣстительствомъ съ Нац. центр., а членъ бюро Совѣта, «политическій маклеръ» Маргуліесъ протягивалъ тонкія, рвущіяся нити между Совѣтомъ и демократическими организаціями.

Совѣтъ не углублялъ и не раскрывалъ свою идеологію, а ставилъ исключительно вопросъ о власти. Попытки его подчинить своему вліянію Екатеринодаръ не увѣнчались успѣхомъ. Одесса представляла болѣе благодарную арену для подобныхъ экспериментовъ, но бюро Совѣта въ тѣ дни, когда рѣшался впервые вопросъ объ одесской власти, укрылось въ Крымъ, и событія потекли мимо него: появился «узурпаторъ» Гришинъ-Алмазовъ и за нимъ политическое руководство Шульгинской группы... Поэтому, съ первыхъ же недѣль, когда не только не было еще «мертвящей централизаціи Екатеринодара», но не установилась съ нимъ даже надлежащая связь, Сов. Гос. Об. повелъ борьбу за власть. Не имѣя иной опоры, кромѣ французскаго командованія, Совѣтъ готовъ былъ идти и на французскую оккупацію и на «иностранные легіоны». Готовъ былъ признать диктатуру въ лицѣ ген. Деникина и ген. д'Анзельма, лишь бы за нею стояла его власть. Когда французы указали на необходимость соглашенія съ демократіей, Совѣтъ готовъ былъ пойти и на трехчленную директорію. Вопросъ о конструкціи власти не имѣлъ, повидимому, въ глазахъ Совѣта принципіальнаго значенія; опасаясь полнаго разрыва съ Добр. Арміей, Совѣтъ въ то же время готовъ былъ отказаться и отъ схемы Маргуліеса и отъ идеи директоріи, принимая въ чистѣйшемъ видѣ институтъ генералъ-губернаторства, вѣрнѣе, намѣстничества. Въ запискѣ, поданной мнѣ черезъ кн. Щербатова въ началѣ февраля, пожеланія Совѣта были высказаны въ формѣ достаточно элементарной: «представителемъ и носителемъ власти въ Одессѣ и въ оккупированномъ (?) французскими войсками раіонѣ должно быть лицо, назначенное генераломъ Деникинымъ по пред-

варительному соглашенію съ французскимъ командованіемъ...». Это лицо «должно быть облечено почти неограниченными правами», въ томъ числѣ правомъ всѣхъ назначеній и широкаго расходованія кредитовъ — главнымъ образомъ... на агитацію и пропаганду, находящуюся въ тѣснѣйшей связи съ «организаціей (Совѣта?), работающей заграницей...[1]). «Необходимо организовать самую широкую и умѣло поставленную контръ-развѣдку...» Наконецъ, начальникъ края долженъ въ своей дѣятельности «считаться съ мнѣніемъ руководящихъ общественныхъ группъ, дабы не увеличивать числа недовольныхъ, способныхъ нарушать созидательную работу и обращеніемъ своимъ къ французскому командованію затруднять и безъ того сложныя взаимоотношенія».

Если принять во вниманіе, что по мнѣнію Совѣта и инспирированнаго имъ французскаго командованія ни Гришинъ-Алмазовъ, ни Санниковъ не удовлетворяли такому назначенію, и обѣ стороны добивались всѣми доступными путями назначенія ген.-губернаторомъ Одессы Пильца, то вся работа Сов. Гос. Об. теряетъ значительно въ своемъ идейномъ обоснованіи[2]).

Дѣятельность Національнаго Центра въ Одессѣ протекала вяло. Тѣ немногіе члены гл. комитета, которые находились въ Одессѣ, являлись случайными представителями его, не снабженными ни должными полномочіями, ни информаціей. 5 января, послѣ пріѣзда М. М. Федорова приступлено было къ нѣкоторой организаціи: образовался «одесскій отдѣлъ» Центра[3]), поставившій своими ближайшими задачами «установить связь со всѣми группами общественныхъ дѣятелей въ Одессѣ... и партіями несоціалистическаго направленія... а также направлять общественную работу руководителей Добр. Арміи, удерживая ихъ отъ принятія мѣръ, противныхъ духу времени». Собраніе установило характеръ своей будущей работы, въ которой большое мѣсто отводилось «пропагандѣ за Добров. Армію». Организація дѣйствительно горячо защищала интересы Арміи, поскольку оторванность отъ Екатеринодара не препятствовала ея добрымъ намѣреніямъ.

Но и послѣ образованія отдѣла, вслѣдствіе плохой связи съ гл. комитетомъ, позиція его была не достаточно опредѣленна и удѣльный вѣсъ, поэтому, не очень великъ. Не разъ представителямъ отдѣла приходилось выступать отъ своего только имени, уклоняться отъ принятія рѣшеній или расходиться съ центромъ[4]). Въ своемъ посланіи въ Екатеринодаръ Нац. Центру отдѣлъ писалъ однажды: «отсутствіе руководящихъ указаній относительно главнѣйшихъ вопросовъ текущаго момента крайне затрудняетъ положеніе представителей отдѣла въ четырехглавомъ совѣщаніи[5]), такъ какъ всѣ другія входящія въ него организаціи имѣютъ свои вполнѣ опредѣленные проекты, и только Нац. Ц. не имѣетъ ничего опредѣленнаго и долженъ ограничиться критикой чужихъ предложеній[6]).

Параллельно съ одесскимъ отдѣломъ Н. Ц. въ Одессѣ возобновила свою дѣятельность и группа Шульгина — «внѣпартійный блокъ русскихъ избирателей въ Кіевѣ», работавшій послѣднее время въ качествѣ «Кіевскаго отдѣла Н. Ц.»; груп-

---

[1]) Бюро Совѣта настойчиво и постоянно обращалось къ Гришину-Алмазову, Санникову, Бернацкому за субсидіями на свою работу въ Одессѣ и заграницей, исчисляя потребность денежныхъ средствъ десятками милліоновъ.

[2]) Въ Сов. Гос. Об. были различные люди и различныя теченія. Я касаюсь здѣсь того теченія, которое возобладало и проводилось въ жизнь бюро Совѣта.

[3]) Подъ предсѣд. Юренева, въ составѣ Родичева, Шульгина, Волкова, Энгельгардта, Новгородцева и друг.

[4]) Напримѣръ въ вопросахъ о «Принкипо», о диктатурѣ и т. д.

[5]) См. ниже.

[6]) Информація отъ 19 января 1919 г.

па пополнилась представителями другихъ южныхъ губерній и въ концѣ января выступила подъ новымъ именемъ «Южно-русскаго Національнаго Центра», ставъ въ совершенно независимыя отношенія къ Н. Ц.[1]). Это разслоеніе явилось далеко не случайнымъ и знаменовало отпаденіе отъ Н. Ц. его праваго крыла, искусственно выросшаго въ 1918 году на почвѣ совмѣстной борьбы съ украинствомъ и германофильствомъ. И хотя Шульгинъ писалъ, что «послѣ сформированія Южно-русскаго Н. Ц. предполагается возобновить тѣсную связь съ Всеросс. Н. Ц.,—связь, которая послѣднее время какъ-то ослабѣла», но фактически взаимоотношенія ихъ никогда больше не налаживались.

Въ своихъ оріентировкахъ и перепискѣ Шульгинъ и его сотрудники постоянно осуждали централистическую политику Екатеринодара, («необходимую, какъ принципъ, но вредную, какъ систему текущаго управленія»), были недовольны Санниковымъ и добивались полноты власти для Гришина-Алмазова. Но эти внутреннія тренія не выносились наружу, и группа повсюду — въ печати, въ совѣщаніяхъ, въ сношеніяхъ съ французами поддерживала Добровольческую власть и въ частности главнокомандующаго, «какъ носителя дорогой намъ идеи и вождя единственной реальной русской силы...»

Съ такой же прямолинейностью Шульгинская группа вела борьбу съ украинствомъ, «въ какомъ бы видѣ оно ни проявлялось».

Союзъ Возрожденія Россіи въ началѣ 1919 г. переживалъ наиболѣе тяжелые дни внутренней распри. Сама основная идея его возникновенія, политики и тактики — сотрудничество съ несоціалистическими, буржуазными группами — подвергалась яростнымъ нападкамъ со стороны соціалистическихъ партій. Не говоря уже объ украинскихъ соціалистахъ, въ глазахъ которыхъ политика государственнаго единства была недопустимой, его бойкотировали и русскіе соціалисты, настойчиво требуя разрыва съ несоціалистическими организаціями и съ Добровольческой Арміей. Комитетъ соц.-дем. въ Кіевѣ вынесъ постановленіе о недопустимости вступленія въ Союзъ членовъ партіи. Такъ же отрицательно отнеслось «Южное совѣщаніе» партіи соц.-рев.: «дѣятельность Союза Возрожденія въ значительной мѣрѣ является дезорганизующей силой демократіи и способствующей безотвѣтственнымъ персональнымъ выступленіямъ политическихъ дѣятелей, особенно вреднымъ въ условіяхъ нашего времени» — говорила резолюція, предложенная центральнымъ комитетомъ, и требовала отозванія изъ Союза всѣхъ членовъ партіи соц.-рев.[2]). Что касается Добр. Арміи, то «совѣщаніе» это постановило, что оно «не можетъ призывать трудящіяся массы къ поддержкѣ Добр. Арміи въ силу неприкрытыхъ стремленій ея вождей къ соціальной и политической реставраціи». Совѣщаніе требовало «безусловнаго подчиненія Арміи демократической Южно-русской государственной власти...» безъ чего «партія соц.-рев. можетъ разсматривать Армію только какъ силу враждебную демократіи».

Эти партійныя узы тяжелымъ ярмомъ лежали на членахъ Союза Возр., лишая Союзъ свободы дѣйствій и обрекая на безплодность всѣ усилія его умѣренныхъ и государственно-мыслящихъ членовъ. Эти узы вносили въ среду Союза неискренность и колебанія. Союзъ утрачивалъ внѣпартійный характеръ своей организаціи. Мало-по-малу отъ него откалывалось правое его крыло — к. д-ты[3]), а постановленіе, принятое Союзомъ 16 марта и признававшее «невозможнымъ уча-

---

[1]) Составъ бюро: предсѣдатель В. В. Шульгинъ, замѣститель Савенко, члены — графъ Д. Гейденъ, Ефимовскій, Грушевскій (Е. Г.).

[2]) Одесса, февраль 1919 г. Резолюція собрала половинное число голосовъ.

[3]) Вышли к. д-ты Степановъ, Астровъ, Юреневъ и друг.

стіе членовъ его въ организаціяхъ Нац. Центра», (въ силу расхожденія въ вопросѣ о диктатурѣ) наносило существенный ударъ самой идеѣ блока соціалистическихъ партій съ буржуазными.

Въ концѣ ноября 1918 г. на Югѣ Россіи создалась еще одна организація «Совѣтъ земствъ и городовъ Юга Россіи», возникшая въ результатѣ Симферопольскаго съѣзда. Хотя составъ съѣзда былъ малочисленный и совершенно случайный, по преимуществу соціалистическій; хотя органы самоуправленія, возникшіе въ 1917 году подъ гнетомъ революціоннаго угара и насилія солдатчины, имѣли сомнительныя права на народное представительство, — съѣздъ высоко расцѣнивалъ свое предназначеніе: «Въ дѣлѣ созданія... временной демократической государственной власти Юга Россіи — говорилось въ его резолюціи — при отсутствіи въ данный моментъ верховныхъ органовъ народовластія и общегосударственнаго аппарата управленія, земскія и городскія самоуправленія, какъ избранныя всѣмъ народомъ на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права и единственно уцѣлѣвшіе органы правомѣрной государственной власти на мѣстахъ — имѣютъ право и обязаны являться выразителями воли избравшаго ихъ населенія».

Вдохновителями и руководителями этого съѣзда были все тѣ же лидеры Союза Возрожденія, и поэтому программы ихъ были почти тождественны, дѣятельность однородна, превращая Совѣтъ въ филіалъ Союза Возрожденія.

Съѣздъ поручилъ избранному имъ Совѣту принятіе всѣхъ необходимыхъ мѣръ къ созданію временной государственной власти и возстановленію демократическихъ органовъ самоуправленія. Въ основаніе его резолюцій были поставлены слѣдующія основныя положенія: 1) необходимость ликвидаціи совѣтской власти и борьба съ «наростающими въ странѣ реакціонными силами»; 2) единство Россіи — въ широкихъ границахъ, исключающихъ возстановленіе «централист. госуд. строя и безповоротное признаніе за каждой національностью права на полное отдѣленіе отъ Россіи; 3) проведеніе началъ народовластія; 4) образованіе южно-русскаго центральнаго правительства «путемъ сговора политическихъ и общественныхъ группъ на государственномъ совѣщаніи», въ которомъ были бы равномѣрно представлены оба крыла россійской общественности (ценз. и неценз.) — въ формѣ директоріи; 5) помощь союзниковъ, не превращающаяся, однако, въ «опасное вмѣшательство въ наше внутреннее россійское дѣло»[1]; 6) признаніе Уфимской директоріи «мощнымъ факторомъ въ дѣлѣ возрожденія Россіи», и сліяніе съ нею впослѣдствіи Юга «путемъ дружественнаго соглашенія»; 7) снятіе съ очереди «въ виду разногласій» вопроса о роли и значеніи перваго Учред. Собр.; 8) признаніе за Добр. Арміей государственныхъ заслугъ и отвѣтственной роли — «служить на Югѣ Россіи ядромъ для возсозданія россійской народной арміи» и отрицаніе, какъ государственной власти — компетенціи Особ. Совѣщанія.

Только въ одномъ вопросѣ существовало расхожденіе между обѣими организаціями: Союзъ Возр. относился совершенно отрицательно къ украинской директоріи и самостійности, считая, что «въ движеніи этомъ преобладаютъ не національно - украинскія, а соціально - большевицкія тенденціи», и предостерегалъ французское командованіе отъ сближенія съ Директоріей. Совѣтъ Земствъ и Городовъ считалъ необходимымъ «вступить въ сношенія съ политическими и общественными группами на Украинѣ въ цѣляхъ демократическаго разрѣшенія

---

[1]) Резолюція, однако, въ дальнѣйшемъ призывала союзниковъ поддержать демократію въ противовѣсъ «ничтожнаго меньшинства», борющагося противъ народовластія.

создавшагося положенія» и уполномочилъ бюро совѣта вести переговоры съ Директоріей [1]).

Въ письмѣ своемъ ко мнѣ бюро Сов. Зем. и Гор. [2]) указывало, что «Съѣздъ поставилъ себѣ цѣлью способствовать объединенію внѣ зависимости отъ партій и классовъ всѣхъ элементовъ русской общественности, готовыхъ примкнуть къ общей борьбѣ за возсоединеніе единой, независимой и демократической Россіи». Это была теорія. На практикѣ Совѣтъ, какъ и Союзъ Возр., раздѣляли партійныя перегородки и опутывали партійные догматы. Партійные комитеты зорко слѣдили за поведеніемъ своихъ сочленовъ въ земско-городскомъ объединеніи, и то же «Южное совѣщаніе партіи соц.-рев.», хотя и допускало бытіе этой организаціи, но обвиняло ее въ «оторванности отъ широкихъ массъ демократіи» и требовало отъ своей фракціи «вести работу въ тѣсной связи съ дѣятельностью партійныхъ организацій».

Совѣтъ Зем. и Гор. прожилъ 4 мѣсяца и вмѣстѣ съ паденіемъ Одессы закончилъ фактически свою дѣятельность.

Такъ или иначе генералы Санниковъ и Гришинъ-Алмазовъ оказались единовременно подъ воздѣйствіемъ и опекой пяти расходящихся во взглядахъ политическихъ организацій.

* * *

Идея «сговора общественныхъ силъ», столь популярная на всемъ протяженіи смутнаго времени и столь безнадежная въ своемъ осуществленіи, нашла отраженіе и въ дѣятельности одесскихъ политическихъ круговъ. Съ конца декабря и до начала марта состоялся рядъ совмѣстныхъ засѣданій «четырехъ организацій» [3]) для рѣшенія вопроса о созданіи временной россійской власти и для опредѣленія основной ея программы. Весь ходъ переговоровъ и въ особенности интимныя подробности, которыя стали извѣстными, свидѣтельствуютъ, что этимъ актомъ стороны отдавали только лишь дань времени, сохраняя предубѣжденіе и неискренность въ отношеніи другъ друга, сомнѣваясь въ возможности сговора и какъ будто выискивая благовидный предлогъ для того, чтобы разойтись вновь и надолго.

Матеріаломъ для обсужденія вопроса о построеніи власти послужилъ проектъ Союза Возрожденія, заключавшійся вкратцѣ въ слѣдующемъ:

1. Образуется государственное совѣщаніе, составленное изъ представителей краевыхъ правительствъ и представительныхъ органовъ, «четырехъ» межпартійныхъ организацій, проф. союзовъ, кооперативовъ, торгово-промышленныхъ организацій и политическихъ партій.
2. Гос. совѣщаніе избираетъ директорію изъ т р е х ъ лицъ, въ число которыхъ входитъ главнокомандующій Добр. Арміей.
3. Директорія, какъ носительница верховной власти, назначаетъ дѣловое правительство.
4. Гос. совѣщ., избравъ директорію и опубликовавъ основныя положенія программы правительства, распускается.

---

[1]) Постановленіе пленума Совѣта.

[2]) Составъ бюро: соц.-рев. — Рудневъ, Гоцъ, Макѣевъ; соц.-дем. — Я. Рубинштейнъ, Коробковъ; нац. соц. Елпатьевскій, Бернштамъ; к.-ты Брайкевичъ, Кондратьевъ.

[3]) Сов. Гос. Об., Нац. Центръ, Союзъ Возр., Сов. Зем. и Гор.

5. Директорія при первой возможности передаетъ власть Учред. Собр., передъ которымъ только несетъ отвѣтственность и которое опредѣлитъ форму государственнаго устройства и основные законы.

На этихъ положеніяхъ сосредоточилось все обостренное вниманіе совѣщанія, такъ какъ деклараціи по аграрному, рабочему и друг. вопросамъ приняты были только къ свѣдѣнію, не подвергаясь обсужденію.

Первоначально Сов. Гос. Об. не возражалъ принципіально противъ этой схемы, принятой также Сов. Зем. и Гор.; а отдѣлъ Нац. Центра, не имѣя указаній отъ своего гл. комитета, ограничивался введеніемъ въ нее поправокъ, въ томъ числѣ требованіемъ, чтобы въ Гос. Совѣщ. была представлена Добр. Армія и чтобы была точно отмежевана та область управленія, въ которой главнокомандующему предоставляется дискреціонная власть. Но по мѣрѣ выясненія въ порядкѣ освѣдомленія соціальныхъ и политическихъ расхожденій договаривавшихся сторонъ, вопросъ о верховной власти пріобрѣталъ все болѣе острый характеръ и становился явно основнымъ стержнемъ борьбы и раздора. На совмѣстномъ засѣданіи Сов. Гос. Об. и Нац. Центра 11 февраля рѣшено было добиваться предоставленія «члену директоріи главнокомандующему» единоличной власти надъ арміей, въ томъ числѣ права всѣхъ назначеній командного состава. Это требованіе встрѣтило рѣшительный отпоръ со стороны двухъ остальныхъ организацій. Когда же на очередномъ засѣданіи 25 февраля было оглашено полученное изъ Екатеринодара постановленіе главн. комитета Нац. Центра, отвергающее директорію и настаивающее на необходимости «единоличной военной власти, обладающей чрезвычайными полномочіями», это заявленіе вызвало рѣшительный и окончательный разрывъ.

О немъ всѣ организаціи повѣдали печати.

«Военная диктатура — говорилось въ деклараціи бюро Сов. Зем. и Гор. — можетъ опереться въ странѣ лишь на немногозначительныя группы изъ среды имущихъ классовъ, интересы которыхъ она обязалась бы охранять. Народныя массы справедливо усмотрѣли въ диктатурѣ шагъ къ реставраціи дореволюціоннаго строя; съ навязанной имъ новой властью никогда не примирятся и умѣренно демократическіе круги. Несмотря на внѣшнюю полноту власти, единоличная диктатура, изолированная независимой общественностью, безсильна будетъ справиться со сложными задачами по организаціи нормальнаго правопорядка, болѣе чѣмъ когда-либо требующими величайшей самодѣятельности общества и народа. Бюро возражаетъ противъ позиціи, занятой Нац. центр. и Сов. Гос. Об. въ земельномъ вопросѣ. Эти организаціи стремятся включить въ програму дѣятельности временной южно-русской власти возстановленіе и охрану правъ земельной собственности, при чемъ Сов. Гос. Об. настаиваетъ на вознагражденіи землевладѣльцевъ за понесенные за время революціи убытки. Усматривая въ этомъ насильственное возстановленіе дореволюціонныхъ земельныхъ отношеній, бюро Зем. и Гор. считаетъ, что это будетъ новымъ поводомъ для взрыва новой гражданской войны въ деревнѣ, обостренія классовой ненависти и укрѣпленія большевизма. Власть, которая руководствовалась бы исключительно интересами землевладѣльческаго класса, была бы, по мнѣнію бюро, губительной и антигосударственной».

Констатируя въ свою очередь неудачу переговоровъ, Союзъ Возр. приписывалъ причины ея «большевицкимъ настроеніямъ массъ, реставраціоннымъ замысламъ и вожделѣніямъ въ средѣ земельныхъ собственниковъ и друг. имущихъ классовъ, центробѣжнымъ стремленіямъ нѣкоторыхъ изъ южныхъ краевыхъ правительствъ... и, наконецъ, явному нежеланію военныхъ круговъ, въ частности главнаго командованія Добр. Арміи, войти въ соглашеніе съ организованными

общественными силами». И, угрожая рѣшительно противодѣйствовать этимъ тенденціямъ, рисовалъ планъ своихъ будущихъ дѣйствій:

«а) Усилить свою агитаціонную дѣятельность и организаціонную работу, стремясь привлечь къ дѣлу возрожденія Россіи наибольшее количество демократическихъ силъ, съ тѣмъ, чтобы, опираясь на эти силы, взять на себя активную роль въ дѣлѣ возсозданія русской государственности;

б) вступить въ сношенія съ краевыми правительствами и національными партіями и организаціями, признающими необходимость возсоединенія Россіи, стремясь привлечь ихъ къ совмѣстной и согласованной съ союзомъ работѣ по возрожденію Россіи;

в) усилить информированіе общественныхъ и правительственныхъ круговъ Западной Европы и Америки о русскихъ отношеніяхъ, въ цѣляхъ привлеченія ихъ симпатій и активной съ ихъ стороны помощи дѣлу русской демократіи въ ея борьбѣ за народовластіе и свободу;

г) оказывать при наличности достаточно благопріятныхъ политическихъ условій свою поддержку новымъ русскимъ военнымъ формированіямъ, образуемымъ на демократическихъ основаніяхъ, какъ для того, чтобы увеличить количество силъ, борющихся съ большевиками, такъ и для того, чтобы обезпечить будущей общегосударственной власти на югѣ Россіи кадры для созданія родной арміи».

Фактически въ екатеринодарскій и ростовскій періоды Союзъ Возр. представлялъ изъ себя довольно изолированную группу, оторванную и отъ соціалистическихъ партій и отъ буржуазной общественности, стоявшую внѣ рамокъ дѣйственной борьбы, играя роль лойяльной оппозиціи диктатурѣ.

Нац. Центръ протестовалъ противъ упрощеннаго толкованія Сов. Зем. и Гор. причинъ разрыва:

«По мнѣнію нѣкоторыхъ группъ, входившихъ въ означенное совѣщаніе, расхожденіе ихъ съ Нац. центр. произошло по вопросамъ земельному и объ образованіи временной власти. Группы эти бросаютъ Нац. центру упрекъ въ томъ, что онъ стремится къ закрѣпленію помѣщичьяго землевладѣнія, что онъ противодѣйствуетъ демократическому строю Россіи и высказывается противъ него. По этому поводу представители Нац. центра видятъ себя вынужденными заявить, что мнѣніе это не соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію вещей. Программныя изложенія Нац. центра по земельному, рабочему, а равно и общеполитическимъ вопросамъ свидѣтельствуютъ, что Нац. центръ не мыслитъ будущей Россіи иначе, какъ обновленною въ духѣ широкихъ демократическихъ преобразованій съ уничтоженіемъ сословныхъ различій, съ глубоко идущими соціальными реформами, съ широкой децентрализаціей управленія. Нац. центръ стоитъ за обезпеченіе землею сельскаго населенія. Возстановленіе же частныхъ правъ земельныхъ собственниковъ является вопросомъ права и суда, въ области которыхъ никакая временная власть не правомочна вторгаться. Задачей временной власти въ этой области должно лишь служить предупрежденіе новыхъ взрывовъ гражданской войны и классовой мести, установленіе на мѣстахъ законныхъ органовъ, которые бы безпристрастно разбирали возникающіе споры изъ-за земли, не предрѣшая вопроса о правахъ на землю и оставляя этотъ вопросъ всецѣло на сужденіе будущаго Учредительнаго Собранія. Нац. центръ считаетъ, что расхожденія по этому вопросу съ другими группами уже потому не могли имѣть существеннаго значенія, что вопросъ этотъ не былъ обсужденъ до конца. Существеннымъ для Нац. центра является расхожденіе по вопросу объ образованіи временной власти. Нац. центръ считаетъ, что въ условіяхъ борьбы съ большевизмомъ необходима только сильная военная власть и правильная дисциплина для всѣхъ классовъ. Въ этомъ отношеніи Нац. центръ ссылается на опытъ Уфимской директоріи. Военному командованію должны

быть предоставлены чрезвычайныя полномочія временнаго характера. Ничуть не возражая противъ демократическихъ принциповъ въ устройствѣ власти, Нац. центръ не можетъ участвовать въ созданіи коллегіальной власти, которая не можетъ привести къ спасенію Россіи».

Точно также протестовалъ и Сов. Гос. Об.:

«Представители бюро Сов. Гос. Об. Россіи настаивали на предоставленіи главнокомандующему неограниченнаго права рѣшать вопросы о назначеніи высшаго командного состава арміи и объ объявленіи отдѣльныхъ мѣстностей на военномъ положеніи, противъ чего категорически высказались соціалистическія группы.

При наличности непримиримаго разногласія по означенному вопросу о созданіи власти, отпала возможность дальнѣйшаго соглашенія. Поэтому, участвовавшія въ совѣщаніи группы ограничились изложеніемъ основныхъ своихъ предположеній по вопросамъ экономическимъ и соціальнымъ. Заявленія эти, въ томъ числѣ и заявленія по аграрному вопросу, были безъ всякаго обсужденія ихъ въ общихъ собраніяхъ занесены въ протоколъ засѣданія.

Вышеприведенныя данныя находятъ себѣ полное подтвержденіе въ протоколахъ совѣщаній четырехъ общественныхъ организацій. Эти данныя свидѣтельствуютъ: 1) что прекращеніе совѣщаній общественныхъ организацій было вызвано разногласіемъ по вопросу объ опредѣленіи объема правъ главнокомандующаго русскими вооруженными силами и 2) что по аграрному вопросу между договаривающимися организаціями не обнаружилось непримиримыхъ разногласій, которыя не могли бы быть устранены при дальнѣйшемъ совмѣстномъ обсужденіи этого вопроса, каковаго, однако, не послѣдовало».

Наконецъ въ полномъ согласіи съ Нац. Ц. высказалась и группа Шульгина [1]):

«Повтореніе опытовъ политики Керенскаго и Уфимской директоріи не принесетъ спасенія измученной странѣ. Поэтому, признавая постановленіе о необходимости образовать для Южной Россіи директорію изъ трехъ лицъ — глубоко ошибочнымъ и могущимъ имѣть самыя гибельныя послѣдствія для нашей страны, Южно-Русскій нац. центръ призываетъ всѣ патріотическіе элементы населенія, отбросивъ всѣ классовыя соображенія и помня только о государственной пользѣ, всемѣрно и безоговорочно поддерживать власть главнокомандующаго Добр. Арміей».

Я былъ оріентированъ достаточно подробно о ходѣ работъ совѣщанія «четырехъ организацій» и негласно — о предположенномъ демократіей составѣ директоріи. Кромѣ главнокомандующаго, который долженъ былъ войти въ нее ex officio, назывались имена к.-д. Н. И. Астрова и с.-р. И. И. Бунакова-Фундаминскаго...

Я отношусь съ большимъ уваженіемъ къ Н. И. Астрову; не знаю вовсе г. Фундаминскаго; но, судя по тому довѣрію, которымъ пользовался Фундаминскій среди революціонной демократіи, вѣроятно былъ онъ человѣкомъ достойнымъ. Не буду входить также въ сравнительную оцѣнку преимуществъ той или иной системы власти (директорія, консулатъ, диктатура). Но меня поражала та схоластическая привязанность къ формуламъ, та оторванность отъ дѣйствительной жизни, которую проявляла въ этомъ вопросѣ демократія. Мнѣ казалось, что для всѣхъ, кто наблюдалъ серьезно жизнь Екатеринодара, устремленія казачьихъ правительствъ, настроенія Арміи и близкихъ ей круговъ, должно бы быть совершенно яснымъ, что осуществленіе этой идеи безнадежно. Южную директорію постигла бы та же участь, что и Уфимскую. Только дни ея жизни были бы значительно короче и конецъ плачевнѣе.

---

[1]) «Южно-Рус. нац. ц.», не участвовавшій въ переговорахъ.

Во всякомъ случаѣ, въ силу господствовавшихъ настроеній, главнокомандующій не имѣлъ бы возможности не только поддержать престижъ, но даже и оградить самую жизнь члена директоріи, еврея Фундаминскаго.

ГЛАВА III.

Украинскія теченія въ Одессѣ. Политика французовъ въ отношеніи Украинской директоріи и Вооруженныхъ силъ Юга.

Помимо перечисленныхъ пяти организацій, въ Одессѣ существовали органы всѣхъ политическихъ партій — отъ блока крайнихъ правыхъ во главѣ съ Пеликаномъ и Родзевичемъ до тайныхъ большевицкихъ ячеекъ, обладавшихъ большими средствами и ведшихъ разлагающую пропаганду въ городѣ, среди французскихъ матросовъ и солдатъ. Легальныя россійскія партіи въ качествѣ таковыхъ на авансцену одесскихъ событій непосредственно не выступали, оказывая вліяніе и давленіе, главнымъ образомъ, при посредствѣ «пяти организацій». Точно также мало замѣтна была въ городѣ съ огромнымъ еврейскимъ населеніемъ явная политическая работа еврейскихъ партій. Одесскіе освѣдомители указывали только упорно на тайную совмѣстную дѣятельность нѣкоторыхъ нѣмецкихъ банковъ и крупныхъ еврейскихъ финансистовъ, поддерживавшихъ украинское движеніе. Эта работа, видными участниками которой называли между прочими Марголина и Вольфзона, находилась въ трагическомъ несоотвѣтствіи съ природой движенія, съ волной еврейскихъ погромовъ, поднятой разлагавшимися войсками Директоріи и прокатившейся по Украйнѣ и Новороссіи въ февралѣ — мартѣ 1919 г. Эта же работа создала въ Добровольческихъ кругахъ довольно распространенное и слишкомъ упрощенное объясненіе направленія французской политики на Югѣ — «еврейскимъ золотомъ» и «еврейскимъ засильемъ». Олицетворялось оно всемогущимъ тогда начальникомъ штаба ген. д'Анзельма евреемъ Фрейденбергомъ [1]) и его совѣтчиками — Марголинымъ, Маргуліесомъ и другими видными представителями русскаго еврейства.

Наибольшую дѣятельность проявляли украинскія группы. Дѣлясь на нѣсколько толковъ и теченій, онѣ обладали общими чертами — большой долей авантюризма и большой рѣшимостью жертвовать интересами и Украины, и Россіи.

Въ одно и то же время — въ Москвѣ велъ переговоры съ совѣтомъ комиссаровъ украинскій посолъ Мазуренко, а въ Одессѣ вступала въ сношеніе съ французскимъ командованіемъ цѣлая плеяда украинскихъ дѣятелей: воен. министръ ген. Грековъ, мин. вн. дѣлъ Мацієвичъ, его товарищи Марголинъ и австріецъ Галипъ; представитель отколовшагося на ноябрьскомъ съѣздѣ лѣваго крыла хлѣборобовъ Шеметъ и другія лица. Всѣ они для подкрѣпленія своей агитаціи пользовались большими средствами [2]). Не признаваемые Добровольческой властью и явно враждебные ей, они, тѣмъ не менѣе, пользовались, благодаря французамъ, полнымъ иммунитетомъ въ Одессѣ.

Эти офиціальные представители Директоріи далеко, впрочемъ, не отличались единствомъ. Военная группа (Петлюра, Грековъ, отчасти Галипъ), находившаяся

---

[1]) Въ транскрипціи Марголина и Маргуліеса — «Фредамберъ».

[2]) Помимо большого запаса денежныхъ знаковъ, перешедшихъ отъ гетман. правительства къ Директоріи, Германія продолжала изготовлять бум. деньги и снабжать ими директорію въ значительныхъ размѣрахъ.

въ оппозиціи къ партіи Винниченко, въ поискахъ расположенія французовъ готова была идти на внутренній переворотъ — очищеніе Директоріи отъ Винниченко и большевицкихъ элементовъ и сближеніе ея съ буржуазіей, съ сохраненіемъ, однако, самостійности Украины. По мѣрѣ развала арміи и правительства, изъ этой комбинаціи вышелъ ген. Грековъ и сталъ вести свою особую линію, «жертвуя» уже и Петлюрой и являясь претендентомъ на роль главы Директоріи или диктатора. Въ то же время его агенты стремились привлечь одесское офицерство и въ особенности генеральный штабъ на украинскую службу широкими денежными посулами и обѣщаніями «федераціи и даже монархіи». Они говорили также о возможности соединенія армій подъ общимъ водительствомъ Добровольческаго командованія.

Украинская работа велась и въ другомъ направленіи.

Бывшіе гетманскіе дѣятели — генералы Бискупскій, Присовскій, Долгоруковъ и друг., оставшіеся не у дѣлъ, сохранившіе старыя связи съ нѣмцами и завязывавшіе новыя — съ французами, были враждебны къ Добр. Арміи и въ свою очередь сильно смущали офицерство. Бискупскій, возглавлявшій эту группу, стремился къ образованію «краевого правительства съ объединеніемъ національностей» и къ созданію особой украинской арміи; въ то же время онъ старался заинтересовать французовъ своимъ проектомъ разрѣшенія аграрнаго вопроса въ Россіи: иностранный консорціумъ, скупающій у помѣщиковъ землю и перепродающій ее послѣ парцелляціи крестьянамъ съ большимъ дивидендомъ... Трудно было опредѣлить, гдѣ въ этомъ проектѣ проходятъ грани между фантастикой и потерей національнаго чувства.

Эта группа въ силу финансовыхъ, повидимому, обстоятельствъ, объединилась съ другой, также крайне правой, представителями которой были: харьковскій помѣщикъ, предс. отд. союза русскаго народа, Котовъ-Коношенко, претендовавшій на гетманскій «столъ», и кіевскій помѣщикъ, бывш. чиновникъ канц. ген.-губ., Григоренко. Они играли роль представителей «Всеукраинской народной громады» и «Всеукраинскаго союза хлѣборобовъ-собственниковъ» — группъ, отколовшихся отъ Всеукраинскаго союза хлѣборобовъ на ноябрьскомъ съѣздѣ. Это званіе придавало имъ извѣстный декорумъ «народныхъ избранниковъ» въ глазахъ не разбиравшихся въ русскихъ дѣлахъ французовъ.

Отъ имени обѣихъ организацій Котовъ-Коношенко подалъ докладную записку французскому командованію и ген. Санникову съ изложеніемъ чаяній широкаго фронта русско-украинской реакціи и ея несложной программы: 1) верховная власть въ Малороссіи принадлежитъ «гетману, воеводѣ или Верховной краевой радѣ»; 2) при ней — «Верховный Совѣтъ изъ представителей Добр. Арміи, Народной Громады и хлѣборобовъ-собственниковъ»; 3) «краевая армія», созданная путемъ мобилизаціи «имущихъ классовъ при участіи хлѣборобческихъ громадянскихъ организацій», съ офицерскимъ составомъ преимущественно «изъ мѣстныхъ офицеровъ-хлѣборобовъ»; 4) лозунгъ — «неприкосновенность собственности на землю». Аграрный вопросъ считался уже разрѣшеннымъ «въ виду накопленія капиталовъ въ деревнѣ, позволяющихъ крестьянамъ скупать землю», для чего требуется лишь «законное разрѣшеніе свободной купли-продажи земли».

Эти организаціи дѣлали также попытки формированій, призывая въ свои ряды офицерство и прельщая его крупными окладами, превосходившими значительно добровольческіе.

Естественно, что у ген. Санникова ни Котовъ-Коношенко, ни его проектъ не встрѣтили никакого сочувствія. Но французское командованіе, въ поискахъ «подлинно-демократическихъ» теченій, вело оживленные переговоры съ нимъ и съ Гри-

горенко, и въ ихъ кругахъ искало людей для новаго правительства; въ частности Григоренко состоялъ неизмѣннымъ кандидатомъ во всѣхъ французскихъ комбинаціяхъ новой власти.

И хотя Бискупскій, Котовъ и Григоренко являлись сторонниками и претендентами на возглавленіе государственной власти трехъ различныхъ системъ — краевого правительства, гетманства и директоріи, но это различіе, повидимому, не считалось существеннымъ и не препятствовало нисколько ихъ единенію. По существу идеологія всѣхъ этихъ лицъ была одна и та же, какъ одинъ и тотъ же денежный источникъ питалъ ихъ дѣятельность.

Большое участіе въ этой группѣ принимали руководители кіевскаго монархическаго блока; полной поддержкой пользовалась она со стороны «Протофиса», группы «Всероссійскаго союза земельныхъ собственниковъ» и нового крайне-праваго блока Поликана—Родзевича—Гижицкаго. Григоренко установилъ тѣсный контактъ съ бюро Сов. Гос. Об. и въ то же время велъ переговоры съ группой ген. Грекова, протягивая нити къ украинской Директоріи... По игрѣ судьбы сложная интрига ковала длинную цѣпь, противоположными концами своими захватывавшую Петлюру и... Пеликана.

Наконецъ, была еще одна строго конспиративная польско-украинская группа, внушавшая французамъ мысль объ освобожденіи Украины при содѣйствіи Польши и о включеніи ея на автономныхъ началахъ въ составъ Польскаго государства...

Если ко всему этому добавить, что одна и та же контръ-развѣдка обслуживала и нѣмцевъ, и Украинскую Народную Громаду [1]) и что по свидѣтельству Маргуліеса другая контръ-развѣдка («источникъ свѣдѣній») работала одновременно на французовъ, на Гришина-Алмазова и за особую плату «раньше ихъ» дѣлилась своими свѣдѣніями съ бюро Сов. Гос. Об. [2]), то получится довольно яркая картина того переплета борьбы, интригъ, вліяній, той политической свистопляски, которая мутила Одессу.

Картина была бы неполной, если бы я не коснулся другой области — соціально-экономическихъ отношеній. Въ этой области по концентраціи спекулянтскихъ элементовъ и плутократіи, по темпераменту и размаху Одесса превзошла, вѣроятно, тыловые центры всѣхъ фронтовъ. «Съ одной стороны безмѣрная нужда массъ — писала одесская газета — съ другой столь же безмѣрная расточительность... Буржуазія наша въ чаду своихъ бумажныхъ барышей и столь же полноцѣнныхъ развлеченій какъ будто ничего не видитъ, не ударяетъ пальцемъ о палецъ, чтобы хоть сколько-нибудь смягчить бѣдственное положеніе народныхъ низовъ. Ея пиръ во время чумы продолжается съ непрекращающимся блескомъ и трескомъ. А роковое кольцо вокругъ нея, между тѣмъ, все суживается и суживается...»

«Одесскій омутъ». Такъ охарактеризовала печать бурно-кипящій третій этапъ россійской «контръ-революціи».

* * *

Положеніе французскаго командованія въ Одессѣ при создавшейся обстановкѣ было поистинѣ труднымъ. Множество людей совершенно противоположныхъ взглядовъ ежедневно осаждали французскій штабъ; делегаціи, депутаціи, пред-

---

[1]) Почти каждая политическая организація того времени имѣла свой контръ-развѣдочный или освѣдомительный органъ.

[2]) На пріобрѣтеніе ихъ бюро расходовало суммы изъ субсидіи, полученной отъ военнаго губернатора черезъ Пильца...

ставлявшія непремѣнно «народныя массы», «демократію» или по меньшей мѣрѣ «широкіе слои общественности», внушали французамъ свои проекты спасенія России, Украины или французскаго вліянія, поражавшіе своими противорѣчіями и приводившіе французовъ въ полнѣйшую растерянность. Различные авантюристы, проходимцы находили окольные пути черезъ нѣкоторыхъ персонажей многолюднаго французскаго штаба и совмѣстно съ ними создавали вокругъ него нездоровую политическую и спекулянтскую атмосферу.

Въ первый мѣсяцъ французской интервенціи, пока старшимъ начальникомъ былъ бригадный генералъ Боріусъ — строевой офицеръ, не имѣвшій вкуса ни къ политикѣ, ни къ властвованію, фактическимъ руководителемъ французской политикѣ на Югѣ оставался Энно. Поэтому, въ первыхъ донесеніяхъ Гришина-Алмазова звучали увѣренныя ноты: «съ французскимъ командованіемъ установились наилучшія отношенія. Фактическимъ распорядителемъ являюсь я».

Вскорѣ оптимизмъ исчезъ. Хотя ген. Боріусъ дѣйствительно не вмѣшивался въ гражданское управленіе и проявлялъ вполнѣ доброжелательное отношеніе къ Добров. власти, но тѣмъ не менѣе положеніе Одессы становилось невыносимымъ. Власть военнаго губернатора распространялась только на городъ, но уже предмѣстья его и ближайшія деревни занимались петлюровскими отрядами; въ ихъ рукахъ былъ даже городской водопроводъ. Отрѣзанная отъ источниковъ своего питанія, Одесса осталась безъ продовольствія и фуража. Цѣны росли неимовѣрно, и это давало пищу для недовольства массъ и Добровольческою властью, и французскимъ командованіемъ, престижъ котораго, высокій вначалѣ, все болѣе падалъ. Наконецъ, ничтожные размѣры «зоны» не допускали сколько-нибудь серьезнаго развертыванія нашихъ силъ, которыя къ январю насчитывали всего 1 600 штыковъ, 56 сабель при 10 орудіяхъ.

Французскій гарнизонъ Одессы состоялъ всего изъ бригады пѣхоты съ артиллеріей и техническими частями и коннаго полка. При полной инертности и ничтожествѣ противника и эти силы были вполнѣ достаточны для расширенія зоны, тѣмъ болѣе, что въ Николаевѣ разновременно сосредоточилось до 25 тыс. германскихъ войскъ, которыхъ петлюровцы довели до отчаянія, отрѣзавъ имъ всѣ пути, и на которыхъ возможно было возложить хотя бы временно обезпеченіе Херсоно-Николаевскаго района.

Гришинъ-Алмазовъ, поддержанный мною передъ главнымъ французскимъ командованіемъ, настойчиво добивался продвиженія французовъ первоначально хотя бы съ цѣлью захвата ближайшихъ деревень, затѣмъ до линіи Тирасполь—Раздѣльная—Березовка—Николаевъ—Херсонъ. Ограниченный этой линіей районъ представлялъ прекрасную военно-хозяйственную базу; обезпечивая оборону города, открывая желѣзнодорожную связь съ Румыніей, гдѣ осталось многочисленное русское имущество бывш. Румынскаго фронта, онъ отдавалъ бы въ наши руки площадь богатую хлѣбомъ и фуражемъ, особенно Николаевскій и Херсонскій уѣзды, являвшіеся ближайшимъ рынкомъ Одессы.

Но ген. Боріусъ получилъ приказаніе занять только Одессу и рѣшительно отказался продвигаться далѣе. Французское правительство не имѣло, повидимому, никакого плана и колебалось. Командованіе боялось рисковать незначительными силами, не торопилось ихъ увеличивать и явно стремилось къ разрѣшенію взятыхъ на себя обязательствъ однимъ «моральнымъ авторитетомъ» безъ пролитія французской крови. Поэтому, вмѣсто военныхъ дѣйствій, продолжались нудные и безрезультатные переговоры съ Директоріей. Энно, раздѣлявшій взгляды на этотъ вопросъ русскаго командованія и поддерживавшій идею единства Россіи, тѣмъ не менѣе при создавшейся обстановкѣ считалъ необходимымъ использовать военныя

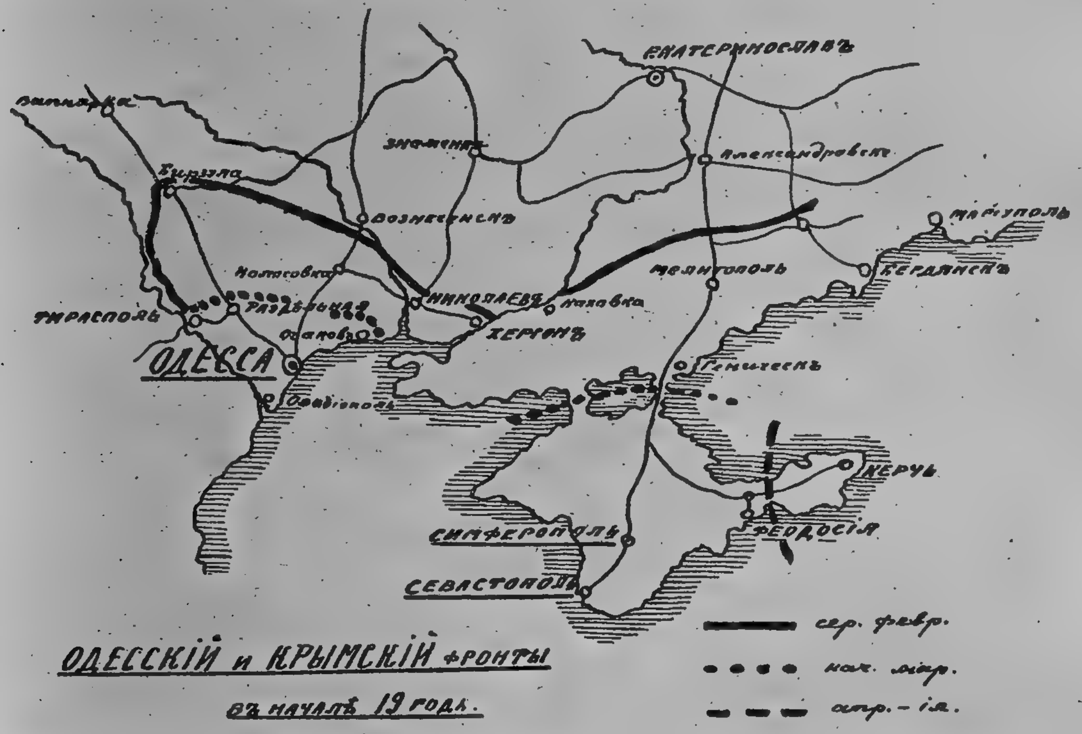
силы Директоріи, питая искреннія, но совершенно нереальныя надежды на возможность «кооպераціи» ихъ съ Добровольцами.

Потерявъ надежду на продвиженіе французовъ, Гришинъ-Алмазовъ предложилъ французскому командованію расширить зону своими силами, но получилъ категорическій отказъ.

Такъ прошелъ мѣсяцъ. Одесса задыхалась въ тѣсномъ кольцѣ блокады, Директорія понемногу распадалась, войска ея разлагались, силы одесскихъ Добровольцевъ не возрастали, а совѣтскія арміи все ближе подвигались къ Кіеву.

* * *

Въ началѣ января въ Одессу прибылъ штабъ французской дивизіи во главѣ съ ген. д'Анзельмомъ и начальникомъ штаба полк. Фрейденбергомъ, а вслѣдъ затѣмъ высадились и новыя части дессанта. Въ послѣдующихъ событіяхъ личность ген. д'Анзельма стушевалась совершенно, такъ какъ всю политическую работу велъ его начальникъ штаба. Энно былъ отстраненъ отъ дѣлъ и вскорѣ уѣхалъ въ Парижъ, «передъ тѣмъ какъ покинуть одесскій котелъ», пославъ свои «искреннія пожеланія успѣха Добр. Арміи». Взаимоотношенія рѣзко измѣнились. Фрей-



ОДЕССКІЙ и КРЫМСКІЙ фронты
въ началѣ 19 года.

денбергъ, заранѣе предубѣжденный противъ Добровольческой Арміи, принялъ систему полнаго игнорированія ея власти и дискредитированія ея представителей. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ началъ поиски такой комбинаціи, которая наиболѣе благопріятствовала бы французской оккупаціи. Эта дѣятельность Фрейденберга полна противорѣчій и видимыхъ несообразностей, въ связи съ цѣлой гаммой вліяній, интригъ и давленій, которымъ онъ подвергался. Но наиболѣе явственныя и серьезныя изъ этихъ вліяній исходили отъ трехъ звеньевъ противоестественной политической цѣпи: 1) Петлюра—Грековъ, 2) Грековъ—Котовъ—Григоренко, 3) Григо-

ренко—Меллеръ-Закомельскій—Маргуліесъ. Политически это означало: Директорію, Хлѣборобческую «Громаду» и Сов. Гос. Об.; въ области устремленій — самостійность, русскую фальсификацію украинской директоріи и особое южное правительство. Всѣ комбинаціи признавали верховное возглавленіе французовъ и всѣ отрицательно относились къ Добр. Арміи.

Иногда эти вліянія оказывались раздѣльно, иногда составляли mixtum compositum — наиболѣе уродливую форму, заводившую французское командованіе въ тупикъ.

— Pas une goutte de sang français.

Этотъ стимулъ «интервенціи» требовалъ какихъ-то постороннихъ силъ для борьбы съ большевиками и заставилъ французовъ обратить свои взоры на Украину. Но такая политика была явнымъ продолженіемъ германской, приводила не къ возсозданію, а къ расчлененію Россіи, и не могла не смущать французовъ, заставляя ихъ искать оправданія своимъ дѣйствіямъ въ отвлеченныхъ сомнительныхъ формулахъ. Такъ ген. д'Анзельмъ говорилъ Шульгину: «мы должны поддерживать у васъ всѣ элементы порядка, а до партійныхъ различій ихъ — до того, кто стоитъ за монархію, кто противъ монархіи, кто за единство Россіи, кто противъ единой Россіи, намъ дѣла нѣтъ...» [1]). Эту формулу исправилъ и детализировалъ Фрейденбергъ: «Франція непоколебимо вѣрна принципу единой Россіи. Но сейчасъ дѣло идетъ не о рѣшеніи тѣхъ или иныхъ политическихъ вопросовъ, а исключительно о томъ, чтобы использовать для борьбы съ большевиками всѣ анти-большевицкія силы, въ томъ числѣ и силы украинцевъ». По его представленію украинскія и русскія арміи подъ водительствомъ французовъ должны были идти совмѣстно противъ Москвы. Въ этой комбинаціи, имѣвшей сочетать центробѣжныя и центростремительныя силы, украинскій большевизмъ и буржуазно-демократическую «контръ-революцію», совершенно невыясненной оставалась, однако, активность роли связующаго звена.

Оставляя въ сторонѣ идеологію, являлся вопросъ — на какія реальныя украинскія силы могло разсчитывать французское командованіе? То освѣдомленіе, которое давали многочисленные послы Директоріи, наводнившіе европейскіе центры и Одессу, страдало чрезвычайными, часто анекдотическими преувеличеніями. Но французская развѣдка, представленная въ Кіевѣ Серкалемъ [2]), давала правдивую и безнадежную картину украинскаго движенія, какъ не имѣющаго «моральной базы ни въ народѣ, ни въ интеллигенціи», а «созданнаго извѣстными политическими группами противно логикѣ и реальному положенію вещей»; характеристику Директоріи и правительства, которые «въ теченіе полутора мѣсяца ввергли Украину въ совершенную анархію и упразднили послѣдніе признаки права, безопасности и здраваго смысла»; оцѣнку арміи, въ которой «только галиційскія части являются элементомъ болѣе или менѣе серьезнымъ, а прочія войска не только не представляютъ боевой силы, но являются весьма опасными своимъ большевицкимъ настроеніемъ»; наконецъ, опредѣленіе украинской политики, руководители которой, оставаясь враждебными къ союзникамъ и особенно къ французамъ, въ виду безвыходнаго положенія «открыто спекулируютъ на ихъ авторитетѣ и на благополучно, якобы, протекающихъ съ ними переговорахъ» [3]).

---

[1]) Бесѣда 9 февраля 1919 г.

[2]) Молва считала Серкаля, совмѣстно съ Муленомъ, виновникомъ франко-петлюровскаго «флирта». Судя по донесеніямъ Серкаля французскому правительству, съ которыми я ознакомился, близость его къ украинскимъ правителямъ была скорѣе ловкостью развѣдчика, чѣмъ сотрудничествомъ съ ними.

[3]) Донесенія 1—13 февраля н. ст. 1919 г.

Эти свѣдѣнія не оказали никакого вліянія на французскую политику.

Тотчасъ по пріѣздѣ ген. д'Анзельма (24 января), въ Одессу былъ вызванъ ген. Грековъ, который въ результатѣ переговоровъ обязался снять блокаду города и возстановить прямое сообщеніе Кіевъ—Одесса. Въ теченіе января и начала февраля, по мѣрѣ высадки греческихъ дивизій, союзныя войска продвинулись на линію Тирасполь (Румыны)—Бирзула—Вознесенскъ (исключ.)—Николаевъ—Херсонъ. Позади этой линіи долго еще оставались петлюровскія части, не подчинявшіяся своему командованію, пока постепенно составъ ихъ не разбѣжался.

Переговоры съ Директоріей продолжались. Главнымъ камнемъ преткновенія служило требованіе французовъ объ уходѣ Винниченко, что, по словамъ члена Директоріи Макаренко, угрожало «разрывомъ ея съ соціалъ-демократической партіей, которая ни на какую замѣну другимъ лицомъ не согласится». Но большевики перешли вновь въ наступленіе отъ Кіева, и украинскія войска покатились назадъ въ паническомъ бѣгствѣ, распыляясь и теряя послѣдніе признаки организаціи, обозначая свой путь грабежами и кровавыми погромами.

Военныя неудачи ускорили назрѣвавшій еще въ Кіевѣ внутренній переворотъ: Винниченко и Андріевскій ушли изъ состава Директоріи; ушелъ и предс. правительства Чеховскій; образовалось новое правительство, во главѣ съ проф. Остапенко, пополненное значительно соц.-федералистами. И въ первыхъ числахъ февраля за подписью Петлюры, Швеца, Макаренко и Остапенко французскому командованію была направлена нота слѣдующаго приблизительно содержанія:

> «Директорія, признавая сдѣланныя ею ошибки, проситъ французское командованіе о помощи въ борьбѣ противъ большевиковъ. Директорія отдаетъ себя подъ покровительство Франціи и проситъ представителей Франціи взять на себя руководство управленіемъ Украины въ областяхъ военной, дипломатической, политической, финансовой, экономической и судебной въ теченіе всего времени, пока будетъ продолжаться война съ большевиками; и, наконецъ, Директорія надѣется, что Франція и другія державы Согласія проявятъ великодушіе, когда послѣ окончанія борьбы съ большевиками возникнутъ вопросы о территоріяхъ и націяхъ» [1]).

Во французскомъ штабѣ приняли это обращеніе за полную капитуляцію.

Между тѣмъ, вокругъ д'Анзельма—Фрейденберга усилилось значительно вліяніе руководителей Украинской Громады въ ущербъ представителямъ Директоріи. Подъ этимъ вліяніемъ и составлены были основы соглашенія, имѣвшія цѣлью сочетать идею Фрейденберга о тріипостасной власти, стремленія хлѣборобческихъ группъ и Сов. Гос. Об.: «1) Южная Россія раздѣляется на двѣ части. Одна — губерніи Кіевская, Волынская, Подольская и впослѣдствіи Черниговская, Полтавская и часть Харьковской — будетъ управляться Украинской Директоріей; другая будетъ называться Южно-русскимъ краемъ подъ управленіемъ Русской власти; предполагается директорія, при участіи представителя Добр. Арміи. 2) Оккупація всего раіона французскими войсками. 3) Власть Директоріи только гражданская. 4) Создается единый фронтъ противъ большевиковъ съ французскимъ генераломъ во главѣ. 5) Образуются смѣшанные международные оккупаціонные отряды франко-украинскіе и франко-русскіе. 6) Директоріи проводятъ аграрную реформу по программѣ партіи кадетской (выкупъ большихъ имѣній при иммунитетѣ мелкихъ и среднихъ хозяйствъ). 7) Французы берутъ въ свои руки управленіе финансами и желѣзными дорогами».

Такимъ образомъ назрѣвала военная оккупація Франціей Юга Россіи со всѣми вытекающими изъ нея послѣдствіями. Насколько близка была къ осуществленію

---

[1]) Прочитана у Фрейденберга и записана В. Шульгинымъ.

эта идея, видно изъ того, что 8 февраля предполагалось подписаніе сторонами договора, и начальникъ французскаго прессъ-бюро подготовлялъ уже къ нему представителей одесской печати: «соглашеніе является чисто военнымъ — говорилъ онъ. — Вопросы объ единствѣ Россіи и о признаніи Украинскаго государства въ этомъ соглашеніи почти вовсе не затронуты... Рѣшеніе французскаго командованія использовать всѣ силы, въ томъ числѣ и украинцевъ, для борьбы съ большевизмомъ непреклонно, и всѣ препятствія и противодѣйствія этой политикѣ будутъ сметены».

Можно сказать съ увѣренностью, что главнымъ препятствіемъ къ окончательному соглашенію послужилъ вопросъ личнаго состава украинской Директоріи, вокругъ котораго разгорѣлись страсти, закрутился одесскій «омутъ»... На протяженіи двухъ-трехъ недѣль подъ давленіемъ разностороннихъ вліяній Фрейденбергъ трижды мѣнялъ рѣшеніе. Первоначально переговоры основывались на базѣ сохраненія Директоріи (кромѣ Винниченко и Андріевскаго) и пополненія ея «хлѣборобами», въ томъ числѣ Григоренко. Противъ этого плана возстали хлѣборобская организація и Сов. Гос. Об., не допускавшіе участія Петлюры. На сцену вышелъ тогда блокъ Грековской группы и Украинской Громады съ новой, семичленной директоріей, въ составъ которой должны были войти ген. Грековъ, Котовъ-Коношенко и Григоренко. Но возникшія крупныя разногласія разстроили и этотъ планъ: блокъ распался, Громада раскололась, и Фрейденбергъ вернулся къ прежнему своему плану — сохранить существующую Директорію, изъявъ лишь изъ ея состава Петлюру и пополнивъ «хлѣборобами»[1]. Въ такомъ видѣ были предложены окончательныя условія Директоріи.

Фрейденбергъ, введенный въ заблужденіе окружавшими его честолюбцами, былъ очень удивленъ, когда его проектъ не удовлетворилъ никого, и прежде всего тѣ самые круги, на которые онъ разсчитывалъ. Многолюдныя собранія хлѣборобовъ, состоявшіяся 15 и 19 февраля, вновь и категорически высказались противъ всякаго сближенія съ украинцами; они выражали неудовольствіе Добровольческимъ правленіемъ[2] и соглашались на созданіе «самостоятельной» мѣстной власти «подъ покровительствомъ французскаго командованія», и «самостоятельной» вооруженной силы «подъ руководствомъ французовъ». Не иначе, однако, какъ въ согласіи съ командованіемъ Добр. Арміи... Сов. Гос. Об. раскололся на группы — отъ сторонниковъ прямолинейной національной политики Добр. Арміи до пріемлющихъ Петлюру включительно (аграріи и крайніе правые). Представитель послѣднихъ проф. Левашовъ такъ мотивировалъ взгляды своей группы: «ради спасенія родины я готовъ примириться съ желто-голубымъ флагомъ, ибо предпочитаю видѣть спасенный край подъ желто-голубымъ, чѣмъ кладбище подъ трехцвѣтнымъ флагомъ...»

Въ результатѣ бюро приняло рѣшеніе въ духѣ «хлѣборобовъ».

Ярко выступалъ противъ поддержки самостійной Украины и оккупаціонныхъ тенденцій Шульгинъ въ личныхъ бесѣдахъ съ французскими генералами, въ постановленіяхъ Южно-русскаго Нац. Ц. и въ газетѣ «Россія». Французское командованіе закрыло «Россію» на 8 дней, и это распоряженіе вызвало возмущеніе не только въ кругахъ единомышленныхъ Шульгину, но и въ станѣ политическихъ противниковъ его: «Союзъ Возр.» обратился къ французскому командованію съ

---

[1]) Швецъ, Макаренко и «хлѣборобы» — Григоренко, Мицко и Сидоренко.

[2]) Большое значеніе имѣла обработка собраній. Такъ, когда предсѣдательствовалъ графъ Гейденъ, собраніе обыкновенно было благопріятно настроено къ Добров. Арміи; когда же предсѣдательствовалъ Андро или Григоренко, настроенія становились противоположными.

рѣзкимъ протестомъ по этому поводу. Французскій штабъ вступилъ въ примирительные переговоры съ Шульгинымъ, но послѣдній отказался возобновить изданіе газеты, заявивъ, что сдѣлаетъ это лишь тогда, когда «его совѣсть позволитъ считать французовъ такими же искренними нашими друзьями, какими мы считали ихъ годъ тому назадъ, закрывая «Кіевлянинъ» (съ момента нѣмецкой оккупаціи Украины).

Въ то же время съ благословенія Фрейденберга въ Одессѣ начала выходить ярко самостійная и враждебная Добр. Арміи газета «Нові Шляхи».

На рѣзко отрицательной точкѣ зрѣнія въ отношеніи поддержки украинскаго движенія стояли: одесск. отд. Нац. Ц. и Союзъ Возр. Послѣдній, впрочемъ, въ этомъ фазисѣ борьбы принималъ мало участія и, повидимому, не былъ надлежаще оріентированъ въ закулисной игрѣ праваго блока, такъ какъ, по свидѣтельству Мякотина, развернувшіяся затѣмъ событія были для бюро Союза полной неожиданностью.

Наконецъ и Директорія рѣшительно отказалась пойти на явное самоупраздненіе и удалить Петлюру. Она соглашалась только пополнить свой составъ лицами не правѣе соц.-федералистовъ и обязательно стоящими на точкѣ зрѣнія самостійности Украины.

Весь этотъ сумбурный періодъ, вся сложная и подчасъ недостойная игра въ области франко-украино-русскихъ переговоровъ на фонѣ грозной военно-стратегической обстановки пріобрѣтала какое-то трагикомическое содержаніе.

Свадьба на погостѣ.

Ибо къ серединѣ февраля украинская армія разсыпалась окончательно, Директорія и правительство спѣшно эвакуировались частью въ Проскуровъ и Каменецъ-Подольскъ, частью въ Галицію, галичане враждебно относились къ Директоріи, а въ единственномъ еще до извѣстной степени сохранившемся галиційскомъ сѣчевомъ корпусѣ началось броженіе противъ командира — Коновальца и рядъ мятежныхъ выступленій на почвѣ отказа сражаться за не желающую защищать себя «Надднѣпрянскую Украину».

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ въ серединѣ февраля д'Анзельмъ—Фрейденбергъ, не разрывая съ Директоріей окончательно, пріостановили переговоры [1]) и, оставивъ открытымъ вопросъ объ Директоріи и Украинѣ, вернулись къ мысли о созданіи «самостоятельнаго», но подчиненнаго французамъ правительства для Новороссіи. 15 февраля Фрейденбергъ вызвалъ Маргуліеса и, на основаніи имѣвшихъ мѣсто ранѣе переговоровъ съ Сов. Гос. Об., предложилъ этой организаціи образованіе правительства. Началось обсужденіе его состава. Разрывъ съ Добр. Арміей казался, однако, и тѣмъ и другимъ слишкомъ рискованнымъ. Поэтому и французское командованіе, и Сов. Гос. Об. съ тѣхъ поръ особенно настойчиво и всѣми доступными путями стремились воздѣйствовать въ желательномъ имъ направленіи на Екатеринодаръ, встрѣтивъ съ моей стороны рѣшительный и рѣзкій отпоръ.

Идея франко-украинскаго альянса не была, впрочемъ, оставлена Парижемъ окончательно. Даже въ концѣ марта, т. е. послѣ эвакуаціи Одессы и захвата большевиками почти всей Украины, Бычъ [2]), со словъ Ф. Буйона, предсѣдателя французской парламентской комиссіи по иностраннымъ

---

[1]) По словамъ Марголина въ серединѣ марта французскіе представители заявили украинской миссіи, что «переговоры о соглашеніи по телеграфному распоряженію изъ Парижа прерываются».

[2]) Былъ во главѣ кубанской миссіи, находился тогда въ Парижѣ.

дѣламъ, сообщалъ на Кубань: «по имѣющимся у Буйона свѣдѣніямъ ... въ настоящее время Петлюра сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, и ему будетъ оказана всяческая помощь». И поэтому Бычъ внушалъ Радѣ, что «помощи надо ждать отъ Украины».

* * *

Расширеніе зоны ничуть не измѣнило положенія. Французское командованіе отказало въ разрѣшеніи ввести въ ней Добровольческую администрацію, оставивъ ее подъ управленіемъ Директоріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ связи съ предполагавшейся оккупаціей, Фрейденбергъ озаботился составленіемъ кандидатскихъ списковъ на административныя должности до волостныхъ старшинъ включительно для всей зоны ... [1]).

Тѣмъ временемъ во внѣшней зонѣ, въ городахъ и селахъ шло соревнованіе петлюровскихъ властей и большевицкихъ комитетовъ. Въ Николаевѣ существовало даже одновременно пять властей: городск. демократич. дума, совѣтъ рабочихъ депутатовъ, комиссаръ Директоріи, совѣтъ солд. депутатовъ германскаго гарнизона и французскій комендантъ. Нечего и говорить, что такая политика не благопріятствовала ни оборонѣ Одесскаго раіона, ни хозяйственному использованію зоны. Она, кромѣ того, подрывала престижъ Добровольческой Арміи, проявляясь иногда въ формахъ грубо-оскорбительныхъ. Такъ при занятіи Херсона мѣстное французское командованіе обратилось къ жителямъ съ воззваніемъ, въ которомъ, на ряду съ объявленіемъ, что «державы Согласія берутъ Херсонъ подъ свое высокое покровительство», имѣлся и такой пунктъ (6-й): «На территоріи Херсона не будетъ допущено никакихъ формированій Добровольческой Арміи; въ равной мѣрѣ въ г. Херсонъ не будетъ допущена никакая часть Добр. Арміи».

Точно такое же отношеніе французское командованіе проявило въ вопросѣ снабженія Добр. Арміи. Послѣ демобилизаціи Румынскаго фронта въ Одесскомъ раіонѣ остались склады съ огромнымъ количествомъ военнаго снабженія и боевыхъ запасовъ, въ особенности въ Тирасполѣ, Николаевѣ и близъ Очакова на остр. Березани. На просьбу Добровольческаго штаба использовать это столь необходимое намъ и безспорно русское достояніе, французское командованіе отказало, отвѣтивъ, что склады эти, «какъ не находящіеся въ зонѣ Добр. Арміи, принадлежатъ Директоріи». При внезапной эвакуаціи почти все это многомилліонное имущество было оставлено большевикамъ. Французы наложили также свою руку на черноморскій тоннажъ, обостривъ взаимоотношенія и путая планы перевозокъ.

Французское командованіе, связанное переговорами съ Директоріей, категорически воспрепятствовало нашей мобилизаціи въ Одесскомъ раіонѣ подъ предлогомъ «непопулярности Добр. Арміи» и могущихъ возникнуть на этой почвѣ безпорядковъ. Между тѣмъ къ ген. Санникову не разъ являлись депутаціи крестьянъ, обѣщавшія поставить большіе контингенты именно по мобилизаціи, такъ какъ идти добровольцами они не рѣшались, опасаясь мести большевиковъ. Тѣмъ болѣе обидными были неоднократныя заявленія чиновъ французскаго штаба въ оправданіе своихъ неудачъ: «русскіе ничего не хотятъ дѣлать сами для своего спасенія, а хотятъ, чтобы мы за нихъ проливали кровь». Не только изъ рядовъ

[1]) Эту работу выполнилъ по порученію бюро Сов. Гос. Об. членъ крайне-правой графъ Стенбокъ-Ферморъ.

французскихъ солдатъ, но и изъ устъ будущаго маршала Франціи бросалось намъ суровое обвиненіе:

— Къ тому же русскіе измѣнили намъ на фронтѣ...

Одновременно по иниціативѣ Андро [1]) и Маргуліеса и при участіи перваго изъ нихъ французы рѣшили приступить къ «болѣе популярнымъ» формированіямъ франко-русскихъ отрядовъ, встрѣтивъ въ этомъ начинаніи сопротивленіе русскихъ властей.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ создались тягостныя тренія между русскимъ и французскимъ командованіемъ, умѣряемыя только ожиданіемъ пріѣзда главнокомандующаго ген. Бертело, который долженъ былъ разрѣшить всѣ спорные принципіальные вопросы.

Бертело пріѣхалъ въ Одессу 30 января. Въ своихъ бесѣдахъ съ Санниковымъ, Шульгинымъ, митр. Платономъ и друг. онъ высказывалъ свой взглядъ по русскому вопросу: 1) Единая Россія; 2) желаніе дѣйствовать въ полномъ согласіи съ ген. Деникинымъ; 3) непризнаніе Украины; 4) Украина — австро-германское изобрѣтеніе, а петлюровское движеніе — сродни большевицкому. Санникову онъ развивалъ свою мысль детальнѣе: вести переговоры съ Украиной заставляетъ слабость силъ; къ концу апрѣля подойдетъ корпусъ волонтеровъ, тогда и покончимъ съ самостійностью. Но, судя по перехваченной телеграммѣ, адресованной Директоріи, Бертело въ духѣ прямо противоположномъ обнадеживалъ и Директорію: «Ген. д'Анзельмъ все время подчеркивалъ — такъ доносили послы Директоріи Маціевичъ и Бачинскій — что французы не имѣютъ намѣренія вмѣшиваться во внутреннія дѣла Украины. Въ этомъ онъ полностью слѣдуетъ инструкціи ген. Бертело. Обѣщалъ полную помощь Украинѣ...»

Въ остальныхъ вопросахъ Бертело всецѣло проявлялъ тенденцію къ захвату всей власти военной и гражданской. Между прочимъ, когда Санниковъ, протестуя противъ «франко-русскихъ отрядовъ», сказалъ, что «объ этомъ желаніи генерала Бертело онъ передастъ главнокомандующему», то получилъ отвѣтъ:

— Ce n'est pas mon desir, mais mon ordre.

Въ результатѣ, однако, Бертело выразилъ желаніе встрѣтиться со мной въ Констанцѣ «черезъ двѣ недѣли», командировалъ въ Екатеринодаръ Андро и двухъ чиновъ штаба д'Анзельма для доклада мнѣ и проведенія принятыхъ французами рѣшеній и обѣщалъ до нашего свиданія не предпринимать никакихъ серьезныхъ измѣненій въ Одесской зонѣ.

Обѣщаніе не было исполнено.

2 февраля появился приказъ Бертело о назначеніи его замѣстителемъ на Югѣ Россіи ген. д'Анзельма, на котораго возлагалось руководство «всѣми вопросами военной политики и администраціи». Указывалось, что «въ дѣлахъ политическаго и административнаго характера», ген. Санниковъ будетъ подчиненъ генералу д'Анзельму, который, однако, «не имѣетъ права вмѣшиваться въ подробности предпринимаемыхъ мѣръ, но долженъ согласовать ихъ съ вопросами военнаго характера». Точно также Санниковъ всецѣло подчиняется французскому командованію въ отношеніи «примѣненія русскихъ войскъ».

По этому поводу я телеграфировалъ ген. Санникову [2]):

«1. Во всѣхъ отношеніяхъ: военномъ, политическомъ, гражданскомъ Вы подчинены мнѣ и только отъ меня можете получать приказанія.

---

[1]) Бывш. уѣздный предводитель двор. по назначенію (Вол. губ.); при гетманѣ — Волынскій губерніальный староста. Человѣкъ ловкій, авантюристическаго типа, правый, аграрій, работавшій совмѣстно съ бюро Сов. Гос. Об.

[2]) 8 февраля, № 219.

2. Предлагаю Вамъ всемѣрно координировать свои дѣйствія съ французскимъ командованіемъ.
3. Въ виду численнаго преобладанія союзническихъ войскъ, русскія части Одесскаго раіона только въ оперативномъ отношеніи подчиняются французскому командованію.
4. Детально взаимоотношенія наши будутъ установлены при свиданіи моемъ съ генераломъ Бертело».

Черезъ два дня Санниковъ телеграфировалъ мнѣ о новомъ распоряженіи французовъ:

«Сегодня ген. д'Анзельмъ по приказанію Бертело предъявилъ мнѣ въ категорической формѣ требованіе формированія бригадъ «Микстъ» на слѣдующихъ основаніяхъ:
1. Офицеры избираются мною преимущественно изъ числа мѣстныхъ уроженцевъ.
2. Солдаты по вольному найму отъ 200—300 руб. въ мѣсяцъ, все продовольствіе наше.
3. Форма одежды французскаго образца, безъ погонъ.
4. Въ каждый полкъ будетъ назначено небольшое количество французскихъ офицеровъ и унтеровъ — инструкторовъ.
5. Эти части въ командномъ отношеніи Добрарміи подчинены не будутъ».

Я отвѣтилъ:

«Категорически воспрещаю Вамъ дѣлать эксперименты съ русскими войсками по чужой указкѣ. Передайте, что я, главнокомандующій, не допускаю ничьего вмѣшательства въ вопросы формированія Русской Арміи. Если бы кто-либо позволилъ себѣ сдѣлать это, объявите, что исполнившіе незаконное распоряженіе будутъ мною преданы суду».

Вмѣстѣ съ тѣмъ по всѣмъ этимъ вопросамъ, кромѣ телеграфнаго протеста, я обратился съ письмомъ къ генералу Бертело [1]), указывая на тѣ «непоправимыя и грозныя послѣдствія, которыя повлекутъ за собой мѣропріятія, намѣченныя французскимъ командованіемъ»:

«Рѣшеніе важнѣйшихъ вопросовъ русской жизни представителями иностранной державы помимо меня и безъ участія назначенныхъ мною представителей влечетъ за собою разрушеніе идеи единаго командованія и единства власти...

Идея формированія бригадъ («Микстъ») изъ русскихъ людей съ иностранными офицерами и подчиненныхъ исключительно французскому командованію не можетъ быть популярна, такъ какъ она идетъ въ разрѣзъ съ идеей возсозданія Русской Арміи, во имя чего борется лучшее офицерство...

Отказъ въ Юго-Западномъ краѣ отъ принудительной мобилизаціи разрушитъ совершенно созданную съ такимъ трудомъ Добровольческую Армію, перешедшую къ принципу обязательной воинской повинности. Изъ областей, въ коихъ формируются части путемъ призыва, лица, пожелавшія уклониться отъ службы, начнутъ уходить въ мѣста, гдѣ отъ этого принципа отказались. Разовьется дезертирство и начнется развалъ частей...

Гражданская власть должна быть въ рукахъ лица, назначеннаго мною, которое дастъ всѣ гарантіи нормальной жизни союзнымъ войскамъ и будетъ координировать свои дѣйствія съ союзнымъ командованіемъ...

Нарушеніе этихъ основныхъ принциповъ ставитъ на очередь тяжкій и волнующій русское общество вопросъ — съ чѣмъ пришли къ намъ союзники? На помощь ли истекающей кровью Россіи или съ цѣлью оккупаціи, со всѣми проистекающими изъ нея тягчайшими для насъ послѣдствіями».

Въ это время войска большевицкаго Южнаго фронта развивали успѣшно наступленіе, угрожая Тавріи и Донецкому раіону, вызвавъ катастрофу на Дону.

---

[1]) 17 февраля, № 62379.

Командуя лично арміями, я, къ сожалѣнію, не имѣлъ возможности оставить ставку и возложилъ поэтому на ген. Драгомирова поѣздку въ Констанцу и переговоры съ ген. Бертело. Послѣдній уклонился, однако, отъ встрѣчи съ Драгомировымъ подъ предлогомъ, что «ожидаетъ изо дня въ день вызова въ Парижъ для доклада о положеніи русскихъ дѣлъ и принятія тамъ опредѣленнаго рѣшенія».

Тѣмъ не менѣе, наша позиція оказала извѣстное вліяніе на французское командованіе въ Одессѣ. Въ теченіе мѣсяца оно не приступало къ выполненію намѣченныхъ плановъ, и только нетерпимость его къ Добр. Арміи возрастала съ каждымъ днемъ, создавая тягостную атмосферу взаимнаго раздраженія. Фрейденбергъ въ это время велъ постоянные переговоры съ бюро Сов. Гос. Об. объ образованіи власти. Большія колебанія вызывали вопросы — быть ли «правительству» или «совѣту при командованіи», и рвать ли съ Добр. Арміей? Въ то же время въ Екатеринодаръ прибывали гонцы, приходили письма, убѣждавшія меня подчиниться требованіямъ французовъ. Показателемъ тогдашнихъ одесскихъ настроеній даже въ кругахъ, сочувствовавшихъ Добр. Арміи, можетъ служить письмо кн. Е. Трубецкого къ одному изъ членовъ Ос. Сов.:

> «Положеніе не только критическое, но и страшное. Если ген. Деникинъ не уступитъ требованіямъ французскаго командованія, то произойдетъ форменный разрывъ между французами и Добровольческой Арміей, ибо положеніе создалось нестерпимое, и требованіе французовъ, чтобы въ зонѣ, ими занятой, гражданская власть, назначенная ген. Деникинымъ, подчинялась имъ, вполнѣ резонно. Никакая армія не можетъ в ъ с ф е р ѣ в о е н н ы х ъ д ѣ й с т в і й ставить себя въ зависимость отъ власти, ей неподчиненной...
>
> А при несогласіи я предвижу тѣ же роковыя послѣдствія, какъ и баронъ Меллеръ-Закомельскій. Это можетъ кончиться полнымъ отдѣленіемъ Украины. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ, какое вслѣдствіе этого наступитъ положеніе. И Національный центръ и Совѣтъ Гос. Об. должны будутъ прекратить свою дѣятельность здѣсь, если (за отказомъ Деникина назначить генералъ-губернатора по соглашенію съ Бертело) власть будетъ захвачена французами. Что же будетъ тогда? Е д и н с т в е н н ы м и сотрудниками французовъ по управленію краемъ окажутся лѣвые и самостійники, которые будутъ подбивать ихъ на расчлененіе Россіи в о и м я п р и н ц и п о в ъ В и л ь с о н а».

Отношеніе благопріятное къ факту французской оккупаціи создалось и въ управл. вн. дѣлъ (Ос. Сов.). Начальникъ управленія Чебышевъ подъ вліяніемъ круговъ Сов. Гос. Об. разработалъ и представилъ мнѣ «схему» управленія для Одессы, съ фактической властью французскаго командующаго, фиктивной — русскаго, съ «завѣдующимъ гражданской частью», подчиненнымъ обоимъ вмѣстѣ, съ «начальниками отдѣловъ» (министрами), подвѣдомственными Ос. Сов. и подчиненными «завѣд. гражд. частью»; наряду съ «совѣтомъ управляющихъ» отводилось большое мѣсто «политическому совѣщанію» изъ представителей политическихъ организацій, приглашаемыхъ... французскимъ командующимъ и т. д.

Всѣ эти многоэтажныя постройки одесскихъ и екатеринодарскихъ архитекторовъ поражали своей надуманностью и полнымъ игнорированіемъ военно-стратегической обстановки — все болѣе и болѣе грозной.

* * *

Если французское правительство отнеслось съ большой небрежностью къ выбору лицъ, представлявшихъ его первое время на Югѣ Россіи, если въ дѣйствіяхъ этихъ лицъ мы видѣли признаки поразительнаго непониманія русской дѣйствительности, то изслѣдованіе той обстановки, въ которой протекала ихъ дѣятельность, послужитъ для нихъ передъ судомъ исторіи смягчающимъ вину обстоятельствомъ.

Гораздо тяжелѣе, однако, было положеніе русской власти въ лицѣ ген. Санникова и Гришина-Алмазова, усугублявшееся еще тѣмъ, что, кромѣ неустаннаго и тягостнаго воздѣйствія политическихъ и общественныхъ группъ, они испытывали на каждомъ шагу своеволіе и гнетъ, подчасъ оскорбительное отношеніе французскаго командованія. Было бы неправильнымъ отрицать ошибки и самой русской власти. Въ одномъ изъ политическихъ обзоровъ того времени о нихъ говорится:

> «Напряженная атмосфера требовала и особыхъ методовъ управленія. Широкая децентрализація мѣстной власти, высокая активность ея во всѣхъ областяхъ управленія могли бы въ этихъ трудныхъ условіяхъ, вдали отъ руководящаго центра и при отсутствіи надежной связи съ нимъ спасти положеніе. Но то и другое въ значительной мѣрѣ отсутствовало, особенно въ періодъ до назначенія главноначальствующаго. Но и въ дальнѣйшемъ, даже при достаточномъ объемѣ власти главнонач., картина почти не измѣнилась, и оба недостатка давали себя знать въ каждомъ мало-мальски серьезномъ случаѣ.
>
> ... Представители Добр. Арміи въ Одессѣ не могли справиться съ тяжелымъ положеніемъ... Они не проявили достаточнаго мужества и дипломатической изворотливости, чтобы выйти изъ создавшагося положенія. Ко всему происходящему въ Одессѣ они относились слишкомъ формально, держались далеко отъ французскаго командованія, очень легко раздражались его распоряженіями и не всегда умѣли скрывать свои чувства. Однимъ словомъ, необходимо съ полной откровенностью признать, что они не нашлись въ столь трудныхъ обстоятельствахъ и вызывали неудовольствіе даже со стороны круговъ, ставившихъ своей задачей всемѣрную поддержку Добр. Арміи, ибо своими дѣйствіями зачастую выбивали у нихъ изъ-подъ ногъ почву для ея защиты».

Въ части, касающейся взаимоотношеній съ французами, эта оцѣнка вовсе несправедлива. Начальствующія лица Одессы проявили и добрую волю и уступчивость до такихъ предѣловъ, за которыми слѣдовалъ бы явный ущербъ не только достоинству, но и цѣлесообразности...

Но «одесскій омутъ» погубилъ и ихъ, и идею французской интервенціи, и самую Ѳеодосію.

ГЛАВА IV.

Военное положеніе Одесской зоны. Французская оккупація. Паденіе Одессы.

Въ одесскій раіонъ все прибывали союзныя войска, и къ серединѣ марта тамъ было сосредоточено полторы французскихъ дивизіи, двѣ греческихъ и польская бригада. Добровольческая бригада [1]), не взирая на противодѣйствіе французовъ, къ тому времени достигла состава 5 000 чел., по преимуществу офицеровъ. Это было очень мало, принимая во вниманіе наличіе большого числа офицерства въ

[1]) Главнымъ образомъ изъ кадровъ 4-й стрѣлковой и 15-й пѣх. дивизіи, расположенныхъ до войны въ Одессѣ и пріобрѣвшихъ за время кампаніи исключительно высокую боевую репутацію. Сформировано было два полка пѣхоты, полкъ конницы, артилл. бригада, понт. дивизіонъ, бронев. и авіац. части.

южныхъ городахъ и массы буржуазной молодежи призывного возраста. Добровольно поступали неохотно, потому что мало было патріотическаго подъема, былъ страхъ у однихъ и надежда у другихъ, что дѣло обойдется и безъ ихъ содѣйствія... Къ тому же—кто хотѣлъ бороться, тотъ давно уже поступилъ въ одну изъ дѣйствующихъ русскихъ армій. Если въ первый эпическій періодъ добровольчества въ донскихъ и кубанскихъ степяхъ старые полковники съ молодымъ энтузіазмомъ становились съ винтовкой въ ряды, то теперь не многихъ прельщала роль рядового въ немобилизованныхъ частяхъ, при отсутствіи ближайшихъ перспективъ, при скудномъ окладѣ и бѣдномъ снабженіи. Гетманскіе генералы считали зазорнымъ подвергать разсмотрѣнію комиссіи свое прохожденіе службы [1]) и въ большинствѣ заняли враждебное положеніе въ отношеніи Добров. Арміи, возбуждая противъ нее офицерство.

Тѣмъ не менѣе Добровольческая бригада въ рукахъ одного изъ первыхъ Добровольцевъ, генерала Тимановскаго, человѣка исключительной храбрости, хотя и не организованная еще, представляла изъ себя серьезную и надежную силу.

Вполнѣ благопріятны были отзывы о греческихъ войскахъ, политически и морально вполнѣ устойчивыхъ, не утомленныхъ войной, гордыхъ своей ролью «защитниковъ России» и желавшихъ бороться съ большевиками. Хотя и были боевые недочеты въ греческихъ частяхъ, но являлись они скорѣе результатомъ непониманія обстановки и плохого управленія, находившагося въ рукахъ французовъ.

Менѣе благопріятно было состояніе французскихъ войскъ. Въ самомъ началѣ возникновенія идеи интервенціи, осенью 1919 г. ген. Франше д'Эспре въ телеграммѣ, адресованной Клемансо, выражалъ сомнѣніе въ удачѣ похода «въ обширную и холодную Россію...» «Мои солдаты — писалъ онъ — не возражающіе противъ пребыванія на востокѣ и охотно наступающіе на Венгрію, предвкушая тріумфальное вторженіе въ Германію, врядъ ли согласятся участвовать въ военныхъ операціяхъ, имѣющихъ цѣлью оккупацію России и Украины». Миръ, демобилизація, родные очаги, отъ которыхъ многіе были оторваны нѣсколько лѣтъ, и перспективы новой, малопонятной и, повидимому, надолго затягивающейся войны вызывали среди французскихъ «poilus» сильнѣйшую реакцію. Воевать они больше не хотѣли. Большевицкая агитація — въ самой Одессѣ издавалась подпольная газета «Одесскій Коммунистъ» на русскомъ и французскомъ языкахъ при участіи французскихъ солдатъ и матросовъ — поддерживала это настроеніе. Дурнымъ предзнаменованіемъ служили эпизоды въ Тираснолѣ и дер. Бѣляевкѣ (начало одесскаго водопровода), гдѣ произошло выступленіе мѣстныхъ большевиковъ. Французскія части не проявили ни устойчивости, ни желанія драться, и возстаніе подавлено было при участіи подошедшихъ Добровольцевъ. Неувѣренность въ своихъ войскахъ наложила совершенно пассивный отпечатокъ на стратегію французскаго командованія, которое сосредотачивало всѣ свои силы къ Одессѣ... ближе къ транспортамъ, выставивъ на дальнихъ подступахъ лишь ничтожные заслоны.

Это положеніе не представляло опасности, пока передъ фронтомъ были «нейтральныя» петлюровскія и мѣстныя большевицкія банды. Хотя и тогда уже былъ случай, что подъ напоромъ небольшой партіи мѣстныхъ большевиковъ со стороны Вознесенска, французскій авангардъ бросилъ позицію... Въ серединѣ февраля измѣнившій Петлюрѣ атаманъ Григорьевъ повелъ наступленіе неорганизованными

---

[1]) Фактъ пребыванія на гетманской службѣ самъ по себѣ не вмѣнялся въ вину; разслѣдовалась лишь политическая роль старшихъ начальниковъ и отношеніе ихъ къ національной идеѣ.

бандами, силою въ 1 700 чел. съ 3 орудiями на Херсонъ, занятый однимъ батал. грековъ и ротой французовъ съ 2 оруд. Нѣсколько дней длился бой, главной тяжестью своей легшiй на грековъ; подъ прикрытiемъ прибывшихъ на поддержку двухъ батальоновъ и огня судовыхъ орудiй, союзный отрядъ, понесшiй большiя потери, былъ посаженъ на транспорты и увезенъ въ Одессу... Вслѣдъ за Херсономъ, уже безъ всякаго давленiя противника, союзники съ большой поспѣшностью бросили и Николаевъ, уведя бывшiй тамъ отрядъ на судахъ также въ Одессу, обнаживъ тѣмъ сѣверо-восточные подступы къ ней и островъ Березань съ его огромными артиллерiйскими складами. Только выдвиженiе Добровольческихъ частей къ Очакову сохранило эти склады временно въ нашихъ рукахъ. По требованiю большевиковъ въ Николаевѣ была оставлена неповрежденной мощная радiостанцiя, а тамошнiй французскiй представитель, свидѣтельствуя о высокой лойяльности французовъ, заявилъ: «нашъ уходъ вызванъ не нашей слабостью, а исключительно желанiемъ не противодѣйствовать волѣ населенiя...»

Черезъ нѣсколько дней (въ мартѣ) союзники понесли новое пораженiе въ Вознесенскомъ направленiи, у ст. Березовки. Атакованные большевиками, они начали безпорядочное отступленiе, оставивъ 6 оруд., 5 танковъ, бросая раненыхъ, обозы и аммуницiю... Выдвинутый изъ резерва греческiй батальонъ остановилъ часть отступавшихъ въ переходѣ отъ Березовки, другiе уходили дальше до самой Одессы.

Эти событiя произвели тяжелое впечатлѣнiе, подорвавъ всякую вѣру въ желанiе или возможность союзнаго командованiя серьезно бороться противъ большевиковъ. Тѣмъ болѣе, что на этомъ фронтѣ наступали только одинъ, а къ концу два полка 2-й повстанческой дивизiи и плохо организованные партизаны атамана Григорьева, бывшiе петлюровцы. Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ глазахъ большевиковъ окончательно померкъ ореолъ боевой репутацiи союзниковъ; дѣйствiя совѣтскихъ войскъ становились все смѣлѣе, тонъ большевицкой прессы, воззванiй и приказовъ все наглѣе, находя откликъ среди большевиковъ Одессы. Упало совершенно настроенiе французскаго офицерства, поставленнаго передъ фактомъ паденiя дисциплины въ солдатской массѣ и лишенной логическаго смысла стратегiи. «Всѣ союзные офицеры ругаются — писалъ одинъ изъ нихъ. — По ихъ мнѣнiю моментъ упущенъ, зубы надо было показать сразу, а не играть въ бирюльки. Или не надо было вовсе приходить или надо было сразу занять Югъ крѣпко». А д'Ансельмъ — Фрейденбергъ въ оправданiе пораженiй доносили въ Парижъ, что большевизмъ — движенiе народное и большевицкiя войска по своимъ боевымъ качествамъ напоминаютъ французскiя временъ великой революцiи... На почвѣ самоувѣренности побѣдителей въ мiровой войнѣ, непонятной стратегiи и неравномѣрнаго распредѣленiя боевой работы вскорѣ возникли и непрiязненныя отношенiя между французами и греками.

Подъ влiянiемъ неудачъ французскiй штабъ рѣшилъ было оттянуть войска для непосредственнаго прикрытiя Одессы и только благодаря настойчивымъ представленiямъ Гришина-Алмазова согласился удерживать фронтъ на линiи Тирасполь (румыны) — Буялыкъ (греки и небольш. части французовъ) — Очаковъ (русскiе Добровольцы).

Кольцо вокругъ Одессы вновь сжалось, повергая въ унынiе и безнадежность населенiе злополучнаго города.

Казалось бы, такое положенiе обязывало французское командованiе къ извѣстной скромности и требовало необычайной осторожности, чтобы какимъ-либо внутреннимъ потрясенiемъ не вызвать катастрофы...

* * *

Въ концѣ февраля штабъ д'Анзельма получилъ исходившее отъ Пишона распоряженіе — воздержаться временно отъ формированій русско-французскихъ бригадъ на территоріи Добр. Арміи [1]). Поэтому и въ связи съ распространившимися по городу тревожными слухами о разрывѣ съ нами, Фрейденбергъ 28 февраля далъ газетамъ довольно странное офиціальное разъясненіе: «Слухи преувеличены... Добровольцы продолжаютъ дѣйствовать въ полномъ контактѣ съ союзниками... Въ виду того, что ген. Деникинъ издалъ приказъ, въ силу котораго всякій офицеръ, вступившій въ (смѣшанныя) бригады, будетъ преданъ суду, французское командованіе, не желая, чтобы какое-либо новое формированіе подъ его руководствомъ влекло за собой гибель русскихъ офицеровъ, признало необходимымъ отсрочить осуществленіе намѣченнаго проекта...»

Между тѣмъ въ этотъ день 28-го, вслѣдствіе распоряженія, полученнаго отъ Бертело, разрывъ былъ предрѣшенъ окончательно [2]). На совѣщаніи, въ которомъ приняли участіе ген. д'Анзельмъ, полк. Фрейденбергъ и предс. бюро Сов. Гос. Об. бар. Меллеръ-Закомельскій, принято было рѣшеніе объявить въ Одесскомъ раіонѣ осадное положеніе, съ переходомъ всей полноты власти къ французскому командованію. Тутъ же намѣченъ былъ и составъ новаго правительства подъ именемъ «Совѣта»: Андро (предс. и вн. дѣлъ), Григоренко (землед., торг. и пром.), Маргуліесъ (финанс.), ген. Шварцъ (военн.). Собравшійся въ тотъ же день «пленумъ» Сов. Гос. Об. (40 чел.) одобрилъ дѣйствія своего предсѣдателя и вхожденіе въ «правительство» Маргуліеса.

Ген. Санниковъ послѣдніе дни отсутствовалъ. «Третью недѣлю не получая никакихъ свѣдѣній изъ Екатеринодара» [3]), онъ прибылъ въ Севастополь, чтобы оттуда переговорить съ ген. Драгомировымъ по прямому проводу. По возвращеніи онъ былъ приглашенъ вмѣстѣ съ Гришинымъ-Алмазовымъ къ ген. д'Анзельму, гдѣ имъ сообщено было состоявшееся рѣшеніе. Ихъ категорическій протестъ не оказалъ никакого дѣйствія.

1 марта изъ трехъ приказовъ ген. д'Анзельма населеніе Одессы узнало о свершившемся переворотѣ, для «сохраненія престижа Добр. Арміи» облеченномъ въ нѣсколько туманныя формы:

13 марта 1919 г.

«1. Принимая на себя командованіе всей зоною, занятою союзными войсками, генералъ д'Анзельмъ призываетъ всѣхъ къ поддержанію порядка и къ добросовѣстному исполненію гражданской и военной службы.

Мѣры, необходимыя для обезпеченія города продовольствіемъ, приняты.

2. Принимая во вниманіе затрудненія въ сношеніяхъ съ установленными властями, принимая во вниманіе необходимость немедленно объединить всѣ силы для защиты области, генералъ, Командующій союзными си-

---

[1]) Повидимому, результатъ моей телеграммы Сазонову.

[2]) Къ этому же времени вернулись изъ Бухареста и Константинополя послы Сов. Гос. Об. — кн. Урусовъ, Шебеко и Моловъ, которые на различныхъ собраніяхъ проводили взгляды ген. Франше д'Эспре и Бертело на необходимость образованія въ Одессѣ особаго правительства, независимаго отъ Добр. Арміи и подчиненнаго французамъ.

[3]) Жалобы на отсутствіе связи, въ виду перерывовъ участка линіи Одесса — Севастополь, были постоянными; мои руководящія указанія запаздывали, иногда не доходили вовсе; французская радіостанція не разъ отказывала въ пріемѣ нашихъ телеграммъ; приходилось досылать ихъ изъ Севастополя на посыльномъ суднѣ. Вообще служба связи была такова, что только чьимъ-то злымъ умысломъ, а не одними техническими несовершенствами можно было объяснить ея состояніе.

лами, объявляетъ осадное положеніе въ зонѣ, занятой союзниками, начиная съ 1 часа 15 марта.

Предлагается всѣмъ гражданскимъ и военнымъ частямъ неукоснительно исполнять, на основаніи законовъ военнаго времени, приказы генерала, Командующаго союзными силами.

3. Генералъ, Командующій союзными войсками, назначаетъ своимъ помощникомъ по гражданской части г. Андрольда (транскрипція перевода) Андро де Ланжерона, который вступитъ въ исполненіе своихъ обязанностей съ 14 марта с. г. въ 12 час. дня.

Согласно предложенія г. Помощника по гражданской части, въ случаѣ необходимости будутъ назначены различные техническіе представители для исполненія различныхъ обязанностей.

Генералъ Боріусъ продолжаетъ находиться во главѣ мѣстнаго гарнизона.

Генералъ Гришинъ-Алмазовъ продолжаетъ командовать Добровольческой Арміей».

Сообщая мнѣ о происшедшемъ, ген. д'Анзельмъ увѣрялъ, что это «лишь временная мѣра, вызванная грознымъ положеніемъ».

Получивъ первыя неполныя свѣдѣнія о переворотѣ, я приказалъ ген. Санникову передать «самый рѣшительный протестъ отъ моего имени» и вслѣдъ за симъ, по выясненіи положенія отправилъ ему телеграмму, съ копіей д'Анзельму и Бертело слѣдующаго содержанія:

«Передайте генералу д'Анзельмъ на его телеграмму отъ 17 марта слѣдующее: я совершенно не допускаю установленія никакой гражданской власти, кромѣ назначенной мною. Поэтому приказываю:

1. Ни въ какія сношенія съ Андро не вступать, никакихъ распоряженій его не выполнять, ни Вамъ, ни гражданскимъ властямъ. Какое бы то ни было участіе въ управленіи краемъ Андро, какъ лица, не заслуживающаго довѣрія, не допускаю.
2. Вамъ, сохраняя полную гражданскую власть, надлежитъ всемѣрно согласовать свои дѣйствія съ французскимъ командованіемъ въ интересахъ соблюденія порядка и обезпеченія союзныхъ армій.
3. Въ интересахъ борьбы съ большевиками Вы, какъ командующій войсками, исполняете оперативныя указанія французскаго командованія, но помимо Васъ ни одно распоряженіе не можетъ быть отдано русскимъ войскамъ.
4. Въ случаѣ полнаго перерыва связи, предоставляю Вамъ принятіе чрезвычайныхъ мѣръ отъ моего имени съ соблюденіемъ достоинства Россіи, интересовъ Добровольческой Арміи и края.
5. По поводу дѣйствій генерала д'Анзельма дѣлается сношеніе съ французскимъ правительствомъ». 18 марта. № 389.

Между тѣмъ, одесская общественность съ рѣдкимъ единодушіемъ, совершенно неожиданнымъ для ген. д'Анзельма, проявила свое удивленіе и возмущеніе фактомъ французской оккупаціи. Даже круги, настроенные отрицательно къ Добр. Арміи, въ эти дни измѣнили свое отношеніе къ ней, видя въ происшедшемъ ударъ, нанесенный и русскому національному достоинству, и русской организованной вооруженной силѣ. Прежде всего обратились къ д'Анзельму съ «меморандумомъ» офиціальные представители русской власти [1]). Соглашаясь съ тѣмъ, что въ виду осаднаго положенія вся власть должна принадлежать старшему военному начальнику, въ данномъ случаѣ ген. д'Анзельму, который могъ

---

[1]) Подписали: Митроп. Платонъ, генералы Санниковъ и Гришинъ-Алмазовъ, члены Ос. Сов. Бернацкій, Лебедевъ, Шульгинъ.

бы осуществлять ее черезъ русскаго главноначальствующаго, они протестовали противъ «узурпаціи» и «разрушенія русскаго аппарата управленія». Протестовалъ областной отдѣлъ Нац. центра. «Южно-русскій нац. центръ», высказывая свое негодованіе противъ французскаго командованія въ телеграммѣ, адресованной мнѣ, онъ полагалъ все же, что «всѣ эти несправедливости, очевидно, продиктованныя невѣжествомъ, надо терпѣть, подавивъ раздраженіе. Разорвать съ французами Добровольческая Армія не можетъ...» «Демократическій фронтъ» въ лицѣ представителей Городской думы, Земско-городск. об., Союза Возр., к.-д., н. с., с.-р., и с.-д. меньш.[1]) заявилъ д'Анзельму:

> «Если французское командованіе вмѣсто добровольческаго управленія Одессой создастъ правительственный органъ подъ своей эгидой, это вызоветъ острое недовольство одесскаго населенія. Въ теперешнемъ спорѣ между штабомъ французскихъ войскъ и Добровольческимъ командованіемъ Одесская дума и наиболѣе вліятельныя демократическія и соціалистическія организаціи солидаризируются съ Добровольческой Арміей противъ всякихъ попытокъ со стороны французскаго штаба устанавливать какую бы то ни было «Южно-русскую власть», имѣющую характеръ колоніальнаго режима и нарушающую суверенитетъ Россіи».

Союзъ Возр., полагая, что никакого «правительства» въ Одессѣ не нужно, но считаясь съ фактомъ осаднаго положенія, потребовалъ «для охраны интересовъ русскаго населенія» образованія совѣщанія изъ представителей Добр. Арміи, думы и уѣзднаго земства. Наконецъ, въ самомъ Совѣтѣ Гос. Об. произошелъ рѣзкій, давно назрѣвавшій кризисъ. Подъ вліяніемъ главнымъ образомъ профессорской группы на многолюдномъ засѣданіи 7 марта было высказано осужденіе дѣятельности бюро и принято постановленіе, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «признавая, что въ настоящее время на Югѣ Россіи Добров. Армія является единственной управомоченной носительницей государственнаго единства, Совѣтъ считаетъ крайне опаснымъ и вреднымъ для русскаго дѣла возникновеніе помимо ея согласія и участія какихъ-либо новыхъ государственныхъ властей и образованій».

Съ такимъ же единодушнымъ осужденіемъ общество отнеслось къ «правительству» Андро. Часть приглашенныхъ въ него лицъ наотрѣзъ отказалась; ген. Шварцъ, не взирая на настойчивые уговоры бар. Меллеръ-Закомельскаго, Андро и Маргуліеса, колебался; Маргуліесъ, первоначально согласившись и принявъ даже участіе въ составленіи письменныхъ актовъ переворота, за симъ отказался отъ вхожденія въ правительство подъ такимъ предлогомъ: «я — иниціаторъ особой южно-русской власти, я — иниціаторъ комитета при французскомъ командованіи, я же служилъ для сношеній съ французами; если я буду назначенъ министромъ, вся моя предыдущая дѣятельность потеряетъ принципіальный характеръ и будетъ имѣть видъ личной интриги...» Дѣло сдѣлано, пожинать плоды его и расплачиваться — это можно было предоставить другимъ... И Маргуліесъ спѣшно, 2 марта уѣхалъ въ Парижъ, попросивъ на всякій случай «у секретаря... копію протокола того засѣданія бюро Сов. Гос. Об., гдѣ единогласно, вопреки (его) отказу, было рѣшено требовать (его) вступленія въ правительство при французскомъ командованіи»[2]).

Изъ всѣхъ организованныхъ группъ новое «правительство» поддерживалъ только крайній секторъ «Союза хлѣборобовъ», и по уполномочію его хлѣборобъ,

---

[1]) Делегація въ составѣ Титова, Фундаминскаго, Рубинштейна и Брайкевича 1 марта. «На чужой сторонѣ». Статья Брайкевича.

[2]) Маргуліесъ. «Годъ Интервенціи».

графъ Стенбокъ-Ферморъ съ особой делегаціей объѣзжалъ вліятельныхъ дѣятелей Одессы, склоняя ихъ оказать поддержку Андро или, по крайней мѣрѣ, не препятствовать ему и французамъ «спасать Россію...»

Найти, однако, сотрудниковъ въ свой кабинетъ Андро не удалось.

Подъ дружнымъ натискомъ общественнаго мнѣнія французское командованіе совершенно растерялось. Въ ближайшіе дни въ печати появился рядъ офиціальныхъ «разъясненій», имѣвшихъ цѣлью представить событія 1 марта въ иномъ свѣтѣ. Ген. д'Анзельмъ заявилъ въ печати:

> «Объявляя осадное положеніе, французское командованіе дѣйствовало исключительно въ цѣляхъ координаціи общихъ усилій для защиты области и обезпеченія населенія продовольствіемъ. При этомъ отнюдь не имѣлось въ виду измѣнять наладившійся административный аппаратъ, установленный властью Добровольческой Арміи. Если назначеніе моимъ помощникомъ по гражданской части г. Андро было сдѣлано, не дождавшись одобренія ген. Деникина, то это объясняется исключительно создавшимися обстоятельствами, мѣшающими быстротѣ сношеній съ Екатеринодаромъ...
>
> ... Въ соотвѣтствіи съ французской практикой осаднаго положенія при мнѣ будетъ образованъ особый совѣтъ подъ названіемъ «Комитета Обороны и Продовольствія». Въ составъ этого комитета войдутъ нынѣшніе представители вѣдомствъ или же лица спеціально на то уполномоченныя русской властью — Добровольческимъ командованіемъ, а также спеціалисты по отдѣльнымъ отраслямъ, по моему особому приглашенію. Повторяю, что Комитетъ обороны и продовольствія отнюдь не будетъ призванъ замѣнить нынѣшнія власти, установленныя генераломъ Деникинымъ, а будетъ являться исключительно вспомогательно-техническимъ аппаратомъ во время осаднаго положенія, преслѣдуя при этомъ основную цѣль — защиту Одессы и улучшеніе продовольствія ея населенія. Первоначальная мысль о коллегіи техническихъ совѣтчиковъ при моемъ помощникѣ по гражданской части нынѣ оставлена.
>
> ... Отмежевываться отъ Добровольческой Арміи отнюдь не входитъ въ намѣренія французскаго командованія. Напротивъ того — мы все время стремимся къ тѣсному съ нею сотрудничеству, для наилучшаго обезпеченія нашей общей цѣли — защиты порядка и безопасности гражданъ».

Ген. Шварцъ, до того времени колебавшійся, «по настоятельнымъ просьбамъ — какъ онъ пишетъ — всѣхъ политическихъ, военныхъ и промышленныхъ организацій въ Одессѣ», согласился «вступить въ формируемую новую власть» [1]).

И 6 марта ген. д'Анзельмъ отдалъ приказъ (№ 42) о составѣ «Комитета обороны и продовольствія», состоящаго подъ его предсѣдательствомъ: 1) Адмиралъ, командующій союзными силами, 2) военный помощникъ, ген. Шварцъ, 3) команд. русскими войсками, ген. Гришинъ-Алмазовъ [2]), 4) гражд. помощникъ Андро, 5) финансовый совѣтникъ Молотковъ (отказался), 6) совѣтн. въ отд. Труда и Продовольствія Рутенбергъ [3]), 7) совѣтн. въ отд. навигаціи, адм. Хоменко, 8) городской голова и 9) губернаторъ — по дѣламъ города и губерніи. Послѣдующимъ приказомъ (7-го марта, № 43 [4]) было разъяснено, что управленіе Добровольческими частями и полиція находятся въ вѣдѣніи ген. Гришина-Алмазова, а «губернаторъ» и администрація подчиняются Андро.

---

[1]) Въ показаніяхъ ген. Шварца есть ссылки на делегаціи отъ такихъ организацій, какъ Нац. центръ («Челноковъ и др.»), Союзъ Возр. («Бунаковъ-Фундаминскій, Пѣшехоновъ»), Городск. дума («Брайкевичъ»), частью уже категорически опровергнутыя въ печати.

[2]) Ген. Санниковъ, по возвращеніи изъ Севастополя не вступалъ въ командованіе.

[3]) Извѣстный соц.-рев., убійца Гапона.

[4]) Приказы № 42 и 43 повидимому въ печать не были даны.

Недѣля 1—8 марта прошла подъ знакомъ необычайнаго политическаго ажіотажа, полной неопредѣленности положенія и двоевластія. Ожидался пріѣздъ генераловъ Франше д'Эспре и Бертело, которые должны были разрѣшить на мѣстѣ окончательно судьбу одесской власти. Ихъ пріѣзду предшествовала полученная французскимъ штабомъ телеграмма, подписанная Бертело:

«Парижъ рѣшилъ:

1. Сосредоточить средства (des moyens) для защиты Одессы.
2. Продовольствіе города будетъ обезпечено на милліонъ жителей»[1]).
3. Ген. Франше д'Эспре принимаетъ командованіе союзными войсками на Югѣ Россіи»[2]).

Ген. Франше д'Эспре пріѣхалъ 7 марта, очевидно, съ заранѣе принятымъ рѣшеніемъ. Въ бесѣдѣ съ чинами французскаго штаба не скрывалъ своего презрѣнія къ русскимъ; былъ сухъ и почти грубъ съ Добровольческими властями; не принялъ представителей нац. центровъ; бесѣдовалъ съ Андро («вождь хлѣборобовъ») и бар. Меллеръ-Закомельскимъ, выразившимъ отъ имени Сов. Гос. Об. «счастье привѣтствовать прибытіе славнаго вождя», пріѣздъ котораго «воскресилъ надежду всѣхъ русскихъ патріотовъ»; отнесся болѣе внимательно, чѣмъ къ другимъ, къ делегаціи Союза Возр., которой заявилъ:

«Цѣлью пребыванія французскихъ войскъ на территоріи Россіи является всемѣрное оказаніе помощи русскому народу въ его стремленіи къ созданію въ странѣ должнаго порядка. При этомъ, однако, союзники совершенно не имѣютъ въ виду вмѣшательство въ русскія дѣла. Они отнюдь не намѣрены создавать здѣсь колоніальный режимъ. Всѣ ихъ старанія будутъ направлены на то, чтобы помочь создать здѣсь такія условія порядка, при которыхъ возможенъ будетъ созывъ Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго избирательнаго права».

И въ тотъ же день отдалъ распоряженіе генералу д'Азельму, вылившееся въ приказъ послѣдняго отъ 8 марта:

«По приказанію генерала Франше д'Эспре и въ силу осаднаго положенія:

1. Генералъ Шварцъ назначенъ генералъ-губернаторомъ гор. Одессы и командующимъ русскими войсками въ союзной зонѣ.
2. Генералъ Тимановскій принимаетъ командованіе русской Добровольческой Арміей въ Одесскомъ раіонѣ.
3. Милиція въ прямомъ подчиненіи генералъ-губернатора Одессы.
4. Вступленіе въ должность должно быть произведено сегодня 21 марта нов. стиля до 20 часовъ (8 час. веч.).

Генералъ д'Анзельмъ, Командующій союзными силами на Югѣ Россіи.

Начальникъ штаба Фрейденбергъ».

Одновременно былъ объявленъ упомянутый выше приказъ (№ 42) о «Комитетѣ обороны и продовольствія», съ изъятіемъ статьи, относящейся къ Гришину-Алмазову, и другой приказъ, громоздившій новую надстройку въ франко-русскомъ зданіи власти: «Чрезвычайный совѣщательный органъ», подъ предсѣдательствомъ ген. д'Анзельма и въ составѣ Шварца, Брайкевича и Бутенко...[3]).

---

[1]) Въ дальнѣйшемъ послѣдовало разъясненіе въ печати: «Населеніе будетъ снабжаться продуктами первой необходимости изъ складовъ... въ Салоникахъ и Константинополѣ. Хлѣбъ, консервы всякихъ видовъ, мясо могутъ быть доставлены въ первую очередь».

[2]) Съ этого дня ген. Бертело оставался командующимъ войсками только на Балканахъ.

[3]) Совѣщаніе фактически не собиралось.

Генералы Санниковъ и Гришинъ-Алмазовъ были высланы изъ Одессы съ ненужной грубостью: въ экземплярѣ приказа, присланномъ Гришину-Алмазову, была приписка: «Завтра 9 (22) марта генералъ Санниковъ выѣзжаетъ въ Екатеринодаръ. Его сопровождаетъ ген. Гришинъ-Алмазовъ».

Въ тотъ же день 8 марта ген. Франше д'Эспре послалъ мнѣ письмо:

> «Я засталъ въ Одессѣ положеніе весьма серьезное, вслѣдствіе недоразумѣній, царящихъ между различными властями, въ то время какъ непріятель стоитъ у воротъ города.
>
> Такое положеніе продолжаться не можетъ. Въ виду этого, а также согласно правилъ, Генералъ д'Анзельмъ объявилъ осадное положеніе.
>
> Въ виду отдаленности и невозможности для насъ встрѣтиться или быстро снестись, мною приняты слѣдующія мѣры:
>
> 1. Генералъ Шварцъ, котораго знаетъ и цѣнитъ вся Европа, принимаетъ командованіе надъ всѣми русскими войсками и будетъ исполнять обязанности генералъ-губернатора.
>   Онъ Вамъ періодически будетъ представлять рапорты и отчеты, но будетъ принимать на мѣстѣ тѣ рѣшенія, которыя требуетъ серьезность положенія.
> 2. Генералъ Тимановскій сохраняетъ командованіе бригадой Добровольческой Арміи.
> 3. Генералы Санниковъ и Гришинъ-Алмазовъ предоставляются въ Ваше распоряженіе.
>
> Таковыя мѣры согласованы съ желаніями Союзныхъ Правительствъ, въ томъ числѣ и Русскаго Правительства.
>
> Я думаю, что эти мѣропріятія позволятъ намъ возстановить положеніе здѣсь и работать совмѣстно на возсозданіе Россіи, чего мы всѣ желаемъ.
>
> Въ ожиданіи удовольствія встрѣчи съ Вами, я прошу Васъ вѣрить въ искренность моихъ пожеланій успѣха Вашей Арміи».

Въ этомъ письмѣ, которое больно задѣвало чувство національнаго достоинства и казалось предтечей болѣе грозныхъ событій, вызывало большое недоумѣніе упоминаніе о «русскомъ правительствѣ». Позднѣе недоумѣніе разъяснилось: передъ отъѣздомъ генерала Санникова Франше д'Эспре сообщилъ ему, что «въ Парижѣ образовалось русское правительство съ кн. Львовымъ во главѣ. Это правительство признано Франціей и адмираломъ Колчакомъ. По соглашенію между этимъ правительствомъ и французскимъ — Франціи предоставлено взять въ оккупаціонное управленіе южную Россію» [1]).

Откуда черпалъ французскій главнокомандующій эти свѣдѣнія и кто, вообще, былъ источникомъ мистификаціи — мнѣ неизвѣстно.

Принявъ во вниманіе совѣты управл. отд. иностр. дѣлъ о необходимости величайшей выдержки въ создавшемся тяжеломъ положеніи, я порвалъ составленный мною въ рѣзкомъ тонѣ протестъ и послалъ ген. Франше д'Эспре 14 марта телеграмму болѣе чѣмъ сдержанную: «... Устраненіе назначенныхъ мною властей — писалъ я — повергло меня въ полное недоумѣніе... Полагаю, что въ этомъ дѣлѣ кроется недоразумѣніе, которое можетъ вызвать серьезныя послѣдствія... Поэтому считаю желательнымъ скорѣйшее наше свиданіе...» Въ виду тяжелаго положенія на фронтѣ я предлагалъ назначить встрѣчу въ одномъ изъ

---

[1]) Командующій Крымской Добр. Арміей ген. Боровскій доносилъ мнѣ также о разговорѣ съ нимъ въ Севастополѣ генерала Франше, который говорилъ ему: «нѣтъ никакой Добровольческой Арміи или Сибирской, а есть одна Русская Армія, какъ рѣшило образовавшееся въ Парижѣ Русское правительство въ составѣ Сазонова, Львова, Маклакова и ген. Щербачева». Телеграмма отъ 12 марта, № 744.

портовъ, «если возможно, не далѣе Севастополя...» Получилъ весьма учтивый отвѣтъ, что генералъ «былъ бы счастливъ встрѣтиться со мною въ Севастополѣ, но обстоятельства не позволяютъ ему въ настоящее время покинуть главную квартиру...»

* * *

9 марта ген. Шварцъ «донесъ» мнѣ о вступленіи своемъ въ должность и въ тотъ же день освѣдомилъ одесскую печать, что онъ

> «готовъ подчиниться указаніямъ ген. Деникина и работать въ полномъ дружномъ контактѣ, но оторванность отъ Екатеринодара и наличіе высшаго франц. командованія поставитъ его въ необходимость вполнѣ самостоятельно рѣшать всѣ военные вопросы».

Отвѣта отъ меня Шварцъ не получилъ.

Общее мнѣніе всѣхъ одесскихъ круговъ — близкихъ и ставшихъ на сторонѣ Добровольческой Арміи — было не доводить дѣла до окончательнаго разрыва съ французами и покориться force majeure, во избѣжаніе катастрофы. Подъ вліяніемъ этихъ настроеній генералы Санниковъ и Гришинъ-Алмазовъ, уѣзжая, отдали распоряженіе — всѣмъ начальствующимъ лицамъ исполнять приказъ французскаго главнокомандующаго. Гражданскія управленія подчинились безболѣзненно ген. Шварцу.

Особую тревогу вызывала во мнѣ судьба Добровольческой бригады ген. Тимановскаго. Еще 10 февраля на случай непредвидѣнныхъ политическихъ осложненій даны были указанія Тимановскому и приказано обезпечить его денежнымъ авансомъ, чего, къ сожалѣнію, одесскій штабъ не сдѣлалъ. Ко времени переворота французское командованіе во избѣжаніе какихъ-либо волненій двинуло бригаду на фронтъ.

По полученіи свѣдѣній о переворотѣ начальнику штаба Добров. войскъ въ Одессѣ, ген. Мельгунову [1]) было приказано «оставаться на мѣстѣ, занимая выжидательное положеніе... Въ оперативномъ отношеніи подчиняться французскому командованію, оберегая Добровольческія части». Вмѣстѣ съ тѣмъ Особому Совѣщанію и ставкѣ указано было сноситься «не съ самозванцами», а съ лицами, назначенными ранѣе мною. Эти указанія вслѣдствіе перерыва телеграфной связи, теперь уже окончательной, запоздали, но въ такомъ же духѣ генераламъ Мельгунову и Тимановскому отдано было приказаніе, подписанное Санниковымъ и Гришинымъ-Алмазовымъ въ день ихъ отъѣзда. Тимановскому пришлось употребить большія усилія, чтобы уберечь отъ развала бригаду, попавшую отнынѣ въ круговоротъ еще большихъ интригъ, конкурренціи и антагонизма.

Бригада прикрывала Одессу съ сѣверо-востока, занимая Очаковъ и подчиняясь непосредственно французскому командованію. 16 марта Тимановскій получилъ приказаніе очистить Очаковъ, отойдя на ближайшіе подступы къ Одессѣ. Это отступленіе, безъ всякаго давленія противника и вопреки представленіямъ штаба ген. Мельгунова, служило тревожнымъ предзнаменованіемъ...

* * *

---

[1]) Вскорѣ былъ отстраненъ Шварцемъ отъ штаба, подъ видомъ «повышенія».

Усилія опредѣленныхъ русскихъ круговъ и французскаго командованія увѣнчались успѣхомъ цѣною глубокаго паденія русскаго престижа. Вся власть перешла въ руки французовъ, которые обѣщали городу скорое прибытіе «восьми линейныхъ дивизій и французскаго добровольческаго корпуса», снятіе блокады и хлѣбъ, а новой арміи, формируемой Шварцемъ, — богатое снабженіе.

Я не буду останавливаться на краткой, всего трехнедѣльной дѣятельности новой власти. По свидѣтельству Брайкевича: «Новое правительство не укрѣпило положенія Одессы. Напротивъ, день ото дня настроеніе разныхъ соціальныхъ слоевъ населенія рѣзко мѣнялось къ худшему. Приблизительно на десятый день жизни правительства ухудшеніе настроеній въ рабочихъ кругахъ достигло такой степени, что прежнее правленіе профессіональныхъ союзовъ, состоявшее почти исключительно изъ меньшевиковъ и находившееся въ добрыхъ отношеніяхъ съ городскимъ самоуправленіемъ, было ниспровергнуто. При перевыборахъ попали исключительно большевики. На демократическомъ фронтѣ былъ этимъ сдѣланъ чреватый важными послѣдствіями прорывъ» [1]).

Въ военномъ отношеніи не вводилось никакихъ новшествъ: французы и Шварцъ отказались и отъ «смѣшанныхъ бригадъ», и отъ «украинскихъ формированій; объявили мобилизацію, которой въ теченіе трехъ мѣсяцевъ безнадежно добивалось командованіе Добр. Арміи. Огромнѣйшій «штабъ формированій», набранный, главнымъ образомъ, изъ гетманскаго генеральнаго штаба, приступилъ къ организаціи кадровъ будущей «Южно-русской арміи». Откликнулось по подсчетамъ Шварца до 1 000 офицеровъ... преимущественно въ старшихъ чинахъ. Вѣроятно, среди этихъ лицъ «послѣдняго призыва» было не мало элемента не вполнѣ надежнаго, такъ какъ штабъ Шварца требовалъ отъ Тимановскаго до 200 офицеровъ, взамѣнъ за обѣщанныя солдатскія пополненія...

Окончилось все неожиданно и трагично.

20 марта ген. д'Анзельмъ, вызвавъ Шварца, объявилъ ему, что «имъ полученъ приказъ Антанты объ эвакуаціи Одессы совмѣстно со всѣми союзными войсками».

На подготовку эвакуаціи дано было 48 часовъ. Неофиціально изъ французскаго штаба распространилась по городу версія о связи этого распоряженія съ паденіемъ, якобы, кабинета Клемансо и приходомъ къ власти соціалистовъ...

Извѣстіе объ эвакуаціи произвело въ городѣ неописуемую панику. Если вообще положеніе на фронтѣ, гдѣ противъ четырехъ сильныхъ дивизій наступало не свыше 6—8 тысячъ [2]) ничтожныхъ въ боевомъ и моральномъ отношеніи бандъ, не давало никакихъ поводовъ къ эвакуаціи, то 2-хдневный срокъ ея являлся совершенно необъяснимымъ и невыполнимымъ. Это была уже не эвакуація, а бѣгство, обрекавшее десятки тысячъ людей и вызывавшее невольно въ ихъ сознаніи мысль о предательствѣ.

Всѣ расчеты тоннажа были фиктивными. Французы захватили большинство судовъ для своихъ надобностей, и спастись могли, поэтому, главнымъ образомъ лица, связанныя со штабомъ Шварца и правительствомъ, а также богатая буржуазія. Судовыя команды бастовали. Началась вакханалія грабежа и взяточничества. Брошены были огромные военные запасы — союзниковъ и русскіе, оставлены всѣ цѣнности въ учрежденіяхъ госуд. банка и казначействъ, кромѣ иностранной валюты.

Среди разнородныхъ чувствъ и воспріятій, волновавшихъ въ эти дни населеніе Одессы, было одно общее и яркое — это ненависть къ французамъ. Оно

---

[1]) «На чужой сторонѣ», V.

[2]) Въ Одессу вступило не болѣе 2 тыс. большевиковъ.

охватывало одинаково и тѣхъ счастливцевъ, которыхъ уносили суда, и тѣхъ, что длинными вереницами, пѣшкомъ, на пролеткахъ и подводахъ тянулись къ румынской границѣ; оно прорывалось наружу среди несчастныхъ людей, запрудившихъ со своимъ скарбомъ одесскія пристани и не нашедшихъ мѣста на судахъ, и въ толпѣ, вѣнчавшей одесскіе обрывы, провожавшей гиканьемъ и свистомъ уѣзжавшихъ...

О бригадѣ генерала Тимановскаго забыли...

Пособіе въ видѣ шестимѣсячнаго содержанія, назначенное Шварцемъ всѣмъ военнымъ и гражданскимъ чинамъ, Добровольцамъ не выдали. Семьи ихъ остались безъ всякихъ средствъ, на произволъ судьбы въ Одессѣ. Въ бригадѣ также не было никакихъ суммъ. Получивъ 21-го извѣстіе д'Анзельма объ эвакуаціи, Тимановскій пріѣхалъ въ Одессу, чтобы добиться обѣщаннаго Шварцемъ отпуска средствъ, но было уже поздно: ген. д'Анзельмъ по соглашенію съ большевицкимъ совѣтомъ рабочихъ депутатовъ въ ночь на 22-е передалъ ему городъ, и съ утра «самооборона» стала обезоруживать и разстрѣливать чиновъ Добровольческой Арміи и захватывать государственныя учрежденія.

Д'Анзельмъ все же, какъ доносилъ Тимановскій, «обѣщалъ честнымъ словомъ выдать 10—20 милл. иностранной валютой на содержаніе Добровольцевъ», вечеромъ 23-го. Но когда, пробившись съ боемъ по улицамъ Одессы на двухъ броневикахъ, во французскій штабъ явились посланные Тимановскимъ офицеры, ген. д'Анзельмъ въ деньгахъ отказалъ, отвѣтивъ запиской: «... Деньги не могутъ быть выданы немедленно; для этого необходима казначейская операція, которая потребуетъ 2—3 дней... Бригада должна немедленно, минуя Одессу, двинуться на Овидіополь, гдѣ получитъ приказаніе о посадкѣ». Впослѣдствіи ген. д'Анзельмъ отрицалъ и свое обѣщаніе, и тотъ смыслъ, который придавалъ запискѣ Тимановскій. «Я не имѣлъ никакого основанія выплачивать содержаніе русскимъ Добровольцамъ... Генералъ Шварцъ къ этому времени уже покинулъ Одессу, государственный банкъ былъ закрытъ... Я отвѣтилъ генералу Тимановскому, что одинъ только генералъ Деникинъ (!) могъ бы выплатить содержаніе Добровольцамъ... но обѣщалъ узнать, не могло ли бы казначейство (большевицкое?) выдать авансъ...» [1]).

Бригада уходила къ Днѣстру, въ Бессарабію.

Шесть тысячъ человѣкъ начинали свою одиссею, длившуюся мѣсяцъ [2]) въ обстановкѣ необычайныхъ физическихъ лишеній и моральнаго униженія со стороны французовъ и румынъ. Когда жители Бессарабіи, узнавъ о плачевномъ состояніи отряда, начали подвозить къ его расположенію продукты, румынскія власти разгоняли ихъ. И Тимановскій, послѣ семидневнаго мотанія въ устьяхъ Днѣстра, вызваннаго сбивчивыми распоряженіями французскаго командованія, сообщалъ д'Анзельму: «Если сегодня не будетъ доставлено продовольствіе, то я уже завтра не могу отвѣчать за дѣйствія своихъ частей». Подъ вліяніемъ этой угрозы французы обезпечили, наконецъ, отрядъ половиной французскаго солдатскаго пайка.

При посадкѣ на суда въ раіонѣ ст. Бугазъ, французы велѣли оставить орудія, лошадей и всю матеріальную часть, собранную съ такимъ трудомъ и любовью, и озлобленные до послѣдней степени Добровольцы привели ее въ негодность и распустили по полю лошадей, которыя могли еще двигаться, «чтобы не достались румынамъ». Въ Тульчѣ по приказанію ген. Бертело румынской пограничной стражѣ при участіи французскихъ частей поручено было разору-

---

[1]) Раппортъ генерала д'Анзельма генералу Франше д'Эспре. 16 апрѣля, № 22.

[2]) Первыя части начали прибывать въ Новороссійскъ 21 апрѣля.

жить бригаду на время пребыванія ея въ Румыніи, но этотъ приказъ былъ встрѣченъ Добровольцами угрозой открыть пулеметный огонь...

«Исполняя всѣ Ваши приказанія по приказу генерала Деникина — писалъ Тимановскій д'Анзельму — я никогда не могъ предполагать тѣхъ незаслуженныхъ оскорбленій и униженій, которыя выпали на меня и на подчиненныя мнѣ части. Неужели только за то, что Добровольческая Армія одна осталась вѣрной союзникамъ, когда фронтъ развалился...»

Французское командованіе не сочло нужнымъ даже предупредить меня о готовящейся эвакуаціи Одессы. Я узналъ объ этомъ тяжеломъ событіи только 26 марта...

ГЛАВА V.

Крымское правительство. Добровольческая армія въ Крыму. Разногласія между Симферополемъ и Екатеринодаромъ. Французская интервенція въ Севастополѣ. Паденіе Крыма.

Въ половинѣ октября 1918 г. въ Екатеринодаръ пріѣхалъ Н. Н. Богдановъ и отъ имени Таврической земской управы сообщилъ мнѣ о предстоящемъ переворотѣ въ Крыму: устраненіи Сулькевича и образованіи власти изъ нѣдръ земскаго и городского самоуправленій, подъ предсѣдательствомъ С. С. Крыма. Просилъ о назначеніи къ тому времени отвѣтственнаго лица для организаціи въ Крыму вооруженной силы именемъ Добровольческой Арміи и о посылкѣ туда дессантнаго отряда. Получилъ согласіе.

Въ концѣ октября прислалъ мнѣ письмо С. С. Крымъ, въ которомъ сообщалъ объ образованіи «по порученію общественныхъ организацій... Крымскаго краевого министерства». Просилъ вновь о Добровольческомъ дессантѣ и объ освѣдомленіи союзниковъ о положеніи Крыма. «Министерство», впрочемъ, пребывало еще только въ потенціи: «мы не у власти, такъ какъ ген. Сулькевича поддерживаютъ нѣмцы и часть татаръ» [1]).

Только къ 4 ноября нѣмецкій ген. Кошъ удалилъ поставленное имъ правительство Сулькевича и передалъ власть «Совѣту министровъ Крымскаго краевого правительства» [2]). Одновременно новое правительство вошло въ соглашеніе съ начальникомъ центра Добр. Арміи въ Крыму, генераломъ Боде, выступившимъ теперь открыто, и нѣмецкимъ командованіемъ относительно порядка замѣны эвакуируемыхъ нѣмецкихъ гарнизоновъ; «по соображеніямъ политическаго характера» оно указывало на желательность высадки хотя бы незначительной части Добр. Арміи въ Ялтѣ и занятія Бахчисарая, «изолируя Севастополь».

Въ письмахъ С. С. Крыма устанавливались тождество «стремленій къ возрожденію Единой, Великой Россіи, которую мы всѣ призываемъ и которую всѣ съ нетерпѣніемъ ждемъ», и необходимость при содѣйствіи арміи борьбы со «скрытой и временно подавленной присутствіемъ германскихъ войскъ организаціей анархическихъ элементовъ Крыма...».

---

[1]) Письмо отъ 29 октября.

[2]) Мин.-предс. С. С. Крымъ (к.-д.); юст. — Набоковъ (к.-д.); внѣшн. снош. — Винаверъ (к.-д.); внутр. дѣлъ — Богдановъ (к.-д.); нар. просв. — Никоновъ (с.-р.); труд. и контр. — Бобровскій (н.-с.); снабж. и пут. сообщ. — Стевенъ (безп.); финанс. — Бартъ (безп.).

Я отвѣтилъ письмомъ отъ 7 ноября:

«Въ данное время Добровольческая Армія ведетъ кровопролитное сраженіе въ раіонѣ Ставрополя и не можетъ выдѣлить для Крыма серьезныхъ силъ.

Но помочь отъ души желаемъ. Поэтому я сдѣлалъ распоряженіе:

1. Немедленно выслать небольшой отрядъ съ орудіемъ въ Ялту.
2. Другимъ отрядомъ занять Керчь.
3. Въ командованіе вооруженными силами вступить ген.-маіору Корвинъ-Круковскому, которому даны слѣдующія инструкціи: Русская государственность, Русская армія, подчиненіе мнѣ. Всемѣрное содѣйствіе Крымскому правительству въ борьбѣ съ большевиками. Полное невмѣшательство во внутреннія дѣла Крыма и въ борьбу вокругъ власти.
4. Посланныя части являются лишь кадрами, которые будутъ пополняться мобилизаціей офицеровъ и солдатъ на территоріи Крыма. Дѣло это поручено «начальнику Крымскаго центра», генералу барону де Боде. Въ его распоряженіе командируются соотвѣтствующіе помощники по дѣлу формированія и снабженія.

Отъ души желаю Крыму мирной жизни, столь необходимой для творческой созидательной работы».

По просьбѣ Винавера «въ виду сильной агитаціи, враждебной Добров. Арміи, обвиняемой въ реакціонности, антисемитизмѣ и антидемократизмѣ», было передано офиціальное заявленіе, что Армія прибываетъ «съ исключительной цѣлью поддержанія порядка, не вмѣшиваясь во внутреннія дѣла... не преслѣдуетъ реакціонныхъ цѣлей... не предрѣшаетъ будущей формы правленія... относится съ величайшимъ негодованіемъ къ попыткамъ возстановить одну національность, одинъ классъ противъ другого...» Передавая это заявленіе въ особомъ «обращеніи къ населенію», крымское правительство добавляло отъ себя, что 1) если обстоятельства мѣстной жизни потребуютъ употребленія силы, то таковое послѣдуетъ только съ согласія краевого правительства и 2) что мобилизація, «имѣющая всероссійское значеніе», будетъ произведена Добр. Арміей совершенно самостоятельно, лишь съ вѣдома и при содѣйствіи краевого правительства...

Наконецъ, вопросъ матеріальнаго обезпеченія Арміи былъ обусловленъ ассигнованіемъ крымскимъ правительствомъ 1½ милл. рубл. «на первый мѣсяцъ» и, какъ выяснилось позже, снабженіе должно было лечь почти всецѣло на Добровольческую казну при нѣкоторой только финансовой поддержкѣ мѣстнаго правительства.

Приведенной перепиской и заявленіями устанавливался характеръ нашихъ будущихъ взаимоотношеній — къ сожалѣнію не достаточно опредѣленно, давая впослѣдствіи поводы для взаимныхъ треній.

Въ морально-политическомъ отношеніи — это былъ еще одинъ шагъ въ сторону государственнаго объединенія. Но въ чисто стратегическомъ, кромѣ прикрытія военныхъ портовъ и морскихъ базъ, занятіе Крыма давало къ тому моменту мало выгодъ: Крымъ требовалъ войскъ, снабженія и хлѣба, отягчая тѣмъ положеніе главнаго фронта Добр. Арміи.

Въ серединѣ ноября въ Керчь и Ялту были переброшены первыя незначительныя части, усиленныя въ концѣ до 4—5 тысячъ [1]). Эти войска, съ присоединеніемъ къ нимъ мѣстныхъ формированій и Добровольческихъ отрядовъ, отступившихъ съ Украины, должны были развернуться въ двухъ-дивизіонный Крымскій корпусъ. Во главѣ войскъ Крыма поставленъ былъ вначалѣ ген. Боде, на

[1]) Пѣхотн. полкъ, конный полкъ, пластунск. батальонъ, кадры двухъ конныхъ полковъ, артиллеріи и технич. войскъ.

котораго, кромѣ организаціи корпуса, была возложена задача прикрытія Крыма постепеннымъ выдвиженіемъ заслона на линію нижній Днѣпръ—Александровскъ —Бердянскъ. Восточнѣе этотъ заслонъ выходилъ въ соприкосновеніе съ выдвинутой туда дивизіей ген. Май-Маевскаго, прикрывавшей Донецкій бассейнъ.

На сѣверѣ области въ это время начинался пожаръ: смѣнившая гетманщину петлюровщина, съ ея неизмѣнными спутниками—атаманщиной и бандитизмомъ, въ свою очередь расчищала путь надвигающимся арміямъ Южнаго совѣтскаго фронта.

* * *

Правительство г. Соломона Крыма, пробывшее у власти ровно 5 мѣсяцевъ, являетъ собою законченный опытъ демократическаго правленія, хотя и въ миніатюрномъ территоріально масштабѣ — правленія, обладавшаго суверенностью, полнымъ государственнымъ аппаратомъ и подобающими ему званіями. Въ части правительства поначалу существовала преувеличенная оцѣнка своего значенія, «какъ прототипа будущей Всероссійской власти». И министръ внѣшнихъ сношеній Винаверъ въ переговорахъ съ екатеринодарскими кадетами поддерживалъ серьезно идеи самостоятельности Крыма, преимущественной важности крымскаго вопроса и недопустимости въ этихъ видахъ «укрѣпленія Особаго Совѣщанія» [1]. Изъ тѣхъ же, вѣроятно, соображеній въ началѣ декабря Винаверъ возбудилъ неожиданно считавшійся уже благополучно разрѣшеннымъ вопросъ объ единоличномъ представительствѣ Сазонова въ Парижѣ и потребовалъ замѣны его делегаціей, съ участіемъ крымскаго представителя.

Правительство образовалось въ результатѣ сговора «всѣхъ политическихъ партій и группъ, представленныхъ въ земскомъ собраніи». Въ своей резолюціи собраніе (4—5 октября 1918 г.) обязало новую власть: 1) содѣйствовать объединенію распавшейся Россіи, 2) искать сближенія съ возникшими на ней тожественными государственными организаціями, 3) возстановить гражданскія свободы и распущенныя гор. и зем. самоуправленія, и въ дальнѣйшемъ руководствоваться демократическими началами; 4) немедленно назначить новые выборы на основаніи законовъ Вр. Прав., но съ увеличеніемъ возрастного ценза до 21 г. и ценза осѣдлости до 1 года (земск.) и 1½ года (городск.). 5) Если въ теченіе двухъ мѣсяцевъ не будетъ создана единая всероссійская власть, созвать Краевой сеймъ по четырехчленной формулѣ и по пропорціональной системѣ.

Достойно вниманія, что фракціи с.-р. и с.-д., принявъ единогласно эту резолюцію, заявили, что воздерживаются отъ голосованія ея въ части, касающейся измѣненія избирательнаго закона «по принципіальнымъ соображеніямъ», но «считаясь съ исключительнымъ моментомъ... принимаютъ активное участіе въ созданіи власти, оставляя за собою право борьбы за возстановленіе избирательнаго закона во всей его полнотѣ».

Черезъ мѣсяцъ на новомъ съѣздѣ [2] правительство Крыма, давая отчетъ о своей дѣятельности, въ числѣ своихъ заслугъ указывало на отмѣну постановленій 1) о преданіи полевому суду виновныхъ въ умышленномъ поврежденіи полей и луговъ и 2) объ отмѣнѣ права мин. вн. дѣлъ предавать военно-окружному суду лицъ, совершившихъ преступленія противъ личности и собственности съ

[1]) Телегр. лента, 4 декабря 1918 г.

[2]) «Съѣздъ губернск. гласн. Крымск. уѣзд., предсѣд. уѣздн. упр. и город. головъ». 27 ноября.

25 октября 1917 г. по 25 октября 1918 г. Мотивами такого правительственнаго благодушія, по признанію самихъ министровъ [1]) были: 1) то обстоятельство, что вначалѣ «Крыму не угрожала еще никакая внѣшняя опасность», и потому самая «возможность порабощенія большевиками никому не представлялась реально», 2) «внутреннія условія организаціи правительства, тѣсно связаннаго съ демократическими слоями общества» и наконецъ 3) убѣжденіе самого правительства, что необходимо проводить «грань между активными большевиками и неосуществимой попыткой искоренить путемъ мѣръ устрашенія большевицкое настроеніе массъ». Предсѣдатель правительства Крымъ утверждалъ, что «очагомъ большевизма въ Крыму былъ пришлый матросскій элементъ, котораго сейчасъ нѣтъ (?), а поддаваться чувству мести правительство считало невозможнымъ» [2]).

Съ этой идеологіей и съ такими методами Крымское правительство выступило на борьбу съ большевизмомъ.

Подобное же направленіе получилъ вопросъ о формированіи вооруженной силы. На томъ же съѣздѣ 27 ноября фракція соц.-рев., отражая мнѣніе всей революціонной демократіи, внесла резолюцію, чтобы «правительство и впредь со всей рѣшительностью отстаивало полное невмѣшательство внѣшнихъ силъ, въ томъ числѣ и Добровольческой Арміи во внутреннія дѣла Крыма», и «чтобы организуемая армія носила характеръ территоріальный, была предназначена лишь для охраны спокойствія въ Крыму и содержалась на принципѣ обязательности для всего населенія». Подъ вліяніемъ соціалистическихъ фракцій правительство дало объясненіе, что «до созыва Крымскаго сейма абсолютно не предвидится мобилизаціи».

А выборы въ Сеймъ постановлено было произвести въ мартѣ 1919 г., т. е. черезъ 4 мѣсяца послѣ вступленія во власть правительства Крыма.

* * *

Большевизмъ, между тѣмъ, ничѣмъ не сдерживаемый, ширился и наглѣлъ. Еще со времени нѣмецкой оккупаціи Крымъ сталъ убѣжищемъ большевицкихъ дѣятелей, бывшихъ комиссаровъ, перешедшихъ на полулегальное положеніе и никѣмъ не безпокоимыхъ. На улицахъ разгуливали свободно люди, которыхъ молва называла убійцами и палачами первыхъ трагическихъ дней большевицкаго господства въ Крыму. Коммунистическія организаціи выпускали листовки и прокламаціи, появлявшіяся въ изобиліи даже на улицахъ Симферополя; ком-ячейки профессіональныхъ союзовъ держали въ напряженномъ состояніи рабочую массу, по существу инертную и умѣренную, но легко поддававшуюся провокаціи на почвѣ безработицы, дороговизны и голода. Бывали часто случаи забастовокъ, вооруженнаго нападенія на транспорты, слѣдующіе въ Добровольческія части, взрывы баржъ съ боевыми припасами, нападенія и убійства офицеровъ и т. д... Соціалистическая печать, постановленія демократическихъ учрежденій обращались къ населенію съ призывомъ воздержаться отъ поступленія въ Добр. Армію...

Уѣзды кишѣли шайками разбойниковъ.

Въ серединѣ ноября начальникъ формировавшейся Крымской дивизіи, генералъ Корвинъ-Круковскій распубликовалъ приказъ о вступленіи въ трехдневный

---

[1]) Изъ журнала засѣд. Совѣта министровъ.
[2]) Разговоръ по Юзу съ Н. И. Астровымъ.

срокъ въ ряды Добр. Арміи всѣхъ офицеровъ, подъ угрозой полевого суда за неисполненіе. Этотъ приказъ, отданный безъ вѣдома начальника Добровольческаго центра и Крымскаго правительства, вызвалъ большое волненіе въ послѣднемъ, усмотрѣвшемъ въ приказѣ нарушеніе своей державности и введеніе юрисдикціи, недопускаемой на территоріи Крыма. Черезъ нѣсколько дней послѣдовало разъясненіе, въ силу котораго призывъ былъ объявленъ не обязательнымъ… Войсковыя части вернулись вновь къ укомплектованію добровольцами.

Этотъ эпизодъ подорвалъ въ сильной степени авторитетъ Добровольческой Арміи — демонстраціей ея слабости.

Крымская печать откликнулась рѣзкими нападками на Армію. Соц.-дем. пробольшевицкая газета «Прибой» особенно сильно травила и Армію, и правительство. «Бюро татарскаго парламента» заявило протестъ противъ призыва офицеровъ-мусульманъ и сообщало, что приступаетъ само къ формированію особыхъ «мусульманскихъ частей…» [1].

Въ Крыму не было ни сознанія назрѣвавшей опасности, ни желанія активной борьбы. И не было той силы, которая могла бы побороть общественное равнодушіе. Вопреки всѣмъ теоретическимъ предпосылкамъ, правительство, поставленное демократическимъ собраніемъ, не находило опоры въ краѣ; низы — его не знали и не чувствовали; татарская общественность находилась къ нему въ постоянной и рѣзкой оппозиціи; революціонная демократія мирилась съ нимъ ровно постольку, поскольку его существованіе гарантировало отъ пришествія Добровольческой власти, и давила на его волю, ставя его между собою и Екатеринодаромъ, какъ между молотомъ и наковальней. О буржуазіи и говорить не приходится, если принять во вниманіе, что даже екатеринодарскіе кадеты горячо обвиняли министерство Крыма въ «коллекціонированіи» на его территоріи большевиковъ.

По тону соціалистическихъ газетъ и резолюцій партійныхъ, профессіональныхъ организацій и демократическихъ самоуправленій видно было идущее crescendo «полѣвѣніе», какъ говорили сводки; оно нашло смѣлое и гласное выраженіе въ городѣ-крѣпости, занятомъ сильнымъ иностраннымъ гарнизономъ — въ «оплотѣ» Крыма. 16 февраля конференція правленій профессіональныхъ союзовъ, собравшаяся въ Севастополѣ, вынесла резолюцію:

> «Конференція правленій профессіональныхъ союзовъ, обсудивъ всесторонне вопросъ о власти, находитъ, что при создавшемся теперь положеніи, какъ внутри области, такъ и на крымскомъ фронтѣ, на пролетаріатъ и бѣднѣйшее крестьянство Крыма ложится революціонный долгъ придти на помощь героической красной арміи и общими силами низвергнуть ненавистное краевое правительство. Исходя изъ этого, конференція постановляетъ немедленно объявить всеобщую политическую забастовку съ требованіями:
>
> 1. удаленіе Добровольческой Арміи;
> 2. отстраненіе краевого правительства;
> 3. возстановленіе въ Крыму совѣтской власти;
> 4. освобожденіе всѣхъ политическихъ».

Положеніе Добровольческихъ войскъ въ Крыму при такихъ настроеніяхъ въ моральномъ отношеніи было чрезвычайно тягостнымъ. Оно не способствовало ни притоку добровольцевъ, ни подъему въ рядахъ тѣхъ, что дрались на поляхъ Тавріи, на Перекопѣ и Чонгарѣ. Скудость средствъ и неорганизованность снабженія еще болѣе отягчали положеніе.

---

[1]) На съѣздѣ 26 января татары высказали полное сочувствіе идеямъ Добр. Арміи, не проявивъ его впрочемъ никакой поддержкой объявленнаго призыва.

Къ сожалѣнію въ крымскихъ войскахъ также было далеко не благополучно. На верхахъ шелъ разладъ. Смѣнившій генерала Боде ген. Боровскій, имѣвшій неоцѣнимыя боевыя заслуги въ двухъ кубанскихъ походахъ, выдающійся полевой генералъ, не сумѣлъ справиться съ труднымъ военно-политическимъ положеніемъ. Жизнь его и штаба не могла поддержать авторитетъ командованія, вызывала ропотъ, однажды даже нѣчто вродѣ бунта, вспыхнувшаго въ офицерскомъ полку въ Симферополѣ. Поводомъ къ нему послужили авантюризмъ и хлестаковщина ставшаго извѣстнымъ впослѣдствіи капитана Орлова и его сподвижниковъ, но причины лежали несомнѣнно гораздо глубже — въ общихъ нестроеніяхъ быта и службы. Вообще дисциплина, служебная и боевая работа новыхъ офицерскихъ частей оставляли желать многаго. Развернутыя до нормальныхъ размѣровъ, съ солдатскимъ укомплектованіемъ, эти части несомнѣнно дали бы хорошій боевой матеріалъ. Но въ настоящемъ своемъ видѣ онѣ требовали не просто исполненія служебнаго долга, а нѣчто большее — подвига, лишеній, тяжкаго, для многихъ непосильнаго труда. А того энтузіазма, который въ исключительной обстановкѣ Перваго похода создалъ и закалилъ «старые» офицерскіе полки, уже не было...

Нѣкоторыя изъ переброшенныхъ въ Крымъ Добровольческихъ частей не отличались должной выдержкой и тактомъ и своимъ демонстративнымъ проявленіемъ не къ мѣсту и не ко времени монархическихъ и противо-демократическихъ тенденцій давали пищу для нападокъ. Эти тенденціи были присущи особливо гвардейскому офицерству, но и питались онѣ въ свою очередь отношеніемъ населенія къ Арміи. Такимъ же направленіемъ отличался находившійся въ Ялтѣ отрядъ для охраны лицъ Императорской фамиліи, который однимъ своимъ назначеніемъ вызывалъ уже ропотъ соціалистической демократіи.

Не мало темныхъ элементовъ попадало и въ войсковыя части, иногда просто самозванцы прикрывались трехцвѣтнымъ Добровольческимъ шеврономъ. Въ сѣверной Тавріи они угнетали населеніе незаконными реквизиціями, подчасъ грабежами, въ крымскихъ городахъ производили незаконные обыски, «выемки», налеты, набрасывая густую тѣнь на обликъ всего Добровольчества.

Безнаказанность большевицкихъ главарей, большевицкой пропаганды и агитаціи вызывала скрытыя мѣры противодѣйствія: частью по иниціативѣ мѣстныхъ начальниковъ, частью самочинно стали возникать негласныя контръ-развѣдки. Временами печать сообщала и о кровавыхъ самосудахъ (Ялта, Севастополь и др.), которые всѣ приписывались также Добровольцамъ и вызывали волненіе среди демократіи, резолюціи протеста, забастовки и т. д. Часто это было большевицкой провокаціей, иногда дѣйствительно — дѣломъ рукъ офицерства. Но виновники, несмотря на принимавшіяся мѣры, обыкновенно не обнаруживались или оставались безнаказанными, вѣроятно въ силу той психологіи, которая стала присущей и старшимъ и младшимъ чинамъ и которая ярко сквозитъ въ описаніи тогдашней жизни Севастополя однимъ изъ военныхъ начальниковъ:

«Офицерская среда уже не могла сдерживаться отъ самочинныхъ арестовъ и даже убійствъ.

Проѣзжими офицерами былъ застрѣленъ въ раіонѣ вокзала какой-то человѣкъ, распространявшій большевицкія прокламаціи и котораго французскій комендантъ не ликвидировалъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого случая — нѣсколько Добровольцевъ офицеровъ арестовали самочинно бывшаго матроса шоффера Лензука, убившаго въ январѣ 1918 года генерала Чебазскаго и его сына и нѣкоторыхъ другихъ офицеровъ, и при конвоированіи арестованнаго въ комиссаріатъ застрѣлили его. Оба случая попали въ газеты съ призывомъ «подъ судъ». Вслѣдъ за тѣмъ комендантъ крѣпости получилъ телеграфное

предписаніе о преданіи военно-полевому суду означенныхъ офицеровъ. Распоряженіе это вызвало цѣлую бурю ропота. Офицерство говорило: «когда матросы разстрѣливали офицеровъ, никто изъ начальства пальцемъ не шевелилъ для ихъ спасенія; когда пришли нѣмцы и была возможность вылавливать и казнить убійцъ, этого никто не дѣлалъ, и бывшіе матросы и убійцы открыто и смѣло разгуливали по улицамъ Севастополя. И когда, наконецъ, несчастное изстрадавшееся офицерство начало вылавливать подобный вредный элементъ, то начальство моментально позаботилось о преданіи суду того же офицерства».

* * *

Шли дни за днями, съ сѣвера надвигались уже регулярныя совѣтскія дивизіи, а дѣло развертыванія крымскихъ частей («Крымско-Азовской Добровольческой Арміи»)[1] не двигалось. Это было тѣмъ болѣе досаднымъ, что въ трехъ сѣверныхъ уѣздахъ Тавріи[2], гдѣ политическія настроенія, въ силу постояннаго и близкаго общенія съ повстанческими бандами, были значительно напряженнѣе, мобилизація проходила все же сравнительно благополучно, а въ Донецкомъ раіонѣ (небольшая юго-восточная часть Екатеринославской губ.) — въ этой нѣкогда цитадели южнаго большевизма, объявленный тотчасъ по вступленіи туда 3-й дивизіи первый призывъ двухъ возрастныхъ классовъ далъ свыше 7 тысячъ человѣкъ.

Я настойчиво съ первыхъ же дней требовалъ проведенія мобилизаціи въ Крыму и одновременно введенія военнаго положенія со всѣми возникающими изъ сего послѣдствіями для того, чтобы имѣть реальную возможность проведенія набора. Моя телеграмма о «промедленіи и пассивности» правительства вызвала обиду и ссылку на «неподготовленность населенія, несовсѣмъ дружелюбное отношеніе къ Добровольческой Арміи, которое правительству приходится преодолѣвать, и, главнымъ образомъ, непониманіе населеніемъ мысли о принудительномъ призывѣ въ Добровольческую Армію...»[3].

Винаверъ упускалъ изъ виду, что «энтузіазма» въ народѣ не было нигдѣ — ни въ «Красной», ни въ «Бѣлой» Россіи, и что правительство, разсчитывавшее только на «энтузіазмъ», шло по пути, уже пройденному ранѣе въ масштабѣ всероссійскомъ...

Возникшіе спорные вопросы потребовали личныхъ переговоровъ, которые въ серединѣ декабря состоялись въ Симферополѣ[4]), потомъ въ Екатеринодарѣ[5]). Въ результатѣ мы пришли къ ряду соглашеній. Гражданская власть въ трехъ сѣверныхъ уѣздахъ передана была крымскому правительству съ сохраненіемъ тамъ военнаго положенія. Правительство подтверждало полную готовность идти навстрѣчу интересамъ Арміи, уравнять репрессіи военно-судебныхъ органовъ Крыма и Арміи, принять рѣшительныя мѣры противъ печати въ отношеніи травли и огульнаго осужденія офицерства, а также противъ пропаганды идей большевизма и т. д. Отъ примѣненія полевой юстиціи въ отношеніи нѣкоторыхъ преступленій гражданскихъ лицъ и отъ введенія военнаго положенія впредь до переѣзда Ставки правительство уклонилось.

---

[1]) Такъ наименованы были съ 10 января войска Крыма, Тавріи и Донецкаго бассейна (Май-Маевскій), подчиненныя ген. Боровскому.

[2]) Мелитопольскій, Днѣпровскій, Бердянскій. Въ нихъ была гетманская администрація, смѣненная потомъ военнымъ управленіемъ Добровольч. командованія.

[3]) Винаверъ. Телеграфн. разговоръ со Степановымъ.

[4]) Поѣздка ген. Лукомскаго, Н. И. Астрова, В. А. Степанова.

[5]) Пріѣздъ С. С. Крыма.

Переносъ Ставки въ Севастополь былъ рѣшенъ подъ вліяніемъ слагавшейся въ декабрѣ военно-политической обстановки и съ цѣлью избавить Ставку и кубанское правительство отъ нервирующей другъ друга близости. Крымское правительство въ этомъ случаѣ добровольно слагало съ себя верховную власть. Но въ виду преждевременныхъ слуховъ объ уходѣ правительства, по обоюдному соглашенію послѣдовало офиціальное разъясненіе, что «отношенія командованія Арміи и крымскаго правительства остаются на прежнихъ основаніяхъ», въ будущемъ же «опредѣлятся взаимнымъ соглашеніемъ и условіями, которыя будутъ созданы фактомъ перехода штаба».

По этому поводу совершенно неожиданно я получилъ черезъ французскую миссію увѣдомленіе ген. Франше д'Эспре: «... Нахожу, что генералъ Деникинъ долженъ быть при Добровольческой Арміи, а не въ Севастополѣ, гдѣ стоятъ французскія войска, которыми онъ не командуетъ». Я отвѣтилъ, что въ отношеніи армій Юга пользуюсь всей полнотой власти и избираю мѣсто стоянки, руководствуясь мотивами политическими, стратегическими и расположеніемъ подчиненныхъ мнѣ войскъ. Одновременно черезъ Сазонова обращено было вниманіе французскаго правительства «на недопустимость ни по существу, ни по тону подобнаго обращенія французскаго генерала».

Впослѣдствіи, исключительно подъ вліяніемъ измѣнившагося положенія фронта, отъ мысли этой пришлось отказаться.

При такихъ условіяхъ объявлена была сначала мобилизація офицеровъ до 40 лѣтняго возраста, потомъ къ 30 января призывъ одного возрастного класса (родившихся въ 1897 г.).

Призывъ не прошелъ.

Обезкураженное такой неудачей, крымское правительство отказалось отъ борьбы и спѣшно отмѣнило объявленный уже призывъ двухъ слѣдующихъ возрастовъ. Авторитету правительства, командованія и самой идеѣ борьбы съ большевизмомъ, этой демонстраціей нашего безсилія, нанесенъ былъ непоправимый и окончательный ударъ.

Подъ вліяніемъ ряда фактовъ изъ области попустительства большевикамъ и вмѣшательства въ дѣло обороны я послалъ 16 марта Крымскому правительству предложеніе ультимативнаго характера — «отказаться отъ того гибельнаго пути, на который оно вышло, объявить военное положеніе и предоставить вытекающую изъ него власть командующему арміей...» Въ противномъ случаѣ я угрожалъ отдать приказъ ген. Боровскому «приступить къ эвакуаціи Добровольческихъ войскъ изъ Крыма...»

Въ телеграммѣ моей было много чувства горечи и раздраженія, но реальныхъ результатовъ она принести не могла. Изъ послѣдовавшихъ постановленій правительства и бесѣды С. С. Крыма съ ген. Боровскимъ слѣдовало, что правительство «готово всегда отмѣнить свои постановленія», готово «каждую минуту выйти въ отставку — для пользы дѣла принявъ на себя инициативу передъ населеніемъ». Правительство утверждало, что оно «сдѣлало все ему доступное, чтобы матеріально и нравственно поддержать Добр. Армію и съ самыхъ первыхъ дней своего существованія связывало свою судьбу съ Арміей...» Отрицая возводимыя на него обвиненія, правительство, на этотъ разъ не безъ основанія, добавляю, что едва ли можно было ожидать такой мѣры, какъ отозваніе арміи изъ Крыма, ибо армія защищаетъ не Крымскій край, а общее россійское дѣло» [1]).

---

[1]) По телеграфн. передачѣ Набокова 23 марта 1919 г.

Въ свою очередь ген. Боровскій не имѣлъ никакого желанія брать на себя бремя загубленной уже власти. Онъ доносилъ, что теперь уже поздно: введеніе военнаго положенія, когда всѣ силы выдвинуты на линію фронта, будетъ «покушеніемъ съ негодными средствами». Въ качествѣ палліатива — подъ предсѣдательствомъ Боровскаго былъ образованъ «комитетъ обороны» въ составѣ предсѣдателя правительства, министровъ военнаго и вн. дѣлъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ.

«Комитетъ обороны» — по длительному печальному опыту гражданской войны являлся всегда предтечей катастрофы.

* * *

Крымскія части, вмѣсто того, чтобы развертываться и формироваться подъ прикрытіемъ союзныхъ войскъ, были выдвинуты на линію Каховка (на Днѣпрѣ)—Феодоровка (впереди Мелитополя) и далѣе къ востоку, входя въ связь по жел.-дор. линіи отъ Бердянска съ войсками ген. Май-Маевскаго. Имѣя передъ собою многочисленныя, до 10—12 тыс., но плохо организованныя повстанческія банды, наши части въ теченіе 1½ мѣсяца успѣшно боролись съ ними.

Въ серединѣ января арміи Украинскаго совѣтскаго фронта сосредоточились лѣвымъ своимъ крыломъ въ раіонѣ Александровскъ—Синельниково—Гришино, и можно было ожидать активныхъ дѣйствій ихъ и въ крымскомъ направленіи. Для противодѣйствія этому приходилось вывести всѣ Добровольческія части Крыма [1]) на фронтъ въ сѣверную Таврію и, на основаніи категорическихъ заявленій ген. Бертело о предстоящей помощи намъ, я просилъ его для обезпеченія порядка въ тылу занять хоть маленькимъ союзнымъ гарнизономъ рядъ крымскихъ городовъ. Ген. Бертело вновь обѣщалъ, но при этомъ потребовалъ три большихъ русскихъ парохода, которые и были даны «для перевозки войскъ» [2]).

Союзныя войска, однако, не появлялись.

Въ началѣ декабря сошелъ на берегъ дессантъ англійской морской пѣхоты — батальонъ съ пулеметами; черезъ двѣ-три недѣли онъ ушелъ, и въ концѣ декабря въ Севастополѣ высадился французскій отрядъ — полкъ съ двумя батареями, подъ начальствомъ полковника Рюэ. Назначеніе отряда было совершенно непонятно. На фронтъ онъ идти не собирался. Рюэ держалъ себя начальникомъ въ Севастополѣ, рѣзко въ отношеніи коменданта и чиновъ Добр. Арміи, покровительственно въ отношеніи членовъ правительства, которому давалъ неизмѣнно обѣщанія о грядущей помощи, поддерживая его иллюзіи. Рюэ не принималъ никакихъ мѣръ въ отношеніи севастопольскихъ большевиковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не допускалъ «вмѣшательства въ политическую борьбу» коменданта и Добров. частей. Когда ген. Боровскій подъ давленіемъ бурныхъ митинговъ и пріостановки всѣхъ работъ на Добр. Армію ввелъ своею властью въ крѣпостномъ раіонѣ военное положеніе, Рюэ, поддержанный Винаверомъ, категорически запротестовалъ: онъ не можетъ согласиться на «выступленіе Добровольцевъ противъ демократіи»; ничего не имѣетъ противъ предоставленія чрезвычайныхъ полномочій министру внутр. дѣлъ, но силу дастъ только для подавленія вооруженнаго выступленія.

«Рабочій народъ» требовалъ совѣтской власти... Рюэ издавалъ обращеніе къ населенію, что онъ никакой большевицкой власти не признаетъ... На «Ми-

---

[1]) Не болѣе 5 тысячъ.

[2]) Обмѣнъ телеграммами отъ 19 января и 4 февраля.

рабо», французскомъ броненосцѣ, потерпѣвшемъ аварію и чинившемся въ докѣ, делегація «мирныхъ демонстрантовъ-рабочихъ» въ то же время получала завѣренія отъ «товарищей французовъ», заинтересованныхъ въ нормальномъ теченіи работы, что они, «никогда не подымутъ руки противъ голодающаго рабочаго...» Рюэ опровергалъ въ газетахъ смыслъ данныхъ делегаціи заявленій и т. д., и т. д.

Севастополь — наша база — представлялъ изъ себя котелъ, ежеминутно готовый взорваться. Въ результатѣ одного изъ грандіозныхъ митинговъ, на которомъ вынесена была вновь резолюція о ниспроверженіи правительства и Арміи, военныя власти произвели нѣсколько арестовъ, но городское самоуправленіе потребовало отъ Рюэ освобожденія арестованныхъ, и послѣдній настоялъ на исполненіи его требованій. «Послѣ этого случая — пишетъ начальникъ штаба крѣпости — и вплоть до эвакуаціи Севастополя, если и производились аресты (даже убійства), то только самочинные...»

Между тѣмъ, въ концѣ февраля войска Украинскаго совѣтскаго фронта, усиленные изъ резервовъ до 20—25 тыс., перешли въ наступленіе на фронтѣ Юзовка—Волноваха—Бердянскъ—Мелитополь, одновременно угрожая нашему лѣвому флангу со стороны Херсона. Въ первыхъ двухъ направленіяхъ большевики потерпѣли неудачу. Но, захвативъ Мелитополь и выйдя къ Бердянску, они разъединили войска Крымско-Азовской арміи, которая отошла частью на Маріуполь, частью на перешейки. 13 марта наши части, обойденныя дессантомъ отъ Геническа, оставили и Сальскій перешеекъ (восточный).

Крымъ былъ отрѣзанъ отъ питавшихъ его хлѣбомъ и углемъ раіоновъ.

Въ виду общаго тяжелаго положенія на фронтѣ Вооруж. силъ Юга, помочь было нечѣмъ... Я хотѣлъ перебросить въ Крымъ часть бригады Тимановскаго изъ Одессы, но ген. д'Анзельмъ, бросивъ къ этому времени Николаевъ и Херсонъ и отводя союзныя войска къ Одессѣ, все же отказалъ мнѣ въ этомъ. Въ началѣ марта въ Севастополѣ высадился полкъ грековъ и, послѣ длительнаго воздѣйствія на французское командованіе, двѣ греческихъ роты были двинуты на перешейки, гдѣ доблестно дрались.

Это было все, чѣмъ выразилась помощь союзниковъ въ Крыму.

12 марта прибылъ въ Севастополь ген. Франше д'Эспре. Пріемъ имъ военноморскихъ начальниковъ и членовъ правительства отличался грубостью. Онъ говорилъ раздраженно о «постыдномъ поведеніи русскихъ офицеровъ, особенно за границей», о русской интеллигенціи и буржуазіи, которая «прячется за спины арміи союзниковъ (!)». Предупреждалъ, что «русскіе не должны думать, что союзники будутъ воевать за нихъ, а должны сами идти на фронтъ...» Испытавъ до дна смиреніе своихъ невольныхъ слушателей, генералъ приказалъ всѣ формирующіяся въ Севастополѣ Добров. части немедленно вывести на фронтъ, смѣнилъ Рюэ, назначилъ «командующимъ союзными войсками въ Крыму» полковника Труссона и обѣщалъ, что, если фронтъ продержится двѣ недѣли, то имъ будетъ дана помощь...

Мы, русскіе, сами знали хорошо свои вины, но что — какое соучастіе, какое самопожертвованіе — что давало право имъ быть нашими судьями?..

Ожиданіе обѣщанной вновь помощи стало единственнымъ стимуломъ всѣхъ упованій крымскаго правительства. И даже уже послѣ одесской эвакуаціи, обезпокоенное «усиленіемъ недружелюбнаго и подозрительнаго отношенія къ союзникамъ», правительство констатировало «максимумъ энергіи Труссона» и «значительно большую активность со стороны союзниковъ въ дѣлѣ обороны Крыма», убѣждало Ставку проникнуться самой и внушить мѣстному командованію «не-

обходимость наибольшей степени доброжелательности по отношенію къ союзникамъ»[1]). А въ то же время командующій французской эскадрой адм. Аметъ говорилъ нашему представителю: «всѣ обѣщанія активной поддержки Добр. Арміи были даны лицами, недостаточно для этого уполномоченными и давно не бывшими во Франціи, а потому незнакомыми съ ея состояніемъ въ настоящее время… Вслѣдствіе распространеннаго тамъ мнѣнія, что «война окончена», у меня нѣтъ увѣренности въ возможности заставить наши части драться».

На перешейкахъ шли бои вяло, безъ подъема, безъ воодушевленія, съ опасливой оглядкой на тылъ. Вмѣсто отправленія въ пріемники (запасн. бат.) или переброски на другіе фронты, мобилизованные сѣверной Тавріи вливались на мѣстѣ въ боевыя части. Не изживъ большевизма, вынужденные драться противъ своихъ же односельчанъ, мобилизованныхъ «отаманами» или большевиками, или участвовать въ усмиреніи своихъ же селъ, они дезертировали въ большомъ числѣ.

Переправившись также у Алешекъ и Каховки, большевики силами до 15 тыс. продолжали наступленіе и овладѣли Перекопомъ. Успѣшныя вначалѣ контръатаки наши не измѣнили положенія. Части крымскаго фронта подъ натискомъ противника, по приказанію Ставки, начали отступленіе въ направленіи на Керчь, и 27 марта красные заняли узловую станцію Джанкой. Началась эвакуація Симферополя. Крымъ охватила паника, и человѣческія волны въ поискахъ спасенія покатились къ портамъ. Всѣ свободныя суда, находившіяся въ распоряженіи главнаго командованія, были посланы къ берегамъ Крыма для спасенія бѣженцевъ.

Красныя войска наступали въ двухъ направленіяхъ. Главныя силы ихъ преслѣдовали отступавшія части крымскихъ Добровольцевъ, которыя къ серединѣ апрѣля достигли Акманая. Здѣсь въ наиболѣе узкомъ и обороноспособномъ мѣстѣ Керченскаго полуострова наши войска были остановлены и дали отпоръ противнику.

Другой небольшой отрядъ совѣтскихъ войскъ наступалъ отъ Джанкоя на Севастополь, не встрѣчая сопротивленія.

* * *

Между 30 марта и 2 апрѣля въ Севастополѣ высадилось до 4 тыс. алжирскихъ стрѣлковъ и сенегальцевъ, что вмѣстѣ съ прежнимъ гарнизономъ составило до 7 тыс. штыковъ при 8 оруд. На рейдѣ стояла союзная эскадра съ мощной судовой артиллеріей. Высшее командованіе въ этомъ раіонѣ всѣми французскими силами принадлежало франц. адмиралу Амету, на сушѣ командовалъ полк. Труссонъ, который 28 марта объявилъ осадное положеніе и принялъ на себя всю власть въ Севастополѣ.

Между тѣмъ мѣстный большевицкій революціонный комитетъ съ утра 29 расклеивалъ уже по городу свои приказы и прокламаціи, требуя прекращенія работъ по эвакуаціи и воспрепятствованія выхода въ море кораблей. По иниціативѣ того же комитета группа матросовъ подготовила взрывъ огромнаго транспорта «Ріонъ», наполненнаго несчастными бѣженцами, преимущественно женщинами и дѣтьми. Отъ взрыва бомбы пострадало болѣе 100 человѣкъ (21 убит.). Къ счастью остальныя заложенныя бомбы были во время обнаружены и потоп-

---

[1]) Телеграфная бесѣда Набокова съ Астровымъ 23 марта.

лены... Главные виновники взрыва скрылись, пособники... «при попыткѣ бѣгства съ корабля были убиты».

Суровая формула жуткаго времени.

Всѣ послѣдовавшія дѣйствія французскаго командованія клонились по существу къ выручкѣ чинившагося «Мирабо». Хаотическая эвакуація напоминала одесскую и произведена была въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, такъ какъ всѣ лучшіе пароходы были расписаны подъ французскія и греческія войска и грузы. 2 апрѣля адм. Аметъ распорядился о немедленномъ оставленіи Севастополя всѣми чинами Добр. Арміи и прекратилъ въ этотъ день фактически эвакуацію русскихъ людей и нашего военнаго имущества. По распоряженію Амета адмиралъ Саблинъ долженъ былъ уйти съ судами, которые онъ успѣлъ вывести, не позже вечера 3 апрѣля...[1]). Въ угоду севастопольскому «революціонному комитету» французскія власти наложили арестъ на продовольственные грузы Добр. Арміи, арестовали весь составъ крымскаго правительства и подъ угрозами потребовали сдачи имъ краевой казны и возвращенія Севастопольскому — уже большевицкому — казначейству пособій, розданныхъ по распоряженію правительства и коменданта несчастному служилому люду. Военное и морское имущество, неисправныя суда, авіобазы, и т. д. были брошены или подверглись разрушенію — были союзниками «обезврежены, чтобы ими не воспользовались большевики...»

Французское командованіе принимало рѣшительныя мѣры, чтобы отмежеваться отъ всякаго общенія съ россійской «контръ-революціей» и тѣмъ облегчить предстоящіе переговоры съ большевиками.

Въ эти дни нашего національнаго несчастья отвѣтственными представителями Франціи, казалось, было сдѣлано все, чтобы переполнить до краевъ чашу русской скорби и униженія. Вотъ, напримѣръ, финальный эпизодъ, характерный для всей эвакуаціи... 3 апрѣля ушелъ послѣдній русскій пароходъ «Георгій», и на внѣшнемъ рейдѣ стояли еще иностранные пароходы, пріютившіе бѣженцевъ. На одномъ изъ нихъ — французскомъ пароходѣ «Дюге -Труянъ» находился нач. штаба крѣпости ген. Рербергъ и чины штаба (съ семействами), до послѣдняго момента исполнявшіе свои обязанности. 7 апрѣля получено было приказаніе съ французскаго флагманскаго судна — всѣмъ русскимъ офицерамъ покинуть французскій корабль... «Приходилось — пишетъ Рербергъ — попадать въ руки большевиковъ или кидаться въ море...». Выручилъ англійскій адмиралъ, принявшій офицеровъ съ семьями на свой транспортъ.

2 апрѣля началось наступленіе большевиковъ на Корабельную слободку и Инкерманскій водопроводъ, не занятый союзниками, который большевики и захватили къ ночи, оставивъ городъ безъ воды. На слѣдующій день встрѣтились совѣтскіе и французскіе парламентеры, и начались переговоры. Но большевики были требовательны, и два дня поэтому гремѣли орудія союзнаго флота, производя впечатлѣніе довольно внушительное на ничтожный численно большевицкій отрядъ, подступившій къ городу. 5-го все стихло: французы заключили съ большевиками перемиріе, не нарушавшееся до 15 апрѣля, когда закончилась эвакуація французскихъ и греческихъ войскъ. Печать сообщала о какихъ-то безпорядкахъ среди французскихъ матросовъ и солдатъ, о шествіяхъ въ городѣ съ красными флагами, въ которыхъ будто и французы принимали участіе, объ усмиреніи манифестантовъ огнемъ, открытымъ цвѣтными войсками и греками...

Корабли съ бѣженцами шли въ Константинополь, въ Пирей, къ берегамъ Черноморской губ. Крымскія правительственныя учрежденія высадились въ Но-

---

[1]) Донесеніе адм. Саблина отъ 4 апрѣля.

вороссійскѣ и Туапсе, возбудивъ вопросъ объ «иммунитетѣ», въ качествѣ представителей «союзной державы». Полагая, что роль крымскаго правительства уже закончена, я далъ указаніе Черноморскому губернатору считать чиновъ правительства и прибывающихъ учрежденій его — частными лицами; Керченскій уѣздъ поступилъ въ управленіе Ос. Совѣщанія.

Тамъ, на Акманайскихъ позиціяхъ, устроенныя и переформированныя въ дивизію части бывш. Крымско-Азовской арміи, поддержанныя съ Чернаго и Азовскаго морей огнемъ орудій русскаго и союзнаго флотовъ, главнымъ образомъ англійскихъ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ отстаивали упорно послѣдній клочекъ Таврическаго полуострова, послужившій намъ въ началѣ іюля исходнымъ плацдармомъ для новаго побѣднаго наступленія.

И въ этой тяжелой боевой работѣ своей мы не были оставлены попеченіемъ французскаго командованія. 5 апрѣля, слѣдовательно уже послѣ «Одессы» и «Севастополя», ген. Боровскій получилъ чрезвычайно рѣзкое и оскорбительное письмо отъ франц. капитана 2 ранга Бенета, назначеннаго «командующимъ отрядомъ судовъ для обороны Керченскаго полуострова». Бенетъ, на основаніи инструкціи командующаго флотомъ, между прочимъ писалъ:

> «... Я долженъ быть поставленъ въ извѣстность представителемъ ген. Деникина объ отданномъ послѣднимъ приказаніи о передвиженіяхъ Добровольческой Арміи. Эти передвиженія могутъ быть допущены только по письменному распоряженію, подписанному представителемъ ген. Деникина и мною. Въ противномъ случаѣ я буду противодѣйствовать силой ... Было бы также желательно сообщить ген. Деникину, что союзники — хозяева моря и что на немъ не должно дѣлаться ничего безъ ихъ на то согласія ...»

Генералъ Романовскій сообщилъ французской миссіи, что, въ виду «явно вызывающаго характера этого сообщенія», главнокомандующій В. С. Ю. Р. находитъ необходимымъ, чтобы капитанъ Бенетъ былъ бы немедленно отозванъ, такъ какъ исполненіе имъ своихъ угрозъ можетъ вынудить начальниковъ Добровольческихъ войскъ къ дѣйствію артиллеріей противъ французскихъ судовъ ...

Капитанъ Бенетъ, по увѣдомленію ген. Франше д'Эспре, былъ отчисленъ отъ должности [1]). Въ сущности онъ только слишкомъ прямолинейно выполнилъ полученный приказъ и выразилъ, хотя и въ лапидарной формѣ, тѣ именно взгляды и тѣ отношенія къ намъ, которыя сложились прочно на верхахъ французскаго командованія на Югѣ Россіи.

ГЛАВА VI.

Протоколъ англо-французской конференціи. Идея французской интервенціи на Югѣ Россіи. Причины ея неудачи.

Чѣмъ объяснить роковую для насъ политику Франціи въ 1919 г. и образъ дѣйствій ея представителей на Югѣ Россіи? На это могутъ дать исчерпывающій отвѣтъ архивы французскихъ министерствъ. Но и въ нашемъ распоряженіи есть нѣкоторые матеріалы, пріоткрывающіе завѣсу надъ этимъ больнымъ вопросомъ.

---

[1]) Телеграмма ген. Боровскаго отъ 5 апрѣля. Нота ген. Романовскаго отъ 16 апрѣля, № 05320, нота полк. Корбейля отъ 27 апрѣля, № 1755.

До самаго послѣдняго момента французское правительство поддерживало и въ своихъ генералахъ и въ русскихъ идею о вооруженной помощи.

Вернувшись изъ Одессы 10 марта послѣ свиданія съ Франше д'Эспре, генералъ Бертело передавалъ русскому посланнику въ Бухарестѣ, Поклевскому-Козеллъ о «твердомъ рѣшеніи французовъ сохранить Одесскій раіонъ». Бертело говорилъ о развертываніи польской дивизіи сѣвернѣе Черновицъ и 7 румынскихъ по Днѣстру; о высадкѣ въ ближайшіе дни въ Одессѣ 9 батальоновъ французскихъ волонтеровъ и слѣдующихъ за ними 18 батал. цвѣтныхъ войскъ; объ изысканіи тоннажа для снабженія Одессы, болѣе 30 тыс. тоннъ въ мѣсяцъ... «Но все-таки — писалъ П. К. — я не замѣтилъ въ немъ (Бертело) увѣренности въ томъ, что Одесса будетъ удержана...» [1]).

4 апрѣля н. ст., т. е. черезъ день послѣ объявленія эвакуаціи Одессы, въ Парижѣ, на Quai d'Orsay состоялась англо-французская конференція, на которой былъ выработанъ сообща порядокъ осуществленія французской интервенціи. Статьи «протокола», составленнаго въ результатѣ обмѣна мнѣній французскимъ министерствомъ ин. дѣлъ и помѣченнаго датой 11 апрѣля н. ст., заключались въ слѣдующемъ:

«1. Высшее французское командованіе не будетъ чинить никакихъ препятствій къ набору русскихъ контингентовъ ген. Деникинымъ и офицерами, его представляющими, подъ условіемъ, чтобы принимаемыя къ таковому набору мѣры не имѣли бы результатомъ возникновеніе безпорядковъ въ зонѣ, гдѣ французское командованіе отвѣтственно за сохраненіе порядка.

2. Непосредственное командованіе надъ русскими частями, формируемыми на мѣстахъ, примутъ русскіе офицеры, предпочтительно изъ Арміи ген. Деникина, или изъ другихъ организацій, въ случаѣ, если эти части, горя желаніемъ сражаться противъ большевиковъ, не захотѣли бы служить въ Арміи ген. Деникина.

   Разумѣется, эти части будутъ чисто русскія, за исключеніемъ Союзнаго или французскаго кадра, но они смогутъ получать помощь союзными инструкторами или техническими совѣтчиками.

3. Русскія войска, находящіяся во французской зонѣ и признавшія авторитетъ ген. Деникина, могутъ, по соглашенію ген. Деникина съ высшимъ французскимъ командованіемъ, быть использованы либо первымъ на его театрѣ военныхъ дѣйствій, либо быть окончательно предоставлены въ распоряженіе второго.

   Русскія войска, отказывающіяся отъ подчиненія ген. Деникину, остаются въ распоряженіи высшаго французскаго командованія.

4. Ген. Деникинъ и высшее франц. командованіе условятся, чтобы русское имущество, сложенное въ зонѣ французскихъ дѣйствій, было бы либо использовано при формированіи русскихъ войскъ этой зоны, либо предоставлено въ распоряженіе ген. Деникина.

   Послѣдній не будетъ препятствовать посылкѣ во французскую зону припасовъ излишняго продовольствія (провіантъ и топливо), которые могли бы имѣться въ его собственной зонѣ.

5. Ген. Деникинъ и высшее французское командованіе будутъ взаимно держать другъ друга въ полномъ курсѣ своихъ операцій и нуждъ, посредствомъ миссій для связи. Они будутъ по мѣрѣ возможности оказывать другъ другу взаимную поддержку.

6. Русскія торговыя суда, не находящіяся въ пользованіи союзниковъ, могутъ быть употреблены для русскихъ военныхъ перевозокъ и для продовольствія русскихъ войскъ. Высшее французское командованіе не

---

[1]) Письмо Пок.-Коз. на имя Сазонова отъ 12 марта 1919 г., № 29.

будетъ чинить никакихъ препятствій къ примѣненію для этой цѣли подъ русскимъ національнымъ флагомъ русскихъ судовъ, находящихся въ Черномъ морѣ, подъ условіемъ, чтобы они обслуживались русскимъ экипажемъ, подчиняющимся ген. Деникину. Въ предѣлахъ возможнаго эти суда, если придется, будутъ способствовать возвращенію на родину русскихъ солдатъ, находящихся внѣ русской территоріи.

Русскія суда, правильно зафрахтованныя дружественными правительствами, останутся въ распоряженіи этихъ правительствъ, кромѣ, какъ въ случаѣ невозобновленія таковыми контрактовъ по истеченіи ихъ срока.

Русскимъ военнымъ судамъ, которыя вооружены русскимъ экипажемъ, подчиняющимся ген. Деникину, разрѣшается плавать подъ русскимъ флагомъ».

Интересно, что текстъ этого протокола безъ предварительнаго сношенія со мною и въ формѣ императивной былъ присланъ мнѣ только черезъ полтора мѣсяца, послѣ всѣхъ трагическихъ событій Одессы и Крыма, завершившихся исходомъ французовъ, и послѣ того, какъ на всѣхъ фронтахъ В. С. Ю. Р. обозначился большой успѣхъ, предвѣстникъ скораго освобожденія Новороссіи и Крыма ... [1]).

Отъ моего имени отвѣчено было французской миссіи [2]):

«Я очень благодаренъ за присылку мнѣ протокола отъ 4 апрѣля, но нѣсколько недоумѣваю, какъ можно провести его въ жизнь, принявъ во вниманіе,

1. что на территоріи Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи я осуществляю Верховное командованіе арміями, а на территоріи занятой Добровольческой Арміей — и Верховное управленіе;
2. что въ операціяхъ русскихъ армій не предположено участіе французскихъ войскъ».

Еще черезъ мѣсяцъ аналогичное увѣдомленіе пришло изъ британской миссіи, съ просьбой сообщить — не имѣетъ ли ген. Деникинъ что-либо прибавить къ ранѣе данному французамъ отвѣту. По этому поводу было сообщено [3]):

«Территорія Крыма къ данному времени освобождена исключительно частями В. С. Ю. Р. и будетъ подчиняться въ порядкѣ Верховнаго управленія Верховному Правителю Россіи, временно же главнокомандующему вооруженными силами на Югѣ Россіи, ген. Деникину.

Далѣе, главнокомандующій, будучи крайне благодаренъ за всякую матеріальную помощь со стороны союзниковъ, считаетъ, что зоны французскаго и англійскаго вліянія должны имѣть значеніе лишь въ смыслѣ оказанія именно матеріальной помощи, но право распоряженія русскими войсками, какъ въ той, такъ и въ другой зонѣ, въ полной мѣрѣ остается за главнокомандующимъ, ген. Деникинымъ».

Вся эта переписка свидѣтельствуетъ, что руководители французской политики, не взирая на противодѣйствіе своей демократіи, не оставляли все же идеи вмѣшательства въ русскія дѣла, при томъ въ формахъ наиболѣе активныхъ — интервенціи и оккупаціи. Причины неосуществленія этихъ попытокъ нужно искать слѣдовательно въ другой области . . .

---

[1]) Нота нач. француз. миссіи, полк. Корбейля отъ 14 мая, № 1926. Въ ней было между прочимъ указано, что упомянутый протоколъ «является дополненіемъ франко-англійскаго договора отъ 23 декабря н. ст., 1917 г., о зонахъ дѣйствій (les zônes d'action) — французской и англійской — договоръ, который остается въ силѣ и въ данное время».

Напомню границу «зонъ»: Константинополь — Керчь — Ростовъ — р. Донъ; къ востоку — англійская, къ западу — французская.

[2]) Нота 20 мая, № 714, ген. Драгомирова.

[3]) Нота ген. Лукомскаго.

Каково же было офиціальное объясненіе событій?

Обращая мое «благосклонное вниманіе» на «недопустимое отношеніе къ Франціи, создавшееся въ мѣстностяхъ Юга Россіи», генералъ Франше д'Эспре писалъ послѣ катастрофы Одессы и Крыма:

> «... Весьма прискорбно, что русское общественное мнѣніе можетъ вѣрить тому, что оставленіе Одессы французскимъ командованіемъ было произведено имъ намѣренно, хотя въ его распоряженіи имѣлось достаточно военныхъ средствъ, которыми оно намѣренно не воспользовалось. Вы такъ же хорошо, какъ я, знаете истинныя причины эвакуаціи Одессы — тѣ же, между прочимъ, что заставляютъ насъ въ настоящее время покинуть Севастополь. Эвакуація обоихъ этихъ городовъ произошла исключительно вслѣдствіе невозможности обезпечить ихъ продовольствованіе, въ виду чего тамъ готова была разразиться революція. Съ военной точки зрѣнія мы никакого пораженія не потерпѣли и, если бы не опасеніе обречь населеніе этихъ двухъ городовъ на голодъ, мы бы остались на нашихъ позиціяхъ прикрытія».

Объясненіе оставленія Одессы и Севастополя невозможностью продовольствовать эти города, въ устахъ стратега звучало слишкомъ неубѣдительно. Вѣдь стремленіе удержать только одни эти города, даже безъ ближайшихъ подступовъ къ нимъ, и въ военномъ и въ политическомъ отношеніяхъ было бы безсмыслицей. Вѣдь возможность обороны и продовольствія достигалась легко выдвиженіемъ впередъ и занятіемъ широкихъ плацдармовъ. Источникъ той горечи и тѣхъ обвиненій, которыя неслись отовсюду по адресу союзниковъ, былъ значительно глубже. Французовъ обвиняли за брошенныя широко и щедро обѣщанія и обманутыя надежды, за оставленіе на произволъ судьбы Новороссіи и Крыма, за все отношеніе ихъ и къ русскому противобольшевицкому движенію и къ русской арміи, за ничѣмъ не оправдываемую и невыполнимую 48-часовую «эвакуацію»...

Французскій генералъ не сдѣлалъ того естественнаго вывода, который вытекалъ изъ его признанія: при отсутствіи возможностей и средствъ стоило ли вести опасную политическую игру?..

Въ той версіи, которую передавалъ намъ англійскій главнокомандующій генералъ Мильнъ, посѣтившій Екатеринодаръ 11 апрѣля, заключался намекъ и на другую, болѣе важную причину эвакуаціи:

> «Вопросъ объ эвакуаціи Одессы былъ рѣшенъ въ Парижѣ въ Совѣтѣ Десяти, на основаніи донесеній генерала д'Анзельма и полковника Фрейденберга о катастрофическомъ положеніи продовольствія въ Одессѣ и прекрасномъ состояніи большевицкихъ войскъ. Англичане энергично протестовали противъ предложенія немедленно эвакуировать Одессу, но французы настояли на своемъ, и приказъ Совѣта Десяти о немедленной эвакуаціи былъ посланъ изъ Парижа, минуя Константинополь, непосредственно въ Одессу».

* * *

Переоцѣнка большевицкихъ силъ явилась несомнѣнно результатомъ той психологической реакціи, которую испытывала французская армія-побѣдительница. Чрезвычайно цѣннымъ въ этомъ отношеніи является свидѣтельство полковника ген. шт. Энкеля [1]), близко соприкасавшагося со ставкой генерала Франше д'Эспре и установившаго какъ съ нимъ, такъ и съ его штабомъ дружественныя отноше-

[1]) Во время войны полк. Энкель состоялъ русскимъ военнымъ агентомъ въ Сербіи при сербск. королѣ и Салоникск. арміи. Нынѣ занимаетъ высокій постъ въ Финляндіи.

нія. Вотъ какъ описываетъ онъ настроенія штаба «Главнокомандующаго арміями на Востокѣ», наканунѣ паденія Одессы:

«Ген. Франше я здѣсь не засталъ... Главнокомандующій выѣхалъ въ Одессу и Севастополь для личнаго ознакомленія на мѣстахъ съ положеніемъ дѣлъ и вернулся сюда лишь 11-го. Въ ожиданіи его я повидалъ начальника штаба, начальниковъ оперативнаго и развѣдывательнаго отдѣленій, и съ каждымъ изъ нихъ имѣлъ длинныя бесѣды на интересующія насъ темы. Наконецъ, съ пріѣздомъ главнокомандующаго я дважды — 12-го и 13-го — подолгу бесѣдовалъ съ нимъ и, кромѣ того, имѣлъ весьма откровенные разговоры съ сопровождавшими его въ поѣздкѣ офицерами ген. штаба, а равно съ начальникомъ здѣшней англійской миссіи ген. Бриджесомъ, представитель котораго также ѣздилъ съ ген. Франше. Французскій маіоръ ген. шт., сопровождавшій генерала Франше, началъ изложеніе мнѣ своихъ впечатлѣній словами: «во-первыхъ, я воочію убѣдился, что Украина — вздоръ. Буду поэтому называть эту часть Россіи ея настоящимъ именемъ — Малороссіей. Во-вторыхъ, намъ ясно, что между вами и нами не было до сихъ поръ пониманія другъ друга, а слѣдовательно и сердечности. Мы — докторъ — не понимали васъ — нашего паціента, а вы, заболѣвъ и позвавъ къ себѣ доктора — насъ, отнеслись къ нему съ подозрѣніемъ въ намѣреніи воспользоваться вашей немощью, для того, чтобы ограбить васъ. Много ошибокъ было надѣлано нашими представителями на мѣстахъ, но вѣрьте мнѣ, что причиной этихъ ошибокъ неизмѣнно была трудность для названныхъ представителей, подверженныхъ сильнымъ мѣстнымъ вліяніямъ, разобраться въ чрезвычайно сложныхъ вопросахъ момента».

Какъ видите, такое начало, отражающее въ себѣ взгляды главнокомандующаго, является уже крупнымъ шагомъ впередъ, но переоцѣнивать его отнюдь не слѣдуетъ... Помощь останется строго пассивной, а при извѣстныхъ условіяхъ можетъ и вовсе прекратиться. Для поясненія сказаннаго я коснусь ниже тѣхъ весьма существенныхъ измѣненій въ образѣ мышленія союзниковъ, которыя народились за мое отсутствіе и которыя красной нитью прошли черезъ разговоры ихъ со мной за эти дни.

Во-первыхъ, французы, до сихъ поръ одни стоявшіе на точкѣ зрѣнія необходимости активнаго вмѣшательства въ борьбу съ большевиками въ Россіи, нынѣ, повидимому, вовсе отказались отъ такой точки зрѣнія. Убѣдившись въ невозможности осуществить ее вслѣдствіе крайняго несочувствія ей общественнаго мнѣнія и усталости арміи, они помирились съ возможностью потерять свои милліарды въ Россіи... Во-вторыхъ, послѣднія событія на Югѣ Россіи, въ частности результатъ непосредственнаго соприкосновенія съ большевицкими войсками, произвели на французовъ сильное впечатлѣніе и вовлекли ихъ въ обобщенія, едва ли оправдываемыя тѣми немногими случайными явленіями и фактами, которые ихъ поразили... Красные въ бояхъ подъ Николаевомъ и Херсономъ якобы проявили качества, присущія лишь первокласснымъ войскамъ. Двинутыя противъ нихъ танки не произвели никакого впечатлѣнія и, несмотря на огромныя потери противника, были имъ въ большей части захвачены.

Красные въ занимаемыхъ ими пунктахъ водворяютъ и поддерживаютъ строжайшій порядокъ. Французовъ особенно поразилъ тщательно по ихъ словамъ провѣренный ими фактъ что въ Кіевѣ, послѣ царившей тамъ анархіи, полный порядокъ былъ возстановленъ въ 24 часа... Совѣтскіе генералы собираютъ на своемъ пути офицеровъ и предлагаютъ имъ вступить въ «Русскую Армію, сражающуюся за возстановленіе единой, великой Россіи» и, якобы, имѣютъ въ этомъ направленіи существенный успѣхъ...

Эти и другія свѣдѣнія порождаютъ въ умахъ союзниковъ вопросы и сомнѣнія, парализующіе уже и теперь ихъ энергію въ русскомъ вопросѣ. Разсуждаютъ они такъ: «На той сторонѣ много видныхъ генераловъ и офицеровъ, которые не могутъ быть большевиками, а между тѣмъ они работаютъ во всю

по созданію сильнаго военнаго организма и по расширенію границъ Совдепіи... Большевизмъ правѣетъ, вмѣсто первоначальныхъ интернаціональныхъ его лозунговъ устами красныхъ генераловъ провозглашаются національные. Не перерождается ли первоначальное анархистско-коммунистическое движеніе въ русское національное, не повторяется ли исторія французской революціи, т. е. не является ли организуемая нынѣ генералами съ этой цѣлью красная армія рѣшающимъ факторомъ въ сверженіи Ленина и Троцкаго и въ созданіи твердой національной власти?..»

Подобные вопросы занимаютъ умы союзниковъ, которые, какъ мнѣ было сказано, однимъ изъ наиболѣе авторитетныхъ моихъ собесѣдниковъ, не желали бы скомпрометировать себя передъ національнымъ чувствомъ будущей Россіи».[1]).

Я не знаю, посколько была искренней вѣра французовъ въ преображеніе «анархо-коммунистическаго движенія въ національное», вѣра въ «красныхъ генераловъ» и въ непобѣдимость бандъ Григорьева, къ которымъ само совѣтское командованіе относилось съ нескрываемымъ пренебреженіемъ. Но если даже эта вѣра была искренней, то вытекала она психологически не столько изъ оцѣнки силы противника, сколько изъ сознанія моральной неустойчивости своихъ собственныхъ войскъ.

«Poilu» чрезмѣрно усталъ. Онъ не хотѣлъ уже болѣе драться. Повергать его въ гущу россійскаго хаоса представлялось до крайности опаснымъ...

* * *

Страницы русско-французскаго альянса перевернулись, и книга захлопнулась вдругъ, неожиданно, оставивъ надолго тяжелое чувство горечи, обиды и возмущенія. Какъ реакція противъ всего случившагося, пронеслась по Югу волна возобновившихся нѣмцефильскихъ симпатій. Не имѣя реальной почвы и не достигнувъ какихъ-либо конкретныхъ результатовъ, она претворилась вскорѣ въ одну изъ темъ будированія и агитаціи противъ командованія Юга.

Отношеніе къ французамъ въ обществѣ, печати, въ Арміи становилось до крайности нервнымъ и подчасъ вызывающимъ, угрожая дипломатическими осложненіями. Не скрою, что и мнѣ лично не легко было побороть въ себѣ чувство горечи во имя соображеній государственныхъ. Послѣднія взяли верхъ. И когда черезъ нѣкоторое время ко мнѣ пришелъ полковникъ Корбейль, начальникъ французской миссіи, подавленный всѣмъ случившимся, не желая никого оправдывать, дѣлясь только тѣмъ тяжелымъ моральнымъ состояніемъ, въ которомъ оказались чины французской миссіи въ Екатеринодарѣ, я сказалъ ему совершенно искренно.

— Что же дѣлать. Что было, того не вернешь. Давайте общими усиліями возстанавливать тѣ связи, которыя такъ фатально нарушены тѣми или иными людьми, но которыя диктуются насущными интересами обоихъ народовъ.

---

[1]) Выдержка изъ письма отъ 15 марта изъ Константинополя.

ГЛАВА VII.

Операціи Вооруженныхъ Силъ Юга въ Каменноугольномъ бассейнѣ, на Донцѣ и Манычѣ съ января по 8 мая 1919 г.

Надежды на осуществленіе плана кампаніи при поддержкѣ союзныхъ армій давно уже были подорваны, если не совсѣмъ потеряны. Приходилось разсчитывать только на русскія силы. Въ предвидѣніи близкаго освобожденія Сѣвернаго Кавказа, являлся вопросъ о дальнѣйшемъ направленіи Кавказской Добровольческой арміи.

Въ январѣ намѣчена была переброска арміи на Царицынское направленіе, съ одновременнымъ наступленіемъ противъ Астрахани, для захвата стратегически важнаго пункта Царицына и нижняго плеса Волги и для установленія связи съ арміями адм. Колчака. Это движеніе въ тѣсной связи съ наступленіемъ въ Харьковскомъ и Воронежскомъ направленіяхъ должно было вылиться впослѣдствіи въ общее наступленіе къ центру Россіи.

Въ этомъ смыслѣ штабу Кавказской арміи предложено было разработать планъ операціи. Но къ тому времени, когда явилась возможность начать переброску силъ, т. е. къ началу февраля, обстановка на сѣверномъ фронтѣ коренньмъ образомъ измѣнилась. Первоначальная линія фронта, подходившая къ Курску и Воронежу и обусловивавшая возможность выполненія этого плана, съ паденіемъ гетманской и петлюровской Украины, откатилась уже къ Азовскому морю. Донская армія, доходившая до Лиски, Поворино и Камышина, упавшая духомъ и совершенно разстроенная, находилась въ полномъ отступленіи къ Сѣв. Донцу и къ Салу. Чувство усталости и безнадежности охватило не только казаковъ, но и часть донской интеллигенціи. Совѣтскія войска наступали почти безостановочно, направляясь на Новочеркасскъ. Кругъ, атаманъ, правительство указывали на смертельную опасность, угрожавшую Дону, и просили помощи.

На крайнемъ лѣвомъ флангѣ Донской арміи, прикрывая Ростовское направленіе, стоялъ отрядъ ген. Май-Маевскаго [1] — малочисленный, но состоявшій изъ старыхъ испытанныхъ Добровольческихъ полковъ [2]. Къ началу января отрядъ этотъ, занявъ главными силами раіонъ Юзовки, выдвинулся въ Харьковскомъ направленіи до Бахмута и Константиновки, въ Бердянскомъ — до Пологи. На этой линіи, перехвативъ всѣ пути, идущіе съ сѣвера и запада къ Донецкому каменноугольному бассейну, Май-Маевскій, то наступая, то отходя, непрестанно маневрируя, съ необыкновеннымъ упорствомъ выдерживалъ напоръ значительно превосходящихъ силъ: лѣваго крыла Украинскаго и праваго — Южнаго большевицкихъ фронтовъ.

На это направленіе сосредоточено было особое вниманіе Москвы: тамъ бился пульсъ хозяйственной жизни страны. И Бронштейнъ-Троцкій въ своихъ приказахъ-воззваніяхъ неустанно призывалъ «пролетаріатъ... впередъ — на борьбу за совѣтскій уголь». «Въ первую голову намъ нуженъ уголь. Фабрикамъ, заводамъ, желѣзнымъ дорогамъ, пароходамъ, домашнимъ очагамъ с м е р т е л ь н о нуженъ уголь... Въ Донецкомъ бассейнѣ зарытъ великій кладъ, отъ котораго зависитъ благополучіе, процвѣтаніе и счастье всей страны. Этотъ кладъ не-

---

[1]) Вначалѣ самостоятельный, потомъ входилъ въ составъ Крымско-Азовской арміи, а съ марта — Кавказской Добровольческой.

[2]) Послѣдовательно тамъ собрались Корниловскій, Марковскій, Дроздовскій, Самурскій, 1 и 2-й конные полки — съ ихъ артиллеріей и къ маю подошелъ Алексѣевскій (бывш. Партизанскій) и друг. части.

обходимо добыть съ оружіемъ въ рукахъ...» «Донецкій фронтъ является сейчасъ безъ всякаго сомнѣнія важнѣйшимъ фронтомъ для всѣхъ совѣтскихъ республикъ. Говоря это, я не забываю о Петроградскомъ фронтѣ, но вполнѣ сознательно считаю, что потеря Петрограда не была бы для насъ такъ тяжка, какъ длительная потеря Донецкаго бассейна. Поскольку совѣтская республика является сейчасъ крѣпостью міровой революціи, постольку можно сказать, что ключъ этой крѣпости находится сейчасъ въ Донецкомъ бассейнѣ. Вотъ почему все вниманіе сосредоточивается сейчасъ на этомъ участкѣ обширнѣйшаго фронта совѣтской республики».

Нечего и говорить о томъ, какое значеніе имѣлъ этотъ вопросъ и для насъ — для областей Юга и для всего черноморскаго транспорта.

Передо мною встала дилемма: приводить ли немедля въ исполненіе первоначальный планъ движенія главными силами на Царицынъ и, слѣдовательно, бросить на произволъ судьбы Донъ и отдать большевикамъ каменноугольный бассейнъ... Или, не оставляя царицынскаго направленія, сохранить Донецкій бассейнъ — этотъ огромной важности плацдармъ будущаго нашего наступленія, сохранить отъ окончательнаго паденія и разложенія Донское войско. Безъ малѣйшихъ колебаній я принялъ второе рѣшеніе, и съ начала февраля на сѣверъ потянулись эшелоны Добровольческой Арміи — въ головѣ Кавказская дивизія ген. Шкуро, за ней 1 куб. дивизія корпуса ген. Покровскаго, 1-я терская дивизія и другія части.

Появленіе помощи оказало рѣшительное вліяніе на поднятіе духа Войска Донского. Имѣвшая въ декабрѣ на фронтѣ свыше 50 тыс. бойцовъ, Донская армія отошла за Донецъ съ 15 тысячами. Противникъ нажималъ все сильнѣе въ сторону Новочеркасска и въ февралѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ между Дономъ и юго-восточн. жел. дор. прорвался уже черезъ Донецъ. Во второй половинѣ февраля, однако, донскія дивизіи переходятъ въ короткія контръ-атаки и съ большими потерями отбрасываютъ противника за рѣку. Моральное состояніе донскихъ войскъ крѣпнетъ. Разлитіе Донца вскорѣ дѣлаетъ этотъ фронтъ пассивнымъ и отступленіе прекращается.

Большевицкія дивизіи начинаютъ постепенное передвиженіе къ западу. Въ раіонѣ Луганска вырастаетъ новый сильный кулакъ красныхъ войскъ, а южнѣе возобновляются жестокія, кровопролитныя, но безрезультатныя атаки на корпусъ Май-Маевскаго на фронтѣ Дебальцево — Гришино. Имѣя разновременно 3—6 тысячъ противъ 10—30 тыс. большевиковъ, Добровольческій корпусъ наноситъ имъ рядъ пораженій, и къ концу февраля наши сводки отмѣчаютъ впервые на донецкомъ фронтѣ признаки нѣкотораго разложенія красныхъ: «части начали митинговать, иногда отказываясь отъ наступленія, а нѣкоторыя изъ нихъ расформировываются...»

Только на крайнемъ правомъ флангѣ, на царицынскомъ направленіи донскія войска, въ значительной мѣрѣ потерявшія боеспособность, подъ напоромъ конницы Думенко медленно, но почти безостановочно отходили къ Манычу.

* * *

Къ началу марта стратегическое положеніе на сѣверномъ фронтѣ Вооруженныхъ силъ Юга было таково:

1. На Царицынскомъ направленіи донскія войска ген. Мамонтова, номинально 5—6 тыс., придержались нѣсколько между р.р. Саломъ

и Манычемъ, опираясь лѣвымъ флангомъ въ Донъ противъ стан. Константиновской, и правымъ — въ Манычскія озера.

За Манычемъ сосредоточивалась группа ген. Кутепова, частью въ раіонѣ Великокняжеской, частью южнѣе у Дивнаго — Пріютнаго. Численность ея была 9—11 тыс., но, кромѣ 2-го Куб. корпуса ген. Улагая, прочія части ея находились въ стадіи формированія и боевой эквивалентъ ихъ былъ невысокъ [1]).

2. Прикрываясь Донцомъ, располагались главныя силы Донской арміи ген. Сидорина — около 12—13 тыс., имѣя на лѣвомъ флангѣ, въ Луганскомъ направленіи, активную группу ген. Коновалова.

Въ раіонѣ Александро-Грушевскаго, сѣвернѣе Новочеркасска сосредоточивались дивизіи ген. Покровскаго и Шкуро, перебрасываемыя также на Луганское направленіе.

3. Отъ ст. Колпаково на Волноваху и Маріуполь шелъ фронтъ Кавказской арміи [2]), насчитывавшей всего съ подошедшими дивизіями 12 тыс. бойцовъ. Въ виду наличія одной только жел.-дор. магистрали, связывавшей Кавказъ съ Донецкимъ раіономъ, сосредоточеніе войскъ шло крайне медленно.

Такимъ образомъ, на всемъ 750-ти верстномъ сѣверномъ фронтѣ В. С. Ю. Р. стояло 42—45 тыс. штык. и сабель [3]). Въ группировкѣ по различнымъ участкамъ фронта численное соотношеніе не играло существенной роли, въ виду крайне разнообразной боевой цѣнности войскъ. Въ этомъ отношеніи Кавказская Добровольческая армія, прикрывавшая Донецкій бассейнъ, и конныя донскія дивизіи, дѣйствовавшія на луганскомъ направленіи, представляли изъ себя тогда наиболѣе прочную и внушительную силу.

Съ сѣвера на югъ наступали совѣтскія арміи Южнаго (подполк. Гиттисъ) и Украинскаго (Антоновъ-Овсѣенко) фронтовъ. Въ виду неудавшейся операціи по захвату Новочеркасска прямымъ наступленіемъ съ сѣв.-востока 8 и 9 арміями, совѣтское командованіе измѣнило планъ и приступило къ перегруппировкѣ.

1. Вдоль жел.-дор. линіи Царицынъ — Тихорѣцкая наступала, пока еще только конными частями, 23-хъ тысячная 10-я армія подполк. Егорова, въ составъ которой вошла и «Степная группа», около 10 тыс., дѣйствовавшая восточнѣе по большому Ставропольскому шляху.

2. По Дону отъ Чира до устья Донца и по Донцу до впаденія Луганчика, на широкомъ фронтѣ раскинулась 9-я армія полк. Всеволодова силою въ 28 тыс. [4]).

3. Западнѣе, сдвинувшись съ воронежскаго направленія, 8-я армія шт.-кап. Тухачевскаго, около 27 тысячъ, производила вкруговую переброску войскъ на прав. берегъ Донца, въ раіонъ Луганска.

4. Южнѣе до Юзовки былъ фронтъ 13-й арміи Кожевникова, изъ украинскихъ формированій, усиленной къ тому времени до 20—25 тыс., съ главными силами въ направленіи Никитовки.

5. Въ раіонѣ Юзовки находился стыкъ Южнаго и Украинскаго большевицкихъ фронтовъ, при чемъ на лѣвомъ флангѣ послѣдняго развернулась 2-я украинская армія (позднѣе 14-я, включавшая «украинскія» дивизіи, повстанческіе отряды Махно, Опанасюка, и др.). Эта группа, усиленная до 20—25 тыс., располагалась

---

[1]) Горская дивизія, кадры формировавшихся на Дону бывш. «Астраханской арміи», затѣмъ «Саратовскаго корпуса» и т. д.

[2]) За болѣзнью ген. Врангеля временно командовалъ ген. Юзефовичъ.

[3]) Считая и части, прикрывавшія тогда перешейки въ Крыму. Остальныя силы находились частью въ пути, частью на Сѣверн. Кавказѣ, и на побережьи Чернаго моря.

[4]) Послѣ перегруппировки.

главными силами противъ Юзовки — Волновахи; далѣе по линіи Бердянскъ—Мелитополь—Перекопъ (исключ.) стояла особая Крымская группа.

Такимъ образомъ, противъ сѣвернаго фронта Вооруж. силъ Юга большевики располагали силами въ 130—150 тыс., расположенными въ двухъ главныхъ группахъ: на Царицынскомъ направленіи — 10-я армія и на линіи Лугансвъ—Волноваха — 8-я, 13-я и большая часть 2-й украинск. арміи. Какъ слѣдовало изъ полученныхъ нами позднѣе въ половинѣ апрѣля свѣдѣній изъ Москвы, совѣтскимъ войскамъ поставлена была задача уничтожить группу, прикрывающую Донецкій бассейнъ, для чего: удерживая въ центрѣ линію Донца и Дона, нанести главный ударъ тремя арміями въ юго-восточн. направленіи на Ростовъ—Новочеркасскъ [1]), одновременно угрожая нашему тылу ударомъ по Великокняжеской.



РАСПОЛОЖЕНІЕ СТОРОНЪ

КЪ НАЧАЛУ МАРТА 19г.

2 марта мною отдана была арміямъ директива, впослѣдствіи нѣсколько видоизмѣненная въ деталяхъ, но въ общемъ ставившая войскамъ слѣдующія основныя задачи: 1) продолжать переброску войскъ съ Кавказа въ Донецкій раіонъ; 2) активно обороняясь на Западномъ фронтѣ Донецкаго бассейна, а также по

[1]) 8-я армія направлена была правымъ берегомъ Донца.

Донцу и Дону, правымъ флангомъ Кавказской Добровольческой арміи и лѣвымъ флангомъ Донской нанести ударъ главной массѣ противника, направляя его на фронтъ Дебальцево—Лугансккъ; 3) группѣ ген. Кутепова, по сосредоточеніи, совмѣстно съ правымъ флангомъ Донской арміи наступать въ Царицынскомъ направленіи, имѣя ближайшей цѣлью отбросить большевиковъ за р. Салъ.

* * *

Съ конца февраля началось жестокое сраженіе.

На всемъ пространствѣ между Азовскимъ моремъ и Донцомъ перешли въ рѣшительное наступленіе совѣтскія арміи, въ 3—4 раза превосходившія насъ численно. Въ раіонѣ между верхнимъ Міусомъ и Донцомъ [1]) шли встрѣчные бои между 8-й арміей и частью 13-й и нашей ударной группой. Корпуса генераловъ Коновалова (донск.), Покровскаго (куб. и донцы) и Шкуро (куб. и терцы), непрестанно маневрируя, наносили одинъ за другимъ удары совѣтскимъ арміямъ. Въ безчисленныхъ конныхъ атакахъ они несли тяжелыя потери, но наносили противнику еще большія, разстраивая его морально, наводя панику въ ближайшемъ тылу и парализуя наступленіе непріятельскихъ армій. Съ большимъ порывомъ дѣйствовалъ ген. Коноваловъ и, преслѣдуя разбитыя части большевиковъ, дважды врывался въ Лугансккъ...

На западномъ фронтѣ въ совершенно исключительной обстановкѣ корпусъ ген. Май-Маевскаго [2]) велъ «желѣзнодорожную войну», примѣняя особые методы тактики, въ виду подавляющаго превосходства силъ противника. Пользуясь густою сѣтью жел.-дор. Донецкаго бассейна, онъ занималъ небольшими отрядами важнѣйшіе пункты по линіи фронта и держалъ въ тылу на узловыхъ станціяхъ бронепоѣзда и въ вагонахъ подвижные резервы, которые бросались въ угрожаемомъ направленіи, съ тѣмъ, чтобы на другой день, иногда въ тотъ же, переброситься въ противоположный конецъ фронта. У противника создавалось впечатлѣніе нашей силы — на всѣхъ направленіяхъ, но это были одни и тѣ же люди, безсмѣнно, изо дня въ день дерущіеся то тамъ, то здѣсь, отдыхающіе въ пути, въ вагонѣ, потерявшіе представленіе о времени сутокъ, истомленные физически, но полные мужества. Недѣли, мѣсяцы — по всему фронту гремѣли выстрѣлы, станціи переходили изъ рукъ въ руки, лилась кровь, Добровольческія части таяли, но продолжали бороться.

Волна совѣтскихъ войскъ, захлестнувшая уже сѣверную Таврію, заливавшая Донецкій бассейнъ, спадала опять — разбитая и распыленная.

Въ серединѣ марта, послѣ переброски новыхъ крупныхъ совѣтскихъ силъ, наступленіе на этомъ фронтѣ возобновилось съ особенной силой въ направленіи Дебальцева, Гришина и Маріуполя. Фронтъ Кавказской арміи былъ потѣсненъ. Мы оставили Юзово, Долю, Волноваху, Маріуполь. Въ виду этого конницѣ генерала Шкуро, взявшей 17-го Дебальцево, была дана задача ударить по тыламъ западнаго фронта. Въ теченіе двухъ недѣль — съ 17 марта по 2 апрѣля — онъ прошелъ отъ Горлова до Азовскаго моря, наводя страхъ на большевиковъ, разогнавъ, порубивъ и взявъ въ плѣнъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, бронепоѣзда и

---

[1]) Примѣрно между Лугансккомъ и станц. Колпаково.

[2]) На крайнемъ лѣвомъ флангѣ его въ раіонѣ Маріуполя былъ сводный отрядъ ген. Виноградова изъ сводно-гвард. полка и частей бывшей на Дону расформир. «Южной арміи».

другую военную добычу [1]). Между Волновахой и Маріуполемъ ген. Шкуро разгромилъ, между прочимъ, «дивизію» Махно, полки котораго, какъ сообщалось въ донесеніи, «обратились въ паническое бѣгство, бросая оружіе, шубы, шинели и даже сапоги...» По мѣрѣ движенія конницы и одновременно съ нею переходили въ наступленіе войска генераловъ Май-Маевскаго и Виноградова, вновь занимая утерянную временно линію.

8 апрѣля товарищъ Сокольниковъ, членъ рев. военн. совѣта Южнаго фронта телеграфировалъ въ Москву:

> «Замедленіе операцій на Южномъ фронтѣ объясняется разложеніемъ N-ской арміи (вѣроятно 13-й?), а также полной небоеспособностью частей Махно. Противникъ получилъ отсрочку, которую великолѣпно использовалъ... Вмѣсто разбитой Донской арміи передъ нами стоитъ новая армія съ болѣе свѣжими силами, чѣмъ наши... Наше положеніе еще нельзя считать поколебленнымъ, но за послѣдніе два мѣсяца соотношеніе силъ измѣнилось въ пользу противника».

Совѣтская статистика въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ давала офиціальныя цифры дезертировъ Южнаго фронта соотвѣтственно въ 15, 21, 23 процента.

О «превосходствѣ» нашемъ въ силахъ упоминалось постоянно въ рѣчахъ и воззваніяхъ Троцкаго: «Наши арміи встрѣтились на своемъ пути съ очень многочисленными и свѣжими (!) Деникинскими войсками...» «на многихъ участкахъ фронта они превосходятъ насъ численно вдвое, втрое...»

Силы Кавк. Добров. арміи, вмѣстѣ съ донцами ударной группы, не превосходили въ ту пору 15—16 тыс. и успѣхи нашихъ войскъ должны быть отнесены исключительно за счетъ ихъ доблести.

Въ то время, какъ на западномъ фронтѣ разбивался нами напоръ трехъ ударныхъ армій, 9-я совѣтская армія на линіи Донца не оставалась пассивной. Неоднократно части ея переправлялись въ разныхъ мѣстахъ на южный берегъ, но попытки ихъ отражались донцами. Въ концѣ марта большевики предприняли здѣсь операцію крупными силами, перейдя рѣку одновременно у Каменской и Усть-Бѣлокалитвенской [2]), отбросили донскія части и начали распространяться вглубь раіона. Но снятый съ Луганскаго направленія конный корпусъ полк. Калинина [3]) разбилъ и сбросилъ въ рѣку большевиковъ у Каменской, и, повернувъ къ Калитвѣ совмѣстно съ корпусомъ ген. Семилѣтова, съ такимъ же успѣхомъ повторилъ ударъ и здѣсь. Повторенныя въ первой половинѣ апрѣля попытки 9 арміи переправиться въ низовьяхъ Донца окончились также полной неудачей, и на этомъ фронтѣ наступило затишье.

Одновременно съ переправой у Каменской, на Луганскомъ направленіи противникъ, воспользовавшись ослабленіемъ тамъ нашихъ силъ, продвинулся впередъ, но переброшенныя туда вновь корпуса Калинина и Шкуро, совмѣстно съ другими лѣвофланговыми частями Донской арміи, въ двадцатыхъ числахъ апрѣля съ большимъ урономъ отбросили противника за р. Бѣлую.

Донское войско явно выздоравливало отъ того повальнаго маразма, который охватилъ его въ январѣ, вновь пріобрѣтало вѣру въ себя, въ свои силы, въ возможность дальнѣйшей борьбы. Продолжались еще явленія боевой неустойчивости и развала, требовавшія даже воздѣйствія вооруженной силой, но масса

---

[1]) Въ этомъ и позднѣйшихъ сраженіяхъ надлежитъ отмѣтить боевое сотрудничество съ ген. Шкуро и оперативное руководство корпусомъ его доблестнаго начальника штаба ген. Шифнеръ-Маркевича.

[2]) На жел.-дор. направленіи Воронежъ — Ростовъ и Лихая — Царицынъ.

[3]) Былъ переброшенъ съ Царицынскаго направленія.

очнулась. Донское командованіе использовало умѣло прочныя части для маневра и дѣятельно вело реорганизацію арміи, упраздняя не отвѣчавшее силамъ дѣленіе на «фронты», «арміи», сводя въ нормальныя части многочисленные отряды — наслѣдіе партизанства, ополченія и развала.

Очнулись и казаки Верхне-Донского округа, нѣкогда «воткнувшіе штыки въ землю», подчинившіеся совѣтской власти и погубившіе фронтъ. Возстаніе тамъ вспыхнуло неожиданно для большевиковъ и приняло широкія размѣры. Мы узнали о немъ въ началѣ марта, но лишь позднѣе, въ апрѣлѣ, когда донцамъ удалось установить воздушную связь съ возставшими, обнаружились потрясающія картины большевицкаго властвованія на Дону. Со всѣхъ сторонъ неслись вопли, разсказы о массовыхъ злодѣйствахъ, объ оскверненіи церквей, о поджогахъ и грабежахъ, объ изнасилованіи женщинъ и дѣтей... «Душа казака не вынесла такого испытанія» — писалъ окружный совѣтъ возставшихъ. Они просили передать своимъ одностаничникамъ на Донцѣ, что «ихъ матери, жены, дѣти, еще оставшіеся въ живыхъ, съ изможденными лицами, оборванныя и голодныя, просятъ помощи».

Летчиковъ встрѣчали колокольнымъ звономъ и забрасывали цвѣтами. Вѣсти съ Донецкаго фронта подняли еще болѣе настроеніе возставшихъ, а вѣсти оттуда заставили призадуматься малодушныхъ на фронтѣ.

По большевицкой терминологіи это было «кулацкое возстаніе», хотя даже Бронштейнъ въ своихъ воззваніяхъ не счелъ возможнымъ отрицать, что «казаки терпѣли несправедливости отъ отдѣльныхъ проходившихъ воинскихъ частей и отдѣльныхъ представителей власти». Совѣтское командованіе для усмиренія возстанія снарядило «экспедиціонный корпусъ» изъ состава 9 арміи, но онъ успѣха не имѣлъ. Бронштейнъ писалъ пламенныя воззванія, посылалъ «прекрасныя подкрѣпленія, лучшихъ работниковъ-организаторовъ» и требовалъ «нанести быстрый, суровый, сокрушающій ударъ». Но шли недѣли за недѣлями, экспедиціонныя войска терпѣли неизмѣнно неудачи[1]), раіонъ возстанія ширился, и къ апрѣлю у возставшихъ насчитывалось до 30 тыс. бойцовъ и 6 орудій. У нихъ не хватало оружія и патроновъ, но за то было мужество отчаянія.

Возстаніе въ тылу ставило совѣтское командованіе въ весьма рискованное положеніе.

Въ концѣ концовъ, къ серединѣ апрѣля, т. е. черезъ полтора мѣсяца послѣ начала наступленія совѣтскихъ армій, войска Кавказск. Добр. и Донской Армій стояли на той же линіи, сохранивъ Донецкій каменноугольный бассейнъ и Донской плацдармъ.

* * *

Менѣе благополучно складывалось положеніе на Манычскомъ фронтѣ. Въ серединѣ марта большевики, отбросивъ наши части отъ Великокняжеской къ Манычу, вслѣдствіе разлива рѣки держали себя здѣсь пассивно. И лишь на крайнемъ южномъ флангѣ, въ Ставропольскомъ направленіи, продолжали непрерывныя атаки, неизмѣнно отражаемыя кубанцами ген. Улагая. Но въ концѣ мѣсяца 10-я совѣтск. армія перешла вновь въ наступленіе и отбросила наши части за рѣку на всемъ нижнемъ теченіи Маныча. Одинъ изъ донскихъ корпусовъ, совершенно разложившійся, ушелъ за Донъ, отдавъ большевикамъ неиспорченнымъ

[1]) Одинъ изъ совѣтскихъ полковъ (Сердобскій) перешелъ на сторону возставшихъ.

мостъ и станицу Богаевскую — въ одномъ переходѣ отъ Новочеркасска. Сводныя части Великокняжеской группы ген. Кутепова также не проявили достаточной стойкости, и 12—14 апрѣля противникъ сталъ переправляться на лѣвый берегъ Маныча, угрожая Владикавказской жел. дор., тылу и сообщеніямъ Кавказской и Донской армій.

На очереди стояла серьезная задача парировать этотъ ударъ...

* * *

Кавказской Добр. Арміей командовалъ временно нач. штаба ея, ген. Юзефовичъ. Ген. Врангель поправлялся послѣ сыпного тифа — сначала въ Кисловодскѣ, потомъ на Черноморскомъ побережьи. Юзефовичъ сообщалъ, что подъ вліяніемъ перенесенной тяжелой болѣзни въ душѣ командующаго происходитъ реакція: онъ говорилъ, что «Богъ караетъ (его) за честолюбіе, которое руководило до тѣхъ поръ его жизнью», и что послѣ выздоровленія онъ покинетъ службу и обратится къ мирной работѣ «для своей семьи, для дѣтей...» Считая, что это настроеніе лишь временное и оцѣнивая боевыя качества генерала Врангеля, я послалъ ему тотчасъ же письмо, въ которомъ очертилъ его заслуги и выразилъ увѣренность, что онъ останется во главѣ Кавказск. Добр. Арміи. Получилъ въ отвѣтъ: «... До глубины души тронутъ тѣмъ сердечнымъ отношеніемъ съ Вашей стороны, которое неизмѣнно чувствовалъ во все время моей болѣзни. Отъ всего сердца благодарю Васъ и прошу вѣрить, что, если Богу угодно будетъ вернуть мнѣ здоровье и силы, то буду счастливъ подъ Вашимъ начальствомъ вновь отдать ихъ на служеніе дорогой Родинѣ и Арміи».

Получая доклады отъ своего штаба, ген. Врангель былъ въ курсѣ боевыхъ операцій. И онъ и Юзефовичъ рѣзко расходились во взглядахъ со Ставкой въ отношеніи плана текущей операціи. Съ февраля сначала Юзефовичъ, потомъ Врангель многократно и настойчиво добивались измѣненія этого плана; вокругъ вопроса создавалось нервное настроеніе, далеко выходившее изъ области чистой стратегіи и изъ спеціально-технической заинтересованности... Выборъ направленія на сѣверъ или на Царицынъ неожиданно для меня превращался въ лозунгъ — внѣшній по крайней мѣрѣ — болѣе сложныхъ, тогда еще не вполнѣ выявившихся настроеній...

Ген. Врангель считалъ «главнѣйшимъ и единственнымъ» — направленіе на Царицынъ, дающее возможность установить связь съ арміей адм. Колчака. Съ этой цѣлью онъ предлагалъ «пожертвовать каменноугольнымъ раіономъ, въ которомъ намъ все равно не удержаться...» оттянуть наши части на линію р. Міусъ — стан. Гундоровская съ цѣлью прикрытія жел. дор. Новочеркасскъ — Царицынъ и, воспользовавшись «сокращеніемъ (?) фронта на 135 верстъ», оставить на правомъ берегу Дона только Донскую армію, а Кавказскую Добровольческую перебросить на Царицынское направленіе, по которому и наступать, прикрываясь р. Дономъ.

Послѣдствія такого рѣшенія представлялись мнѣ и начальнику моего штаба съ непререкаемой ясностью.

Донская армія тогда только и поддерживалась морально присутствіемъ и сосѣдствомъ Добровольцевъ. Уходъ ихъ возлагалъ на Донцовъ задачу совершенно непосильную: прикрытіе новаго 120 верстнаго фронта, при чемъ освобождавшіяся 13, 14 и часть 8-й совѣтскія арміи получали возможность нанести ударъ во флангъ и тылъ Донской. Нечего и говорить, что Донцы ни одного дня не удержа-

лись бы на правомъ берегу. «Если бы Кавк. Добр. армія — писалъ съ полнымъ основаніемъ ген. Романовскій Юзефовичу — ушла и обнажила лѣвый флангъ Донцовъ, не будучи вынуждена къ тому силой противника, я убѣжденъ, что не только не стали бы Донцы защищать никакого плацдарма, но все, что есть у нихъ, развалилось бы совершенно, и мы имѣли бы за Дономъ массу бѣженцевъ и незначительные Донскіе партизанскіе отряды ...[1]). Конечно (при этомъ) на главнокомандующаго со стороны Донцовъ, возможно и Кубанцевъ, легло бы обвиненіе въ предательствѣ».

Такимъ образомъ, планъ этотъ приводилъ къ потерѣ не только каменноугольнаго бассейна, но и правобережной части Донской области съ Ростовомъ и Новочеркасскомъ, къ деморализаціи Донской арміи и къ подрыву духа возставшихъ казаковъ Верхнедонского Округа. Главная масса войскъ Южнаго совѣтскаго фронта (8, 9, 13 и 14 арміи) получили бы возможность на плечахъ Донцовъ форсировать Донъ и обрушиться на тылъ и сообщенія Кавказской Добровольческой арміи (Новороссійскъ—Торговая) или, прикрываясь въ свою очередь Дономъ, перекинуться къ Волгѣ. Дальнѣйшее успѣшное развитіе операціи къ сѣверу отъ Царицына — арміи, линія сообщенія которой длиною въ 756 верстъ проходила бы большей своей частью параллельно фронту и подъ угрозой противника, представлялось совершенно неправдоподобнымъ подвергая армію опасности быть сброшенной фланговымъ ударомъ въ Волгу. Къ тому же путь къ Царицыну шелъ, по словамъ самого ген. Врангеля, черезъ «безлюдную и мѣстами безводную степь», исключавшую возможность мѣстнаго пополненія и питанія.

Мой планъ былъ иной.

Въ полномъ единомысліи съ командованіемъ Донской арміи, я хотѣлъ удержать въ нашихъ рукахъ Донецкій бассейнъ и Сѣверную часть Донской области по соображеніямъ моральнымъ (поддержаніе духа Донского войска и возставшихъ казаковъ), стратегическимъ (плацдармъ для наступленія кратчайшими путями къ Москвѣ) и экономическимъ (уголь). Я считалъ возможнымъ атаковать или по крайней мѣрѣ сковать дѣйствія четырехъ большевицкихъ армій сѣвернѣе Дона и одновременно разбить 10-ю армію на Царицынскомъ направленіи. А наше побѣдное наступленіе, отвлекая большія силы и средства совѣтовъ, тѣмъ самымъ облегчало бы въ значительной степени положеніе прочихъ бѣлыхъ фронтовъ.

Возможно ли это было? Въ ближайшее время жизнь отвѣтила утвердительно, отвѣтила разгромомъ не только 10-й, но и 8, 9, 13 и 14 совѣтскихъ армій.

* * *

Угроза со стороны 10-й арміи становилась весьма серьезной, и Штабъ мой спѣшно сталъ перебрасывать на Манычское направленіе подкрѣпленія. Предстояло немедленно объединить командованіе всѣмъ Манычскимъ фронтомъ для предстоящей операціи, и я рѣшилъ поручить это дѣло ген. Врангелю; въ случаѣ же, если состояніе его здоровья не позволитъ, принять непосредственное командованіе на Манычѣ на себя. Ген. Врангель находился въ то время уже въ Екатеринодарѣ. Поздно вечеромъ 14-го апрѣля къ нему зашли ген. Романовскій и ген.-кварт. штаба Плющевскій-Плющикъ переговорить по этому поводу.

---

[1]) При отступленіи отъ сѣверныхъ своихъ границъ къ Донцу Донская армія съ 45 тыс. сошла на 15 тыс.

— Я могу согласиться не иначе — отвѣтилъ Врангель въ очень рѣзкомъ тонѣ — какъ при условіи переброски на Царицынское направленіе всего моего штаба со всѣми органами снабженія.

Романовскій возразилъ, что сейчасъ, въ виду тяжелаго положенія Донецкаго раіона убирать оттуда штабъ арміи немыслимо; рѣчь можетъ идти лишь о выдѣленіи маленькаго полевого штаба... И что разъ вопросъ ставится такъ, главнокомандующему остается выѣхать въ Тихорѣцкую и принять руководство операціей въ свои руки.

Генералъ Врангель отбылъ на другой день въ Ростовъ, въ штабъ Кавказской Добр. арміи, я 18-го переѣхалъ въ Тихорѣцкую, для непосредственнаго командованія на Царицынскомъ направленіи.

* * *

18-го—20-го закончилось сосредоточеніе войскъ Манычскаго фронта въ трехъ группахъ: ген. Покровскій [1]) — въ раіонѣ Батайска, ген. Кутеповъ [2]) — западнѣе Торговой и ген. Улагай [3]) — къ югу у Дивнаго въ Ставропольскомъ направленіи. Главную массу группы составляли кубанскіе казаки.

Противникъ къ этому времени вышелъ уже на линію жел. дор. Батайскъ — Торговая, и передовыя части его подходили на переходъ къ Ростову.

18 апрѣля я отдалъ директиву войскамъ Манычскаго фронта «разбить противника и отбросить его за Манычъ и Салъ», при чемъ ген. Улагаю развивать успѣхъ въ направленіи Ставрополь—Царицынскаго тракта, перехвативъ желѣзную дорогу.

21 апрѣля началось наше наступленіе, и къ 25-му 10 сов. армія на всемъ теченіи Маныча была отброшена за рѣку. Въ центрѣ дивизія ген. Шатилова дважды переходила черезъ Манычъ, доходя передовыми частями до ст. Ельмутъ, въ тылу Великокняжеской, по пути своему разбивъ нѣсколько полковъ противника, взявъ нѣсколько тысячъ плѣнныхъ и орудія; ген. Улагай перешелъ Манычъ и разбилъ большевиковъ у Кормового и Пріютнаго.

Такъ какъ форсированіе Маныча въ низовьяхъ не увѣнчалось успѣхомъ, я оставилъ для прикрытія его отрядъ ген. Патрикѣева [4]) и донцовъ, а всѣ остальныя конныя дивизіи лѣваго крыла и центра 1-го мая перевелъ къ устью р. Егорлыка. Конная масса изъ 5½ дивизій должна была нанести рѣшительный ударъ по Великокняжеской съ юго-востока.

Между тѣмъ, напоръ противника на корпусъ Май-Маевскаго въ Донецкомъ раіонѣ становился все отчаяннѣе. И 25-го начальникъ штаба корпуса доносилъ штабу арміи: «Положеніе на фронтѣ такое, что командиръ корпуса наканунѣ рѣшенія объ общемъ отходѣ корпуса. Ком. корпуса считаетъ, что сохраненіе остатковъ корпуса возможно лишь въ томъ случаѣ, если корпусъ своевременно будетъ выведенъ изъ боя. Время наступило. Нельзя требовать отъ людей невозможнаго. Въ виду этого ком. корпуса проситъ директивы отъ арміи, въ какомъ направленіи начать отходъ... Быть можетъ, Марковцы возстановятъ положеніе, а Самурцы снова и снова займутъ свое расположеніе... Быть можетъ, Корниловцы

---

[1]) 1 куб., 2 терск. дивизіи, части 1-й донск. арміи.

[2]) Усиленный куб. дивизіей ген. Шатилова и куб. бриг. ген. Говорущенко.

[3]) 2-й конный корпусъ.

[4]) Командовавшій здѣсь ген. Кутеповъ вступилъ въ командованіе корпусомъ Май-Маевскаго, предназначеннаго командовать арміей.

опять, въ сотый разъ отобьютъ всѣ атаки... Быть можетъ, противникъ не будетъ дѣлать того, что подсказываетъ ему обстановка, здравый смыслъ и соотвѣтствіе силъ, и начнетъ митинговать и забастуетъ, — но все это такіе элементы, которые команд. корпуса, конечно, используетъ, но на которыхъ онъ не считаетъ возможнымъ строить свои планы...»

Генералъ Врангель отвѣтилъ выраженіемъ увѣренности въ доблести войскъ и ихъ начальника и въ случаѣ полной невозможности удержать фронтъ указалъ отходить, «прикрывая Иловайскую, въ Таганрогскомъ направленіи». Одновременно, въ виду грознаго положенія, онъ просилъ меня пріѣхать въ Ростовъ и вновь возбудилъ вопросъ объ отводѣ Кавказской Добр. арміи.

Чувствовался нѣкоторый душевный надрывъ, который необходимо было побороть во что бы то ни стало.



Я остался при своемъ первоначальномъ рѣшеніи: сохраненіе фронта — вопросъ необычайной важности; директивы объ отступленіи не будетъ; оно можетъ явиться только результатомъ абсолютной невозможности держаться дольше; въ опредѣленіи этого момента всецѣло полагаюсь на твердость командира корпуса.

Между тѣмъ, въ виду настойчиво выраженныхъ пожеланій ген. Врангеля о переводѣ его на Царицынскій фронтъ, вопросъ этотъ былъ предрѣшенъ мною окончательно. Послѣ окончанія Великокняжеской операціи, войска Царицынскаго фронта должны были составить новую армію, подъ начальствомъ ген. Врангеля, а во главѣ Кавказск. Добр. арміи, получавшей наименованіе Добровольческой, я рѣшилъ поставить ген. Май-Маевскаго, вынесшаго на своихъ плечахъ всю тяжесть шестимѣсячной обороны Донецкаго бассейна. 30 апрѣля баронъ Врангель вновь обратился къ нач. штаба ген. Романовскому объ ускореніи его переѣзда на Царицынское направленіе, чтобы попасть къ началу операціи, тѣмъ болѣе — какъ говорилъ онъ — «настроеніе въ городѣ (Ростовѣ) вполнѣ спокойное, и моментъ для (его) отъѣзда наиболѣе благопріятный». Ген. Романовскій полагая, что «фронтъ въ угольномъ раіонѣ болѣе важный, а здѣсь (на Царицынскомъ направленіи) операція протекаетъ нормально», обуславливалъ время переѣзда окончаніемъ формированія штаба и, главнымъ образомъ, оперативной части для генерала Май-Маевскаго.

1-го мая штабъ Кавказской арміи уславливался со штабомъ 1-го корпуса относительно линіи предстоящаго отхода. Въ тотъ же день ген. Врангель запросилъ разрѣшеніе прибыть ко мнѣ въ Торговую для личнаго доклада. Цѣль пріѣзда его 2-го мая была нѣсколько непонятна, такъ какъ обо всемъ уже мы переговорили раньше и никакихъ серьезныхъ новыхъ обстоятельствъ не появилось. Генералъ Врангель повторилъ опять, что предѣлы сопротивленія перейдены и нобходимо отступить. Неожиданнымъ для меня, послѣ екатеринодарскаго эпизода, явилось то обстоятельство, что ген. Врангель сразу и охотно принялъ мое предложеніе стать во главѣ конной группы, собранной мною противъ Великокняжеской. Съ тремя офицерами ген. штаба онъ выѣхалъ къ Бараниковской (на Манычѣ) и вступилъ въ командованіе группой.

Съ 1 по 5 мая тамъ шли обстоятельныя приготовленія къ переправѣ.

Между тѣмъ, на нашемъ правомъ крылѣ ген. Улагай, выполняя данную ему задачу — наступать царицынскимъ шляхомъ съ выходомъ части силъ въ тылъ Великокняжеской съ цѣлью перерѣзать жел. дор. Великокн.—Царицынъ, прошелъ сѣвернѣе Маныча болѣе чѣмъ на 100 верстъ, достигнувъ села Торговаго (на р. Салъ). Въ бояхъ у Пріютнаго, Ремонтнаго, Граббевской онъ разгромилъ до основанія всю Степную группу 10-й арміи, взявъ въ плѣнъ шесть полковъ 32 стр. дивизіи, штабы, обозы, свыше 30 орудій. Встревоженный выходомъ ген. Улагая на сообщенія своей арміи, товарищъ Егоровъ направилъ отъ Великокняжеской наперерѣзъ ему шесть полковъ лучшей совѣтской конницы Думенко. Въ полдень 4-го мая, возлѣ Граббевской произошла встрѣча, при чемъ послѣ ожесточеннаго боя Улагай разбилъ конницу Думенки, которая бросилась бѣжать въ безпорядкѣ на западъ, преслѣдуемая кубанцами. Одинъ изъ отрядовъ Улагая вышелъ къ жел. дор. у станціи Гашунъ и разрушилъ тамъ путь.

Этотъ успѣхъ предрѣшилъ исходъ Великокняжеской операціи.

На другой день съ разсвѣтомъ переправилась черезъ Манычъ конная группа ген. Врангеля. Въ трехдневномъ бою подъ Великокняжеской, гдѣ противникъ оказывалъ намъ весьма упорное сопротивленіе, ген. Врангель нанесъ пораженіе центральной группѣ противника и взялъ Великокняжескую.

10 совѣтская армія потерявъ за время Манычской операціи (22 апрѣля—8 мая) одними плѣнными болѣе 15 тыс. чел., 55 орудій, разстроенная и деморализованная поспѣшно отступала на Царицынъ, преслѣдуемая всѣми войсками Манычскаго фронта, получившими названіе К а в к а з с к о й а р м і и. Командующимъ этой арміей былъ назначенъ ген. Врангель.

Войска бывш. Кавказской Добровольческой арміи наименованы были Добровольческой арміей. Во главѣ ея сталъ ген. Май-Маевскій[1]).

Отъ ген. Май-Маевскаго съ тѣхъ поръ тревожныхъ свѣдѣній не поступало. 4 мая противникъ на всемъ Донецкомъ фронтѣ перешелъ вновь въ общее наступленіе, которое было отражено съ большимъ для него урономъ, и Добровольческая Армія, перейдя въ контръ-наступленіе, въ теченіе нѣсколькихъ дней овладѣла вновь всѣмъ Юзовскимъ раіономъ и Маріуполемъ, захватывая тысячи плѣнныхъ, бронепоѣзда и орудія.

* * *

Въ началѣ мая на всемъ фронтѣ отъ Донца (лѣвый флангъ Донск. арміи) до Азовскаго моря въ станѣ большевиковъ наступилъ моральный переломъ. Огромныя потери, понесенныя въ бояхъ и въ большей еще степени отъ дезертирства, ослабили большевицкія арміи. Онѣ разбились о сопротивленіе Добровольцевъ и казаковъ, и въ рядахъ ихъ все болѣе, все глубже наростало паническое настроеніе. Появленіе впервые на этомъ фронтѣ англійскихъ танковъ произвело на большевиковъ большое впечатлѣніе и еще более увеличило ихъ нервность.

Въ тылу у большевиковъ было не лучше. 24 апрѣля поднялъ возстаніе противъ совѣтовъ атаманъ Григорьевъ и, находя живой откликъ въ населеніи, вскорѣ занялъ Елисаветградъ, Знаменку, Александрію, подходилъ къ Екатеринославу. Для борьбы съ нимъ направлены были резервы сов. Южнаго фронта... Наростало столкновеніе между сов. властью и Махно, отражавшееся на положеніи Пріазовскаго фронта... Украина кишѣла повстанческими отрядами, во главѣ съ многочисленными атаманами, не признававшими никакой власти, гулявшими по тыламъ, разстраивавшими сообщенія, осаждавшими не разъ и самый Кіевъ. Московскія «Извѣстія» констатировали вообще во всей прифронтовой полосѣ цѣлый рядъ «контръ-революціонныхъ вспышекъ», въ которыхъ принимали вооруженное участіе «не только кулаки и черносотенцы, но и нѣкоторыя группы обманутыхъ (!) средняковъ и бѣдняковъ». Причины этого явленія офиціозъ видѣлъ въ безчинствахъ совѣтскихъ войскъ, въ тяжести поборовъ и разверстокъ и въ «самодурствѣ опьяненныхъ властью помпадуровъ...»

Большевицкія арміи явно и быстро разлагались.

Начало мая было рѣзкимъ поворотнымъ моментомъ въ судьбахъ Вооруженныхъ силъ Юга. Фронтъ большевицкій дрогнулъ, и всѣ наши арміи—отъ Каспійскаго моря до Донца и отъ Донца до Чернаго моря — были двинуты въ рѣшительное наступленіе.

---

[1]) Временно, чтобы дать возможность новому корп. командиру ознакомиться съ особенностями тактики къ каменноугольномъ раіонѣ, ген. М.-М. оставался при корпусѣ, а арміей командовалъ ген. Юзефовичъ.

ГЛАВА VIII.

Взаимоотношенія Екатеринодара съ Омскомъ въ первой половинѣ 1919 г. Положеніе Восточнаго фронта.

Тотчасъ по сверженіи Директоріи Омское правительство послало въ Екатеринодаръ телеграмму:

> «Омская директорія распущена силой государственнаго переворота. Трое ея членовъ, принадлежащихъ къ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, арестованы; два другихъ — партіи кадетовъ получили отставку. Но весьма вѣроятно ихъ сотрудничество съ адмираломъ Колчакомъ, который взялъ на себя верховную власть. Онъ раздѣляетъ, какъ и всѣ мы, необходимость объединенія съ важнымъ государственнымъ образованіемъ генерала Деникина. Омское правительство съ нетерпѣніемъ ожидаетъ Вашего рѣшенія, равно какъ и предложеній, заключающихъ въ себѣ основанія, на которыхъ объединеніе можетъ осуществиться. Все это требуетъ исключительной спѣшности, въ особенности потому, что союзныя правительства имѣютъ убѣжденіе и увѣренность въ предстоящемъ возстановленіи недѣлимой Россіи».

Я отнесся съ большимъ удовлетвореніемъ и полнымъ признаніемъ къ факту замѣны Директоріи единоличной властью адм. Колчака. Но случайная и рѣдкая связь съ Сибирью вообще и лаконичность сообщеній не давали возможности составить себѣ сколько-нибудь опредѣленное понятіе о происшедшихъ тамъ событіяхъ.

Прошло нѣкоторое время, и изъ текущей переписки и изъ газетъ я къ изумленію своему узналъ о... подчиненныхъ отношеніяхъ Екатеринодара къ Омску. Оказалось, что начальникъ упр. ин. дѣлъ Сазоновъ въ мое отсутствіе изъ Екатеринодара отвѣтилъ Омску телеграммой за своей подписью:

«Благоволите передать адм. Колчаку въ Омскъ. Признаемъ верховную власть, взятую на себя Вашимъ Превосходительствомъ, въ увѣренности, что Вы солидарны съ основными началами политической и военной программы Добровольческой Арміи...» Далѣе слѣдовалъ перечень этихъ началъ... На мой недоумѣнный вопросъ вѣдомство разъяснило, что терминъ «reconnaissons pouvoir suprême» въ дипломатическомъ обиходѣ означаетъ не подчиненіе, а признаніе новой власти въ предѣлахъ ея компетенціи, въ родѣ, напримѣръ, признанія Англіей Финляндіи...

Но неискушенное въ дипломатическихъ тонкостяхъ общество и печать Сибири и само Омское правительство восприняло это заявленіе, какъ формулу подчиненія. Произошло недоразумѣніе, которое скоро, впрочемъ, — не знаю какими путями — разъяснилось и сгладилось [1]).

Адмиралъ Колчакъ лично не ставилъ вопросъ о нашихъ взаимоотношеніяхъ въ эту плоскость. Мало того, во всѣхъ сношеніяхъ со мной, какъ будетъ видно изъ приведенной ниже переписки, онъ избѣгалъ опредѣленій всероссійскаго масштаба, присущихъ его титулу, подчеркивая локальное значеніе своей государственной и военной власти.

---

[1]) Гинсъ приводитъ безъ даты отвѣтъ адм. Колчака мнѣ на Сазоновскую телеграмму: «Признаніе Вами верховной власти, выросшей на Востокѣ Россіи, знаменуетъ собой великій шагъ къ національному объединенію... Ваше сообщеніе укрѣпляетъ во мнѣ вѣру въ скорое возрожденіе единой Россіи...» Такой телеграммы я въ дѣлахъ не нашелъ.

Вслѣдъ за телеграммой Омскаго правительства, пришла телеграмма ген. Лебедева [1]):

«... Адмиралъ Колчакъ объявилъ, что будетъ работать съ Вами рука объ руку. Считайте себя единственнымъ начальникомъ для дѣлъ Юга и Запада Россіи [2]). Я исполняю временно обязанности начальника штаба главнокомандующаго. Прошу Васъ обращаться ко мнѣ за справками. Сообщите мнѣ Ваши указанія ...»

Въ началѣ января черезъ англійскій штабъ въ Константинополѣ я получилъ телеграмму адмирала Колчака отъ 19 декабря [3]):

«Сформирована власть, во главѣ которой стою я. Кромѣ того, я состою главнокомандующимъ войсками Сибири, казачьихъ областей Уральской и Оренбургской и всей территоріи Урала.

Я слышалъ, что Вы боретесь на Югѣ за Единую Россію. Я желалъ бы снотиться съ Вами по дѣламъ военнымъ и государственнымъ, такъ какъ считаю необходимымъ согласовать наши дѣйствія. Съ этой цѣлью намъ необходимо установить связь по сушѣ. Искренно вѣрю въ наше общее... (не расшифровано). На нашу дружбу (единеніе) не могутъ повлiять никакія обстоятельства. Желаю соединиться и встрѣтиться съ Вами какъ можно скорѣе. Богъ Вамъ въ помощь».

Послѣ первыхъ извѣстій о вступленіи во власть адм. Колчака я послалъ офиціально горячій привѣтъ ему и «всѣмъ русскимъ патріотамъ Сибири» [4]). Вслѣдъ за симъ 15-го января я послалъ адмиралу личное письмо:

«Радъ былъ услышать, что Вы объединили въ твердыхъ рукахъ своихъ власть на Востокѣ. Отъ всей души желаю Вамъ успѣха въ Вашей государственной работѣ.

. . . .

Нисколько не сомнѣваюсь, что, когда волею Божьей соединятся наши территоріи, полное государственное объединеніе ихъ и всѣхъ русскихъ армій завершится легко и просто, на основѣ истинной пользы Русской Державы и отметая всякіе личные интересы.

Что касается отношеній къ союзникамъ, я неизмѣнно провожу идею невмѣшательства ихъ въ наши внутреннія дѣла, въ военное и гражданское управленіе. Помощь — самая широкая, но отнюдь не оккупація».

. . . .

Почти въ то же самое время, когда писалось это письмо въ Екатеринодарѣ, адм. Колчакъ отправлялъ мнѣ изъ Омска новое свое посланіе, которое я привожу почти полностью, выключивъ лишь перечень командного состава Сибири:

«Около 8 дней мною была отправлена на Ваше имя телеграмма черезъ представителя Великобританскаго правительства. За эти дни я получилъ нѣсколько телеграммъ отъ Сазонова и Маклакова изъ Парижа, касающихся вопроса о представительствѣ России на мирной конференціи, и я отъ себя и отъ имени правительства, образовавшагося на территоріи Сибири и Урала, уполномочилъ, согласно этимъ телеграммамъ, представительство Россіи въ составѣ: кн. Львова, Сазонова, Маклакова и Чайковскаго. Я полагаю, что Вы не разойдетесь со мною въ этомъ важнѣйшемъ вопросѣ.

Я извѣстилъ Васъ ... о положеніи вещей на сибирской территоріи ... Здравый государственный смыслъ Сибирскаго правительства призналъ невозможнымъ существованіе соціалистической партійной директоріи и остановился на

---

[1]) 3 декабря, № 1149.

[2]) «Unique chef pour affaires Ouest et Sud Russie».

[3]) Телеграмма на англійскомъ языкѣ оказалась искаженной. Возстановлена по смыслу.

[4]) Письмо 7 декабря.

военной диктатурѣ и единоличной военной власти, какъ единственной формѣ правленія въ настоящее время. Я принялъ функціи Верховнаго Правителя и Верховнаго Главнокомандующаго, не имѣя никакихъ опредѣленныхъ рѣшеній о будущей формѣ государственнаго устройства Россіи, считая совершенно невозможнымъ говорить въ періодъ тяжкой гражданской войны о будущемъ, ранѣе ликвидаціи большевизма. Уничтожить большевизмъ и создать обстановку въ государствѣ, при которой возможно было бы приступить къ рѣшенію этого вопроса — вотъ единственная цѣль, которая сейчасъ является реальной. Я получилъ отъ Маклакова положенія Добровольческой Арміи, которыя совершенно раздѣляю. Насколько могу судить, Вы, Антонъ Ивановичъ, на Югѣ Россіи приняли на себя приблизительно тѣ же функціи, что и я. И теперь на насъ ложится тяжкая отвѣтственность за будущность Родины нашей. Необходима тѣсная и согласованная работа наша, имѣющая однѣ и тѣ же цѣли и одни и тѣ же мотивы. Необходимо полное согласованіе нашихъ дѣйствій и соблюденіе принципа Единства Верховной власти и неотдѣлимаго теперь отъ нея Верховнаго Командованія. Я считаю долгомъ сказать Вамъ откровенно мнѣніе, что проведеніе этого принципа есть вопросъ будущности нашей Родины. Рѣшеніе этого вопроса зависитъ теперь отъ насъ, но необходима связь съ Вами и возможность практическаго установленія Единства Власти. Я считаю, что этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ въ зависимости отъ политическаго значенія Сибирской Правительственной Власти и той, которую Вы возглавляете, принимая въ основаніе стратегическое положеніе армій, подчиненныхъ мнѣ и Вамъ, территорію и общее политическое ея состояніе. Какъ только установится прочная связь между арміями моей и Вашей, необходима наша личная встрѣча для рѣшенія вопроса о Единой Власти и Командованіи и о соединеніи правительственныхъ органовъ въ одно цѣлое и, во всякомъ случаѣ, о согласованіи ихъ дѣятельности. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что Вы вмѣстѣ со мной рѣшите эти вопросы независимо отъ личностей, руководствуясь однимъ благомъ Родины нашей и государственными соображеніями о Ея выгодахъ и интересахъ.

. . . .

Послѣ Пермскаго разгрома 3-й большевицкой арміи, большевики предприняли общее наступленіе по всему фронту и создали очень тяжелое положеніе въ раіонѣ Уфы и Оренбурга. Все это осложняется поведеніемъ чешскихъ войскъ, потерявшихъ желаніе драться, и съ которыми возникаетъ много затрудненій. Союзники въ лицѣ англичанъ и французовъ относятся благожелательно, но помощь ихъ пока ограничена и мы получили до сихъ поръ только ружья и патроны. Мы испытываемъ большія затрудненія въ зимнемъ обмундированіи арміи, что еще болѣе осложняется исключительно суровою зимой, экономическимъ разореніемъ Сибири и т. д. Нѣтъ области государственнаго управленія, гдѣ не встрѣчались бы препятствія и трудности, иногда кажущіяся непреодолимыми. Крайне тяжело положеніе Дальняго Востока, фактически оккупированнаго японцами, ведущими враждебную политику хищническихъ захватовъ. Поддерживаемые японцами, т. наз. атаманы Семеновъ, Калмыковъ, Гамовъ со своими бандами образуютъ враждебную мнѣ группу и до сихъ поръ вопросы съ ними не улажены, такъ какъ японцы открыто вмѣшались и воспрепятствовали мнѣ вооруженной силой привести въ повиновеніе Семенова. Послѣдній является просто на просто агентомъ японской политики и дѣятельность его граничитъ съ предательствомъ. Но я надѣюсь справиться съ этими препятствіями. Что касается американцевъ, то пока они ограничиваются только обѣщаніями помощи, но реальнаго отъ нихъ мы ничего не получаемъ. Повторяю, что единственно, на что можно разсчитывать — это только на англичанъ и отчасти на французовъ. Большевизмъ еще далеко не изжитъ въ Сибири, и вспышки его приходится постоянно подавлять. Въ 20-хъ числахъ декабря была попытка большевицкаго возстанія даже въ Омскѣ, но ее удалось подавить въ нѣсколько часовъ. Партія соц.-рев. открыто стала на сторону большевиковъ и пыталась даже установить связь съ совѣтской властью. Мною разогнана и уничто-

жена открытая дѣятельность членовъ бывшаго Учред. Собранія, но подпольная работа и связь съ большевиками этихъ измѣнниковъ продолжается.

Вотъ въ общихъ чертахъ обстановка, въ которой приходится работать»[1]).

Получивъ это письмо въ серединѣ апрѣля, я тотчасъ же отвѣтилъ:

«Въ предыдущемъ письмѣ своемъ, которое Вы теперь несомнѣнно получили, я высказывалъ свой взглядъ на необходимость, послѣ нашего реальнаго соединенія — установленія единой власти, сливъ Востокъ и Югъ. Мысль эта была выражена почти тожественно тому, какъ это сдѣлано въ послѣднемъ Вашемъ письмѣ. Очень радъ. Дастъ Богъ — встрѣтимся въ Саратовѣ и рѣшимъ вопросъ во благо Родинѣ.

. . . .

Тѣ обстоятельства, о которыхъ Вамъ доложитъ ген. Гришинъ-Алмазовъ, указываютъ на необходимость намъ разсчитывать только на свои русскія силы. Союзники близки къ повторенію знакомыхъ намъ чудесъ русской жизни.

. . . .

Роль «Политическаго совѣщанія» въ Парижѣ и его политика для меня не вполнѣ ясны. И поэтому никакого признанія этого совѣщанія съ моей стороны не было. Офиціальныя сношенія ведутся исключительно съ Сазоновымъ, который считается представителемъ главнокомандующаго Вооруженными силами Юга Россіи. Съ нимъ Маклаковъ и Гирсъ. Участіе Львова и Чайковскаго пріемлемо.

Французское командованіе на Югѣ Россіи оправдывало свой ложный шагъ (Одесса), одобреніемъ «русскаго правительства въ Парижѣ». Отнюдь не признаю и считаю полнымъ недоразумѣніемъ. Полагаю, что французъ не понялъ роли совѣщанія.

Въ данное время получаемъ широкую помощь снабженіемъ отъ англичанъ и широкое противодѣйствіе со стороны французовъ[2]). Но все это менѣе важно, чѣмъ наше соединеніе, котораго жду съ величайшимъ нетерпѣніемъ».

. . . .

Это письмо постигла неожиданная участь...

Въ концѣ апрѣля ген. Гришинъ-Алмазовъ ѣхалъ въ Омскъ, направляясь Каспійскимъ моремъ черезъ Петровскъ—Гурьевъ и далѣе сухимъ путемъ по Сибири. Онъ везъ большую корреспонденцію, въ томъ числѣ всевозможные обзоры, сводки и приведенное выше письмо. Не пожелавъ дождаться нормальнаго рейса, онъ нанялъ частный катеръ и съ бывшими при немъ офицерами и командой вышелъ изъ Петровска на фортъ Александровскъ въ сопровожденіи англійскаго военнаго судна. 5 мая, въ виду Александровска англійское судно ушло на сѣверъ, а катеръ въ четырехъ верстахъ отъ форта неожиданно подвергся нападенію большевицкихъ миноносцевъ... Выхода не было никакого... Генералъ Гришинъ-Алмазовъ, уйдя въ каюту, выстрѣломъ изъ револьвера смертельно ранилъ себя и умеръ подъ смѣхъ и надругательства большевицкихъ матросовъ. Его примѣру послѣдовали четыре офицера; одинъ бросился въ море; остальныхъ большевики увезли въ Астрахань и судьба ихъ неизвѣстна[3]).

Такъ трагически окончилъ свою молодую и бурную жизнь человѣкъ далеко незаурядный, не оцѣненный въ Сибири, недооцѣненный на Югѣ и имѣвшій много данныхъ для того, чтобы играть видную роль въ рядахъ бѣлаго движенія.

---

[1]) Отъ 28 декабря 1918 г.

[2]) Письмо написано было подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ эвакуаціи французами Одессы и Крыма.

[3]) Со словъ механика катера — единственнаго человѣка, которому удалось потомъ уйти отъ большевиковъ.

Письмо мое въ числѣ прочихъ документовъ попало въ руки большевиковъ, было отослано въ Москву, появилось въ совѣтской печати[1]) и послужило причиной двухъ крупныхъ событій.

Фраза моя о предстоящей встрѣчѣ съ адм. Колчакомъ въ Саратовѣ, какъ увидимъ ниже[2]), легла въ основу плана операцій большевицкаго Южнаго фронта осенью 1919 г. (августъ и сентябрь) и вызвала сосредоточеніе въ Саратовскомъ направленіи главной ударной группы красныхъ.

Неодобрительный отзывъ о французской политикѣ, дошедшій до свѣдѣнія Клемансо, вызвалъ въ немъ сильнѣйшій гнѣвъ, который онъ не могъ скрыть въ разговорѣ своемъ съ ген. Драгомировымъ (іюнь), и неожиданное обвиненіе насъ... въ германофильствѣ. Въ представленіи французскихъ государственныхъ людей не укладывалось тогда понятіе о р у с с к о й просто политикѣ — она мыслилась только въ свѣтѣ прогерманскихъ или профранцузскихъ аспирацій.

Эпизодъ этотъ безъ сомнѣнія оказалъ извѣстное вліяніе на отношенія французскаго правительства къ Вооруж. силамъ Юга.

* * *

Взаимоотношенія наши съ Омскомъ опредѣлились вполнѣ. Разграничены были путемъ взаимнаго соглашенія и раіоны вліянія или власти Омска и Екатеринодара, при чемъ въ сферу послѣдняго вошла территорія на западъ отъ Волги, астраханскій раіонъ и Закаспій. Въ двухъ официальныхъ сообщеніяхъ — для печати и въ телеграммѣ Сазонову — для союзниковъ опредѣлено было съ исчерпывающей ясностью: подчиненныхъ отношеній нѣтъ, но существуетъ полное единомысліе между Югомъ и Востокомъ, и предрѣшено сліяніе ихъ послѣ фактическаго соединенія территорій.

Установились сношенія съ Сибирью, но съ величайшей трудностью. Телеграммы между Омскомъ и Екатеринодаромъ шли черезъ... Парижъ; военныя сводки сибирскаго фронта мы получали отъ англичанъ черезъ... Лондонъ; посылки курьеровъ установленныя съ января, были рѣдки, стоили страшно дорого и морскимъ путемъ черезъ Владивостокъ требовали времени не менѣе трехъ мѣсяцевъ. Огромные вороха весьма содержательныхъ отчетовъ, рисовавшихъ жизнь Востока, вслѣдствіе быстро мчавшихся событій, ко времени полученія ихъ нами теряли цѣнность новизны, обращаясь въ историческій матеріалъ. И краткія, обыкновенно извращенныя въ передачѣ телеграммы, рисовавшія огромныя колебанія Восточнаго фронта, были для насъ всегда неожиданны и непонятны.

Помимо официальнаго — оптимистическаго съ обѣихъ сторонъ — освѣдомленія, съ той же оказіей шелъ потокъ общественной и частной корреспонденціи — судя по тому, что получалось нами и что было опубликовано въ захваченной большевиками перепискѣ—рисовавшей, главнымъ образомъ, изнанку жизни Востока и Юга. Она была удручающей сама по себѣ эта изнанка, носила во многомъ поразительно сходственныя черты и густо окрашивалась еще болѣе черными тонами на почвѣ уязвленныхъ самолюбій, непризнанныхъ «талантовъ». Отъѣзжали и прибывали военные и общественные дѣятели, не нашедшіе примѣненія своимъ силамъ, и переносили изъ края въ край фронду, обличенія и под-

---

[1]) Копіи письма я не нашелъ. Цитирую выдержки изъ него по московской «Правдѣ».

[2]) Гл. XI.

часъ личный пессимизмъ. Прибылъ, между прочимъ, къ намъ и эмиссаръ Забайкальскаго атамана ген. Семенова съ обвинительнымъ актомъ противъ адм. Колчака... Я велѣлъ выслать его, а ген. Семенову телеграфировалъ, что «всякое противодѣйствіе объединенію является измѣной Родинѣ и не можетъ быть ничѣмъ оправдано» [1]).

Постояннаго представительства Востока и Юга ни въ Екатеринодарѣ, ни въ Омскѣ не было. На Кавказѣ послѣ паденія Уфимской директоріи долго еще ея уполномоченные стремились играть политическую роль — теперь уже подъ флагомъ неопредѣленнаго «Всероссійскаго правительства». Такъ ген. Бичераховъ въ Баку строилъ филіалъ «Уфы» подъ именемъ «Каспійско-Кавказскаго» правительства; лейтенантъ Булашевичъ пожелалъ принять командованіе надъ Каспійской флотиліей; проф. Е. Головинъ въ Тифлисѣ [2]) вступалъ въ офиціальныя сношенія съ Закавказскими республиками и добивался своего признанія Екатеринодаромъ...

Въ началѣ апрѣля отъ штаба адм. Колчака прибылъ «для связи» подполковникъ Егоровъ съ нѣсколькими офицерами, снабженный большимъ и разнообразнымъ матеріаломъ. Онъ освѣтилъ подробно положеніе на Востокѣ и привезъ письмо начальника штаба Верховнаго правителя, ген. Лебедева, въ которомъ были такія строки: «Адм. Колчакъ исповѣдуетъ тѣ же идеи, что и въ Добровольческой Арміи. Мы считаемъ, что въ Россіи есть въ настоящее время два центра— Вы и адмиралъ Колчакъ. Эти два центра при соединеніи и дадутъ общую для Россіи единую власть. И я докладываю, что треній никакихъ не будетъ» [3]).

* * *

Стратегическое положеніе Сибирскаго фронта ко времени вступленія въ Верховное командованіе адмирала Колчака было весьма тяжелымъ. Подъ ударами пяти совѣтскихъ армій полковника Каменева продолжалось отступленіе Сибирскаго фронта отъ Волги къ Уралу. Пали Уральскъ и Оренбургъ; потерявъ связь и съ противникомъ и со своими, стремительно уходили разстроенныя части Оренбургской арміи; отрѣзано было отъ общаго фронта злосчастное Уральское казачье войско и, опрокинувъ заслонъ, прикрывавшій Ташкентское направленіе, большевики стремились открыть себѣ столь долго жданную дорогу въ Туркестанъ. Только на сѣверѣ въ Сибирской арміи дѣла шли удачно: перейдя въ контръ-наступленіе въ концѣ декабря, она нанесла сильный уронъ совѣтской 3-й арміи и вернула Пермь [4]).

Въ февралѣ наступили жестокіе морозы, и боевыя дѣйствія замерли; стороны, истомленныя пройденнымъ огромнымъ разстояніемъ, пріостановились на линіи, которую въ грубомъ приближеніи можно провести черезъ Пермь—Уфу—Оренбургъ—Уральскъ. Силы сторонъ численно немногимъ разнились; 110 тыс. у большевиковъ и 120—130 тыс. въ арміяхъ адм. Колчака.

---

[1]) 23 апрѣля, № 05766.

[2]) Полный титулъ его: «Чрезвычайный уполномоченный Верховнаго Всероссійскаго правительства по дѣламъ Кавказа».

[3]) Отъ 23 января (н. ст.) 1919 г.

[4]) Бронштейнъ высказывалъ недоумѣніе по поводу неудачъ сов. 3-й арміи въ приказѣ отъ 23 апрѣля н. ст.: «Въ арміи числилось до недавняго времени 12 тыс. коммунистовъ! Это величайшее недоразумѣніе».

Войска Сибирскаго фронта, тянувшагося на разстояніи болѣе тысячи верстъ, стояли въ четырехъ направленіяхъ: въ Вятскомъ — Сибирская армія генерала Гайды; въ Уфимскомъ — Западная армія ген. Ханжина; въ Стерлитамакскомъ — Оренбургская армія ген. Дутова и въ Уральскомъ — Уральская армія ген. Савельева (позже Толстовъ).

Наиболѣе сильной и во всѣхъ отношеніяхъ наилучше снабженной была Сибирская армія, предназначавшаяся для главнаго удара, намѣченнаго планомъ операціи по направленію на Вятку—Котласъ, выводившему на соединеніе съ войсками Архангельскаго фронта.

Проведеніе этого плана, которому многіе приписываютъ всѣ послѣдующія военныя неудачи и даже крушеніе Бѣлаго Восточнаго фронта, вызывало борьбу между штабомъ Гайды [1]) и ставкой Верховнаго главнокомандующаго.

Одинъ изъ министровъ Омскаго правительства въ запискѣ, не появлявшейся въ печати, говоритъ по этому поводу:

«Прежде всего никакого направленія окончательно избрано не было, ибо военная катастрофа началась ранѣе, нежели мы дѣйствительно упрочились на Волгѣ. Было, правда, обсужденіе того, куда направить главный ударъ, и до нѣкоторой степени были приняты подготовительныя мѣры, обозначившія большую склонность нашего командованія къ избранію Сѣвернаго пути. Причинъ, вызвавшихъ эту склонность, было нѣсколько:

1. замѣчалось бо́льшее сочувствіе національному дѣлу со стороны населенія сѣв. губерній — Пермской, Казанской, Ярославской, нежели южныхъ — Уфимской и Саратовской;
2. были соображенія о возможности быстро установить новый путь подвоза снабженія изъ-за границы по рѣчной системѣ черезъ Котласъ и Двину;
3. въ этомъ же смыслѣ высказывались иностранные военные авторитеты, въ частности англичане... Ноксъ, имѣя вѣроятно инструкціи изъ Лондона, настойчиво указывалъ на непосредственныя и легче достижимыя выгоды соединенія съ Архангельскомъ и въ то же время обнаруживалъ скептицизмъ въ отношеніи возможности осуществить въ короткій срокъ соединеніе съ Деникинымъ. Въ англійской политикѣ въ этотъ моментъ уже сквозило желаніе подготовить эвакуацію англійскихъ войскъ изъ Архангельска, для чего выходъ сибирскихъ армій на сѣверъ былъ весьма желателенъ.
4. Наконецъ — честолюбіе Гайды».

Заинтересованность англичанъ въ этомъ вопросѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ очередномъ донесеніи за 20—30 іюня н. ст. [2]), отправленномъ англійской миссіей въ Омскѣ — генеральному штабу въ Лондонъ, есть такія строки:

«Къ величайшему несчастью Гайда принужденъ былъ подать въ отставку... По мнѣнію британской миссіи это вызвано не только политическими, но и военными обстоятельствами...

Миссія боится, что эта смѣна отвлечетъ вниманіе русской главной квартиры отъ сѣвера на югъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Деникинъ подчинился Колчаку».

---

[1]) Темная и роковая фигура на фонѣ бѣлаго движенія. Чешскій прапорщикъ, потомъ командиръ бригады; содѣйствовалъ устраненію с.-р. «Комуча» и наводнилъ потомъ сибирскую армію с-р.-ской противоправительственной пропагандой; перешелъ на русскую службу послѣ ухода съ фронта чешскихъ частей; достигъ чина генералъ-лейтенанта и должности главнокомандующаго фронта; проявлялъ полное своеволіе и терроризировалъ ставку; удаленъ со службы съ лишеніемъ чина. Финалъ: поднялъ совмѣстно съ соц.-рев. во Владивостокѣ возстаніе противъ Верховнаго правителя, потерпѣлъ неудачу, сдался и отбылъ благополучно въ Чехію.

[2]) Было это уже послѣ потери Перми и Уфы.



Котласъ
Вятка
Пермь
Глазовъ
Екатеринбургъ
Красноуфимскъ
Челябинскъ
Казань
Уфа
Троицкъ
Чистополь
Симбирскъ
Самара
Бузулукъ
Оренбургъ
Саратовъ
Уральскъ
Урбахъ
Алекс. Гай
Хан. ст.
Царицынъ
Гурьевъ
Астрахань
0 100 200 в
Конецъ февр.
Серед. апрѣл
Начало іюня
Восточный фронтъ
въ первой половинѣ
19 года.

Верховный главнокомандующій подъ давленіемъ англичанъ, державшихъ въ своихъ рукахъ все снабженіе, и питая тогда еще неограниченное довѣріе къ личности и талантамъ Гайды, согласился съ преимуществомъ предложеннаго имъ сѣвернаго направленія.

Пока вопросъ шелъ еще только о стратегическомъ развертываніи силъ.

Операція началась раньше времени и въ масштабѣ совершенно неожиданномъ. Въ концѣ февраля Западная армія, выполняя частную задачу овладѣнія линіей р. Бѣлой и въ частности Уфой, нанесла 5-й совѣтской арміи пораженіе настолько сильное, что послѣдняя обратилась въ паническое бѣгство. И на плечахъ уходящихъ, въ неудержимомъ порывѣ, проходя временами по 70 верстъ въ сутки, Западная армія устремилась къ Волгѣ.

Это былъ второй важный моментъ въ исторіи войны Восточнаго фронта, который впослѣдствіи вызвалъ обвиненіе въ томъ, что командованіе допустило войска зарваться: нужно было, говорятъ, остановить ихъ на линіи р. Икъ, дать отдохнуть, устроиться и продолжать операцію весною, когда подойдутъ подкрѣпленія и стаютъ снѣга... Кто знаетъ, насколько окрѣпла бы тогда 5-я сов. армія... Кто безошибочно учтетъ положеніе, когда при слегка только колеблющемся балансѣ числа и техники, рѣшающее значеніе имѣлъ духъ войскъ, подымавшійся и опускавшійся всегда неожиданно и съ широкой амплитудой колебанія... Во всякомъ случаѣ въ то время психологія и военныхъ, и гражданскихъ круговъ Сибири была вполнѣ опредѣленной: «Никто изъ генераловъ, политиковъ, иностранныхъ представителей — говорилъ мнѣ впослѣдствіи одинъ изъ министровъ Омскаго правительства — не противился дальнѣйшему наступленію. Потомъ ругали Лебедева...»

Западная армія 28 февраля овладѣла Уфой, а черезъ мѣсяцъ, пройдя 600 съ лишнимъ верстъ, захватывая огромные трофеи, войска ея подошли на 100 верстъ къ Симбирску, на 60 верстъ къ Самарѣ, угрожая отрѣзать 4-ю сов. армію, дѣйствовавшую въ Ташкентскомъ направленіи. Лѣвѣе — армія Дутова подошла на переходъ къ Оренбургу, а на сѣверѣ часть Сибирской арміи, отбросивъ 2-ю совѣтскую, прошла внизъ по Камѣ до устья Вятки, оказавшись въ 80 верстахъ отъ Казани...

Къ серединѣ апрѣля кривая успѣховъ Сибирскихъ армій достигла наивысшей точки. Дальше — она покатилась внизъ. Подъ Оренбургомъ потерпѣлъ большую неудачу одинъ изъ южныхъ корпусовъ; сосредоточенная западнѣе, въ раіонѣ Бузулука ударная группа большевиковъ перешла въ наступленіе во флангъ и 21 апрѣля взяла Бугурусланъ. И Западная, и Южная (Оренб.) арміи покатились назадъ. Покатились такъ же быстро, какъ шли впередъ, благодаря тысячѣ и одной причинамъ, вытекавшимъ изъ самой природы смутнаго времени, гражданской войны и психологіи народной арміи — причинамъ, среди которыхъ стратегическая была хотя и важной, но только одной изъ производныхъ.

10-го мая Южная армія, а 26-го Западная — ушли за р. Бѣлую, оставивъ Уфу. Въ виду разстройства сибирскихъ войскъ на этомъ направленіи, совѣтское командованіе начало переброску силъ отчасти на сѣверъ, а главнымъ образомъ на фронтъ Вооруженныхъ силъ Юга.

Тѣмъ временемъ въ Пермскомъ раіонѣ продолжала оставаться 50-ти тыс. армія Гайды. Всѣ усилія ставки свернуть главныя силы ея на югъ — вначалѣ для развитія успѣха Западной арміи, потомъ для выручки ея — не увѣнчались успѣхомъ, встрѣчая противодѣйствіе и прямое неповиновеніе со стороны Гайды. Гайда, пользуясь иммунитетомъ «народнаго героя» и исключительнымъ покровительствомъ союзниковъ, дошелъ до того, что прислалъ однажды телеграмму

совѣту министровъ, обвиняя верховное командованіе въ неспособности, ставку въ предательствѣ и требуя передачи ему главнаго командованія... Онъ добился временнаго объединенія въ своихъ рукахъ Западной и Сибирской армій.

Послѣ потери Уфы Гайда перешелъ въ наступленіе въ направленіи Вятки и взялъ Глазовъ. На этомъ все и кончилось. Подъ давленіемъ общей обстановки началось поспѣшное отступленіе и Сибирской арміи, быстро деморализовавшейся.

Къ началу іюня большевицкія войска подходили къ Перми, Кунгуру, р. Уфѣ и, переправившись черезъ р. Бѣлую, стали тѣснить Западную армію въ направленіи Челябинска.

Въ то время — мы на Югѣ не знали многихъ внутреннихъ причинъ такихъ грандіозныхъ колебаній фронта — отъ Урала къ Волгѣ, отъ Волги къ Уралу — и недоумѣвали. Воспринимая съ радостнымъ волненіемъ извѣстія объ успѣхахъ сибирскихъ армій, мы скорбѣли объ ихъ неудачахъ, но считали ихъ только эпизодомъ въ исторіи борьбы, подобно тѣмъ, какіе бывали и у насъ. Вѣрили, что колесо боевого счастья повернется опять въ нашу сторону.

* * *

14 мая Клемансо обратился къ адм. Колчаку отъ имени «союзныхъ и примыкающихъ къ нимъ державъ» со слѣдующимъ офиціальнымъ заявленіемъ:

Державы, имѣя цѣлью установленіе въ Россіи мира и убѣдившись въ безплодности переговоровъ съ совѣтской властью, готовы оказать матеріальную поддержку адм. Колчаку и «тѣмъ, кто примыкаетъ къ нему», для созданія всероссійской власти, но при условіяхъ: 1) Созыва Учредительнаго Собранія «какъ только адм. Колчакъ достигнетъ Москвы»; если же порядокъ къ тому времени не возстановится — созыва Учред. Собранія 1917 г. 2) Возстановленія земскихъ и городскихъ самоуправленій. 3) Отказа отъ «прежней земельной политики» и установленія «свободъ». 4) Признанія независимости Финляндіи и Польши. 5) Урегулированія взаимоотношеній съ новообразованіями при посредствѣ Лиги Націй, а до тѣхъ поръ признанія ихъ автономности. 6) Признанія за мирной конференціей права распорядиться судьбою Бессарабіи.

Адмиралъ Колчакъ 22 мая послалъ отвѣтъ: Учредительному Собранію «законно избранному» будутъ принадлежать суверенныя права, но не Собранію 1917 г. «избранному при режимѣ большевицкихъ насилій, большинство членовъ котораго находится въ рядахъ большевиковъ». Признается независимость Польши, но опредѣленіе границы ея съ Россіей, равно какъ окончательное рѣшеніе финляндскаго вопроса и судьбы Бессарабіи, принадлежатъ Учредительному Собранію. По отношенію къ національнымъ группамъ Эстоніи, Латвіи, Литвы, Кавказскимъ и Закаспійскимъ — признавалась принципіально автономія ихъ, размѣры которой должны быть опредѣлены для каждой народности отдѣльно; допускалось содѣйствіе Лиги Націй въ цѣляхъ достиженія соглашенія съ ними.

Что касается остальныхъ вопросовъ, то, подчеркивая ихъ чисто внутреннее значеніе, адм. завѣрялъ все же державы въ либеральномъ направленіи дѣятельности своего правительства и въ томъ, что «не можетъ быть возврата къ режиму, существовавшему въ Россіи до февраля 1917 г...»

Сообщая мнѣ по телеграфу содержаніе своей ноты, адм. Колчакъ выражалъ пожеланіе объ обезпеченіи «единства государственныхъ заявленій».

ГЛАВА IX.

Признаніе Югомъ Верховной власти адмирала Колчака.

27 мая по порученію Парижскаго совѣщанія въ Екатеринодаръ пріѣхали: ген. Щербачевъ, Аджемовъ и Вырубовъ — какъ писалъ кн. Львовъ — для того, чтобы «облегчить (мнѣ) трудную задачу оріентировки въ сложной міровой политической жизни». Конкретно вопросъ былъ поставленъ о необходимости немедленнаго подчиненія моего адм. Колчаку. Со мной бесѣдовали отдѣльно ген. Щербачевъ и потомъ Аджемовъ съ Вырубовымъ. Къ удивленію своему я не чувствовалъ въ ихъ рѣчахъ никакого пафоса, скорѣе нѣкоторое смущеніе — то ли въ силу пошатнувшагося положенія Восточнаго фронта на ряду съ развивающимися успѣхами армій Юга, то ли потому, что принятая на себя миссія казалась имъ исключительно трудной и щекотливой. Ген. Щербачевъ былъ вообще кратокъ и, передавъ сущность вопроса, сослался на предстоящее болѣе детальное выясненіе его своими спутниками.

Мотивы, которые они приводили въ пользу подчиненія, сводились въ общемъ къ слѣдующему: 1) Мощь Сибирскихъ армій и огромная, освобожденная ими отъ большевиковъ территорія, подчиненная адм. Колчаку; 2) впечатлѣніе, произведенное на правительства и общественное мнѣніе Европы быстрымъ выходомъ Сибирскихъ войскъ къ Волгѣ; 3) ожидающееся офиціальное признаніе союзными правительствами адм. Колчака при условіи объединенія въ его лицѣ всей Верховной власти; 4) наконецъ, признаніе Всероссійской власти сдѣлаетъ невозможнымъ признаніе власти совѣтской и облегчитъ намъ борьбу съ сепаратными теченіями.

О признаніи адм. Колчака союзниками, въ случаѣ подчиненія ему Юга, Аджемовъ и Вырубовъ заявили въ формѣ категорической, ген. Щербачевъ — съ большей осторожностью:

— «Союзные представители дѣлали намеки...»

Единственнымъ «документомъ», при чемъ нѣсколько условнымъ, было обращеніе Клемансо. Казалось страннымъ, что екатеринодарскіе представители союзниковъ никогда не подымали этого вопроса въ разговорахъ со мною.

Я предложилъ парижскимъ представителямъ ознакомить съ ихъ порученіемъ Особое Совѣщаніе, а послѣднему обсудить его и дать мнѣ свое заключеніе.

Вѣсть о предложеніи прибывшей изъ Парижа миссіи быстро распространилась и вызвала большое возбужденіе въ политическихъ кругахъ. Общественныя настроенія нашли несомнѣнно отраженія въ памятномъ для участниковъ засѣданіи Особаго Совѣщанія въ день 28 мая.

К. Н. Соколовъ въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ [1]):

> «Послѣ ухода Вырубова и Аджемова, Особое Сов. приступило къ преніямъ. Разногласія по существу не было, и всѣ сошлись на томъ, что надо оставить наши отношенія къ адм. Колчаку въ прежнемъ видѣ до фактическаго соединенія фронтовъ. Была принята во вниманіе и возможность лишенія насъ помощи союзниками, и наши спеціалисты успокоили насъ заявленіемъ, что мы снабжены всѣмъ необходимымъ на продолжительный срокъ. Я не могу припомнить всѣ доводы, которые приводились противъ принятія присланныхъ изъ Парижа совѣтовъ. Но я помню хорошо ходъ моихъ мыслей, кажется, отвѣчавшихъ настроенію большинства. Я доказывалъ, что, при гадательности признанія союзниками адмирала Колчака, мы, немедленно подчинившись Омску, рис-

[1]) «Правленіе ген. Деникина».

куемъ напрасно принести немалыя жертвы. Въ отказѣ отъ притязаній главнаго командованія на государственный суверенитетъ крылись, какъ мнѣ казалось, опасности и юридическаго, и политическаго порядка. Юридически ослаблялась бы наша позиція по отношенію къ казачьимъ «образованіямъ». Политически мы обязывались бы внезапно и подъ вліяніемъ извнѣ, автоматически принять политическую программу Омскаго правительства, т. е. отказаться отъ собственнаго нашего южно-русскаго политическаго опыта. Къ изумленію многихъ, и лидеры Нац. центра какъ будто уже не защищали тезиса о немедленномъ подчиненіи. Астровъ и Федоровъ ограничивались тѣмъ, что очень рѣшительно подчеркивали огромную морально-политическую важность скорѣйшаго созданія единой національной власти. Впервые, и по такому принципіальному вопросу, Ос. Сов. было, такимъ образомъ, совершенно единодушно... Мы разошлись глубоко взволнованные, условившись собраться на другой день для окончательнаго принятія нашего постановленія».

Другой членъ Ос. Сов. Н. И. Астровъ приводитъ точку зрѣнія Нац. Центра и мотивы, побудившіе его измѣнить первоначальное мнѣніе о необходимости немедленнаго признанія.

«Настроеніе большинства было совершенно опредѣленно противъ признанія Колчака. Нужно было найти формулу, наиболѣе пріемлемую для Совѣщанія, единство мнѣнія котораго въ этомъ вопросѣ представлялось желательнымъ.

Содержаніе моей заключительной рѣчи сводилось къ слѣдующему:

... Поставленъ вопросъ о возсозданіи Россіи. Вопросъ поставленъ не пріѣзжими изъ Парижа. Они только осложнили его и внесли трудности въ его разрѣшеніе, ибо отказъ отъ положительнаго отвѣта будетъ истолкованъ, какъ отказъ отъ признанія, какъ начало борьбы изъ-за власти. Если не борются вожди, то въ ихъ штабахъ начинается состязаніе и соревнованіе [1]). Нужно вернуть вопросъ къ его нормальной постановкѣ, освободивъ отъ вредныхъ осложненій. Поставленный передъ нами сейчасъ вопросъ распадается на двѣ части, смѣшивать которыя не слѣдуетъ: нужно ли немедленное образованіе національнаго правительства въ Россіи — одинъ вопросъ, и нужно ли для этого немедленное признаніе Колчака — другой. Основной вопросъ объ образованіи Нац. Правительства, казалось бы, не требуетъ доказательствъ, онъ ясенъ самъ собой и подлежитъ разрѣшенію въ положительномъ смыслѣ. Сложнѣе вопросъ о признаніи Колчака этой національной властью. Ходомъ событій вопросъ этотъ предрѣшенъ и медлить съ его окончательнымъ рѣшеніемъ нельзя, ибо Европа можетъ признать Колчака безъ участія въ этомъ признаніи ген. Деникина и тѣмъ отбросить въ тѣнь Екатеринодаръ. Съ другой стороны можетъ исчезнуть благопріятный моментъ для признанія Россіи субъектомъ правъ, и вниманіе Европы можетъ снова повернуться къ большевикамъ. Но безъ переговоровъ съ Колчакомъ вопросъ все-таки рѣшить трудно. Для переговоровъ, конечно, нельзя ждать соединенія армій и личнаго свиданія вождей. Необходимо срочное сношеніе съ Омскомъ черезъ Парижъ для выясненія условій признанія и, по выясненіи ихъ, принять окончательное рѣшеніе...»

Наконецъ, третій членъ Ос. Сов., правый, писалъ мнѣ впослѣдствіи объ этомъ засѣданіи:

«Вопросъ этотъ внесъ большую сумятицу въ умы. Отрицательныя стороны признанія были очевидны большинству, однако, имѣлись серьезныя возраженія противъ того, чтобы оставить все по старому. Два члена Ос. Сов., признавая пользу объединенія всего бѣлаго движенія въ одномъ лицѣ, относились однако отрицательно къ тому, чтобы таковымъ былъ признанъ Колчакъ. Близкіе къ правымъ кругамъ, монархически и легитимистски настроенные, эти члены ука-

---

[1]) Повидимому, слово «штабъ» надо понимать фигурально, ибо въ настоящемъ штабѣ главнокомандующаго ничего подобнаго не было.

зывали, что признаніе Колчака вызоветъ въ этихъ кругахъ противодѣйствіе, недовѣріе, будетъ учтено, какъ переходная мѣра бонапартизма... Казалось, что если пора возглавить движеніе, то это надо сдѣлать иначе, другимъ лицомъ. Долженъ сказать, что въ легитимистскихъ кругахъ въ этомъ отношеніи никогда не было колебанія и всегда при всѣхъ обстоятельствахъ тяготѣніе было къ одному и тому же имени. Всѣ остальные мыслились какъ главные сотрудники, предтечи, предшественники. Но эти чаянія были скорѣе въ области внутренняго чувства, а не въ видѣ результата зрѣлой мысли».

Предложенная Н. И. Астровымъ формула постановленія, принятая единогласно Совѣщаніемъ и являвшаяся по существу уклоненіемъ отъ рѣшенія вопроса, имѣла слѣдующую редакцію: «Признавая настоятельно необходимымъ образованіе въ Россіи единаго Нац. Правительства, Ос. Сов. полагаетъ, что жизненные интересы Россійской Державы властно требуютъ, чтобы такое правительство было образовано путемъ непосредственнаго соглашенія между ген. Деникинымъ и адм. Колчакомъ на началахъ, изложенныхъ въ офиціальномъ сообщеніи отъ 10 апрѣля текущаго года» [1]).

Мнѣ остается еще добавить, что, какъ съ преніями въ этихъ засѣданіяхъ Ос. Сов., такъ и съ проектомъ резолюціи я ознакомился только при составленіи «Очерковъ».

* * *

Тѣмъ временемъ и я — въ одиночествѣ — обдумывалъ создавшееся положеніе. Принципіально вопросъ о подчиненіи рѣшенъ былъ мною давно, о чемъ было извѣстно многимъ. Я предполагалъ при близкомъ, казалось, соединеніи безъ торга, безъ сговоровъ и «условій» объявить арміямъ о подчиненіи «отнынѣ Верховной власти Верховнаго правителя», какъ объ естественномъ слѣдствіи установленія съ нимъ связи. Принятіе этого рѣшенія облегчало то обстоятельство, что, не встрѣчавшись ни разу въ жизни съ адм. Колчакомъ, я, тѣмъ не менѣе, составилъ себѣ о немъ опредѣленное представленіе, какъ о человѣкѣ умномъ, смѣломъ и благородномъ.

Вопросъ, поэтому, вызывала лишь своевременность такого акта.

Но соединеніе территорій затягивалось... Перспектива признанія союзниками Всероссійской власти адм. Колчака представлялась факторомъ чрезвычайно важнымъ, укрѣплявшимъ международное положеніе новой Россіи... Она требовала оказанія адмиралу политической и нравственной поддержки... Фактъ единенія русскихъ противобольшевицкихъ силъ не могъ не вызвать подъема въ арміяхъ и въ обществѣ и лишалъ почвы нашихъ недруговъ, сѣявшихъ рознь... Наконецъ, съ меня спадало лишнее бремя, облегчая значительно нравственную возможность требовать отъ другихъ исполненія долга и повиновенія.

Выводъ былъ ясенъ.

Я сказалъ о своемъ рѣшеніи 30 мая И. П. Романовскому. Не отвѣтивъ ни слова, онъ крѣпко пожалъ мою руку. Мы условились, что пока это останется между нами, а завтра я отдамъ приказъ, который долженъ быть немедленно и широко распространенъ. Въ теченіи дня составить его, однако, не удалось.

Вечеромъ состоялись проводы уѣзжавшаго въ Англію ген. Бриггса, отличавшіеся исключительной сердечностью. Узнавъ, что экстренный поѣздъ его уходитъ въ Новороссійскъ не на другой день, какъ предполагалось, а въ ту же ночь, и желая использовать оказію въ Константинополь, я тутъ же на клочкѣ

[1]) Политическая декларація правительства Юга.

бумаги написалъ приказъ, который и огласилъ въ собраніи, послѣ чего приказъ былъ тотчасъ же размноженъ.

Приказъ
Главнокомандующаго
Вооруженными Силами
на Югѣ Россіи.
№ 145.
Г. Екатеринодаръ.
30 мая 1919 года.

Безмѣрными подвигами Добровольческихъ армій, Кубанскихъ, Донскихъ и Терскихъ казаковъ и Горскихъ народовъ освобожденъ Югъ Россіи, и русскія арміи неудержимо движутся впередъ къ сердцу Россіи.

Съ замираніемъ сердца весь русскій народъ слѣдитъ за успѣхами русскихъ армій съ вѣрой, надеждой и любовью. Но на ряду съ боевыми успѣхами въ глубокомъ тылу зрѣетъ предательство на почвѣ личныхъ честолюбій, не останавливающихся передъ расчлененіемъ Великой, Единой Россіи.

Спасеніе нашей Родины заключается въ единой Верховной Власти и нераздѣльномъ съ нею единомъ Верховномъ Командованіи.

Исходя изъ этого глубокаго убѣжденія, отдавая свою жизнь служенію горячо любимой Родинѣ и ставя превыше всего ея счастье, я подчиняюсь адмиралу Колчаку, какъ Верховному Правителю Русскаго Государства и Верховному Главнокомандующему Русскихъ Армій.

Да благословитъ Господь его крестный путь и да даруетъ спасеніе Россіи.

Генералъ-лейтенантъ Деникинъ.

Взрывъ патріотическаго подъема, который охватилъ собраніе, служилъ первымъ показателемъ сочувствія этому шагу.

* * *

Верховный Правитель въ отвѣтъ на мой приказъ прислалъ телеграмму:

«Съ чувствомъ глубокаго волненія привѣтствую Ваше патріотическое рѣшеніе, продиктованное Вамъ истинной государственной мудростью. Вы въ пору государственнаго распада и моральнаго разложенія великаго народа — одинъ изъ первыхъ въ ряду славныхъ выступили подъ стягомъ Единой России. Нынѣ Вашимъ рѣшеніемъ Вы подаете примѣръ солдата и гражданина, превыше всего ставящаго благо Родины и будущее ея историческихъ судебъ. Въ великомъ подвигѣ служенія Вашего Россіи да поможетъ Вамъ Богъ.

Верховный Правитель, Адмиралъ Колчакъ.

Никогда еще общественное настроеніе не было такъ единодушно, какъ въ оцѣнкѣ этого событія. Никогда въ періодъ борьбы проявленіе общественнаго удовлетворенія не носило такихъ трогательныхъ и въ большинствѣ искреннихъ формъ. Я получилъ множество телеграммъ, писемъ, адресовъ со всѣхъ концовъ бѣлой Россіи и изъ странъ разселенія зарубежной эмиграціи — отъ отдѣльныхъ лицъ, обществъ, группъ, правителей и военныхъ начальниковъ. Всѣ эти обращенія свидѣтельствовали, какъ сильно жаждало русское общество объединенія расколотой Родины и... какъ высоко котируется на биржѣ мірской суеты в л а с т ь, отказъ отъ которой или самоограниченіе вмѣнялись человѣку въ подвигъ.

Я остановлюсь на нѣкоторыхъ откликахъ, вызванныхъ актомъ соединенія, оставляя элементъ личный лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда это существенно необходимо для освѣщенія событій.

Россійскій посолъ В. Маклаковъ въ письмѣ изъ Парижа дѣлился со мною своими впечатлѣніями:

«Не то важно или, вѣрнѣе, не только то важно, что Вы устранили ту смуту въ умахъ нашихъ союзниковъ, которую усердно на этой почвѣ подготовляли и раздували всевозможные наши враги. Важнѣе было то впечатлѣніе, которое этотъ «beau geste» произвелъ въ смыслѣ «откровенія». Вы не подозрѣваете, какая упорная и тонкая агитація велась лично противъ Васъ; надъ этимъ старались и лѣвыя партіи, и германофилы, и германцы. А мотивъ всегда одинъ и тотъ же: реакціонеръ. И когда Вы съ такой простотой разрубили узелъ и въ моментъ Вашихъ успѣховъ признали Колчака, въ этомъ увидѣли и оцѣнили наглядное и простое доказательство, что Вы слуга Россіи, а не просто реставраторъ-честолюбецъ».

Южныя политическія организаціи откликнулись цѣлымъ рядомъ засѣданій и постановленій, посвященныхъ вопросу признанія.

До признанія, днемъ 30 мая, послѣ доклада Аджемова, Сов. Гос. Об. вынесъ постановленіе: «считать, что интересамъ и достоинству Россіи не отвѣчаетъ стремленіе добиваться въ срочномъ порядкѣ признанія единой Всероссійской власти въ лицѣ главы одной изъ вооруженныхъ силъ, ведущихъ борьбу за Россію». Мотивы офиціальные — «предъявленіе союзниками адм. Колчаку условій, являющихся посягательствомъ на независимость Россіи...» Неофиціальные — тѣ, которыя приведены были выше въ словахъ праваго члена Ос. Сов. 3 іюня состоялось вновь засѣданіе, въ которомъ Совѣтъ, считаясь со свершившимся фактомъ, постановилъ обратиться ко мнѣ съ привѣтствіемъ — «съ восторгомъ встрѣчая зарю свѣтлаго русскаго будущаго» и полагая, что «приказъ этотъ является краеугольнымъ камнемъ вновь зарождающейся Единой и Великой Россіи».

Съ горячимъ и искреннимъ сочувствіемъ отнесся къ событію Нац. Центръ, видѣвшій въ немъ «выходъ Россіи изъ ея разрозненности и слабости — къ сплоченности и мощи...» Союзъ Возр. находилъ, что такимъ путемъ устраненъ главный камень преткновенія въ отношеніяхъ его къ командованію, такъ какъ съ признаніемъ адм. Колчака, обязавшагося созвать Учредит. Собраніе, не страшна «недоговоренность» политической программы Юга. Мякотинъ при этихъ условіяхъ допускалъ «самую строгую диктатуру въ нѣкоторые моменты жизни страны», а Титовъ писалъ мнѣ: «Мнѣ лично и черезъ своихъ сотрудниковъ по Союзу городовъ пришлось услышать, какъ восторженно былъ встрѣченъ приказъ среди [illegible]въ Добровольческой Арміи — среди рядового офицерства, студенчества, среди всѣхъ тѣхъ, которые видятъ въ Добр. Арміи ядро новой, прозрѣвшей Россіи, символъ безкорыстнаго служенія возрождающейся Родинѣ...»

Такіе взгляды высказывали союзы Городовъ, Земствъ и многіе, многіе другіе.

5-го іюня состоялось торжественное объединенное засѣданіе трехъ политическихъ организацій, впервые послѣ разрыва въ Одессѣ засвидѣтельствовавшихъ «общее согласіе взглядовъ и полное единодушіе въ высокой оцѣнкѣ акта 30 мая».

Только соціалисты, стоявшіе лѣвѣе Союза Возр., молчали или утѣшали себя надеждою на «возможность острыхъ конфликтовъ» между силами Юга и Востока, «которыя въ одинъ прекрасный день внесутъ въ исторію новую дату, обратную 30 маю...» Но голосъ ихъ былъ слабъ и робокъ.

* * *

Не взирая на огромное моральное значеніе объединенія Востока и Юга, реальныя политическія послѣдствія его не оправдали нашихъ надеждъ. Прежде всего признанія Всероссійской власти Верховнаго правителя державами Согласія не состоялось. Въ первыхъ числахъ іюня Версальская конференція сообщила въ Омскъ свое рѣшеніе: «Союзныя и дружественныя державы счастливы, что общій тонъ отвѣта адм. Колчака и его основныя положенія находятся въ соотвѣтствіи съ ихъ предположеніями. Отвѣтъ содержитъ удовлетворяющія ихъ завѣренія о свободѣ, мирѣ и самоуправленіи русскаго народа и его сосѣдей. Поэтому они готовы предоставить адмиралу и присоединившимся къ нему помощь, упомянутую въ предыдущемъ сообщеніи...»

Это заявленіе возвращало насъ къ прежнему положенію, оставляя открытымъ «русскій вопросъ» во всемъ его объемѣ, и не исключало возможности и дальнѣйшихъ попытокъ державъ придти къ соглашенію съ совѣтами. Не измѣнилась политика державъ Согласія, и не усилилась ихъ реальная помощь.

Чѣмъ объяснить остановку Версальской конференціи на полпути? Начальникъ русскаго отдѣленія въ англійскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ Грегори говорилъ русскому повѣренному въ дѣлахъ Саблину [1]): «По моему мнѣнію признаніе адм. Колчака настоятельно необходимо; но премьеръ-министръ (Ллойдъ-Джорджъ) не окончательно еще увѣренъ въ паденіи большевиковъ и не увѣренъ въ намѣреніяхъ русскихъ національныхъ вождей установить въ Россіи демократическій режимъ...» Офиціальное лицемѣріе государственныхъ дѣятелей, готовыхъ признать совѣтскій, каннибальскій, какой угодно режимъ, лишь бы это соотвѣтствовало интересамъ ихъ странъ... Конечно, все дѣло было въ наглядномъ проявленіи нашей силы. Но успѣхъ нашъ зависѣлъ во многомъ отъ широкой помощи союзниковъ, а помощь ихъ ставилась въ зависимость отъ нашего успѣха. Получался заколдованный кругъ.

Большинство западныхъ и южныхъ новообразованій въ своихъ заявленіяхъ конференціи рѣзко отмежевались отъ «русской государственной власти». Въ прежнемъ неопредѣленномъ положеніи остались и взаимоотношенія наши съ южнымъ казачествомъ.

6-го іюня я собралъ у себя атамановъ и предсѣдателей правительствъ казачьихъ войскъ. Очертилъ имъ военно-политическую обстановку и обстоятельства, сопровождавшія признаніе. Убѣждалъ, что при той розни, при тѣхъ центробѣжныхъ стремленіяхъ, которыя существуютъ на Югѣ, возможны, быть можетъ, военные успѣхи, но совершенно невозможно возрожденіе Россіи. Призывалъ ихъ идти вмѣстѣ, признать Верховнаго правителя, чтобы «дать ему большую возможность во всеоружіи силы и власти передъ друзьями и недругами Россіи защищать ея кровные интересы». Атаманы отвѣтили ссылкой на «вѣковую несправедливость въ отношеніи казаковъ» и на «систематическое отстраненіе казачества, составляющаго оплотъ вооруженныхъ силъ Юга, отъ государственнаго строительства».

Еще одинъ заколдованный кругъ: я недоумѣвалъ, какъ осуществить это сотрудничество, какъ влить новую струю «казачьяго демократизма» въ старые мѣха «россійской бюрократіи», когда съ октября 1918 г. дѣлались безплодныя попытки организаціи южной власти путемъ сговора, когда Кубань отказывалась вовсе отъ веденія переговоровъ, и всѣ три войска какъ разъ въ эти дни приступали къ организаціи Юго-Восточнаго союза **безъ** участія въ немъ правительства Вооруженныхъ силъ Юга — «для закрѣпленія правъ, пріобрѣтенныхъ казачьими вой-

---

[1]) Телеграмма Саблина 3 октября 1919 г., № 706.

сками въ области государственнаго строительства Россіи...»[1]) когда врагъ былъ у воротъ.

Выяснилось въ результатѣ, что казачьи войска согласны признать военное возглавленіе адм. Колчака, верховную же гражданскую власть оставляютъ за своими представительными учрежденіями.

Словомъ, россійскій Екатеринодаръ отмѣтилъ актъ 30 мая торжественнымъ молебствіемъ съ провозглашеніемъ многолѣтія «Державѣ Россійской и благовѣрному Верховному правителю ея». А Екатеринодаръ казачій — торжественными обѣдами во дворцѣ кубанскаго атамана при участіи четырехъ атамановъ и четырехъ премьеровъ, рѣчами и символами, демонстрировавшими казачьи заслуги (несомнѣнныя), казачье единеніе (сомнительное) и казачью суверенность.

* * *

7 іюня отправлена была за границу миссія во главѣ съ ген. Драгомировымъ, въ составѣ Астрова, Нератова и Соколова. Въ виду невозможности прямой телеграфной связи съ Омскомъ, на миссію возложено было, по прибытіи въ Парижъ, войти въ сношеніе съ Верховнымъ правителемъ, представить ему докладъ о положеніи дѣлъ на Югѣ Россіи и испросить у него необходимыя указанія и полномочія. Попутно делегація должна была въ Парижѣ и Лондонѣ разрѣшить рядъ не терпящихъ отлагательства вопросовъ экономическаго характера, ознакомиться съ положеніемъ «русскаго вопроса», а также освѣдомить союзныя правительства и западно-европейское общественное мнѣніе о положеніи Юга.

Соколовымъ былъ составленъ конспектъ доклада Верховному правителю, въ которомъ, въ концѣ, предрѣшался объемъ моихъ полномочій. Разъ подчинившись, я не считалъ возможнымъ ставить какія-либо условія и поэтому въ докладъ внесено было лишь одно пожеланіе — о предоставленіи Южной власти права внѣшнихъ сношеній по вопросамъ, касающимся исключительно Юга Россіи, и въ согласіи съ общими директивами Верховнаго правителя.

Отвѣтъ былъ полученъ только въ концѣ августа. Верховный правитель излагалъ общія основанія о предѣлахъ власти главнокомандующаго на Югѣ Россіи: «Самостоятельное руководство иностранной политикой, въ предѣлахъ вопросовъ, касающихся территорій Юга... Общее же руководство въ области внѣшней политики, а равно въ вопросахъ денежнаго обращенія, валютной и земельной политики принадлежитъ Россійскому правительству». Главнокомандующему предоставлена была въ области управленія — полнота власти, въ области законодательства — «право изданія постановленій, имѣющихъ силу закона, и право помилованія». Допускалось образованіе «междуобластного совѣта» изъ представителей отдѣльныхъ областей и губерній нормальнаго типа.

На практикѣ примѣненіе этихъ нормъ вызвало нѣкоторыя разногласія между вѣдомствами, какъ, напримѣръ, по вопросу о распоряженіи черноморскимъ транспортомъ, иностранной валютой, бывшей на учетѣ Особ. Сов. въ Константинополѣ, и т. д. Но всѣ эти вопросы получали въ концѣ концовъ благополучное разрѣшеніе. Омскъ предоставлялъ намъ достаточную свободу въ дѣлѣ управленія, и только однажды по вопросу проведенія земельной реформы Верховный правитель, опасаясь расхожденія, высказался о невозможности допустить въ этомъ дѣлѣ мѣстное законодательство[2]).

[1]) Телеграмма Харламова Кубанской радѣ съ постановленіемъ Донского круга.
[2]) См. томъ IV, гл. 23.

13-го августа состоялся указъ о назначенiи нач. управл. ин. дѣлъ Нератова товарищемъ россiйскаго мин. ин. дѣлъ, чѣмъ достигалась извѣстная согласованность въ направленiи внѣшней политики. Расхожденiя въ ней въ сущности не было. Я раздѣлялъ общiя основанiя, изложенныя въ декларацiи Верховнаго правителя по отношенiю къ новообразованiямъ; въ частности въ польскомъ вопросѣ и Омскъ и Екатеринодаръ приняли предложенную Сазоновымъ формулу: этнографическiй принципъ при опредѣленiи восточныхъ границъ Польши и отнесенiе окончательнаго рѣшенiя до Учредительнаго Собранiя.

Въ октябрѣ между нами состоялся обмѣнъ мнѣнiй по вопросу большой важности — объ общемъ направленiи нашей внѣшней политики. 18-го н. ст. адм. Колчакъ телеграфировалъ мнѣ:

> «По полученнымъ мною свѣдѣнiямъ положенiе фронтовъ генераловъ Юденича и Миллера чрезвычайно тяжелое.
>
> Положенiе Восточнаго фронта осложнилось очень серьезно вслѣдствiе предположенiя союзниковъ снять съ охраны линiи Омскъ — Владивостокъ чешскiя и польскiя войска. Положенiе армiй Гольца въ Курляндiи при неопредѣленности — пойдетъ ли онъ противъ большевиковъ или съ ними, внушаетъ мнѣ большiя опасенiя за окончательный результатъ Вашихъ успѣховъ, имѣя въ виду двойную игру, проведенную германцами въ мартѣ 1918 г. на Украинѣ. Наши отношенiя къ Германiи опредѣляются отсутствiемъ всякихъ сношенiй и формально продолженiемъ войны; практически же военныхъ дѣйствiй нѣтъ. Брестъ-Литовскiй миръ аннулированъ Версальскимъ постановленiемъ; нынѣ Германiя выступаетъ активно и вмѣшивается въ наши внутреннiя дѣла. Представляется необходимымъ разрѣшить это ненормальное положенiе и надо принять рѣшенiе о взаимоотношенiяхъ съ Германiей, явно игнорировать которую долѣе невозможно. Донесите мнѣ по сему Ваше заключенiе въ связи съ внутреннимъ положенiемъ. № 1326».

Въ этомъ обращенiи между строкъ чувствовалось нѣчто болѣе важное, чѣмъ урегулированiе внѣшнихъ формъ взаимоотношенiй. Вопросъ шелъ очевидно о перемѣнѣ орiентацiи. Впослѣдствiи наше предположенiе подтвердилось. Въ Сибири, какъ и на Югѣ, подъ влiянiемъ политики союзниковъ, наряду съ враждебнымъ къ нимъ чувствомъ, наростала тогда волна германофильства. Она, по словамъ Гинса, находила отраженiе въ печати и живой откликъ «среди высшихъ чиновъ армiи». Общественныя настроенiя достигли повидимому большого напряженiя, такъ какъ вопросу этому было посвящено специальное засѣданiе совѣта министровъ. Совѣтъ высказалъ, однако, отрицательное отношенiе къ перемѣнѣ курса. Какъ разъ въ эти дни и была послана приведенная выше телеграмма. По чьей инициативѣ — не знаю. Но пришла она не обычнымъ путемъ черезъ мин. ин. дѣлъ, а изъ Ставки военнымъ шифромъ.

Я составилъ отвѣтъ, который былъ прочтенъ мною въ засѣданiи Ос. Сов. и не встрѣтилъ возраженiй.

> «Доношу: какъ бы тяжело ни складывались обстоятельства, ихъ необходимо побороть. Политическая обстановка нисколько не измѣнилась. Нѣмцы по прежнему ведутъ борьбу противъ русской государственности — явно въ Прибалтикѣ, Малороссiи, на Кавказѣ и тайно — среди русскихъ партiй, примѣняя старые безчестные прiемы. Версальскiй миръ не закончилъ борьбу, а лишь прiостановилъ ее и углубилъ непримиримыя противорѣчiя между двумя политическими группировками. Въ будущемъ намѣчаются впервые широкiя возможности всеславянскаго объединенiя. Союзники оказываютъ намъ реальную помощь, диктуемую, правда, ихъ собственными интересами, но не расходящимися съ идеей возсозданiя русской государственности. Въ то же время нѣмцы продолжаютъ политику растлѣнiя и разъединенiя, поддерживая русскiй больше-

визмъ и наши центробѣжныя силы. Отсутствіе всякихъ сношеній съ ними является не слабостью, а силою, придавая устойчивость, прямоту и искренность русской политикѣ въ глазахъ тѣхъ, съ которыми намъ суждено идти по одному пути. № 014158».

По поводу этой телеграммы Гинсъ говоритъ: «Адмиралъ былъ очень доволенъ: совѣтъ министровъ и Деникинъ помогли ему сбросить тяжелый камень сомнѣнія, который кто-то старательно вдвигалъ въ его наболѣвшую душу».

И мы шли старымъ путемъ, приносившимъ намъ не разъ глубочайшія разочарованія, потому что иного не было, потому что въ сонмѣ и побѣдителей и побѣжденныхъ національная Россія оказалась чужой и одинокой.

* * *

Въ сентябрѣ 1919 г. получено было письмо Верховнаго правителя, въ которомъ онъ, препровождая свой указъ отъ 11 іюня, писалъ мнѣ:

. . . .

«Для обезпеченія создавшагося нынѣ единства Русской Арміи, ведущей борьбу противъ большевиковъ... по моему предложенію Совѣтъ Министровъ издалъ законъ о созданіи должности замѣстителя Верховнаго Главнокомандующаго, послѣ чего я указомъ назначилъ Васъ моимъ замѣстителемъ.

Такимъ образомъ, я считаю, что преемственность Верховнаго командованія будетъ обезпечена. Я рѣшилъ этотъ вопросъ только въ отношеніи арміи, въ виду его спѣшности; что же касается до преемственности власти Верховнаго правителя, то я оставляю это положеніе открытымъ, въ виду большой политической сложности его».

Лояльность Омскаго правительства и сердечныя, искреннія отношенія адмирала Колчака создали простыя и легкія взаимоотношенія. Такъ было до декабря, когда отъ Верховнаго правителя получена была послѣдняя телеграмма [1]):

«Обстановка требуетъ предоставленія ген. Деникину всей полноты власти на занятой имъ территоріи; я прошу передать ген. Деникину полную увѣренность мою, что я никогда не разойдусь съ нимъ въ основаніяхъ нашей общей работы по возрожденію Россіи».

Эти слова таили въ себѣ гораздо болѣе серьезный смыслъ, чѣмъ тотъ, который давало ихъ начертаніе. Но судьба могла вѣдь измѣнить свой трагическій ходъ — и я не огласилъ этого сообщенія.

Между тѣмъ, на Востокѣ начиналась уже великая драма сибирскихъ армій, и приходила къ концу личная драма ихъ вождя.

---

[1]) Отъ 19 ноября.

ГЛАВА X.

Наступленіе В. С. Ю. Р. весною 1919 г.: освобожденіе Дона и Крыма, взятіе Харькова, Полтавы, Екатеринослава и Царицына. «Московская директива». Внутреннія настроенія.

Съ мая 1919 г. развилось широко наступленіе армій Юга.

Войска Сѣвернаго Кавказа выдѣлили отрядъ для движенія на Астрахань. Кавказской арміи поставлена была задача — взять Царицынъ. Донской — разбить Донецкую группу противника и, наступая на линію Поворино—Лиски, очистить сѣверъ области отъ большевиковъ, войти въ связь съ возставшими и отрѣзать Царицынъ отъ Поворина. Добровольческой Арміи, отбрасывая 14 сов. армію къ низовьямъ Днѣпра, разбить 13-ю и часть 8-й арміи на путяхъ къ Харькову. 3-й корпусъ съ Акманайскихъ позицій былъ двинутъ въ наступленіе для освобожденія Крыма, въ то время какъ особый отрядъ Добровольческой Арміи, направленный къ перешейкамъ, долженъ былъ отрѣзать большевикамъ выходъ изъ Крымскаго полуострова.

На сѣверномъ фронтѣ къ серединѣ мая установилось болѣе благопріятное для нась соотношеніе силъ: противъ 50½ тыс. войскъ Вооруженныхъ силъ Юга сражалось уже только 95—105 тыс. красныхъ войскъ Гиттиса.

* * *

Добровольческая Армія, наступая безостановочно, къ 22 мая заняла Славянскъ, отбросивъ части 8-й и 13-й сов. армій, разстроенныя и растаявшія, за Сѣв. Донецъ. На сопротивленіе 13-й арміи не было уже никакихъ надеждъ, и совѣтское командованіе съ лихорадочнымъ напряженіемъ формировало новые центры обороны въ Харьковѣ и Екатеринославѣ. Туда стягивались подкрѣпленія, отборныя матросскія коммунистическія части и красные курсанты. Бронштейнъ со свойственной ему экспансивностью «предъ лицомъ пролетаріата Харькова» свидѣтельствовалъ о «жестокой опасности», призывалъ рабочій классъ къ поголовному вооруженію и клялся, что «Харькова мы ни въ коемъ случаѣ не сдадимъ».

Одновременно въ раіонѣ Синельникова сосредоточивалась ударная группа изъ сборныхъ частей бывш. 2-й Украинской арміи и войскъ, подвезенныхъ изъ Крыма и Екатеринослава, составившая 14-ю армію, во главѣ которой былъ поставленъ Ворошиловъ — человѣкъ безъ военнаго образованія, но жестокій и рѣшительный. Совѣтское командованіе поставило себѣ задачей вывести изъ-подъ нашихъ ударовъ 8-ю и 9-ю арміи, движеніемъ во флангъ отъ Синельникова на Славянскъ—Юзово 14-й арміи остановить наше наступленіе на Харьковъ и затѣмъ одновременнымъ ударомъ 14-й арміи и Харьковской группы [1]) вернуть Донецкій бассейнъ.

Планъ этотъ потерпѣлъ полную неудачу.

14 армія еще не успѣла сосредоточиться, какъ между 23—25 мая Кавказская дивизія корпуса Шкуро разбила Махно подъ Гуляй-Полемъ [2]) и, двинутая за-

---

[1]) Вновь сформированный отрядъ Бѣленковича и остатки 13-й арміи.

[2]) 27 іюня Махно оставилъ службу у совѣтовъ и съ небольшимъ отрядомъ ушелъ на Днѣпръ, къ Александровску.


Наступленіе В.С.Ю.Р
май-августъ 19г.
фронтъ въ нач. мая
направл. наступл.
0 160 в.
Черниговъ
Кіевъ
Курскъ
Воронежъ
Ворожба
Бѣлгородъ
Харьковъ
Полтава
Ромодань
Кременчугъ
Лозовая
Знаменка
Екатеринославъ
Бахмутъ
Александровскъ
Маріуполь
Николаевъ
Херсонъ
Одесса
Очаковъ
Севастополь
Керчь
Новочерк.
Ростовъ
Лихая
Лиски
Поворино
Балашевъ
Саратовъ
Камышинъ
Царицынъ
Астрахань
Великокняжеская
Торговая
Тихорѣцкая
Новороссійскъ
Св. Крестъ
Мин. воды
Петровскъ
Серебряковская
Дивное
Добровольч. арм.
Донская ар.
Кавказск. ар.
Отр. Сѣв. Кав.
III Корпусъ
Волга
Днѣпръ
Бугъ
Донъ
Манычъ
Кума

тѣмъ на сѣверъ къ Екатеринославу, въ рядѣ боевъ разгромила и погнала къ Днѣпру Ворошилова. Въ то же время южнѣе группа ген. Виноградова успѣшно продвигалась къ Бердянску и Мелитополю, а 3-й арм. корпусъ, начавшій наступленіе съ Акманайскихъ позицій 5-го іюня, гналъ большевиковъ изъ Крыма.

Прикрывъ, такимъ образомъ, западное направленіе, ген. Май-Маевскій двигалъ безостановочно 1-й арм. корпусъ ген. Кутепова и Терскую дивизію ген. Топоркова на Харьковъ. Опрокидывая противника и не давая ему опомниться, войска эти прошли за мѣсяцъ 300 съ лишнимъ верстъ. Терцы Топоркова 1 іюня захватили Купянскъ; къ 11-му, обойдя Харьковъ съ сѣвера и сѣверо-запада, отрѣзали сообщенія харьковской группы большевиковъ на Ворожбу и Брянскъ и уничтожили нѣсколько эшелоновъ подходившихъ подкрѣпленій... Правая колонна ген. Кутепова 10 іюня внезапнымъ налетомъ захватила Бѣлгородъ, отрѣзавъ сообщенія Харькова съ Курскомъ. А 11-го, послѣ пятидневныхъ боевъ на подступахъ къ Харькову, лѣвая колонна его ворвалась въ городъ и послѣ ожесточеннаго уличнаго боя заняла его.

16 іюня закончилось очищеніе Крыма, а къ концу мѣсяца мы овладѣли и всѣмъ нижнимъ теченіемъ Днѣпра до Екатеринослава, который былъ захваченъ уже 16 числа по собственной иниціативѣ генераломъ Шкуро.

Разгромъ противника на этомъ фронтѣ былъ полный, трофеи наши неисчислимы. Въ приказѣ «предсѣдателя реввоенсовѣта республики» рисовалась картина «позорнаго разложенія 13-й арміи», которая въ равной степени могла быть отнесена къ 8-й, 9-й и 14-й: «Армія находится въ состояніи полнаго упадка. Боеспособность частей пала до послѣдней степени. Случаи безсмысленной паники наблюдаются на каждомъ шагу. Шкурничество процвѣтаетъ...» [1]).

Остатки разбитыхъ непріятельскихъ армій отошли: 13-й и группы Бѣленковича — на Полтаву, 14-й и Крымск. группы — за Днѣпръ.

* * *

Въ серединѣ мая началось наступленіе и Донской арміи. Правая группа Мамонтова, форсировавъ Донъ выше устья Донца, въ четверо сутокъ прошла 200 верстъ, преслѣдуя противника, очищая правый берегъ Дона и подымая станицы. 25 мая онъ былъ уже на Чирѣ, а 6 іюня, прервавъ жел.-дор. путь Поворино—Царицынъ двинулся дальше, частью вверхъ по Медвѣдицѣ, частью въ тылъ Царицыну.

Другая группа, переправившись у Калитвы, направилась по Хопру на Поворино; третья, форсировавъ Донецъ по обѣ стороны Юго-Вост. жел. дор., преслѣдовала отступавшую 8-ю армію красныхъ на Воронежъ, въ то время, какъ отдѣльный конный отрядъ ген. Секретева двинулся на сѣверо-востокъ прямымъ путемъ въ раіонъ возставшихъ казаковъ Верхнедонского округа.

Результатомъ этого искуснаго и полнаго порыва наступленія Донской арміи было пораженіе 9-й и части 8-й совѣтской арміи, соединеніе съ возставшими и очищеніе всей Донской области.

Въ іюнѣ Донцы вышли изъ предѣловъ области на линію Балашовъ—Поворино—Лиски—Н. Осколъ и на ней въ теченіе іюня, іюля вели бои, особенно упорные въ Воронежскомъ и Балашовскомъ направленіяхъ, съ перемѣннымъ успѣхомъ.

---

[1]) 6 (19) іюня, № 113.

На Дону царилъ высокій подъемъ. 16 іюня войско торжественно праздновало въ Новочеркасскѣ освобожденіе своей земли отъ нашествія красныхъ. А армія Дона, насчитывавшая къ серединѣ мая 15 тыс. бойцовъ, росла непрестанно, дойдя къ концу іюня до 40 тыс.

* * *

Тотчасъ же вслѣдъ за взятіемъ Великокняжеской Кавказская армія ген. Врангеля начала преслѣдованіе противника, отступавшаго на Царицынъ. Путь шелъ малонаселенной степью, прорѣзывался рядомъ болотистыхъ рѣчекъ, представлявшихъ хорошіе оборонительные рубежи. 10 сов. армія, прикрываясь сохранившими боеспособность конными полками Думенко, отходила, разрушая единственную жел.-дор. линію, питавшую армію, и въ двухъ мѣстахъ взорвала мосты, на нѣсколько недѣль задержавъ тѣмъ сквозное сообщеніе. Походъ проходилъ въ обстановкѣ чрезвычайно трудной и полной лишеній.

11 мая Кавказская армія настигла противника на Салѣ и, форсировавъ рѣку, опрокинула его. Непріятельской конницей, спасая положеніе, руководилъ самъ команд. 10-й сов. арміей полк. Егоровъ и былъ раненъ. Его замѣнилъ Клюевъ. Такъ шагъ за шагомъ, ведя упорные бои на каждомъ рубежѣ, неся большія потери и двигаясь неизмѣнно впередъ, въ бою 20 мая армія овладѣла послѣдней серьезной преградой передъ Царицыномъ — позиціей на р. Есауловскій Аксай. Въ дальнѣйшемъ могло быть два рѣшенія: дождаться починки мостовъ, возобновленія жел.-дор. движенія и подвоза бронепоѣздовъ, танковъ, самолетовъ или, использовавъ элементъ быстроты и внезапности, гнать безостановочно противника, чтобы на плечахъ его ворваться въ Царицынъ.

Ген. Врангель принялъ второе рѣшеніе, и въ началѣ іюня войска Кавказской арміи атаковали царицынскія укрѣпленныя позиціи.

Между тѣмъ, совѣтское командованіе спѣшно подвозило къ Царицыну пополненія и новыя части изъ Астрахани и съ Восточнаго фронта, до 9 отдѣльныхъ полковъ. Проволока, многочисленная артиллерія и богатые запасы снарядовъ дѣлали царицынскія позиціи трудно одолимыми. И двухдневныя кровопролитныя атаки доблестной Кавказской арміи разбились о вражескую позицію. Части понесли опять большія потери, противникъ перешелъ въ контръ-наступленіе, но моральное состояніе его было подорвано давно, и наша армія, отойдя на нѣсколько верстъ, закрѣпилась на линіи р. Червленой, гдѣ и оставалась въ теченіе ближайшихъ полутора недѣль.

За это время возобновилось жел.-дор. движеніе, подошла на поддержку 7 пѣх. дивизія, переброшенная изъ состава Добров. Арміи, подоспѣли техническія средства. 16 іюня ген. Врангель вновь атаковалъ Царицынъ: танки, броневики, бронепоѣзда прорвали непріятельское расположеніе, за ними хлынули въ прорывъ пѣхота и кавалерія, и первая позиція была взята. Но большевики, подогрѣваемые пулеметами коммунистическихъ частей, дрались еще упорно на второй — возлѣ города, и только на слѣдующій день войска группы ген. Улагая ворвались въ Царицынъ съ юга, въ то время, какъ корпуса Покровскаго и Шатилова обошли городъ съ запада.

10 сов. армія была разбита вновь и отходила вверхъ по Волгѣ, преслѣдуемая кубанцами.

На пути своемъ армія ген. Врангеля взяла много плѣнныхъ, орудій и большіе военные матеріалы поволжской базы, которую большевики рѣшили защищать до послѣдней крайности и, будучи увѣрены въ успѣхѣ, во время не эвакуировали. Стоилъ этотъ успѣхъ крови не малой. Въ одномъ командномъ составѣ убитыхъ и раненыхъ было 5 нач. дивизій, два команд. бригадъ, и 11 команд. полковъ— свидѣтельство высокой доблести войскъ, въ особенности кубанцевъ.

* * *

Только отрядъ изъ состава войскъ Сѣвернаго Кавказа, силою до 5 тыс., направленный ген. Эрдели на Астрахань двумя колоннами — отъ Св. Креста степью и отъ Кизляра берегомъ моря — не имѣлъ успѣха. Ненадежность кавказскихъ формированій, пустынность театра и трудность питанія, возстанія въ тылу — въ Чечнѣ и Дагестанѣ — все это повліяло на теченіе операціи. Наконецъ, до конца іюня англичане тормозили передачу намъ Каспійской флотиліи и наши ничтожныя тогда морскія силы не въ состояніи были обезпечить береговую линію отъ сильнаго краснаго Волжско-Каспійскаго флота.

Въ серединѣ іюня колонны подходили на 50 верстъ къ Астрахани, но были оттѣснены. Наступленіе на этомъ фронтѣ не получало развитія и послѣ взятія Царицына. Моральное состояніе многихъ частей было неудовлетворительнымъ, и операція понемногу замирала.

Съ конца іюня англичане сдали намъ всѣ суда Каспійской флотиліи — около 10—12 вооруженныхъ пароходовъ и десятокъ быстроходныхъ катеровъ. Подъ командой капитана 1 ранга Сергѣева флотилія, съ большимъ трудомъ укомплектованная, преодолѣвая вѣдомственныя тренія, столкновенія съ сухопутнымъ начальствомъ и свои внутреннія, весьма существенныя нестроенія, выполняла свою главную задачу: запереть большевицкій флотъ въ устьѣ Волги, не допустить подвозъ къ Астрахани и обезпечить свободное плаваніе нашихъ судовъ по водамъ Каспія [1]).

* * *

Къ концу іюня арміи Юга Россіи, преслѣдуя разбитаго противника, вышли на фронтъ Царицынъ — Балашовъ — Бѣлгородъ — Екатеринославъ — Херсонъ (исключ.), упираясь прочно своими флангами въ Волгу и Днѣпръ.

20 іюня въ г. Царицынѣ я отдалъ арміямъ директиву:

«... Имѣя конечной цѣлью захватъ сердца Россіи — Москвы, приказываю:

1. Ген. Врангелю выйти на фронтъ Саратовъ — Ртищево — Балашовъ, смѣнить на этихъ направленіяхъ донскія части и продолжать наступленіе на Пензу, Рузаевку, Арзамасъ и далѣе — Нижній-Новгородъ, Владиміръ, Москву.

   Теперь же направить отряды для связи съ Уральской арміей и для очищенія нижняго плеса Волги.

2. Ген. Сидорину правымъ крыломъ, до выхода войскъ ген. Врангеля, продолжать выполненіе прежней задачи по выходу на фронтъ Камышинъ—Балашовъ. Остальнымъ частямъ развивать ударъ на Москву въ направленіяхъ: а) Воронежъ, Козловъ, Рязань и б) Н.-Осколъ, Елецъ, Кашира.

---

[1]) Связь черезъ Петровскъ съ Гурьевымъ, Красноводскомъ, Баку.

3. Ген. Май-Маевскому наступать на Москву въ направленіи Курскъ, Орелъ, Тула. Для обезпеченія съ Запада выдвинуться на линію Днѣпра и Десны, занявъ Кіевъ и прочія переправы на участкѣ Екатеринославъ — Брянскъ.
4. Ген. Добророльскому выйти на Днѣпръ отъ Александровска до устья, имѣя въ виду въ дальнѣйшемъ занятіе Херсона и Николаева.

. . . .

6. Черноморскому флоту содѣйствовать выполненію боевыхъ задачъ... и блокировать портъ Одессу».

Директива 20 іюня, получившая въ военныхъ кругахъ наименованіе «Московской», потомъ, въ дни нашихъ неудачъ осуждалась за чрезмѣрный оптимизмъ. Да, не закрывая глаза на предстоявшія еще большія трудности, я былъ тогда оптимистомъ. И это чувство владѣло всѣмъ Югомъ — населеніемъ и арміями. Это чувство нашло откликъ тамъ на сѣверѣ, за линіей фронта, среди массъ, придавленныхъ еще большевицкимъ ярмомъ и съ нетерпѣніемъ, съ радостью ждавшихъ избавленія. «Кассандры» примолкли тогда. Оптимизмъ покоился на реальной почвѣ: никогда еще до тѣхъ поръ совѣтская власть не была въ болѣе тяжеломъ положеніи и не испытывала большей тревоги.

Директива въ стратегическомъ отношеніи предусматривала нанесеніе главнаго удара въ кратчайшихъ къ центру направленіяхъ — Курскомъ и Воронежскомъ, прикрываясь съ запада движеніемъ по Днѣпру и къ Деснѣ. Въ психологическомъ — она ставила ребромъ передъ извѣстной частью колебавшагося казачества вопросъ о выходѣ за предѣлы казачьихъ областей. Въ сознаніи бойцовъ она должна была будить стремленіе къ конечной — далекой, завѣтной цѣли. «Москва» была, конечно, символомъ. Всѣ мечтали «идти на Москву», и всѣмъ давалась эта надежда.

Конецъ іюня и первая половина іюля были ознаменованы новыми успѣхами. На западѣ Добровольческая Армія, отбросивъ 13-ю сов. армію и группу Бѣленковича, взяла Полтаву; въ низовьяхъ Днѣпра 3 арм. корпусъ, при содѣйствіи Черноморскаго флота и англ. крейсера «Карадогъ», занялъ Кинбургскую Косу и Очаковъ, укрѣпившись въ низовьяхъ Днѣпра; на востокѣ — Кавказская армія, совмѣстно съ правымъ флангомъ Донской, разбила вновь перешедшую въ наступленіе 10 сов. армію и 15 іюля овладѣла Камышинымъ. Передовыя части подходили на 80 в. къ Саратову...

* * *

Военныя операціи протекали не безъ серьезныхъ внутреннихъ треній. Малочисленность нашихъ силъ и наша вопіющая бѣдность въ техникѣ и снабженіи создавали положеніе вѣчнаго недохвата ихъ на всѣхъ нашихъ фронтахъ, во всѣхъ арміяхъ. Выведеніе частей въ резервъ главнокомандующаго наталкивалось, поэтому, на огромныя трудности. Каждый командующій придавалъ преимущественное значеніе своему фронту. Каждая стратегическая переброска вызывала коллизію интересовъ, обиды и проволочки. Когда съ Сѣвернаго Кавказа мы двигали на Царицынскій фронтъ прочныя Кубанскія части, ген. Эрдели доносилъ, что это «вызоветъ возстаніе горскихъ народовъ и полный распадъ всего Терскаго войска...» Ген. Врангель требовалъ подкрѣпленій изъ состава Добровольческой Арміи, «которая — по его словамъ — почти не встрѣчая сопротивленія, идетъ къ Москвѣ», а ген. Май-Маевскій не безъ основанія утверждалъ, что въ такомъ случаѣ ему придется бросить Екатеринославъ или обнажить флан-

говое Полтавское направленіе... Когда первые отряды танковъ, съ трудомъ вырванные у Добровольческой Арміи, направлялись въ Кавказскую, Донское командованіе утверждало, что оборона большевиками Царицына «основывалась, главнымъ образомъ, на огнѣ артиллеріи, но отнюдь не на оборонительныхъ сооруженіяхъ», и добивалось всемѣрно поворота танковъ къ себѣ, на Миллеровское направленіе... Во время операціи на Волгѣ ген. Врангель тянулъ первый Донской корпусъ къ Камышину, ген. Сидоринъ — къ Балашову, и оба доносили, что безъ этого корпуса выполнить своихъ задачъ не могутъ... И т. д., и т. д.

Но если сношенія съ «Харьковомъ», «Новочеркасскомъ» и «Пятигорскомъ» имѣли характеръ обмѣна оперативными взглядами и не выходили изъ предѣловъ дисциплины и подчиненности, иначе обстояло дѣло съ «Царицынымъ». Не проходило дня, чтобы отъ ген. Врангеля Ставка или я не получали телеграммъ нервныхъ, требовательныхъ, рѣзкихъ, временами оскорбительныхъ, имѣвшихъ цѣлью доказать превосходство его стратегическихъ и тактическихъ плановъ, намѣренное невниманіе къ его арміи и вину нашу въ задержкахъ и неудачахъ его операцій. Особенное нерасположеніе, почти чувство ненависти онъ питалъ къ генералу Романовскому и не скрывалъ этого.

Эта систематическая внутренняя борьба создавала тягостную атмосферу и антагонизмы. Настроеніе передавалось штабамъ, черезъ нихъ въ армію и общество. Въ борьбу вовлекалось и англійское представительство, какъ я узналъ впослѣдствіи. Интрига получала лишнюю благодарную тему, а политическая оппозиція — признанное орудіе.

Эти взаимоотношенія между начальникомъ и подчиненнымъ, невозможныя, конечно, въ арміяхъ нормальнаго происхожденія и состава, находили благодарную почву вслѣдствіе утери преемства верховной власти и военной традиціи и имѣли прямое отраженіе на периферіи.

Въ виду важнаго не только военнаго, но и политическаго значенія, которое пріобрѣли впослѣдствіи наши взаимоотношенія, я вынужденъ остановиться на нихъ нѣсколько подробнѣе.

Въ рядѣ телеграммъ за май—августъ и въ обширномъ письмѣ-памфлетѣ отъ 28 іюля баронъ Врангель давалъ яркую апологію своей дѣятельности и ставилъ тяжелыя обвиненія главному командованію. Эта переписка вызывала недоумѣніе своей слишкомъ явной подтасовкой фактовъ, легко опровержимой. Только позднѣе стало яснымъ, что письмо предназначено было не столько для меня, сколько для распространенія.

* * *

На Царицынскій фронтъ переброшены были лучшія кубанскія части изъ Сѣв. Кавказа и Добровольческой Арміи; это ослабило послѣднюю до такой степени, что дальнѣйшее удержаніе ею Каменноугольнаго раіона ген. Врангель — тогдашній командующій этой арміей — считалъ невозможнымъ. Наступленіе на Царицынъ совершалось въ обстановкѣ дѣйствительно тяжелой — по опустошаемой большевиками мѣстности, при наличіи одной линіи полуразрушенной жел. дороги. Штабъ главнокомандующаго, управленія военное и сообщеній напрягали всѣ усилія, чтобы предоставить арміи имѣвшіяся въ ихъ распоряженіи скудныя средства, и на упрекъ начальника штаба, по поводу сыпавшихся градомъ несправедливыхъ обвиненій ген. Врангеля, послѣдній отвѣчалъ: «относительно моихъ просьбъ о помощи въ отношеніи моего тыла и въ мысляхъ не имѣлъ упрекнуть

Васъ... Хотѣлъ лишь всемѣрно подчеркнуть, насколько настоящая операція зависитъ отъ помощи сверху...»[1]). А со слѣдующаго дня нападки продолжались.

Баронъ Врангель требовалъ отъ Добровольческой Арміи пѣхоты, которая не могла быть выведена безъ срыва операціи; усиленія техническими средствами, которыя не были готовы или не могли быть подвезены до починки разрушенныхъ жел.-дор. мостовъ. Мосты возстановлялись путейскимъ вѣдомствомъ съ большой энергіей подъ наблюденіемъ штаба Кавказской арміи и срокъ готовности наибольшаго изъ нихъ (черезъ р. Салъ) ген. Врангель исчислялъ не ранѣе 3 іюня[2]). И хотя время и планъ операціи предоставлены были всецѣло его усмотрѣнію, 20 мая, когда наступленіе на Есауловскомъ Аксаѣ начало захлебываться, онъ телеграфировалъ: «Доколѣ не получу всего, что требуется, не двинусь впередъ ни на одинъ шагъ, несмотря на всѣ приказанія...» 22-го, донося объ успѣхѣ на Аксаѣ, прибавлялъ: «неиспользованіе полностью успѣха считаю преступленіемъ... Конница можетъ дѣлать чудеса, но прорывать проволочныя загражденія не можетъ». Очевидно, неиспользованіе успѣховъ Добровольческой и Донской армій на направленіяхъ Харьковъ, Полтава, Воронежъ преступленіемъ не считалось. А въ концѣ мая, рискнувъ все же атаковать Царицынскую позицію до подвоза техническихъ средствъ, сообщалъ: «Мои предсказанія, къ сожалѣнію, сбылись: остатки арміи разбились о подавляющую численность противника...»

Въ началѣ іюня починены были мосты и немедленно вслѣдъ за симъ подвезены къ арміи бронепоѣзда, танки, новыя авіаціонныя средства. Переброшена туда же изъ Ростова, въ ущербъ главному направленію, единственная дивизія Добровольческой Арміи, не втянутая въ бой. Это была 7-я дивизія, бывшая бригада Тимановскаго, въ концѣ апрѣля прибывшая изъ Румыніи[3]), безъ обоза и артиллеріи, и въ теченіе мая съ огромнымъ напряженіемъ и поспѣшностью возстанавливавшая свою организацію... Эти эпизоды были изложены въ первомъ письмѣ въ такомъ видѣ: «Только тогда, послѣ кроваваго урока, армія получила помощь и... Царицынъ палъ...»

Ко времени взятія Царицына блестящіе успѣхи на Курскомъ и Кіевскомъ направленіяхъ и общая обстановка на театрѣ войны опредѣлили вполнѣ наглядно ошибочность идеи ген. Врангеля—движенія главными силами на Царицынъ. Теперь въ его глазахъ Волжское направленіе утратило первостепенное значеніе, и 18 іюня бар. Врангель и его нач. штаба ген. Юзефовичъ подали мнѣ записки съ предложеніемъ образовать конную массу въ кратчайшихъ направленіяхъ на Москву — Воронежскомъ и Курскомъ, подъ его, ген. Врангеля начальствомъ. Для этой цѣли изъ Кавказской арміи предлагалось взять 3½ конныхъ дивизіи. Считая, что такое ослабленіе Кавказской арміи угрожаетъ потерей Царицына и выходомъ большевицкихъ силъ вторично въ тылъ Ростову и нашимъ сообщеніямъ, я отклонилъ это предложеніе. Дѣйствительно, какъ увидимъ ниже, совѣтское командованіе въ іюлѣ сосредоточило въ Волжскомъ направленіи 50 тыс. группу, которая и обрушилась вслѣдъ за симъ на Кавказскую армію и правый флангъ Донской.

Въ Добров. Армію возвращена была 7-я дивизія и, въ цѣляхъ организаціонныхъ, приказано было передать туда же 2-ю терскую пласт. бригаду[4]). Осетин-

---

[1]) Лента разговора 14 мая 1919 года.
[2]) Тоже.
[3]) Послѣ французской эвакуаціи Одессы.
[4]) Тогда небоеспособную, по донесеніямъ ген. Врангеля, сведенную въ батальонъ — 200 штык.

скій конный полкъ [1]) и батальонъ [2]), взамѣнъ чего, съ согласія барона Врангеля ему посланы были 5 горскихъ и инородческихъ полковъ. И вотъ, умалчивая о своемъ желаніи перебросить съ Царицынскаго на Добровольческій фронтъ 3½ лучшихъ дивизій, одновременно, впрочемъ, со своимъ уходомъ, перечисляя взятыя части и не называя приданныхъ, баронъ Врангель бросаетъ въ первомъ письмѣ такую фразу: «Въ то время какъ Добровольческая Армія, почти не встрѣчая сопротивленія въ своемъ побѣдномъ шествіи къ сердцу Россіи [3]), безпрерывно увеличивается потокомъ добровольно становящихся въ ея ряды опомнившихся русскихъ людей... Кавказская армія, истекая кровью въ неравной борьбѣ и умирая отъ истощенія, посылаетъ на Добровольческій фронтъ послѣднія свои силы...»

Въ то время Добровольческая Армія занимала фронтъ около 600 верстъ, а Кавказская 40 верстъ.

Ген. Врангель обвинялъ Ставку въ пріостановкѣ предположенной имъ Астраханской операціи, могшей обезпечить ему водный транспортъ... [4]). Но не упоминалъ, что передъ тѣмъ доносилъ мнѣ [5]): «Начало Астраханской операціи намѣчалъ лишь по выполненіи (Камышинской) и по выходѣ на болѣе короткій фронтъ Балашовъ—Волга».

Баронъ Врангель жаловался, что послѣ взятія Царицына я отмѣнилъ обѣщанный переутомленнымъ войскамъ его отдыхъ и приказалъ преслѣдовать противника, но скрылъ, что, «учитывая создавшуюся обстановку, (онъ самъ) еще до полученія (моего) приказанія отдалъ распоряженіе продолжать наступленіе... [6]).

Кавказской арміи не отпускались якобы и кредиты и «въ то время, какъ тамъ у Харькова, Екатеринослава и Полтавы войска одѣты, обуты и сыты, въ безводныхъ Калмыцкихъ степяхъ ихъ братья сражаются для счастья одной родины — оборванные, босые, простоволосые и голодные...»

Въ каждомъ словѣ письма и телеграммъ были желчь и ядъ, разсчитанные на чувства военной массы и безъ того нервной, ревнивой къ боевымъ сосѣдямъ и плохо разбирающейся въ обстановкѣ. Какъ можно было измѣнить группировку силъ, когда это опредѣлялось ясно относительной важностью направленій и событіями на театрѣ войны?.. Кто могъ перемѣнить природныя условія Задонья и Поволжья и условія комплектованія въ нихъ арміи «русскими» людьми?.. Какими средствами возможно было заставить Кубань слать въ армію пополненія или принимать въ свои полки «русскихъ» (не казачьихъ) офицеровъ?..

На мой запросъ по поводу жалобъ ген. Врангеля на матеріальные недочеты, начальникъ военнаго управленія ген. Лукомскій — лицо близкое и дружественно расположенное къ барону Врангелю — донесъ мнѣ, что Кавказская армія требуетъ довольствіе на весьма большое число людей — въ іюлѣ на 80 тыс. и въ августѣ на 110 тыс... Что «кредиты всегда переводились своевременно и жалобъ отъ Кавказской арміи на недостаточность кредитовъ не было...» [7]). Что, наконецъ, царицынскій раіонъ вовсе не такъ уже бѣденъ, ибо самъ бар. Вран-

---

[1]) 60 шашекъ.
[2]) Не былъ сформированъ вовсе.
[3]) Въ ближайшіе дни Добровольческой Арміи былъ нанесенъ сильный ударъ группой Селивачева, проникшей глубоко къ намъ въ тылъ къ Купянску.
[4]) Въ виду угрозы съ сѣвера крупныхъ силъ большевиковъ.
[5]) Телеграмма отъ 8 іюля, № 01382.
[6]) Телеграмма отъ 25 іюня, № 01068.
[7]) Телеграмма отъ 8 августа, № 5128/ОБ.

гель телеграфировалъ ему [1]): «Раіонъ широко долженъ быть использованъ въ продовольственномъ отношеніи. Данныя силы и средства Кавказской арміи недостаточны, чтобы въ полной мѣрѣ использовать богатства раіона. Необходимо спѣшно сформировать интендантскій округъ и пріемную комиссію, которые взяли бы на себя эксплоатацію раіона и заготовки для всѣхъ армій...»

* * *

И перечисливъ всѣ несчастья Кавказской арміи, баронъ Врангель назвалъ ихъ виновниковъ:

> «До назначенія меня Командующимъ Кавказской арміей, я командовалъ тѣми войсками, которыя нынѣ составляютъ армію Добровольческую, числящую въ своихъ рядахъ безсмертныхъ Корниловцевъ, Марковцевъ и Дроздовцевъ... Борьба этихъ славныхъ частей въ Каменноугольномъ раіонѣ — блестящая страница настоящей великой войны... Безмѣрными подвигами своими они стяжали себѣ заслуженную славу... Но вмѣстѣ со славой они пріобрѣли любовь Вождя, связаннаго съ ними Первымъ «Ледянымъ» походомъ. Эта любовь перенеслась и на армію, носящую названіе Добровольческой, названіе близкое Вашему сердцу, названіе, съ которымъ связаны Ваши первые шаги на великомъ крестномъ пути... Заботы Ваши и Вашихъ ближайшихъ помощниковъ отданы полностью роднымъ Вамъ частямъ, которымъ принадлежатъ Ваши сердца. Для другихъ ничего не осталось...»

Было больно за тѣхъ, чью работу и страданія въ Каменноугольномъ раіонѣ недавно еще, командуя ими, баронъ Врангель считалъ «сверхчеловѣческими», тѣхъ, которымъ «отданы были всѣ заботы» и о которыхъ начальникъ штаба генералъ Юзефовичъ писалъ тогда [2]):

> «Съ праваго берега (Дона) надо убрать ядро Добровольческой арміи — Корниловцевъ, Марковцевъ, Дроздовцевъ и друг. части, составляющія душу нашего бытія; надо ихъ пополнить, сохранить этихъ великихъ страстотерпцевъ — босыхъ, раздѣтыхъ, вшивыхъ, нищихъ, великихъ духомъ, на своихъ плечахъ потомъ и кровью закладывающихъ будущее нашей родины... Сохранить для будущаго. Всему бываетъ предѣлъ... И эти безсмертные могутъ стать смертными».

Этимъ-то людямъ, волею судьбы и въ силу стратегической обстановки, ни одного дня отдыха не было дано.

Впрочемъ, «быть можетъ, я ошибаюсь — писалъ бар. Врангель. — Быть можетъ, причина несчастья моей арміи кроется въ томъ, что я, а не другой, стою во главѣ ея... Благополучіе части, къ сожалѣнію, сплошь и рядомъ зависитъ отъ того, насколько командиръ ея пользуется любовью старшаго начальника..»

Все это писалъ баронъ Врангель «съ открытымъ сердцемъ» и въ то же время съ содержаніемъ памфлета знакомилъ старшихъ военныхъ начальниковъ. Я не считалъ возможнымъ выносить на улицу эту прискорбную тяжбу подчиненнаго съ начальникомъ и отвѣтилъ письмомъ «въ собственныя руки», приведя рядъ фактовъ въ опроверженіе завѣдомыхъ навѣтовъ. Въ отношеніи послѣдняго тяжелаго обвиненія въ лицепріятіи я могъ бы сказать многое: я выдвинулъ барона Врангеля на высшую ступень военной іерархіи; я уговорилъ его, въ минуту по-

---

[1]) Почти въ одно время съ написаніемъ мнѣ письма. Телегр. безъ даты (ранѣе 5-го августа), № 1447.

[2]) Письмо ко мнѣ отъ 30 марта, № 04471.

тери душевнаго равновѣсія, остаться на посту командующаго (мартъ 1919 г.); я предоставилъ ему, по его желанію, Царицынскій фронтъ, который онъ считалъ наиболѣе побѣднымъ; наконецъ, я терпѣлъ безъ мѣры, безъ конца пререканія, создававшія вокругъ Ставки смутную и тяжелую атмосферу и подрывавшія въ корнѣ дисциплину. Въ этомъ я вижу свою большую вину передъ арміями и исторіей.

На послѣдній вопросъ я отвѣтилъ кратко: «Никто не вправѣ бросать мнѣ обвиненіе въ лицепріятіи. Никакой любви ни мнѣ не нужно, ни я не обязанъ питать. Есть долгъ, которымъ я руководствовался и руководствуюсь. Интрига и сплетня давно уже плетутся вокругъ меня, но я имъ значенія не придаю и лишь скорблю, когда онѣ до меня доходятъ».

* * *

Бар. Врангель писалъ, что, «какъ человѣкъ (мнѣ) искренно преданный», онъ «высказалъ все, что наболѣло на душѣ, почитая безчестнымъ затаить камень за пазухой...» Но высказалъ онъ не все — камень таился и весьма увѣсистый. Непригодный совершенно въ дни блестящихъ успѣховъ армій Юга и при жизни адмирала Колчака — этотъ камень позже былъ брошенъ въ водоворотъ разгулявшихся страстей, въ трагическій моментъ существованія Арміи.

Въ широко распространявшемся ген. Врангелемъ второмъ, февральскомъ памфлетѣ имѣлись, между прочимъ, такія строки:

> «Моя армія освободила Сѣверный Кавказъ.
>
> На совѣщаніи въ Минеральныхъ Водахъ 6-го января 1919 г. я предложилъ Вамъ перебросить ее на Царицынское направленіе, дабы подать помощь адмиралу Колчаку, побѣдоносно подходившему къ Волгѣ [1]).
>
> Мое предложеніе было отвергнуто, и Армія стала перебрасываться въ Донецкій бассейнъ, гдѣ до мая мѣсяца вела борьбу подъ начальствомъ ген. Юзефовича, замѣнившаго меня во время болѣзни.
>
> Предоставленный самому себѣ адмиралъ Колчакъ былъ раздавленъ и началъ отходъ на Востокъ. Тщетно Кавказская Армія пыталась подать помощь его войскамъ. Истомленная походомъ по безводной степи, обезкровленная и слабо пополненная, она къ тому же ослаблялась выдѣленіемъ все новыхъ и новыхъ частей для переброски ихъ на фронтъ Добровольческой Арміи, войска которой, почти не встрѣчая сопротивленія, шли къ Москвѣ.
>
> Въ серединѣ іюля мнѣ, наконецъ, удалось связаться съ уральцами [2]) и съ цѣлью закрѣпленія этой связи я отдалъ приказъ 2-й Кубанской дивизіи генерала Говорущенко перебросится въ раіонъ Камышина на лѣвый берегъ Волги» [3]).

---

[1]) Арміи адмирала Колчака въ началѣ января находились въ тяжкомъ положеніи; на югѣ потеряли Уральскъ и Оренбургъ; Западная армія удерживалась въ Уральскихъ проходахъ восточнѣе Уфы и была отъ Волги въ 660 верстахъ; Сибирская — въ 600 верстахъ. Наступленіе началось въ концѣ февраля и къ Волгѣ арміи подходили къ серединѣ апрѣля. См. главу VIII.

[2]) Съ Уральскими войсками штабъ главнокомандующаго находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ начала 1919 года. Начиная со 2-го февраля, сначала черезъ Баку, потомъ черезъ Петровскъ на Гурьевъ мы посылали Уральскому войску деньги, орудія, ружья, патроны, броневики, обмундированіе, словомъ — все, что было возможно.

[3]) Мелочь, но и здѣсь неправда: приказъ о переброскѣ Говорущенко отданъ 15-го іюля, т. е. за четыре дня до первой встрѣчи нашихъ разъѣздовъ съ уральскими въ раіонѣ озера Эльтонъ, которая произошла 19-го. (Донесеніе генерала Врангеля, № 4057).

Далѣе въ письмѣ приводятся двѣ телеграммы, которыми обмѣнялись генералы Романовскій и Врангель въ серединѣ іюля. Переоцѣнивая значеніе побѣды подъ Камышинымъ, генералъ Врангель 15 числа рѣшилъ перебросить на лѣвый берегъ одинъ изъ Кубанскихъ корпусовъ[1]). Въ виду сосредоточенія новыхъ крупныхъ силъ противника въ Саратовскомъ направленіи[2]) и опасаясь за свой правый флангъ, генералъ Сидоринъ запросилъ начальника моего штаба, чѣмъ вызвано такое «перенесеніе центра тяжести операціи за Волгу». Начальникъ штаба обратился съ этимъ вопросомъ къ генералу Врангелю, указавъ на опасность ослабленія его силъ на главномъ направленіи. Получился отвѣтъ 16 іюля: «Переброска частей генерала Говорущенко... имѣла цѣлью скорѣйшее соединеніе съ войсками Верховнаго правителя... Отходъ Уральцевъ на востокъ и намѣченная передача Донцамъ перваго Донского корпуса, задержаніе Добровольческой Арміей пластунской бригады и приказаніе направить туда же Терцевъ въ корнѣ мѣняетъ положеніе. При этихъ условіяхъ не только перебросить что-либо на лѣвый берегъ не могу, но и отъ всякой активности въ Сѣверномъ направленіи вынужденъ отказаться».

Положеніе за сутки (15—16) не только «въ корнѣ», но никакъ не измѣнилось. Арміи извѣстно было, что Донской корпусъ придается ей только на время Камышинской операціи, приказаніе объ отправкѣ Терцевъ получено было генераломъ Врангелемъ (и не исполнено) еще 20 іюня, а эшелоны Кубанскихъ пластуновъ двинулись въ Кавказскую армію въ тотъ же день, 1-го августа, когда выступили эшелоны Терцевъ въ Добровольческую.

Если къ этому прибавить, что 20 іюня генералъ Врангель самъ предлагалъ бросить направленіе вдоль Волги, оставивъ на немъ лишь заслонъ и увести на Харьковское 3½ дивизіи, что въ первомъ памфлетѣ онъ, наоборотъ, жаловался на ослабленіе его силъ переброской на лѣвый берегъ Волги дивизіи Мамонтова[3]); что центръ Сибирскихъ армій, *начавъ отступленіе въ половинѣ апрѣля*, къ тому времени былъ уже на маршѣ къ Челябинску; что ближайшія части давно уже изолированной Уральской арміи, имѣвшей къ тому же задачу наступать не къ Волгѣ, а на сѣверъ[4]), отстояли отъ насъ на 300 съ лишнимъ верстъ, — весь эпизодъ пріобрѣтаетъ колоритъ совершенно своеобразный.

Опасеніе моего и Донского штабовъ оказались не напрасными: черезъ недѣлю началось новое наступленіе крупныхъ силъ противника правымъ берегомъ Волги, потребовавшее участія тамъ и перваго Донского корпуса и Говорущенки и заставившее все же Кавказскую армію бросить Камышинъ и отойти къ самому Царицыну...

Но кто станетъ разбираться въ такихъ стратегическихъ деталяхъ!.. И вопросъ о «соединеніи съ войсками Верховнаго правителя» сталъ именно тѣмъ камнемъ, который готовился задолго и былъ брошенъ открыто въ февральскомъ письмѣ...

---

[1]) Конная дивизія и пластунская бригада генерала Говорущенко силою въ 3000. Отрядъ генерала Мамонтова для связи съ уральцами былъ переброшенъ ранѣе по взятіи нами Царицына, на основаніи моей директивы отъ 20 іюня.

[2]) Какъ увидимъ ниже, сюда совѣтскимъ командованіемъ сосредотачивались тогда силы для главнаго удара.

[3]) Директива моя отъ 20 іюня за № 08878 гласила: «теперь же направить отряды *для связи съ Уральской арміей* и для очищенія нижняго плеса Волги».

[4]) Въ связи съ общимъ положеніемъ Восточнаго фронта, Уральская армія имѣла задачу «взять г. Уральскъ, а затѣмъ дѣйствовать на Бузулукъ или Самару». Директива отъ 16 іюня.

Послѣ признанія мною власти адмирала Колчака всѣ командующіе арміями и отрядами отъ себя и отъ имени войскъ свидѣтельствовали о высокомъ нравственномъ удовлетвореніи свершившимся объединеніемъ. Кромѣ одного. Черезъ двѣ недѣли я получилъ письмо отъ бар. Врангеля: по его словамъ онъ молчалъ, считая исполненіе приказа прямымъ своимъ долгомъ, какъ подчиненнаго. Но, прочитавъ въ газетахъ обращенія другихъ командующихъ, спѣшитъ отозваться, чтобы я не подумалъ, что онъ иначе, чѣмъ они, относится къ свершившемуся...

А впослѣдствіи написалъ:

> «Боевое счастье улыбалось Вамъ, росла слава и съ ней вмѣстѣ стали рости въ сердцѣ Вашемъ честолюбивыя мечты... Совпавшій съ цѣлымъ рядомъ нашихъ побѣдъ Вашъ приказъ о подчиненіи Васъ адмиралу Колчаку доказывалъ, казалось, противное. Будущая исторія покажетъ, поскольку этотъ Вашъ шагъ былъ доброволенъ... Вы пишете, что подчиняетесь адм. Колчаку, «отдавая свою жизнь служенію горячо любимой Родинѣ» и «ставя превыше всего ея счастье...» Не жизнь приносите Вы въ жертву Родинѣ, а только власть, и неужели подчиненіе другому лицу для блага Родины есть жертва для честнаго сына ея... Эту жертву не въ силахъ былъ уже принести возвѣстившій ее, упоенный новыми успѣхами честолюбецъ».
>
> «Войска адмирала Колчака, предательски оставленныя нами, были разбиты...» [1]).

Верховный правитель былъ тогда уже мертвъ и не могъ сказать свое слово. По ироніи судьбы и съ нимъ при жизни произошелъ такой же эпизодъ.

Осенью 1919 года я получилъ объемистый пакетъ изъ Нью-Іорка отъ Завойко [2]), который, будучи въ Омскѣ, велъ какую-то интригу противъ правительства и адмирала Колчака и былъ высланъ за границу. Въ пакетѣ оказались литографированные экземпляры «обличительнаго» письма Завойки, адресованнаго адмиралу Колчаку, и два памфлета. Въ общемъ конвертѣ на мое имя заключалось еще нѣсколько писемъ, въ томъ числѣ адресованныя барону Врангелю, Кривошеину и другимъ лицамъ. Я передалъ всю корреспонденцію комиссіи, которая, вскрывъ одинъ изъ этихъ пакетовъ и убѣдившись, что тамъ та же агитаціонная литература, всѣ остальные сожгла. Въ одномъ изъ памфлетовъ Завойки, между прочимъ, говорилось:

> «Чрезвычайно характерны всѣ документы, связанные съ эпохой продвиженія Сибирскихъ войскъ впередъ.
>
> Во-первыхъ, составленіе и проведеніе въ жизнь явно преступнаго стратегическаго плана. Ударъ на Глазовъ, Вятку, какъ ближайшее направленіе въ Москву, и оставленіе безъ вниманія Южнаго направленія, единственнаго обезпечивающаго успѣхъ и связывающаго съ силами генерала Деникина.
>
> Во-вторыхъ, неприкрываемое ничѣмъ въ офиціальныхъ документахъ открытое признаніе опасности занятія Москвы силами генерала Деникина ранѣе, чѣмъ войсками Сибирской арміи, т. е., иначе говоря, стремленіе во что бы то ни стало къ народному пирогу, къ спасенію Россіи, исключительно во имя своего личное.
>
> Въ-третьихъ — всѣ отдѣльные приказы и распоряженія по арміямъ, выходившіе изъ Омской ставки и имѣвшіе единственной цѣлью уничтоженіе популярности отдѣльныхъ вождей, созданной ими на фронтѣ».

Памфлеты разносили по свѣту поистинѣ страшное обвиненіе: какъ Колчакъ и Деникинъ предавали другъ друга и Россію...

---

[1]) Письмо-памфлетъ (февраль 1920 г.), широко распространявшееся на Югѣ Россіи и заграницей.

[2]) Лицо, пріобрѣвшее печальную извѣстность въ Корниловскомъ выступленіи.

ГЛАВА XI.

Наступленіе В. С. Ю. Р. лѣтомъ и осенью 1919 г. Контръ-наступленіе большевиковъ на Харьковъ и Царицынъ. Взятіе нами Воронежа, Орла, Кіева, Одессы.

Стратегія внѣшней войны имѣетъ свои законы — вѣчные, неизмѣнные, одинаково присущіе эпохамъ Цезаря, Ганнибала, Наполеона и минувшей міровой войнѣ. Но условія войны гражданской, не опрокидывая самоцѣнность незыблемыхъ законовъ стратегіи, нарушаютъ ихъ относительное значеніе — иногда въ такой степени, что въ глазахъ поверхностнаго наблюдателя двоится мысль: не то ложенъ законъ, не то свершается тяжкое его нарушеніе...

Стратегія не допускаетъ разброски силъ и требуетъ соразмѣрной имъ величины фронта. Мы же расходились на сотни верстъ временами преднамѣренно, временами вынужденно. Такъ, отданная 20 іюня основная директива, ограничивавшая наше распространеніе берегами Днѣпра и Десны, черезъ мѣсяцъ была расширена. Генералъ Шкуро взялъ Екатеринославъ, что не было предусмотрѣно; мы были слишкомъ слабы, чтобы надежно оборонять Екатеринославскій раіонъ и могли выполнить эту задачу только наступленіемъ, только удачной атакой и преслѣдованіемъ, которое завлекло наши части на двѣсти съ лишнимъ верстъ къ Знаменкѣ. Можно было или бросить весь занятый раіонъ на расправу большевикамъ или наоборотъ — попытаться покончить со слабыми правобережными частями 12 и 14 армій большевиковъ и, такимъ образомъ, захвативъ все нижнее теченіе Днѣпра, надежно обезпечить флангъ Добровольческой арміи, идущей на Кіевъ и Курскъ.

И 30 іюля въ развитіи основной директивы было приказано генералу Май-Маевскому удерживать Знаменку, а генералу Шиллингу (3-й армейскій корпусъ) при содѣйствіи Черноморскаго флота «овладѣть въ кратчайшій срокъ Херсономъ и Николаевомъ и выйти на линію Вознесенскъ—Раздѣльная, овладѣвъ Одессой».

Мы занимали огромныя пространства, потому что, только слѣдуя на плечахъ противника, не давая ему опомниться, устроиться, мы имѣли шансы сломить сопротивленіе превосходящихъ насъ численно силъ его. Мы отторгали отъ совѣтской власти плодороднѣйшія области, лишали ее хлѣба, огромнаго количества военныхъ припасовъ и неисчерпаемыхъ источниковъ пополненія арміи. Въ подъемѣ, вызванномъ побѣдами, въ маневрѣ и въ инерціи поступательнаго движенія была наша сила. Истощенный многими мобилизаціями Сѣверный Кавказъ уже не могъ питать надлежаще армію, и только новые раіоны, новый приливъ живой силы могли спасти ея организмъ отъ увяданія.

Мы расширяли фронтъ на сотни верстъ и становились отъ этого не слабѣе, а крѣпче. Добровольческая армія[1]) къ 5 мая въ Донецкомъ бассейнѣ числила въ своихъ рядахъ 9 600 бойцовъ. Не взирая на потери, понесенныя въ бояхъ и отъ болѣзней, къ 20 іюня (Харьковъ) боевой составъ арміи былъ 26 тысячъ, къ 20 іюля (Екатеринославъ—Полтава) — 40 тысячъ. Донская армія, сведенная къ 5 мая до 15 тысячъ, къ 20 іюня насчитывала 28 000, къ 20 іюля — 45 тысячъ. Для наступленія въ Кіевскомъ направленіи въ концѣ іюля отъ Добровольческой Арміи отдѣлилась группа всего въ 6 000. Въ началѣ іюня съ Акманайскихъ позицій началъ наступленіе 3-й армейскій корпусъ силою около 4 тыс., который, пополняясь по пути, прошелъ весь Крымъ, вышелъ на Херсонъ и Одессу и составилъ группу войскъ Новороссійской области, подъ начальствомъ генерала Шиллинга, къ 20 сентября увеличившуюся до 15 тыс.

---

[1]) Бывшая «Кавказская Добровольческая» армія.

Составъ Вооруженныхъ силъ Юга съ мая по октябрь возросталъ последовательно отъ 64 до 150 тыс.[1]). Таковъ былъ результатъ нашего широкаго наступленія. Только при такомъ условіи мы имѣли возможность продолжать борьбу. Иначе мы были бы задушены огромнымъ превосходствомъ силъ противника, обладавшаго неисчерпаемыми человѣческими ресурсами. Наконецъ, движеніе къ Кіеву приводило насъ къ соединенію съ противобольшевицкой Польской арміей, что значительно сокращало фронтъ и должно было освободить большую часть войскъ Кіевской области и Новороссіи для переброски ихъ на Гомельское и Брянское направленія.

Теорія говоритъ о закрѣпленіи рубежей, практика гражданской войны съ ея огромными разстояніями и фронтами, съ ея исключительнымъ преобладаніемъ психологіи не только въ арміяхъ, но и въ населеніи пораженныхъ войной областей, свидѣтельствуетъ о непреодолимой трудности и зачастую полной негодности метода позиціонной войны. Разливъ Донца задержалъ наступленіе 8 и 9 совѣтскихъ армій въ февралѣ, Царицынская укрѣпленная позиція остановила движеніе генерала Мамонтова и первый налетъ генерала Врангеля. Но, снабженный нѣкоторой техникой, генералъ Врангель въ два дня покончилъ съ «Краснымъ Верденомъ». Добровольческая армія безъ труда справилась съ «крѣпостными зонами» Харькова и Екатеринослава. Шкуро и Бредовъ форсировали широкій Днѣпръ. Разбухшая Кубань не остановила русскихъ армій, отступавшихъ къ Черному морю, а идеальный, исключительный по конфигураціи и природнымъ свойствамъ, «неприступный» оборонительный рубежъ Крымскихъ перешейковъ оказался паутиной въ трагическіе дни осени 1920 года...

Освобожденіе нами огромныхъ областей должно было вызвать народный подъемъ, возстаніе всѣхъ элементовъ, враждебныхъ совѣтской власти, не только усиленіе рядовъ, но и моральное укрѣпленіе бѣлыхъ армій. Вопросъ заключался лишь въ томъ, изжитъ ли въ достаточной степени народными массами большевизмъ и сильна ли воля къ его преодолѣнію? Пойдетъ ли народъ съ нами или по прежнему останется инертнымъ и пассивнымъ между двумя набѣгающими волнами, между двумя смертельно враждебными станами.

Въ силу цѣлаго ряда сложныхъ причинъ — стихійныхъ и отъ насъ зависѣвшихъ, жизнь дала отвѣтъ сначала нерѣшительный, потомъ отрицательный.

* * *

Совѣтское командованіе послѣ весеннихъ пораженій напрягало чрезвычайныя усилія, чтобы возстановить свой южный фронтъ. Реорганизовались бывшія Украинскія арміи на началахъ регулярства; смѣщенъ былъ цѣлый рядъ неудачныхъ начальниковъ; главнокомандующаго вооруженными силами совѣтской Россіи Вацетиса смѣнилъ полковникъ Каменевъ, бывшій главнокомандующій Восточнымъ фронтомъ; Гитиса смѣнилъ генералъ Егорьевъ; революціонный трибуналъ, заградительные и карательные отряды примѣняли жестокій терроръ для внѣдренія въ войска дисциплины; тысячи новыхъ агитаторовъ наводнили фронтъ; новыя мобилизаціи 18—45 лѣтн. возрастовъ усилили притокъ пополненій. Наконецъ, на Южный фронтъ было переброшено 6½ дивизій съ Восточнаго и 3 дивизіи съ Западнаго фронтовъ. Этими мѣрами въ серединѣ іюля совѣтскому командованію

[1]) Изъ этого состава около 20 тыс. оставались на Черноморскомъ побережьи (противъ Грузіи) и въ Терско-Дагестанской области (противъ горцевъ, Азербейджана и Астрахани).

удалось довести составъ своихъ южныхъ армій до 180 тыс. при 700 орудіяхъ[1]). И 16 іюля Бронштейнъ писалъ въ приказѣ: «Вся страна заботится теперь объ Южномъ фронтѣ. Нужно, чтобы командиры, комиссары, а вслѣдъ за ними красноармейцы поняли, что уже сейчасъ на Южномъ фронтѣ мы сильнѣе Деникина. Воинскіе эшелоны и маршрутные поѣзда снабженія непрерывнымъ потокомъ идутъ на югъ. Теперь все это... нужно вдохновить идеей рѣшительнаго наступленія...»

Планъ этого наступленія по словамъ Бронштейна заключался въ томъ, «чтобы нанести контръ-ударъ противнику въ двухъ важнѣйшихъ направленіяхъ: 1) съ фронта Балашовъ—Камышинъ на нижній Донъ, и 2) съ Курско-Воронежскаго участка на Харьковъ. Первое направленіе было признано рѣшающимъ». На этихъ направленіяхъ были сосредоточены ударныя группы: на первомъ Шорина изъ 10 и 9 армій, силою въ 50 тыс., на второмъ генерала Селивачева — изъ 8-й, 13-й и лѣвобережной части 14-й арміи, силою до 40 тыс.

Общее наступленіе было назначено на 1—3 августа.

* * *

1 августа 10 армія Клюева[2]) съ многочисленной конницей Буденнаго на западномъ крылѣ, поддержанная Волжской флотиліей въ составѣ до 20 вооруженныхъ судовъ, обрушилась на Кавказскую армію. Ведя непрерывные тяжкіе бои, подъ напоромъ сильнѣйшаго противника, въ теченіе трехъ недѣль армія вынуждена была отходить на югъ, отдавъ Камышинъ, и къ 23-му дошла до самого Царицына. Въ этотъ день началось рѣшительное сраженіе, въ которомъ, атакуя съ сѣвера и съ нижней Волги отъ Чернаго Яра, противникъ прорвалъ уже было укрѣпленную позицію и доходилъ до орудійнаго завода. Но введеніемъ въ бой послѣднихъ резервовъ и атаками кубанской конницы генералъ Врангель нанесъ противнику жестокій ударъ, отбросивъ его въ обоихъ направленіяхъ. Атаки Клюева, повторенныя въ послѣдующіе дни, становились все слабѣе и постепенно замерли.

Эти тяжелые и славные бои — одна изъ лучшихъ страницъ боевой дѣятельности Кавказской Арміи, ея командующаго, генераловъ Улагая, Топоркова, Писарева, трижды раненаго генерала Бабіева, получившаго четырнадцатую рану ген. Павличенко и многихъ другихъ.

Одновременно, перейдя въ наступленіе отъ Балашова противъ праваго крыла Донской арміи, противникъ оттѣснилъ Донцовъ за линію Хопра и Дона. Большевики переправились уже во многихъ мѣстахъ на западный берегъ, но контръ ударомъ своимъ, въ особенности удачнымъ въ группѣ Коновалова, Донцы отбрасываютъ ихъ за Хоперъ, наносятъ большой уронъ и вновь выходятъ на лѣвый берегъ рѣки. Однако, въ связи съ неудачами на Лискинскомъ направленіи, правая группа Донской арміи подъ угрозой обхода обоихъ фланговъ въ серединѣ сентября вынуждена отступить за Донъ на всемъ теченіи его отъ Павловска до устья Хопра. Оттѣснивъ Донцовъ, Камышинская группа Клюева, усиленная еще за счетъ Восточнаго фронта, въ концѣ сентября вновь атаковала Царицынъ и послѣ 9-ти дневнаго боя контръ-атакой войскъ генерала Врангеля была опроки-

---

[1]) По совѣтскимъ даннымъ на линіи Сосница — Кіевъ — Одесса расположена была 12 армія красныхъ, силою въ 23 тыс., входившая въ составъ Западнаго фронта.

[2]) Полковникъ Егоровъ былъ назначенъ командующимъ 14 арміей.

нута и въ безпорядкѣ отошла верстъ на 70 на сѣверъ. Въ свою очередь Донцы перешли въ наступленіе и въ первой половинѣ октября отбросили Балашовскую группу большевиковъ за Хоперъ, выйдя вновь къ желѣзнодорожной линіи Поворино—Царицынъ.

Въ началѣ октября, послѣ двухъ-мѣсячнаго сраженія, правое крыло Вооруженныхъ силъ Юга удержало Царицынъ и линію Хопра; ударная группа Шорина, ослабленная огромными потерями, перешла къ пассивному образу дѣйствій и, соотвѣтственно новому плану совѣтскаго командованія, начала передвиженіе части силъ къ западу.

* * *

Ударная большевицкая группа генерала Селивачева 3 августа должна была нанести ударъ по Харькову комбинированнымъ наступленіемъ частей 14 и 13 армій съ сѣвера-запада на Готню и главными силами (частями 13 и 8 армій) — съ сѣверо-востока на Купянскъ. Но за три дня до начала операціи большевиковъ генералъ Кутеповъ перешелъ въ наступленіе 1-мъ армейскимъ корпусомъ въ сѣверо-западномъ направленіи, разрѣзалъ 13 и 14 арміи, разбилъ ихъ и отбросилъ первую къ Курску, вторую за Ворожбу. Оставивъ въ этихъ направленіяхъ заслоны, корпусъ сосредоточился частью силъ къ Бѣлгороду. Между тѣмъ Воронежская группа большевиковъ, смявъ лѣвый флангъ Донцовъ, ударила въ стыкъ между Добровольческой и Донской арміями и, наступая затѣмъ почти безъ сопротивленія, заняла Волчанскъ, Купянскъ и Валуйки, углубившись къ 14 августу въ тылъ нашего расположенія на 100 верстъ и подойдя передовыми частями своими верстъ на 40 къ Харькову. Создавалась весьма серьезная угроза тылу арміи.

Генералъ Май-Маевскій, перегруппировавъ войска, отвѣтилъ ударомъ Добровольцевъ со стороны Бѣлгорода и корпусомъ Шкуро съ юго-запада. Въ теченіе второй половины августа подъ нашими ударами, оставляя плѣнныхъ и орудія, Воронежская группа Селивачева уходила на сѣверо-востокъ. Окончательное ея окруженіе не состоялось только благодаря пассивности лѣваго крыла (3-го корпуса) Донской арміи. Къ концу августа Добровольческая армія, вернувъ прежнюю линію, наступала неудержимо къ Воронежу, Курску, къ Деснѣ... Донской арміи указано было, перейдя къ оборонѣ на всемъ своемъ фронтѣ, обратить исключительное вниманіе на лѣвый флангъ, свернуть къ Воронежу и бывшій въ набѣгѣ конный корпусъ генерала Мамонтова, чтобы совмѣстными дѣйствіями съ Добровольческой Арміей разбить разстроенную уже 8-ю совѣтскую армію и овладѣть Лисками и Воронежомъ. Это сосредоточеніе внѣ Донской области, необходимое стратегически и вызывавшее ослабленіе чисто донского фронта, съ перспективой оставленія части территоріи на потокъ и разграбленіе большевикамъ, вызывало всегда большія психологическія трудности. Лѣвый флангъ Донцовъ былъ слабъ, доставляя не разъ затрудненія правому флангу Добровольческой Арміи.

Въ концѣ іюля генералъ Сидоринъ собралъ между Таловой и Новохоперскомъ конную группу около 7—8 тыс. сабель генерала Мамонтова, которой дана была задача, прорвавъ фронтъ противника, «овладѣть желѣзнодорожнымъ узломъ — Козловомъ, для разстройства управленія и тыла южнаго большевицкаго фронта». Позднѣе, въ виду пассивности лѣваго крыла арміи, направленіе было измѣнено на Воронежъ, чтобы выходомъ на сѣверо-западъ, въ тылъ Лискинской группѣ противника содѣйствовать ея пораженію.



ОПЕРАЦІИ В.С.Ю.Р.

АВГ. — ОКТ. 19 г.

Мамонтовъ, подъ предлогомъ дождей, вызвавшихъ распутицу, приказанія не исполнилъ и, пройдя съ боемъ черезъ фронтъ, пошелъ на сѣверъ, совершая набѣгъ въ глубокій тылъ противника — набѣгъ, доставившій ему громкую славу, званіе народнаго героя и... служебный иммунитетъ.

5 августа онъ взялъ Тамбовъ, затѣмъ, послѣдовательно занимая Козловъ, Лебединъ, Елецъ, Грязи, Касторную, 29-го очутился въ Воронежѣ. По всему пути генералъ Мамонтовъ уничтожалъ склады и громадные запасы противника, разрушалъ желѣзнодорожные мосты, распустилъ нѣсколько десятковъ тысячъ мобилизованныхъ, вывелъ цѣлую бригаду крестьянъ-добровольцевъ, нарушилъ связь, снабженіе и вызвалъ среди большевиковъ сильнѣйшую панику.

Но, обремененный огромнымъ количествомъ благопріобрѣтеннаго имущества[1]), корпусъ не могъ уже развить энергичную боевую дѣятельность. Вмѣсто движенія на Лиски и потомъ по тыламъ 8 и 9 сов. армій, куда требовали его боевая обстановка и директива, Мамонтовъ пошелъ на западъ, переправился черезъ Донъ, и, слѣдуя по линіи наименьшаго сопротивленія, правымъ берегомъ его вышелъ 5 сентября къ Короткову на соединеніе съ корпусомъ генерала Шкуро, наступавшимъ съ юга на Воронежъ. Открылись свободные пути и потянулись въ донскія станицы многоверстные обозы, а съ ними вмѣстѣ и тысячи бойцовъ. Изъ 7 тыс. сабель въ корпусѣ осталось едва 2 тыс... Послѣ ряда неудавшихся попытокъ ослабленный корпусъ только 23-го, послѣ взятія генераломъ Шкуро Воронежа, двинулся въ ближній тылъ Лисокъ и тѣмъ содѣйствовалъ лѣвому крылу Донцовъ въ овладѣніи этимъ важнымъ желѣзнодорожнымъ узломъ.

Это было единственное слѣдствіе набѣга, отразившееся н е п о с р е д с т в е н н о на положеніи фронта.

Генералъ Мамонтовъ поѣхалъ на отдыхъ въ Новочеркасскъ и Ростовъ, гдѣ встрѣченъ былъ восторженными оваціями. Ряды корпуса порѣдѣли окончательно.

Будемъ справедливы: Мамонтовъ сдѣлалъ большое дѣло, и не даромъ набѣгъ его вызвалъ цѣлую большевицкую приказную литературу, отмѣченную неприкрытымъ страхомъ и истерическими выпадами. Самъ Бронштейнъ, находившійся тогда въ раіонѣ набѣга и съ необычайной поспѣшностью отбывшій въ Москву, писалъ по дорогѣ: «Бѣлогвардейская конница прорвалась въ тылъ нашимъ войскамъ и несетъ съ собою разстройство, испугъ и опустошеніе предѣловъ Тамбовской губерніи...» Взывалъ тономъ растопчинскихъ афишъ: «На облаву, рабочіе, крестьяне... Ату бѣлыхъ! Смерть живорѣзамъ!..» И въ концѣ концовъ смилостивился надъ «казаками, обманутыми Мамонтовымъ», приглашая ихъ сдаться: «Вы въ стальномъ кольцѣ... Васъ ждетъ безславная гибель. Но въ послѣднюю минуту рабоче-крестьянское правительство готово протянуть вамъ руку примиренія...»

Но Мамонтовъ могъ сдѣлать несравненно больше: использовавъ исключительно благопріятную обстановку нахожденія въ тылу большевиковъ конной массы и, сохранивъ отъ развала свой корпусъ, искать не добычи, а разгрома живой силы противника, что несомнѣнно вызвало бы новый крупный переломъ въ ходѣ операціи.

Наступленіе Добровольческой Арміи, между тѣмъ, шло съ огромнымъ порывомъ. Оно прикрывалось надежно съ запада движеніемъ группы генерала Юзефовича на Кіевъ и 3-го (отдѣльнаго) корпуса генерала Шиллинга на Одессу. Наступленіе это не было пріостановлено и въ тѣ трудные дни начала августа, когда создалась большая и непосредственная угроза Харькову.

---

[1]) Апологеты генерала Мамонтова исчисляли обозъ корпуса протяженіемъ 60 верстъ.

5 кавалерійскій корпусъ захватилъ Конотопъ и Бахмутъ, прервавъ прямую связь Кіева съ Москвой, въ то время какъ второй армейскій корпусъ, двигаясь обоими берегами Днѣпра и опрокидывая 14-ю армію противника, шелъ къ Кіеву и Бѣлой Церкви. И 17 августа войска генерала Бредова форсировали Днѣпръ и вошли въ Кіевъ одновременно ... съ галичанами Петлюры, наступавшими съ юга.

Такъ же успѣшно продвигались войска генерала Шиллинга. Овладѣвъ въ началѣ августа, при дѣятельной помощи возрождавшагося Черноморскаго флота, Херсономъ и Николаевомъ, корпусъ продолжалъ движеніе на Вознесенскъ и Раздѣльную. 12-я совѣтская армія, стоявшая на фронтѣ Кіевъ—Одесса—Херсонъ, была отвлечена къ востоку, въ Одессѣ царила паника. Въ ночь на 10-е наша эскадра капитана перваго ранга Остелецкаго, совмѣстно съ судами англійскаго флота, появилась внезапно у Сухого Лимана и высадила дессантъ [1]), который, соединившись съ возставшими одесскими офицерскими организаціями, при могучей поддержкѣ судовой артиллеріи захватилъ городъ, прервавъ эвакуацію его [2]).

Въ дальнѣйшемъ войска Кіевской области и Новороссіи наступленіемъ съ сѣвера, востока и юга постепенно занимали территорію между Днѣпромъ и Чернымъ моремъ. Остатки правобережной группы 14-й совѣтской арміи ушли за Днѣпръ, части 12-й арміи пробились къ Фастову.

Въ то время, когда происходили эти событія, главное ядро Добровольческой Арміи генерала Май-Маевскаго, нанося тяжелые удары совѣтскимъ арміямъ, двигалось на Москву. 7 сентября 1-й армейскій корпусъ генерала Кутепова, разбивъ на голову 12 совѣтскихъ полковъ, взялъ Курскъ... 17-го генералъ Шкуро, переправившись неожиданно черезъ Донъ, захватилъ Воронежъ... 30-го войска перваго корпуса овладѣли Орломъ и продолжали движеніе къ Тулѣ... Въ началѣ октября 5-й кавалерійскій корпусъ генерала Юзефовича взялъ Новгородъ-Сѣверскъ...

На всемъ фронтѣ войска Добровольческой Арміи захватывали десятки тысячъ плѣнныхъ и огромные трофеи.

Ударъ, занесенный совѣтскимъ командованіемъ правой группой Южнаго фронта, завершился ея пораженіемъ.

* * *

Чрезвычайно интереснымъ является освѣщеніе, данное этому періоду кампаніи Бронштейномъ, пріоткрывающее завѣсу надъ совѣтской стратегіей. Ниже я привожу документъ изъ «секретнаго архива», относящійся къ сентябрю 1919 года и опубликованный въ 1924 году [1]). Бронштейнъ писалъ:

> «Апріорно выработанный планъ операцій на Южномъ фронтѣ оказался безусловно ложнымъ. Неудачи на Южномъ фронтѣ объясняются въ первую голову ложностью основного плана.
>
> 1. Въ основѣ плана лежало отождествленіе деникинской бѣлогвардейской опасности съ донскимъ и кубанскимъ казачествомъ. Это отожествленіе имѣло большій или меньшій смыслъ, пока центромъ Деникина былъ

---

[1]) 340 человѣкъ формировавшагося еще Сводно-драгунскаго полка.

[2]) Интересно донесеніе «Азбуки» изъ совѣтской Одессы: «22 іюля въ Одессѣ получены отъ совѣтскаго агента, работающаго въ штабѣ генерала Деникина, свѣдѣнія о томъ, что 11 іюля въ Новороссійскѣ будетъ посаженъ дессантъ изъ 30 транспортовъ. Дессантъ сопровождаетъ англійскій дредноутъ и нѣсколько крейсеровъ и миноносцевъ...»

[3]) «Какъ вооружалась революція». Троцкій.

Екатеринодаръ, а предѣломъ его успѣховъ — восточная граница Донецкаго бассейна. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше отожествленіе становилось невѣрнымъ. Задачи Деникина наступательныя, задачи Донского и Кубанскаго казачествъ — оборонительныя въ предѣлахъ ихъ областей. Съ продвиженіемъ Деникина въ Донецкій раіонъ и на Украину, элементарныя соображенія подсказывали необходимость отрѣзать его выдвинувшіяся на западъ силы отъ ихъ первоначальной базы—казачества. Ударъ на Харьковъ—Таганрогъ или Харьковъ—Бердянскъ представлялъ собою наиболѣе короткое направленіе по территоріи, населенной не казачествомъ, а рабочими и крестьянами, и обѣщалъ наибольшій успѣхъ съ наименьшей затратой силъ.

2. Казачество въ значительной своей части оставалось бы враждебнымъ намъ, и ликвидація спеціально казаческой контръ-революціи на Дону и Кубани оставалась бы самостоятельной задачей. При всей своей трудности — это мѣстная задача, и мы могли бы и имѣли бы полную возможность разрѣшить ее во вторую очередь.

Донъ, какъ база, истощенъ. Большое число казаковъ погибло въ непрерывныхъ бояхъ. Что касается Кубани, то она въ оппозиціи къ Деникину. Нашимъ прямымъ наступленіемъ на Кубань мы сближаемъ кубанцевъ съ деникинцами. Ударъ на Харьковъ — Таганрогъ, который отрѣзалъ бы деникинскія украинскія войска отъ Кубани, далъ бы временную опору кубанскимъ самостійникамъ, создалъ бы временное замиреніе Кубани въ ожиданіи развязки нашей борьбы съ деникинцами на Донцѣ и на Украинѣ.

3. Прямое наступленіе по линіи наибольшаго сопротивленія оказалось, какъ и было предсказано, цѣликомъ на руку Деникину. Казачество Вешенской, Мигулинской, Казанской станицъ поголовно мобилизовалось, поклялось не сдаваться. Такимъ образомъ, самымъ направленіемъ нашего движенія мы доставили Деникину значительное количество бойцовъ.

4. Для повѣрки оперативнаго плана не лишне посмотрѣть на его результаты. Южный фронтъ получилъ такія силы, какія никогда не имѣлъ ни одинъ изъ фронтовъ: къ моменту наступленія на Южномъ фронтѣ имѣлось не менѣе 180 тыс. штыковъ и сабель, соотвѣтственное количество орудій и пулеметовъ. Въ результатѣ полуторамѣсячныхъ боевъ мы имѣемъ жалкое топтаніе на мѣстѣ въ восточной половинѣ Южнаго фронта и тяжкое отступленіе, гибель частей, разстройство организаціи въ западной половинѣ. Другими словами, наше положеніе на Южномъ фронтѣ сейчасъ хуже, чѣмъ было въ тотъ моментъ, когда командованіе приступало къ выполненію своего апріорнаго плана. Было бы ребячествомъ закрывать на это глаза.

5. Попытки свалить отвѣтственность на состояніе армій Южнаго фронта, организацію аппарата и прочее являются въ корнѣ не состоятельными. Арміи Южнаго ни въ какомъ отношеніи не хуже армій Восточнаго фронта. 8-я армія вполнѣ равняется 5-й. Болѣе слабая 13-я армія во всякомъ случаѣ не ниже 4-й. 9-ая армія стоитъ примѣрно на томъ же уровнѣ, что 3-я. Въ значительной мѣрѣ эти арміи строились одними и тѣми же работниками, и для всякаго, кто наблюдалъ эти арміи въ періоды ихъ удачъ, какъ и неудачъ, чрезвычайной фальшью звучатъ рѣчи о какихъ-то организаціонныхъ и боевыхъ различіяхъ Южнаго и Восточнаго фронтовъ.

6. Вѣрно лишь то, что Деникинъ несравненно болѣе серьезный врагъ, чѣмъ Колчакъ. Дивизіи, перебрасывавшіяся съ Восточнаго фронта на Южный, отнюдь не оказывались выше дивизій Южнаго фронта. Это относится цѣликомъ къ командному составу. Наоборотъ, въ первый періодъ дивизіи Восточнаго фронта оказываются по общему правилу сла-

бѣе, пока не пріобрѣтаютъ сноровки въ новыхъ условіяхъ противъ новаго врага.

7. Но если врагъ на югѣ сильнѣе, то и мы были несравненно сильнѣе, чѣмъ были когда-либо на какомъ-либо изъ фронтовъ. Поэтому причины неудачи необходимо искать цѣликомъ въ оперативномъ планѣ. Мы пошли по линіи наибольшаго сопротивленія, т. е. части средней устойчивости направили по мѣстности, населенной сплошь казачествомъ, которое не наступаетъ, а обороняетъ свои станицы и очаги. Атмосфера «народной донской» войны оказываетъ разслабляющее вліяніе на наши части. Въ этихъ условіяхъ деникинскіе танки, умѣлое маневрированіе и прочее оказываются въ его рукахъ колоссальнымъ преимуществомъ.

8. Въ той области, гдѣ меньшія силы съ нашей стороны могли дать несравненно большіе результаты — на Донцѣ и на Украйнѣ, мы предоставили Деникину полную свободу дѣйствій и, такимъ образомъ, дали ему возможность пріобрѣсти колоссальный резервуаръ новыхъ формированій.

9. Всѣ разговоры о томъ, что Деникинъ на Украинѣ ничего не формируетъ, являются пустяками. Если на Украинѣ мало политически воспитанныхъ пролетаріевъ, что затрудняло наши формированія, то на Украинѣ очень много офицеровъ, помѣщичьихъ, буржуазныхъ сынковъ и озвѣрѣлаго кулачья. Такимъ образомъ въ то время, какъ мы напирали грудью на Донъ, увеличивая казачій барьеръ передъ собой, Деникинъ почти безъ помѣхъ занимается на всей территоріи новыми, особенно кавалерійскими формированіями. демагогия.

10. Ошибочность плана сейчасъ настолько очевидна, что возникаетъ вопросъ: какъ вообще этотъ планъ могъ возникнуть?

Возникновеніе его имѣетъ историческое объясненіе. Когда Колчакъ угрожалъ Волгѣ, главная опасность состояла въ соединеніи Деникина съ Колчакомъ. Въ письмѣ къ Колчаку Деникинъ назначалъ свиданіе въ Саратовѣ. Отсюда задача, выдвинутая его старымъ командованіемъ, создать на Царицынско-Саратовскомъ плесѣ крѣпкій кулакъ [1]).

Восточный фронтъ считалъ невозможнымъ въ этотъ періодъ передавать свои части. Тогдашнее командованіе обвиняло Восточный фронтъ въ задержкѣ. Послѣднее напирало на то, что проволочка не будетъ слишкомъ долгой и опасной, ибо части будутъ поданы непосредственно на лѣвый приволжскій флангъ Южнаго фронта.

Отголоски этихъ старыхъ плановъ плюсъ второстепенныя соображенія объ экономіи времени на переброску частей съ Восточнаго фронта привели къ созданію особой группы Шорина. Всѣ остальныя соображенія (о рѣшающемъ ударѣ по Донской, Кубанской базѣ и пр.) были притянуты за волосы уже постъ-фактумъ, когда несообразность апріорнаго плана стала обнаруживаться все рѣзче.

11. Теперь, чтобы скрасить дѣйствительные результаты, выдвинута новая гипотеза: если бы главныя силы не были сосредоточены на Царицынско-Новочеркасскомъ направленіи, то Деникинъ былъ бы въ Саратовѣ, и Сызранскій мостъ былъ бы взорванъ. Всѣ эти воображаемые страхи должны служить намъ компенсаціей за реальную опасность, угрожающую Орлу и Тулѣ, послѣ потери нами Курска. При этомъ игнорируется, что Донскому казачеству было бы также трудно наступать на Саратовъ, какъ намъ сейчасъ на Новочеркасскъ».

* * *

[1]) Напомнимъ, что, когда принятъ былъ этотъ планъ, Сибирскія арміи отошли уже за линію Уральскаго хребта.

Въ началѣ октября Вооруженныя силы Юга Россіи занимали фронтъ параллельно нижнему плесу Волги до Царицына и далѣе по линіи (примѣрно) Воронежъ—Орелъ—Черниговъ—Кіевъ—Одесса. Этотъ фронтъ прикрывалъ освобожденный отъ совѣтской власти раіонъ, заключавшій 16—18 губерній и областей, пространствомъ въ 810 тыс. кв. верстъ съ населеніемъ въ 42 милліона.

Положеніе совѣтской Россіи въ глазахъ совѣта комиссаровъ представлялось критическимъ. Совѣтскіе правители, не исключая Ленина, не только въ своемъ замкнутомъ кругу, но и въ открытыхъ, многолюдныхъ собраніяхъ не могли скрыть чисто животнаго страха передъ приближеніемъ Южныхъ армій... «Экономическая Жизнь», органъ высш. народн. хоз., осенью 1919 года писала: «Какъ это ни тяжело, но въ настоящее время необходимо отказаться отъ дальнѣйшаго продвиженія въ Сибири, а всѣ силы и средства мобилизовать для того, чтобы защитить само существованіе совѣтской республики отъ Деникинской арміи...»

ГЛАВА XII.

Большевицкое наслѣдіе въ освобожденныхъ раіонахъ. Повстанчество и махновщина.

Арміи Юга, двигаясь впередъ, шагъ за шагомъ освобождали огромныя территоріи Россіи, встрѣчая повсюду болѣе или менѣе однообразные слѣды разрушенія.

Первою на Московскомъ пути была освобождена Харьковская область. «Особая комиссія», обслѣдовавъ всесторонне тяжесть и послѣдствія шестимѣсячнаго большевицкаго владычества въ ней, нарисовала намъ картину по истинѣ тяжелаго наслѣдія.

Жестокое гоненіе на Церковь, глумленіе надъ служителями ея; разрушеніе многихъ храмовъ, съ кощунственнымъ поруганіемъ святынь, съ обращеніемъ дома молитвы въ увеселительное заведеніе... Покровскій монастырь былъ обращенъ въ больницу для сифилитиковъ-красноармейцевъ. Такія сцены, какъ въ Спасовомъ скиту, были обычными развлеченіями чиновной красноармейщины:

> «Забравшись въ храмъ подъ предводительствомъ Дыбенки, красноармейцы вмѣстѣ съ пріѣхавшими съ ними любовницами ходили по храму въ шапкахъ, курили, ругали скверно-матерно Іисуса Христа и Матерь Божію, похитили антиминсъ, занавѣсъ отъ Царскихъ вратъ, разорвавъ его на части, церковныя одежды, подризники, платки для утиранія губъ причащающихся, опрокинули Престолъ, пронзили штыкомъ икону Спасителя. Послѣ ухода безчинствовавшаго отряда въ одномъ изъ притворовъ храма были обнаружены экскременты» [1]).

Въ Лубнахъ передъ своимъ уходомъ большевики разстрѣляли поголовно, во главѣ съ настоятелемъ, монаховъ Спасо-Мгарскаго монастыря... Въ одной Харьковской губ. было замучено 70 священнослужителей...

Вся жизнь церковная взята была подъ сугубый надзоръ безвѣрной или иновѣрной власти: «крестить, вѣнчать и погребать безъ предварительнаго разрѣшенія товарищей Когана и Рутгайзера, завѣдующихъ соотвѣтственными отдѣлами Харьковскаго исполкома, было нельзя...» Интересно, что религіозныя пре-

---

[1]) Особая комиссія. «Харьковъ», стр. 15.

слѣдованія относились только къ православнымъ: ни инославные храмы, ни еврейскія синагоги въ то время нисколько не пострадали...

Большевики испакостили школу: ввели въ составъ администраціи коллегію преподавателей, учениковъ и служителей, возглавленную невѣжественными и самовластными мальчишками-комиссарами; наполнили ее атмосферой сыска, доноса, провокаціи; раздѣлили науки на «буржуазныя» и «пролетарскія»; упразднили первыя, и, не успѣвъ завести вторыхъ, 11 іюня декретомъ «Сквуза» [1]) закрыли всѣ высшія учебныя заведенія Харькова...

Большевицкая власть упразднила законы и судъ. Одни судебные дѣятели были казнены, другіе уведены въ качествѣ заложниковъ (67 лицъ). Достойно вниманія, что изъ числа уцѣлѣвшихъ чиновъ Харьковской магистратуры и прокуратуры ни одинъ, не взирая на угрозы и преслѣдованія, не поступилъ въ совѣтскія судебныя учрежденія... На мѣсто старыхъ установленій заведены были «трибуналы» и «народные суды», подчиненные всецѣло губернскому исполнительному комитету. Глубоко невѣжественные судьи этихъ учрежденій не были связаны «никакими ограниченіями въ отношеніи способовъ открытія истины и мѣры наказанія, руководствуясь... интересами соціалистической революціи и соціалистическимъ правосознаніемъ...» [2]). Практика этихъ судовъ, какъ свидѣтельствовали оставленныя ими дѣла, были полнымъ издѣвательствомъ надъ правомъ и человѣческой совѣстью или пошлымъ анекдотомъ.

Большевики упразднили городское самоуправленіе и передали дѣло въ руки «Отгорхоза» [3]). Благодаря неопытности, хищничеству, невѣроятному развитію штатовъ [4]), тунеядству и введенію 6-ти часового рабочаго дня, городское хозяйство было разрушено и разграблено, а дефицитъ въ Харьковѣ доведенъ до 13 милліоновъ.

Земское дѣло перешло къ Исполкомамъ и Совнархозамъ — комиссіямъ, составленнымъ преимущественно изъ городскихъ рабочихъ-коммунистовъ. Въ результатѣ:

> «Земскія больницы, школы были исковерканы, почтовыя станція уничтожены, заводскія конюшни опустошены, земскіе племенные разсадники скотоводства расхищены, склады и прокатные пункты земледѣльческихъ орудій разграблены, телефонная сѣть разрушена... мертвый инвентарь имѣній розданъ былъ «комбѣдами» по рукамъ, запасныя части растеряны и многія машины оказались непригодными... Если лошади и скотъ не расхищались, то они гибли изъ-за реквизиціи фуража, а реквизировался онъ членами продовольственныхъ комитетовъ и совнархозовъ, военной властью и чрезвычайкой... Хозяйничаніемъ большевиковъ уничтожены почти окончательно четыре государственныхъ конныхъ завода» [5]).

Комиссія пришла къ заключенію:

> «Пять мѣсяцевъ власти большевиковъ и земскому дѣлу, и сельскому хозяйству Харьковской губ. обошлись въ сотни милліоновъ рублей и отодвинули культуру на десятки лѣтъ назадъ»...

Всѣ стороны финансово-экономической жизни были потрясены до основанія.

---

[1]) «Сов. комисс. высш. учебн. завед.» подъ предсѣдательствомъ Майера.

[2]) Изъ временн. положен.» отъ 14 февраля 1919 г., издан. совнаркомомъ Украйны.

[3]) Отд. гор. хоз. при сов. раб. и солд. депут. Составъ его въ Харьковѣ: 1) Трамвайный вагоновожатый, 2) московскій рабочій, 3) харьковскій рабочій и 4) бухгалтерскій писарь.

[4]) Въ больницахъ, напримѣръ, наблюдалось нерѣдко превышеніе числа служащихъ надъ числомъ больныхъ.

[5]) Лимаревскій, Ново-Александровскій, Стрѣлецкій и Беркульскій.

Въ этой области политика большевиковъ на Украинѣ, усвоивъ многія черты нѣмецкой (во время оккупаціи), проявила явную тенденцію наводнить край безцѣнными бумажными знаками, выкачавъ изъ него всѣ цѣнности — товары, продукты, сырье. По поводу разрушенія торговаго аппарата органъ «Перваго всеукраинскаго съѣзда профессіональныхъ союзовъ», собравшагося 25 марта въ Харьковѣ, говорилъ:

«Нищій и разрушающійся городъ пытается въ процессѣ потребленія накопленныхъ благъ «перераспредѣлять» ихъ и тѣшится, стараясь облечь это хищническое потребленіе въ форму націонализаціи и соціализаціи. Производство... разваливается. Крестьянство за керенки ничего не даетъ; и, въ стремленіи наладить товарообмѣнъ съ деревней и выжать изъ производства побольше издѣлій, предприниматель - государство стало на путь утонченной эксплоатаціи рабочей силы»[1]).

Такой же хищническій характеръ носила и продовольственная политика. Декретомъ отъ 10 декабря 1918 года было разрѣшено всѣмъ организаціямъ и жителямъ сѣверныхъ губерній закупать на Украинѣ продукты «по средне рыночнымъ цѣнамъ». На деревню обрушился потокъ мѣшечниковъ, 17 заготовительныхъ организацій Великороссіи, кромѣ того «Губпродком» и три «Че-ка». Конкурренція, злоупотребленія, насилія, отсутствіе какого-либо плана привели къ неимовѣрному вздорожанію цѣнъ[2]), исчезновенію продуктовъ съ рынка и голоду въ этой россійской житницѣ. Харьковская губ. вмѣсто предположеннаго по разверсткѣ количества хлѣба 6 850 тыс., дала всего 129 тыс. пудовъ. Подобные же результаты получились по всей Украинѣ.

Совѣтская власть приняла мѣры чрезвычайныя: на деревню за хлѣбомъ двинуты были воинскіе продовольственные отряды — въ Харьковскую губернію 49 — и начали добывать его съ боемъ; одновременно, декретомъ отъ 24 апрѣля въ южныя губерніи приказано было переселить наиболѣе нуждающееся рабоче-крестьянское населеніе сѣвера. Наконецъ, въ виду полной неудачи всѣхъ мѣропріятій и назрѣвшей катастрофы, совѣтъ комиссаровъ объявилъ продовольственную диктатуру, незадолго до прихода въ раіонъ Добровольцевъ. Въ результатѣ — въ деревнѣ перманентные бои, требовавшіе иногда подкрѣпленій карательныхъ отрядовъ отъ войскъ, и въ городѣ голодъ. Буржуазія была предоставлена самой себѣ, а наиболѣе привилегированная часть населенія — пролетаріатъ Донецкаго бассейна горько жаловался «Наркомпроду»: «большинство рабочихъ рудниковъ и заводовъ голодаетъ и лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пользуется полуфунтовымъ хлѣбнымъ пайкомъ... Надвигающаяся черная туча не только захлестнетъ рабочую корпорацію, но и угаситъ революціонный духъ рабочихъ».

Такое положеніе установилось повсемѣстно. Коммунистическіе верхи гальванизировали еще политическія идеи борьбы, но въ ихъ призывахъ все чаще и настойчивѣе звучали мотивы иного порядка — экономическіе, болѣе понятные, болѣе соотвѣтствовавшіе массовой психологіи: голодный сѣверъ шелъ войной на сытый югъ, и югъ отстаивалъ цѣпко, съ огромнымъ напряженіемъ, свое благополучіе.

Заводы и фабрики обратились вообще въ кладбища—безъ кредита, безъ сырья и съ огромной задолженностью; вдобавокъ передъ приходомъ Добровольцевъ они были частью эвакуированы, частью разграблены. Большинство заводовъ стояло,

---

[1]) «Голосъ», статья Бару.

[2]) Колебаніе цѣны полнаго пайка въ Харьковѣ: въ декабрѣ къ приходу большевиковъ — 7 руб. 75 коп.; въ іюнѣ — 109 руб. 25 коп.; послѣ прихода Добровольцевъ понижается и къ августу составляетъ 33 руб. 50 коп.

а рабочіе ихъ получали солидную заработную плату отъ Совнархоза, за которую, однако... нельзя было достать хлѣба. Добыча угля Донецкаго бассейна, составлявшая въ 1916 году 148 милл. пудовъ (въ мѣсяцъ), послѣ перваго захвата большевиками (январь—май 1919 года) понизилась до 27 милліоновъ; и, поднявшись вновь за время нѣмецкой оккупаціи Украины до 48 милл., нисходила къ концу второго захвата (декабрь 1918 года—іюнь 1919 года) до 16—17 милл. пудовъ [1]). Южныя и Сѣверо-Донецкія дороги, по сравненію съ 1916 годомъ, за пять мѣсяцевъ большевицкаго управленія дали на 91,33% уменьшенія количества перевозокъ, на 108,4% увеличенія расхода угля, и общій дефицитъ 110 милл. рублей.

Повсюду — нищета и разореніе.

Наконецъ — эти могилы мертвыхъ и живыхъ — каторжная тюрьма, чрезвычайка и концентраціонный лагерь, гдѣ въ невыносимыхъ мученіяхъ гибли тысячи жертвъ, гдѣ люди-звѣри — Саенко, Бондаренко, Ивановичъ и многіе другіе били, пытали, убивали и такъ называемыхъ «враговъ народа», и самый неподдѣльный, безвинный «народъ»!

— Сегодня разстрѣлялъ 85 человѣкъ. Какъ жить пріятно и легко!..

Такими внутренними эмоціями своими дѣлился съ очередной партіей обреченныхъ жертвъ знаменитый садистъ Саенко. По ремеслу столяръ, потомъ последовательно городовой, военный дезертиръ, милиціонеръ и, наконецъ, почетный палачъ совѣтскаго застѣнка.

Ему вторилъ другой палачъ — бѣглый каторжникъ Ивановичъ:

— Бывало, раньше совѣсть во мнѣ заговоритъ, да теперь прошло — научилъ товарищъ стаканъ крови человѣческой выпить: выпилъ — сердце каменнымъ стало.

Въ руки подобныхъ людей была отдана судьба населенія большого культурнаго университетскаго города.

* * *

Я остановился на положеніи при большевикахъ Харьковскаго раіона, важнѣйшаго театра нашихъ военныхъ дѣйствій, на которомъ развертывались операціи Добровольческой Арміи; но, за малыми различіями въ ту или другую сторону, въ такомъ же положеніи находились Кіевщина и Новороссія. Менѣе другихъ пострадалъ Крымъ, гдѣ вторичный захватъ власти большевиками длился всего лишь два мѣсяца (апрѣль—май), и страшнѣе всего, убійственнѣе всего было состояніе Царицынскаго раіона, гдѣ большевицкій переворотъ совершился задолго до «октября» — еще въ концѣ марта 1917 года, гдѣ коммунистическая власть правила безъ перерыва въ теченіе двухъ съ лишнимъ лѣтъ, а самый городъ, представляя ближайшій тылъ постоянно угрожаемаго фронта, навлекалъ на себя чрезвычайныя репрессіи. «Въ концѣ концовъ — говорится въ описаніи Особой комиссіи — все населеніе, кромѣ власть имущихъ и ихъ присныхъ, обратилось въ какіе-то ходячіе трупы. Не только на лицахъ жителей не было улыбки, но и во всемъ существѣ ихъ отражались забитость, запуганность и полная растерянность. Два съ лишнимъ года владычествовали большевики въ Царицынѣ и уничтожили въ немъ все — семью, промышленность, торговлю, культуру, самую жизнь. Когда 17 іюня 1919 года городъ, наконецъ, былъ освобожденъ отъ этого

[1]) Послѣ занятія раіона Добровольцами добыча къ октябрю давала 42 милліона.

ига, онъ казался совершенно мертвымъ и пустыннымъ, и только черезъ нѣсколько дней началъ, какъ муравейникъ, оживать».

На четвертый день послѣ занятія Царицына я посѣтилъ городъ, въ которомъ не только отъ людей, но, казалось, отъ стѣнъ домовъ, отъ камней мостовой, отъ глади рѣки вѣяло еще жуткимъ мертвящимъ дыханіемъ пронесшагося смерча . . .

* * *

Система большевицкаго управленія отчасти оживила повстанческое движеніе на Югѣ, уходившее истоками своими къ временамъ гетманщины и австро-нѣмецкой оккупаціи, отчасти создавала новые очаги возстаній, захватывавшихъ огромные раіоны по преимуществу правобережной Украины, Новороссіи, Екатеринославщины и Тавріи. Въ одной только полосѣ — между Днѣпромъ и Горынью, западнѣе Кіева, насчитывалось 22 «атамана», во главѣ сильныхъ повстанческихъ бандъ. Они то работали самостоятельно, то объединялись въ крупные отряды подъ начальствомъ болѣе популярныхъ «атамановъ» и «батекъ». Особенной извѣстностью пользовались Зеленый, дѣйствовавшій въ западной части Полтавской губ. и въ окрестностяхъ Кіева, Григорьевъ — въ низовьяхъ Днѣпра и Махно — въ Тавріи и Екатеринославской губ.

Чрезвычайно сложна массовая психологія, питавшая повстанческое движеніе, разнообразны его внѣшнія формы и искусственно навязываемые ему политическіе лозунги. Я остановлюсь на тѣхъ элементахъ движенія, которые представляются мнѣ неоспоримыми.

Прежде всего въ основаніи его лежали несомнѣнно историческая быль и легенда, оживленныя революціей и опредѣлившія территоріальное распространеніе повстанчества. Сообразно съ этимъ прошлымъ и территоріей, характеръ его, сохраняя общій колоритъ, различенъ въ деталяхъ. Такъ на сѣверѣ Украины болѣе спокойное и хозяйственное крестьянство вносило въ повстанчество болѣе организованныя формы и положительныя цѣли — самообороны и правопорядка; на Югѣ свирѣпствовали безъ плана и опредѣленной цѣли гайдамачина и «вольное казачество» — буйное, безшабашное и распутное. На востокѣ располагалась вотчина «батьки Махно» — въ раіонѣ, гдѣ начавшійся въ 18 вѣкѣ приливъ великороссовъ-переселенцевъ изъ наиболѣе безпокойнаго элемента создалъ богатѣйшія поселенія — по внѣшности только малорусскія. Атавизмъ, типичныя черты русскаго безъидейнаго анархизма, сосѣдство и близкое общеніе съ крупными промышленными центрами, просторъ полей, сытость и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тяга къ ненавидимому городу и къ его привлекательнымъ соблазнамъ, наложила здѣсь особый колоритъ на повстанческое движеніе. Ограбленіе городовъ, напримѣръ, было однимъ изъ серьезнѣйшихъ двигателей махновскаго воинства [1]).

Толчкомъ къ повстанческому движенію послужилъ несомнѣнно аграрный вопросъ. Деревня поднялась «за землю» противъ «пана», владѣвшаго ею, противъ гетмана, какъ власти, покровительствующей «пану», противъ нѣмца, какъ защищающаго «пана» и отбирающаго хлѣбъ. Объектами жестокой расправы повстанцевъ были поэтому помѣщики, державная варта и австро-германцы, когда съ послѣдними можно было справиться. Но съ уходомъ оккупаціонныхъ войскъ и по мѣрѣ ликвидаціи помѣщичьяго землепользованія и удовлетворенія земельной

---

[1]) Въ 1905 году въ этомъ раіонѣ было серьезное возстаніе. Крестьянскій вооруженный отрядъ во главѣ съ Дейнегой велъ даже бой съ войсками.

жажды, этотъ стимулъ теряетъ свою остроту на западѣ и мало выдвигается въ махновскомъ раіонѣ.

Антиеврейское настроеніе въ повстанчествѣ было всеобщимъ, стихійнымъ, имѣло корни въ прошломъ и подогрѣвалось виднымъ участіемъ евреевъ въ составѣ совѣтской власти. Большинство «атамановъ», отвѣчая этому настроенію, призывали открыто къ еврейскимъ погромамъ; Григорьевъ звалъ на борьбу «съ политическими спекулянтами... изъ Московской обжорки и той земли, гдѣ распяли Христа»; Махно, какъ говоритъ его апологетъ Аршиновъ [1]), наоборотъ, преслѣдовалъ погромщиковъ и даже въ 1919 году, очевидно, подъ вліяніемъ наѣхавшихъ членовъ анархической группы «Набатъ», въ числѣ которыхъ было не мало евреевъ, подписалъ воззваніе противъ національной травли и въ защиту «бѣдныхъ мучениковъ-евреевъ», противополагая ихъ «еврейскимъ банкирамъ». Въ искренности самого Махно, въ качествѣ защитника евреевъ, позволительно усумниться; что же касается махновцевъ, то и настроеніе, и практика ихъ ничѣмъ не отличались отъ чувствъ и дѣлъ правобережной гайдамачины.

И волна еврейскихъ погромовъ заливала всю Украину.

Такимъ же всеобщимъ, стихійнымъ настроеніемъ была ненависть къ большевикамъ. Послѣ краткаго выжидательнаго періода, даже послѣ содѣйствія, которое оказывали немногіе, впрочемъ, повстанческіе отряды въ началѣ 1919 года вторженію на Украину большевиковъ, украинское крестьянство стало въ ярко враждебное отношеніе къ совѣтской власти. Къ власти, приносившей имъ безправіе и экономическое порабощеніе; къ строю, глубоко нарушавшему ихъ собственническіе инстинкты, теперь еще болѣе углубленные; къ п р и ш е л ь ц а м ъ, подошедшимъ къ концу дѣлежа «матеріальныхъ завоеваній революціи» и потребовавшимъ себѣ крупную долю... Расправы съ большевицкими властями носили характеръ необыкновенно жестокій.

Шесть режимовъ, смѣнившихся до того на Украинѣ, и явная слабость всѣхъ ихъ вызвали вообще въ народѣ обостреніе тѣхъ пассивно-анархическихъ тенденцій, которыя были въ немъ заложены извѣчно. Вызвали неуваженіе къ власти вообще, независимо отъ ея содержанія. Безвластіе и безнаказанность таили въ себѣ чрезвычайно соблазнительныя и выгодныя перспективы, по крайней мѣрѣ на ближайшее время; а власть, при томъ всякая, ставила извѣстныя стѣсненія и требовала неукоснительно хлѣба и рекрутъ. Борьба противъ в л а с т и, какъ таковой, становится со временемъ главнымъ стимуломъ махновскаго движенія, заслоняя собой всѣ прочія побужденія соціально-экономическаго характера.

Наконецъ, весьма важнымъ стимуломъ повстанческаго движенія былъ г р а б е ж ъ. Повстанцы грабили города и села, буржуевъ и трудовой народъ, другъ друга и сосѣдей. И въ то время, когда вооруженныя банды громили Овручъ, Фастовъ, Проскуровъ и другія мѣста, можно было видѣть сотни подводъ, запружавшихъ улицы злополучнаго города съ м и р н ы м и крестьянами, женщинами и дѣтьми, собирающими добычу. Между атаманами не разъ безмолвно или полюбовно устанавливались зоны ихъ дѣйствій и не только для операцій противъ большевиковъ, но и для сбора добычи... 14 іюля 1919 года Махно, заманивъ Григорьева на повстанческій съѣздъ, собственноручно убилъ его. Офиціальная версія партійныхъ анархистовъ называетъ это убійство казнью «врага народа», устроившаго еврейскій погромъ въ Елисаветградѣ и для борьбы съ большевиками не пренебрегавшаго никакими союзниками, даже, якобы, Добровольческой Арміей... Гораздо правильнѣе, однако, другая версія — о двухъ паукахъ въ одной банкѣ, о борьбѣ двухъ «атамановъ» за власть и вліяніе на тѣсномъ про-

[1]) «Исторія Махновскаго движенія».

странствѣ нижняго Днѣпра [1]), куда загнала ихъ судьба и наступленіе Вооруженныхъ силъ Юга.

Какъ бы то ни было, всеобщій популярный лозунгъ повстанцевъ, пронесшійся отъ Припяти до Азовскаго моря, звучалъ грозно и опредѣленно:

— Смерть панамъ, жидамъ и коммунистамъ!

Махновцы къ этому перечню прибавляли еще и «поповъ», а понятіе «панъ» распространяли на всѣхъ «бѣлогвардейцевъ», въ особенности на офицеровъ.

И когда послѣдніе попадались въ руки махновцамъ, ихъ постигала неминуемо лютая смерть.

* * *

Въ гораздо меньшей, почти незамѣтной степени отражались въ повстанчествѣ элементы политическій и національный (самостійный), которые привносили въ дѣло только верхи.

Повстанчество дѣйствительно привело Директорію въ Кіевъ, но тотчасъ же сбросило ее, когда Петлюра попытался положить предѣлъ безчинствамъ бандъ. Весною и лѣтомъ 1919 года при большевицкомъ режимѣ прежнія связи Директоріи съ нѣкоторыми изъ отрядовъ возобновились вновь, но едва ли не исключительно ради снабженія ихъ деньгами, оружіемъ и патронами, которые щедро отпускалъ Петлюровскій штабъ. Интересы совпадали, и совмѣстная борьба продолжалась, но борьба «противъ большевиковъ», а не «за Петлюру». Григорьевъ [2]) съ Херсонскими повстанцами въ январѣ 1919 года измѣнилъ Петлюрѣ и перешелъ къ большевикамъ; а въ апрѣлѣ измѣнилъ большевикамъ. И въ своемъ «универсалѣ», понося и гетманщину, и петлюровщину и «московскую обжорку», призывалъ украинскій народъ «взять власть въ свои руки»: «Пусть не будетъ диктатуры ни лица, ни партіи. Да здравствуетъ диктатура трудящагося народа». При этомъ объявлялъ мобилизацію и разъяснялъ туманную форму этой «народной» диктатуры: «Приказъ мой прошу исполнить, все остальное сдѣлаю самъ...» Махно [3]) отметалъ самостійность и искалъ «братской живой связи съ революціонной Украиной и революціонной Россіей»; дважды онъ поступалъ на службу къ совѣтской власти для совмѣстной борьбы противъ Вооруженныхъ силъ Юга и дважды, по миновании въ немъ надобности, былъ разгромленъ большевиками.

Наша кіевская тайная организація по собственной иниціативѣ связалась со штабомъ Зеленаго [4]) въ Трипольѣ. Прибывшихъ туда офицеровъ не допустили къ самому атаману; они бесѣдовали только съ двумя лицами политическаго окруженія его, назвавшимися одинъ бывшимъ редакторомъ украинской газеты «Народная Воля», а другой — бывшимъ офицеромъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка Грудинскимъ. Оба они заявили, что стоятъ на точкѣ зрѣнія независимости Украины. Ее долженъ отдѣлять отъ Великороссіи «кордонъ», такъ какъ теперь

---

[1]) Между Екатеринославомъ — Елисаветградомъ — Александровскомъ.

[2]) Бывшій офицеръ.

[3]) Махно — крестьянинъ села Гуляй-Поле, Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губ. Послѣдовательно — подпасокъ, батракъ, рабочій-литейщикъ. Въ 1908 году, на 19-мъ году отъ роду, за убійство урядника приговоренъ былъ къ повѣшенію, замѣненному безсрочной каторгой. 9 лѣтъ провелъ въ Бутырской каторжной тюрьмѣ. Въ 1917 году выпущенъ, какъ «политическій», возвратился въ свое село и началъ формировать повстанческій отрядъ.

[4]) О Зеленомъ имѣются только свѣдѣнія, что онъ окончилъ въ Трипольи двухклассное училище.

среди бѣлаго дня происходитъ грабежъ украинскаго хлѣба. «Мы признаемъ совѣты — говорили они — но наши совѣты особые... Должна быть украинская совѣтская республика». При этомъ редакторъ и измайловецъ увѣряли, что Зеленый ни въ какихъ отношеніяхъ съ Петлюрой не состоитъ.

Повсюду въ раіонѣ Зеленаго расклеены были плакаты упрощеннаго политическаго содержанія:

«Хай живе Вільна Украина! Геть всеросcійскіх узурпаторів! Геть Раковського и жидів комиссарів» [1]).

Всѣ эти политическіе союзы, самостійные лозунги и схемы государственнаго устройства исходили или лично отъ «атамановъ» и «батекъ», или отъ ихъ политическаго окруженія, вербовавшагося, главнымъ образомъ, изъ украинскихъ соціалистовъ и тонкаго слоя украинской полуинтеллигенціи — сельскихъ учителей, кооператоровъ и другихъ — почти сплошь приверженцевъ Директоріи. Въ народѣ же и повстанчествѣ ни самостійничество, ни шовинизмъ сколько-нибудь серьезно не проявлялись. Если понятіе «москаль» становилось одіознымъ, то вовсе не по признаку національному, родовому, а по отожествленію его съ тѣми пришлыми людьми — комиссарами, членами военно-революціонныхъ комитетовъ, чрезвычаекъ и карательныхъ отрядовъ, съ тѣми «кровопійцами и паразитами народными», которые сдѣлали жизнь въ конецъ непереносимой. Къ нимъ, и только къ нимъ, оставалось неизмѣннымъ чувство смертельной вражды.

Если на западѣ сохранилась все же извѣстная видимость петлюровскаго вліянія, то на востокѣ его не было никогда. Вообще, всѣ стремленія какъ націоналистическихъ, такъ и партійныхъ организацій овладѣть повстанческимъ движеніемъ и использовать его въ своихъ интересахъ, не увѣнчались успѣхомъ. Оно оставалось до конца *низовымъ, народнымъ*. Національзмъ его — отъ Сагайдачнаго, анархизмъ — отъ Стеньки Разина. Къ нему *пристраивались* украинскіе соціалисты, но никогда *не вели* его.

Партія русскихъ анархистовъ вначалѣ не рѣшилась отожествлять себя съ махновщиной, заявивъ, что махновщина «не была опредѣленной анархической организаціей. будучи шире ея и являясь массовымъ соціальнымъ движеніемъ украинскихъ тружениковъ». Тѣмъ не менѣе, анархисты приложили къ движенію свой штампъ и нынѣ облекаютъ его легендой. Весною 1919 года въ Гуляй-Польскій раіонъ прибыли представители анархическихъ организацій и въ томъ числѣ «конфедераціи „Набатъ"». Анархисты взяли въ свои руки «культурно-просвѣтительный отдѣлъ арміи», стали издавать газеты «Набатъ», «Путь къ свободѣ» и подводить «платформу» и идеологію подъ махновское движеніе: «Отрицаніе принципа государственности и всякой власти, объединеніе трудящихся всего міра и всѣхъ національностей, полное самоуправленіе трудящихся у себя на мѣстахъ, введеніе вольныхъ трудовыхъ совѣтовъ крестьянскихъ и рабочихъ организацій...» «Просвѣтительная» дѣятельность апостоловъ анархизма и практика повстанцевъ шли, однако, расходящимися путями. «Безвластныя формы управленія» не получили никакого развитія «по обстоятельствамъ военнаго времени». Напротивъ, жизнь отвѣтила погромами, «добровольной» мобилизаціей и самообложеніемъ — по типу, принятому въ современной Венгріи [2]) и «добровольной» дисциплиной — со смертной казнью за неповиновеніе... Одинъ изъ участниковъ борьбы съ махновцами, шедшій долгое время по ихъ слѣдамъ, свидѣтельствуетъ, что

---

[1]) За правильность правописанія не ручаюсь.

[2]) Въ Венгріи «нежелающихъ» поступить на военную службу среди лицъ опредѣленнаго возрастнаго ценза не можетъ быть, такъ какъ съ ними расправились бы жестоко.

положеніе тамъ мобилизованныхъ, составлявшихъ половину силъ Махно, было весьма тяжелымъ: «Имъ не вѣрили, ихъ пороли плетьми и за малѣйшее желаніе уклониться отъ службы разстрѣливали; въ случаѣ же неудачнаго боя бросали на произволъ судьбы».

Легенда облекаетъ и личность Махно — отважнаго и очень популярнаго разбойника и талантливаго партизана — въ одежды «идейнаго анархиста», хотя, по признанію его же біографа и апологета, «каторга была собственно единственной школой, гдѣ Махно почерпнулъ историческія и политическія знанія, послужившія ему огромнымъ подспорьемъ въ его политической дѣятельности...» [1]). Но русскій анархизмъ, давшій всемірно извѣстныхъ теоретиковъ Крапоткина и Бакунина, въ практической дѣятельности партіи на всемъ протяженіи русской смуты представляетъ одинъ сплошной трагическій фарсъ. И было бы, конечно, непредусмотрительнымъ не присвоить себѣ единственнаго серьезнаго движенія и не канонизировать въ свои вожди Махно — столь яркую фигуру безвременья, хотя и съ разбойничьимъ обличьемъ [2]). Тѣмъ болѣе, что колесо исторіи можетъ повернуться... На это обстоятельство разсчитываетъ также и польское правительство, проявившее въ отношеніи Махно, интернированнаго въ 1922—24 годахъ въ Польшѣ [3]), несвойственное полякамъ благодушіе. Махно считается, повидимому, полезнымъ сотрудникомъ для будущаго.

* * *

Дѣйствія повстанческихъ отрядовъ вносили подчасъ весьма серьезныя осложненія въ стратегію всѣхъ борющихся сторонъ, ослабляя попеременно то одну, то другую, внося хаосъ въ тылу и отвлекая войска съ фронта. Объективно повстанчество являлось факторомъ положительнымъ для насъ на территоріи, занятой врагомъ, и тотчасъ же становилось ярко отрицательнымъ, когда территорія попадала въ наши руки. Поэтому съ повстанчествомъ вели борьбу всѣ три режима — петлюровскій, совѣтскій и Добровольческій. Даже факты добровольнаго перехода къ намъ нѣкоторыхъ повстанческихъ бандъ являлись только тяжелой обузой, дискредитируя власть и армію. «Наибольшее зло — писалъ мнѣ генералъ Драгомировъ [4]) — это атаманы, перешедшіе на нашу сторону, вродѣ Струка. Это типичный разбойникъ, которому суждена несомнѣнно висѣлица. Принимать ихъ къ намъ и сохранять ихъ отряды — это только порочить наше дѣло. При первой возможности его отрядъ буду расформировывать». Вмѣстѣ съ тѣмъ, генералъ Драгомировъ считалъ необходимымъ поставить борьбу съ бандитизмомъ на первый планъ, ибо «ни о какомъ гражданскомъ правопорядкѣ невозможно говорить, пока мы не сумѣемъ обезпечить самое элементарное спокойствіе и безопасность личную и имущественную...»

Атаманство приносило съ собой элементы дезорганизацій и разложенія, махновщина, кромѣ того, была наиболѣе антагонистична идеѣ бѣлаго движенія. Эта

---

[1]) Аршиновъ. «Исторія Махновскаго движенія».

[2]) Между прочимъ изъ-за матроса Желѣзнякова, разогнавшаго Учредительное Собраніе и впослѣдствіи убитаго въ бою съ Добровольцами, идетъ большой споръ между анархистами и коммунистами, оспаривающими другъ у друга честь — числить его въ своихъ рядахъ.

[3]) Извѣстный процессъ Махно по обвиненію въ военномъ заговорѣ съ большевиками противъ Польши.

[4]) Главноначальствующій Кіевской областью. Сентябрь 1919 года.

точка зрѣнія впослѣдствіи, въ Крымскій періодъ, претерпѣла въ глазахъ новаго командованія нѣкоторыя измѣненія. Въ іюнѣ 1920 года по порученію генерала Врангеля въ станъ Махно явился посланецъ, привезшій письмо изъ штаба:

«Атаману Повстанческихъ войскъ Махно.

Русская армія идетъ исключительно противъ коммунистовъ, съ цѣлью помочь народу избавиться отъ коммуны и комиссаровъ и закрѣпить за трудовымъ крестьянствомъ земли государственныя, помѣщичьи и другія частновладѣльческія. Послѣднее уже проводится въ жизнь.

Русскіе солдаты и офицеры борятся за народъ и его благополучіе. Каждый, кто идетъ за народъ, долженъ идти рука объ руку съ нами. Поэтому теперь усильте работу по борьбѣ съ коммунистами, нападая на ихъ тылъ, разрушая транспортъ и всемѣрно содѣйствуя намъ въ окончательномъ разгромѣ войскъ Троцкаго. Главное командованіе будетъ посильно помогать Вамъ вооруженіемъ, снаряженіемъ, а также спеціалистами. Пришлите своего довѣреннаго въ штабъ со свѣдѣніями, что Вамъ особенно необходимо и для согласованія боевыхъ дѣйствій.

Начальникъ штаба Главнокомандующаго Вооруженными силами, генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ Шатиловъ.

Генералъ-квартирмейстеръ, генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Коноваловъ.

18 іюня 1920 года. Городъ Мелитополь».

На засѣданіи повстанческаго командного состава, по иниціативѣ Махно, было рѣшено: «Какой бы делегатъ ни былъ присланъ отъ Врангеля и вообще справа, онъ долженъ быть казненъ и никакихъ отвѣтовъ не можетъ быть дано»[1].

Посланца тутъ же публично казнили.

* * *

Я приведу общую оцѣнку наслѣдія, полученнаго нами отъ большевиковъ, исходящую изъ враждебнаго бѣлому движенію меньшевицкаго лагеря[2]).

«Добровольческая Армія шла, предшествуемая и поддерживаемая крестьянскими волненіями. Въ странѣ происходили глубокіе сдвиги... Широкіе слои населенія оказались захваченными національно-реакціонными настроеніями. Въ эти дни національнаго психоза, взрыва утробной ненависти къ революціи, дикихъ расправъ на улицахъ надъ коммунистами и «коммунистами», — тѣ, кто былъ противъ Добровольческой Арміи, представляли изъ себя узкую и вынужденно молчаливую общественную среду, одиноко затерявшуюся среди поднявшихся волнъ враждебныхъ настроеній.

Обнаружилось и еще одно явленіе. Крыло реакціонныхъ настроеній коснулось и рабочей массы. Какъ могло это случиться? Это глубоко интересный и важный политическій и соціально-психологическій вопросъ. Отвѣтъ на него лежитъ въ томъ историческомъ матеріалѣ, который характеризуетъ совѣтскую фазу 1919 года. Въ ней — корни позднѣйшихъ настроеній... На разбитой, развороченной украинской почвѣ большевицкій терроризмъ въ этотъ періодъ выросъ въ анархическое, анти-общественное явленіе. Спеціальныя условія мѣста и времени создавали какую-то гипертрофію «военнаго коммунизма». Деклассированные элементы получали все большую свободу своего формированія и господства. Дѣлались тысячи нелѣпостей и преступленій. Кровь лилась потоками безцѣльно, какъ никогда. Положеніе рабочихъ организацій

[1]) П. Аршиновъ. «Исторія Махновскаго движенія».
[2]) Кучинъ-Оранскій. «Добровольческая зубатовщина».

становилось все болѣе стѣсненнымъ. Изоляція власти отъ пролетаріата шла подстегнуто быстрыми шагами. Быстро сгорали иллюзіи и настроенія послѣ «петлюровской весны».

Сильное распространеніе разочарованія, настроеній недовольства и часто озлобленія, на почвѣ указанныхъ общихъ свойствъ политики предыдущаго періода (совѣтскаго) и продовольственнаго кризиса, замѣчалось въ пролетаріатѣ все болѣе ярко...»

На русскомъ «погостѣ» еще не смолкли «плачъ и рыданія» у свѣжихъ могилъ, у гетакомбъ, воздвигнутыхъ кровавой работой Лациса, Петерса, Кедрова, Саенко и другихъ — въ проклятой памяти чрезвычайкахъ, «подвалахъ», «оврагахъ», «корабляхъ смерти» Царицына, Харькова, Полтавы, Кіева... Различны были способы мученій и истребленія русскихъ людей, но неизмѣнной оставалась система террора, проповѣдуемая открыто съ торжествующей наглостью. На Кавказѣ чекисты рубили людей тупыми шашками надъ вырытой приговоренными къ смерти могилою; въ Царицынѣ удушали въ темномъ, смрадномъ трюмѣ баржи, гдѣ обычно до 800 человѣкъ по нѣсколько мѣсяцевъ жили, спали, ѣли и тутъ же... испражнялись... Въ Харьковѣ спеціализировались въ скальпированіи и сниманіи «перчатокъ». Повсюду избивали до полусмерти, иногда хоронили заживо. Сколько жертвъ унесъ большевицкій терроръ, мы не узнаемъ никогда [1]). Безумная большевицкая власть не щадила ни «алой», ни «черной» крови, земля одѣлась въ трауръ, и приходъ арміи освободительницы отзывался, какъ радостный благовѣстъ, въ измученныхъ душахъ.

Иногда, впрочемъ, въ этотъ радостный переливъ врывались тревожные звуки набата... Такъ было въ Екатеринославѣ, въ Воронежѣ, Кременчугѣ, Конотопѣ, Фастовѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ набѣгающая волна казачьихъ и Добровольческихъ войскъ оставляла и грязную муть во образѣ насилій, грабежей и еврейскихъ погромовъ.

Никакихъ, рѣшительно никакихъ оправданій этому явленію не можетъ быть. И не для умаленія вины и масштаба содѣянныхъ преступленій, но для уразумѣнія тогдашнихъ настроеній и взаимоотношеній я приведу слова человѣка, окунувшагося въ самую гущу воспоминаній, свидѣтельствъ и синодиковъ страшнаго времени:

«Нельзя пролить болѣе человѣческой крови, чѣмъ это сдѣлали большевики; нельзя себѣ представить болѣе циничной формы, чѣмъ та, въ которую облеченъ большевицкій терроръ. Эта система, нашедшая своихъ идеологовъ, эта система планомѣрнаго проведенія въ жизнь насилія, это такой открытый апофеозъ убійства, какъ орудія власти, до котораго не доходила еще никогда ни одна власть въ мірѣ. Это не эксцессы, которымъ можно найти въ психологіи гражданской войны то или иное объясненіе.

«Бѣлый» терроръ — явленіе иного порядка. Это, прежде всего, эксцессы на почвѣ разнузданности власти и мести. Гдѣ и когда въ актахъ правительственной политики и даже въ публицистикѣ этого лагеря вы найдете теоретическое обоснованіе террора, какъ системы власти? Гдѣ и когда звучали голоса съ призывомъ къ систематическимъ, офиціальнымъ убійствамъ? Гдѣ и когда это было въ правительствѣ генерала Деникина, адмирала Колчака или барона Врангеля?..

Нѣтъ, слабость власти, эксцессы, даже классовая месть и... апофеозъ террора — явленія разныхъ порядковъ» [2]).

---

[1]) «Особая комиссія по разслѣдованію злодѣяній большевиковъ» исчисляла число жертвъ террора за 1918—19 гг. въ 1 700 тысячъ человѣкъ.

[2]) «Красный терроръ въ Россіи», Мельгуновъ.

Несомнѣнно, подобное сравненіе находило тогда откликъ въ широкихъ народныхъ массахъ, которыя не могли не чувствовать глубокой разницы между двумя режимами — краснымъ и бѣлымъ, не взирая на всѣ извращенія и «черныя страницы» бѣлаго движенія.

Большевицкое наслѣдіе открывало одновременно и огромныя положительныя возможности, и огромныя трудности. Первыя — въ общемъ чувствѣ ненависти къ свергнутой коммунистической власти и въ сочувствіи къ избавителямъ; вторыя — въ страшномъ разстройствѣ всѣхъ сторонъ народно-государственной жизни.

Я лично изъ своихъ поѣздокъ по освобожденнымъ раіонамъ вскорѣ послѣ ихъ занятія, въ особенности изъ посѣщеній Харькова и Одессы — въ ихъ неофиціальной, нерегламентированной расписаніями части — вынесъ много отрадныхъ впечатлѣній. Крѣпло убѣжденіе, что бѣлое движеніе не встрѣчаетъ идейнаго противодѣйствія въ народѣ и что успѣхъ его несомнѣненъ, если только сочувствіе страны претворится въ активную помощь и если «черныя страницы» не затемнятъ Бѣлую идею.

И еще одно «если», едва ли не важнѣйшее...

Однажды въ собраніи ростовскихъ гражданъ [1]), заканчивая обзоръ общей политики правительства, я говорилъ:

> «Революція безнадежно провалилась. Теперь возможны только два явленія: эволюція или контръ-революція.
>
> Я иду путемъ эволюціи, памятуя, что новые крайніе утопическіе опыты вызвали бы въ странѣ новыя потрясенія и неминуемое пришествіе самой черной реакціи.
>
> Эта эволюція ведетъ къ объединенію и спасенію страны, къ уничтоженію старой бытовой неправды, къ созданію такихъ условій, при которыхъ были бы обезпечены жизнь, свобода и трудъ гражданъ, ведетъ, наконецъ, къ возможности въ нормальной, спокойной обстановкѣ созвать Всероссійское учредительное собраніе.
>
> Страшно тяжелъ этотъ путь. Словно плугъ по дикой, поросшей чертополохомъ цѣлинѣ, національная идея проводитъ глубокія борозды по русскому полю, гдѣ все разрушено, все загажено, гдѣ со всѣхъ сторонъ встаютъ какъ будто непреодолимыя препятствія.
>
> Но будетъ вспахано поле, если...
>
> Я скажу словами любимаго писателя. Давно читалъ. Передамъ быть можетъ не дословно, но вѣрно.
>
> «Бываютъ минуты, когда наша пошехонская страна приводитъ меня въ изумленіе. Но такой минуты, когда бы сердце мое перестало болѣть по ней, я положительно не запомню. Бѣдная эта страна, ее любить надо».
>
> Вотъ въ этой то чистой любви нашей къ Родинѣ — залогъ ея спасенія и величія».

[1]) Изъ рѣчи на банкетѣ 31 іюля.

ГЛАВА XIII.

Принципы, положенные въ основу временнаго устройства территоріи Юга. Вопросъ о новообразованіяхъ. Административное дѣленіе. Національные вопросы: украинскій, татарскій, горскій и еврейскій.

Въ основу временнаго устройства территоріи В. С. Юга положено было сохраненіе единства Россійской державы, при условіи предоставленія автономіи отдѣльнымъ народностямъ и самобытнымъ образованіямъ (казачество), а также — широкой децентрализаціи всего государственнаго управленія.

Этотъ принципъ, въ части, касающейся новообразованій, отвѣчая глубокому убѣжденію правившихъ круговъ Юга и раздѣляемый тогда широкой русской общественностью, создалъ намъ не мало серьезнѣйшихъ затрудненій, пагубно отразившихся на ходѣ борьбы; затрудненій — чисто политическихъ — въ отношеніи западныхъ лимитрофовъ [1]) и практическихъ — въ сношеніяхъ съ Закавказскими новообразованіями и казачьими областями. Съ послѣдними, впрочемъ, за исключеніемъ Кубани, тренія возникали не столько по вопросу объ единствѣ, сколько о порядкѣ его осуществленія и о предѣлахъ самоуправленія.

Мы были ригористичны не только въ духѣ, но и въ формахъ опредѣленія государственной связи, считая, что юридическіе элементы федераціи — сговоръ и двустороннее октроированіе — нарушатъ самую идею національнаго единства Россіи и создадутъ для будущей общерусской власти не малыя затрудненія и опаснѣйшіе прецеденты. Но при этомъ мы упускали изъ виду три важныхъ обстоятельства: что отрывъ окраинъ съ теченіемъ времени становился все рѣзче, углубляясь «давностью», государственной практикой и международными отношеніями; что форма «федераціи» не предрѣшала еще внутренняго содержанія ея, которое могло стать вполнѣ разумнымъ и справедливымъ, не нарушая государственныхъ интересовъ Россіи; что, наконецъ, временныя россійскія правительства Юга и Востока, лишенныя преемственности власти и исторической традиціи, не могли разсчитывать на скорое, безболѣзненное и всеобщее признаніе.

Въ отношеніи казачества — этотъ формальный ригоризмъ дѣйствительно затруднялъ и затягивалъ соглашеніе. Но въ отношеніи западныхъ и закавказскихъ лимитрофовъ онъ не имѣлъ практическаго значенія: они, какъ мы видѣли, не мирились съ иной формой своего бытія, какъ только суверенной, независимой.

Съ тѣхъ поръ, подъ вліяніемъ неудачъ, постигшихъ противобольшевицкое движеніе, въ русскомъ общественномъ мнѣніи произошелъ извѣстный сдвигъ: даже въ тѣхъ зарубежныхъ кругахъ, для которыхъ понятіе «автономія» было нѣкогда одіознымъ, послышались щедрые посулы, «признанія» и благословеніе нашимъ окраинамъ на раздѣльное существованіе ихъ отъ метрополіи. Свидѣтельствуетъ ли это явленіе о потерѣ національнаго самосознанія? Думаю, что нѣтъ. Этотъ новый курсъ — скорѣе ложь во спасеніе — такъ называемая «мудрая» политика, «искусная» тактика, гипнозъ и въ конечномъ счетѣ бронзовые векселя, какъ плата за участіе окраинъ въ освобожденіи Россіи. Ибо можно спорить о формахъ сожительства, о той или другой степени государственной самостоятельности нашихъ окраинъ, но считать возможнымъ окончательное отторженіе ихъ

---

[1]) Непосредственныя сношенія выражались лишь въ ликвидаціи самозарождавшихся консульствъ лимитрофовъ, до «Бѣлорусскаго» включительно, занимавшихся главнымъ образомъ освобожденіемъ русскихъ молодыхъ людей отъ воинской повинности путемъ выдачи подложныхъ паспортовъ. Этимъ небезвыгоднымъ дѣломъ занималось между прочимъ и персидское консульство.

отъ Россіи[1]) — это значитъ не отдавать себѣ отчета въ закономѣрномъ ходѣ историческихъ событій. И врядъ ли на этотъ счетъ могутъ особенно заблуждаться государственные мужи новообразованій и ихъ западные покровители. Государственная связь Россіи съ ея окраинами предрѣшена исторіей, экономикой, рынками, направленіемъ жел.-дор. магистралей, обороноспособностью рубежей, психологіей русскаго общества, всей совокупностью культурно-хозяйственнаго развитія обѣихъ сторонъ и обоюдными интересами. Связь будетъ возстановлена: скоро или нескоро, добровольно — путемъ сговора или насильственно — таможенной, экономической войной или наступленіемъ армій. И это сдѣлаетъ всякая Россія — «красная», «розовая», «бѣлая» или «черная», не желающая задохнуться въ предѣлахъ тѣхъ искусственныхъ рубежей, въ которые ее заключили міровая война и смута.

Практика совѣтской власти какъ будто противорѣчитъ этому положенію, допуская существованіе независимыхъ прибалтійскихъ образованій. Но это только кажущееся противорѣчіе. На протяженіи 1918—25 гг. было немало такихъ моментовъ, когда совѣтская власть могла легко, безъ особаго труда покончить съ западными лимитрофами. Она сдѣлала это по отношенію къ Грузіи, Азербейджану и Арменіи, которые стояли поперекъ пути къ источникамъ нефти и къ распространенію коммунистическаго вліянія въ Средней Азіи. И наоборотъ, совѣты пошли на тяжелыя жертвы, неоправдываемыя нисколько политическими и стратегическими условіями, чтобы заключить миръ съ прибалтійскими образованіями. Чтобы тѣмъ прорвать политическую, моральную и экономическую блокаду, въ которой держали совѣтскую Россію западныя государства и держатъ ее до сихъ поръ, не взирая на «признанія». Чтобы прорубить «окно въ Европу», создавъ на нейтральной почвѣ своего рода свободную факторію для комиссіонныхъ или прямыхъ торговыхъ сдѣлокъ, для облегченія сношеній съ внѣшнимъ міромъ, для спекуляціи, пропаганды и заговоровъ. По мѣрѣ вступленія совѣтовъ въ непосредственныя отношенія съ западными державами, эта комиссіонная роль прибалтійской факторіи теряетъ свое значеніе, и отношеніе къ лимитрофамъ Москвы рѣзко мѣняется. Придетъ пора, когда «клочки бумаги» будутъ порваны и брошены въ мусоръ и миръ рухнетъ.

И прибалтійскимъ лимитрофамъ надлежало бы заблаговременно рѣшить дилемму — что лучше: стать ли составной самоуправляющейся частью новой свободной Россійской державы или, пройдя черезъ кровь, грязь и разрушеніе, влиться въ общій котелъ совѣтскаго централизма, прикрытаго внѣшне маской «союза совѣтскихъ республикъ . . .»

Ибо третьяго рѣшенія не дано.

* * *

Въ основу децентрализаціи управленія положено было дѣленіе занимаемой территоріи на области. Этотъ вопросъ получилъ теоретическую разработку въ трудахъ «Подготовительной по національнымъ дѣламъ комиссіи»[2]) и обсуждался въ засѣданіяхъ Особаго Совѣщанія. Я не буду останавливаться на деталяхъ и варіантахъ неосуществившагося положенія и коснусь только тѣхъ сто-

[1]) Я не говорю о Польшѣ и о Финляндіи.

[2]) Работы профессоровъ А. Билимовича, Погодина, П. М. Богаевскаго, Д. Н. Вергуна и друг.

ронъ его, которыя характеризуютъ обще-политическія тенденціи южной власти.

Автономное управленіе предположено было строить не только по признакамъ національнымъ, но и по соображеніямъ иного порядка: по удобству расчлененія, разъединеннаго существованія и самоуправленія земель, по географическому ихъ положенію, экономическимъ различіямъ, исконному тяготѣнію къ опредѣленнымъ центрамъ и т. д. Изъ общей схемы областного устройства по моему убѣжденію не могли быть исключены центральныя великорусскія губерніи, такъ какъ раздѣльное существованіе сдѣлало бы ихъ маломощными въ культурномъ и экономическомъ отношеніи передъ лицомъ могучихъ хозяйственно-административныхъ объединеній южной Россіи. Поэтому, при дальнѣйшемъ развитіи военныхъ операцій намѣчалось созданіе крупныхъ областей — Московской и Приволжской.

Первый національный вопросъ, который сталъ на очередь, былъ украинскій. У правительства, поддержаннаго тогдашнимъ общественнымъ мнѣніемъ и научными силами, составился твердый и неизмѣнный взглядъ на національное, религіозное и культурное единство русскаго народа въ лицѣ трехъ вѣтвей его — великорусской, малорусской и бѣлорусской. Эти вѣтви отличаются мѣстными особенностями, но творили купно свою исторію, представляющую, по выраженію проф. Ключевскаго, «широкій обще-русскій потокъ событій, образующійся изъ сліянія крупныхъ и мелкихъ мѣстныхъ ручьевъ». Конечно, эти особенности имѣли полное право на вниманіе къ себѣ со стороны власти.

Въ Крыму мы столкнулись съ менѣе серьезнымъ вопросомъ — татарскимъ. Тамъ съ приходомъ Добровольцевъ воскресли враждебные русской національной идеѣ татарскій парламентъ «Курултай» и правительство («директорія»), въ періодъ нѣмецкой оккупаціи стремившіеся къ «возстановленію въ Крыму татарскаго владычества» [1]). Они не отказались отъ своихъ «державныхъ» правъ. Но правительство Юга не признавало преобладающаго значенія татарскаго народа на территоріи всероссійской здравницы Крыма, тѣмъ болѣе, что татары составляли только 20—25% всего населенія полуострова. Курултай и Директорія были упразднены административнымъ распоряженіемъ, и континентальные уѣзды Крыма включены на общемъ основаніи въ составъ Таврической губ. Татарамъ предоставлена была культурно-религіозная автономія, при чемъ мусульманскій съѣздъ долженъ былъ опредѣлить и создать органы, вѣдающіе этими отраслями народной жизни [2]).

Территоріи бывшей гетманской Украины и Крыма не были сохранены въ своихъ границахъ. Исходя изъ соображеній общегосударственныхъ, изъ необходимости той же децентрализаціи — ихъ постановлено было раздѣлить на 3 области [3]): Кіевскую, Харьковскую и Новороссійскую.

* * *

---

[1]) См. томъ III, гл. VI.

[2]) Мы сдѣлали ошибку, возстановивъ временно, до съѣзда прежнее непопулярное «духовное управленіе» съ муфтіемъ во главѣ.

[3]) Предположенный составъ областей:

1. Кіевской: губ. Кіевская, Волынская, Подольская, кромѣ Балтскаго уѣзда, большая часть Полтавской и Черниговской губерній.
2. Харьковской (горнопромышленной): Харьковская губ., малорусскія части Курской и Воронежской губ., часть Полтавской губ., Екатеринославская, Криворожскій раіонъ Херсонской губ. и три сѣверн. уѣзда Таврической.
3. Новороссійской: Херсонская губ., кромѣ Кривого Рога, Крымскій полуостровъ, Балтскій уѣздъ Подольской губ., и по возвращеніи Бессарабія, имѣющая свое собственное расширенное самоуправленіе.

На Сѣверномъ Кавказѣ мы встрѣтились съ многостороннимъ націонализмомъ горскихъ племенъ, осложненнымъ дѣятельностью горскаго Меджилиса, панисламистскимъ и пантурецкимъ теченіями. Объ этихъ явленіяхъ и борьбѣ съ ними я говорю въ соотвѣтствующихъ главахъ. Здѣсь я напомню только, что въ политикѣ Меджилиса, гдѣ авантюризмъ игралъ большую роль, чѣмъ націонализмъ, внѣшнее объединеніе несродныхъ, зачастую даже враждебныхъ другъ другу элементовъ кавказской мозаики, являлось не самоцѣлью, а чьимъ-либо «орудіемъ»; при томъ — орудіемъ, направленнымъ всегда противъ Россіи. Правительство Юга, ведя борьбу за цѣлость государства, вынуждено было препятствовать такому политическому объединенію, отнюдь, однако, не стремясь къ подавленію національной жизни горцевъ и не отрицая возможности объединеннаго представительства ихъ при высшей краевой власти[1]. Поэтому, сообразно съ величиной территоріи и культурнымъ уровнемъ населенія, горскимъ племенамъ предоставлено было достаточно широкое самоуправленіе въ ихъ этнографическихъ границахъ, съ выборной администраціей и съ полнымъ невмѣшательствомъ власти въ вопросы религіи, шаріата и народнаго образованія, кромѣ... ассигнованія съ этой цѣлью пособій отъ казны. Горскіе округа въ порядкѣ высшаго управленія включены были въ составъ Сѣверо-Кавказской (Терско-Дагестанской) области — совмѣстно съ землею Терскаго войска, въ виду крайней черезполосицы и необходимости примиренія интересовъ казаковъ и горцевъ.

Наконецъ, за казачьими областями признавалось принципіальное право автономіи, при чемъ, однако, автономный Терекъ по мотивамъ изложеннымъ выше, долженъ былъ войти въ составъ Сѣверо-Кавказской области, а Астраханское войско, не имѣвшее сплошной территоріи, въ порядкѣ высшаго управленія входило въ составъ Астраханскаго края, совмѣстно съ иногородними и калмыками. Казачьи войска должны были перейти на автономное положеніе тотчасъ послѣ заключенія договора, а прочія области — по мѣрѣ снятія въ нихъ военнаго положенія. При этомъ въ центрахъ областей предположено было собрать «областныя думы», какъ высшіе органы мѣстнаго самоуправленія.

* * *

Стратегическія условія, разграничительныя линіи между арміями, случайное и, конечно, не соотвѣтствовавшее административнымъ границамъ измѣненіе линіи фронта — все это требовало извѣстныхъ временныхъ отступленій отъ принятыхъ схемъ. И къ осени 1919 г., къ моменту наибольшаго распространенія территоріи В. С. Ю. Р., административное устройство ея было слѣдующимъ:

1. Сѣверо-Кавказская область: Дагестанъ, Осетія, Ингушетія, Кабарда, Чечня, Ставропольская губ., южная часть Астраханской и, условно, Терская область.
2. Кубань — самостоятельная область.
3. Черноморская губ. — на правахъ области, съ особымъ главноначальствующимъ.
4. Донъ — самостоятельная область.
5. Командующему Донской арміей на правахъ главноначальствующаго подчинена была южная часть Воронежской губ.

---

[1]) Выборные помощникъ главноначальствующаго и совѣтъ при немъ.

6. Командующему Кавказской арміи на такомъ же основаніи — часть Саратовской губ.
7. Харьковская область (главноначальствовалъ командующій Добровольческой арміей)[1]: Харьковская, Екатеринославская губ., части Курской и Орловской губ.
8. Кіевская область: Части Кіевской, Волынской, Черниговской и Полтавской губ.
9. Новороссійская область: Херсонская, Таврическая губ. и часть Подольской.

Вездѣ на территоріи, непосредственно подчиненной главному командованію, кипѣла война — съ большевиками, «зелеными» или повстанцами, и потому переходъ отъ полувоеннаго къ нормальному гражданскому управленію все затягивался.

* * *

Въ августѣ, передъ освобожденіемъ Кіева, было опубликовано «обращеніе главнокомандующаго къ населенію Малороссіи». Составлено оно было въ управленіи народнаго просвѣщенія, при близкомъ участіи проф. Новгородцева.

«Доблестью и кровью армій одна за другой освобождаются русскія области отъ ига безумцевъ и предателей, давшихъ обманутому народу рабство вмѣсто счастья и свободы.

Къ древнему Кіеву, «матери городовъ русскихъ», приближаются полки въ неудержимомъ стремленіи вернуть русскому народу утраченное имъ единство, то единство, безъ котораго великій русскій народъ, обезсиленный и раздробленный, теряя молодыя поколѣнія въ братоубійственныхъ междуусобіяхъ, не въ силахъ былъ бы отстоять свою независимость; — то единство, безъ котораго немыслима полная и правильная хозяйственная жизнь, когда сѣверъ и югъ, востокъ и западъ обширной державы въ свободномъ обмѣнѣ несутъ другъ другу все, чѣмъ богатъ каждый край, каждая область; — то единство, безъ котораго не создалась бы мощная русская рѣчь, въ равной долѣ сотканная вѣковыми усиліями Кіева, Москвы и Петрограда.

Желая обезсилить русское государство прежде, чѣмъ объявить ему войну, нѣмцы задолго до 1914 года стремились разрушить выкованное въ тяжелой борьбѣ единство русскаго племени.

Съ этой цѣлью ими поддерживалось и раздувалось на югѣ Россіи движеніе, поставившее себѣ цѣлью отдѣленіе отъ Россіи ея девяти южныхъ губерній, подъ именемъ «Украинской Державы». Стремленіе отторгнуть отъ Россіи малорусскую вѣтвь русскаго народа не оставлено и понынѣ. Былые ставленники нѣмцевъ — Петлюра и его соратники, положившіе начало расчлененію Россіи, продолжаютъ и теперь совершать свое злое дѣло созданія самостоятельной «Украинской Державы» и борьбы противъ возрожденія Единой Россіи.

Однако же, отъ измѣнническаго движенія, направленнаго къ раздѣлу Россіи, необходимо совершенно отличать дѣятельность, внушенную любовью къ родному краю, къ его особенностямъ, къ его мѣстной старинѣ и его мѣстному народному языку.

Въ виду сего, въ основу устроенія областей Юга Россіи и будетъ положено начало самоуправленія и децентрализаціи при непремѣнномъ уваженіи къ жизненнымъ особенностямъ мѣстнаго быта.

---

[1]) Командующіе арміями пользовались правами главноначальствующихъ въ своихъ зонахъ; по мѣрѣ продвиженія къ сѣверу и выхода ихъ войскъ изъ предѣловъ данной области они должны были передавать власть особо назначаемымъ постояннымъ главноначальствующимъ.

«Оставляя государственнымъ языкомъ на всемъ пространствѣ России языкъ русскій, считаю совершенно недопустимымъ и запрещаю преслѣдованіе малорусскаго народнаго языка. Каждый можетъ говорить въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, земскихъ, присутственныхъ мѣстахъ и судѣ — по малорусски. Частныя школы, содержимыя на частныя средства, могутъ вести преподаваніе на какомъ угодно языкѣ. Въ казенныхъ школахъ, если найдутся желающіе учащіеся, могутъ быть учреждаемы уроки малорусскаго народнаго языка въ его классическихъ образцахъ. Въ первые годы обученія въ начальной школѣ можетъ быть допущено употребленіе малорусскаго языка для облегченія учащимся усвоенія первыхъ начатковъ знанія. Равнымъ образомъ не будетъ никакихъ ограниченій въ отношеніи малорусскаго языка въ печати».

. . . .

Актъ этотъ былъ встрѣченъ общественнымъ мнѣніемъ различно. Россійскія политическія группы отнеслись къ нему въ общемъ благопріятно, а умѣренные соціалисты, группировавшіеся вокругъ Союза Возрожденія, считали лишь необходимымъ предоставить еще земскимъ и городскимъ самоуправленіямъ на Украинѣ право открывать среднюю школу съ преподаваніемъ на малорусскомъ языкѣ, а въ высшей школѣ допускать чтеніе лекцій на этомъ языкѣ въ случаѣ желанія лекторовъ и слушателей.

Особой непримиримостью въ украинскомъ вопросѣ отличался кіевскій «блокъ русскихъ избирателей» В. В. Шульгина. Оттуда, по словамъ ген. Драгомирова, раздавались требованія «совершенно игнорировать какія бы то ни было особенности малорусскаго края». Тамъ «не переносятъ самого слова «украинцы» и, чтобы его вырвать съ корнемъ, требуютъ самой рѣшительной борьбы, до насильственнаго перекрашиванія магазинныхъ вывѣсокъ включительно». «Шульгинъ — писалъ генералъ Драгомировъ — самъ еще терпимъ и умѣренъ, но Савенко — это какой-то фанатикъ идеи...»[1]).

Совершенно противоположныхъ взглядовъ придерживалось Кіевское «Національное объединеніе»[2]), которое, признавая наличіе особаго украинскаго народа, считало необходимымъ дать ему всецѣло украинскія школы, не исключая и высшей. Одинъ изъ послѣдователей этого взгляда, сенаторъ Чубинскій[3]) говорилъ: «воззваніе генерала Деникина... больно ударило не только по самостійникамъ, но и по всѣмъ тѣмъ, кто, стоя на почвѣ государственнаго единства Россіи и автономіи Украины, высоко цѣня русскій языкъ, какъ выразителя русской культуры, желалъ широкихъ правъ и для своего языка, который онъ горячо любилъ по завѣту Шевченки «не цуратся своего...»

Практика нѣсколько измѣняла основныя положенія декларации, какъ въ силу наличія въ составѣ мѣстной администраціи лицъ, видѣвшихъ проявленіе сепаратизма и въ бытовыхъ особенностяхъ, такъ и потому, что для немногочисленныхъ украинизированныхъ къ тому времени учебныхъ заведеній отказъ въ казенномъ содержаніи былъ равносиленъ ихъ упраздненію. Между тѣмъ, украинизированная школа находилась почти исключительно въ рукахъ сепаратистовъ. Школьныя «спілкі» и «просвіты», въ особенности при наличіи въ нихъ пришлаго элемента — галичанъ, подобно «спілкам» кооперативнымъ, служили зачастую очагами самостійности и петлюровской пропаганды. Украинская школа была къ сожалѣнію

---

[1]) Савенко былъ назначенъ на должность начальника кіевскаго отд. пропаганды по настоянію Шульгина и предс. Ос. Сов. Въ ноябрѣ оставилъ свой постъ.

[2]) Блокъ к.-д., н.-ц., «Единства», въ частности отдѣловъ Нац. цент. и Союз. Возр.; преобладалъ послѣдній съ Одинцомъ во главѣ.

[3]) Бывш. гетманскій министръ, впослѣдствіи оберъ-прокуроръ прав. Сената въ Новочеркасскѣ.

болѣе орудіемъ политики, чѣмъ культуры, и потому содержаніе ея на государственныя средства представлялось нераціональнымъ.

Въ этихъ сепаратистскихъ кругахъ не были совершенно удовлетворены актомъ о школѣ и языкѣ. Такъ, Полтавская школьная рада постановила продолжать преподаваніе на украинскомъ языкѣ, полагая, что «приказъ противорѣчитъ автономіи, дезорганизуетъ школьное дѣло, деморализуетъ учителей и учениковъ и противорѣчитъ основнымъ принципамъ педагогіи»; впрочемъ, подъ давленіемъ самого населенія, на собраніи 20 сентября она отмѣнила свое рѣшеніе... Въ Кіевѣ «правленіе работниковъ школы» выразило свой протестъ; но общее собраніе кіевскихъ учителей черезъ нѣсколько дней, въ противовѣсъ мнѣнію незначительной части сепаратистовъ, вынесло резолюцію о служеніи «тѣмъ идеаламъ, которые несетъ Добровольческая Армія» и о «строительствѣ свободной, обновленной Россіи, въ которой найдется мѣсто всѣмъ населяющимъ ее народностямъ...»[1]).

Болѣе спокойно отнесся къ акту Харьковъ, гдѣ вообще были очень слабы самостійныя тенденціи, и болѣе экспансивно Екатеринославщина, гдѣ проявлялось сильное тяготѣніе къ Директоріи.

Нечего и говорить, что въ станѣ украинскихъ соціалистовъ и петлюровскихъ тайныхъ организацій актъ былъ использованъ для самой отчаянной агитаціи противъ Южной власти. При этомъ укр. соц.-дем. партія, говоря объ «угнетеніи Украины», не различала никакихъ «россійскихъ режимовъ»: «одним загальним табуном суне на насі наш край, поперемінно то руська демократія часів Керенського, то азіятсько-московскій большевизм, то реакція и черна сотня в особі добровольців...» Партія требовала не заключать «ніякоі згоди» и призывала народъ «до боротьбы с північним ворогом — москалем».

Существовало, впрочемъ, и иное мнѣніе, которое высказывала газета «Рада» перомъ виднаго украинскаго публициста С. Ефремова: «нарешті украинська школа, украинська освіта буде развиватися не на помочах державних субсидій і державних милостей, а на непокітному грунти — на національной свідомости... Ми тілько виграемо».

* * *

Вопросъ о томъ, вмѣстно ли на землѣ святого Владимира ставить русскихъ людей въ положеніе «національныхъ меньшинствъ» и русскій языкъ — въ разрядъ иностранныхъ, во мнѣ не вызывалъ и не вызываетъ сомнѣній. Другой вопросъ — о размѣрахъ культурнаго самоопредѣленія. Въ дни мира и спокойствія онъ можетъ получить болѣе широкое развитіе; но съ большой осторожностью приходилось относиться къ нему въ дни тяжелой и страстной борьбы, когда «культура» сплелась нераздѣльно съ «политикой», когда поборники украинской культуры въ огромномъ большинствѣ случаевъ совмѣщали и отождествляли ее съ принципами украинской независимости.

Практически же вопросъ этотъ не имѣлъ вовсе такого значенія, какое ему придано было впослѣдствіи при учетѣ причинъ неудачи бѣлаго движенія на Югѣ: никакіе, самые широчайшіе посулы въ области культуры не могли привлечь къ нашему дѣлу сердца украинскихъ сепаратистовъ; федералисты были немощны и почти безгласны.

---

[1]) Засѣданіе 5 сентября 1919 г.

А народъ?

Народъ чрезвычайно мало интересовался своей исторической родословной. Ему были одинаково невѣдомы и чужды теоріи и изысканія и Ключевскаго, и М. Грушевскаго.

* * *

Другой чрезвычайно серьезный національный вопросъ, съ которымъ намъ пришлось столкнуться главнымъ образомъ при вступленіи на территорію Украины — былъ вопросъ еврейскій. До того случаи возбужденія его, требовавшіе правительственнаго вмѣшательства, были рѣдки и единичны. Я помню первый эпизодъ такого рода. Черноморскій военный губернаторъ донесъ объ усиленной скупкѣ евреями земли на побережьи въ спекулятивныхъ цѣляхъ. Я положилъ резолюцію — «воспретить»; въ вѣдомственномъ исполненіи эта резолюція вылилась въ офиціальное распоряженіе нотаріусамъ черезъ Екатеринодарскую судебную палату «воспретить евреямъ пріобрѣтеніе земли въ собственность и въ аренду на всемъ пространствѣ Черноморской губ». Это распоряженіе привлекло вниманіе печати, вызвало волненіе среди еврейства и усиленную агитацію противъ командованія. Вскорѣ послѣдовало разъясненіе, что борьбу противъ злостной спекуляціи надлежитъ вести «независимо отъ того, лицами какой національности таковая спекуляція производится...»

Другой эпизодъ касался личнаго состава отдѣла пропаганды. Изъ правыхъ общественныхъ круговъ и изъ арміи шли непрерывныя и яростныя атаки на «Освагъ», переполненный, якобы, евреями; начальство отдѣла отстаивало нѣкоторыхъ «второстепенныхъ» или «незамѣнимыхъ» работниковъ и реабилитировало «въ еврействѣ» другихъ. Я лично считалъ нецѣлесообразнымъ и при создавшихся условіяхъ острой борьбы вреднымъ участіе евреевъ въ органѣ правительственной пропаганды и ставилъ начальнику отдѣла соотвѣтственное требованіе. Тѣмъ не менѣе, положеніе дѣлъ до самого конца оставалось неизмѣннымъ: одни считали Освагъ «жидовствующимъ», другіе «погромнымъ». Вѣроятно нѣкоторое основаніе эти опредѣленія находили дѣйствительно въ работѣ отдѣльныхъ сотрудниковъ вѣдомства, никогда не отличавшагося единствомъ политическаго направленія.

Третій эпизодъ, болѣе серьезный, имѣлъ мѣсто въ арміи. Со временъ Керенскаго въ рядахъ арміи находилось нѣсколько десятковъ офицеровъ-евреевъ; часть ихъ попала и въ Добровольческую Армію, а нѣсколько человѣкъ совершили съ ней Первый походъ. При послѣдующихъ мобилизаціяхъ эти офицеры явились въ полки, но офицерское общество отказалось ихъ принять; устранены были также изъ частей тѣ офицеры-евреи, которые состояли въ нихъ раньше. По жалобѣ одного изъ нихъ — первопоходника, дважды раненаго въ бояхъ, я потребовалъ отъ командующаго Добровольческой Арміей, ген. Май-Маевскаго принять рѣшительныя мѣры противъ самочинныхъ дѣйствій частей. Но мѣры эти разбились о пассивное сопротивленіе офицерской среды. Чтобы не подвергать законъ завѣдомому попранію и людей безвинныхъ нравственнымъ страданіямъ, я вынужденъ былъ отдать приказъ объ оставленіи офицеровъ-евреевъ въ запасѣ.

Такъ же плохо стоялъ вопросъ съ евреями-солдатами. Первыя мобилизаціи малороссійскихъ губерній принесли контингенты евреевъ-новобранцевъ и призывныхъ въ запасные батальоны. Изъ тѣхъ батальоновъ, гдѣ евреи скопились въ болѣе значительномъ числѣ, начали поступать донесенія о рѣзкой враждѣ къ нимъ со стороны прочихъ солдатъ и даже о нарушеніи на этой почвѣ дисципли-

ны; евреи подвергались постоянному глумленію; съ ними не хотѣли жить въ одномъ помѣщеніи и ѣсть изъ одного котла. Начальство запасныхъ батальоновъ принимало мѣры противодѣйствія этому явленію, и, не преуспѣвъ въ этомъ, вынуждено было обыкновенно изолировать евреевъ въ отдѣльныя роты. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно входило съ представленіями о прекращеніи призыва евреевъ, какъ элемента въ боевомъ отношеніи мало удовлетворительнаго, а въ бытовомъ — представляющаго большую обузу. Но если въ отношеніи офицеровъ освобожденіе ихъ отъ службы было только правоограниченіемъ, то подобная общая мѣра, была бы уже правонарушеніемъ. Отбываніе воинской повинности, будучи не малою тяготой, вмѣстѣ съ тѣмъ юридически являлось правомъ гражданъ. Лишеніе этого права цѣлой національности, прежде всего, поражало бы морально ея самосознаніе, являлось бы офиціальнымъ ея осужденіемъ и давало бы лишній серьезный поводъ для юдофобскихъ настроеній.

Жизнь сама вносила извѣстные коррективы: частью отъ дезертирства, частью, вѣроятно, отъ умышленно строгихъ требованій при пріемѣ, еврейскіе контингенты не были многочисленны, и, выйдя изъ запасныхъ батальоновъ, разсасывались по частямъ. Назрѣвавшее бытовое явленіе становилось эпизодическимъ, теряя значительно свою остроту и болѣзненность. О гоненіяхъ на отдѣльныхъ солдатъ-евреевъ въ частяхъ мнѣ слышать не приходилось.

Но худшее было впереди.

Волна антисемитскаго настроенія охватила Югъ задолго до вступленія армій въ «черту осѣдлости». Оно проявлялось ярко, страстно, убѣжденно — въ верхахъ и низахъ, въ интеллигенціи, въ народѣ и въ арміи; у петлюровцевъ, повстанцевъ, махновцевъ, красноармейцевъ, зеленыхъ и бѣлыхъ. Если на одномъ флангѣ политическаго фронта антисемитизмъ проявлялся открыто и въ формулахъ лапидарныхъ, то на противоположномъ — гдѣ еврейское равноправіе считалось всегда однимъ изъ боевыхъ программныхъ пунктовъ, а защита еврейства — традиціей, чувство антипатіи къ нимъ и осужденія не разъ также прорывалось наружу. Его не могли скрыть и нѣкоторые изъ лѣвыхъ дѣятелей, даже тогда, когда въ разговорѣ со мной возмущенно и искренно осуждали насилія надъ евреями.

Войска Вооруженныхъ силъ Юга не избѣгли общаго недуга и запятнали себя еврейскими погромами на путяхъ своихъ отъ Харькова и Екатеринослава до Кіева и Каменецъ-Подольска.

Внутреннія язвы загноились въ атмосферѣ ненавистничества.

Погромы несли бѣдствіе еврейскому населенію, они же поражали духъ самихъ войскъ, извращая ихъ психику, разрушая дисциплину, внося развалъ. Это могли не видѣть только слѣпые. И только ослѣпленіемъ можно объяснить тотъ довольно распространенный среди еврейства взглядъ, что «погромы, какъ часть военнаго быта, органически связаны съ военной и соціально-политической программой Добровольческой Арміи...» [1]). Могу увѣрить этихъ лицъ, что, если бы при тогдашнихъ настроеніяхъ придать «программный» характеръ борьбѣ съ еврействомъ, мало того — если бы только войска имѣли малѣйшее основаніе полагать, что высшая власть одобрительно относится къ погромамъ, то судьба еврейства южной Россіи была бы несравненно трагичнѣе...

* * *

---

[1]) Штифъ. «Погромы на Украйнѣ». Отождествленіе Добр. Арміи съ вооруж. сил. Юга, куда входили и казаки, и горцы, имѣетъ иногда свои неудобства. Книжка Штифа изображаетъ дѣло крайне тенденціозно. Между прочимъ, онъ смѣшиваетъ Добр. Арм. съ «Южной» — организаціей герц. Лейхтенбергскаго, Акацатова, Семенова, приписывая намъ юдофобскія деклараціи Южной арміи.

Чѣмъ же объяснить это тяжелое явленіе, для котораго прежнія опредѣленія — историческая традиція, «зоологическій націонализмъ», темнота массъ и предразсудки — уже не могутъ исчерпать его содержанія.

Звѣриные инстинкты, поднятые войной и революціей, углубленная жажда къ запретнымъ прежде и теперь доступнымъ благамъ жизни, всеобщая распущенность, развалъ, утрата нравственнаго критерія и обезцѣненіе человѣческой крови и жизни — вотъ одна серія причинъ погромовъ вообще. Гдѣ ужъ тамъ требовать отъ бурно-кипящей массы особаго милосердія и человѣколюбія къ «чужимъ», когда на протяженіи нѣсколькихъ лѣтъ съ исключительной жестокостью и садизмомъ дробятся черепа «своимъ» и разбойнымъ образомъ «перераспредѣляются» накопленныя ими цѣнности...

Но есть много причинъ и другого порядка, которыя еврейская пресса замалчиваетъ или опровергаетъ, вмѣсто изысканія путей къ ихъ устраненію...

Къ числу наиболѣе серьезныхъ изъ этихъ причинъ надлежитъ отнести фактъ переполненія еврейскимъ элементомъ всѣхъ органовъ совѣтской власти въ пропорціи, совершенно несоразмѣрной ихъ процентному отношенію къ прочему населенію [1]). «Особая комиссія по разслѣдованію злодѣяній большевиковъ» натолкнулась на такое явленіе: «при допросахъ свидѣтелей, въ ихъ показаніяхъ постоянно проскальзывало стремленіе подчеркнуть особливое участіе въ рядахъ руководящей власти евреевъ». Не считая возможнымъ «изслѣдовать вопросъ, такъ какъ массы такому изслѣдованію могли бы придать совершенно превратное значеніе и тѣмъ усилить и безъ того напряженное состояніе національной вражды», комиссія все же не могла замолчать явнаго, бьющаго въ глаза засилія евреевъ во всѣхъ областяхъ совѣтскаго управленія. Въ особенности, гдѣ шло гоненіе на Церковь, тамъ безъ поясненій становилось понятнымъ, что «планомѣрное направленіе гоненія (находилось) въ рукахъ некрещеныхъ, иноплеменныхъ большевиковъ, увлеченныхъ своей ненавистью къ православію до того, что они даже не приняли мѣръ къ сокрытію своего руководящаго въ этомъ гоненіи участія».

Это разслѣдованіе, различныя сводки, показанія и, прежде всего, большой объективный матеріалъ въ видѣ подлинныхъ приказовъ, отчетовъ, статей совѣтскихъ чиновниковъ - евреевъ обличали въ нихъ, наряду съ невѣжествомъ, большую наглость и презрѣніе къ подвѣдомственному имъ населенію. Вопросъ этотъ вѣроятно слишкомъ наболѣлъ въ свое время, потому что въ харьковскихъ «Извѣстіяхъ» появилось объясненіе его въ статьѣ главнаго сотрудника газеты Равича:

> «Русскій человѣкъ, въ кавычкахъ, имѣетъ воспаленное зрѣніе. Онъ ненавидитъ евреевъ, и каждый еврей выростаетъ въ его глазахъ въ мозолящую его глаза величину. Я не хочу скрыть отъ читателей, что въ совѣтскихъ учрежденіяхъ кое-гдѣ замѣчается, что евреи-служащіе по отношенію къ остальнымъ составляютъ бо́льшій процентъ, чѣмъ это составляетъ ихъ процентное отношеніе къ населенію. Но нужно помнить, что въ царское время оставались большіе кадры свѣжей, работоспособной, дѣловой еврейской интеллигенціи, силы и способности которыхъ нигдѣ не примѣнялись. Русскій интеллигентъ при самодержавіи превратился въ тупого чиновника, еврей въ поискахъ заработка пускался на разные пути, которые выработали въ немъ, наряду съ прекраснѣйшей приспособленностью, и многія отрицательныя стороны. Вотъ почему съ приходомъ революціи евреи влились въ совѣтскія учрежденія, заняли тамъ мѣста. Еврейская интеллигенція послѣ революціи увидѣла передъ собой возможность приложить свои знанія и способности и хлынула въ совѣтскія учрежденія. Тутъ и только тутъ лежитъ коренная причина нѣкотораго несоотвѣтствія количе-

[1]) По изслѣдованію С. С. Маслова участіе евреевъ въ правительств. органахъ опредѣляется цифрами 33—40%. «Россія послѣ четырехъ лѣтъ революціи».

ственнаго соотношенія силъ евреевъ и русскихъ въ городахъ бывшей черты осѣдлости на Украйнѣ».

Далеко не одна Украина находилась въ такомъ положеніи. Въ Крыму также какъ мѣстное, такъ и пріѣзжее еврейство играло виднѣйшую роль во всей жизни и управленіи краемъ, заполняя комитеты коммунистической партіи, комиссарскіе посты, чрезвычайки, печать и органы пропаганды и агитаціи. Такъ, въ Евпаторіи военно-революціоннымъ комитетомъ завладѣли на ¾ евреи, во главѣ... съ сыновьями мѣстныхъ богачей и спекулянтовъ. Въ Ялтинскомъ уѣздѣ во главѣ революціоннаго комитета стоялъ еврей Сосновскій, при чемъ подавляющее большинство комиссаровъ (изъ пятнадцати — двѣнадцать) и завѣдующихъ отдѣлами были также евреи. Въ Севастополѣ евреи занимали мѣста: представителя центр. правительства (Осѣровская), предс. револ. комитета (Городецкій), комиссаровъ — народн. хозяйства, юстиціи, народнаго просв., коменданта мѣстной чрезвычайки («контрольный пунктъ № 3) и т. д. Такая же картина наблюдалась въ Симферополѣ, Керчи, Феодосіи и другихъ городахъ.

Терроръ во время перваго захвата большевиками Крыма отличался исключительной жестокостью, и въ народномъ сознаніи это обстоятельство связывалось съ фактомъ еврейскаго засилія...

Все наше освѣдомленіе, откуда бы оно ни исходило, рисовало рѣзко враждебное отношеніе къ намъ еврейства на всей территоріи Вооруж. силъ Юга Россіи. Въ какой мѣрѣ это отношеніе создавалось *a priori* и въ какой оно являлось *слѣдствіемъ* насилій, чинимыхъ надъ евреями войсками, это вопросъ трудно разрѣшимый. Но фактъ вражды не вызываетъ сомнѣній. Это обстоятельство обнаруживалось особенно ярко при переходѣ, благодаря перемѣнчивости боевого успѣха, еврейскихъ мѣстечекъ изъ рукъ въ руки: не разъ неумѣренное ликованіе евреевъ по поводу возвращенія большевицкой власти служило поводомъ къ тяжелымъ и безобразнымъ расправамъ появлявшихся вновь бѣлыхъ войскъ [1].

Освѣдомленіе давало факты и, вѣроятно, измышленія, добросовѣстное изложеніе и тенденціозное, но было оно всегда мрачно-однообразнымъ. Иногда поступали документы, могшіе вызвать огромную сенсацію, если бы они не возбуждали мысли... о мистификаціи. Въ числѣ такихъ документовъ былъ, напримѣръ, «Докладъ тов. Раппопорта на соединенномъ засѣданіи центр. комитетовъ партіи Бунда, Поалей-Ціонъ и Сіонистовъ». Въ немъ мастерски и очень правдоподобно нарисованъ былъ широкій и подробно разработанный планъ «экономическаго вседержавія евреевъ» на Украйнѣ, путемъ захвата и трестификаціи промышленности и крупной торговли, синдицированія мелкой торговли и кооперативовъ [2]), захвата транспортированія кладей. «Докладъ» изобиловалъ подробностями изъ области предполагавшагося и уже осуществленнаго, именами, названіями банковъ и учрежденій; онъ рисовалъ возмутительные способы и пріемы достиженія владычества, путемъ подогрѣванія національной и соціальной борьбы и использованія «предательства и жадности самихъ христіанъ», которые «пойдутъ, какъ бараны, на зарѣзъ за тѣмъ, кто дастъ имъ кормъ...»

«Докладъ» этотъ былъ погребенъ въ тайникахъ архива и не увидѣлъ свѣта.

Изъ арміи шли постоянныя жалобы на враждебное отношеніе къ ней еврейскаго населенія; на то, что въ случаяхъ вынужденнаго отхода нашихъ войскъ

---

[1]) С. С. Масловъ пишетъ: «Это дѣйствительно фактъ, что въ городахъ Южной Россіи, по многу разъ переходившихъ изъ рукъ въ руки, проявленіе совѣтской власти наибольшую радость и наибольшее показное сочувствіе вызывало въ еврейскихъ кварталахъ, не рѣдко только въ нихъ однихъ».

[2]) По сообщенію ген. Драгомирова, главнонач. Кіевск. обл., эта отрасль мѣстами дѣйствительно захвачена была на ¾ евреями.

изъ населенныхъ пунктовъ, постоянно наблюдается выступленіе еврейской молодежи, нападенія на отдѣльныхъ чиновъ и обозы; что нерѣдко противъ насъ дѣйствуютъ отряды, сплошь состоящіе изъ евреевъ... Несомнѣнно, что наряду съ дѣйствительными фактами, имѣла мѣсто не разъ и симуляція — въ оправданіе содѣянныхъ насилій; что выстрѣлы въ тылъ иной разъ носили происхожденіе «христіанское», а то и вовсе мифическое. Но взаимная ненависть туманила головы, всякое враждебное выступленіе со стороны евреевъ было объективно возможно, и всѣ обвиненія ихъ — правдивыя и ложныя — воспринимались массой съ непреложной вѣрой.

Много приказовъ написано было — мною, генералами Драгомировымъ, Май-Маевскимъ, Бредовымъ и друг. — осуждающихъ погромы и требующихъ рѣшительныхъ мѣръ противъ нихъ. Эти мѣры локализировали еврейскіе погромы, но не устранили ихъ окончательно. Какъ трудно было бороться съ общимъ настроеніемъ, свидѣтельствуютъ письма ко мнѣ ген. Драгомирова[1]):

> «... Озлобленіе войскъ противъ евреевъ доходитъ до степени какой-то бѣшеной злобы, съ которой сейчасъ ничего подѣлать нельзя.
>
> ... Въ первые дни моего пребыванія къ Кіевѣ, въ Слободкѣ солдаты убили трехъ евреевъ ночью, среди полнаго покоя въ предмѣстьи. Я выѣхалъ въ Слободку къ ротѣ Л. Гв. Егерскаго полка, которая тамъ стояла, и къ моему удивленію узналъ, что этотъ разбой учинили фельдфебель, взводные и младшіе унтеръ-офицеры, всего въ числѣ 7 человѣкъ.
>
> Я приказалъ предать ихъ полевому суду. Вечеромъ того же дня мнѣ былъ доставленъ приговоръ, присуждающій къ каторжнымъ работамъ, хотя за это дѣло наказаніе одно — смертная казнь. Я усилилъ наказаніе и опредѣлилъ разстрѣлъ. Это обстоятельство вызвало невѣроятное возбужденіе во всѣхъ русскихъ кругахъ, и въ интеллигентныхъ, и въ народѣ. Пошли разговоры, что, если приговоръ будетъ приведенъ въ исполненіе, то отъ Слободки не останется камня на камнѣ. Посыпались десятки ходатайствъ о помилованіи. Даже митрополитъ Антоній лично пріѣхалъ за нихъ просить. Я наотрѣзъ отказался смягчить приговоръ. Тогда поздно ночью, за нѣсколько часовъ до разстрѣла мнѣ дали новое свидѣтельское показаніе, не фигурировавшее на судѣ, въ которомъ оказались новыя данныя, въ сущности нисколько не ослаблявшія основного преступленія, но тѣмъ не менѣе такія, которыя могли дать нѣкоторое снисхожденіе. Тогда пришлось приговоръ отмѣнить и предать дѣло на вторичное разсмотрѣніе корпуснаго суда.
>
> Состояніе умовъ было таково, что несомнѣнно казнь этихъ семи солдатъ закончилась бы местью или въ Слободкѣ, или въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ.
>
> Въ этомъ — главная трудность борьбы. Смертной казни въ этихъ случаяхъ примѣнять нельзя, а каторга никого не пугаетъ, такъ какъ всѣ увѣрены, что въ Москвѣ будетъ «амнистія».

Однако генералъ Драгомировъ не остановился передъ суровыми мѣрами:

> «... Отдѣльныя шайки бандитовъ начали шарить по еврейскимъ кварталамъ и вымогать деньги. Нѣсколько мерзавцевъ, пойманныхъ на мѣстѣ преступленія, были оправданы военно-полевымъ судомъ... Я вытребовалъ къ себѣ составы судовъ и разругалъ ихъ такъ, какъ, кажется, еще никого никогда не ругалъ... Судъ сталъ выносить смертные приговоры, которые всѣ и были приведены въ исполненіе...
>
> ... Когда большевики вошли въ Кіевъ[2]), то экспансивность евреевъ взяла верхъ, и они устроили такое ликованіе, которое сразу показало, на чьей сторонѣ

[1]) Отъ 29 сентября и 20 октября 1919 г.

[2]) Кіевъ въ концѣ сентября былъ захваченъ большевиками, владѣвшими имъ 2—3 дня.

ихъ симпатіи. Этого имъ народъ не можетъ простить, и его настроеніе нельзя охаратеризовать иначе, какъ бѣшеной злобой противъ всего еврейскаго...»

. . . .

26 іюня ко мнѣ въ Таганрогъ явилась депутація въ составѣ предсѣдателей еврейскихъ общинъ[1]). Они нарисовали трагическую картину жизни еврейства и просили «властнымъ словомъ» остановить погромы. Я отвѣтилъ:

— Я не имѣю никакихъ основаній относиться съ особенной симпатіей къ еврейскому народу. Но изъ побужденій христіанской морали и государственной цѣлесообразности я дѣлаю все, что могу, чтобы предотвратить насилія надъ еврейскимъ населеніемъ.

Делегаты просили «особымъ торжественнымъ актомъ» объявить осужденіе еврейскимъ погромамъ[2]). Они не могли понять, что слова здѣсь безсильны, что всякій лишній шумъ вокругъ этого вопроса только утяжелялъ положеніе евреевъ, вызывая раздраженіе въ массѣ и обычныя обвиненія: «продался жидамъ». Не могли понять, что борьба въ аспектѣ защиты еврейства была тогда безнадежна, и могла быть ведена цѣлесообразно лишь подъ знакомъ общей морали и общей воинской дисциплины: осуждать и карать сурово всякій разбой, всякое насиліе надъ людьми — православными, магометанами, евреями — безразлично.

Еврейскіе представители просили еще вернуть евреевъ-офицеровъ въ полки. Я описалъ имъ бывшіе на этой почвѣ инциденты и указалъ на тяжкія послѣдствія для этихъ офицеровъ въ случаѣ принудительнаго зачисленія ихъ въ части. Одинъ изъ представителей взволнованно и горячо заявилъ:

— Пусть! Пусть они подвергнутся моральнымъ мукамъ, даже смерти! Мы идемъ на это, мы жертвуемъ своими дѣтьми!..

Но власть не могла стать на эту точку зрѣнія: за самосудами — чтобы не капитулировать явно передъ произволомъ — должны были послѣдовать репрессіи, а за репрессіями — приливъ новой волны ненависти.

* * *

Какъ бы то ни было, ни одинъ изъ режимовъ на Югѣ, приносимыхъ колеблющейся линіей фронта, не могъ побороть антисемитское настроеніе. Когда черезъ еврейскіе районы перекатывалась волна Красной арміи, грабившей, громившей и насиловавшей, и водворялась совѣтская власть, она дѣйствительно принимала мѣры особливаго покровительства еврейскому населенію. Но это обстоятельство, давая временное облегченіе, далеко не разрѣшало вопроса и таило въ себѣ источникъ новыхъ бѣдъ для еврейскаго народа. Оно создавало приверженность евреевъ къ совѣтской власти и связанность судебъ. Оно утверждало въ русскомъ народѣ представленіе о сродствѣ и общности еврейства и большевизма и, не разсѣивая создавшейся ненависти къ евреямъ, загоняло чувство это вглубь, въ потенцію, съ громаднымъ внутреннимъ давленіемъ, могущимъ прорвать некрѣпкіе покровы и разлиться безбрежнымъ ужасомъ.

---

[1]) Екатеринославской — Брукъ, Харьковской — Виленскій, Ростовской — Гольденбергъ и Таганрогской — Евинзонъ. Въ записи ихъ нашей бесѣды, судя по выдержкамъ, приведеннымъ Штифомъ, — большія искаженія.

[2]) Прибывшій изъ Парижа осенью 1919 г. россійскій посолъ Маклаковъ привезъ также требованіе парижскаго еврейства о «торжественной деклараціи» и о включеніи въ составъ правительства «хотя бы одного еврея...»

Послѣ паденія противобольшевицкихъ фронтовъ и пріостановки гражданской войны, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ «мирнаго строительства» — что дала совѣтская политика въ области разрѣшенія еврейскаго вопроса? Объ этомъ свидѣтельствуютъ слова непредубѣжденнаго изслѣдователя, С. С. Маслова, написанныя въ 1922 году, но съ каждымъ днемъ находящія все новыя подтвержденія:

> «Юдофобство — одна изъ самыхъ рѣзкихъ чертъ на лицѣ современной Россіи. Можетъ быть, она даже самая рѣзкая. Юдофобство вездѣ — на сѣверѣ, на югѣ, на востокѣ, на западѣ. Отъ него не гарантируетъ ни уровень умственнаго развитія, ни партійная принадлежность, ни племя, ни возрастъ... Я не знаю, гарантируетъ ли отъ него даже высота общаго моральнаго облика современнаго русскаго человѣка.
>
> Погромомъ пахнетъ въ воздухѣ. Напряженная ненависть къ евреямъ не можетъ не окончиться имъ въ переходный періодъ между паденіемъ совѣтской власти и укрѣпленіемъ власти-преемницы»...

Какъ въ этой заключительной характеристикѣ положенія, такъ и въ опредѣленіи причинъ и поводовъ антисемитизма повторены, съ большей быть можетъ остротой, все тѣ же знакомыя намъ черты жизни и взаимоотношеній на Югѣ Россіи въ годы вооруженной борьбы.

Является, поэтому, чрезвычайно важнымъ своевременное разрѣшеніе вопроса: соотвѣтствуетъ ли интересамъ еврейства возможно длительное существованіе совѣтской власти, или было бы цѣлесообразнѣе для него прибавить и свою полновѣсную гирю къ тому тяжкому грузу, который неудержимо тянетъ эту власть ко дну.

И тѣмъ, быть можетъ, пробить брешь въ глухой стѣнѣ старинной ненависти...

ГЛАВА XIV.

Дѣятельность политическихъ организацій во второй половинѣ 1919 г.: Совѣтъ Государственнаго Объединенія, Національный Центръ, Союзъ Возрожденія Россіи.

Вторая половина 1919 года, въ связи съ широкимъ распространеніемъ территоріи Вооруж. силъ Юга, отмѣчена была развитіемъ политической жизни русской общественности и попутно политическаго ажіотажа. Лѣвая и либеральная общественность сохраняла по преимуществу свои старыя партіи и организаціи; правая, разбитая и расколотая въ процессѣ революціи, теперь лихорадочно организовывалась въ новыя партіи, общества, союзы. Лѣтомъ 1919 года на пространствѣ отъ Харькова до Владикавказа ихъ насчитывалось болѣе двадцати...

Попрежнему на авансценѣ политической жизни, въ той или другой степени стараясь вліять на направленіе правительственной дѣятельности, стояли три организаціи: Совѣтъ Государств. Объединенія, Нац. Центръ и Союзъ Возрожденія. Неоднократно отдѣльные члены этихъ организацій дѣлали попытки «созданія единаго политическаго фронта». При этомъ, вслѣдствіе рѣзкаго антагонизма между крайними звеньями этой цѣпи, во взаимное общеніе они не вступали, а роль посредника играло обычно среднее звено — Нац. Центръ. Послѣ неудачнаго одесскаго опыта, въ концѣ мая вновь явилась нѣкоторая надежда на возможность объединенія: на соединенномъ засѣданіи руководителей Гос. Об. и Нац. Центра выяснилось, что обѣ стороны, «расходясь въ программахъ, вполнѣ солидарны въ отношеніи желательнаго направленія политики на ближайшее время». Въ

основу предстоявшаго соглашенія должны были войти слѣдующія положенія: 1) Возсозданіе Единой Россіи; 2) Борьба съ большевиками до конца; 3) Безусловная поддержка Добровольческой Арміи и ея главнокомандующаго; 4) Признаніе права частной собственности; 5) Свобода національностей и религій. Такъ какъ по этимъ вопросамъ нѣкоторое единомысліе было достигнуто въ свою очередь между Нац. Центромъ и Союзомъ Возр., то казалось, всѣ препятствія отпали.

Была и торжественная демонстрація единенія на совмѣстномъ засѣданіи трехъ организацій 5 іюня, по поводу признанія мною верховной власти адм. Колчака. Рѣчами всѣхъ ораторовъ совершенно опредѣленно устанавливался фактъ соглашенія, при чемъ въ своемъ словѣ представитель Союза Возр., проф. И. П. Алексинскій придавалъ событію этому исключительно серьезное значеніе: «... Сейчасъ торжественное объявленіе акта 30 мая..., а также слухъ объ объединеніи всѣхъ политическихъ партій проникаетъ туда — въ затемненные умы, въ завѣшанныя большевиками уши и, быть можетъ, разсѣются клеветы и обманъ, и, наконецъ, увидятъ русскіе люди — русскія арміи, идущія... для осуществленія правъ народа».

О состоявшемся единеніи политическіе дѣятели увѣдомили офиціально русскій Парижъ и Омскъ.

Это былъ праздникъ. На другой день настали вновь политическіе будни. Никакого объединенія не вышло. Чтобы сохранить идею или видимость общаго фронта, по мысли проф. Новгородцева, продолжались все же сепаратные (въ двухъ комбинаціяхъ) переговоры по отдѣльнымъ вопросамъ. Такъ Госуд. Об. и Нац. Центръ опубликовали привѣтствіе церковному собору, постановленіе противъ руссофобской политики Грузіи, противъ созданія «Юго-восточнаго союза» въ его первой стадіи (казачьяго) — «обособляемаго отъ остальной Россіи» и въ будущемъ «грозящаго стать источникомъ разъединенія и трудно учитываемыхъ бѣдствій...» Къ этой послѣдней точкѣ зрѣнія присоединился всецѣло и Союзъ Возрожденія — не въ деклараціи, впрочемъ, а въ рядѣ статей своего предсѣдателя Мякотина [1]).

Характерно при этомъ, что лѣвая общественность, признавая въ принципѣ необходимость объединенія, тѣмъ не менѣе даже во внѣшнихъ признакахъ стремилась всемѣрно отгородить себя справа, считая такое общеніе «подрывающимъ ея престижъ». Такъ въ двадцатыхъ числахъ іюня, когда въ кадетской «Свободной Рѣчи» появилось сообщеніе о ведущихся между тремя организаціями переговорахъ объ единомъ фронтѣ, въ «Утрѣ Юга» тотчасъ же напечатано было Союзомъ Возрожденія заявленіе, что Союзу по этому поводу ничего (!) неизвѣстно...

Нац. Центръ продолжалъ, между тѣмъ, сепаратные переговоры вправо и влѣво. Слѣва они встрѣчали часто открытую нетерпимость, справа — неискренность. Потому что ни для кого не было тайной, что, наряду съ переговорами, между Нац. Центромъ и Гос. Об. шла, не прекращаясь, скрытая борьба за проведеніе своихъ идей и своихъ людей въ правительство. Въ частности правые круги упорно и настойчиво проводили въ составъ правительства — Кривошеина. Самъ Кривошеинъ три, четыре раза заходилъ ко мнѣ бесѣдовать по текущимъ вопросамъ и при этомъ — вѣроятно, по тактическимъ мотивамъ — высказывалъ всегда большое удовлетвореніе и главнымъ командованіемъ, и его политикой. Эти посѣщенія выяснили мнѣ наглядно ту степень вліянія, которымъ пользовался онъ въ правомъ секторѣ Особаго Совѣщанія: не разъ на офиціальныхъ вѣдомственныхъ докладахъ мнѣ приходилось выслушивать точное воспроизведеніе не только идей,

---

[1]) «Утро Юга».

формулировки, но даже тѣхъ политическихъ beaux mots, которые я слышалъ уже ранѣе въ моемъ кабинетѣ изъ устъ Кривошеина...

Въ числѣ вопросовъ, подвергавшихся совмѣстному обсужденію, капитальнѣйшее мѣсто занималъ — аграрный. Можно сказать, что это былъ главный стержень, вокругъ котораго мертвой петлей сплелись личные и партійные счеты, взаимная ненависть и интриги. Союзъ Возр., стоявшій на точкѣ зрѣнія націонализаціи земли для будущаго и полнаго сохраненія сложившихся въ революціи аграрныхъ отношеній для настоящаго, былъ непримиримъ и не шелъ на компромиссы. Мякотинъ прямо говорилъ, что «блокироваться съ к.-д. (Нац. Ц.) можно лишь тамъ, гдѣ они не блокируются съ правыми» [1]. Переговоры Нац. Ц. и Гос. Объединенія въ этой области носили характеръ дипломатической игры. «Центръ», въ корнѣ расходившійся съ идеологіей нач. упр. землед. Колокольцева, предлагалъ «Объединенію» обратиться совмѣстно къ главнокомандующему объ удаленіи Колокольцева, въ виду «крайней медленности дѣйствій его и оставленія безъ разрѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ землеустройства...» «Объединеніе», руководившее дѣятельностью Колокольцева, признавало такое обращеніе «совершенно недопустимымъ», какъ «противорѣчающее идеѣ диктатуры...» Въ дальнѣйшемъ, при всемъ сглаживаніи острыхъ угловъ, обозначились расхожденія непримиримыя, съ единственной весьма колеблющейся въ воспріятіи ея точкой соприкосновенія — признаніемъ частной собственности.

Насколько самодовлѣющее значеніе въ политической идеологіи «Объединенія» имѣлъ земельный вопросъ, характернымъ примѣромъ можетъ служить одно изъ совмѣстныхъ засѣданій обѣихъ организацій въ Пятигорскѣ [2]. Отдѣлъ Гос. Об., отстаивая устами весьма видныхъ своихъ сочленовъ недопустимость въ интересахъ государства принудительнаго отчужденія земли, допускалъ всевозможныя уступки въ интересахъ рабочихъ, вплоть до признанія фабричныхъ комитетовъ, рабочаго контроля и участія рабочихъ въ прибыляхъ. По этому поводу представители Нац. Центра приглашали своихъ собесѣдниковъ «быть послѣдовательными и не приносить интересовъ государственной промышленности въ жертву рабочимъ изъ-за желанія сохранить частновладѣльческія земли...»

Такъ или иначе, въ началѣ іюля вышелъ извѣстный проектъ «земельнаго положенія» Колокольцева, отвергнутый мною и повлекшій его отставку [3].

Это событіе, въ особенности послѣ ряда явно неудачныхъ назначеній лицъ, близкихъ къ Гос. Об., принято было общественностью, какъ пораженіе «Объединенія». Дѣйствительно, дѣятельность организаціи значительно померкла. Кривошеинъ устранился отъ непосредственнаго руководства Совѣтомъ и уѣхалъ въ Кисловодскъ, удѣляя болѣе вниманія коммерческой дѣятельности; его замѣстилъ бывш. нач. управл. вн. дѣлъ Н. Н. Чебышевъ. И Чебышевъ, и впослѣдствіи вернувшійся въ Ростовъ Кривошеинъ перемѣнили тактику «Объединенія»: борьба съ Нац. Центромъ приняла болѣе явный и интенсивный характеръ; попытки сближенія влѣво были оставлены; «Объединеніе» стало привлекать въ свою орбиту умѣренно правыя организаціи («Всеросс. Нац. Союзъ», «Единая Русь», «Союзъ рус. нац. общинъ» и друг.) и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выдвигать на авансцену Союзъ земельныхъ собственниковъ, содѣйствуя всячески организаціи его на мѣстахъ и выработкѣ его экономическаго базиса и политической идеологіи. На этомъ фундаментѣ по мысли Кривошеина и при участіи Струве и Н. Н. Львова предположено было созданіе широкаго праваго объединенія — Русской національной пар-

---

[1] Засѣд. 22 сентября 1919 г.
[2] 18 сентября 1919 года.
[3] См. томъ IV, гл. 23.

тіи». Но въ болѣе правыхъ кругахъ позиція Гос. Об. считалась слишкомъ умѣренной и не достаточно монархической, авторитетъ его руководителей недостаточнымъ, а въ то же время желаніе играть первостепенную роль основателей всевозможныхъ «иниціативныхъ группъ» было чрезмѣрно велико. Идея умѣренно-праваго блока также не осуществилась.

Непосредственнаго освѣдомленія отъ руководящихъ органовъ политическихъ группъ я не имѣлъ. Тѣмъ болѣе любопытно было знакомиться лѣтомъ 1919 г. съ очередными секретными сводками, опредѣлявшими шедшую оттуда оцѣнку текущаго момента: «Почти все руководство политической жизнью — говорили въ кругахъ Гос. Об. — перешло окончательно къ Нац. Центру...» «Въ правыхъ кругахъ въ связи съ уходомъ Чебышева [1]) и назначеніемъ Носовича говорятъ, что всѣ назначенія на высшіе административные посты перешли въ руки М. М. Федорова...» Впрочемъ, въ другой сводкѣ, почему-то не попавшей въ свое время ко мнѣ, говорилось о кружкѣ бывшей крупной бюрократіи, образовавшемся въ нѣдрахъ управленія внутреннихъ дѣлъ «во главѣ съ Говоровымъ и Головинымъ», политически недалекомъ отъ «Русскаго Собранія» [2]), и, якобы, похвалявшемся: «пусть себѣ ген. Деникинъ ведетъ здѣсь какую хочетъ политику, но на мѣстахъ проводить ее въ жизнь будемъ мы — начальники губерній...»

Всѣ три организаціи сознавали ясно неустройство гражданской власти на мѣстахъ и весьма тревожное положеніе тамъ. Всѣ три посвятили этому вопросу не одно засѣданіе и причины его усматривали: одна — въ отсутствіи у администраціи твердой политики (Гос. Об.), другая — въ людяхъ (Нац. Центръ), третья — въ системѣ генералъ-губернаторствъ, вмѣсто общественныхъ самоуправленій.

Я искалъ людей, но... не находилъ.

* * *

К.-д. по существу влились въ Нац. Центръ, оставивъ за своими партійными органами общее направленіе, идеологію и предоставивъ практическую работу «Центру». Такъ какъ кадетскіе взгляды находили отраженіе въ дѣятельности либеральнаго сектора «Особ. Сов.», то не лишне будетъ остановиться на отношеніи этой партіи къ вопросу о власти.

Ростовская конференція к.-д. (29—30 іюня) постановила «въ отношеніи общенаціональной платформы считать руководящими начала, провозглашенныя въ деклараціяхъ адм. Колчака и ген. Деникина». Она призывала къ поддержанію власти и признавала необходимость диктатуры, которая должна быть «не возглавленіемъ революціи, а преодолѣніемъ ея... обузданіемъ и революціонной, и реакціонной стихіи». Осуждая «старый централизмъ», съѣздъ предлагалъ, однако, установить строгія нормы «противъ всякихъ уклоненій въ сторону федералистическихъ и сепаратистическихъ теченій...»

Наконецъ, что наиболѣе характерно, партія, учитывая соотношеніе силъ, отнюдь не стремилась къ пріобрѣтенію «руководящаго значенія въ управленіи», наоборотъ — страшилась такого положенія вещей. Ибо въ этомъ случаѣ — говорилось въ резолюціи — «произошло бы враждебное отхожденіе другихъ вліятельныхъ общественныхъ силъ отъ... власти и отъ правительства и противодѣй

---

[1]) Съ должности нач. управл. внутр. дѣлъ.
[2]) Бывшій «Союзъ Русскаго Народа». См. ниже.

ствіе съ ихъ стороны... И дѣло окончилось бы крушеніемъ не только кадетъ, но и подрывомъ власти и ускореніемъ темпа и размаха реакціи...» Поэтому-то партійные органы приглашались «къ согласованнымъ дѣйствіямъ съ правыми и лѣвыми организаціями».

Нац. Центръ всемѣрно и добросовѣстно поддерживалъ власть, проявляя терпимое отношеніе даже къ тѣмъ мѣропріятіямъ правительства, которыя расходились съ политическими воззрѣніями Центра и являлись результатомъ пораженія или компромисса его сочленовъ, состоявшихъ въ Особомъ Совѣщаніи. Его противники справа не были такъ лойяльны. И не разъ либеральная мѣра, прошедшая съ трудомъ сквозь коалиціонное чистилище, разбивалась въ прахъ о дружное сопротивленіе исполнителей, по преимуществу принадлежавшихъ къ правымъ кругамъ.

У Госуд. Об. отношеніе къ власти внѣшне было вполнѣ лойяльнымъ. Совѣтъ Гос. Об. по важнѣйшимъ вопросамъ, по которымъ точка зрѣнія его сходилась съ правительственной, высказывался гласно въ торжественныхъ декларацiяхъ; въ случаяхъ расхожденія—стремился воздѣйствовать черезъ своихъ сочленовъ въ Особомъ Совѣщаніи, при этомъ весьма напористо. Только одинъ разъ Кривошеинъ отъ имени Совѣта обратился непосредственно съ письменнымъ протестомъ по поводу перваго проекта земельнаго закона (Колокольцевскаго), въ «радикализмѣ» котораго Совѣтъ усмотрѣлъ потрясеніе основъ. Но въ результатѣ борьбы, веденной въ нѣдрахъ Особаго Совѣщанія, Совѣтъ Гос. Об., стремившійся сосредоточить въ своихъ рукахъ исключительное вліяніе на власть и не преуспѣвшій въ этомъ, состоялъ зачастую въ лойяльной къ ней оппозиціи.

Печатнаго органа своего Совѣтъ не имѣлъ. Но идеологію его отражала въ большой степени газета «Россія» («Великая Россія»), руководители которой (Н. Н. Львовъ, П. Б. Струве, полк. А. фонъ Лампе) состояли дѣятельными участниками Объединенія. Интересно, что основатель газеты В. В. Шульгинъ не былъ единомышленнымъ со своимъ органомъ въ одномъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ — аграрномъ. «Россія» стояла неизмѣнно на стражѣ помѣщичьято землевладѣнія, въ то время какъ В. В. Шульгинъ писалъ однажды изъ Одессы о своихъ «еретическихъ мысляхъ»: «Я думаю, что безъ рѣшенія аграрнаго вопроса ничего не будетъ. Нашъ мужикъ при всемъ своемъ варварствѣ здоровъ душой и тѣломъ, невѣроятно настойчивъ въ своихъ основныхъ требованіяхъ. Наши помѣщики дряблы и тѣломъ и духомъ, и здоровый эгоизмъ собственника, столь сильный у англичанина и француза, въ значительной степени ими утраченъ. У меня появилось внутреннее убѣжденіе, что бороться въ этомъ отношеніи безполезно. Но если землю все равно надо отдать, то возникаетъ вопросъ, правильно ли мы идемъ, откладывая этотъ вопросъ до возсозданія Россіи? Вѣдь главное препятствіе этого возсозданія и есть эта проклятая земля» [1]).

Точно также не было офиціальнаго органа у Нац. Центра и к.-д. партіи. «Свободная Рѣчь», основанная «при содѣйствіи мѣстнаго кадетскаго комитета» и редактировавшаяся К. Н. Соколовымъ, съ теченіемъ времени стала отражать взгляды скорѣе самой правой группы к.-д. и чаще всего личные взгляды самого редактора. Расхожденіе его съ сочленами по партіи достигло большого обостренія и привело въ концѣ концовъ къ требованію послѣнихъ «заявить о томъ, что «Св. Рѣчь» не является органомъ к.-д. группы». Такое заявленіе появилось дѣйствительно въ мягкой формѣ, вскользь въ одной изъ передовицъ: «нисколько не претендуя на роль партійнаго офиціоза, мы, тѣмъ не менѣе...» и т. д...

---

[1]) Письмо отъ 12 декабря 1918 г.

Не было на Югѣ и правительственнаго офиціоза, такъ какъ газеты, выпускаемыя «Освагомъ», были безцвѣтны и не авторитетны. Я, вообще, былъ противъ существованія казенной прессы, считая предпочтительнымъ оказаніе поддержки свободнымъ органамъ, стоящимъ на національной платформѣ, и не связывая ихъ правительственной опекой. Но большого серьезнаго органа, дѣйствительно руководящаго общественнымъ мнѣніемъ, Югъ не создалъ. Мечтали о немъ многіе. Такъ, Н. Н. Львовъ обращался къ предс. Ос. Сов. ген. Драгомирову, прося «одобренія и моральной поддержки» для созданія «большого органа печати, группирующаго вокругъ себя крупныя силы . . . безпартійнаго, не связаннаго ни съ какими классовыми интересами, выразителя національной мысли». Кадръ работниковъ для новаго начинанія онъ видѣлъ въ редакціи «Россіи» и считалъ, что «успѣхъ, которымъ она пользуется, даетъ надежду справиться и съ этой болѣе трудной задачей . . .» Въ концѣ мая телеграммой, подписанной Н. И. Астровымъ, М. М. Федоровымъ и В. В. Шульгинымъ, изъ Парижа былъ вызванъ П. Б. Струве, которому Шульгинъ писалъ: «здѣсь съ Вашимъ пріѣздомъ связываютъ открытіе большой газеты, которая всѣхъ бы насъ объединила и ставила бы «вѣхи», ибо вѣхи сейчасъ страшно необходимы . . .»

Если всѣ подобныя начинанія не увѣнчались успѣхомъ, то виною этому были не столько финансовыя и техническія затрудненія, въ общемъ преодолимыя, сколько психологія общества и духовныхъ руководителей его, которые не могли освободиться отъ классовыхъ и партійныхъ путъ, не могли — одни ставить вѣхи, другіе — слѣдовать только въ створѣ національнаго возрожденія Россіи.

Я не могу назвать противоправительственной и дѣятельность Союза Возрожденія въ ея общемъ направленіи. По мѣрѣ роста силъ и территоріи Юга, отношеніе къ намъ становилось болѣе внимательнымъ и менѣе непримиримымъ. Въ моей апрѣльской деклараціи не были произнесены слова «Учредительное Собраніе» [1]. Это обстоятельство по признанію лидеровъ Союза служило главнымъ камнемъ преткновенія въ нашихъ взаимоотношеніяхъ. Но съ момента подчиненія моего адм. Колчаку, обязавшемуся созвать Учредительное Собраніе, это препятствіе было устранено, и на засѣданіи 1 іюня Союзъ постановилъ «оказывать широкую моральную и реальную поддержку адм. Колчаку и ген. Деникину . . .» Не знаю, какъ было на Востокѣ, но я на Югѣ никакой реальной помощи отъ Союза не видѣлъ. Признавъ необходимость поддержки борьбы и молчаливо примирившись съ фактомъ существованія военной диктатуры, Союзъ не шелъ далѣе огульной критики дѣятельности правительства и «Утро Юга» — газета, ставшая офиціозомъ Союза, помѣщала періодически рѣзкія статьи противъ Арміи и власти.

Только къ осени 1919 года измѣнился тонъ новаго офиціоза организаціи «Паруса», измѣнилась какъ будто общая тактика Союза. Конференція партіи нар. соц. [2]), вдохновлявшей Союзъ Возрожденія, устами Мякотина признавала необходимымъ участіе партіи въ организуемой власти, «не считаясь съ нѣкоторыми отрицательными качествами ея . . .» «Нельзя — говорилъ онъ — ограничиваться одной только оппозиціей. Партія должна стать на линію сотрудничества, подвергая благожелательной критикѣ и дѣйствія власти». Сообразно съ этими взглядами, партіи нар. соц. и Союзу Возр. вмѣнялось въ обязанность участіе въ выборахъ въ городскія и земскія самоуправленія и въ будущій законодательный органъ Юга Россіи — не только по избранію, но и по назначенію . . . Но тутъ же конференція ослабляла принятое рѣшеніе, ограничивая это участіе санкціей центральнаго комитета партіи . . . Тутъ же, въ самый разгаръ нашей борьбы съ цен-

---

[1]) Я говорилъ о «Народномъ Собраніи».
[2]) Засѣданіе 22 сентября. Въ Союзъ входила и группа «Единство».

тробѣжными силами, партія, до того боровшаяся противъ самостійности Агѣевыхъ и Бычей, для «выпрямленія правительственной политики» призывала своихъ сочленовъ къ поддержкѣ краевыхъ образованій, какъ «противовѣса централизаціи и, можетъ быть, реакціи...»

* * *

Только указанныя три организаціи имѣли то или иное непосредственное отношеніе къ государственной работѣ.

Что могли онѣ дать Южной власти?

Тая въ идеологіи и въ практикѣ своей рядъ непримиримыхъ антагонизмовъ, онѣ, къ тому же, захватывали лишь тонкій слой русской интеллигенціи, не проникая корнями своими въ толщу народную. Ихъ относительный вѣсъ и значеніе основывались не на поддержкѣ «массъ», а лишь на участіи лицъ, составившихъ себѣ имя, у многихъ заслуженное, на поприщѣ государственной, политической или общественной дѣятельности.

Поэтому-то эти организаціи могли дать и давали только совѣтъ, а не опору. Найти опору ни я, ни онѣ не сумѣли.

ГЛАВА XV.

Крайнія и умѣренно-правыя монархическія организаціи. Соціалистическія партіи на Югѣ.

Разгромленныя въ первый періодъ революціи правыя организаціи — новыя и занесенныя рядомъ эвакуацій изъ Москвы, Кіева, Одессы — широко раскинулись на территоріи Вооруж. силъ Юга.

Крайнія правыя партіи группировались, главнымъ образомъ, вокругъ «Русскаго Собранія» въ Ростовѣ [1]), имѣя въ своихъ рядахъ проф. Озерова, Замысловскаго, Образцова, Лутковскаго, Всеволожскаго, ген. Комиссарова и друг. Въ періодъ атаманства ген. Краснова «Русское Собраніе» дѣйствовало открыто, обладало большими средствами и поддержкой со стороны власти; при ген. Богаевскомъ оно работало конспиративно и добывало средства доходами отъ азартной игры въ клубахъ. Идеологія его извѣстна, отношеніе къ нашей правительственной политикѣ было сугубо отрицательнымъ, а сфера дѣйствій — преимущественно военная (офицерская) среда. Въ сторонѣ, но въ тѣсной связи съ Собраніемъ стояла строго конспиративная организація, пока не достаточно освѣщенная — «Анонимный центръ». Ячейки его были, якобы, во всѣхъ войсковыхъ частяхъ, и въ числѣ прямыхъ или духовныхъ закулисныхъ руководителей называли нѣкоторыхъ старшихъ генераловъ.

Къ тому же лагерю принадлежало основанное извѣстнымъ священникомъ Востоковымъ «Братство Животворящаго Креста». Офиціальный его уставъ гласилъ о духовно-нравственномъ воспитаніи народа, христіанской взаимопомощи и защитѣ святой православной вѣры. Фактически цѣли его были чисто политиче-

---

[1]) «Всеросс. монарх. центръ», «Военно-монархич. союзъ», осколки «Союза русск. народа», «Нац.-либ. партія» и друг.

скими — борьба съ «жидомасонствомъ» и возстановленіе абсолютной монархіи. Высшій церковный совѣтъ относился совершенно отрицательно къ братству и его не утвердилъ. Тѣмъ не менѣе, Востоковъ имѣлъ извѣстное вліяніе на народъ и собиралъ прозелитовъ своими проповѣдями — элементарно-демагогическими, но отвѣчающими настроенію момента. Негласно онъ издавалъ листовки и брошюры и совмѣстно съ ген. Нечволодовымъ пытался организовать въ арміи подпольныя боевыя дружины — «орденъ св. Креста» — затѣя, не имѣвшая, впрочемъ, никакого успѣха.

Большая часть этихъ организацій имѣла ярко германофильскую окраску; непосредственно или черезъ «салонъ графини Игнатьевой», перенесенный въ Новороссійскъ, онѣ сообщались съ однородными зарубежными группами и исподволь сѣяли вражду къ союзникамъ и идиллическія, ирреальныя надежды на помощь Германіи. Одни изъ дѣятелей этого рода руководствовались корыстными побужденіями, будучи оплачиваемы Берлиномъ, другіе работали bona fide.

Работа крайнихъ правыхъ организацій, преимущественно подпольная, находила пути въ народъ и въ армію не только черезъ ихъ ячейки, но и черезъ... правительственныя учрежденія. Любопытна въ этомъ отношеніи переписка двухъ столповъ «Русскаго Собранія».

> «Весьма радъ Вашей бодрости и успѣху Вашихъ работъ... Максимъ Денисовичъ Г. (?) тоже хорошо устроился — состоитъ въ «Освагѣ»... Есть мои знакомые, которые состоятъ (тамъ) на должности и получаютъ по условію 3-4 тыс. въ мѣсяцъ, да еще свободно рѣчами и лекціями зарабатываютъ 2-3 тыс.; а я сижу безъ должности... и потому не имѣю бумажки, которая гласитъ: такой то состоитъ агентомъ, пользуется проѣздомъ по ж. д., имѣетъ право произносить рѣчи во всѣхъ мѣстностяхъ и т. д. Вотъ достаньте-ка мнѣ такую бумажку... Конечно, лучше, если бы меня приняли куда-нибудь въ штатъ на должность и жалованье... Порекомендуйте меня своимъ высокопоставленнымъ знакомымъ...
>
> Мечта моя въ томъ, чтобы намъ, т. е. Вамъ, мнѣ и М. Д—чу сблизиться. Съ подобными бумагами мы бы кое-чего понатворили...»[1]).

Вѣроятно, усилія ихъ не были безплодны, потому что въ августѣ информаціонная часть «Освага» отмѣчала:

> «Что касается монархическихъ партій и группъ, близко стоящихъ къ «Русскому Собранію» (такихъ насчитывается 19), то главное ихъ вниманіе обращено на армію, гдѣ сосредоточена вся активная, агитаціонная работа. Главнымъ ихъ орудіемъ является отдѣлъ военной пропаганды. Они сумѣли посадить (туда) многихъ своихъ единомышленниковъ, черезъ которыхъ распространяютъ свою литературу. Правда, дѣлается это весьма осторожно и безъ вѣдома лицъ, стоящихъ во главѣ отдѣла, черезъ низшихъ служащихъ»...

Крайнія правыя партіи не захватывали организаціонно, численно широкихъ круговъ населенія и арміи. Офицерство участвовало въ нихъ преимущественно тыловое. Я знаю очень многихъ Добровольцевъ, которые не слыхали никогда и названій этихъ организацій. О существованіи нѣкоторыхъ изъ нихъ я самъ узналъ только теперь, при изученіи матеріаловъ. Точно также онѣ не имѣли своей легальной прессы, такъ какъ періодически открывавшіяся газетки ихъ быстро кончали свое существованіе отъ безденежья или въ силу постановленій казачьихъ правительствъ. Но ихъ подпольная агитація оказывала несомнѣнное вліяніе, въ особенности среди неуравновѣшенной и мало разбиравшейся въ по-

---

[1]) Изъ письма В. А. Образцова къ Лутковскому (б. редакт. «Двуглаваго Орла»). 14 іюня 1919 г.

литическомъ отношеніи части офицерства. Эти организаціи дѣлали попытки къ объединенію («Правый блокъ», «Монархическій блокъ»), но расходились опять. У нихъ былъ, однако, общій всѣмъ лозунгъ — «самодержавіе, православіе и народность». Изъ предосторожности онъ не осложнялся необычайно трудными вопросами положительнаго государственнаго и соціальнаго строительства, а сводился къ простѣйшему и доступному массѣ, оголенному отъ внѣшнихъ туманныхъ покрововъ, императиву:

— Бей жидовъ, спасай Россію!

Что касается отношенія этого сектора къ власти, оно было вполнѣ отрицательнымъ, но, первое время по крайней мѣрѣ, выжидательнымъ. Россійская реакція въ періодъ успѣховъ Вооруженныхъ Силъ Юга только готовилась, организовывалась, агитировала, собирала силы; она избѣгала потрясеній и откладывала счеты «до Москвы». Она ставила себя въ положеніе рѣзкой политической оппозиціи и для созданія «единаго, могучаго фронта монархистовъ» считала единственно пріемлемымъ, чтобы «политическая линія Верховнаго командованія Юга Россіи отрѣшилась отъ соприкосновенія съ кадетами и соціалистическими элементами и заняла положеніе въ центрѣ между группою В. В. Шульгина и группами, стоящими правѣе ея» [1]).

Почвенность, «корни» и народная опора считались тамъ элементами второстепенными. Многіе раздѣляли тогда взглядъ, правильно или нѣтъ, приписывавшійся Пуришкевичу:

> «Къ моменту окончательной побѣды надъ большевиками народная масса, усталая отъ пережитыхъ потрясеній, жаждущая порядка и возвращенія къ мирному труду, окончательно утратитъ свою роль — главной движущей силы революціи; масса отойдетъ отъ политики. Но революція еще будетъ продолжаться. И взамѣнъ демоса на аренѣ борющихся силъ окажутся политическія группы, кружки и партіи, изъ которыхъ каждая будетъ говорить отъ имени народа. Вотъ этимъ-то моментомъ и нужно воспользоваться для выхода на политическую арену...»

Взглядъ — не лишенный проницательности.

* * *

Умѣренные правые круги не отличались такой активностью, какъ ихъ сосѣди справа.

«Южно-русскій нац. центръ» В. В. Шульгина послѣ Одессы и до занятія Кіева почти не проявлялъ дѣятельности, не взирая на личный вѣсъ и значеніе своего главы. Основною цѣлью своею «центръ» ставилъ борьбу съ украинствомъ «въ какомъ бы видѣ оно ни проявлялось». Лично Шульгинъ игралъ серьезную роль и въ Особомъ Совѣщаніи въ дни кратковременнаго участія въ немъ, и въ качествѣ руководителя вліятельной газеты «Великая Россія», и особенно въ виду близкихъ отношеній къ А. М. Драгомирову — сначала предсѣдателю Ос. Сов., потомъ главноначальств. Кіевской областью.

Такъ же тихо шла работа «Всероссійск. нац. союза» Балашова — организаціи тожественной и конкурирующей съ Южно-русск. нац. центромъ.

---

[1]) Докладъ одного изъ лидеровъ крайнихъ правыхъ А. Н. Варламова на имя генерала Лукомскаго. Сентябрь 1919 г.

Большой шумъ создавалъ вокругъ себя Пуришкевичъ, перессорившійся со всѣми правыми лидерами и насаждавшій повсюду отдѣлы своей «Народно-государственной» партіи, имѣвшей главный источникъ комплектованія среди обитателей курортовъ. Я былъ не мало удивленъ, найдя въ дѣлахъ ходатайство управленія мин. внутр. дѣлъ о солидной субсидіи Пуришкевичу, повидимому, удовлетворенное отдѣломъ пропаганды...

Умѣренныя партіи [1]) принимали конституціонную монархію, о чемъ говорили параграфы ихъ программъ или заставляла догадываться формула «непредрѣшенія государственнаго строя». Но — монархію разныхъ толковъ. Такъ, Балашовъ признавалъ двухпалатную систему, но «безъ всеобщаго избирательнаго права»; Пуришкевичъ допускалъ конституцію и всѣ «свободы», при чемъ, однако, въ его программѣ всѣ соціалистическія партіи объявлялись «антигосударственными», народному просвѣщенію придавался характеръ «церковно-государственный», и даже кинематографъ объявлялся государственной регаліей...

Всѣ эти партіи стояли на почвѣ всемѣрной поддержки Добровольческой Арміи и въ извѣстной — большей или меньшей — оппозиціи къ власти. Вначалѣ правая оппозиція ограничивалась критикой, потомъ противополагала и мнѣ и моей дѣятельности опредѣленное лицо и опредѣленный политическій курсъ.

Партійной прессы въ этомъ секторѣ, за исключеніемъ органовъ Шульгина [2]) не было. Въ Ростовѣ выходила еще газета Б. Суворина «Вечернее Время»,—правая, безпартійная, отличавшаяся неожиданнымъ, подчасъ, подходомъ къ вопросамъ государственнаго строительства. Но относилась она съ трогательной любовью къ Арміи, пламенно защищая ее отъ всѣхъ ея враговъ и читалась офицерствомъ весьма охотно.

Среди умѣренныхъ правыхъ партій также дѣлались неоднократныя попытки къ взаимному объединенію, къ созданію «Русскаго національнаго блока». Главнымъ иниціаторомъ являлась наиболѣе дѣятельная и, пожалуй, наиболѣе распространенная организація — «Союзъ русскихъ національныхъ общинъ». Во главѣ ея стояли нѣкіе И. А. Корвацкій [3]) («старѣйшина») и Н. Г. Панченко [4]) (завѣдующій пропагандой Союза). Занесенный изъ Малороссіи, Союзъ обосновался въ Ростовѣ и къ осени 1919 г. имѣлъ 10 общинъ въ важнѣйшихъ городахъ Юга и нѣсколько ячеекъ. Его идея, по словамъ руководителя, заключалась въ томъ, чтобы «связать русскій національизмъ съ радикальной прогрессивностью». Его пути намѣчены были черезъ приходы, союзы землевладѣльцевъ, сельскихъ учителей [5]) и «національную», свободную отъ «инородческаго» капитала и участія кооперацію.

Главное — церковные приходы. Возникшая еще въ 1905 г. мысль, что приходъ долженъ выйти изъ ограниченнаго круга религіозныхъ интересовъ на арену политической борьбы, вновь возбудила живѣйшій интересъ въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ. Оживилась Церковь. Но въ то время, какъ нѣсколько талантливыхъ проповѣдниковъ съ амвона и съ кафедры собраній стали сѣять

---

[1]) Можно назвать еще «Нац.-либ. партію» (Флоренскій, Замысловскій), отколовшуюся отъ «Русскаго Собр.», но не порвавшую съ нимъ связь; «Русск. нац. демократич.» партію (Азанчевскій, пріѣхавшій изъ Москвы и возбуждавшій у властей сомнѣніе); общество «За Россію», покрывшее отдѣленіями Ставропольскую губ. и отчасти Терскую область при содѣйствіи Освага; «Единую Русь» (Альшевскій и свѣтл. князь Голицынъ) и т. д.

[2]) «Великая Россія» — въ Екатеринодарѣ — Ростовѣ и «Кіевлянинъ» — въ Кіевѣ.

[3]) «Предсѣд. Мелитопольск. русск. нац. клуба», журналистъ.

[4]) «Членъ Ставроп.-Терск. союза сельск. хоз.»

[5]) Единенія съ этой средой союзъ не достигъ.

духовно-нравственныя начала и будить въ народѣ національное чувство, другіе, не менѣе вдохновенные пастыри сѣяли чистѣйшую демагогію и политическую нетерпимость. Поэтому-то Высш. церк. управл., и въ особенности архіепископъ Донской Митрофаній, отнеслись съ большой осторожностью къ этому вопросу, учитывая возможность появленія новыхъ Иліодоровъ... Въ концѣ концовъ, однако, Высш. церк. управл. должно было уступить общественнымъ настроеніямъ и допустить «публичныя выступленія отдѣльныхъ священнослужителей на общественно-политическія темы, но, во всякомъ случаѣ, внѣ храма, подъ ихъ личной отвѣтственностью».

Въ приходѣ правая общественность видѣла новую базу для возстановленія народной и государственной жизни, и потому въ Союзѣ рус. нац. общинъ, предвосхитившемъ эту идею, сошлись неожиданно элементы политически разнородные: Н. Н. Львовъ и проф. Н. Н. Алексѣевъ (члены центр. сов.) связывали его съ Сов. Гос. Об.; В. М. Скворцовъ [1]) (членъ цн. сов.) своимъ единомысліемъ и соучастіемъ тѣсно переплеталъ его съ «Братств. Жив. Креста»; прис. пов. Измайловъ [2]), наиболѣе активный членъ ростовской общины, мрачно-правый, протягивалъ отъ Союза крѣпкія нити къ «Русскому Собранію» и погромному листку «Въ Москву». Наконецъ, черезъ ген. Батюшина — товарища предсѣдателя Совѣта и секретнаго сотрудника Освага — Союзъ искалъ покровительства и средствъ въ Военномъ управленіи и въ Отд. Пропаганды Особ. Совѣщанія.

Приходъ оказался на распутьи и могъ стать не самодовлѣющей силой, а орудіемъ самой неожиданной политической комбинаціи.

Съѣздъ представителей умѣренныхъ партій [3]) 14 іюля въ Ессентукахъ не привелъ къ объединенію ихъ: подъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, что уставъ Нац. общинъ еще не разработанъ, вопросъ о созданіи блока былъ отложенъ. Но тѣ диспуты, которые происходили въ закрытыхъ засѣданіяхъ, исторія прохожденія въ дальнѣйшемъ «прогрессивныхъ» статей программы и интимныя заявленія руководителей Союза обличали въ немъ двѣ, по крайней мѣрѣ, ипостаси и рѣзкую разницу между нутромъ и видимостью.

Такъ уставъ, переработанный впослѣдствіи при участіи людей нѣсколько иного политическаго стажа и направленія — Н. Н. Львова и проф. Н. Н. Алексѣева — гласилъ [4]): «форма правленія въ Россіи не предрѣшается... но... должна соотвѣтствовать національному правосознанію русскаго народа...» Эта формула покрывала единогласно принятый комиссіей съѣзда лозунгъ — борьбы за возстановленіе монархіи во что бы то ни стало и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полное разногласіе въ опредѣленіи типа ея: отъ конституціонной до «просвѣщеннаго абсолютизма». Уставъ говорилъ о необходимости «нравственнаго вліянія Церкви Христовой на всѣ стороны государственной жизни», слегка ретушируя неприкрытую клерикальную сущность государственной власти, проводимой на съѣздѣ: «полная и дѣйствительная связь Церкви съ государствомъ, нравственное вліяніе на дѣла правительственной власти, законодательство, вопросы политики и проч.» Союзъ русск. нац. общ., громя печатно и устно «классовый націонализмъ, не могущій по природѣ своей пойти на широкія экономическія отрѣшенія», вступилъ въ полное соглашеніе и сотрудничество съ Всеросс. союзомъ земельн. собствен-

---

[1]) Бывш. редакторъ «Колокола».

[2]) Юрисконсультъ фирмы Второва.

[3]) Были представители, кромѣ Союза русск. нац. общ., — «Всеросс. нац. Союза», «Южно-русск. нац. центра» и старообрядч. общинъ.

[4]) На почвѣ «полѣвѣнія» устава изъ состава центр. совѣта вышелъ Скворцовъ.

никовъ [1]), выяснивъ «отсутствіе расхожденія въ цѣляхъ и задачахъ»; но «въ видахъ тактическихъ» воздержался отъ оглашенія факта состоявшагося соглашенія . . . [2]).

Кромѣ притягательной силы такого серьезнаго фактора, какимъ являлся церковный приходъ, извѣстный успѣхъ Союза русск. нац. общ. зависѣлъ, какъ оказалось, въ большой степени отъ крупныхъ субсидій, исходившихъ отъ Отдѣла Пропаганды и составлявшихъ главный источникъ его существованія. Это обстоятельство обнаружилось въ началѣ декабря съ интересными деталями. Еще въ маѣ Отд. Пропаганды офиціально «призналъ Русск. нац. общ., какъ образованія желательныя, для совмѣстныхъ работъ и сотрудничества». Не безъ его давленія состоялось, хотя и съ треніями, вхожденіе въ Союзъ другого общества, покровительствуемаго Освагомъ—«За Россію», дѣйствовавшаго преимущественно въ деревняхъ Ставроп. губ. и считавшагося «болѣе либеральнымъ».

Въ концѣ іюля начальникъ «бюро секретной информаціи» Освага [3]), Пацановскій, пользовавшійся неограниченнымъ довѣріемъ начальника отдѣла, писалъ одному изъ руководителей Союза — Панченко [4]):

> «Такъ какъ я придаю большое значеніе . . . проведенію въ жизнь лозунговъ, выдвинутыхъ Общинами, то заинтересованъ предоставленіемъ Вамъ и денегъ и людей . . . Для приданія Общинамъ фирмы есть нѣсколько людей съ крупными политическими именами, которые принципіально согласятся принять руководство Общинами . . . Двѣ крупныя газеты готовы начать кампанію за проведеніе въ жизнь идей прихода и борьбу со Всерос. Націон. центромъ» [5]) . . .

Соглашеніе, очевидно, состоялось, потекли деньги, и работа Союза оживилась. Въ концѣ октября «замѣститель старѣйшины центр. совѣта», ген. Батюшинъ представилъ уже въ Отдѣлъ Пропаганды обширный докладъ съ планомъ покрытія всей южной Россіи, Сибири и даже Европы (эмиграція) «русскими національными общинами», «взявъ за образецъ организаціи всемірный еврейскій кагалъ». Просилъ у Отдѣла Пропаганды и Военнаго управл. милліоны, обѣщалъ «проводить здоровыя національныя идеи и деклараціи главнокомандующаго» и одновременно возложить на заграничныя общины работу освѣдомленія, развѣдки и контръ-развѣдки [6]).

Въ очень скромномъ видѣ этотъ планъ началъ осуществляться дѣйствительно, когда въ началѣ декабря, ознакомившись съ этимъ дѣломъ и отнесясь съ недовѣріемъ къ фактическимъ руководителямъ національныхъ общинъ, я приказалъ прекратить денежные отпуски Союзу.

* * *

---

[1]) Соедин. засѣданіе 25 октября 1919 г.

[2]) Докладъ товарища предсѣд. отъ 30 октября 1919 г.

[3]) Т. е. контръ-развѣдки Освага.

[4]) 26 іюля 1919 г. Ростовъ.

[5]) Напомню, что глава Отдѣла Пропаг. К. Н. Соколовъ состоялъ членомъ Нац. центра.

[6]) Интересно, что дѣятельность Пацановскаго и осважной контръ-развѣдки привлекала большое вниманіе крайнихъ правыхъ, придававшихъ ей своеобразное толкованіе. Одна изъ такихъ группъ, во главѣ съ Варламовымъ, въ докладѣ на имя ген. Лукомскаго сообщала: «Контръ-развѣдка Освага, въ силу наблюдаемыхъ въ этомъ учрежденіи стремленій, не совпадающихъ съ существ. интересами строительства Россіи, можетъ явиться опаснымъ орудіемъ партійной борьбы со стороны кадетъ и примыкающихъ къ нимъ соціалистическихъ элементовъ . . .»

Влѣво отъ нар.-соц. и группы «Единства» располагались старыя россійскія партіи соц.-рев. и соц.-дем., ослабленныя, расколовшіяся, понесшія большой моральный и численный уронъ отъ революціонной стихіи и внутреннихъ противорѣчій.

9-й совѣтъ партіи соц.-рев., собравшійся въ Москвѣ въ серединѣ іюня, высказалъ свое отношеніе къ противобольшевицкому движенію прямо и рѣшительно:

> учитывая соотношеніе наличныхъ силъ, IX Совѣтъ п. с.-р. одобряетъ и утверждаетъ принятое всѣми правомочными партійными органами рѣшеніе прекратить въ данный моментъ вооруженную борьбу противъ большевистской власти и замѣнить ее обычной политической борьбой, перенеся центръ своей борьбы на территорію Колчака, Деникина и др., подрывая ихъ дѣло изнутри и борясь въ передовыхъ рядахъ возставшаго противъ политической и соціальной реставраціи народа всѣми тѣми методами, которые партія примѣняла противъ самодержавія».

Послѣ этого постановленія глубокія противорѣчія, раздиравшія партію съ самого начала революціи, привели къ окончательному расколу ея. Отголоскомъ этой смуты на Югѣ было появленіе двухъ воззваній: 1) группы соц.-рев. государственниковъ — «Ширковцевъ»[1]), порвавшей всякую связь съ партійными учрежденіями, принявшими постановленія 9-го совѣта, и остававшейся на прежней позиціи вооруженной борьбы съ большевиками; 2) Черноморско - Кубанской группы Бѣлоусова, члена Кубанской рады, всецѣло присоединившейся къ постановленію совѣта и требовавшей, «въ виду позорящаго партію» поведенія Ширковцевъ, рѣшительнаго исключенія ихъ изъ партіи.

Въ средѣ лѣвыхъ соц.-рев. въ свою очередь произошелъ крупный расколъ на почвѣ «національной»[2]), при чемъ украинскіе соц.-рев. сепаратисты и ихъ органъ «Борьба» начали кампанію противъ «эмигрантовъ», т. е. россійскихъ соц.-рев.

Кубань, благодаря участію соц.-рев. въ правительствѣ и въ особенности въ большомъ числѣ въ Законодат. радѣ, стала центромъ соц.-рев. работы въ ближайшемъ раіонѣ; кубанская казна стала главнымъ источникомъ питанія этой работы. Отголоски ея сказались скоро не только на Кубани, гдѣ она подъ покровомъ казачьей власти велась открыто, но и повсюду: на Черноморскомъ побережьи — въ руководствѣ «зелеными»; въ Ставропольской губ., не изжившей большевизма за краткостью времени подчиненія совѣтамъ, — въ крестьянскихъ волненіяхъ; повсюду на территоріи В. С. Ю. Р. — въ проникновеніи соц.-рев. въ кооперативы, въ крестьянскіе союзы, даже въ правыя организаціи для подпольной работы разрушенія; наконецъ, въ блокированіи въ этихъ цѣляхъ со всѣми элементами недовольства и броженія, до большевицкихъ включительно. Тѣмъ болѣе, что старый народовольческій лозунгъ — «народовластіе» съ легкой руки украинскихъ соц.-рев. былъ подмѣненъ «трудовластіемъ», родственнымъ кровно «диктатурѣ пролетаріата».

Я не склоненъ придавать преувеличенное значеніе ни партіи соц.-рев. въ то время, ни степени успѣшности ихъ работы, кромѣ развѣ кубанскихъ. Излагаю только ея сущность.

Что касается стараго оружія партіи — террора, о немъ одно изъ постановленій екатеринодарскаго отдѣла ея гласило:

> «Прежняя тактика единоличныхъ террористическихъ актовъ всегда приносила существенную пользу и сдерживала власть въ ея произволѣ; а посему

[1]) Представитель ея проф. Ширковъ, членъ Союза Возрожденія.
[2]) На «Всеукраинскомъ съѣздѣ» въ Кіевѣ весною 1919 г.

и теперь партія с. р., не предпринимая ничего конкретнаго, согласна быть карающимъ мечемъ въ рукахъ пролетаріата».

Мечъ этотъ правыми соц.-рев. не вынимался изъ ноженъ. Что касается лѣвыхъ соц.-рев., попытки съ этой стороны, какъ увидимъ ниже, были, но безуспѣшныя.

Другая партія — соц.-дем. меньшевиковъ перенесла свою работу исключительно въ сферу профессіональнаго, отчасти кооперативнаго движенія, и не безъ извѣстнаго успѣха. Харьковъ сталъ центромъ, откуда распространялъ свое вліяніе комитетъ партіи соц.-дем. и его дубликатъ «Югпроф» по периферіи на Кавказъ, Крымъ и западную Малороссію.

Сильнѣйшее разочарованіе и озлобленіе противъ большевицкой власти за предшествовавшій періодъ ея управленія вызвало значительное поправѣніе рабочей массы, охлажденіе къ вопросамъ чисто политическимъ, а мѣстами, какъ, напримѣръ, въ раіонахъ Одессы и Кіева — враждебное отношеніе къ своимъ партійнымъ и классовымъ организаціямъ. Даже бюллетени Югпрофа констатировали тотъ фактъ, что «рабочій смертельно усталъ, весь революціонный духъ вышибленъ изъ него голодомъ, разрухой, гражданской войной. Рабочій идетъ къ правительству и проситъ обратить вниманіе на его бѣдственное положеніе» [1]). Это обстоятельство требовало извѣстнаго приспособленія и отразилось несомнѣнно на тактикѣ соц.-дем. Ставя себѣ конечной цѣлью «міровую революцію и интернаціоналъ», а ближайшей задачей «политическую организацію рабочаго класса и удержаніе завоеваній революціи» [2]) — соц.-дем. не вступали на путь сотрудничества съ властью; они демонстративно уклонились отъ участія въ комиссіи по рабочему законодательству и выступали рѣзко въ партійной печати и на рабочихъ собраніяхъ противъ командованія; но за немногими исключеніями не выходили на путь прямого дѣйствія. Они только «будили революціонную энергію въ массахъ». Къ этому призывалъ и Харьковскій партійный органъ соц.-дем. «Мысль» [3]): «Учредительное собраніе при самомъ неограниченномъ избирательномъ правѣ, но въ обстановкѣ тишины и спокойствія, легко превратилось бы въ послушное орудіе реакціи при отсутствіи революціонной энергіи въ массахъ; представители народа были бы безсильны передъ правительствомъ...»

Вообще «Мысль» (Харьковъ) и «Прибой» (Севастополь) приняли тонъ настолько вызывающій и направленіе настолько деморализующее, что властямъ пришлось закрыть ихъ.

Надо замѣтить, что отношеніе професс. органовъ, вѣрнѣе руководившихъ ими соц.-дем. и къ «реакціонной» Добровольческой, и къ «демократической» казачьей власти было одинаковымъ. Сѣверо-Кавказскій съѣздъ пред. проф. союзовъ говорилъ о «нагломъ игнорированіи даже кубанской властью союзовъ» и увѣрялъ, что «современное положеніе рабочаго класса на Кубани мало чѣмъ отличается отъ прочихъ мѣстъ Юга Россіи и не можетъ быть дальше терпимо» [4]).

Въ общемъ у меня составилось такое впечатлѣніе, что партія соц.-дем. въ лицѣ ея представителей на Югѣ Россіи, учтя настроеніе рабочихъ и разницу между совѣтскимъ и Добровольческимъ режимомъ, стремилась не къ пораженію бѣлыхъ силъ, но къ такому ихъ ослабленію, чтобы ко времени паденія большевиковъ, онѣ представляли изъ себя ничтожный политическій факторъ. Меньшевики

---

[1]) «Докладъ № 9».

[2]) «Бюллетень № 2».

[3]) Составъ сотрудниковъ бывш. Горьковской «Новой Жизни» — Санъ, Базаровъ, Кричевскій и друг.

[4]) «Заявленіе» вѣдомству вн. дѣлъ Куб. правительства. Сентябрь 1919 г.

явились средостѣніемъ между властью и рабочей средой, справедливое удовлетвореніе соціально-экономическихъ интересовъ которой не встрѣчало непреодолимыхъ затрудненій. Подобно тому, какъ правые воздвигли другую стѣну высокую, отдѣлявшую власть отъ крестьянства... Во всякомъ случаѣ, исполнительный комитетъ наиболѣе враждебно относившагося къ намъ екатеринодарскаго отд. партіи соц.-дем. меньшевиковъ въ одной изъ своихъ резолюцій предостерегалъ будущую Раду: разрывъ ея съ «правительствомъ Деникина ни въ коемъ случаѣ недопустимъ, такъ какъ это можетъ привести пролетаріатъ Юга къ очень тяжелымъ испытаніямъ...»

Между соц.-дем. меньшевиками и властью шла перманентная борьба «съ перемѣннымъ успѣхомъ», при чемъ представители власти государственной на мѣстахъ, быть можетъ, и переходили иногда предѣлы необходимости, вызывая излишнее раздраженіе. Въ частности кіевская администрація съ цѣлью порвать средостѣніе поддержала движеніе, созданное инженеромъ Кирстой противъ меньшевицкихъ проф. организацій—движеніе, имѣвшее успѣхъ весьма относительный.

Рабочая стихія тѣмъ не менѣе не выходила изъ береговъ. Возстаній ея на Югѣ не было. Забастовки — это сильное орудіе въ рукахъ рабочаго класса, если и организовывались рабочими верхами съ политической цѣлью, то разрѣшались обыкновенно путемъ экономическихъ уступокъ предпринимателей, не отражаясь существенно на веденіи вооружённой борьбы.

Что касается украинскихъ соц.-дем., они, какъ и соц.-рев., заняли совершенно непримиримую позицію къ власти Юга и «вѣковымъ насильникамъ-москалямъ... безразлично — зовутся ли они соціалистами, большевиками, кадетами или черной сотней...» Они проповѣдывали «Украинську Незалежну Народню Республику» [1]).

Въ то время, какъ соціалистическія партіи исподволь подрывали бытіе Вооруженныхъ силъ Юга извнутри, ихъ заграничные представители, вожди революціонной демократіи употребляли всѣ усилія, чтобы возстановить противъ бѣлаго движенія и «тираніи генераловъ» — правительства и общественное мнѣніе союзныхъ державъ. Въ концѣ мая въ заграничной печати появился «манифестъ», подписанный Керенскимъ, Авксентьевымъ, Миноромъ, Аргуновымъ, Зензиновымъ и друг., потомъ безчисленныя интервью, статьи и сообщенія, проводившія систематически и настойчиво идею:

— Ни Ленинъ, ни Колчакъ.

При этомъ въ средствахъ не стѣснялись. Подверженные по прежнему гипнозу словъ, они требовали «гарантій демократизма», безъ чего ни одинъ патронъ не долженъ быть посылаемъ бѣлымъ арміямъ... Въ частности моя, напримѣръ, реакціонность опредѣлялась Керенскимъ словами: «Деникина не могутъ переварить даже самые ярые русскіе консерваторы...» [2]).

* * *

Въ этомъ краткомъ обзорѣ общественныхъ и политическихъ теченій я хотѣлъ только обрисовать составные элементы не народной, конечно, но политической базы, на которую предстояло опереться власти Юга.

---

[1]) Изъ воззванія Екатериносл. губ. комитета партіи украинск. соц.-дем.
[2]) Интервью въ «Манчестеръ Гардіенъ».

Законы внутренняго притяженія и отталкиванія создали, или при извѣстныхъ обстоятельствахъ могли создать, пять комбинацій:

1) Правый блокъ; 2) Правый центръ — умѣренно-правыя партіи вокругъ Сов. Гос. Об.; 3) Центръ — умѣр.-прав., либералы, умѣренные соціалисты; 4) Лѣвый центръ — либералы и умѣренные соціалисты; 5) Лѣвый блокъ — соціалистическій.

Государственно полезной и значительно облегчающей борьбу съ большевиками была бы только третья комбинація, т. е. объединеніе умѣренно-правыхъ, либераловъ и умѣренныхъ соціалистовъ — комбинація, не нашедшая, однако, почвы въ тогдашнихъ умонастроеніяхъ русской общественности Юга, имѣвшихъ возможность проявляться явно и открыто при свѣтѣ дня. Между тѣмъ, на сѣверѣ, въ тискахъ совѣтской власти, подъ угрозой кроваваго застѣнка, необходимость такого объединенія получила, въ концѣ концовъ, осуществленіе. 1 марта 1919 г. въ Москвѣ состоялось соглашеніе, о которомъ Н. Н. Щепкинъ писалъ на Югъ:

> «Военные круги держатся различныхъ политическихъ убѣжденій и жалуются на то, что имъ неизвѣстно, за что они должны рисковать жизнью (въ Москвѣ многихъ разстрѣливали). Военные категорически заявили о необходимости соглашенія справа-налѣво, на одной временной платформѣ. Это повелительное заяленіе совпало съ назрѣвшимъ сознаніемъ о необходимости такого соглашенія во всѣхъ политическихъ кругахъ, борящихся съ большевизмомъ и совѣтской диктатурой. Такое соглашеніе состоялось между Союзомъ Возрожденія, Національнымъ центромъ и Совѣтомъ Общественныхъ дѣятелей, а черезъ него направо съ организаціями монархистовъ-конституціоналистовъ.
>
> Текстъ соглашенія: Признали необходимымъ въ настоящее время установить правильное и тѣсное взаимодѣйствіе. При всѣхъ программныхъ различіяхъ, всѣ здоровые патріотическіе элементы должны стремиться къ объединенію на ближайшихъ тактическихъ задачахъ. Между ними могутъ быть разногласія по вопросу о той власти, которая эти задачи осуществитъ. Какова бы она ни была, если она обладаетъ необходимой мощью и непреклонной рѣшимостью освободить Россію отъ большевицкаго засилья и возстановить ея государственное единство, она должна быть признана. Въ то же время она должна будетъ возстановить въ Россіи начала порядка, права и свободы, дать возможность ея экономическому, культурному подъему на основахъ широкой личной инициативы и возстановленія права собственности. Она должна осуществить и годарственно - необходимыя аграрныя и прочія соціальныя реформы. Лишь такимъ путемъ, въ атмосферѣ возстановленнаго порядка, мира и свободы станетъ возможнымъ созывъ Національнаго Собранія на демократическихъ основахъ, которое рѣшитъ вопросъ о партійныхъ убѣжденіяхъ по вопросамъ грядущаго соціальнаго и политическаго бытія Россіи и будетъ въ то же время всемѣрно стремиться сохранить единеніе для осуществленія одинаковыхъ, для всѣхъ насъ безспорныхъ ближайшихъ задачъ, отъ которыхъ зависитъ спасеніе или гибель нашей Родины».

Дѣятельность московскихъ организацій отражалась мало на событіяхъ Юга и вскорѣ пріостановилась: въ іюлѣ организація Нац. Центра была раскрыта, и 66 участниковъ ея, преимущественно изъ состава партіи к.-д., казнены. Въ томъ числѣ Н. Н. Щепкинъ (предс. Центра), А. А. Волковъ, братья А. И. и В. И. Астровы и другіе.

Южная общественность почтила горячимъ молитвеннымъ вознošеніемъ память людей «непобѣдимыхъ въ своей готовности принять муки за Родину», память «очистительной жертвы за грѣхи русской интеллигенціи...»

Но на ихъ путь — путь единенія не вышла.

Можно думать, что и московскіе дѣятели, если бы имъ довелось перейти отъ подготовительной, конспиративной работы къ открытому государственному строительству, окончили бы тѣмъ же. Слишкомъ антагонистична была психологія двухъ теченій русской общественности и слишкомъ рѣзко противоположны были ихъ идеалы и стремленія.

Такими же остались и понынѣ.

ГЛАВА XVI.

Внѣшнія сношенія Юга во второй половинѣ 1919 г.: Франція и Англія.

Внѣшняя политика правительства Юга во вторую половину 1919 г. не претерпѣла серьезныхъ измѣненій.

Послѣ Одессы и Крыма по Югу пронеслась волна германофильства, какъ слѣдствіе горькаго разочарованія въ союзникахъ, и особенно французахъ. Вѣроятно Парижъ имѣлъ преувеличенное представленіе объ этихъ настроеніяхъ, потому что они вызвали явное безпокойство въ правящихъ сферахъ Франціи и цѣлый рядъ предостереженій со стороны русскихъ политическихъ дѣятелей Парижа. Такъ, Маклаковъ, выражая крайнее опасеніе передъ возможностью возстановленія политическаго вліянія Германіи на Россію, предостерегалъ, что оно «будетъ и глубже, и вреднѣе, и безповоротнѣе . . .»

«Понимая все, что накипѣло въ душѣ — писалъ онъ — въ окончательномъ выводѣ все-таки можно съ увѣренностью сказать слѣдующее: Франція ни въ какой мѣрѣ не заинтересована въ ослабленіи Россіи, наоборотъ: сильная Россія ей необходима, такъ какъ безъ нея она въ Европѣ будетъ изолирована. У насъ нѣтъ ни малѣйшей противоположности интересовъ съ Франціей, а ея денежныя претензіи къ намъ само по себѣ требуютъ и сильной, и богатой, и единой Россіи . . . Никто изъ великихъ державъ меньше Франціи не требуетъ за свою дружбу и союзъ . . .»

Опасенія были неосновательны. Вѣроятно и убѣжденные германофилы не могли бы указать, какую реальную помощь была въ состояніи оказать русскому дѣлу въ то время Германія — поверженная, оккупированная, зависимая отъ побѣдителей — безъ ихъ санкціи.

Главное командованіе не предполагало измѣнять политическій курсъ. Такъ же относилось къ этому вопросу и Особое Совѣщаніе, на засѣданіи 28 ноября 1919 года единогласно подтвердившее необходимость придерживаться союзной оріентаціи.

Выбора не было.

Причины столь неудачной до той поры политики Франціи Маклаковъ объяснялъ извѣстнымъ «легкомысліемъ, незнаніемъ Россіи, пристрастіемъ къ демократизму, боязнью своихъ демократическихъ партій, боязнью реставраціи въ Россіи и ея германофильства» и т. д.

«Конечно, былъ нѣкоторый флиртъ съ украинцами, продолжается онъ съ поляками и финляндцами, но не забудьте, что все это основано отчасти на незнаніи, отчасти на традиціонныхъ воспоминаніяхъ и симпатіяхъ, основанныхъ въ значительной степени на позиціи русскихъ передовыхъ круговъ, которые въ своей ненависти къ старому режиму преувеличивали страданія и Польши, и Финляндіи; а еще больше на томъ, что въ моментъ крушенія Россіи, когда можно было опасаться, что Россія есть дѣйствительно разслабленный колоссъ, отъ котораго скоро ничего не останется, — Франціи приходилось цѣпляться за остатки ея прежней мощи. Но какъ только появляется вѣра въ то, что будетъ сильная Россія, всѣ симпатіи Франціи, самыя искреннія, идутъ опять къ ней».

Въ такомъ же родѣ писалъ графъ Коковцевъ, ссылаясь на свою освѣдомленность, благодаря обширнымъ связямъ въ политическомъ мірѣ Франціи:

«Въ настоящее время [1]) французы переживаютъ новый поворотный этапъ... Ихъ страшитъ будущая беззащитность передъ призракомъ возможнаго возрожденія Германіи. Они преувеличиваютъ до крайности эту способность возрожденія, быть можетъ, искренне даже не вѣрятъ въ нее, но для нихъ и для всѣхъ стороннихъ наблюдателей здѣсь ясны два положенія:

1. Глубокое внутреннее разстройство Франціи, упадокъ настроенія большинства народныхъ массъ къ продолженію вооруженной борьбы, организованность рабочаго класса, не желающаго возвращаться къ упорному труду, и неизбѣжность отсюда искать сближенія съ другими народами;
2. Крайняя ненадежность помощи Америки въ будущемъ, неустойчивость ея внѣшней политики, стремленіе ея вовсе отойти отъ европейскихъ осложненій, вернуть себѣ недавнюю замкнутость въ сферѣ собственныхъ интересовъ и невозможность поэтому разсчитывать на нее въ минуту дѣйствительной опасности.

Отсюда, больше, чѣмъ отъ серьезной вѣры въ близкую германскую опасность, съ каждымъ днемъ крѣпнетъ страхъ передъ изолированностью Франціи и необходимость подготовить въ будущемъ возстановленіе союза съ Россіей, вернуть къ себѣ наши симпатіи и сдѣлать все возможное, чтобы не допустить Россію или броситься въ объятія Германіи или же считать единственнымъ своимъ другомъ Англію и подпасть цѣликомъ подъ ея политическое и экономическое вліяніе.

Здѣсь начинаетъ даже пробиваться болѣзненная мысль, какъ бы не зародилась въ одинъ прекрасный день страшная перспектива взаимнаго сближенія Германіи, Россіи, Японіи и Италіи, на почвѣ нынѣшняго хаоса изо дня въ день осложняющихся отношеній недавнихъ союзниковъ».

Въ связи съ отправленіемъ изъ Парижа на Югъ Россіи миссіи ген. Манжена, гр. Коковцевъ «по всѣмъ доходящимъ до него свѣдѣніямъ» заключалъ, что она «имѣетъ истинной цѣлью попытаться (заставить) забыть прошлое и положить начало лучшему будущему, усматривая въ Васъ и Вашихъ силахъ ту ближайшую и реальную власть, которая способна возродить Россію изъ хаоса и разоренія».

Во время поѣздки нашей делегаціи въ Парижъ [2]) ген. Драгомировъ, послѣ посѣщенія Клемансо, въ письмѣ ко мнѣ излагалъ свои впечатлѣнія:

«Всѣ понимаютъ необходимость союза съ нами. Панически боятся реванша Германіи и чтобы мы не соединились съ Германіей противъ Европы. Клемансо былъ со мною очень предупредителенъ. Сначала рѣзко пытался нападать на насъ, что мы «враги Франціи»; ссылался на какое-то письмо Ваше къ Колчаку [3]), въ которомъ Вы будто бы весьма рѣзко критиковали политику Франціи. Пытался обвинять въ томъ же и меня. Я далъ ему на это весьма рѣзкій отпоръ, что «врагами Франціи» никогда не были, но несомнѣнно весьма отрицательно относились къ французскимъ генераламъ, создавшимъ Одесскую катастрофу. Клемансо въ концѣ концовъ нѣсколько разъ объявилъ, что будетъ оказывать намъ всяческую помощь, но, конечно, не людьми. Отъ «людей» — я поспѣшилъ отказаться, а настаивалъ на скорѣйшей м о р а л ь н о й поддержкѣ, путемъ немедленнаго формальнаго признанія правительства Колчака и принятія нашихъ представителей въ сонмъ официальныхъ пословъ другихъ державъ. На это я отвѣта не получилъ. Разговоръ кончился почти дружески повтореніемъ обѣща-

---

[1]) Письмо отъ 17 сентября 1919 года.
[2]) Іюнь-іюль 1919 г.
[3]) См. главу VIII.

нія — помочь всѣмъ, чѣмъ можетъ. Изъ письма Нератова Вы узнаете, что такую же помощь обѣщаетъ и Пишонъ».

Я убѣжденъ, что и эти, и другіе мои освѣдомители совершенно правильно освѣщали настроенія правившей Франціи. Казалось несомнѣннымъ, что положительныя отношенія ея къ противобольшевицкой Россіи имѣли подъ собою твердый базисъ: 1) угроза русскаго большевизма, 2) опасность русско-нѣмецкаго сближенія, направленнаго противъ Франціи и 3) преимущественная заинтересованность ея въ признаніи и уплатѣ Россійскаго государственнаго долга.

И, тѣмъ не менѣе, французская политика не сдѣлала своего «выбора», оставшись на распутьи: Франція дѣлила свое вниманіе между Вооруженными силами Юга, Украиной, Финляндіей и Польшей, оказывая болѣе серьезную поддержку одной лишь Польшѣ, и только для спасенія ея вступила впослѣдствіи въ болѣе тѣсныя сношенія съ командованіемъ Юга въ финальный, крымскій періодъ борьбы. Это обстоятельство придавало всей политикѣ Франціи въ русскомъ вопросѣ характеръ нерѣшительности, неустойчивости, безпочвеннаго гаданія и отсутствія той доли риска, которая законна и неизбѣжна во всякомъ большомъ политическомъ предпріятіи.

Въ итогѣ мы не получили отъ нея реальной помощи: ни твердой дипломатической поддержкой, особенно важной въ отношеніи Польши, ни кредитомъ, ни снабженіемъ.

Послѣ неудачнаго представительства капитана Фуке, во главѣ французской военной миссіи сталъ полк. Корбейль — человѣкъ серьезный и уравновѣшенный, съ которымъ установились вполнѣ дружелюбныя отношенія. Но онъ былъ представителемъ только главнаго командованія на Востокѣ, имѣлъ весьма ограниченныя полномочія и служилъ, главнымъ образомъ, передаточной инстанціей въ нашихъ сношеніяхъ съ Константинополемъ и Парижемъ. Мы связывали большія надежды съ пріѣздомъ осенью 1919 г. миссіи ген. Манжена, командированнаго уже правительствомъ, обладавшаго «широкими полномочіями», какъ гласила вѣрительная грамота [1]), обязаннаго «облегчить сношенія между Добровольческой Арміей и французскимъ командованіемъ для вящей пользы противобольшевицкой борьбы и укрѣпленія связей, соединяющихъ издавна Францію съ Россіей».

Надежды не оправдались. Въ таганрогской миссіи не было никакой русской политики, потому что ея не было и въ Парижѣ. Всѣ попытки сдвинуть вопросъ съ мертвой точки не увѣнчались успѣхомъ, и миссія сохранила свой прежній характеръ, главнымъ образомъ, освѣдомительнаго и отчасти консульскаго органа. Мы вели длительную переписку и разговоры по поводу захвата французами черноморскаго транспорта [2]) и возвращенія интернированныхъ судовъ русскаго военнаго флота; по поводу претензій французскихъ предпринимателей Кривого Рога и Донецкаго бассейна; франкофобскихъ выходокъ нѣкоторыхъ южныхъ органовъ печати и т. д., и т. д. Разговоры—нудные и раздражающіе. Была попытка со стороны французскаго командованія и къ осуществленію пресловутой англо-французской конвенціи о «зонахъ дѣйствій...» Въ августѣ 1919 г. я получилъ увѣдомленіе, что на основаніи этой конвенціи «контроль надъ пассажирами, слѣдующими во всѣ (русскіе) порты на западъ отъ входа въ Азовское море, будетъ производиться французскими властями». Для этой цѣли французы рѣшили

[1]) Отъ 15 сентября 1919 г.

[2]) Изъ одной Одессы во время эвакуаціи ушло подъ французскимъ флагомъ 22 парохода, которые потомъ съ великимъ трудомъ и проволочкой, изъ-за сопротивленія французовъ и корыстолюбія нѣкоторыхъ судовладѣльцевъ, были частично возвращены для обслуживанія В. С. Ю. Р.

послать свои паспортныя бюро сначала въ крымскіе порты, потомъ въ Одессу. Начальнику французской миссіи было сообщено о недопустимости вмѣшательства въ наши внутреннія дѣла и о томъ, что «контроль надъ лицами, прибывающими въ раіонъ В. С. Ю. Р., осуществляется россійскими дипломатическими и военными представителями за границей, безъ разрѣшенія которыхъ никто въ предѣлы Юга Россіи не можетъ быть допущенъ» [1]. Въ концѣ концовъ штабъ ген. Франше д'Эспре свелъ вопросъ къ «недоразумѣнію», и французскіе контрольные пункты, изъ чиновъ «аккредитованныхъ при русскихъ властяхъ», были допущены на побережьи, но лишь для контроля лицъ, выѣзжающихъ изъ Россіи въ Константинополь, т. е. въ фактическую зону союзной оккупаціи...

Мы ли были недостаточно энергичны, французы ли слишкомъ инертны, но экономическія отношенія съ Франціей также не налаживались. Только въ декабрѣ французское правительство аккредитовало при Особомъ Совѣщаніи своего представителя, директора русскаго отдѣла «L'Office commercial», г. Cottavoz, для установленія этихъ «огромной важности отношеній». Какъ разъ ко времени, когда началось уже отступленіе армій Юга...

Англичане, доставляя намъ снабженіе, никогда не возбуждали вопроса объ уплатѣ или компенсаціяхъ [2]. Французы не пожелали предоставить намъ огромные запасы, свои и американскіе, оставшіеся послѣ войны и составлявшіе стѣснительный хламъ, не окупавшій расходовъ на его храненіе и подлежавшій спѣшной ликвидаціи. Французская миссія съ августа вела переговоры о «компенсаціяхъ экономическаго характера» взамѣнъ за снабженіе военнымъ имуществомъ, и послѣ присылки одного, двухъ транспортовъ съ ничтожнымъ количествомъ запасовъ [3] Маклаковъ телеграфировалъ изъ Парижа, что французское правительство «вынуждено остановить отправку боевыхъ припасовъ, что было бы особенно опаснымъ для Юденича», если мы «не примемъ обязательство — поставить на соотвѣтствующую сумму пшеницу» [4].

Это была уже не помощь, а просто товарообмѣнъ и торговля. Такое соглашеніе, помимо нашихъ финансовыхъ затрудненій, осложнялось значительно тѣмъ еще обстоятельствомъ, что, въ корнѣ разрушая принципъ моральнаго обязательства союзной помощи въ борьбѣ съ общимъ врагомъ, могло вызвать, какъ о томъ предупреждалъ и Маклаковъ, соотвѣтственныя требованія и со стороны Англіи. Казнѣ Вооруженныхъ силъ Юга такая тягота была бы не подъ силу.

И, тѣмъ не менѣе, я былъ искрененъ, когда въ октябрѣ на пріемѣ французской миссіи, во главѣ съ ген. Манженомъ, говорилъ:

> «Въ жизни народовъ бываютъ моменты паденія и возрожденія, моменты сдвига съ историческаго пути и переоцѣнки взаимоотношеній. Но неумолимый законъ бытія не допускаетъ уклоненія отъ поставленныхъ имъ вѣхъ. Въ такомъ положеніи находятся русско-французскія отношенія, созданныя не людьми, а взаимными жизненными интересами народовъ. Эти отношенія не могутъ измѣниться безъ глубокихъ потрясеній. Намъ суждено идти по одной дорогѣ, и всѣ препятствія на ней должны быть устранены».

* * *

---

[1] Нота отъ 2 августа 1919 г.

[2] Французская миссія утверждала, что половина расходовъ по снабженію, доставляемому англичанами, ложится на Францію; англійская — отрицала это обстоятельство.

[3] Въ ноябрѣ прибыло еще 4 транспорта.

[4] Депеши отъ 21 и 22 сентября. №№ 2503 и 2504.

Отправляя въ маѣ 1919 г. на Югъ новаго главу британской миссіи, ген. Хольмана, военный министръ Черчиль писалъ мнѣ:

«Я надѣюсь, что Вы отнесетесь къ нему съ полнымъ довѣріемъ... Въ согласіи съ политикой правительства Его Величества, мы сдѣлали все возможное, чтобы помочь Вамъ во всѣхъ отношеніяхъ. Мое министерство окажетъ Вамъ всякую поддержку, какая въ нашей власти, путемъ доставки военнаго снаряженія и спеціалистовъ-экспертовъ. Но Вы безъ сомнѣнія поймете, что наши рессурсы, истощенные великой войной, не безграничны... тѣмъ болѣе, что они должны служить для выполненія нашихъ обязательствъ не только въ Южной, но и въ Сѣверной Россіи и Сибири, а въ сущности на пространствѣ всего земного шара».

Вскорѣ въ составъ миссіи былъ включенъ морской представитель капитанъ Фримантль, а въ концѣ года и дипломатическій; послѣднимъ былъ назначенъ состоявшій ранѣе начальникомъ штаба военной миссіи, полковникъ Кизъ (Keys). Характерно, что, перейдя въ вѣдомство иностранныхъ дѣлъ Керзона, полк. Кизъ сразу измѣнилъ той прямой, открытой и доброжелательной политикѣ, которая отличала всегда англійскую военную миссію.

И англійская политика въ русскомъ вопросѣ за вторую половину 1919 г. не стала прямолинейнѣе, обстоятельство тѣмъ болѣе важное, что Ллойдъ-Джорджъ пользовался весьма большимъ вліяніемъ и въ Верховномъ Совѣтѣ, засѣдавшемъ въ Версалѣ.

Несомнѣнно, колебанія англійской политики находились въ большой зависимости отъ успѣховъ или неудачъ на бѣлыхъ фронтахъ, укрѣпляя поперемѣнно то друзей нашихъ, то недруговъ среди общественныхъ и парламентскихъ круговъ Англіи. Весьма чуткимъ барометромъ для этихъ настроеній служилъ глава ея правительства, имѣвшій всегда большое тяготѣніе къ сближенію съ большевиками. Осенью 1919 г., когда обнаружились крупныя неудачи на Восточномъ фронтѣ, Ллойдъ-Джорджъ сталъ подготавливать общественное мнѣніе къ крутому повороту политическаго курса: «Я не могу рѣшиться — говорилъ онъ — предложить Англіи взвалить на свои плечи такую страшную тяжесть, какой является водвореніе порядка въ странѣ, раскинувшейся въ двухъ частяхъ свѣта, въ странѣ, гдѣ проникавшія внутрь ея чужеземныя арміи всегда испытывали страшныя неудачи... Я не жалѣю объ оказанной нами помощи Россіи, но мы не можемъ тратить огромныя средства на участіе въ безконечной гражданской войнѣ... Большевизмъ не можетъ быть побѣжденъ оружіемъ, и намъ нужно прибѣгнуть къ другимъ способамъ, чтобы возстановить миръ и измѣнить систему управленія въ несчастной Россіи...»

Подымая вновь свой неудавшійся проектъ конференціи на Принцевыхъ островахъ, онъ высказывалъ надежду, что «съ наступленіемъ зимы всѣ существующія въ Россіи правительства нѣсколько одумаются, и тогда великія державы будутъ имѣть возможность предложить вновь свое посредничество, дабы въ Россіи установились, наконецъ, порядокъ и спокойствіе...» Цѣлесообразность содѣйствія адм. Колчаку и ген. Деникину являются тѣмъ болѣе вопросомъ спорнымъ, что они «борются за Единую Россію...» «Не мнѣ указывать — соотвѣтствуетъ ли этотъ лозунгъ политикѣ Великобританіи... Одинъ изъ нашихъ великихъ людей, лордъ Биконсфильдъ видѣлъ въ огромной, могучей и великой Россіи, катящейся подобно глетчеру по направленію къ Персіи, Афганистану и Индіи, самую грозную опасность для Великобританской имперіи...» [1]).

---

[1]) Изъ отчетовъ о засѣданіяхъ англійскаго парламента 8 и 17 ноября н. ст.

Впечатлѣніе этихъ заявленій на Югѣ Россіи — на фронтѣ и въ тылу было весьма тяжелымъ. Въ нихъ увидѣли окончательный отказъ отъ борьбы и отъ помощи противобольшевицкимъ силамъ — въ самый трудный для насъ моментъ. Россійская общественность, печать, политическія организаціи отозвались на лондонскія рѣчи статьями и постановленіями, полными горькой обиды и рѣзкаго осужденія. Необходимо отмѣтить, что и въ Англіи точка зрѣнія Ллойдъ-Джорджа также далеко не встрѣтила единодушнаго признанія. Въ горячихъ рѣчахъ сторонниковъ Россіи, въ повременной печати мы находили тогда не разъ отголоски нашихъ собственныхъ чувствъ и мыслей.

«Сейчасъ для насъ важно рѣшить — писалъ «Times» — бросимъ ли мы дружественный народъ на произволъ судьбы, послѣ всего того, что имъ сдѣлано для насъ, или же будемъ помогать ему всѣми средствами, имѣющимися въ нашемъ распоряженіи... Совершенно вѣрно, что военное вмѣшательство нынѣ немыслимо. Но вѣрно также и то, что мы можемъ путемъ оказанія полной матеріальной и нравственной помощи нашимъ русскимъ друзьямъ содѣйствовать ихъ конечному торжеству».

Существовало, наконецъ, еще одно теченіе, представленное Асквитомъ, довольно безразлично трактовавшее политическую и моральную сторону обязательствъ по отношеніи къ Россіи и допускавшее на практикѣ только одно изъ двухъ противоположныхъ рѣшеній: «либо оказывать Россіи помощь въ полной мѣрѣ, либо предоставить ее собственнымъ силамъ».

Пока такими извилистыми линіями начертывались судьбы русскаго вопроса въ міровыхъ центрахъ, на Югѣ непосредственныя взаимоотношенія складывались вполнѣ благопріятно. Въ августѣ - сентябрѣ англійскія войска покинули Азербейджанъ и Грузію, чѣмъ устранено было много острыхъ поводовъ для столкновеній. Оккупаціонный отрядъ занималъ еще Батумъ, судьба области оставалась неопредѣленной, и ген.-губернаторъ ея Кукъ-Колисъ продолжалъ безъ измѣненія ту политику, которая была такъ характерна для англійской оккупаціи въ Закавказьи... Англійское общество «Левантъ» захватывало закавказскій марганецъ, и шли какіе-то разговоры о проведеніи трансъ-Кавказской жел.-дор. линіи отъ Батума черезъ Карсъ и Персію... Но и миссія и англійское военное министерство вносили умѣряющее начало въ дѣятельность Кукъ-Колиса.

Англичане передали намъ Каспійскую флотилію. Генералъ Гринли, военный представитель въ Румыніи, по порученію Черчиля поддерживалъ тамъ весьма настойчиво наши интересы. Ген. Бриггсъ, съ вѣдома военнаго министерства и при нѣкоторомъ противодѣйствіи дипломатическаго вѣдомства, направившись въ Варшаву, также какъ и членъ парламента Макъ - Киндеръ, склоняли всемѣрно польское правительство къ совмѣстнымъ съ нами наступательнымъ дѣйствіямъ. И т. д., и т. д.

Военное снабженіе продолжало поступать — правда, въ размѣрахъ недостаточныхъ для нормальнаго обезпеченія нашихъ армій, но все же это былъ главный, жизненный источникъ ихъ питанія.

Глава британской миссіи ген. Хольманъ и его многочисленный штабъ не отдѣляли совершенно русскихъ интересовъ отъ англійскихъ. Въ одномъ интервью ген. Хольманъ заявилъ: «находясь здѣсь, я считаю себя прежде всего офицеромъ штаба ген. Деникина, въ которомъ долженъ такъ же работать на пользу Россіи, какъ работалъ во время войны, во Франціи, въ штабѣ генерала Раулинсона». И это не было только фразой. Онъ работалъ съ большой энергіей, увлеченіемъ и пользой для нашего дѣла. Въ узкихъ предѣлахъ, не могшихъ вызвать особеннаго вниманія и тревоги парламента и въ особенности рабочей партіи, англій-

ское командованіе допускало участіе англичанъ и въ боевыхъ дѣйствіяхъ. Такъ Черноморская британская эскадра оказывала нашимъ войскамъ серьезную поддержку въ операціяхъ на побережьи Азовскаго и Чернаго морей; англійскіе авіаціонные отряды вели самоотверженно развѣдку и бои въ рядахъ нашихъ армій, и самъ Хольманъ лично участвовалъ въ воздушныхъ атакахъ...

Двѣ морали, двѣ политики, двѣ «руки» — дающая и отъемлющая. И двойной слѣдъ, оставленный въ памяти русскихъ людей: горечь при мысли о пропавшихъ, неповторимыхъ возможностяхъ и благодарность сердечная тѣмъ, кто искренно намъ помогалъ.

ГЛАВА XVII.

Польша.

Третье мѣсто по значенію въ судьбахъ противобольшевицкаго движенія по справедливости принадлежитъ Польшѣ.

Рядомъ международныхъ трактатовъ, заключенныхъ въ серединѣ 1919 года, установлена была основная западная граница Польши, подлежавшая впослѣдствіи частичному видоизмѣненію путемъ договоровъ, плебисцита и санкцій разграничительныхъ комиссій. Что касается восточной границы, то съ весны 1919 г. союзная комиссія изучала этотъ вопросъ, привлекая въ частномъ порядкѣ и свѣдущихъ лицъ, политически неотвѣтственныхъ, рекомендованныхъ русскимъ Парижскимъ совѣщаніемъ. Но рѣшеніе этого вопроса безъ Россіи представляло непреодолимыя трудности. И Верховный Совѣтъ все откладывалъ свое рѣшеніе, выжидая событій и въ частности исхода гражданской войны въ Россіи.

Въ общемъ, отношеніе Англіи къ созданію «Великой Польши» за счетъ Россіи было явно отрицательнымъ, и лордъ Керзонъ предостерегалъ польское правительство «удержать свои притязанія въ разумныхъ предѣлахъ, не стремясь поглотить народности, не имѣющія съ Польшей племенного родства, могущія быть лишь источникомъ слабости и распада...». Отношеніе Франціи было колеблющимся: продолжалось гаданіе — поставить ли рѣшительную карту на Великую Польшу или Великую Россію...

Осенью 1919 г. Верховный Совѣтъ по настоянію Польши опредѣлилъ, наконецъ [1]), временную восточную границу Польши, проведя ее примѣрно по рубежамъ прежней «конгрессовой» Польши, безъ сѣверной части Сувалкской губ., отходившей къ Литвѣ, и съ присоединеніемъ части Гродненской губ. (Бѣлостокскій уѣздъ), но безъ Гродно и Брестъ-Литовска. Въ этихъ предѣлахъ Польшѣ предоставлено было ввести нормальное государственное управленіе, тогда какъ дальнѣйшее ея расширеніе на востокъ ставилось въ зависимость отъ согласія Россійскаго Учред. Собранія. По словамъ Сазонова [2]), союзныя державы считали, что линія эта «соотвѣтствуетъ заявленію Временнаго правительства 17 марта 1917 г. объ этнографической основѣ размежеванія». Что же касается включенія въ составъ Польши Холмщины, это объяснялось «вѣковой принадлежностью ея къ Польшѣ и фактомъ оппозиціи въ Госуд. Думѣ противъ правительственнаго проекта ея выдѣленія въ 1911 году...»

---

[1]) Постановленіе отъ 19 ноября 1919 г.
[2]) Телеграмма отъ 19 сентября 1919 г.

Земли, лежавшія восточнѣе, внѣ указанной линіи, составили три военныхъ округа — Виленскій, Брестскій и Волынскій, во главѣ которыхъ сталъ «гражданскій комиссаръ», подчиненный польскому главному командованію.

Актъ Верховнаго Совѣта вызвалъ большое волненіе среди польскаго общества, ни одна изъ политическихъ группировокъ котораго не мирилась съ такой границей. Въ польской печати по поводу ея началась жестокая полемика, перенесенная и въ Сеймъ; въ этой полемикѣ опредѣлилось два главныхъ теченія касательно литовско-бѣлорусскихъ земель. Соціалисты («лѣвица») настаивали на возсозданіи «Великой Литвы» [1]), включающей этнографическую территорію литовцевъ и бѣлоруссовъ и связанной съ Польшей уніей. Къ этой точкѣ зрѣнія примыкали и крупные аграріи литовскихъ и западно-русскихъ губерній. Такая комбинація, по словамъ польскаго историка [2]), создала бы буферъ между Польшей и Россіей, отвѣчала бы «идеѣ самоопредѣленія народовъ» (?), а польскій элементъ въ этихъ земляхъ, «преобладая въ культурномъ отношеніи, занялъ бы господствующее положеніе, способствуя современемъ сліянію «Великой Литвы» съ Польшей...» Эти откровенныя мечты о полонизаціи чужеродныхъ элементовъ встрѣчали, однако, непреоборимыя препятствія: острую враждебность литовцевъ къ полякамъ и полную инертность бѣлоруссовъ къ вопросу своего «самоопредѣленія». «Странное зрѣлище — говоритъ Kutzeba — представляли поляки — поборники бѣлорусской государственности — среди народа, въ которомъ трудно было... разбудить національное сознаніе и найти элементы, могущіе создать ядро для кристаллизаціи этой государственности...»

Второе теченіе, которое нашло послѣдователей среди «правицы» и, главнымъ образомъ, «народовой демократіи», преслѣдовало инкорпорацію всѣхъ литовскихъ и русскихъ земель, «гдѣ имѣется абсолютное или условное преобладаніе польскаго элемента, вообще — гдѣ населеніе по преимуществу католической религіи (уніаты?) и польской культуры, не взирая на національность...» Наглядная карта широко раздвигала предѣлы предполагаемаго польскаго вторженія въ русскія земли, захватывая большую часть Бѣлоруссіи, часть Волыни и Подоліи. Этотъ планъ строился въ расчетѣ на «доброе согласіе» съ Россіей, въ виду угрожающаго положенія Польши на западѣ... При этомъ о возвращеніи намъ Холмщины поляки всѣхъ толковъ не могли слышать безъ гнѣва.

Первый планъ, подъ видомъ «самоопредѣленія» народовъ проводившій чистѣйшій захватъ, поддерживался начальникомъ государства — Пилсудскимъ. Второй — совершенно произвольно сочетавшій на пользу «польскости» элементы національный, вѣроисповѣдный и культурный, поддерживался большинствомъ польскаго Сейма.

Такое одностороннее предрѣшеніе Польшей огромной важности вопроса имѣло противъ себя политику державъ Согласія, русскихъ противобольшевицкихъ правительствъ и Литвы и вооруженное противодѣйствіе Красной арміи. Потенціально оно углубляло и обостряло національное сознаніе русскаго народа, котораго не могли въ немъ вытравить тяжкіе годы коммунистическаго владычества.

Правица желала считаться съ Россіей «завтрашней» и требовала отъ правительства «сотрудничества съ Колчакомъ и Деникинымъ». Лѣвица требовала мира съ большевиками...

---

[1]) Люблинская унія 1569 г.

[2]) Stan. Kutzeba. «Polska odrodzona».

Парижское русское совѣщаніе и правительства Омска и Екатеринодара были совершенно единодушны въ основахъ своей польской политики: сохраненіе временной границы, намѣченной Верховнымъ Совѣтомъ, этнографическое начало, какъ база окончательнаго разграниченія, и санкція — Всероссійскаго Учредительнаго Собранія.

* * *

Предпринимая наступленіе въ направленіи Кіева, я имѣлъ въ виду огромное значеніе соединенія Добровольческой Арміи съ польскими силами, наступающими къ линіи Днѣпра. Это соединеніе выключало бы автоматически весь западный фронтъ и освобождало бы значительную часть силъ Кіевской и Новороссійской областей для дѣйствій въ сѣверномъ направленіи. Наступленіе польскихъ войскъ къ Днѣпру отвлекло бы серьезныя силы большевиковъ и обезпечило бы надежно съ запада наши арміи, идущія на Москву. Наконецъ, соединеніе съ поляками открывало намъ желѣзнодорожные пути въ западную Европу — къ центрамъ политическаго вліянія и могущества, къ источникамъ матеріальнаго питанія арміи.

Относясь лично съ полнымъ сочувствіемъ къ возрожденію польскаго государства, я не считалъ неизбѣжныя трудности русско-польскихъ отношеній непреодолимыми. И, во всякомъ случаѣ, былъ твердо увѣренъ, что ближайшіе пути наши связаны неразрывно, такъ какъ судьба и Польши, и Россіи находится въ явной и роковой зависимости отъ долгоденствія совѣтской власти...

Военное управленіе послало въ Варшаву представителемъ В. С. Ю. Р. полковника Долинскаго, но отъ него долго не получалось никакихъ извѣстій. Вообще событія и настроенія тогдашней Польши намъ были мало знакомы. Мой штабъ настаивалъ поэтому на скорѣйшемъ установленіи связи, воздѣйствуя въ этомъ направленіи на союзныхъ представителей и графа Бемъ-де-Косбанъ—съ начала 1919 г. состоявшаго при главномъ командованіи представителемъ «Польскаго національнаго комитета». Отношеніе съ нашей стороны и военной и гражданской власти къ мѣстнымъ полякамъ — касалось ли дѣло защиты интересовъ польскихъ гражданъ, ре-эвакуаціи ихъ, мобилизаціи призывныхъ классовъ для польскихъ войскъ, формированія и обезпеченія польской бригады полк. Зелинскаго[1]) — было въ высокой степени доброжелательнымъ. Не по расчету, а по сердцу. И я увѣренъ, что поляки, оставившіе въ 1918—19 годахъ территорію Юга, унесли съ собою не плохія воспоминанія о пріютившемъ ихъ краѣ...

Въ началѣ 1919 г. польскій ген. штабъ телеграфировалъ Энно, что для свиданія со мной ѣдетъ миссія Остаповича; но она не появлялась. Только въ сентябрѣ прибыли, наконецъ, военная и экономическая миссіи, возглавленныя — первая бывш. генераломъ русской службы Карницкимъ, вторая — бывш. польскимъ министромъ торг. и пром. Иваницкимъ.

Пріемъ польской миссіи, 13 сентября, въ Таганрогѣ, носилъ характеръ торжественный и сердечный. На банкетѣ, данномъ въ честь миссіи, я обратился къ присутствовавшимъ съ краткимъ словомъ:

> «Послѣ долгихъ лѣтъ взаимнаго непониманія и междуусобной распри, послѣ тяжелыхъ потрясеній міровой войны и общей разрухи, два братскихъ славянскихъ народа выходятъ на міровую арену въ новыхъ взаимоотношеніяхъ, осно-

[1]) Бригада со всей матеріальной частью отправлена была въ концѣ 1918 г. моремъ черезъ Одессу на соединеніе съ польской арміей.

ванныхъ на тождествѣ государственныхъ интересовъ и на общности внѣшнихъ противодѣйствующихъ силъ.

Я отъ души желаю, чтобы пути наши болѣе не расходились.

Подымаю бокалъ за возрожденіе Польши и за нашъ будущій кровный союзъ».

Никогда еще не приходилось мнѣ сожалѣть до такой степени о сказанныхъ словахъ.

Карницкій не принялъ «вызова». Его краткое отвѣтное слово было такъ безпредметно и сухо, что на другой день онъ счелъ нужнымъ въ официальный текстъ для печати ввести нѣсколько учтивыхъ фразъ, чтобы не вызвать смущенія въ русской общественности. А «начальникъ штаба миссіи», маіоръ Пшездецкій[1]) недоумѣнно спрашивалъ своего русскаго сосѣда по столу о «причинахъ» банкета и русскаго радушія: «Судя по рѣчамъ, здѣсь чествуютъ союзниковъ. Но поляки еще не союзники и, быть можетъ, они попали сюда по ошибкѣ...»

Черезъ нѣсколько дней маіоръ Пшездецкій вернулся къ этому вопросу въ разговорѣ съ полк. Нолькеномъ[2]). Онъ выразилъ «сожалѣніе», что многіе русскіе невѣрно поняли, будто между Югомъ Россіи и Польшей заключенъ союзъ. И, желая «разсѣять создавшееся недоразумѣніе», просилъ довести объ этомъ до свѣдѣнія «высшихъ чиновъ»: «Намъ незачѣмъ сговариваться изъ-за боязни большевиковъ — говорилъ онъ. — Большевиковъ мы не боимся. Болѣе сильной арміи, чѣмъ у насъ теперь, ни у кого уже нѣтъ. Мы можемъ двигаться впередъ вполнѣ самостоятельно. Назадъ мы не пойдемъ. Мы дошли до (своей) границы; теперь подходимъ къ предѣламъ русской земли и можемъ помочь вамъ. Но мы желаемъ знать заранѣе, что намъ заплатятъ за нашу кровь, которую намъ придется пролить за васъ. Если у васъ нѣтъ органа, желающаго съ нами говорить по тѣмъ вопросамъ, которые насъ такъ волнуютъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не авторитетенъ для рѣшенія вопросовъ о территоріи, то намъ здѣсь нечего дѣлать».

Объ этомъ откровенномъ разговорѣ своего помощника былъ освѣдомленъ официально ген. Карницкій, который въ тотъ же день явился ко мнѣ крайне угнетенный, принесъ извиненіе и спросилъ, удовлетворитъ ли меня немедленное откомандированіе Пшездецкаго въ Варшаву.

— Я понимаю, — говорилъ онъ, — что для насъ соглашеніе съ Россіей — вопросъ жизни и смерти. И начальникъ государства (Пилсудскій) и предсѣдатель правительства (Падеревскій), напутствуя меня, требовали во что бы то ни стало добиться соглашенія. Иначе наше положеніе между Германіей и Россіей грозитъ чрезвычайными потрясеніями...

Позднѣйшія событія показали, что не Карницкій, а именно Пшездецкій былъ выразителемъ истинныхъ настроеній польской власти.

Встревоженный прекращеніемъ военныхъ дѣйствій на польско-большевицкомъ Волынскомъ фронтѣ, я спросилъ Карницкаго о причинахъ этого факта и получилъ завѣреніе, что по чисто военнымъ соображеніямъ было заключено трехнедѣльное перемиріе, срокъ котораго уже кончается, и боевыя дѣйствія «вѣроятно» уже возобновились...

Начались переговоры. По свѣдѣніямъ изъ французской миссіи Карницкому даны были инструкціи настаивать передъ командованіемъ Юга на границахъ «Великой Польши», обнимающихъ Курляндію съ Балтійскимъ побережьемъ, Лит-

[1]) Бывшій офицеръ австрійской службы.
[2]) Нашъ штабъ-офицеръ, завѣдывавшій связью съ иностранными миссіями.

ву, Бѣлоруссію и Волынь... Полковникъ Корбейль предостерегалъ Карницкаго отъ предъявленія столь неумѣренныхъ требованій. Въ разговорахъ со мною, впрочемъ, Карницкій не былъ такъ категориченъ и интересовался болѣе моими взглядами на судьбу «земель польскаго разселенія», которыя на спеціальной картѣ непропорціонально густо закрашены были черными точками, проникавшими далеко на востокъ — къ Кіеву и Одессѣ. Я указывалъ на несвоевременность окончательнаго разрѣшенія вопроса и настаивалъ на сохраненіи «временной границы», до разрѣшенія судебъ приграничныхъ земель совмѣстно польской и будущей обще-русской властью. Вмѣстѣ съ тѣмъ я указывалъ Карницкому на крайнюю необходимость въ обоюдныхъ интересахъ немедленнаго наступленія восточной польской арміи до линіи верхняго Днѣпра. При этомъ разграничительная линія между польской и русской арміями опредѣлилась бы на основаніи стратегическихъ соображеній, а въ зонѣ польскаго наступленія, восточнѣе «временной границы» водворялась бы русская администрація, подвѣдомственная, однако, на время операцій польскому командованію на общемъ основаніи «Положенія о полевомъ управленіи войскъ» [1]).

Проходили мѣсяцы, отвѣта изъ Варшавы не получалось; войска Кіевской области находились въ угрожаемомъ положеніи, дивизія за дивизіей совѣтскихъ войскъ перебрасывались съ польскаго на нашъ фронтъ, а поляки не двигались съ мѣста. Въ бесѣдѣ съ журналистами Иваницкій объяснялъ это обстоятельство отвлеченіемъ силъ «въ виду угрозы корпуса фонъ-деръ-Гольца и осложненій съ нѣмцами въ Силезіи...» Ген. Карницкій, послѣ четырехмѣсячнаго воздѣйствія на него моего, ставки, англійской и французской миссій, счелъ возможнымъ сообщить газетамъ: «цѣлью наступленія польской арміи поставлена линія Двинскъ — Витебскъ — Орша — Могилевъ — Мозырь — Каменецъ-Подольскъ... Дальше идутъ исконныя русскія земли, проникать за которыя поляки не считаютъ себя вправѣ... Что касается отношеній къ Добровольческой Арміи..., то помощь въ видѣ энергичной борьбы съ русскимъ большевизмомъ съ удовольствіемъ будетъ дана правительствомъ, но за ней до сихъ поръ къ Польшѣ не обращались» [2]).

Наконецъ, уѣзжая въ Польшу, при прощаніи со мной представитель польскаго правительства по поводу рокового бездѣйствія польскихъ войскъ на Волынскомъ театрѣ оправдывался тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Варшавѣ считаютъ, будто я не признаю даже независимости Польши и, кромѣ того, не имѣю надлежащихъ полномочій, вслѣдствіе чего тамъ ждутъ результатовъ сношеній съ Верховнымъ правителемъ, адм. Колчакомъ... [3]). Онъ обѣщалъ немедленно по пріѣздѣ въ Варшаву «разъяснить досадное недоразумѣніе».

Изъ самой Польши стали приходить вѣсти еще болѣе тревожныя. Полковникъ Долинскій, подъ предлогомъ формальныхъ недочетовъ въ его грамотѣ, не былъ даже признанъ въ качествѣ нашего представителя и претерпѣлъ не мало униженій. Русскіе люди, занесенные судьбою на польскую территорію, подвергались всевозможнымъ стѣсненіямъ и были только, только терпимы. Полонизація русскихъ земель на восточныхъ «кресахъ» была въ полномъ разгарѣ. Польская пресса, довольно равнодушная къ Вооруженнымъ Силамъ Юга вначалѣ, по

---

[1]) Эти соображенія изложены были и въ меморандумѣ, данномъ ген. Бриггсу, передъ его поѣздкой въ Варшаву, къ Пилсудскому.

[2]) Бесѣда съ Карницкимъ, напечатанная въ № 449 «Вечерняго Времени».

[3]) Польской миссіи было извѣстно о предоставленіи мнѣ Верховнымъ правителемъ права сношеній съ Польшей и другими державами, съ территоріями которыхъ соприкасались В. С. Ю. Р.

мѣрѣ продвиженія ихъ къ Кіеву почти поголовно начала отчаянную травлю России и Добровольческой Арміи.

«Gazeta Polska», пріоткрывая, повидимому, карты ген. штаба, писала:

«Если генералъ Деникинъ, не обращая вниманія на поставленную ему Антантой (?) цѣль (Москву), все же начнетъ продвигаться (къ Кіеву), имѣя въ виду соединиться съ польскими войсками, какъ съ союзниками въ борьбѣ съ большевизмомъ, то онъ ошибается: польскія войска вынуждены были бы указать ему, что не туда лежитъ его путь...»

Въ польскихъ газетахъ появилась «декларація польскаго демократическаго союза», содержаніе которой вкратцѣ передавала «Варшавская Рѣчь»:

«Декларація содержитъ четыре мотивированныхъ пункта, изъ которыхъ первый гласитъ, что польская политика на Востокѣ должна стремиться къ оттѣсненію Россіи за Днѣпръ; второй пунктъ отмѣчаетъ возможность налаженія добрососѣдскихъ отношеній съ Россіей въ ея естественныхъ этнографическихъ границахъ; третій пунктъ указываетъ на необходимость налаженія дружественныхъ отношеній съ Украиной для взаимнаго обезпеченія передъ захватной политикой Россіи; четвертый пунктъ требуетъ дать возможность Украинѣ придти къ соглашенію съ государствами Антанты и тѣмъ самымъ парализовать русское вліяніе на Украинѣ».

Словомъ, все наше освѣдомленіе сходилось въ опредѣленіи того принципа, которымъ руководствовались въ русскомъ вопросѣ польское правительство и руководящіе круги общества:

«Нужно, чтобы большевики били Деникина, а Деникинъ билъ большевиковъ».

* * *

26 ноября я послалъ письмо начальнику Польскаго государства, Пилсудскому:

«Встрѣтивъ нѣкогда съ чувствомъ полнаго удовлетворенія поворотъ русской политики въ сторону признанія національныхъ правъ польскаго народа, я вѣрилъ, что этотъ поворотъ знаменуетъ собою забвеніе прошлыхъ историческихъ ошибокъ и союзъ двухъ родственныхъ народовъ.

Но я ошибся.

Въ эти тяжкіе для Россіи дни Вы — поляки повторяете наши ошибки едва ли не въ большей степени.

Я разумѣю стремленіе къ занятію русскихъ земель, не оправдываемое стратегической обстановкой; вводимое въ нихъ управленіе, отрицающее русскую государственность и имѣющее характеръ полонизаціи; наконецъ, тяжелое положеніе Русской Православной Церкви какъ въ Польшѣ, такъ и въ оккупированныхъ ею русскихъ земляхъ.

Для меня совершенно ясно, что именно теперь создаются тѣ основы, на которыхъ будутъ построены на долгіе годы международныя отношенія. И нынѣшнія ошибки наши будутъ оплачены въ будущемъ обильной кровью и народнымъ обнищаніемъ на радость врагамъ Славянства.

Мнѣ нѣтъ надобности доказывать Вамъ, что непонятная для русскаго общества политика польскаго правительства можетъ дать весьма серьезную опору германофильскому теченію, которое ранѣе у насъ не имѣло почвы.

Я нисколько не сомнѣваюсь, что, если бы когда-либо такое теченіе возобладало, оно имѣло бы роковое значеніе для Польской республики.

Этого допустить нельзя.

Между тѣмъ, восточная польская армія, успѣшно наступавшая противъ большевиковъ и петлюровцевъ, въ дни наиболѣе тяжкіе для русскихъ войскъ,

вотъ уже около трехъ мѣсяцевъ прекратила наступленіе, давъ возможность большевикамъ перебросить на мой фронтъ до 43 тысячъ штыковъ и сабель. Большевики такъ увѣрены въ пассивности польскаго фронта, что на Кіевскомъ и Черниговскомъ направленіяхъ они совершенно спокойно наступаютъ тыломъ къ нему.

Правда, вотъ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ польская военная миссія выясняетъ наши взаимоотношенія... Но за это время обстановка на нашемъ фронтѣ становится все болѣе и болѣе тяжелой. При такихъ условіяхъ, казалось бы, не время спорить о компенсаціяхъ. Тѣмъ болѣе, что въ сознаніи честныхъ русскихъ людей счастье Родины не можетъ быть пріобрѣтаемо цѣною ея расчлененія.

Станемъ на реальную почву: паденіе Вооруженныхъ силъ Юга Россіи или даже значительное ихъ ослабленіе поставятъ Польшу лицомъ къ лицу съ такою силою, которая, никѣмъ болѣе не отвлекаемая, угрожаетъ самому бытію Польши и гибелью ея культуры. Всякія завѣренія большевиковъ въ противномъ—обманъ.

Русскія арміи Юга вынесутъ новое испытаніе. Конечная побѣда наша несомнѣнна. Вопросъ лишь въ томъ, какъ долго будетъ длиться анархія, какою цѣною, какою кровью будетъ куплено освобожденіе.

Но тогда, вставъ на ноги, Россія вспомнитъ, кто былъ ей другомъ.

Отъ души желаю, чтобы при этомъ не порадовались нѣмцы.

Уважающій Васъ А. Деникинъ».

Непосредственно съ Пилсудскимъ и его правительствомъ имѣли бесѣду по русскому вопросу ген. Бриггсъ и уполномоченный англійскаго правительства, членъ парламента Макъ-Киндеръ. Бриггсъ вынесъ впечатлѣніе, что главной причиной неудачи его миссіи было предрѣшеніе польскаго правительства заключить союзъ съ Румыніей, направленный противъ Россіи [1]). Ген. Пилсудскій объяснялъ отсутствіе взаимодѣйствія съ русскими противобольшевицкими силами тѣмъ обстоятельствомъ, что ему «къ сожалѣнію не съ кѣмъ разговаривать», такъ какъ «и Колчакъ, и Деникинъ — реакціонеры и имперіалисты...»

Болѣе подробныя данныя о своей миссіи въ Варшаву привезъ намъ въ концѣ 1919 г. Макъ-Киндеръ:

— «Съ Германіей Польша не можетъ быть дружественной и поэтому должна быть въ дружбѣ съ Россіей. Пилсудскій заявилъ, что *весною можетъ начать наступленіе на Москву* [2]). *Зимою онъ двигаться впередъ не можетъ*; его войска уже на Березинѣ и сзади 100 верстъ опустошенной страны, что сильно затрудняетъ снабженіе арміи. Пилсудскій сказалъ, что съ большевиками онъ не хочетъ заключать мира; но что онъ встрѣтилъ затрудненіе въ соглашеніи съ ген. Деникинымъ, который всегда ссылается или на Колчака, или на будущее Учредительное Собраніе. Онъ радъ, что Англія хочетъ видѣть Польшу въ дружбѣ съ Россіей. Что касается пограничной линіи, проведенной на конференціи, то Пилсудскій считаетъ, что къ западу отъ нея — неотъемлемая польская территорія, а земли къ востоку должны войти въ то или иное государство на основаніи плебисцита».

Тогда же Пилсудскій выразилъ согласіе на устройство свиданія между нимъ и мною.

Это было въ январѣ, когда палъ Кіевъ, начиналась агонія Новороссіи, Добровольческая и Донская арміи отступили за Донъ...

---

[1]) Трактатъ подписанъ только 18 февраля 1921 г. и предусматриваетъ взаимное обязательство по оборонѣ восточныхъ границъ и солидарность въ отношеніи русской политики.

[2]) Содѣйствіе поляковъ допускалось нами только до линіи верхняго Днѣпра, примѣрно отъ Орши до устья Припяти.

Обѣщаніе помощи весною звучало злой ироніей...

Было ли оно по крайней мѣрѣ искреннимъ? Объ этомъ свидѣтельствуютъ факты, ставшіе извѣстными впослѣдствіи — факты, даже на мрачномъ фонѣ міровой войны и безграничнаго національнаго эгоизма представляющіе явленіе далеко не заурядное...

Къ осени 1919 г. польская армія въ побѣдномъ своемъ наступленіи противъ ослабленныхъ силъ большевиковъ достигла линіи Двинскъ (исключ.)—Бобруйскъ—Каменецъ-Подольскъ. Къ тому же времени съ востока и юга приближались къ Кіеву и Каменецъ-Подольску русскія арміи Юга, опрокидывая совѣтскія и петлюровскія войска. Въ создавшейся сложной военно-политической обстановкѣ Польшѣ предстояло сдѣлать выборъ между сторонами...

И выборъ былъ сдѣланъ.

17 августа войска ген. Бредова заняли Кіевъ, а черезъ день между польскимъ командованіемъ и петлюровскимъ было заключено перемиріе. Одновременно начаты были переговоры о «союзѣ», о военной и матеріальной помощи Украинѣ цѣною «уступки» Польшѣ Петлюрою (!) Восточной Галиціи и большей половины Волыни [1]). Этотъ «союзъ», осуществившійся позднѣе, по словамъ польскаго историка имѣлъ конечной цѣлью отдѣленіе Польши отъ Россіи буферомъ въ видѣ вассальнаго (udzielnego) государства — «Украины — страны плодородной, богатой углемъ и заграждающей Россіи столь важные для нея пути къ Черному морю» [2]).

Около того же времени совѣтъ народныхъ комиссаровъ, видя въ комбинированномъ наступленіи польскихъ войскъ и В. С. Ю. Р. свою конечную гибель, командировалъ къ Пилсудскому его друга и соучастника по прежней революціонной работѣ, члена Цика, Мархлевскаго. Послѣдній убѣдилъ Пилсудскаго въ общности интересовъ большевиковъ и поляковъ передъ лицомъ «опасности», представляемой Добр. Арміей, и добился пріостановки польскаго наступленія, чтобы имѣть возможность покончить съ нею.

Между польскимъ и совѣтскимъ главнымъ командованіемъ было заключено тайное соглашеніе [3]), въ силу котораго большевики обязывались пріостановить военныя дѣйствія на сѣверномъ фронтѣ (Двинскъ—Полоцкъ), а поляки — не предпринимать наступленія для содѣйствія мнѣ — на фронтѣ Кіевъ—Черниговъ. Между новыми «союзниками» установлена была демаркаціонная линія и, хотя локальныя столкновенія продолжались, но велись они исключительно лишь въ цѣляхъ симуляціи, чтобы бездѣйствіе сторонъ не казалось слишкомъ подозрительнымъ: фактъ соглашенія приходилось скрывать и отъ Таганрога, куда послана была миссія для фиктивныхъ переговоровъ, и отъ союзниковъ, которые снабжали Польшу деньгами и военными матеріалами вовсе не въ качествѣ пособницы большевизма и большевиковъ.

Представляется маловѣроятнымъ, чтобы польская общественность, по крайней мѣрѣ «правица», не обратила вниманіе на странное молчаніе польскихъ пушекъ въ Кіевскомъ направленіи... Но открыто объ этомъ вопросѣ тогда не говорили, и польская пресса явно замалчивала его.

Съ тѣхъ поръ большевики съ поразительной для непосвященныхъ безпечностью обнажили свой западный фронтъ, перебросивъ войска на Югъ. Съ тѣхъ

---

[1]) Уѣзды Ковельскій, Владиміръ-Волынскій, Луцкій, Дубненскій, Ровенскій, части Острожскаго и Кременецкаго.

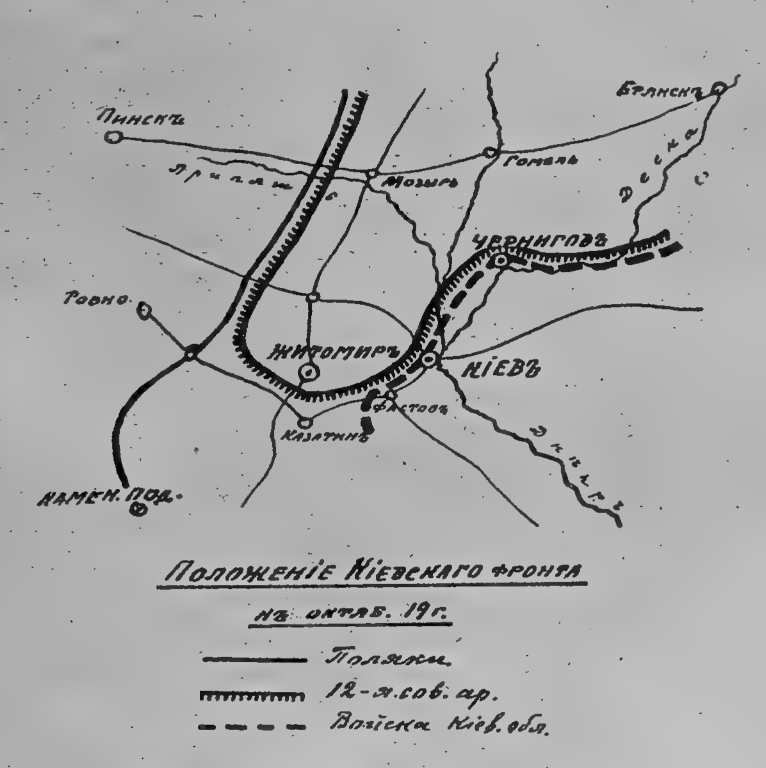
[2]) Kutzeba. «Polska odrodzona».

[3]) Совѣтскіе органы сообщали, что 24 сентября на польскій фронтъ выѣхала «делегація Россійскаго Краснаго Креста» для переговоровъ по спеціальнымъ вопросамъ. Во главѣ ея стоялъ Мархлевскій.

поръ въ польскихъ официальныхъ сводкахъ изо дня въ день появлялась обычная фраза, простая по начертанію, но полная глубокаго трагизма для бѣлыхъ армій. Фраза, набросившая темный покровъ на нѣчто свершившееся — позорное и непоправимое:

«Front Wolynski: Spokój».

Только съ половины декабря, послѣ паденія Кіева, сѣверная польская армія ген. Шептицкаго начала вновь наступленіе на Двинскъ, Рѣжицу и Бобруйскъ, а армія Волынскаго фронта, ген. Листовскаго стала занимать Староконстантиновъ, Проскуровъ и другіе пункты, покидаемые отступавшими къ Одессѣ Добровольческими войсками ген. Шиллинга.



Положеніе Кіевскаго фронта на октяб. 19 г.

Съ русской національной точки зрѣнія поступокъ начальника Польскаго государства, генерала Пилсудскаго, не можетъ не вызвать глубочайшаго возмущенія. Но, можетъ быть, мы не правы: можетъ быть, современная практика права войны, создавшая теорію денегъ, «которыя не пахнутъ», договоровъ — «клочковъ бумаги», народовъ — «буферовъ», отдаваемыхъ на потокъ, съ такою же легкостью восприметъ и «военную стратагему», свободную отъ покрововъ морали... И оцѣнитъ ее лишь съ точки зрѣнія вреда или пользы для польскаго народа...

Пусть такъ.

Но на этотъ послѣдній вопросъ исторія дала уже свой отвѣтъ: черезъ полгода большевицкія рати, внося разореніе и ужасъ, подходили къ стѣнамъ Варшавы и Львова, поставивъ на край гибели возрождавшуюся польскую государственность.

Завершила ли этимъ бѣдствіемъ историческая Немезида судъ свой надъ дѣяніями вождей неповиннаго народа, или это лишь громъ передъ грозою?

ГЛАВА XVIII.

Балканскія страны. Сѣв. Америка. Измѣненіе взглядовъ державъ Согласія на русскій вопросъ. Міровая конкурренція.

Сношенія правительства Юга съ другими державами носили эпизодическій характеръ и отражались въ значительно меньшей степени на судьбахъ бѣлаго движенія. Ихъ я коснусь лишь вкратцѣ [1]).

Съ Балканскими странами мы имѣли частыя непосредственныя сношенія. Наибольшей сердечностью къ намъ отличалась Сербія, и въ особенности регентъ, королевичъ Александръ. Въ началѣ 1919 г. путемъ личныхъ переговоровъ Сазонова и ген. Щербачева установлена была возможность формированія изъ сербовъ Добровольческаго корпуса въ 30—40 тыс., которое королевичъ съ величайшей готовностью бралъ на себя, чтобы отдать затѣмъ этотъ корпусъ въ подчиненіе командованію Юга. Но выполненіе этого предпріятія наталкивалось на огромное истощеніе сербскаго народа войной и экономическую немощность государства. Поэтому, осуществленіе зависѣло всецѣло отъ союзныхъ державъ, такъ какъ все вооруженіе, снабженіе и довольствіе такого корпуса должно было лечь на нихъ. Длительные переговоры по этому поводу съ союзниками не увѣнчались успѣхомъ. Еще болѣе отрицательно, можно сказать враждебно, отнеслись союзники къ предложенію болгарскаго правительства, сдѣланному мнѣ черезъ военнаго представителя, ген. Сарафова — оказать намъ немедленную помощь формированіемъ и посылкою значительнаго контингента добровольцевъ. Союзники видѣли въ этомъ лишь желаніе Болгаріи обойти предписанную ей трактатомъ норму вооруженныхъ силъ и создать лишній корпусъ для собственныхъ нуждъ...

Не имѣя возможности осуществить въ болѣе широкомъ масштабѣ свое желаніе «содѣйствовать намъ въ доблестномъ и упорномъ дѣлѣ возсозданія, при помощи Божьей, единой Россіи», сербскій королевичъ поручилъ своему представителю приступить къ формированію изъ юго-славянъ, живущихъ на территоріи Вооруженныхъ силъ Юга, воинскихъ частей, чтобы хоть такимъ путемъ оказать посильную помощь намъ. Въ своемъ письмѣ ко мнѣ, дышавшемъ теплымъ чувствомъ къ Россіи и Арміи, королевичъ Александръ говорилъ: «... съ напряженнымъ вниманіемъ слѣжу за движеніемъ Вашихъ геройскихъ войскъ и отъ души желаю Вамъ успѣха въ Вашемъ патріотическомъ и историческомъ трудѣ, имѣющемъ неизмѣримое значеніе для всѣхъ Славянъ...» [2]).

Только много позднѣе я узналъ, что мой отвѣтъ, вѣроятно, вслѣдствіе обстоятельствъ, вызванныхъ начавшимися тогда эвакуаціями, не былъ доставленъ королевичу. Пусть эти строки послужатъ объясненіемъ моего невольнаго грѣха передъ горячимъ другомъ Россіи.

* * *

Совершенно иначе обстояло дѣло съ Румыніей. На ея территоріи оставались громадные склады бывшаго нашего Румынскаго фронта. Еще осенью 1918 г. посланники державъ Согласія въ Бухарестѣ особымъ постановленіемъ признали Россію *единственной собственницей* этого имущества, при чемъ Ру-

---

[1]) При главномъ командованіи Юга были аккредитованы представители слѣдующихъ странъ: Англіи, Бельгіи, Болгаріи, Греціи, Италіи, Польши, Румыніи, Сербіи, Сѣв.-Амер. Соед. Штатовъ, Франціи и Японіи.

[2]) Отъ 21 ноября 1919 г.

мынія считалась ими лишь хранительницей его, а союзныя державы кредиторами. Вслѣдъ за симъ подъ давленіемъ французовъ и англичанъ румыны допустили частичный вывозъ имущества въ Новороссійскъ, сопровождая его, однако, огромными трудностями и въ концѣ концовъ прекративъ отпускъ вовсе. Одновременно румыны обильно снабжали русскимъ оружіемъ и боевыми запасами, оставшимися въ Буковинѣ, армію Петлюры, который отъ имени «Украинской державы» отказался отъ Бессарабіи...

Вопросъ этотъ былъ важнѣйшимъ основаніемъ, на которомъ строились взаимоотношенія. Румынское правительство и печать расцѣнивали всѣ событія, союзы, военныя организаціи исключительно подъ угломъ отношеній ихъ къ Бессарабскому вопросу. И когда нач. штаба англійской миссіи полковникъ Кизъ, посѣтивъ Бухарестъ, склонялъ Братіано къ перемѣнѣ отношеній къ В. С. Ю. Р., послѣдній заявилъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ союзники не могли намъ дать никакой гарантіи въ отношеніи Бессарабіи и поддерживаютъ ту часть Россіи, которую я считаю имперіалистической и претендующей на Бессарабію, я былъ вынужденъ противъ своего желанія вести политику, противорѣчащую союзной» [1]).

Впрочемъ, Братіано прибавилъ: «Мы готовы оказать всяческое содѣйствіе арміямъ ген. Деникина, но только подъ условіемъ, чтобы онъ подписалъ актъ объ отреченіи отъ Бессарабіи».

Когда англійскій представитель выразилъ удивленіе, какое юридическое значеніе можетъ имѣть подпись ген. Деникина подъ актомъ, касающимся всей Россійской державы, Братіано улыбнулся:

— Не безпокойтесь, мы сумѣемъ имъ воспользоваться.

Въ то время мирная конференція не рѣшилась еще на расчлененіе Россіи, и всякій новый вексель могъ быть съ пользою учтенъ ростовщиками на всемірной политической биржѣ...

Этого векселя я не подписалъ.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ отношенія наши не наладились. Они были осторожны и сдержанны съ обѣихъ сторонъ. Румынская правительственная цензура не пропускала до поры даже газетныхъ статей, взывавшихъ къ общественному мнѣнію по поводу «опасности, грозящей Бессарабіи отъ возстановленія единой Россіи». Только когда наши войска заняли Одессу и двинулись на сѣверъ, вдоль Днѣстра, общественное настроеніе въ Румыніи прорвалось въ прессѣ злобными статьями, направленными противъ Россіи, русскихъ и Добровольческой Арміи. Подъ вліяніемъ одесской шумихи, поднятой «комитетомъ спасенія Бессарабіи», румынская агентура въ Одессѣ сообщала въ Бухарестъ, что «на Югѣ Россіи ведется усиленная пропаганда войны съ Румыніей за обладаніе Бессарабіей» и что «въ арміи ген. Деникина въ глубокомъ секретѣ разрабатывается планъ атаки румынско-днѣстровскаго фронта...» Такая политика была бы чистѣйшимъ безуміемъ. Румыны, однако, придавали значеніе подобнымъ слухамъ.

Граница была ими закрыта. Ихъ миноноски появились у Одессы, а сильный отрядъ, вслѣдъ за отступавшими большевиками, занялъ Тирасполь. Я предписалъ войскамъ соблюдать чрезвычайную осторожность, чтобы избѣжать столкновенія, а румынское командованіе въ Тираспольѣ велѣлъ «поблагодарить за желаніе оказать намъ помощь» и просить ихъ оставить городъ и не переходить на

---

[1]) Августъ 1919 г.

лѣвый берегъ Днѣстра. Въ свою очередь румынскому правительству дано было завѣреніе, что наши войска не перейдутъ Днѣстръ.

Румыны оставили Тирасполь.

Слѣдующая встрѣча была уже при иныхъ — тяжелыхъ обстоятельствахъ общаго отступленія, когда русскіе отряды, бѣженцы, женщины и дѣти, искавшіе спасенія въ предѣлахъ Румыніи, были отброшены... пулеметнымъ огнемъ.

* * *

Съ правительствомъ Сѣв.-Амер. Соед. Штатовъ отношенія были полу-офиціальныя. Представители ихъ не обладали надлежащими полномочіями, избѣгали какихъ-либо политическихъ обязательствъ, явно уклоняясь отъ участія въ разрѣшеніи русскаго вопроса. Они имѣли порученіе «изучить положеніе южной Россіи для нуждъ Мирной конференціи». Только однажды Америка сочла нужнымъ вмѣшаться въ наши дѣла. По иниціативѣ «Верховнаго комиссара Закавказья», полковника Гаскеля, всячески поддерживавшаго передъ Версальской конференціей «права» горцевъ, американская секція конференціи запросила однажды представителя въ Екатеринодарѣ по поводу вступленія Добровольческой Арміи въ предѣлы Дагестана, что «является насильственнымъ нарушеніемъ договора съ Сѣверо-Кавказской республикой отъ 23-го апрѣля» (?) [1]. Миссіи было отвѣчено, что: «Никакой Сѣверо-Кавказской республики не существуетъ и никакихъ договоровъ съ ней поэтому не заключалось. Дагестанъ не завоевывался, а призналъ русскую государственность добровольно».

Сѣверо-Американскіе Соед. Штаты находились въ сферѣ непосредственныхъ сношеній съ Омскимъ правительствомъ. Наши освѣдомители — официальные и частные — въ одинъ голосъ говорили о симпатіяхъ къ бѣлому движенію, существующихъ и въ народѣ, и въ правящихъ кругахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о поразительной неосвѣдомленности американцевъ во всемъ, касающемся Россіи. Въ виду этого въ концѣ 1919 года отъ насъ послана была миссія въ Сѣв. Америку, основной задачей которой было «взаимное освѣдомленіе и сближеніе, а также выясненіе вопроса о помощи Добровольческой Арміи и въ дѣлѣ возстановленія хозяйственной жизни страны...» Но послѣдовавшая вскорѣ катастрофа на Югѣ помѣшала выполненію этой задачи.

Съ вѣдома Верховнаго правителя мы получали въ небольшихъ размѣрахъ военное снабженіе, заготовленное въ Америкѣ по заказамъ прежняго россійскаго правительства, частью же пріобрѣтали его прямой покупкой. И единственная помощь, которую намъ оказывали американцы — правительство и общество — помощь весьма щедрая — заключалась въ доставкѣ намъ медицинскихъ и санитарныхъ запасовъ.

* * *

Къ концу 1919 г. успѣхъ склонялся явно на сторону большевиковъ, и, сообразно съ этимъ, отношеніе къ намъ державъ Согласія приняло иное, болѣе опредѣленное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе неблагопріятное направленіе.

Въ началѣ декабря Ллойдъ-Джорджъ въ палатѣ общинъ докладывалъ о результатахъ состоявшейся незадолго передъ тѣмъ междусоюзной конференціи:

---

[1] Изъ ноты капитана Берри. 25. 6. 1919 г.

«Союзниками достигнуто полное соглашеніе въ вопросѣ о политикѣ невмѣшательства въ дѣла Россіи.

Принято рѣшеніе послать Россіи матеріальную помощь, оцѣниваемую въ 15 милліоновъ фунт. стерл., помимо этого сдѣлать ничего больше нельзя. Франція не предполагаетъ въ дальнѣйшемъ брать на себя какую-либо отвѣтственность въ этомъ направленіи. Этой же точки зрѣнія придерживается и Италія.

Что же касается мирныхъ переговоровъ, то въ настоящее время въ Россіи нѣтъ правительства, объединяющаго всю страну. Если большевики желаютъ говорить отъ лица России, пусть они созовутъ Учредительное Собраніе, свободно избранное крестьянами и рабочими. Тогда явится власть, съ которой можно будетъ заключить миръ» [1]).

Это былъ первый этапъ по пути окончательной ликвидаціи своихъ обязательствъ и обѣщаній. За нимъ вскорѣ послѣдовалъ второй — въ самый тяжелый моментъ, переживаемый тогда Вооруженными силами Юга: по настоятельному требованію Ллойдъ-Джорджа, Верховный Совѣтъ [2]) снялъ блокаду съ совѣтской Россіи. Офиціальная нота о «возобновленіи экономическихъ сношеній съ Россіей» гласила:

«Для облегченія тяжелаго положенія населенія внутри Россіи, куда совершенно прекращенъ доступъ иностранныхъ товаровъ, Верховный Совѣтъ, ознакомившись съ отчетами спеціальныхъ комиссій, разсматривающихъ вопросы установленія торговыхъ сношеній съ русскимъ народомъ, постановилъ разрѣшить, на основѣ взаимности, обмѣнъ товарами между русскимъ народомъ съ одной стороны и союзными и нейтральными странами — съ другой.

Съ этой цѣлью Верховный Совѣтъ постановилъ предоставить возможность русскимъ кооперативнымъ организаціямъ, находящимся въ непосредственной связи съ крестьянскимъ населеніемъ всей Россіи, организовать ввозъ въ Россію одежды, медикаментовъ, сельско-хозяйственныхъ орудій и другихъ предметовъ первой необходимости, въ которыхъ нуждается русскій народъ, въ обмѣнъ на вывозъ изъ Россіи хлѣба, льна, лѣса и другого сырья, имѣющагося въ изобиліи въ Россіи. Это постановленіе не вноситъ никакихъ измѣненій въ политику союзниковъ по отношенію къ совѣтской Россіи».

Это былъ новый тяжелый для насъ ударъ, предрѣшавшій выходъ союзныхъ державъ на путь признанія совѣтовъ, облегчавшій послѣднимъ борьбу, вызвавшій ликованіе въ Москвѣ, возмущеніе и тревогу въ Ростовѣ.

И въ то же время Маклаковъ сообщалъ изъ Парижа:

«Со словъ Черчилля, я могу Васъ завѣрить — о чемъ онъ обѣщалъ Вамъ лично телеграфировать — что они продолжаютъ и будутъ продолжать посылать Вамъ вооруженіе. Они просятъ не смущаться тѣмъ, что блокада съ Россіи снимается. Это вообще очень сложный вопросъ. Неожиданное рѣшеніе принято по настоянію Ллойдъ-Джорджа; ни съ кѣмъ изъ насъ они предварительно не посовѣтовались; сами кооперативы, безъ предувѣдомленія, были приглашены въ Высшій Совѣтъ и вышли оттуда съ рѣшеніемъ въ ихъ пользу. Главное дѣло въ томъ, что масса русскихъ и иностранцевъ этому сочувствуютъ, многіе русскіе считаютъ преступленіемъ возражать противъ этого; то, съ чѣмъ можно было мириться, когда ожидалось скорое освобожденіе Россіи отъ большевиковъ, съ ихъ точки зрѣнія становится преступленіемъ, когда эта надежда исчезла. Многіе иностранцы, съ другой стороны, убѣждены, что возстановленіе экономическихъ отношеній и вообще отношеній съ иностранцами поведетъ къ видоизмѣненію большевизма; словомъ, эта мѣра одна изъ тѣхъ, помѣшать которой въ данномъ положеніи дѣла было бы абсолютно невозможно. Черчилль мнѣ ска-

---

[1]) Конспектъ рѣчи 5 декабря, по сообщеніямъ англійскихъ газетъ.

[2]) Конецъ декабря 1919 г. Засѣданіе при участіи Клемансо, Ллойдъ-Джорджа и Нитти.

залъ, что онъ ясно учитываетъ гибельныя моральныя послѣдствія этого, паденіе духа у Васъ, мысль о томъ, что Васъ совершенно оставляютъ, и что съ этимъ надо бороться, такъ какъ это невѣрно. Но удержать блокаду сейчасъ не смогъ бы никто. Единственно, что можетъ быть будетъ возможно — это использовать кооперативы въ нашихъ интересахъ, или, по крайней мѣрѣ, помѣшать имъ служить большевизму болѣе открыто и явно, чѣмъ они это намѣрены дѣлать. Не скрою, что предположенія Ллойдъ-Джорджа шли гораздо дальше и вели къ неприкровенному признанію большевизма; этому пока удалось помѣшать».

Параллельно съ этимъ въ политическихъ кругахъ Англіи назрѣвало новое теченіе, едва ли не наиболѣе грозное для судебъ Россіи: опасность большевизма, надвигающаяся на Европу и Азію... слабость противобольшевицкихъ силъ... невозможность для союзниковъ противопоставить большевикамъ живую силу... невозможность для Германіи выполнить условія мирнаго договора, не возстановивъ своей мощи... Отсюда, какъ выводъ — необходимость «допустить Германію и Японію покончить съ большевизмомъ, предоставивъ имъ за это серьезныя экономическія выгоды въ Россіи»[1]).

Эти предположенія находили давно уже весьма сочувственный откликъ на берегахъ Шпрее, далекій, однако, отъ оптимистическихъ чаяній англичанъ. Весьма показательно въ этомъ отношеніи появленіе въ 1918 г. популярной книги нѣмецкаго профессора В. Дайа, проповѣдывавшаго «новый тройственный союзъ XX вѣка» — Германіи, Россіи и Японіи.

Миръ и дружба съ Россіей... «Развитіе до высшаго предѣла эксплоатаціи европейской Россіи и Сибири... нѣмецкимъ капиталомъ, промышленностью и организаторскимъ талантомъ», въ возмѣщеніе понесеннаго Германіей въ міровой войнѣ ущерба... Какой именно Россіи — это не важно:

«Для насъ совершенно безразлично — имѣть ли дѣло съ Россіей большевицкой, кадетской или царской. Будетъ ли съ нами вести переговоры Ленинъ или Кривошеинъ, условія нашего соглашенія останутся все тѣ же. Ибо они настолько вызываются насущными требованіями нашего развитія, что никакія обстоятельства не заставятъ насъ измѣнить ихъ.

Не ради любви къ Россіи должна Германія овладѣть дорогой, ведущей въ глубины Азіи, но ради осуществленія предстоящей ей континентальной политики. Первый разъ въ исторіи морской политикѣ Англіи, пріобрѣтшей господство на земномъ шарѣ, благодаря вѣковой концентраціи всѣхъ своихъ силъ въ стремленіи, направленномъ къ одной цѣли — будетъ противопоставлена сильная и опредѣленная сухопутная политика. Если затѣмъ мы расширимъ эту сферу вліянія и, благодаря интимнымъ и продолжительнымъ сношеніямъ, свяжемъ со своими интересами интересы всей Азіи, то въ будущей войнѣ мы сможемъ обратиться къ Индіи и изгнать Англичанъ изъ предѣловъ Азіатскаго материка».

* * *

Въ самое тяжелое лихолѣтіе, переживаемое Россійской державой, когда какъ будто всѣ силы небесныя и земныя ополчились противъ нея, на арену міровой политики выступаетъ вновь и съ новой силой могущественная союзница, обѣщающая и впредь стоять на стражѣ государственнаго бытія ослабленной смутой Россіи:

Міровая конкурренція.

---

[1]) Это настроеніе въ Англіи наблюдалъ, между прочимъ, и писалъ о немъ на Югъ П. Н. Милюковъ.

ГЛАВА XIX.

Взаимоотношенія Юга съ казачьими войсками: Донскимъ, Терскимъ, Астраханскимъ.

Взаимоотношенія Южной власти съ казачьими областями до конца сохраняли тѣ характерныя особенности, которыя мною неоднократно отмѣчались уже въ «Очеркахъ».

Эти отношенія не были одинаковыми. Самый составъ правившихъ и вліятельныхъ въ политическомъ отношеніи круговъ казачества предопредѣлялъ ихъ до извѣстной степени: либералы на Дону, либералы и консерваторы на Терекѣ, соціалисты на Кубани; автономисты на Дону, автономисты и централисты на Терекѣ и самостійники на Кубани.

Поэтому-то послѣ ухода генерала Краснова тренія съ Дономъ потеряли прежнюю свою остроту; такъ же удовлетворительны, хотя и достаточно неопредѣленны, были въ концѣ концовъ отношенія съ Терекомъ; только кубанское правительство и Рада находились въ постоянной оппозиціи, вѣрнѣе, непрекращающейся борьбѣ съ командованіемъ и правительствомъ Юга. Можно было бы думать, что слишкомъ тѣсное сожительство въ екатеринодарскій періодъ и переплетъ власти являлись главнымъ источникомъ такого отношенія... Но еще болѣе сложный переплетъ существовалъ на Терекѣ и, съ другой стороны, перенесеніе всѣхъ нашихъ штабныхъ и правительственныхъ учрежденій на территорію Дона не ухудшило отношеній съ послѣднимъ и не улучшило ихъ съ Кубанью. Наоборотъ, освободившись отъ непосредственнаго воздѣйствія командованія, кубанскіе правители бросились очертя голову въ роковую игру, въ которой ставка была поставлена на «Вольную Кубань», а вѣрный проигрышъ ложился на «Бѣлый Югъ».

Могло ли быть иначе!

Эти отношенія не были и постоянными... Періоды острой опасности, нависавшей временами надъ Дономъ и Терекомъ, территоріи которыхъ почти все время были театромъ войны[1]) или находились въ прифронтовой полосѣ, побуждали эти области къ большей сговорчивости и укрѣпляли въ нихъ чувства благоразумія и осторожности.

Кубань же вся съ 29 октября 1918 г. была освобождена отъ большевиковъ и представляла глубокій тылъ, не испытывавшій непосредственно въ теченіе болѣе года ни ужасовъ войны, ни гнетущаго страха за свое существованіе. Стратеги изъ законодательной и краевой Радъ переоцѣнивали безопасность края и прочность положенія Вооруженныхъ силъ Юга на линіи Царицынъ—Курскъ—Кіевъ, когда вели къ окончательному разрыву съ командованіемъ.

Эти отношенія, наконецъ, создавались и поддерживались, главнымъ образомъ, верхами. Рядовое казачество оставалось болѣе или менѣе безучастнымъ къ политической борьбѣ двухъ властей; и только къ концу 1919 г. кубанскимъ верхамъ удалось вывести свое казачество изъ равновѣсія. Маятникъ кубанскихъ настроеній сильно качнулся тогда влѣво и, не приставъ къ борту черноморскихъ самостійниковъ, остановился вовсе въ роковомъ безсиліи.

Всѣ эти обстоятельства приводятъ къ убѣжденію, что не только, или вѣрнѣе не столько непреодолимые антагонизмы между диктатурой и народовластіемъ, между централизмомъ и казачьей вольностью препятствовали органическому объединенію дѣйственныхъ силъ Юга, сколько люди и страсти.

* * *

---

[1]) На Кавказѣ — постоянныя возстанія горцевъ.

Донской кругъ, избравшій атаманомъ генерала Богаевскаго, засѣдалъ очень долго — цѣлыхъ четыре мѣсяца [1]). Повидимому, на длительность сессіи вліяло то обстоятельство, что сѣверные округа были заняты большевиками и депутатамъ этихъ районовъ некуда было дѣваться. Обязавшись въ дни борьбы съ Красновымъ передъ кругомъ, правящая партія вынуждена была мириться съ его все усиливавшимся давленіемъ: непрестанное вмѣшательство въ дѣла управленія, постоянныя комиссіи, бравшія на себя не только ревизію и контроль, но и руководство отдѣльными дѣйствіями донскихъ министерствъ, парализовали зачастую ихъ дѣятельность. Это обстоятельство становилось тѣмъ болѣе тягостнымъ, что составъ Круга былъ довольно случайнымъ и интеллектуально мало пригоднымъ для разрѣшенія государственныхъ вопросовъ, вытекавшихъ изъ сувереннаго бытія Дона. Предсѣдателю Круга — Харламову, опытному парламентарію, не разъ стоило большихъ усилій, чтобы удержать Кругъ отъ превращенія въ заурядный митингъ. На сѣромъ фонѣ Круга боролись и сводили счеты правые — «красновцы», кадеты и лѣвые, представленные соотвѣтственно своими лидерами — Яновымъ, Харламовымъ и Агѣевымъ. Спеціальные казачьи интересы густо окрашивали политическую идеологію всѣхъ группъ. Кадеты были у руля, прочія группы въ оппозиціи. Непримиримые во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, оба фланга донской общественности сходились, однако, во враждебномъ отношеніи къ главному командованію и правительству Юга, прибѣгая по отношенію къ намъ къ пріемамъ чисто демагогическимъ. Весною, впрочемъ, когда судьба Дона зависѣла отъ помощи Добровольческой Арміи, ихъ голоса притихли вовсе. Но лѣтомъ — въ апогеѣ успѣховъ Донского фронта — они сильно мутили Кругъ, при чемъ Агѣевъ велъ кампанію противъ Особ. Совѣщанія и въ печати, въ формахъ необыкновенно рѣзкихъ. На этой же почвѣ въ угоду Кругу скользилъ иногда осторожно и командующій Донской арміей, ген. Сидоринъ, объясняя, напримѣръ, недочеты снабженія тѣмъ обстоятельствомъ, что «въ виду реакціонныхъ выступленій Особаго Совѣщанія, корабли съ англійскимъ вооруженіемъ и снаряженіемъ задерживаются въ Константинополѣ...» Конечно, ничего подобнаго не было. Такія выступленія командующаго арміей случались, впрочемъ, рѣдко и, благодаря сдерживающему вліянію Харламова и умиротворяющему — атамана Богаевскаго, Кругъ не выходилъ изъ рамокъ лойяльной оппозиціи.

Приверженность къ «демократическимъ лозунгамъ» составляла слабость казачьихъ политиковъ, покрывая иногда далеко не демократическую сущность, создавая легенды и неправильныя противоположенія иному режиму — «реакціи» и диктатуры. Не въ судъ и не въ осужденіе донскихъ дѣятелей, безъ сомнѣнія не мало потрудившихся для устроенія родного края, но для возстановленія историческаго критерія я коснусь нѣкоторыхъ отрицательныхъ сторонъ жизни Дона, присущихъ въ той или другой степени и другимъ демократическимъ режимамъ.

По иниціативѣ ген. Сидорина донской Кругъ рѣшилъ «выявить свое демократическое лицо» и «сказать Россіи... съ чѣмъ и зачѣмъ мы идемъ». Эта мысль осуществлена была оглашеніемъ деклараціи отъ 1 іюня 1919 г.

Декларація, не предрѣшая государственнаго устройства Россіи — «единой свободной демократической страны», ставила, однако, непремѣннымъ условіемъ его «государственную автономію... съ правомъ заключенія областныхъ политическихъ, экономическихъ и національныхъ союзовъ...» Вручая судьбу Россіи Учредительному Собранію, созванному по четырехчленной формулѣ, Донъ у себя лишалъ права участія въ управленіи большую половину не казачьяго населенія... «Неотложной задачей строительства» Россіи декларація ставила возста-

[1]) Февраль-іюнь.

новленіе органовъ земскаго и городского управленія, а въ самой области почти за два года ея самостоятельнаго существованія не было введено самоуправленіе; и такой, напримѣръ, крупный центръ, какъ Ростовъ—по существу столица Юга—испытывалъ перманентный кризисъ назначеннаго городского правленія, хозяйственную разруху и гнетъ часто смѣнявшихся «генералъ-губернаторовъ», среди которыхъ были персонажи анекдотическаго и криминальнаго типа...

Декларація требовала для Россіи «политическихъ свободъ» и либеральнаго рабочаго законодательства [1]), а практика донской власти примѣняла неутвержденіе уставовъ соціалистическихъ партій [2]), вынужденныхъ уйти въ подполье, и борьбу какъ съ ними, такъ и съ профессіональнымъ движеніемъ, имѣя рабочую массу всегда въ числѣ своихъ недруговъ.

Декларація считала «недопустимымъ рѣшеніе земельнаго вопроса за предѣлами Войска въ формѣ возвращенія до-революціонныхъ земельныхъ отношеній...» А донской аграрный законъ, проведя отчужденіе частно-владѣльческихъ земель — и казачьихъ и «русскихъ» — въ земельный фондъ войска, и оставляя за послѣднимъ право собственности, обязался помочь малоземелью коренныхъ крестьянъ (23% населенія) и ничего не обѣщалъ другой четверти населенія (24%) — «пришлому» [3]) крестьянству, на долю котораго приходилось лишь 1,3 десятины надѣльной и купленной земли въ среднемъ на хозяйство... Отчужденіе или взиманіе солидной арендной платы стало реальнымъ фактомъ съ осени 1919 г., а надѣленіе являлось вопросомъ болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго, вызывая недовѣріе и возбужденіе... Кругъ въ октябрьской сессіи торопился изъять изъ частнаго владѣнія и нѣдра, но въ пользу Войска, не оговаривая несомнѣнныхъ общегосударственныхъ прерогативъ въ этомъ вопросѣ...

Декларація «не допускала мысли о мести въ отношеніи къ широкимъ массамъ, хотя бы и брошеннымъ въ братоубійственную бойню», а практика донскихъ полковъ, наступавшихъ на сѣверъ, изобиловала эпизодами грабежа, насилія и раздѣванія плѣнныхъ. Въ то же время на Донской территоріи, въ раіонахъ преимущественнаго разселенія иногороднихъ — Ростовскомъ, Таганрогскомъ и Донецкомъ округахъ — крестьянскія села стонали подъ бременемъ самоуправства, реквизицій, незаконныхъ повинностей, поборовъ, чинимыхъ мѣстной администраціей. 18 августа 1919 г. задонскія волости торжественно праздновали годовщину освобожденія своего отъ большевиковъ, и закулисные руководители придали этимъ празднествамъ демонстративный характеръ прославленія новой власти и крестьянско-казачьяго единенія. Тѣмъ удивительнѣе было слышать отъ делегаціи этихъ волостей, прибывшей ко мнѣ въ Таганрогъ, дышавшія страхомъ и волненіемъ жалобы на горькое ихъ житье.

Какъ вообще могло относиться казачество къ иногороднимъ, которыхъ оно отожествляло съ большевиками, можно судить по тому, что дѣлалось въ его средѣ. Въ концѣ марта въ одномъ изъ закрытыхъ засѣданій Круга разсматривался вопросъ о массовомъ явленіи насилій, творимыхъ въ задонскихъ станицахъ отступившими казаками верхнихъ округовъ: «иногда идетъ отрядъ всадниковъ 300, бываютъ тамъ и офицеры, тянутъ часто за собой пушку... обстрѣляютъ сначала станицу, потомъ начинаютъ насилія надъ женщинами и дѣвушками, и грабежъ...» По поводу предложенія примѣнить репрессивныя мѣры, изъ среды фронтовиковъ раздался предостерегающій голосъ: «... вы хотите создать кара-

---

[1]) Тезисы его тѣ же, что въ деклараціи правительства Юга.
[2]) Центромъ дѣятельности соц.-дем. былъ Харьковъ, а соц.-рев. — Екатеринодаръ.
[3]) Поселенцы, осѣвшіе на Дону послѣ освобожденія крестьянъ (съ 1861 г.).

тельные отряды!.. Смотрите, какъ бы у насъ не было въ тылу войны... Часто денегъ не было за отсутствіемъ аванса, ну и вынуждены были тащить».

Суровое время и жестокіе нравы.

Какъ бы то ни было, фактъ непреложный: реакціонный режимъ атамана Краснова, въ расчетѣ на казачью силу, игнорировалъ положеніе иногороднихъ и въ отвѣтъ вызвалъ враждебное съ ихъ стороны отношеніе; либеральный режимъ атамана Богаевскаго и демократическія деклараціи правительства и Круга не привлекли неказачій «народъ» ни къ добровольному «боевому сотрудничеству», ни даже къ дружественному расположенію съ казаками.

Наконецъ, казачье народоправство далеко не гарантировало отъ спекуляціи, казнокрадства и взяточничества. И не то было самымъ сквернымъ, что по поводу одной изъ панамъ, раскрытыхъ въ отдѣлѣ продовольствія и интендантства, предсѣдатель ревизіонной комиссіи Мельниковъ повѣдалъ Кругу:

— И брали, и берутъ...

... А отношеніе общества къ этой разъѣдавшей государственный строй язвѣ:

— За все время нашей работы — жаловался Мельниковъ — несмотря на всѣ мои печатные призывы, никто не пришелъ намъ (комиссіи) на помощь...[1]).

Свидѣтельствуютъ ли всѣ эти отрицательныя стороны о непригодности демократическаго режима вообще или отсутствіи доброй воли въ донскихъ правителяхъ? Отнюдь. Но онѣ поддерживаютъ достаточно ясно рядъ безспорныхъ въ моихъ глазахъ положеній: самымъ демократическимъ деклараціямъ — грошъ цѣна, самыя благія намѣренія остаются праздными, когда встрѣчаютъ сильное сопротивленіе среды; самыя демократическія формы правленія не гарантируютъ отъ попранія свободы и права въ тѣ дни, когда эти цѣнности временно погасли въ сознаніи народномъ, въ тѣ дни, когда право возстанавливается насиліемъ, а насиліе претворяется въ право.

Исторія казачьяго народоправства являетъ самобытную черту, особенность «казачьяго демократизма» — замкнутость его въ сословныхъ рамкахъ и территоріальныхъ границахъ. Демократизмъ — болѣе какъ источникъ правъ, нежели обязанностей. И когда донской демагогъ Агѣевъ требовалъ отнятія «помѣщичьихъ шарабановъ», поломанныхъ уже къ тому времени революціей, Кругъ бурно рукоплескалъ. Но когда тотъ же Агѣевъ предлагалъ распространить земельныя права на «гражданъ Всевеликаго войска Донского», Кругъ также бурно протестовалъ [2]).

* * *

Взаимоотношенія Дона съ правительствомъ Юга съ большимъ трудомъ и треніями, но все же мало-по-малу приводили къ извѣстному объединенію. Мы добились возстановленія дѣятельности правительствующаго сената на территоріи Дона и Вооруженныхъ силъ Юга, объединенія денежной единицы, управленія жел. дор. и санитарной части. Кругъ согласился на учрежденіе центральнаго банка — мѣропріятіе, которое, впрочемъ, не было доведено до конца и, главное, не привело къ справедливому распредѣленію эмиссіи, предѣлы которой находи-

---

[1]) Докладъ Кругу въ засѣданіи 25 октября 1919 г.

[2]) Засѣданіе 30 мая 1919 г. Агѣевъ разъяснялъ, что при редактированіи этой статьи подъ терминомъ «граждане» комиссія разумѣла «тѣхъ тружениковъ (агрономовъ, учителей, врачей и проч.) — не казаковъ и не коренныхъ крестьянъ — которые всю свою жизнь прослужили Дону и подъ старость хотѣли бы пріобрѣсти участокъ земли для веденія на немъ хозяйства.

лись въ зависимости «отъ взаимнаго соглашенія государственныхъ образованій...» Къ концу 1919 года уничтожены были «пограничныя рогатки»... Донская власть не нарушала сепаратными выступленіями единства въ направленіи внѣшней политики и т. д., и т. д.

Только въ военномъ отношеніи все оставалось по старому: Донская армія представляла изъ себя нѣчто вродѣ «иностранной — союзной». Главнокомандующему она подчинялась только въ оперативномъ отношеніи; на ея организацію, службу, бытъ не распространялось мое вліяніе. Я не вѣдалъ также назначеніемъ лицъ старшаго командного состава, которое находилось всецѣло въ рукахъ донской власти.

Такое положеніе было глубоко ненормальнымъ. Я не могу сказать, чтобы до новороссійской катастрофы Донское командованіе проявляло прямое неповиновеніе. Но оно оказывало иногда пассивное сопротивленіе, проводя свои стратегическія комбинаціи и относя къ force majore уклоненія отъ общей задачи. Такъ, въ іюнѣ я не могъ никакъ заставить Донское командованіе налечь на Камышинъ, а въ октябрѣ — на Воронежское направленіе и никогда я не могъ быть увѣреннымъ, что предѣльное напряженіе силъ, средствъ и вниманія обращено въ томъ именно направленіи, которое предуказано общей директивой; переброски донскихъ частей въ мой резервъ и на другіе фронты встрѣчали большія затрудненія [1]); ослушаніе частныхъ начальниковъ, какъ, напримѣръ, ген. Мамонтова, повлекшее чрезвычайно серьезныя послѣдствія, оставалось безнаказаннымъ.

Все это, наряду съ понятнымъ тяготѣніемъ донскихъ войскъ къ преимущественной защитѣ своихъ пепелищъ, вносило въ стратегію чуждые ей элементы, нарушавшіе планомѣрный ходъ операцій. «О, ужасъ! — говорилъ лидеръ донской оппозиціи Агѣевъ. — За Днѣпръ посылаются войсковыя части въ то время, когда донцы напрягаютъ до крайности свои силы въ борьбѣ съ большевиками, когда почти два округа заняты ихъ бандами...»

Съ такой психологіей, весьма распространенной, стратегія находилась въ постоянной и острой коллизіи.

Тѣмъ не менѣе Донъ, какъ временное государственное образованіе, и Донская армія, невзирая на тягчайшія осложненія, проистекавшія отъ раздѣльнаго существованія власти и командованія, представляли весьма важный и объективно положительный факторъ въ исторіи борьбы Юга. Коэффиціентъ духа — элементъ перемѣнный и трудно поддающійся исчисленію. Но данныя, характеризующія тяготу, поднятую войскомъ въ борьбѣ съ большевиками, весьма краснорѣчивы: въ моментъ наивысшаго напряженія, въ октябрѣ 1919 г. войско Донское выставило на фронтъ 48 тыс. бойцовъ, что составляло 32% всѣхъ Вооруженныхъ силъ Юга. И Донской атаманъ ген. Богаевскій однажды послѣ очереднаго столкновенія «Добровольческаго централизма» съ «Донскимъ сепаратизмомъ» не безъ основанія писалъ мнѣ: «... Если бы Донъ измѣнилъ матери Россіи, я швырнулъ бы атаманскій перначъ въ лицо своему преемнику, который повелъ бы мою родину на самоубійство, а самъ ушелъ бы къ Вамъ хоть рядовымъ въ свой Партизанскій полкъ. Не вѣрьте сплетнямъ и будьте справедливы къ Дону: падая и подымаясь, борясь съ огромными силами противника, онъ несетъ тяжкую службу Родинѣ, и безъ него едва ли возможны были бы блестящіе успѣхи доблестныхъ Добровольцевъ...» [2]).

* * *

[1]) Бывали и такіе случаи: На запросъ штаба главнокомандующаго — какая дивизія поставлена, согласно приказу, въ его резервъ, ген. Сидоринъ отвѣтилъ: «7-я бригада, временно находящаяся въ бою...» (29 іюня 1919 г.).

[2]) Письмо отъ 2 октября 1919 г.

Главныя черты изъ жизни Терека и нашихъ взаимоотношеній изложены были мною въ IV томѣ. Онѣ не подверглись существенному измѣненію до конца. На Терекѣ болѣе, чѣмъ въ другихъ казачьихъ земляхъ, чувствовалась неразрывная и не ослабленная лихолѣтіемъ связь съ общерусской государственностью — въ психологіи казачества, въ рѣчахъ на Кругѣ и въ правительственной дѣятельности. Терская власть почитала своей первой и важнѣйшей задачей интересы борьбы, полагая, что «только рѣшительная побѣда надъ большевизмомъ и возрожденіе Россіи создадутъ возможность возстановленія мощи и родного войска, обезкровленнаго и ослабленнаго гражданской борьбой» [1]).

Поэтому и въ политикѣ, и въ области соціальныхъ и экономическихъ отношеній оно избѣгало радикальныхъ мѣропріятій. Даже такой животрепещущій вопросъ, какъ аграрный, въ концѣ 1919 г. находился только еще въ стадіи «изученія земельнаго фонда . . . и выясненія площади частновладѣльческой и друг. земли, могущей быть предоставленной окрестному населенію для использованія угодій и распредѣленія этой земли . . .»

Терская власть, въ виду непрекращающейся борьбы съ чеченцами и ингушами, озабочена была численнымъ увеличеніемъ казачества и привлеченіемъ въ свою орбиту сосѣдей — союзниковъ. Такъ въ Терское войско включенъ былъ Кара-Ногайскій народъ; послѣ продолжительныхъ переговоровъ, при участіи представителей главноначальствующаго, терскій Кругъ третьяго созыва выразилъ принципіальное согласіе на присоединеніе къ войску «на равныхъ правахъ» осетинъ и кабардинцевъ. Окончательные переговоры, не законченные благодаря разразившейся вскорѣ катастрофѣ, встрѣчали, однако, большія затрудненія, въ виду требованія осетинъ упразднить войсковой Кругъ и ввести взамѣнъ его «Краевую думу». Терцы не могли рѣшиться на такое, по ихъ мнѣнію, обезличеніе войска.

Подобныя требованія предъявляли и иногородніе. Съѣздъ ихъ, собравшійся въ концѣ октября 1919 г. и состоявшій преимущественно изъ крестьянскихъ представителей, призналъ конституцію края, отнесся благожелательно къ власти, но требовалъ уравненія въ правахъ, главнымъ образомъ, земельныхъ — чтобы создать «одну общую семью терскихъ гражданъ»; требовалъ своего пропорціональнаго участія какъ въ Кругѣ, такъ и въ органахъ центральнаго и мѣстнаго управленій. Съѣздъ выразилъ готовность раздѣлить съ казаками всѣ тяготы военной службы, но при этомъ высказалъ пожеланіе о созданіи особой терской «территоріальной арміи. . .»

Болѣе осторожно, чѣмъ къ предложенію горцевъ, отнеслось казачество къ пожеланіямъ своихъ россійскихъ согражданъ: поощряя вхожденіе иногороднихъ въ казачье сословіе, терцы съ большимъ предубѣжденіемъ относились къ «паритету».

Города, наоборотъ, стремились всѣми средствами эмансипироваться отъ казачьей власти, признавая компетенцію правительства Юга.

Въ результатѣ двоевластія тренія между Таганрогомъ и Пятигорскомъ продолжались, въ особенности по спорнымъ вопросамъ управленія Минераловодской группой и Грозненскимъ раіономъ. Но никогда эти тренія не переходили границъ. Атаманъ былъ всегда лойяленъ и никогда не принималъ участія въ выступленіяхъ противъ власти Юга.

Терскія дивизіи и пластунскія бригады входили въ составъ армій Юга и безпрекословно исполняли боевыя задачи. Политическія недоразумѣнія кончались обыкновенно компромиссомъ. Этихъ отношеній не могли испортить и кубан-

---

[1]) Изъ программы правительства. Ноябрь 1919 г.

скіе сепаратисты, воздѣйствовавшіе всѣми способами — въ томъ числѣ посылкой спеціальной делегаціи Рады — на терское правительство и Кругъ, чтобы склонить Терекъ къ разрыву съ главнымъ командованіемъ. И даже къ концу, когда нависали уже грозовыя тучи и «Верховный казачій кругъ», кипя страстями, выбиралъ новые пути казачества, терская фракція его сохраняла лойяльныя отношенія къ правительству Юга, исходя, прежде всего, изъ побужденій реальныхъ: «Путь сепаратизма съ самостоятельнымъ управленіемъ для Терека не пригоденъ — говорилъ предсѣдатель терскаго правительства Абрамовъ — въ виду существующихъ тамъ различныхъ теченій. Общую идею должно объединять неказачье лицо...» А депутатъ Баевъ прибавилъ: «... Казачьи территоріи со всѣхъ сторонъ окружены землями Добровольческой Арміи [1]). И если вы не пойдете съ ней, то мы, Терцы, не пойдемъ на Донъ, потому что у насъ разыграются событія, которыя заставятъ насъ у васъ же просить помощи...»

Историческій ходъ событій волей иль неволей связалъ желѣзной цѣпью государственныя образованія Юга, и ослабленіе, а тѣмъ болѣе разрывъ одного изъ звеньевъ ея могли вызвать потрясеніе и гибель.

* * *

Астраханское казачье войско, фигурируя въ официальной жизни Юга въ лицѣ атамана и правительства, представляло до извѣстной степени фикцію, такъ какъ въ составъ территоріи В. С. Ю. Р. входило разновременно лишь нѣсколько казачьихъ станицъ и часть калмыцкой степи.

1 іюня 1917 г., въ силу закона Временнаго правительства, Астраханскій край получилъ новое устройство, будучи подраздѣленъ на четыре самостоятельныхъ административныхъ единицы — Астраханская губ., Астраханское войско, область Калмыковъ и область Киргизовъ Букѣевской орды [2]). Въ томъ же году состоялось вхожденіе астраханскихъ калмыковъ въ составъ астраханскаго казачьяго войска на условіяхъ раздѣльнаго управленія — двумя кругами, двумя «правительствами», объединенными казачьимъ атаманомъ, съ калмыцкимъ помощникомъ. Большевицкій переворотъ нарушилъ нормальное развитіе новыхъ учрежденій и внесъ въ жизнь края исключительное, даже для большевицкой практики, разрушеніе и жестокость: совѣтскій терроръ въ Астрахани и въ калмыцкихъ степяхъ — одна изъ наиболѣе кровавыхъ страницъ русскаго лихолѣтія.

Атаманъ, ген. Бирюковъ, былъ посаженъ въ тюрьму, гдѣ и умеръ. Другіе дѣятели, въ томъ числѣ помощникъ атамана, ротмистръ (именовавшійся полковникомъ) князь Тундутовъ, предсѣдатель казачьяго круга Ляховъ, предсѣдатель калмыцкаго круга и правительства «полковникъ» Криштофовичъ [3]) нашли пріютъ на Дону; нѣсколько тысячъ калмыковъ съ семьями и скарбомъ потянулось также на освобожденную отъ большевиковъ территорію.

Кн. Тундутовъ — опредѣленный авантюристъ, хотя и обладавшій весьма посредственнымъ умственнымъ развитіемъ, объявилъ себя, какъ извѣстно, Астраханскимъ атаманомъ и сталъ формировать армію, не безъ успѣха мистифицируя

---

[1]) Напоминаю, что въ то время нерѣдко даже въ официальныхъ документахъ терминъ «Добр. Армія» включалъ понятіе о вооруженной силѣ и объ Южной власти.

[2]) Приблизительный составъ населенія: 1 милліонъ «русскихъ», 35 тыс. астр. казаковъ, 225 тыс. калмыковъ и 400 тыс. киргизовъ.

[3]) Гражданское лицо, возведенное Тундутовымъ въ рангъ полковника.

Берлинъ и Новочеркасскъ. Съ паденіемъ атамана Краснова и упраздненіемъ астраханскаго корпуса, части котораго пошли на пополненіе Вооруженныхъ силъ Юга[1]), Тундутовъ временно остался не у дѣлъ. Въ кубанской станицѣ осѣли самодовлѣющія астраханскія власти, ведя между собой большіе раздоры; съ одной стороны — на почвѣ разногласія между казаками и калмыками, съ другой — отъ столкновенія въ калмыцкой средѣ представителей двухъ началъ — «феодальнаго»[2]) и «демократическаго»[3]). Особымъ постановленіемъ соединенныхъ «правительствъ» кн. Тундутовъ былъ лишенъ атаманскаго званія и, получивъ 20 тыс. рубл. «отступного», въ началѣ примирился съ фактомъ своего низложенія. Но вскорѣ передумалъ и объявилъ о расторженіи договора между астраханскимъ казачествомъ и калмыками и объ образованіи изъ послѣднихъ особаго войска «Волжскаго», назвавшись его атаманомъ. Тундутовъ пробрался затѣмъ въ Баку, спекулируя калмыцкимъ народомъ въ сношеніяхъ съ Азербейджанскимъ правительствомъ и даже съ агентами Кемаль-паши, добывая вездѣ деньги и предаваясь широкому разгулу. Въ сентябрѣ онъ вернулся въ калмыцкія степи и сталъ подымать калмыковъ противъ вновь избраннаго «правительствами» атамана Ляхова. Чтобы положить конецъ всѣмъ этимъ выступленіямъ, волновавшимъ степь и вызывавшимъ дезертирство изъ калмыцкихъ полковъ, въ октябрѣ 1919 г. я приказалъ выслать Тундутова и двухъ его сподвижниковъ изъ предѣловъ Сѣв. Кавказа[4]).

Ляховъ и члены его «правительства» привлечены были къ разработкѣ положенія объ управленіи Астраханскимъ краемъ и къ организаціи управленія освобожденными калмыцкими округами.

ГЛАВА XX.

Взаимоотношенія Юга съ Кубанью.

Взаимоотношенія, сложившіяся между властью Юга и Кубанью, вѣрнѣе — правившей ею группой, я считаю одной изъ наиболѣе серьезныхъ «внѣшнихъ» причинъ неудачи движенія.

Ближайшими поводами для междуусобной борьбы, поднятой кубанской «революціонной демократіей», совмѣщавшей «казачій» соціализмъ съ самостійностью, какъ я уже говорилъ въ IV томѣ, служили вопросы о полной эмансипаціи Кубани отъ правительства Юга, о созданіи собственной арміи, о пресловутой «экономической блокадѣ», вызванной кубанскими рогатками, и нѣкоторые другіе, тѣсно связанные съ интересами противобольшевицкой борьбы. Въ область внутреннихъ отношеній и мѣстнаго законодательства мы попрежнему не вмѣшивались вовсе.

Внѣшне эта борьба преподносилась общественному мнѣнію, какъ противоположеніе «казачьяго демократизма» «монархической реакціи»; на самомъ дѣлѣ — она представляла походъ кубанской самостійности противъ національной Россіи

---

[1]) Въ томъ числѣ Астрах. конная дивизія, преимущественно изъ калмыковъ.

[2]) Кн. Тундутовъ и Довукинъ-Очировъ.

[3]) Баяновъ и Тюмень.

[4]) Послѣ паденія Юга Тундутовъ, въ качествѣ «свѣтскаго и духовнаго главы калмыцкаго народа», мистифицировалъ Константинополь и Будапештъ, окончивъ свою карьеру переходомъ въ совѣтскую Россію.

вообще. При этомъ кубанскіе самостійники вкладывали въ свои отношенія къ намъ столько нетерпимости и злобы, что чувства эти исключали объективную возможность соглашенія и совершенно заслоняли собою стимулы борьбы съ другимъ врагомъ — совѣтской властью. Можно сказать, что со времени полнаго освобожденія Кубанскаго края самостійные круги, преобладавшіе въ составѣ законодательной Рады и третьяго правительства (Курганскаго), всѣ свои силы, всю свою энергію и кипучую дѣятельность направили исключительно въ сторону «внутренняго врага», какимъ въ глазахъ ихъ была «Добровольческая Армія».

14 іюня въ г. Ростовѣ произошло прискорбное событіе, вызвавшее обостреніе — еще большее — въ нашихъ отношеніяхъ. Въ этотъ день былъ убитъ предсѣдатель краевой Рады Рябоволъ. Слѣдствіе донскихъ властей не обнаружило лицъ, совершившихъ убійство. Такъ какъ покойный являлся однимъ изъ наиболѣе непримиримыхъ противниковъ власти Юга, то въ смерти его кубанская Рада обвинила «Добровольцевъ». Событіе это послужило поводомъ для большихъ политическихъ демонстрацій, организованныхъ кубанскимъ правительствомъ и Радой. Въ изложеніи офиціозовъ, въ воззваніяхъ и рѣчахъ преступленіе приписывалось «врагамъ народа, слугамъ реакціи, монархистамъ», на которыхъ обрушился гнѣвъ кубанскихъ республиканцевъ. Нѣкоторыя рѣчи и статьи расшифровывали, впрочемъ, эти «общія понятія», указывая прямо на Особое Совѣщаніе, какъ на «силу, стремящуюся отдать демократію въ рабство»; на Освагъ, «длинными реакціонными щупальцами охватившій Кубань»; на Добровольческую Армію, «поющую Боже, Царя храни». Про армію кубанскій офиціозъ позволилъ себѣ сказать:

«... И только въ демократическихъ кругахъ съ истиннымъ негодованіемъ относятся къ свершившемуся факту и ждутъ возможныхъ послѣдствій. Говорятъ о возможности ухода кубанцевъ съ фронта. Говорятъ и сами пугаются... Такъ какъ всѣ отлично сознаютъ, что на фронтѣ — тамъ, далеко — кубанцы, терцы, донцы, а Добровольцы ютятся въ штабахъ, театрахъ и интендантствахъ...»

Даже представитель Грузіи, съ которой по существу мы находились въ состояніи войны, счелъ возможнымъ въ Екатеринодарѣ — ставкѣ главнокомандующаго воюющей стороны, съ кафедры Рады грозить «невѣдомому» противнику: «Грузія хочетъ видѣть рядомъ съ собой доблестную сосѣдку — Кубань... Она не можетъ разговаривать съ тѣми, кто идетъ завоевывать и подчинять, а не освобождать... Я увѣренъ, что когда на Кубани настанетъ моментъ опасности для демократіи и свободы, то демократія Грузіи не платонически, а кровью своей докажетъ стремленіе защищать общность демократическихъ интересовъ...»

Грузія въ качествѣ защитницы Кубани!

Это офиціальное лицемѣріе встрѣчено было бурными апплодисментами собранія, ослѣпленнаго навѣяннымъ чувствомъ въ ущербъ логикѣ и дѣйствительности.

Въ числѣ прочихъ мѣръ законодательная Рада постановила [1]): 1) закрыть всѣ газеты, поносившія Раду и покойнаго Рябовола, а редакторовъ ихъ выслать изъ предѣловъ края [2]); 2) закрыть всѣ отдѣленія Освага на кубанской территоріи, а агентовъ его выслать [3]); 3) екатеринодарскій гарнизонъ передать въ надежныя руки и составить его изъ «вѣрныхъ частей»; 4) всѣ гарнизоны въ краѣ

---

[1]) Засѣданія 14 и 19 іюня.

[2]) Насколько помню, были высланы только Лутковскій (бывш. редакторъ «Двуглаваго Орла») и Востоковъ (издатель листовокъ).

[3]) Распоряженіе правительства по этому поводу было отмѣнено атаманомъ, при чемъ вмѣсто офиціальныхъ репрессій начался неофиціальный бойкотъ, по существу парализовавшій дѣятельность учрежденія.

должны состоять исключительно изъ кубанскихъ и горскихъ частей[1]); 5) разработать мѣропріятія противъ лицъ, ведущихъ борьбу съ кубанскими краевыми установленіями...

Эти послѣднія мѣропріятія были особенно сложны, въ виду отрицательнаго отношенія къ мѣстной власти не только «Добровольческой Арміи», но и всей русской общественности, всей россійской печати, кубанской «линейной» группы и большинства иногороднихъ. Послѣдніе были настроены оппозиціонно преимущественно въ области соціальныхъ и экономическихъ взаимоотношеній; въ станицахъ — въ особенности, гдѣ неискренніе демократическіе лозунги центра претворялись въ «казачью диктатуру» и самосудъ, гдѣ всѣ натуральныя повинности отбывались исключительно иногороднимъ населеніемъ — принудительно и безплатно. Только городской пролетаріатъ, ведя борьбу съ кубанской властью, въ ея распрѣ съ командованіемъ выражалъ обыкновенно свое сочувствіе кубанцамъ. Но пріемами довольно безобидными: рѣзкими постановленіями профессіональныхъ союзовъ, красными бантами, украшавшими ихъ делегатовъ и т. п.

Начавшаяся на Кубани задолго до іюня кампанія противъ Южной власти приняла размѣры угрожающіе. Она не ограничилась отстаиваніемъ областныхъ интересовъ; въ программу кубанской «революціонной демократіи», въ соотвѣтствіи съ практикой россійскихъ соціалистовъ, входила «энергичная борьба со стремленіемъ слугъ царскаго режима, помѣщиковъ и капиталистовъ установить диктаторскую власть въ освобожденныхъ отъ большевиковъ мѣстностяхъ Россіи, ибо эта власть есть первый твердый и вѣрный шагъ къ установленію самодержавно-полицейскаго строя»[2]).

Нахожденіе аппарата власти (отд. вн. дѣлъ) и краевыхъ органовъ пропаганды («Коп»), поглощавшихъ ежемѣсячно 4 милліона руб., въ рукахъ самостійной группы давало ей реальную силу и широкія возможности. Способы борьбы были разнообразны: скрытая работа по сверженію атамана и явная — по удаленію лицъ высшаго управленія, приверженныхъ къ Добровольческой Арміи; спеціальный подборъ администраціи, административное давленіе, перлюстрація корреспонденціи; подкупы — деньгами, спиртомъ, назначеніями, производствомъ въ первый офицерскій чинъ и т. д., и т. д. Такъ же разнообразна была пропаганда. Каждое засѣданіе Рады являлось поношеніемъ Южной власти и возбужденіемъ противъ нея казаковъ. Офиціальная печать распространяла эти рѣчи и проводила эти идеи прямыми выпадами и тенденціознымъ подборомъ матеріала, зачастую грубо вымышленнаго.

«Коп» разносилъ агитаціонную литературу въ тысячахъ экземпляровъ по станицамъ, а въ витринѣ этого учрежденія, въ Екатеринодарѣ, изо дня въ день вывѣшивались кубанскія газеты съ подчеркнутыми мѣстами, особенно оскорбительными для Добровольческой Арміи, съ экземплярами «Извѣстій» и «Красноармейца», описывавшими, напримѣръ, съ большимъ злорадствомъ развалъ арміи адм. Колчака или въ самыхъ радужныхъ краскахъ торжества «пролетарскаго праздника 1 мая» въ совѣтской Россіи...

Лидеры самостійниковъ — Омельченко, Гатагоу, Воропиновъ, Макаренко, Бѣлоусовъ и многіе другіе по порученію Рады разъѣзжали по Кубани и на станичныхъ сборахъ выясняли наши взаимоотношенія въ духѣ демагогіи, затрагивавшей наиболѣе чувствительныя мѣста народной психики. Нѣтъ шпагата, дорога мануфактура — виновата «блокада Кубани...» Дорогъ хлѣбъ — потому что весь

[1]) Добровольческія части, по условіямъ дислокаціи, конечно, остались на Кубани: запасныя, формирующія части, войсковыя школы и т. д.

[2]) «Программа и тактика кубанской объединенной группы федералистовъ-республиканцевъ».

урожай 1919 года будетъ отданъ главнымъ командованіемъ Англіи (?) въ уплату за снабженіе... Кубанцы босы и голы (!), тогда какъ Добровольцы, даже плѣнные большевики, ходятъ въ отличномъ англійскомъ обмундированіи (!)... Особое Совѣщаніе — это «тотъ коршунъ, который ждетъ лишь того времени, когда можно будетъ выклевать глаза Кубанскому краю и отнять у него землю и волю...» (Макаренко). На фронтѣ не хватаетъ силъ, ибо кубанцевъ заставляютъ проливать кровь въ борьбѣ съ «дружественными кубанцамъ горцами Дагестана и Чечни, съ родственными имъ украинцами Петлюры...» Иные агитаторы въ своемъ толкованіи событій шли гораздо дальше, требуя отъ правительства снять съ фронта кубанскія части и поставить ихъ сильными гарнизонами по Кубани, чтобы «заставить силою не желающихъ исполнять распоряженія Кубанской власти...» (Воропиновъ). Или побуждали кубанскихъ казаковъ оставить ряды Добровольческой Арміи, которая «является виновницей гражданской войны». Ибо, не преслѣдуй она «цѣлей насажденія монархизма, давно можно было бы окончить войну и примириться съ большевиками, устроивъ въ Россіи народную республику...» (Омельченко).

Подъ такимъ воздѣйствіемъ изо дня въ день, на сытой и покойной Кубани среди казачества началось смущеніе. Часть станицъ оставалась, впрочемъ, равнодушной къ тому зрѣлищу, которое народный юморъ опредѣлялъ фразой «паны дерутся»; другія, подъ вліяніемъ агитаціи, выносили постановленія — хвалебныя по адресу печальниковъ народныхъ изъ законодательной Рады и враждебныя по отношенію къ Добровольческой Арміи; третьи, наконецъ, требовали удаленія изъ состава Рады и правительства «Воропиновыхъ и Макаренокъ», которые «ведутъ къ пережитому уже нами и напоминаютъ прямо о дѣйствіяхъ этихъ лицъ въ первой законодательной Радѣ передъ большевизмомъ...» Одновременно многія станицы присылали постановленія объ избраніи меня почетнымъ казакомъ... Съѣздъ уполномоченныхъ Лабинскаго отдѣла (конецъ іюня) призналъ дѣятельность законодательной Рады вполнѣ отвѣчающей чаяніямъ народнымъ и послалъ привѣтствіе Радѣ и... главнокомандующему.

Шелъ полный разбродъ въ казачьихъ настроеніяхъ. Движеніе, вызванное кубанскими демагогами, оказалось безсильнымъ поднять казачью массу къ активнымъ дѣйствіямъ. Но значеніе его тѣмъ не менѣе было велико и гибельно: всякій подъемъ въ казачествѣ мало-по-малу угасалъ и притомъ безвозвратно, цѣли борьбы затемнялись совершенно, понятіе о долгѣ заслонялось чувствомъ самосохраненія, находившимъ простое и доступное оправданіе въ рѣчахъ и призывахъ «народныхъ избранниковъ». Съ фронта началось повальное дезертирство, не преслѣдуемое кубанской властью. Дезертиры свободно проживали въ станицахъ, увеличивали собою кадры «зеленыхъ» или, наконецъ, находили покойный пріютъ въ екатеринодарскихъ запасныхъ частяхъ — настоящей опричнинѣ, которую путемъ соотвѣтственной обработки Рада готовила для своей защиты и къ вооруженной борьбѣ противъ главнаго командованія.

Въ то же время черезъ головы полковъ, стоявшихъ на грузинскомъ фронтѣ или дравшихся съ войсками Петлюры, кубанская власть заключала договоры и союзы съ Грузіей (три экономическихъ договора на поставку хлѣба) и съ Украиной; посылала делегаціи на Донъ и на Терекъ, чтобы найти тамъ поддержку въ борьбѣ съ главнымъ командованіемъ.

На русскую общественность произвело большое впечатлѣніе одно темное событіе: предсѣдатель кубанскаго военно-окружного суда Лукинъ, первопоходникъ и приверженецъ Добровольческой Арміи, пріѣзжалъ въ Ростовъ съ докладомъ по вопросу о ростѣ украинско-сепаратистскаго движенія на Кубани и о прибытіи въ

Екатеринодаръ тайной петлюровской делегаціи. Черезъ день по возвращеніи туда, 1 октября, Лукинъ былъ убитъ лицами, не обнаруженными кубанскими слѣдственными органами...

* * *

Были ли всѣ нападки самостійныхъ круговъ на политику и власти Юга голословными и необоснованными? Къ сожалѣнію, не всегда. Наши нестроенія давали имъ не разъ основанія, скорѣе, впрочемъ, въ масштабѣ общегосударственномъ, чѣмъ краевомъ. Основанія, которыя къ тому же въ азартѣ политической борьбы и въ преломленіи сквозь призму соціалистическо-самостійной идеологіи пріобрѣтали не разъ преувеличенную и извращенную окраску. Давали ли мы поводы къ обостренію отношеній? Помимо принципіальнаго расхожденія, наше не слишкомъ почтительное отношеніе къ людямъ, попавшимъ на роли народныхъ избранниковъ, законодателей и министровъ, вызывало обиды и уязвленныя самолюбія. Атаманъ Филимоновъ этому обстоятельству приписывалъ даже исключительное значеніе въ развитіи кубанской фронды: «Протестантство Быча, Савицкаго и друг. — писалъ онъ мнѣ 2 декабря 1919 г. — выросло не столько на почвѣ политической и партійной борьбы (какой тамъ Савицкій партійный человѣкъ!), сколько подъ вліяніемъ постоянно уязвляемаго самолюбія во время Перваго кубанскаго похода опредѣленно презрительнымъ отношеніемъ къ нимъ чиновъ Добровольческой Арміи... Я былъ постояннымъ свидѣтелемъ бѣшенства ихъ по поводу недостаточно внимательнаго отношенія къ «избранникамъ народа» съ Вашей стороны и со стороны штаба Арміи... Чувство мести, главнымъ образомъ, толкнуло Быча и его сподвижниковъ на преступную работу за границей».

Россійская печать, органы «линейцевъ», иногда литература Освага, правда въ порядкѣ необходимой самообороны, отвѣчали на нападки самостійниковъ тономъ столь же рѣзкимъ и страстнымъ. Поношенію подвергались и люди, и идеи. Я не ошибусь, вѣроятно, если среди многочисленныхъ южныхъ газетъ того времени назову лишь одну — «Утро Юга» Мякотина — которая въ общей бурной газетной кампаніи, въ критикѣ кубанской власти сохраняла поучительный, но сдержанный тонъ.

Извѣрившись въ возможность соглашенія, я предлагалъ предсѣдателю Особаго Совѣщанія условиться, по крайней мѣрѣ, съ атаманомъ и кубанскимъ правительствомъ о прекращеніи взаимной газетной травли... Атаманъ и самъ признавалъ, что «направленіе дѣятельности краевого отдѣла пропаганды съ самаго начала возникновенія своего... вызываетъ недовольство (его) и отдѣльныхъ членовъ правительства...» Принималъ извѣстныя мѣры, временно умѣрявшія злобность офиціальной печати, но не надолго. Власть атамана была весьма ограничена — отчасти конституціей, отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что группы «линейцевъ», къ которымъ принадлежалъ и самъ ген. Филимоновъ, проявлявшій лойяльность и умѣренность, не были достаточно сплочены, организованы и сильны, чтобы составить должный противовѣсъ самостійникамъ. Отчасти, наконецъ, по личнымъ свойствамъ самого атамана — человѣка по характеру весьма мирнаго. Поэтому, въ теченіе болѣе года своего атаманства генералъ Филимоновъ балансировалъ съ большимъ трудомъ между молотомъ и наковальней — между Радой и главнымъ командованіемъ. То сдерживалъ порывы демагоговъ, умиротворялъ настроенія, сглаживалъ углы. То иногда, какъ, напримѣръ, въ вопросѣ о созданіи Кубанской арміи, былъ солидаренъ съ самостійными кругами и весьма настойчивъ. Это было тѣмъ болѣе непонятнымъ, что съ лѣта 1919 г. кубан-

скіе лидеры въ своихъ бурныхъ рѣчахъ, уже не стѣсняясь, ставили цѣлью созданія Кубанской арміи борьбу съ главнымъ командованіемъ.

Положеніе становилось чрезвычайно тягостнымъ. Ни одна изъ нашихъ попытокъ установленія государственной связи не увѣнчалась успѣхомъ. Н а м ъ н е б ы л о п р е д ъ я в л е н о к ъ т о м у ж е н и о д н о г о к о н т р ъ - п р о е к т а с о с т о р о н ы к у б а н с к и х ъ п р а в и т е л е й, если не считать не прикрытаго пожеланія — полнаго невмѣшательства главнаго командованія въ дѣла Кубани. Послѣднее было бы, быть можетъ, и спасительнымъ, но къ сожалѣнію невыполнимымъ: Кубань волею судьбы являлась нашимъ тыломъ, источникомъ комплектованія и питанія Кавказской арміи и связующимъ путемъ какъ съ Сѣвернымъ Кавказомъ, такъ и съ единственной нашей базой — Новороссійскомъ. Кубанскія части въ октябрѣ составляли все еще 12% Вооруженныхъ силъ Юга.

Насъ сковывали цѣпи, которыя рвать было невозможно.

Въ конечномъ результатѣ, къ осени 1919 г. положеніе было таково: на Царицынскомъ фронтѣ стояла страшно порѣдѣвшая Кавказская (кубанская по составу) армія, сохранявшая еще, благодаря, главнымъ образомъ, вліянію лойяльнаго и національно-настроеннаго кубанскаго генералитета и офицерства, бодрость духа и дисциплину. Но съ тыла, съ Кубани, къ арміи не шло уже болѣе на пополненіе ни казаковъ, ни лошадей.

На мой взглядъ совершенно безразлично:

Вѣрить ли искренности того лозунга, который въ 1919 году проповѣдывала кубанская революціонная демократія — «Единая Кубань въ единой федеративной Россійской республикѣ» [1] — лозунга, обусловившаго якобы внутреннюю распрю между «кубанскимъ народоправствомъ» и «реакціей» во образѣ Особаго Совѣщанія... Вѣрить ли признанію, сдѣланному тѣми же лицами въ 1921 году [2]), что цѣлью ихъ была в с е г д а «государственная независимость Кубани», и, слѣдовательно, борьба велась между кубанской самостійностью и національной Россіей... Въ обоихъ случаяхъ борьба кубанскихъ правителей на два фронта — противъ большевиковъ и Добровольческой Арміи — являлась завѣдомо непосильной и потому безумной.

Она губила и и х ъ, и н а с ъ.

И не безъ основанія Бронштейнъ-Троцкій еще въ сентябрѣ 1919 г. избралъ путь параллельный съ кубанскими правителями. Онъ считалъ невыгоднымъ «трогать Кубань», наступая отъ Царицына на Тихорѣцкую. Бронштейнъ предпочиталъ Харьковское направленіе, чтобы «отрѣзать Деникинскія войска отъ Кубани, что дало бы в р е м е н н у ю о п о р у кубанскимъ самостійникамъ и в р е м е н н о е з а м и р е н і е Кубани въ ожиданіи развязки нашей борьбы съ Деникинцами на Донцѣ и на Украинѣ».

И хотя отрѣзать Добровольцевъ отъ казаковъ большевикамъ не удалось, но работой самостійниковъ «замиреніе» все-таки было достигнуто.

---

[1]) «Программа и тактика кубанской объединенной группы федералистовъ-республиканцевъ».

[2]) Конференція въ Прагѣ.

ГЛАВА XXI.

Юго-восточный союзъ и Южно-русская конференція.

Въ предыдущихъ книгахъ я очертилъ первыя попытки южнаго казачества къ объединенію.

По словамъ Харламова — это было «стихійное стремленіе... коренящееся въ психологическихъ особенностяхъ казачества, какъ отдѣльной бытовой группы русскаго народа.... Оно есть не только эпизодъ прошлаго, но имѣетъ и будущее...» Этой стихійности я не наблюдалъ: всѣ попытки организаціи «казачьяго государства» являлись по замыслу плодомъ интеллигентскаго творчества, отнюдь не народнаго.

Первый опытъ созданія Юго-восточнаго союза въ 1917 г. прошелъ подъ знакомъ полнаго игнорированія мятущимся казачествомъ и своей областной выборной власти, и «союзной». Второй — проектъ «Доно-Кавказскаго союза» былъ совершенно искусственной, чисто политической комбинаціей, которую проводилъ генералъ Красновъ въ угоду германцамъ, видѣвшимъ въ этой комбинаціи оплотъ противъ зарождавшагося Восточнаго фронта и одновременно противъ Добровольческой Арміи.

Весною 1919 г. Круги и Рада разновременно выразили пожеланіе о возсозданіи союза. Но формы его и цѣли, въ особенности сокровенныя, были различны.

Иниціативу созыва конференціи взяло на себя кубанское правительство, пригласивъ на нее къ 5 мая и Закавказскія новообразованія, и горскіе округа, подчиненные главному командованію. Расцѣнивая подобный съѣздъ, какъ демонстрацію центробѣжныхъ по преимуществу силъ, я отнесся къ нему рѣзко отрицательно [1]. О послѣдовавшихъ по этому поводу переговорахъ между казачьими дѣятелями сдѣланъ былъ докладъ Донскому кругу [2]) предсѣдателемъ его Харламовымъ, посѣтившимъ незадолго передъ тѣмъ во главѣ делегаціи Кубань и Терекъ. Выяснилось, между прочимъ, тождество мнѣній донскихъ и терскихъ правителей съ Особымъ Совѣщаніемъ въ вопросѣ о непріемлемости состава конференціи. «Въ сущности — говорилъ Харламовъ — ни Филимоновъ, ни Сушковъ [3]), да и вообще кубанское правительство, не вѣрятъ въ эту конференцію, но обязаны исполнить постановленіе Рады, проведенное черноморцами».

Время тогда было тяжелое. 10-я большевицкая армія съ Царицынскаго фронта подступала уже къ Батайску, въ тылъ Ростова и сѣверной группѣ нашихъ войскъ... Поэтому, Харламовъ совѣтовалъ Кругу «направить все вниманіе на борьбу»... «было бы совершенно неудобно въ данный моментъ идти рѣзко противъ взгляда главнаго командованія». Такъ же отнеслись къ этому Терцы, и вопросъ заглохъ.

Но черезъ полтора мѣсяца, когда фронтъ большевицкій дрогнулъ, когда наши арміи перешли въ широкое наступленіе, и освобожденіе всей территоріи Дона стало вопросомъ ближайшихъ дней, Донской кругъ, прерывая свои работы 1 іюня, вновь подтвердилъ, что считаетъ «неотложной задачей... заключеніе... Юго-восточнаго союза, въ первую очередь съ Терекомъ и Кубанью, для укрѣпленія экономической мощи края и утвержденія кровью добытыхъ автономныхъ правъ, при дружномъ боевомъ сотрудничествѣ съ главнымъ командованіемъ Юга Россіи

---

[1]) См. т. IV, гл. 7-я.

[2]) Закрытое засѣданіе Круга 19 апрѣля 1919 г.

[3]) Предсѣдатель кубанскаго правительства.

въ дѣлѣ осуществленія общихъ задачъ по возсозданію единой, великой Родины — Россіи...»

29 мая предсѣдателемъ Круга разослано было приглашеніе въ Ростовъ представителямъ Круговъ (Рады) и правительствъ трехъ казачьихъ войскъ на конференцію, которая и собралась тамъ 11 іюня.

Россійская общественность и печать отнеслись къ этому факту съ единодушнымъ и рѣзкимъ осужденіемъ. Отраженіемъ тѣхъ взглядовъ, которые сложились тогда, можетъ служить конспектъ «протеста», выработанный на соединенномъ засѣданіи правленій Нац. центра и Совѣта Гос. Об.[1]), гласившій:

«а) Историческія заслуги казачества въ дѣлѣ собиранія мощи Россіи весьма велики.

б) Въ настоящей гражданской войнѣ и борьбѣ съ большевизмомъ казачество занимаетъ первое мѣсто, какъ въ дѣлѣ защиты своего края, такъ и для возстановленія единства и былой мощи Россіи.

в) Эти великія заслуги казачества, а также особенности его быта и исторически сложившихся сословныхъ преимуществъ, даютъ ему право на самостоятельное устройство своей внутренней жизни и отводятъ ему почетное мѣсто при разрѣшеніи вопросовъ объ окончательномъ устройствѣ Русскаго государства.

г) Идея организаціи Юго-Восточнаго союза, какъ государственнаго объединенія, которое должно быть противопоставлено охваченной большевизмомъ Россіи, имѣла въ свое время извѣстное значеніе.

д) Нынѣ, когда возстанавливается единство Россіи, при чемъ представителемъ ея является въ Сибири Верховный правитель Россіи — Колчакъ, а на Югѣ — Добровольческая Армія, сплотившая всѣ анти-большевицкія силы и нынѣ побѣдоносно двигающаяся къ Москвѣ, возобновленіе вопроса о созданіи Южно-русскаго союза не только не оправдывается современной обстановкой, но и политически вредно, такъ какъ препятствуетъ возсозданію единой государственности.

е) Стремиться нынѣ къ созданію новыхъ государственныхъ образованій значитъ безсознательно содѣйствовать намѣреніямъ Германіи и ставить себѣ цѣлью расчлененіе Россіи».

Къ этому протесту предложено было присоединиться и Союзу Возрожденія. Послѣдній, избѣгая общенія съ Гос. Об., отказался; но въ повременной печати появился рядъ статей Мякотина, обстоятельно доказывавшихъ, что «называть формы и порядки управленія, существующіе сейчасъ въ казачьихъ областяхъ, демократическими, значитъ — пользоваться весьма неточной терминологіей...» И что «объединеніе казачьихъ областей въ одинъ союзъ едва ли можетъ дать прочный оплотъ правамъ и интересамъ демократіи[2]). А вмѣстѣ съ тѣмъ, разъ такой союзъ возникнетъ, онъ неизбѣжно будетъ помѣхой для общегосударственной власти и, если даже признаетъ ее, неминуемо явится ея конкуррентомъ и будетъ затруднять ея дѣйствія». Мякотинъ призывалъ, поэтому, казачество къ объединенію «съ властью адмирала Колчака».

Что касается болѣе лѣвыхъ группировокъ, то будучи принципіальными противниками «сословныхъ организацій», онѣ, тѣмъ не менѣе, не желая оказывать хотя бы косвенной моральной поддержки Южной власти, хранили молчаніе.

Возмущеніе россійскихъ круговъ было направлено не по надлежащему адресу. Взглядъ на предполагаемый союзъ, исключительно какъ на противовѣсъ общегосударственной власти, проводили ярко и настойчиво одни лишь самостій-

---

[1]) 20 іюня 1919 г.

[2]) Вопросъ объ иногороднихъ.

ныя кубанскія группы. И только подъ флагомъ казачьяго объединенія возможно было привлеченіе оффиціальнаго представительства Кубани къ переговорамъ о созданіи общей власти. Донъ и Терекъ, въ лицѣ своихъ отвѣтственныхъ представителей, и примыкавшіе къ нимъ астраханскіе делегаты держались иныхъ взглядовъ. На конференціи к.-д. 29 іюня Харламовъ заявилъ:

> «Пунктъ 7 резолюціи, говорящей объ отношеніи партіи къ краевымъ правительствамъ, отвѣчаетъ моему credo; своимъ остріемъ онъ направленъ противъ кубанскихъ самостійниковъ. Они начинаютъ сдавать свои неприступныя позиціи, и положеніе улучшается. На конференціи въ Ростовѣ мы опредѣленно заявили, что федерализмъ непримѣнимъ къ Россіи. Это — книжная, надуманная схема, и процессъ объединенія идетъ мимо нея. Поэтому надо ясно учесть: идти съ нимъ или противъ него. Я знаю, что кубанскій атаманъ и большинство краевого правительства со мною, они не федералисты. Деникинъ нашему взгляду вполнѣ сочувствуетъ. Съ Терека получены извѣстія отъ Баскакова, что все идетъ успѣшно. Переговоры между государственными образованіями и командованіемъ не должны пугать: это не договоръ и не сговоръ, а только форма, обстановка для безусловнаго подчиненія. Мы хотимъ лишь областной автономіи, которая, обслуживая насъ, принесетъ пользу и общему дѣлу».

Эти взгляды, которымъ не чужды были также генералы Богаевскій и Сидоринъ, нашли отраженіе и на конференціи, хотя далеко не въ такой рѣшительной формѣ, какъ у Харламова. Кубанская делегація, возглавленная Рябоволомъ, оказалась, поэтому, въ положеніи меньшинства, заранѣе обреченнаго на изоляцію. И, если вѣрить свѣдѣніямъ, появившимся послѣ крушенія Юга и ставящимъ убійство Рябовола въ вину одной изъ вольныхъ контръ-развѣдокъ, то актъ этотъ, кромѣ своей моральной неприглядности, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ нецѣлесообразенъ политически, создавъ чрезвычайныя затрудненія для главнаго командованія.

Кубанская делегація, отправившаяся на похороны Рябовола въ Екатеринодаръ, не возвращалась. Конференція, прождавъ напрасно три дня, приступила опять къ своимъ занятіямъ, принявъ 20 іюня постановленіе: «Признать безотлагательную необходимость организаціи временной общегосударственной власти на Югѣ Россіи на основѣ представительства отъ государственныхъ образованій Юга Россіи и главнаго командованія В. С. Ю. Р.»

Кубанскіе представители — Шахимъ-Гирей (предсѣдатель) и И. Макаренко — по прямому проводу изъ Екатеринодара настойчиво, но безуспѣшно убѣждали конференцію въ томъ, что «переговоры съ ген. Деникинымъ преждевременны». И 21 іюня делегація конференціи въ составѣ Харламова, Баскакова [1]) и Каклюгина [2]), во время проѣзда моего черезъ Ростовъ познакомила меня съ ходомъ работъ и принятыми постановленіями. При этомъ установлено было полное единомысліе наше относительно идеи построенія общерусской власти: Верховный правитель (адм. Колчакъ) и его полномочный представитель на Югѣ — главнокомандующій, палата областныхъ и губернскихъ представителей, общее правительство, автономія казачьихъ войскъ.

Это неожиданное для многихъ и въ томъ числѣ для кубанцевъ превращеніе конференціи о казачьемъ союзѣ — въ конференцію объ организаціи южно-русской власти представлялось тогда огромнымъ шагомъ впередъ въ области устроенія Юга и консолидаціи силъ его въ борьбѣ съ большевиками. По существу же, 21 іюня 1919 г., послѣ 8 мѣсяцевъ безплодныхъ

---

[1]) Делегатъ Терека, бывш. проф. Военной Академіи.

[2]) Управляющій отд. вн. дѣлъ на Дону.

исканій, многовластія и тяжелаго внутренняго разлада, мы вернули вопросъ объ Южной власти къ тому исходному положенію, въ какомъ онъ находился 16 октября 1918 г., когда я и Особое Совѣщаніе предложили казакамъ проектъ конституціи, отвергнутый Кубанью.

* * *

Кубанская делегація выразила «чувства крайняго сожалѣнія, что Кубань была поставлена передъ совершившимся фактомъ». Но, послѣ горячихъ преній и настойчивыхъ убѣжденій прибывшей въ Екатеринодаръ донской делагаціи, кубанцы рѣшили принять участіе въ дальнѣйшихъ работахъ конференціи, при непремѣнномъ, однако, условіи, чтобы «продолженіе переговоровъ съ ген. Деникинымъ состоялось лишь послѣ того, какъ представители Дона, Кубани и Терека примутъ необходимыя рѣшенія по основнымъ вопросамъ».

Эта вторая подготовительная стадія работъ конференціи, собиравшейся въ Екатеринодарѣ, Ессентукахъ и Новороссійскѣ и прерывавшейся продолжительными поѣздками делегатовъ для доклада своимъ представительнымъ учрежденіямъ, длилась 2½ мѣсяца. Трижды главы делегацій являлись ко мнѣ въ Таганрогъ для обмѣна мнѣніями и рѣшенія спорныхъ вопросовъ. Въ серединѣ іюля состоялись два совмѣстныхъ съ моими представителями засѣданія конференціи для выясненія основныхъ положеній будущей конституціи, не приведшія къ полному соглашенію. Послѣ этого до начала сентября продолжались работы казачьей конференціи и ея комиссій по выработкѣ положеній о Высшемъ Совѣтѣ, правительствѣ и казачьей автономіи. И по окончаніи этихъ работъ, со 2-го сентября конференція вступила въ третью стадію своей дѣятельности — окончательнаго конструированія государственной власти, совмѣстно съ представителями главнаго командованія.

Совершенно исключительное положеніе занимала во всѣхъ этихъ переговорахъ кубанская делегація, парализовавшая дѣятельность конференціи всѣми мѣрами, начиная съ постоянныхъ перерывовъ, побуждавшихъ делегатовъ остальныхъ войскъ продолжать занятія безъ кубанцевъ. Обстоятельство — тѣмъ болѣе серьезное, что рѣшенія принимались не персональнымъ голосованіемъ, а по государственнымъ образованіямъ. Неумѣренность отстаиваемыхъ кубанцами положеній, явно ведущая къ разрыву, вызывала не разъ возмущеніе среди донцовъ и терцевъ. Саботажъ принималъ оттѣнокъ анекдотическій, когда, напримѣръ, И. Макаренко, съ упорствомъ раскольничьяго начетчика по цѣлымъ часамъ доказывалъ, что въ редакціи «Положенія» — «правителемъ Юга Россіи **является** главнокомандующій...» — слово «является» необходимо замѣнить словомъ «почитается», ибо первое «противорѣчитъ конституціи Кубани...» На почвѣ всѣхъ этихъ недоразумѣній произошелъ расколъ и внутри самой кубанской делегаціи. И когда все же къ началу августа выразилось явно настроеніе конференціи къ полному соглашенію съ главнымъ командованіемъ, законодательная Рада на бурныхъ засѣданіяхъ своихъ (1—5 августа) постановила прямо вопросъ объ отозваніи своихъ делегатовъ съ конференціи...

Голоса умѣренной части собранія — въ томъ числѣ атамана, обрисовавшаго возможность полной изолированности Кубани въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ, на этотъ разъ перевѣсили. Рада 25 голосами, при воздержавшихся черкесахъ [1]) и большей части «черноморцевъ», санкціонировала даль-

---

[1]) Черкесскій народъ всегда былъ лойяленъ; но малоинтеллигентные представители его голосовали покорно по указанію Шахимъ-Гирея и Гатогоу.

нѣйшее участіе делегатовъ въ конференціи, мотивируя это рѣшеніе тѣмъ, что все равно «результаты работъ ея подлежатъ утвержденію органовъ законодательной власти». Въ виду такого постановленія предсѣдатель и члены делегаціи — Шахимъ-Гирей, И. Макаренко и Бѣлый сложили свои полномочія. Рада согласилась на освобожденіе Шахимъ-Гирея и не приняла отказа другихъ. И Макаренко сталъ предсѣдателемъ, а вмѣсто Шахимъ-Гирея былъ назначенъ другой черкесъ — Гатогоу — демагогъ еще большій и такой же врагъ соглашенія.

О политическихъ теченіяхъ, наблюдавшихся въ то время въ Радѣ, одинъ изъ членовъ кубанской делегаціи, Скобцовъ, говорилъ:

— «Ихъ два: одно — то, которое желаетъ вывести Кубань на широкую россійскую дорогу, т. е. на путь, предложенный Харламовымъ — участія въ строительствѣ Южно-русской власти; второе — топтаніе на мѣстѣ со взглядами, обращенными на юго-западъ, т. е. на Украину, гдѣ ожидается устройство «Кубанско-украинскаго союза». Эти группы выжидаютъ событій, въ зависимости отъ которыхъ пойдутъ или по пути строительства Россіи, или за Украину...»

Разрывъ былъ пока предотвращенъ. Но всѣ обстоятельства, сопровождавшія засѣданіе Рады, давали почву для глубочайшихъ сомнѣній въ возможность при сложившихся на Кубани настроеніяхъ благополучнаго исхода конференціи...

* * *

Но и помимо кубанской обструкціи было немало серьезныхъ мотивовъ расхожденія.

Обѣ стороны — и мы, и казачество, недостаточно считаясь съ требованіями момента, проявляли чрезвычайную осторожность и осмотрительность въ отношеніи будущаго. Мы стремились къ тому, чтобы создать нормальныя взаимоотношенія казачества не только по отношенію къ временной власти В. С. Ю. Р., но и къ Россіи, не растрачивая государственныхъ правъ и не создавая опасныхъ прецедентовъ для будущей общерусской власти. Казачество, наоборотъ, стремилось закрѣпить за собой maximum правъ и «вольностей», именно въ цѣляхъ созданія историческаго прецедента, находя періодъ безвременья наиболѣе подходящимъ для этой цѣли. Въ этомъ же стремленіи кубанскіе делегаты требовали настоятельно предварительнаго заключенія казачьяго союза, чтобы во всеоружіи силы ставить свои требованія другой сторонѣ. Притомъ — непремѣнно «съ запросомъ». Эта черточка казачьей психологіи весьма своеобразно проявлялась на Донскомъ кругу, гдѣ слышались рѣчи: «надо настаивать на федераціи, тогда получимъ автономію; не то, говоря объ автономіи, получимъ... генералъ-губернатора...»

«Торгъ» шелъ четыре мѣсяца.

Государствовѣды Особаго Совѣщанія стояли твердо на томъ положеніи, что «русское государство, какъ единое цѣлое, возстановлено съ момента признанія въ немъ единой Верховной власти въ лицѣ адмирала Колчака»; и опредѣляли поэтому порядокъ вхожденія казачьихъ земель въ общегосударственный строй одностороннимъ актомъ власти Верховнаго правителя, осуществляемой черезъ главнокомандующаго Вооруженными силами на Югѣ Россіи... Казачество держалось иной точки зрѣнія, требуя учредительнаго съѣзда и союзнаго договора, октроируемаго законодательными учрежденіями всѣхъ договаривающихся сторонъ. Казачью точку зрѣнія весьма ярко выразилъ донской атаманъ, ген. Богаевскій въ своей привѣтственной рѣчи членамъ конференціи:

— «Донъ самъ откажется отъ части своихъ временныхъ суверенныхъ правъ въ пользу будущей государственной власти, но его достоинство и заслуги въ упорной борьбѣ съ большевизмомъ не позволятъ ему принять, какъ подарокъ, признаніе его внутренней автономіи. Волею судебъ она есть и будетъ».

Принципъ октроированія свыше въ предстоящемъ образованіи власти имѣлъ, между тѣмъ, далеко не одно лишь принципіальное значеніе. Ибо на первыхъ же порахъ на конференціи всталъ остро вопросъ о признаніи адм. Колчака, къ которому донцы отнеслись неопредѣленно, терцы и особенно кубанцы вполнѣ отрицательно. Офиціальными мотивами такого отношенія были: тяжелое положеніе къ тому времени Восточнаго фронта, «недостаточная солидность базы, на которую опирается адмиралъ», форма правленія его, «далекая отъ народоправства», «отсутствіе гарантій сохраненія демократическихъ установленій на Югѣ» и т. д.

Пойти на такой шагъ — игнорированія признанной мною Верховной власти, я очевидно не могъ.

Мы проводили идею полной концентраціи власти, въ видѣ диктатуры, признавая такую форму правленія единственно возможной въ небывало тяжелыхъ условіяхъ гражданской войны... Казачество, допуская единоличную власть главнокомандующаго, добивалось «гарантій», превращавшихъ «единство» въ федерацію, диктатуру — въ чистѣйшій парламентаризмъ. Оно требовало права образованія союзовъ государственно-правового значенія и автономныхъ армій; учрежденія законодательной палаты вмѣсто законосовѣщательной; назначенія предсѣдателя правительства по соглашенію со «съѣздомъ»; права палаты выражать недовѣріе правительству; искусственно создаваемаго численнаго преобладанія въ Совѣтѣ казачьихъ представителей и т. д.

Помимо принципіальнаго отрицанія нами юридической зависимости правителя отъ предварительнаго органа въ періодъ борьбы, такой порядокъ, послѣ признанія Верховной власти адм. Колчака, не могъ бы быть осуществленъ иначе, какъ путемъ переворота. И я поставилъ передъ конференціей вопросъ о законосовѣщательныхъ функціяхъ палаты въ ультимативной формѣ. Точно также, послѣ опыта одной автономной арміи, создавать такихъ три, значило бы идти не къ объединенію, а къ расчлененію и ставило бы въ еще болѣе тяжелое положеніе главное командованіе. Поэтому нашимъ представителямъ дано было указаніе: «Автономныя арміи не допускаются. Единая армія и единое законодательство (военное), считающееся съ особыми условіями исторически сложившагося казачьяго быта».

Интересно, что восточное казачество (Сибирь), переживъ періодъ «атаманства»[1]), также не оставляло притязаній на особую роль въ государственномъ управленіи. Казачья конференція требовала: 1) учредить министерство по казачьимъ дѣламъ, съ министромъ, избираемымъ казачьимъ Кругомъ (конференціей); 2) этотъ министръ долженъ управлять вѣдомствомъ при участіи Круга; 3) ни одинъ законъ, касающійся казачества, не можетъ быть проведенъ безъ разсмотрѣнія Круга; 4) казачьими войсками должны командовать выборные походные атаманы... «Прочитавъ этотъ проектъ въ цѣломъ — говоритъ омскій министръ Гинсъ — можно было впасть въ отчаяніе безнадежности, до такой степени ясны были въ немъ личныя стремленія и политиканство...»

Возвращаюсь къ Южной конференціи.

---

[1]) Самовластіе цѣлаго ряда крупныхъ и мелкихъ «атамановъ».

Съ неменьшими треніями проходили у насъ вопросы о казачьей автономіи, въ особенности въ области экономическихъ отношеній. Представители командованія блюли интересы государственные, казачьи представители стремились къ возможно широкому обезпеченію своихъ «вольностей» и своихъ богатствъ. Обѣ стороны вносили въ переговоры ригоризмъ и большую страстность.

Въ такой сложной работѣ, оторванной отъ реальной жизни и не считавшейся съ темпомъ быстро текущихъ событій—огромныхъ и страшныхъ, прошло цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ. Принципіальные вопросы, обезпечивающіе полноту единоличной власти, удалось отстоять; въ остальныхъ — обѣ стороны пошли на уступки. И въ концѣ декабря Донъ и Терекъ пришли къ полному соглашенію съ командованіемъ о конструкціи Южной государственной власти. Кубань же вновь воздержалась, а по станицамъ «Коп» разсылалъ многозначительныя разъясненія:

«Такъ что же казачество?.. Отвергнетъ ли оно мысль о диктатурѣ? Станетъ ли оно на защиту трудового народа, надъ которымъ уже вьются арканы, закидываемые помѣщиками, движущимися вмѣстѣ съ Особымъ Совѣщаніемъ при Добрарміи?»

«Или его опять, какъ встарь, новоиспеченные цари и ихъ лакеи обманутъ и приспятъ, опять обратятъ въ опричниковъ, въ палачей свободы и народа?»

«Или, быть можетъ, казакамъ, ушедшимъ далеко въ глубь Россіи, просто не дадутъ увидѣть родной Край, какъ не дали увидѣть ближайшую судьбу родного народа и родного Края Н. С. Рябоволу?»[1].

Принципіальное соглашеніе съ Дономъ и Терекомъ было достигнуто какъ разъ наканунѣ общей эвакуаціи Ростова и Новочеркасска, перевернувшей вверхъ дномъ всѣ предположенія и въ корнѣ измѣнившей взаимоотношенія наши съ казачествомъ.

ГЛАВА XXII.

Кубанское дѣйство.

Къ октябрю положеніе на Кубани окончательно запуталось.

Парижская кубанская делегація, при молчаливомъ соучастіи правительства и законодательной Рады, объявила объ отторженіи Кубанской области отъ Россіи... Кубанскія пограничныя рогатки до крайности затрудняли торговый оборотъ и продовольственный вопросъ Юга, въ частности душили голодомъ Черноморскую губ... Саботажъ кубанцами конференціи ставилъ подъ сомнѣніе возможность лойяльнаго разрѣшенія вопроса о созданіи общей власти... Правительственная агитація побуждала казаковъ къ прямымъ дѣйствіямъ противъ главнаго командованія...

Послѣ чрезвычайныхъ усилій кубанскаго военнаго начальства пошли, наконецъ, пополненія на фронтъ. Полки, сведенные въ сентябрѣ до ничтожнаго состава въ 70—80 шашекъ, увеличились до 250—300. Но положеніе отъ этого не улучшилось: «на фронтѣ оставалась лучшая часть казаковъ, въ станицахъ засѣли (ушедшіе въ тылъ) шкурники и грабители, — писалъ командующій Кавказ-

---

[1]) Брошюра «Казаки». Подзаголовокъ: «Изданіе отдѣла пропаганды Кубанскаго краевого правительства». Вызванное требованіемъ командованія распоряженіе атамана объ изъятіи ея изъ обращенія фактически выполнено не было.

ской арміей...[1]). Нынѣ... (они), въ видѣ пополненій, вновь вернулись въ части и вернулись развращенные тѣми, въ чьихъ задачахъ разложить и ослабить Армію. Усилія самостійниковъ за послѣднее время направлялись на наиболѣе стойкіе отдѣлы — линейцевъ, и пополненія изъ этихъ отдѣловъ наиболѣе развращены...»

Атаману Филимонову хорошо была извѣстна закулисная дѣятельность самостійниковъ. По его опредѣленію «игра ихъ была разсчитана сначала на Петлюру, а потомъ на неудачи Добров. Арміи и адмирала Колчака... Когда въ маѣ сибирскія войска стали подвигаться къ Волгѣ, наши самостійники приготовились сложить оружіе... И вновь зашевелились лишь послѣ неудачи за Волгой и въ связи со слухами о движеніи рабочихъ заграницей... Въ послѣдніе мѣсяцы, чувствуя, что зарвались, они рѣшились на послѣднюю попытку — захватить власть на Кубани»[2]). Для начала было выражено законодательной Радой недовѣріе походному атаману, генералу Науменко, по вопросу объ отдѣльной кубанской арміи, и Науменко вынужденъ былъ выйти въ отставку (середина сентября). Предположено было въ ближайшее время свергнуть и Филимонова. На постъ кубанскаго атамана намѣчался Л. Бычъ, предсѣдателемъ правительства Воропиновъ, въ составъ кабинета — полковники Гончаровъ, Роговецъ и т. д. — весь крайній секторъ кубанскихъ самостійниковъ.

Но ген. Филимоновъ продолжалъ относиться къ положенію съ большимъ оптимизмомъ на томъ основаніи, что «значеніе на Кубани самостійниковъ преувеличивается» и что «теченіе (это) никогда не имѣло корней въ массахъ кубанскаго населенія, а фабриковалось въ г. Екатеринодарѣ въ небольшихъ и малозначущихъ партійныхъ и радянскихъ кругахъ». «Я всегда зналъ — писалъ онъ — что дѣло ихъ давно осуждено на уничтоженіе»[3]). Поэтому, атаманъ отвергалъ совѣты многихъ лицъ — выступить активно противъ самостійной группы.

Не отрицая отсутствія почвенности въ самостійномъ теченіи, я не могъ, однако, не считаться съ тѣмъ, что эти «малозначущіе» круги, не встрѣчая должнаго отпора, въ теченіе двухъ лѣтъ разлагали казачество, парализовали власть атамана и фактически правили и Радами и Кубанью. И никакихъ объективныхъ данныхъ къ перемѣнѣ такого положенія не было.

Объѣхавъ рядъ станицъ, генералъ Филимоновъ имѣлъ возможность убѣдиться лично, что настроеніе въ нихъ крайне нервное: «съ одной стороны муссируются слухи, вызывающіе враждебное отношеніе къ Добровольческой Арміи, съ другой — говорятъ о предстоящихъ чрезвычайныхъ выступленіяхъ самостійныхъ группъ». Ген. Филимоновъ рѣшилъ, поэтому, обратиться къ «голосу кубанскаго казачества», созвавъ на 15 октября чрезвычайную краевую Раду.

Обѣ стороны — и черноморцы и линейцы — стали дѣятельно готовиться къ рѣшительной борьбѣ.

По горькому опыту предыдущей сессіи Рады я не возлагалъ на нее никакихъ рѣшительно надеждъ. Наоборотъ — могъ ожидать лишь новыхъ потрясеній. Особенно въ отношеніи арміи. И потому рѣшилъ принять чрезвычайныя мѣры.

Въ началѣ октября въ Таганрогъ прибылъ ген. Врангель. Очертивъ ему политическую обстановку, я указалъ на необходимость покончить съ тѣмъ злокачественнымъ нарывомъ, который мутитъ кубанскую жизнь. По словамъ Врангеля, онъ, на основаніи армейскихъ нестроеній, пришелъ къ тому же убѣжденію и ѣхалъ ко мнѣ съ тѣмъ же предложеніемъ.

---

[1]) Письмо на имя ген. Покровскаго.
[2]) Изъ письма ген. Филимонова ко мнѣ отъ 2 декабря 1919 г.
[3]) Idem.

Выполненіе этой задачи я возложилъ на него, какъ на командующаго Кавказской арміей. Ген. Врангель долженъ былъ переговорить со старшими кубанскими начальниками и представителями «линейской» группы и сосредоточить въ районъ Екатеринодара ко времени открытія краевой Рады надежныя войска, чтобы затѣмъ дѣйствовать въ зависимости отъ обстоятельствъ. Во избѣжаніе какихъ-либо ненужныхъ эксцессовъ, не оправдываемыхъ государственными интересами, я командировалъ въ помощь ген. Врангелю, въ качествѣ совѣтника по части политической, начальника отдѣловъ законовъ и пропаганды К. Н. Соколова. Они приступили къ дѣйствіямъ.

«Группой членовъ Рады — какъ докладывалъ за симъ ген. Врангель — составленъ былъ проектъ измѣненія кубанской конституціи, который предположено было внести на утвержденіе краевой Рады». Сущность этого проекта, обсуждавшагося затѣмъ барономъ Врангелемъ совмѣстно съ проф. Соколовымъ, заключалась въ томъ, чтобы, не посягая на автономію края, придать выборному атаману дѣйствительную власть, сохранивъ отвѣтственность его передъ краевой Радой. Въ общемъ схема управленія представлялась въ слѣдующемъ видѣ:

1. Высшая власть въ краѣ — краевая Рада.
2. Исполнительная (отчасти и законодательная) власть — атаманъ и назначенное имъ правительство.
3. Законодательная Рада упраздняется.
4. Краевая Рада созывается и распускается атаманомъ ежегодно. На время созыва Рады вся власть принадлежитъ ей.
5. Необходимость созданія отдѣльной кубанской арміи отвергается.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, принимавшіе участіе въ составленіи новой конституціи кубанскіе дѣятели предъявили главному командованію рядъ пожеланій, одобренныхъ бар. Врангелемъ, главнымъ образомъ, экономическаго и военно-служебнаго порядка. Среди нихъ было, между прочимъ, одно безспорное — урегулированіе долговъ нашего интендантства кубанскимъ органамъ продовольствія и другое — «объ установленіи права Войска на полученіе опредѣленной части захваченной Кавказской арміей военной добычи...» Это требованіе я отклонилъ, считая, что оно осложнитъ до чрезвычайности положеніе вопроса, вызоветъ обиды и соревнованіе и выльется въ концѣ концовъ въ организованный грабежъ. Точно также я отклонилъ требованіе привлеченія иногороднихъ на службу въ кубанскія части, въ виду тѣхъ тяжелыхъ отношеній, которыя существовали между двумя группами населенія Кубани.

Послѣ ознакомленія съ настроеніемъ своихъ частей, ген. Врангель нѣсколько поколебался, не имѣя увѣренности «въ стойкости ихъ, въ случаѣ разрѣшенія внутреннихъ вопросовъ оружіемъ» и опасаясь «бури на Дону» [1]). Поэтому, онъ указывалъ находившемуся въ Екатеринодарѣ ген. Покровскому, на котораго возложено было имъ непосредственное выполненіе задачи, «принять всѣ мѣры къ недопущенію... вооруженнаго выступленія, арестовъ и т. д...» «Предъявляя извѣстныя требованія, можно опереться на Армію, но использовавъ это оружіе лишь какъ «Дамокловъ мечъ», отнюдь не нанося имъ удары». Баронъ Врангель надѣялся «на благоразуміе одной части Рады и на достаточность военной угрозы для другой». «По свѣдѣніямъ моимъ — писалъ онъ — призракъ военнаго переворота уже пугаетъ кубанскихъ Мирабо...»

Эти надежды не оправдались. Около 50 членовъ Рады линейцевъ не прибыло вовсе, что еще болѣе нарушило соотношеніе силъ, и съ перваго же дня

[1]) Изъ письма къ ген. Покровскому отъ 21 октября.

Рада, подчинившись вполнѣ вліянію самостійной группы, приняла ярко враждебную намъ позицію. Идеи борьбы съ большевиками и устроенія края отошли на задній планъ; весь пафосъ радянъ сосредоточился на борьбѣ съ властью Юга.

Послѣ носившаго демонстративный характеръ чествованія памяти Рябовола, въ Радѣ оглашено было письмо донского демагога Агѣева, прославлявшее казачество и необычайно рѣзкое въ отношеніи «классовой диктатуры», «политики помѣщичьяго шарабана и каретъ съ графскими и баронскими гербами». Это письмо, чтеніе котораго сопровождалось бурными апплодисментами, въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ было распространено затѣмъ по Кубани. Естественнымъ послѣсловіемъ къ нему была рѣчь престарѣлаго депутата Щербины, говорившаго:

— Прочь же съ дороги темныя силы! Кубанцы идутъ по битому пути демократизма и своихъ историческихъ завѣтовъ!..

На третій день сессіи, 26 октября, Рада, вопреки мотивированнымъ протестамъ атамана и линейской группы и не допустивъ обсужденія кандидатуръ, избрала «замѣстителемъ» предсѣдателя Рады [1]) И. Макаренко [2]), лидера самостійниковъ, человѣка чрезвычайно озлобленнаго противъ Южной власти и страдавшаго анекдотическимъ самомнѣніемъ. За нѣсколько дней передъ тѣмъ онъ съ кафедры законодательной Рады бросилъ тяжкое оскорбленіе кубанскимъ войскамъ:

— Кубань не родила до сихъ поръ ни одного порядочнаго генерала!

И, агитируя въ кубанскихъ станицахъ, сообщалъ имъ «радостную вѣсть»:

— Идетъ батько Махно и несетъ свободу...

Избраніе это являлось только вызовомъ, такъ какъ И. Макаренко былъ абсолютно не терпимъ въ глазахъ меньшинства — линейцевъ, да и въ своихъ же кругахъ считался человѣкомъ «безтактнымъ и политически ограниченнымъ».

Атмосфера въ Радѣ сгущалась все болѣе. Неизмѣнный вопросъ объ отдѣльной Кубанской арміи всколыхнулъ вновь страсти и вызвалъ разъясненія атамана, что имъ сдѣлано въ этомъ отношеніи все возможное, но законное желаніе его и Рады встрѣтило непреодолимыя затрудненія со стороны главнокомандующаго, не сдержавшаго данныхъ Кубани обѣщаній...

«Объективные» доклады Шахимъ-Гирея объ общей политикѣ Особаго Совѣщанія, Иваниса — о «блокадѣ Кубани», Тимошенко — объ «истинныхъ виновникахъ голоданія Кавказской арміи», которыми онъ считалъ наши вѣдомства продовольствія и снабженія, накаливали атмосферу до крайнихъ предѣловъ.

* * *

Съ весны 1919 г. Терско-Дагестанскій край пылалъ въ огнѣ возстаній. Въ Чечнѣ и Дагестанѣ, то затихая, то вновь разгораясь, шла кровавая изнурительная борьба между Вооруженными силами Юга и горцами этихъ округовъ, поддержанными большевиками, Азербейджаномъ и Грузіей и руководимыми самозваннымъ «горскимъ правительствомъ» (меджилисомъ).

Борьба — ослаблявшая противобольшевицкій фронтъ и угрожавшая подчасъ самому бытію Терскаго казачества.

И Терскій атаманъ 14 октября писалъ мнѣ: «... Чаша народнаго терпѣнія переполнена... Въ то время, какъ казачья и Добровольческая русская кровь

---

[1]) «Безсмѣннымъ предсѣдателемъ» постановлено было считать покойнаго Рябовола.

[2]) Совмѣстившаго незаконно должности предсѣд. Рады и государственнаго контролера.

льется за освобожденіе Родины, мобилизованные, снабженные русскимъ оружіемъ, чеченцы и ингуши массами дезертируютъ и, пользуясь отсутствіемъ на мѣстахъ мужского населенія, занимаются грабежами, разбоями, убійствами и поднимаютъ открытыя возстанія...».

Чтобы лишить эту борьбу характера узкой племенной розни (историческіе счеты терцевъ съ горцами), Терскій атаманъ настаивалъ всегда на оставленіи на горскомъ фронтѣ Добровольческихъ и кубанскихъ частей.

Вотъ въ это-то время широко распространился въ печати «Договоръ дружбы между правительствами Кубани и республикой союза горцевъ Кавказа» [1]). Въ немъ, между прочимъ, заключались слѣдующія статьи:

«1. Правительство Кубани и Правительство Республики Горскихъ народовъ Кавказа настоящимъ торжественнымъ актомъ взаимно признаютъ государственный суверенитетъ и полную политическую независимость Кубани и Союза Горскихъ Народовъ Кавказа.

3. Договаривающіяся стороны обязуются не предпринимать ни самостоятельно, ни въ формѣ соучастія съ кѣмъ бы то ни было никакихъ мѣръ, клонящихся къ уничтоженію или умаленію суверенныхъ правъ Кубани и Республики Союза Горскихъ Народовъ Кавказа.

4. Войсковыя части одной изъ договаривающихся сторонъ могутъ переходить на территорію другой стороны не иначе, какъ по просьбѣ или съ согласія Правительства этой стороны. Войска одной стороны, находящіяся на территоріи другой, поступаютъ въ подчиненіе этой послѣдней».

Договоръ этотъ предусматривалъ, слѣдовательно, отторженіе отъ Терско-Дагестанскаго края горскихъ областей, гибель Каспійской русской военной флотиліи, которая была бы отрѣзана отъ Арміи, и передачу кубанскихъ частей Сѣвернаго Кавказа на сторону и даже въ подчиненіе «меджилису».

Такая постановка вопроса выходила далеко за предѣлы областныхъ интересовъ, если не фактически, то морально нанося ударъ общегосударственному дѣлу и арміи и внося смуту въ ряды кубанцевъ, защищавшихъ русское дѣло на Сѣверномъ Кавказѣ. Это была послѣдняя капля, переполнившая чашу долготерпѣнія.

Я запросилъ Кубанскаго атамана, дѣйствительно ли существуетъ такой договоръ, и получилъ отвѣтъ, что атаману и правительству ничего не извѣстно по этому поводу, но «по объясненію Султанъ-Шахимъ-Гирея, договоръ былъ заключенъ и подписанъ Калабуховымъ и другими, какъ проектъ, подлежащій утвержденію законодательной Рады, на случай, если бы Антанта признала власть большевиковъ» [2]).

Это искусственное и наивное оправданіе, намѣчавшее къ тому же оставленіе Кубанью Добровольческой Арміи и Терека въ самую трудную минуту международныхъ осложненій, не могло имѣть никакого значенія. И 25 октября я отдалъ приказъ [3]):

«Въ іюлѣ текущаго года между правительствомъ Кубани и меджилисомъ горскихъ народовъ заключенъ договоръ, въ основу котораго положена измѣна Россіи и передача кубанскихъ казачьихъ войскъ Сѣвернаго Кавказа въ распоряженіе меджилиса, чѣмъ обрекается на гибель Терское войско. Договоръ подписанъ Бычемъ, Савицкимъ, Калабуховымъ и Намитоковымъ съ одной стороны и Чер-

---

[1]) Появился впервые въ грузинской газетѣ, что вызвало большое озлобленіе законодательной Рады противъ грузинскаго правительства.

[2]) Самъ Калабуховъ разъяснялъ въ печати, что этотъ договоръ заключенъ «по праву, данному делегаціи чрезвычайной Радой».

[3]) Приказъ-телеграмма, № 016729.

моевымъ, Гайдаровымъ, Хадзагаровымъ и Бамматомъ съ другой. Приказываю при появленіи этихъ лицъ на территоріи Вооруженныхъ силъ Юга Россіи немедленно предать ихъ военно-полевому суду за измѣну».

Въ то время въ предѣлахъ Вооруженныхъ силъ Юга находился одинъ только Калабуховъ.

27 октября на вечернемъ засѣданіи Рады атаманъ огласилъ мой приказъ, который, по словамъ отчетовъ, «произвелъ огромное впечатлѣніе». Правительство особымъ постановленіемъ довело до свѣдѣнія атамана и Рады, что делегація «превысила свои полномочія». Вмѣстѣ съ тѣмъ, за подписью ген. Филимонова и Курганскаго (предсѣдателя правительства) послана была мнѣ телеграмма, въ которой, между прочимъ, говорилось:

> «... Если названныя лица дѣйствительно подписали отъ имени Краевого правительства договоръ съ меджилисомъ горскихъ народовъ, о чемъ Краевому правительству по сіе время офиціально не извѣстно, то вопросъ о превышеніи названными лицами данныхъ имъ полномочій подлежитъ сужденію Краевого правительства, а существо договора — сужденію Кубанской Краевой Рады, на разсмотрѣніе которой въ данный моментъ и вносится. Во всякомъ случаѣ, упомянутыя лица являются дипломатическими представителями Кубани и, какъ таковые, пользуются неприкосновенностью, почему, въ случаѣ совершенія ими незакономѣрныхъ дѣйствій, могутъ подлежать суду только Кубанской Краевой власти, ихъ делегировавшей».

Невзирая на настоянія атамана — разсмотрѣть немедленно по существу этотъ вопросъ во избѣжаніе роковыхъ послѣдствій, краевая Рада только 1 ноября имѣла сужденіе о немъ и постановила: «не касаясь существа вопроса о договорѣ, протестовать самымъ рѣшительнымъ и энергичнымъ образомъ противъ означеннаго приказа ген. Деникина и требовать срочной его отмѣны...» Самъ атаманъ настойчиво просилъ Раду «сегодня же послать делегатовъ и убѣдить Донцовъ и Терцевъ вмѣстѣ съ нами настаивать передъ ген. Деникинымъ на отмѣнѣ приказа».

Рада отказалась осудить парижскую делегацію, и тѣмъ былъ окончательно предопредѣленъ дальнѣйшій ходъ событій.

Продолжались засѣданія, отмѣченныя крайней напряженностью, бурными выступленіями и... нескрываемой тревогой. Атаманъ, между тѣмъ, «вмѣстѣ съ той частью Рады, которая (его) поддерживала, выработали особый планъ борьбы»: «мы рѣшили предоставить представителямъ оппозиціи высказаться до логическаго конца и тѣмъ самымъ открыть свои карты...» «Я находилъ — писалъ мнѣ атаманъ впослѣдствіи — предпочтительнымъ предоставленіе уродливому явленію естественно разсосаться или быть осужденнымъ самимъ населеніемъ, для чего нужно... только время...»

Будто все это происходило въ дни глубокаго мира и покойной, безмятежной, тихо текущей жизни...

* * *

По мѣрѣ развивавшихся событій баронъ Врангель терялъ надежду на мирный исходъ конфликта. 27 октября онъ писалъ ген. Лукомскому [1]): «Къ сожалѣнію избраніе предсѣдателемъ Рады И. Макаренко заставляетъ признать, что обнаглѣвшіе самостійники окончательно закусили удила... Я сдѣлаю все, но

[1]) Всѣ доклады по этому дѣлу баронъ направлялъ на имя предс. Особаго Сов., ген. Лукомскаго.

ходъ событій заставляетъ предвидѣть возможность такого порядка вещей, когда отказъ отъ военнаго вмѣшательства будетъ признаніемъ слабости, а это, по моему убѣжденію, равносильно гибели . . .»

30-го онъ телеграфировалъ атаману, что оскорбительныя выраженія, допущенныя предсѣдателемъ Рады по адресу старшихъ начальниковъ и присутствіе въ ней лицъ, объявленныхъ измѣнниками, лишаетъ его возможности воспользоваться приглашеніемъ — посѣтить Раду.

Ген. Врангель остановился въ Кисловодскѣ, связавшись прямымъ проводомъ съ Екатеринодаромъ, гдѣ находился ген. Покровскій и прибывшая съ Царицынскаго фронта кубанская бригада. По представленію барона Врангеля я включилъ въ тыловой раіонъ Кавказской арміи всю Кубанскую область, послѣ чего онъ назначилъ «командующимъ войсками тыла» генерала Покровскаго. Это обстоятельство вызвало новую бурю въ Радѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, еще большую растерянность и тревогу, такъ какъ Покровскій пользовался репутаціей человѣка весьма рѣшительнаго и жестокаго. Вѣроятно, и самъ баронъ Врангель, передовѣривъ выполненіе задачи Покровскому, опасался нѣсколько его рѣшительности, потому что 29 октября по аппарату говорилъ генералу Науменко:

— «Ежели вы полагаете присутствіе ген. Покровскаго въ Екатеринодарѣ нежелательнымъ, то я могу снестись съ Таганрогомъ и просить объ его вызовѣ или вызвать его сюда».

Рада волновалась, атаманъ призывалъ къ осторожности, И. Макаренко требовалъ отмѣнить немедленно всѣ приказы военныхъ начальниковъ, изгнать генерала Покровскаго изъ предѣловъ Кубани и обратиться къ населенію съ призывомъ — «Отечество въ опасности», поднявъ казаковъ на защиту Кубанскаго края . . .

29—30 октября ген. Врангель черезъ проф. Соколова докладывалъ мнѣ политическую обстановку въ Екатеринодарѣ, оцѣнивая шансы на успѣхъ выступленія въ «50%». Сообразно этому, онъ предлагалъ на мое усмотрѣніе одну изъ слѣдующихъ комбинацій, не имѣвшихъ между собой никакой внутренней связи и отражавшихъ лишь личныя побужденія командующаго арміей: 1) уѣхать ему въ армію, предоставивъ Покровскому свободу дѣйствій; 2) уѣхать, потребовавъ отъ Покровскаго «невмѣшательства во внутреннія дѣла Кубани»; 3) произвести подъ его, ген. Врангеля, руководствомъ выступленіе и 4) предоставить ген. Покровскому принять мѣры по его усмотрѣнію и затѣмъ выступить самому ген. Врангелю въ Радѣ . . .

Ген. Покровскій иначе расцѣнивалъ обстановку, что видно изъ телеграфнаго доклада генерала Науменко барону Врангелю:

— «Вчера (1 ноября) говорилъ съ Покровскимъ. У него все организовано и онъ безусловно увѣренъ».

Я не видѣлъ причинъ, чтобы мѣнять исполнителей или останавливаться на полдорогѣ, вполнѣ раздѣляя первоначальное мнѣніе ген. Врангеля, что въ такой моментъ «отказъ отъ военнаго вмѣшательства будетъ признакомъ слабости, что равносильно гибели». И потому 31 октября я послалъ барону телеграмму:

«Приказываю Вамъ немедленно привести въ исполненіе приказаніе мое № 016729 и принять по Вашему усмотрѣнію всѣ мѣры къ прекращенію преступной агитаціи въ Екатеринодарѣ, входящемъ въ Вашъ армейскій раіонъ». № 014598.

Въ тотъ же день бар. Врангель послалъ нарочнымъ соотвѣтственное приказаніе ген. Покровскому, которое должно было быть вручено послѣднему «по подачѣ Войсковымъ атаманомъ въ отставку, что ему одновременно съ симъ данъ совѣтъ сдѣлать». Атаманъ совѣта не принялъ . . .

5 ноября ген. Покровскій предъявилъ Радѣ ультимативное требованіе о выдачѣ Калабухова и о «прекращеніи травли Добровольческой Арміи...»

Атаманъ убѣждалъ Раду подчиниться этимъ требованіямъ. На этой почвѣ произошло бурное столкновеніе между нимъ и Макаренко, который потребовалъ сверженія атамана и передачи власти президіуму Рады. Послѣдовавшимъ голосованіемъ, однако, выражено было довѣріе атаману, послѣ чего Макаренко заявилъ, что «въ виду такого непонятнаго поведенія Рады онъ вынужденъ сложить съ себя полномочія», и исчезъ. Утромъ 6-го ген. Покровскій повторилъ свое требованіе, прибавивъ къ нему выдачу 12 главарей самостійной группы, указавъ предѣльнымъ срокомъ исполненія полдень, къ какому времени назначенъ былъ «парадъ» екатеринодарскаго гарнизона...[1]).

Рада подчинилась всѣмъ предъявленнымъ требованіямъ. Указанныя Покровскимъ лица добровольно явились въ атаманскій дворецъ, гдѣ и были арестованы. Калабуховъ былъ преданъ военно-полевому суду и по приговору его повѣшенъ въ ночь на 7 ноября. На другой день баронъ Врангель выступилъ въ Радѣ, встрѣтившей его шумными оваціями...

Рада выслушала долгую рѣчь ген. Врангеля *стоя* и впослѣдствіи не могла простить и себѣ и ему этого униженія...

Депутація Рады поздней ночью принята была мною въ Ростовѣ на вокзалѣ, ходатайствуя о судьбѣ арестованныхъ и свидѣтельствуя о готовности кубанцевъ вести борьбу до конца въ полномъ единеніи съ Добровольческой Арміей...

Не удовлетвореніе, а глубокую скорбь вызвали во мнѣ ихъ «покаянныя» рѣчи. Вынужденный въ силу государственной необходимости на примѣненіе суровыхъ мѣръ, я зналъ, что ударъ по кубанскимъ демагогамъ косвенно отзовется на самосознаніи кубанскаго казачества, имѣвшаго большія заслуги и неповиннаго въ политической игрѣ — казачества, съ которымъ насъ связывали лучшія страницы боевой страды, къ которому я относился съ глубочайшей симпатіей...

Но иного выхода не было.

Одиннадцать арестованныхъ членовъ Рады я приказалъ выслать за границу. Скрывшійся И. Макаренко, послѣ нѣсколькихъ недѣль скитаній по хуторамъ и плавнямъ, получивъ отъ ставки черезъ третьихъ лицъ гарантію безопасности, вернулся въ Екатеринодаръ. Онъ явился къ начальнику нашего военнаго управленія и повѣдалъ о томъ, что много пережилъ, передумалъ за это время и рѣшилъ совершенно отойти отъ политической дѣятельности. Обѣщаніе свое выполнилъ.

Поднять противъ командованія Донцовъ и Терцевъ кубанскимъ посламъ не удалось. 7 ноября я посѣтилъ засѣданіе Донского круга и въ большой, почти трехчасовой рѣчи развернулъ передъ нимъ картину военно-политическаго положенія противобольшевицкихъ фронтовъ — тяжелаго и грознаго. Основы и мотивы нашей внѣшней политики. Исторію взаимоотношеній съ казачествомъ и распри съ Кубанью. Кругъ слушалъ съ глубокимъ вниманіемъ и отзывчивостью. Создавшееся на кругѣ настроеніе побудило кубанскихъ пословъ покинуть въ тотъ же день Новочеркасскъ, не дожидаясь отвѣта Круга. Отвѣтъ послѣдовалъ лишь 11-го, составленъ былъ въ примирительныхъ тонахъ и заканчивался пожеланіемъ, чтобы «происшедшія на Кубани печальныя событія не отразились на работѣ Рады, которая *въ цѣломъ* должна быть выше всякихъ подозрѣній».

---

[1]) Куб. бригада, военное училище и конвойныя сотни. Дрейеръ, а за нимъ Скобцовъ говорятъ о «сформированномъ главнымъ командованіемъ офицерскомъ отрядѣ полк. Карташова». Это не вѣрно. Давъ опредѣленную задачу, я не вмѣшивался въ исполненіе.

Агѣевъ — замѣститель предсѣдателя Круга — подъ вліяніемъ этихъ настроеній сложилъ свои полномочія и отбылъ для лѣченія въ Грузію...

На Терекѣ кубанскіе послы встрѣтили еще менѣе сочувствія, и предсѣдатель терскаго правительства въ засѣданіи Круга, 19 ноября при общемъ одобреніи говорилъ о «злокачественномъ нарывѣ», который «къ сожалѣнію былъ вскрытъ другой силой, а не самими кубанцами».

Въ большинствѣ россійскихъ организацій и печати дѣйствія Южной власти въ кубанскомъ вопросѣ встрѣтили полное сочувствіе.

* * *

Въ ближайшіе дни Рада вынесла рядъ резолюцій — объ единеніи съ Добровольческой Арміей, о скорѣйшемъ созданіи Южно-русской власти, о лишеніи полномочій парижской делегаціи. Поручила финансово-экономической комиссіи пересмотрѣть экономическую политику края, въ частности вопросъ о таможенныхъ рогаткахъ [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Рада измѣнила основныя положенія кубанской конституціи:

1. Законодательная Рада упраздняется и функціи ея переходятъ къ Краевой Радѣ.
2. Для избранія атамана учреждается особая атаманская Рада (временно эти функціи несетъ Краевая Рада).
3. Правительство отвѣтственно передъ Краевой Радой.
4. Войсковому атаману, въ случаѣ несогласія съ вотумомъ недовѣрія правительству, принадлежитъ право роспуска Краевой Рады. Рада новаго состава должна быть собрана не позднѣе двухъ мѣсяцевъ. Повторенный ею вотумъ недовѣрія правительству влечетъ за собой его отставку.
5. Положеніе объ управленіи Кубанскимъ краемъ не можетъ быть измѣнено правительствомъ въ порядкѣ 57-й статьи.

10 ноября сложилъ свои полномочія кубанскій атаманъ, ген. Филимоновъ, не взирая на настойчивыя просьбы Рады. Онъ объяснилъ свой отказъ тѣмъ обстоятельствомъ, что съ измѣненіемъ конституціи атаманскія права расширяются до предѣловъ, превышающихъ опредѣленныя Радой при его выборахъ; что, какъ показали всѣ предшествующія событія, онъ не объединяетъ всѣ слои населенія края...

Въ письмѣ своемъ ко мнѣ онъ приводилъ другіе мотивы:

«Въ событіяхъ послѣднихъ дней на Кубани для меня лично оказалось самымъ тяжелымъ — это переданное мнѣ черезъ третьихъ лицъ Ваше мнѣніе о непріемлемости моего пребыванія на посту Кубанскаго атамана... Являясь убѣжденнымъ и послѣдовательнымъ сторонникомъ идеи возсозданія Россіи, я ни одной минуты не мыслилъ возможности работать безъ Вашего сочувствія и доброжелательства; поэтому, какъ только я узналъ, что этихъ условій въ настоящее время нѣтъ, я немедленно, несмотря на единодушное довѣріе Рады, сложилъ съ себя полномочія...»

[1]) Комиссія эта, подсчитавъ кубанскіе провенансы, нашла, что «открытіе границъ не выгодно даже съ Дономъ» и въ серединѣ декабря постановила «признать невозможнымъ безоговорочное установленіе свободной торговли... и необходимымъ сохраненіе вмѣшательства краевой власти въ хозяйственно-экономическія отношенія населенія».

Главное дѣйствующее лицо екатеринодарскихъ событій, ген. Покровскій предъявилъ свои права на атаманскую булаву...

Баронъ Врангель называлъ имена двухъ кандидатовъ — Науменко и Покровскаго. Я считалъ дальнѣйшее вмѣшательство въ компетенцію Рады ненужнымъ и отвѣтилъ, что, «не зная обстановки на Кубани, воздерживаюсь отъ участія въ этомъ дѣлѣ...»

Покровскій былъ настойчивъ. 11 ноября по аппарату между нимъ и ген. Врангелемъ происходилъ разговоръ:

> Ген. Покровскій: «Отставка Александра Петровича[1]) воспринята въ окончательной формѣ. До восьми часовъ были засѣданія въ отдѣлахъ, обсуждались кандидатуры, выдвинуты: Науменко, Улагай, Филимоновъ, Успенскій. Меня боятся... Полагаю, что нужно примѣнить форсъ-мажоръ».
>
> Ген. Врангель: «...У Улагая шансовъ никакихъ нѣтъ, да, кромѣ того, онъ на это дѣло не пойдетъ. Филимоновъ здѣсь совсѣмъ непріемлемъ, и главнокомандующій разрѣшилъ мнѣ опредѣленно объ этомъ сказать. Все рѣшится между Вами и Науменко. Въ это дѣло теперь намъ вмѣшиваться не слѣдуетъ».

Рада избрала атаманомъ генерала Н. М. Успенскаго, большого доброжелателя Добровольческой Арміи, и своимъ предсѣдателемъ Скобцова. Формированіе кабинета поручено было Сушкову, стоявшему ранѣе уже во главѣ правительства въ началѣ 1919 года.

Новый атаманъ, послѣ своего избранія, заявилъ Радѣ:

> «Я считаю долгомъ заявить, что я, какъ гражданинъ и кубанскій казакъ, глубоко оскорбленъ и потрясенъ событіями послѣднихъ дней. Надѣюсь на вашу мощную поддержку; опираясь на васъ, я сдѣлаю такъ, что событія, имѣвшія мѣсто въ прошедшемъ, не будутъ имѣть мѣста въ будущемъ. Я сдѣлаю такъ, чтобы никакія постороннія силы не мѣшали строить нашу жизнь такъ, какъ намъ угодно».

Хотя въ этомъ заявленіи слышалось осужденіе, но это была скорѣе дань чувству обиды, затаенному Радой. «Постороннія силы» не посягали болѣе на «свободу народа», а политика атамана направлена была на борьбу съ большевиками и на объединеніе съ командованіемъ.

Власть, такимъ образомъ, перешла къ «линейской группѣ». И хотя «Коп» и другіе правительственные органы продолжали еще по инерціи свою дѣятельность, возстанавливавшую казаковъ противъ власти Юга, хотя оставшіеся самостійники не оставили, но перенесли въ подполье свою «политическую работу» и въ частности агитацію въ пользу дезертирства и зеленоармейства, но кубанское казачество отнеслось къ происшедшимъ событіямъ спокойно. И можно было думать, что укрѣпленіе новой власти остановитъ тотъ процессъ разложенія, который въ теченіе болѣе года точилъ организмъ Кубани, поражая день за днемъ, шагъ за шагомъ ея армію.

Но судьба судила иначе.

Черезъ мѣсяцъ Н. М. Успенскій, обходившій часто лазареты, заразился сыпнымъ тифомъ и вскорѣ умеръ во цвѣтѣ лѣтъ и силъ. Въ концѣ декабря собралась вновь Краевая Рада для выбора атамана. Обстоятельства въ это время были для насъ несравненно хуже: Вооруженныя силы Юга потерпѣли неудачу и, оставивъ Украину и сѣверъ Донской области, ушли за Донъ. Падало обаяніе силы и, вмѣстѣ съ нимъ, авторитетъ Южной власти...

---

[1]) Генералъ Филимоновъ.

Это сразу почувствовалось въ Радѣ. Она отмѣнила всѣ измѣненія кубанской конституціи и постановленія свои въ ноябрьскіе дни и вернула къ власти самостійниковъ. Атаманомъ былъ избранъ ген. Букретовъ, лицо еврейскаго происхожденія, чуждое кубанскому войску, не имѣвшее передъ нимъ никакихъ заслугъ и состоявшее передъ тѣмъ подъ слѣдствіемъ по обвиненію въ злоупотребленіяхъ въ продовольственномъ дѣлѣ. Былъ онъ избранъ исключительно по признаку враждебности къ главному командованію...[1]). Предсѣдателемъ своимъ Рада избрала Тимошенко, предсѣдателемъ правительства сталъ Иванисъ. Оба самостійники и демагоги.

«Кубанское дѣйство» признается многими причиной послѣдовавшаго затѣмъ развала кубанскихъ корпусовъ, отразившагося фатально на положеніи общаго фронта...

Я представляю себѣ взаимную связь явленій иначе:

Вслѣдствіе причинъ весьма разнообразныхъ, на Кубани создавалась почва гибельная для дѣла противобольшевицкой борьбы и весьма благопріятная для того «замиренія», о которомъ говорилъ Троцкій-Бронштейнъ.

Въ ноябрѣ я сдѣлалъ попытку остановить теченіе этого процесса.

Попытка не увѣнчалась успѣхомъ.

Потому ли, что мѣры были слишкомъ суровы или что операція запоздала?

Вѣрнѣе второе. Ибо «Рада Ивана Макаренки» несомнѣнно довела бы ходъ разложенія кубанскихъ войскъ до его естественнаго конца — только болѣе быстрымъ темпомъ и съ большимъ внѣшнимъ эффектомъ.

ГЛАВА XXIII.

Восточный, Сѣверный и Западный фронты въ концѣ 1919 и въ началѣ 1920 гг.

Къ осени 1919 г. положеніе на противобольшевицкихъ фронтахъ было таково.

На Восточномъ фронтѣ арміи адм. Колчака съ конца апрѣля находились въ полномъ отступленіи[2]). 26 мая оставлена была Уфа, и сибирскія арміи, задержавшись на линіи Уральскаго хребта, до конца іюня вели на ней борьбу за горные проходы.

Къ этому времени въ рядахъ ихъ находилось до 103 тыс. бойцовъ; силы большевиковъ были приблизительно такія же.

3 іюля палъ Екатеринбургъ и Сибирская армія, во главѣ которой вмѣсто чеха Гайды сталъ ген. Дитерихсъ, совершенно разстроенная не столько боями, сколько пропагандой соц.-рев., уведена была въ глубокій тылъ. Попытки Западной арміи (ген. Сахарова) удержаться на высотѣ Челябинска — жел.-дор. узла, отъ котораго отходила единственная линія, связывавшая съ сибирской магистралью Южную армію, отступавшую отъ Оренбурга, окончились неудачей. Южная армія, со взятіемъ большевиками Челябинска (12 іюля), была отрѣзана, и съ огромнымъ трудомъ кружнымъ путемъ, послѣ двухмѣсячнаго похода, остатки ея пробились къ Петропавловску... (западнѣе Омска).

Остальныя арміи[3]) были остановлены между р.р. Тоболомъ и Ишимомъ.

---

[1]) См. т. III, гл. XXVII.
[2]) См. главу VIII.
[3]) Послѣ переформированія: 1-я (ген. Пепеляева), 2) (ген. Лохвицкаго), 3-я (генерала Сахарова). Главнокомандующимъ фронтомъ былъ назначенъ ген. Дитерихсъ. 3-я армія шла вдоль магистрали, прочія — сѣвернѣе.

Отсюда въ серединѣ августа Восточный фронтъ, приведя въ нѣкоторый порядокъ свои войска, перешелъ въ контръ-наступленіе, вначалѣ удачное: большевики были отброшены за Тоболъ. Мѣсяцъ сентябрь былъ временемъ новаго подъема и расцвѣта надеждъ на переломъ боевого счастья... Но къ началу октября фронтъ вновь и неудержимо покатился на востокъ.

22 октября въ Омскѣ состоялся рядъ совѣщаній для разрѣшенія вопроса: защищать или бросить Омскъ? Главнокомандующій, ген. Дитерихсъ, принимая во вниманіе состояніе войскъ и считая сопротивленіе на линіи Иртыша безнадежнымъ, высказался за дальнѣйшій отходъ, который къ тому же на сѣверѣ фактически уже начался. Командующій 3-й арміей, ген. Сахаровъ настаивалъ на необходимости удерживать во что бы то ни стало этотъ рубежъ и политическій центръ Сибири. Въ результатѣ Дитерихсъ ушелъ и Сахаровъ былъ назначенъ главнокомандующимъ. Новый главнокомандующій силою обстоятельствъ вынужденъ былъ начать свою дѣятельность дальнѣйшимъ отходомъ.

1 ноября большевики заняли Омскъ. Остатки сибирскихъ армій свершали свой безпримѣрный въ исторіи походъ въ Забайкалье [1]) по безконечнымъ, тяжелымъ сибирскимъ дорогамъ, частью тайгою безъ всякой дороги, въ жесточайшіе морозы, по территоріи, объятой возстаніями, змѣившейся измѣной и предательствомъ.

Причины крушенія Восточнаго фронта глубоки и многообразны, и многія изъ нихъ съ трагическимъ однообразіемъ повторяются въ исторіи всѣхъ противобольшевицкихъ фронтовъ. О нихъ скажутъ участники и историки. Я приведу лишь нѣсколько эпизодовъ, рисующихъ глубину развала всего государственнаго организма Сибири, опредѣлившаго безнадежность вооруженной борьбы на Востокѣ и выходъ изъ состава дѣйственныхъ противобольшевицкихъ силъ столь крупнаго фактора, какимъ являлся Восточный фронтъ.

Отъ Томска до Великаго океана съ ноября мѣсяца вся сибирская магистраль была во власти чешскихъ эшелоновъ. Въ своемъ стремленіи на Востокъ, спасая животы свои и награбленное добро, захватывая всѣ поѣздные составы, они парализовали все движеніе, отрѣзавъ сибирскія арміи отъ базы, снабженія и пополненій, обрекая на страданія и гибель — раненыхъ и больныхъ воиновъ и поднявшіяся волны бѣженства. Чехи увозили съ собою огромное количество золота, мѣди, серебра, машинъ, хлопка и т. д., и т. д. И, чтобы дать моральное оправданіе этому безпримѣрному преступленію, политическіе руководители чешскаго воинства Б. Павлу и д-ръ Гирса обратились къ представителямъ союзныхъ державъ съ меморандумомъ, широко рапространяя его по Сибири: они уходятъ потому, что дальнѣйшее пребываніе ихъ на территоріи Сибири невозможно... «Охраняя желѣзную дорогу и поддерживая въ странѣ порядокъ, войско (ихъ) вынуждено (было бы) сохранять то состояніе полнаго произвола и беззаконія, которое здѣсь воцарилось...»

Такъ говорили они, вносившіе величайшій произволъ, не знавшіе сами ни закона, ни милосердія...

По Сибири пронеслась волна крестьянскихъ возстаній, вызванныхъ вѣроятно въ равной мѣрѣ какъ преступленіями мѣстной власти, такъ и воздѣйствіемъ разсосавшихся по краю красногвардейцевъ, совѣтской и соц.-рев. пропагандой. Возстанія эти чередовались съ жестокими усмиреніями карательныхъ отрядовъ. Возставшіе не имѣли ни ясныхъ лозунговъ, ни опредѣленныхъ цѣлей. Писали иногда на знамени своемъ такія кабалистическія изреченія, какъ «за царя и совѣтскую

---

[1]) Отъ Кургана до Верхнеудинска около 3 000 верстъ.



Отступленіе Сибирскихъ армій

Іюнь 19г. — Январь 20г.

власть», но были одинаково враждебны къ существовавшей власти. Тяжелое положеніе армій побудило къ активнымъ дѣйствіямъ организаціи соц.-рев. — этихъ роковыхъ предтечей большевизма, прочно обосновавшихся въ Сибири, по собственному признанію употребившихъ всѣ усилія для сверженія сибирской власти и теперь поднявшихъ вооруженныя возстанія во Владивостокѣ, Иркутскѣ, Красноярскѣ и друг. пунктахъ. Во имя прекращенія гражданской войны и примиренія съ большевиками.

Армія быстро разлагалась, начиная съ верховъ. И въ то время, когда члены новаго кабинета Пепеляева [1]) — одни разъѣхались по неотложнымъ дѣламъ, другіе вели переговоры съ иркутскими соц.-рев. о полной капитуляціи и передачѣ имъ власти, глава кабинета, совмѣстно со своимъ братомъ, генераломъ, командовавшимъ 1-й арміей, учинили военный мятежъ, арестовавъ и свергнувъ главнокомандующаго ген. Сахарова... [2]). Командиръ корпуса той же арміи ген. Зиневичъ поднялъ мятежъ въ Красноярскѣ, требуя сверженія Верховнаго главнокомандующаго и передачи власти «народнымъ избранникамъ». Оба мятежника — и Пепеляевъ и Зиневичъ — не въ силахъ были удержать въ предѣлахъ соц.-рев. аспирацій поднятую ими солдатскую массу, которая въ нѣсколько дней приняла вполнѣ большевицкій обликъ. Пепеляевъ бѣжалъ и скрылся, Зиневичъ былъ арестованъ солдатами и заключенъ въ тюрьму.

Къ началу января 1920 года совѣтскія арміи наступали отъ Ачинска... Между Ачинскомъ и Красноярскомъ сосредоточились остатки сибирскихъ армій, подъ общей командой ген. Каппеля... У Красноярска имъ преграждалъ путь возставшій корпусъ Зиневича... Далѣе, у Нижне-Удинска находились поѣзда Верховнаго правителя, отрѣзанные и отъ армій, и отъ Иркутска, затерявшіеся среди сплошной ленты враждебныхъ чехословацкихъ эшелоновъ... Въ Иркутскѣ — новомъ мѣстопребываніи правительства адм. Колчака, революціонная демократія съ преобладаніемъ соц.-рев., подъ именемъ «Политическаго центра» [3]) объявила себя источникомъ всесибирской суверенной власти... При полномъ содѣйствіи чеховъ и французскаго «главнокомандующаго» ген. Жанена и непротивленіи представителей другихъ союзныхъ державъ (кромѣ японцевъ) «Центръ» велъ торгъ со своими пособниками и единомышленниками — чехо-словацкими властями о выдачѣ головой Верховнаго правителя и русскаго золота... Въ Забайкальи стояли еще отряды атамана Семенова, фактически независимаго и враждебнаго адм. Колчаку — отряды, хотя и боеспособные, но парализованные противодѣйствіемъ союзниковъ...

На Югѣ оперативныя сводки Восточнаго фронта получались крайне нерегулярно и съ большимъ опозданіемъ. Непосредственно изъ Омской ставки и отъ англійской миссіи. Первыя опредѣляли положеніе хотя и весьма серьезнымъ, но далеко не безнадежнымъ. Англійскія же сводки уже съ іюля мѣсяца считали успѣхъ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій на Востокѣ совершенно сомнительнымъ. Настолько, что въ началѣ сентября англійское правительство пришло къ рѣшенію: «хотя политика Его Величества не измѣнилась, но является необходимость прекратить поддержку адмирала Колчака, собравъ всю энергію на помощь Вооруженнымъ силамъ Юга Россіи...» Это рѣшеніе, впрочемъ, въ отношеніи Востока имѣло лишь психологическое значеніе, такъ какъ съ осени сообщеніе Вла-

---

[1]) Смѣнилъ Вологодскаго.

[2]) Конецъ ноября.

[3]) Областной комитетъ соц.-рев., при участіи бюро земствъ, професс. союзовъ и соц.-дем. меньшевиковъ.

дивостока съ Омскомъ почти прервалось, а въ отношенiи Юга ни въ какую реальную форму оно не вылилось.

Такъ же безнадежно смотрѣлъ на положенiе Востока русскiй Парижъ. Военный представитель Верховнаго главнокомандующаго, ген. Щербачевъ 26 ноября писалъ мнѣ, что, учитывая измѣненiе взгляда союзниковъ на значенiе Сибири и Юга, надо учитывать возможность наступленiя момента, когда въ интересахъ дѣла можетъ потребоваться перенесенiе Верховной власти на Югъ...»

22 декабря въ г. Нижнеудинскѣ Верховный правитель, адмиралъ Колчакъ, признавъ положенiе власти безвыходнымъ, издалъ слѣдующiй указъ:

> «Въ виду предрѣшенія мною вопроса о передачѣ верховной всероссiйской власти главнокомандующему вооруженными силами Юга Россiи генералъ-лейтенанту Деникину, впредь до полученiя его указанiй, въ цѣляхъ сохраненiя на нашей Россiйской Восточной Окраинѣ оплота государственности, въ началахъ неразрывнаго единства со всей Россiей:
>
> 1. Предоставляю главнокомандующему вооруженными силами Дальняго Востока и Иркутскаго военнаго округа, генералъ-лейтенанту атаману Семенову всю полноту военной и гражданской власти на всей территорiи Россiйской Восточной Окраины, объединенной Россiйской Верховной властью.
> 2. Поручаю генералъ-лейтенанту атаману Семенову образовать органы государственнаго управленiя въ предѣлахъ распространенiя его полноты власти.
>
> Верховный Правитель, Адмиралъ Колчакъ.
> Предсѣдатель Совѣта Министровъ, В. Пепеляевъ».

* * *

Сѣверный фронтъ, въ силу отдаленности своей, дикости природы Приморья и трудности сообщенiя съ нимъ, невзирая на усиленiе прибывшими изъ Англiи въ маѣ 1919 г. войсками, являлся всегда театромъ второстепеннымъ. Онъ не вызывалъ ни особенныхъ надеждъ въ другихъ противобольшевицкихъ станахъ, ни особенныхъ опасенiй со стороны Москвы [1]). Участiе англичанъ придавало извѣстную солидность его политической базѣ, но самый фактъ направленiя силъ ихъ въ такую даль и глушь свидѣтельствовалъ скорѣе объ экономической заинтересованности англичанъ [2]), нежели о серьезности ихъ военнаго предпрiятiя. Вѣдь при желанiи Англiи принять активное участiе въ войнѣ противъ совѣтской Россiи къ ея услугамъ были отличныя и близкiя базы, какъ, напримѣръ, Ревель, находящiйся въ нѣсколькихъ дняхъ морского пути отъ англiйскихъ береговъ и въ 350 верстахъ отъ Петрограда...

Во главѣ соединенныхъ силъ сѣвера стоялъ англ. ген. Аронсайдъ, русскими командовалъ — съ большими ограниченiями — ген. Марушевскiй, военнымъ министромъ былъ ген. Миллеръ, входившiй въ составъ либеральнаго правительства Зубова [3]). Въ концѣ апрѣля это правительство признало верховную власть адмирала Колчака, вслѣдствiе крайней трудности сообщенiй проявлявшуюся фактически весьма мало.

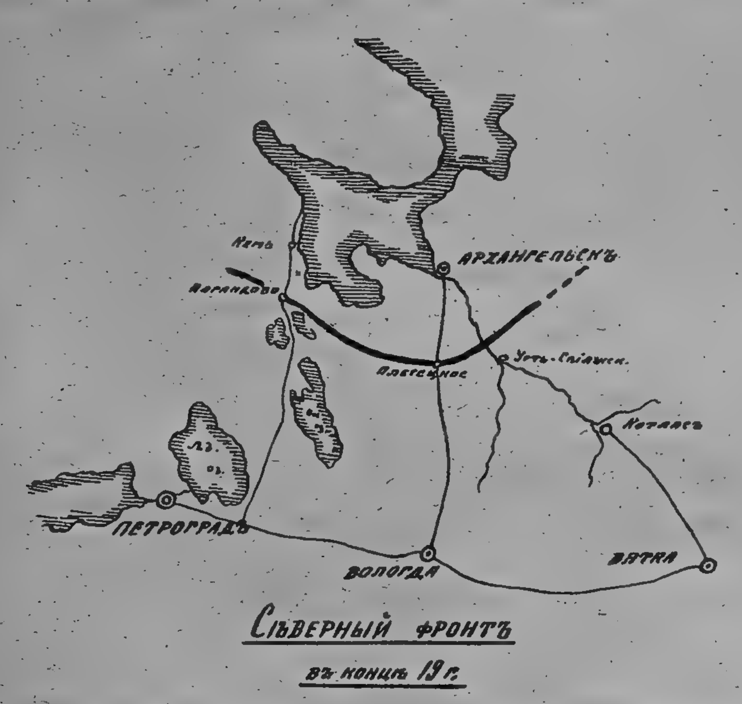
Оказывая сильнѣйшее давленiе на адм. Колчака въ отношенiи выбора имъ сѣвернаго операцiоннаго направленiя (на Котласъ), англичане ту же идею проводили на Сѣверномъ фронтѣ. По крайней мѣрѣ въ нотѣ отъ 21 iюня ген. Холь-

[1]) За исключенiемъ самыхъ первыхъ мѣсяцевъ (осень 1918 г.), когда совѣтское правительство чрезвычайно безпокоилось.

[2]) Англiйскiе «стоки» въ Архангельскѣ и русскiе сѣверные лѣса.

[3]) Замѣститель Чайковскаго.

манъ передавалъ мнѣ сообщенie имперскаго ген. штаба: «несмотря на отступленie на Сибирскомъ фронтѣ, ген. штабъ надѣется, что... окажется возможность добиться соединенiя армiи адм. Колчака съ Архангельской армiей, въ виду чего ген. Аронсайду предписано британскимъ кабинетомъ начать наступленie». Ни по общему стратегическому положенiю, ни по условiямъ даннаго направленiя такая операцiя имѣть успѣха не могла. И, согласно съ общей перемѣной курса англiйской политики, уже въ iюлѣ 1919 г. былъ рѣшенъ окончательно вопросъ объ эвакуацiи англiйскаго экспедицiоннаго корпуса. Во главѣ фронта сталъ тогда генералъ Миллеръ, отвергнувшiй предложенie Аронсайда эвакуировать и русскiя войска... Къ концу сентября закончилась эвакуацiя англичанъ.



Сѣверный фронтъ

въ концѣ 19 г.

Еще до ухода англiйскихъ войскъ, и съ небольшой ихъ помощью, русскiя войска Сѣвернаго фронта перешли въ наступленie въ общемъ направленiи на Вологду и одержали успѣхи въ долинѣ Онеги и на линiи Сѣверной ж. д., въ раiонѣ станцiи Плесецкой. Конецъ 1919 г. и начало 1920 года прошли въ боевыхъ дѣйствiяхъ, хотя и успѣшныхъ зачастую для войскъ Сѣвернаго фронта, но имѣвшихъ лишь мѣстное, локальное значенie: линiя фронта испытывала небольшiя колебанiя, а 6-я совѣтская армiя, силами 10—15 тыс., противостоявшая войскамъ генерала Миллера, держалась пассивно и не отвлекала отъ главныхъ театровъ на свой сколько-нибудь серьезныхъ подкрѣпленiй.

Положенie Сѣвернаго фронта становилось, между тѣмъ, и въ силу внѣшней обстановки, и по внутреннимъ причинамъ все тяжелѣе. Уходъ англичанъ не могъ не отразиться подавляюще на духѣ войскъ; большевицкая пропаганда, внутреннiя неурядицы и рядъ военныхъ мятежей подтачивали силы армiи; усилившаяся борьба неизмѣнныхъ пособниковъ большевизма — соцiалистическихъ партiй и организацiй подрывала авторитетъ власти...

И когда въ февралѣ, покончивъ съ Западнымъ и Восточнымъ фронтами и отбросивъ Южный за Донъ, совѣтское главное командованie двинуло 6-ю армiю, подкрѣпленную подвезенной съ запада бригадой пѣхоты, въ наступленie, успѣхъ его былъ быстръ и рѣшителенъ.

4 февраля началось наступленіе большевиковъ, а 18-го покинули Архангельскъ послѣдніе корабли, носившіе Андреевскій флагъ.

* * *

Въ серединѣ іюня 1919 г. Сѣверо-западная армія къ моменту наибольшаго своего выдвиженія занимала линію отъ Финскаго залива до раіона Пскова, отстоявшую на сѣверѣ въ 90—100 верст. отъ Петрограда, въ центрѣ подходившую на 30 верстъ отъ Луги и продвинувшуюся на Югѣ на 20 верстъ впередъ отъ Пскова. Въ своихъ рядахъ армія насчитывала до 13 тыс. бойцовъ.

На флангахъ Сѣверо-западнаго фронта — у моря и въ Псковскомъ направленіи — располагалось по одной дивизіи эстонцевъ, боевая дѣятельность которыхъ ограничивалась обороной подступовъ къ этнографической Эстоніи.

Противъ этихъ силъ стояла 7-я совѣтская армія, силою разновременно отъ 15 до 23 тысячъ, и южнѣе ея 15-я, имѣя правое крыло противъ Пскова и фронтъ противъ эстонскихъ и латышскихъ войскъ.

Съ іюля мѣсяца сначала въ Ревелѣ, потомъ въ Нарвѣ обосновался со штабомъ своимъ ген. Юденичъ, носившій званіе «главнокомандующаго фронтомъ», имѣвшій за собою признаніе адмирала Колчака и союзниковъ. Въ его подчиненіи находилась всего одна армія, которой съ мая командовалъ самостоятельно ген. Родзянко. Это нагроможденіе властей и совмѣщеніе функцій было одной изъ серьезныхъ причинъ крупныхъ столкновеній на верхахъ: ген. Родзянко находился въ постоянной оппозиціи къ главнокомандующему, въ то время какъ другой видный начальникъ, кондотьеръ русской смуты, «батько» Булакъ-Булаховичъ [1]), совмѣстно съ Н. Н. Ивановымъ [2]), при содѣйствіи эстонскихъ властей, строилъ козни противъ обоихъ, готовя переворотъ въ свою пользу.

Армія, владѣвшая весьма малой «русской» территоріей, попрежнему испытывала страшнѣйшую нужду во всемъ. Почти единственнымъ источникомъ ея снабженія были трофеи, захватываемые у большевиковъ, а питанія — организація Хувера. Въ то же время англійскіе транспорты снабжали обильно армію «Эстонской республики». Только въ августѣ англичане начали подвозить снабженіе и русской арміи.

Между тѣмъ, въ теченіе лѣта 7-я совѣтская армія, перейдя въ наступленіе, заставила Сѣверо-западный фронтъ сильно податься назадъ: на сѣверѣ былъ брошенъ Ямбургъ, и войска отошли за р. Лугу; на югѣ, оставивъ Псковъ, они ушли къ Псковскому озеру. Въ обладаніи Сѣверо-западной арміи находился уже только маленькій клочекъ Петроградской губ., ограниченный съ фронта линіей большевицкихъ войскъ, съ тыла — Наровой, озерами и... густо заплетенной рядами колючей проволоки границей Эстонской республики.

Послѣднее обстоятельство имѣло тѣмъ болѣе грозное значеніе, что взаимоотношенія съ Эстоніей носили характеръ полнѣйшей неопредѣленности. Всѣ усилія русскихъ дѣятелей привлечь эстонскія войска къ широкимъ активнымъ операціямъ противъ большевиковъ успѣха не имѣли. Извѣстные общественные круги и англійскіе представители въ Прибалтикѣ приписывали это обстоятельство, главнымъ образомъ, нетерпимости Омска и Екатеринодара въ вопросѣ о лимитрофахъ и требовали отъ ген. Юденича и состоявшаго при немъ «Политическаго совѣщанія» полнаго и безоговорочнаго признанія независимости Эстоніи.

28 іюля помощникъ англійскаго военнаго представителя въ Прибалтикѣ генералъ Марчъ собралъ къ себѣ въ Ревелѣ членовъ Политическаго совѣщанія и особо

---

[1]) Позже былъ арестованъ генераломъ Родзянко, но бѣжалъ къ эстонцамъ.
[2]) Петроградскій прис. пов.

приглашенныхъ имъ лицъ и въ формахъ необыкновенно грубыхъ, ссылаясь на катастрофическое положеніе фронта, предложилъ имъ въ теченіе 40 минутъ «образовать въ своемъ составѣ правительство Сѣверо-западной области» — по распредѣленію, имъ составленному. Чрезвычайно характерно, что главную роль въ созданіи этого «правительства» игралъ г. Маргуліесъ — тотъ самый, который весною 1919 г. совмѣстно съ полк. Фрейденбергомъ устраивалъ переворотъ въ Одессѣ въ пользу французской оккупаціи и создалъ тамъ «правительство» Андро—Маргуліесъ—Шварцъ . . .[1]).

Сѣверо-западное правительство обязывалось немедленно особымъ актомъ признать полную независимость Эстоніи[2]). Въ случаѣ несогласія приглашенныхъ, ген. Марчъ отъ имени всѣхъ союзниковъ угрожалъ прекратить немедленно всякую помощь и снабженіе Сѣверо-западной арміи.

Послѣ отказа нѣкоторыхъ изъ намѣченныхъ лицъ и частичнаго измѣненія списка, созданное такимъ необычнымъ способомъ «демократическое» правительство Ліанозова объявило на другой день о своемъ существованіи эстонскому правительству и союзнымъ миссіямъ особымъ «заявленіемъ», которое «первымъ актомъ въ интересахъ нашей родины» признавало «абсолютную независимость Эстоніи».

Все это случилось въ отсутствіи ген. Юденича, бывшаго на фронтѣ и поставленнаго неожиданно передъ совершившимся переворотомъ: его единоличная власть перешла къ «правительству», въ которомъ онъ долженъ былъ занять постъ военнаго министра, оставаясь въ то же время главнокомандующимъ. О противодѣйствіи ген. Юденича Марчъ не особенно безпокоился, предполагая въ этомъ случаѣ смѣстить его съ поста и замѣнить генераломъ Родзянко или Булакъ-Булаховичемъ, протежируемымъ англійской миссіей.

Старшіе начальники арміи отнеслись къ перевороту крайне отрицательно, но примирились съ нимъ, разсчитывая со временемъ измѣнить положеніе . . . Между арміей и правительствомъ стала сразу стѣна непониманія и отчужденности. И правительство безъ территоріи, безъ власти, вначалѣ и безъ денегъ[3]) — не признаваемое, а только терпимое арміей — обратилось, главнымъ образомъ, къ декларативной дѣятельности, не вліяя на ходъ событій.

Правовое положеніе новой власти представлялось весьма оригинальнымъ: 1) Суверенное правительство, въ составъ котораго входилъ ген. Юденичъ, и 2) Главнокомандующій — генералъ Юденичъ, подчинявшійся адм. Колчаку не только какъ Верховному главнокомандующему, но и Верховному Правителю . . .

Адм. Колчакъ продолжалъ сноситься съ ген. Юденичемъ, игнорируя правительство.

То — самое важное, безъ чего Марчъ считалъ невозможнымъ продолженіе борьбы и для чего онъ снабдилъ русскія вооруженныя силы Запада правитель-

---

[1]) Маргуліесъ, пробывъ два дня въ составѣ одесскаго правительства, спѣшно отбылъ въ Парижъ, послѣ чего перебрался въ Ревель.

[2]) Лично и Родзянко, и Юденичъ выражали готовность признать Эстонію, но такая персональная форма признанія не удовлетворяла эстонское правительство.

[3]) Финансовые рессурсы Сѣверо-Западнаго правительства заключались впослѣдствіи въ выпускѣ собственныхъ денежныхъ знаковъ, въ небольшихъ суммахъ, вырученныхъ за продажу вывезеннаго за границу сырья, и въ предоставленномъ Верховнымъ Правителемъ генералу Юденичу кредитѣ — въ размѣрѣ 900 тыс. фунт. стерл. Въ особомъ объявленіи Сѣверо-Западнаго правительства указывалось, что денежные знаки его «обезпечены всѣмъ достояніемъ государства Россійскаго» и будутъ оплачиваться впослѣдствіи петроградской конторой Государственнаго банка по расчету 40 рублей за фунтъ стерлинговъ.

ствомъ — «военная кооперація съ эстонцами» — такъ и осталось въ области пожеланій...

Заготовленный Марчемъ проектъ договора, взамѣнъ за признаніе, предусматривалъ «оказаніе эстонскимъ правительствомъ немедленной поддержки русской Сѣверо-западной области вооруженною силою, чтобы освободить Петроградскую, Псковскую и Новгородскую губ. отъ большевицкаго ига...» Эстонцы приняли «съ удовлетвореніемъ» признаніе своей независимости, но отъ обязательствъ совмѣстнаго наступленія уклонились, не подписавъ договора. Англійскіе представители, проявлявшіе колоніальные пріемы въ отношеніи русскихъ организацій, не пожелали принять существенныхъ мѣръ въ воздѣйствіи противъ эстонскаго правительства, находившагося вѣдь также въ сильнѣйшей матеріальной зависимости отъ англичанъ.

Между тѣмъ, черезъ недѣлю послѣ образованія сѣверо-западнаго правительства (18 августа), Чичеринъ обратился къ Эстоніи по радіо съ предложеніемъ начать мирные переговоры для опредѣленія границъ и разрѣшенія другихъ вопросовъ, связанныхъ съ признаніемъ Эстонской республики. Эстонское правительство отвѣтило согласіемъ, завѣривъ Чичерина, что «военныя дѣйствія вызваны были исключительно вторженіемъ большевиковъ и перенесены на русскую территорію не съ аннексіонными цѣлями, но единственно ради самозащиты».

Совѣтское правительство обратилось вслѣдъ за симъ съ предложеніемъ мира къ другимъ прибалтійскимъ лимитрофамъ, и на конференціи ихъ, состоявшейся 1 сентября въ Ревелѣ, выяснилось отношеніе къ предложенію: сдержанное со стороны Финляндіи, отрицательное — Литвы и весьма неопредѣленное Эстоніи и Латвіи.

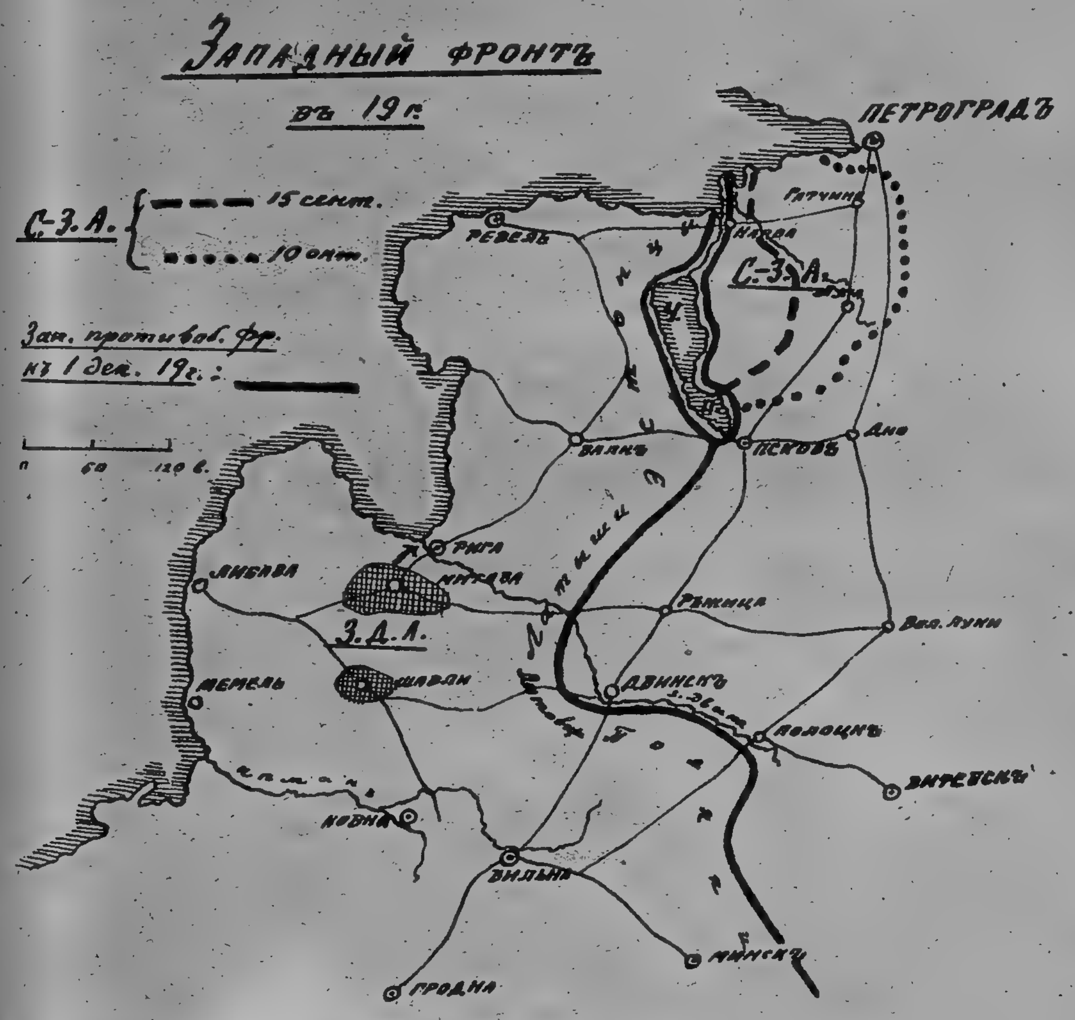
Такія обстоятельства предшествовали осеннему наступленію Сѣверо-западной арміи. Англійскіе запасы, хотя и прибыли, но снабженіе ими и организація арміи были далеко не закончены. Содѣйствіе эстонцевъ не было обезпечено, отряды Бермонта и Вырголича, формировавшіеся въ Латвіи и Литвѣ, отказывали въ подчиненіи ген. Юденичу. Марчъ, между тѣмъ, требовалъ немедленнаго перехода въ наступленіе, обѣщая содѣйствіе англійскаго флота для занятія Красной Горки и Кронштадта. Эстонское правительство увѣряло, что если до зимы не состоится наступленіе, то правительство не въ силахъ будетъ воспрепятствовать народнымъ настроеніямъ, требующимъ мира съ большевиками... Бездѣятельность въ теченіе зимы привела бы къ разложенію войскъ и къ истощенію запасовъ... Общая обстановка казалась также благопріятной, такъ какъ Южныя арміи подходили уже къ Орлу...

Эти и другія, чисто внутреннія причины побудили Сѣверо-западное командованіе предпринять операцію на Петроградъ. Силы арміи къ сентябрю опредѣлялись въ 17 тыс.; силы 7-й совѣтской арміи — въ 24 тыс., при возможности подхода къ ней значительныхъ подкрѣпленій. Планъ операціи заключался въ томъ, чтобы, нанеся ударъ противнику въ Лужскомъ и Псковскомъ направленіяхъ и обезпечивъ себя съ этой стороны, главными силами ударить быстро на Петроградъ, одновременно прервавъ сообщенія его съ Москвой.

15 сентября началось наступленіе южной группы, увѣнчавшееся полнымъ успѣхомъ: разгромомъ двухъ совѣтскихъ дивизій, продвиженіемъ къ Пскову, взятіемъ Луги. Не менѣе успѣшно пошло наступленіе главныхъ силъ, которыя 3 октября заняли Гатчину и подошли затѣмъ къ Пулкову, Лигову и Красному Селу. Петроградъ переживалъ дни величайшаго волненія, которое охватило населеніе (по различнымъ, часто противоположнымъ побужденіямъ) и красную армію и отражалось ярко въ рѣчахъ и призывахъ Зиновьева и Троцкаго. Міро-

вая пресса съ лихорадочнымъ вниманіемъ слѣдила за исходомъ операціи, предрѣшая событія и видя въ нихъ близкое разрѣшеніе россійской трагедіи.

Но 10—12 октября наступилъ рѣзкій переломъ. Почему? Участники называютъ много причинъ: несоразмѣрность силъ и средствъ, отказъ отъ борьбы англійскаго флота, пассивность эстонцевъ, рознь на верхахъ командованія[1]), отсутствіе надлежащаго управленія, стремленіе начальниковъ, вмѣсто исполненія диспозиціи — самостоятельно первыми ворваться въ Петроградъ, стратегическія ошибки, въ особенности — неисполненіе однимъ изъ начальниковъ директивы о перерывѣ Николаевской жел. дор., дурное управленіе занятой территоріей и т. д. и т. д.



Большевики съ большой энергіей сосредотачивали средства обороны, подвезли сильную группу Харламова въ раіонъ Колпино и стянули къ Пскову части 15 арміи, ослабивъ совершенно свой фронтъ противъ бездѣйствовавшихъ эстонцевъ (южной группы) и латышей. Подъ концентрическимъ ударомъ этихъ группъ съ сѣверо-востока и юга, Сѣверо-западная армія покатилась назадъ и къ 1 ноября очутилась вновь у Наровы.

---

[1]) Во время операціи ген. Юденичъ удалилъ отъ командованія арміей ген. Родзянко, назначивъ его своимъ помощникомъ, и самъ сталъ во главѣ арміи.

Въ дальнѣйшемъ ее ждало позорное разоруженіе, концентраціонные лагери, физическія лишенія и моральныя издѣвательства — на территоріи Эстонской республики, которая 21 декабря 1919 г. заключила перемиріе и вслѣдъ за симъ весьма выгодный для текущаго момента миръ съ большевиками.

Этому событію предшествовали непосредственно два офиціальныхъ заявленія союзныхъ намъ державъ: Франціи (Бертело) — о томъ, что Верховный Совѣтъ приметъ мѣры въ отношеніи Эстоніи, если она пойдетъ на миръ съ совѣтской Россіей; и Англіи (Ллойдъ-Джорджъ), что держава эта не препятствуетъ заключенію мира...[1]).

* * *

По ироніи судьбы въ моментъ наивысшихъ успѣховъ Сѣверо-западной арміи подъ Петроградомъ, 8 октября, другія русскія войска, подъ начальствомъ именовавшаго себя полковникомъ Бермонта, повели атаку на... Ригу, что отозвалось весьма печально на Петроградской операціи.

Мы знаемъ, что въ Курляндіи въ началѣ 1919 г., съ вѣдома союзниковъ, сформированъ былъ германскій корпусъ генерала гр. фонъ-деръ-Гольца, который освободилъ отъ большевиковъ большую часть Латвіи и 22 мая взялъ Ригу[2]). Дальнѣйшее движеніе его на сѣверъ для занятія всей Латвіи было пріостановлено. Политика союзниковъ, на почвѣ опасенія германскаго вліянія въ Прибалтикѣ, вновь круто измѣнилась. Подъ давленіемъ англійскаго представителя, ген. Гофа, угрозы англійскаго флота и наступленія эстонскихъ и латвійскихъ войскъ, одержавшихъ успѣхи надъ нѣмцами подъ Венденомъ, фонъ-деръ-Гольцъ вынужденъ былъ отступить въ районъ Митавы.

Въ Ригѣ возстановлено было соціалистическое, антантофильское правительство Ульманиса; прежнее — правое, германофильское правительство Недра ушло вмѣстѣ съ германскими войсками, продолжая сотрудничество съ ними въ качествѣ «латышскаго комитета».

Великая борьба между европейскими державами продолжалась, и въ орбиту ея въ качествѣ безсильныхъ пѣшекъ вовлекались русскіе и балтійскіе элементы.

Еще во время благосклоннаго отношенія союзниковъ къ германской оккупаціи, при содѣйствіи возникшаго въ Берлинѣ «Русскаго комитета Сѣверо-западнаго края»[3]), изъ русскихъ военно-плѣнныхъ, находившихся въ Германіи, образованы были нѣмецкимъ командованіемъ въ Митавѣ и Шавляхъ отряды Бермонта[4]) и Выргoлича[5]). Войска эти именовались первоначально «1-мъ имени гр. Келлера корпусомъ». Къ осени составъ этихъ отрядовъ колебался между 6—10 тыс.

Въ іюлѣ—августѣ, когда вновь обострились отношенія, союзники потребовали немедленнаго ухода германскихъ войскъ изъ Прибалтики. Нѣмецкое командова-

---

[1]) Первымъ посредникомъ между Эстоніей и совѣтами былъ англичанинъ, профессоръ Гудъ.

[2]) См. т. IV, гл. IV. Въ составъ его входилъ и балтійскій ландверъ.

[3]) Позднѣе именовался «Русскимъ политическимъ совѣщаніемъ въ Берлинѣ». Организація параллельная «Политическому совѣщанію» въ Гельсингфорсѣ и конкурировавшая съ нимъ и съ Парижскимъ совѣщаніемъ. Инициатива и средства — изъ германскихъ правыхъ круговъ. Составъ — крайне-правые русскіе и остзейскіе элементы.

[4]) По прохожденію службы Бермонтъ былъ: капельмейстеромъ Приморскаго драгунскаго полка, прапорщикомъ одного изъ Забайкальскихъ казачьихъ полковъ, корнетомъ Петербургскаго уланск. полка и, послѣ отставки, во время міровой войны — личнымъ адъютантомъ командира корпуса, ген. Мищенко. Принималъ участіе въ формированіи такъ наз. Южной арміи. Именовалъ себя до сентября 1919 г. Бермонтомъ, въ сентябрѣ Аваловымъ-Бермонтомъ, въ октябрѣ княземъ Аваловымъ-Бермонтомъ.

[5]) До чина поручика служилъ во Владимірскомъ уланскомъ полку, затѣмъ недолго въ пограничной стражѣ, потомъ въ жандармскомъ корпусѣ (охранное отд.).

ніе отдало соотвѣтственный приказъ и приступило къ частичной эвакуаціи, подъ всякими предлогами задерживая ее. Между тѣмъ, нѣмецкіе солдаты, обманутые правительствомъ Ульманиса, обѣщавшимъ имъ земельные надѣлы (декабрь 1918 года) за освобожденіе Латвіи, подняли бунтъ. Многія части категорически отказались покинуть Курляндію. Въ теченіе сентября—октября державы Согласія громили Берлинъ суровыми нотами, угрожая новой блокадой, прекращеніемъ кредита и подвоза. Носке оправдывался своимъ безсиліемъ заставить повиноваться «мятежныя войска», отозвалъ фонъ-деръ-Гольца и слалъ войскамъ приказы — серьезно или для виду только — угрожающіе всякими карами. «Мятежники» не повиновались. Въ результатѣ германское правительство «отреклось» отъ своихъ войскъ и они, также какъ и балтійскій ландверъ [1]), въ качествѣ добровольческихъ частей вошли въ составъ «Западной Добровольческой арміи», прекрасно снабженной и насчитывавшей послѣ этого до 30—35 тыс. Главнокомандующимъ этой арміи сталъ Бермонтъ, вдохновителями же и фактическими руководителями Бермонта, арміи и событій были германцы, представленные при штабѣ арміи маіоромъ Бишофъ.

Насколько пестръ былъ составъ арміи, настолько же разнообразна была ея идеологія. Германскіе верхи шли за сохраненіе своего вліянія въ Прибалтикѣ и на защиту баронскихъ латифундій, за сохраненіе россійскаго рынка и укрѣпленіе будущихъ связей съ противобольшевицкой Россіей, если совѣтская Россія, съ которой также устанавливались дружественныя отношенія, окажется поверженной... Германскіе солдаты шли за обѣщанную имъ прежде Ульманисомъ, потомъ Бермонтомъ землю. Балтійское дворянство дышало местью къ латышамъ и безпокоилось за участь своихъ помѣстій. Авантюристы ловили моментъ, открывавшій неограниченныя и неповторимыя возможности... Просто русскіе люди шли въ Западную армію, какъ и въ другія бѣлыя арміи, зачастую не отдавая себѣ яснаго отчета, куда и какими путями ведутъ ихъ.

Въ началѣ сентября Берлинское совѣщаніе придало арміи «Западное русское правительство», во главѣ съ гр. Паленомъ. Первоначальная территорія его была опредѣлена въ воззваніи Бермонта отъ 20 сентября, въ которомъ онъ заявилъ: «по уходѣ (!) нѣмецкихъ войскъ я, какъ представитель русской государственной власти, 21 августа принялъ на себя управленіе и защиту Латвійской области...» Дальнѣйшая территорія должна была опредѣлиться обстоятельствами. Предпріятіе принимало болѣе широкіе размѣры, не имѣя ни малѣйшихъ шансовъ даже на временный успѣхъ, въ виду той зависимости отъ державъ Согласія, которая сковывала поверженную Германію.

Параллельно съ «Западнымъ правительствомъ», другая группа правыхъ въ Берлинѣ организовывала «россійское правительство» — Бискупскаго-Дурново, также взыскующее германскихъ средствъ и также вступавшее въ «договорныя отношенія» съ Германіей... Успѣхъ Бермонта, впрочемъ, скоро отодвинулъ Бискупскаго на задній планъ.

Всѣ настойчивыя требованія союзныхъ представителей и ген. Юденича о выводѣ Бермонтомъ русскихъ войскъ на фронтъ, встрѣчали отпоръ со стороны послѣдняго [2]). И ген. Юденичъ черезъ голову Бермонта слалъ воззванія «корпусу гр. Келлера», приглашая идти на Петроградъ. Нѣмцамъ не улыбалась перспекти-

[1]) Ландверъ по требованію Антанты находился на латышскомъ противобольшевицкомъ фронтѣ, гдѣ и оставался во время происходившихъ въ Курляндіи событій.

[2]) На военномъ совѣтѣ въ Ригѣ 26 августа, подъ давленіемъ ген. Марча, военные представители Эстоніи, Латвіи, Литвы, Сѣв.-Западной арміи подписали протоколъ, которымъ распредѣлялась линія фронта между арміями. Бермонту надлежало выдвинуться черезъ Двинскъ на Великія Луки. (Изъ статьи Бережанскаго).

ва отдѣленія русскихъ отрядовъ, лишавшая ихъ всякаго предлога для оккупаціи Курляндіи. Идти же самимъ на фронтъ, носившій явно антантофильскій характеръ, оторвавшись отъ своей страны и источниковъ снабженія и имѣя въ тылу ярко враждебную имъ Латвію, казалось, очевидно, слишкомъ опаснымъ и политически нецѣлесообразнымъ.

Изолированное положеніе Бермонтовской арміи среди національныхъ противобольшевицкихъ силъ вызывало недовѣріе къ ней извнѣ и порождало сомнѣнія въ рядахъ русскихъ ея участниковъ. Бермонтъ, подъ предлогомъ непріемлемости политики Юденича, допускающей «расчлененіе Россіи», и сочувствія идеямъ ея «единства и недѣлимости», снесся съ Верховнымъ Правителемъ и послалъ въ Таганрогъ делегацію ген. Давыдова съ ходатайствомъ о подчиненіи Западной арміи главному командованію Юга.

Я не принялъ делегацію и приказалъ выслать делегатовъ изъ предѣловъ территоріи Юга [1]).

Верховный Правитель отвѣтилъ приказомъ «безусловно и во всѣхъ отношеніяхъ подчиниться ген. Юденичу...» «Въ противномъ случаѣ — телеграфировалъ адм. Колчакъ — Вы (Бермонтъ) не можете считаться русскимъ подданнымъ и офицеромъ русской арміи».

Тѣмъ не менѣе, Бермонтъ по своимъ соображеніямъ, какъ увидимъ ниже, подчеркивалъ несуществовавшую связь свою съ Югомъ, вводя въ заблужденіе общественное мнѣніе запада и создавая намъ политическія затрудненія: въ англійской прессѣ начали раздаваться настойчивые голоса, требовавшіе прекращенія снабженія Колчака и Деникина, находящихся, якобы, въ сговорѣ съ германскими правящими кругами...

8 октября Бермонтъ неожиданнымъ ударомъ на латышей, прикрывавшихъ Ригу, разбилъ ихъ и отбросилъ за Двину. Это выступленіе вызвало большое волненіе въ кругахъ союзныхъ представителей, въ Эстоніи и Польшѣ. Эстонскія и латышскія части съ большевицкаго фронта начали стягиваться къ Ригѣ, обнажая Псковское направленіе (Юденича), для борьбы противъ Бермонта. Ген. Юденичъ, поставленный въ большое затрудненіе и подозрѣваемый также союзниками и лимитрофами въ тайномъ соучастіи съ Бермонтомъ, телеграфировалъ: «Категорически объявляю, что никогда не имѣлъ и не имѣю никакого отношенія къ ген. Бискупскому и германофильскимъ организаціямъ въ Берлинѣ. Объявляю Бермонта измѣнникомъ и посылаю противъ него въ помощь латышамъ часть артиллеріи...»

Въ своемъ рѣзкомъ отвѣтѣ по этому поводу ген. Юденичу Бермонтъ объяснялъ свое выступленіе необходимостью создать обезпеченный тылъ, а нежеланіе подчиниться — тѣмъ обстоятельствомъ, что ген. Юденичъ не является у себя «хозяиномъ положенія» и его армія «подвергается невыносимому для русской чести обращенію (со стороны союзниковъ и эстонцевъ)». Одновременно Бермонтъ телеграфировалъ мнѣ о своихъ успѣхахъ и выражалъ надежду «въ близкомъ будущемъ атаковать большевиковъ съ запада и этимъ облегчить побѣдоносное наступленіе (южныхъ) армій...» Въ пространныхъ нотахъ онъ предлагалъ миръ Латвіи, признавалъ «полный суверенитетъ литовскаго народа» и, считая, повидимому, поляковъ союзниками армій Юга, завѣрялъ польское правительство въ

---

[1]) Въ качествѣ добровольнаго ходатая за Бермонта прибылъ въ Екатеринодаръ и ген. Д. Гурко. Принятъ не былъ. Указывалъ штабу на большую опасность со стороны «деклассированнаго элемента, по существу ландскнехтовъ», какимъ являются германскіе солдаты Бермонта, въ случаѣ, если они, не признанные нами, предложатъ свои услуги большевикамъ.

томъ, что «руководствуясь стремленіями и директивами (!) генерала Деникина», онъ — Бермонтъ «стремится рука объ руку съ польскими войсками вступить въ бой противъ общаго противника — большевиковъ».

Взять Ригу Бермонту не удалось. Предложеніе мира Латвія отвергла. Въ теченіе полутора мѣсяца продолжалась бомбардировка Риги и безплодныя попытки Бермонта форсировать Двину. Между тѣмъ, союзники отъ угрозъ перешли къ фактической блокадѣ Германіи... Эстонскія и латышскія войска начали наступленіе и при помощи мощнаго огня англійскаго флота, столь пассивнаго въ отношеніи большевиковъ, нанесли Бермонту рядъ пораженій.

21 ноября пала Митава, и русскія войска Западной арміи частью разсѣялись, частью эвакуировались совмѣстно съ нѣмецкими отрядами въ Германію.

Такъ Германія и Согласіе, Гофъ—Марчъ и фонъ-деръ-Гольцъ—Бишофъ сводили между собою историческіе счеты, играя русскими головами и губя русское дѣло.

* * *

На юго-востокъ отъ латышей, въ двинскомъ направленіи маленькая литовская армія, въ виду угрозы съ тыла, со стороны отряда Выргылича (Шавли) и отступавшихъ изъ-подъ Митавы русско-германскихъ войскъ, проявляла на противобольшевицкомъ фронтѣ полную пассивность.

Далѣе на востокъ отъ Двинска до Полоцка и отъ Полоцка до Каменецъ-Подольска шелъ фронтъ польской арміи, на которомъ, въ силу заключеннаго осенью тайнаго соглашенія съ большевиками, военныя дѣйствія фактически пріостановились.

* * *

Я привелъ этотъ схематическій очеркъ событій на противобольшевицкихъ фронтахъ для уясненія той внѣшней военно-политической обстановки, среди которой протекалъ финальный періодъ борьбы Вооруженныхъ силъ Юга.

Рѣшительное наступленіе Сѣверо-западной арміи началось 15 сентября, достигло наивысшаго успѣха 8-го октября, закончилось 1 ноября сдачей Ямбурга и 21 декабря разоруженіемъ и интернированіемъ арміи...

Восточный фронтъ, пріостановившій, было, въ серединѣ августа свое стихійное отступленіе, къ началу октября покатился окончательно къ Великому океану.

Сѣверный фронтъ, ослабленный, лишившійся главной своей опоры — англійскихъ войскъ, закончившихъ эвакуцію 26 сентября, съ тѣхъ поръ переживалъ медленную агонію, завершившуюся исходомъ 18 февраля 1920 г...

На фонѣ этихъ событій, лишенныхъ на первый взглядъ единства и внутренней связи и полныхъ глубокаго трагизма, начертаны и судьбы Вооруженныхъ силъ Юга. Съ весны 1919 г. восходящая кривая боевыхъ успѣховъ Юга достигаетъ къ 1 октябрю наивысшей своей точки (Орелъ) съ тѣмъ, чтобы въ ближайшіе дни упасть внизъ... и, проведя арміи Юга черезъ горнило тягчайшихъ испытаній въ послѣдующей пятимѣсячной упорной, кровавой борьбѣ, привести ихъ въ мартѣ 1920 года къ берегамъ Чернаго моря.

ГЛАВА XXIV.

Операціи В. С. Ю. Р. въ октябрѣ—ноябрѣ 1919 г.

Въ началѣ октября совѣтскія арміи Южнаго и Юго-восточнаго фронтовъ, приведенныя въ порядокъ и пополнившіяся, располагались [1]):

Южный фронтъ:

12-я армія, до 25 тыс., по обѣ стороны Днѣпра отъ Мозыря, огибая Житомиръ, и по Деснѣ на Черниговъ до Сосницы [2]).

14-я армія, 28 тыс., отъ Сосницы до Кромъ (вблизи Орла).

13-я армія, 18 тыс., отъ Кромъ до р. Дона (у Задонска, близъ Воронежа).

8-я армія, 18 тыс., между Задонскомъ и Бобровымъ.

Конный корпусъ Буденнаго, 6 тыс., — въ резервѣ, восточнѣе Воронежа.

Итого: 90 тыс. на фронтѣ Житомиръ—Кіевъ—Орелъ—Воронежъ.

Юго-восточный фронтъ:

9-я армія, 20 тыс. — отъ Боброва до устья Медвѣдицы.

10-я армія, 15 тыс. — отъ устья Медвѣдицы, сѣвернѣе Царицына до Волги.

11-я армія, 15 тыс., — въ раіонѣ Астрахани, имѣя операціонныя направленія вверхъ по Волгѣ противъ Царицына, на югъ и на востокъ по Каспійскому морю противъ Сѣвернаго Кавказа и Гурьева (уральцевъ).

Итого: 50 тыс. на фронтѣ Воронежъ—Астрахань.

Всего, слѣдовательно, противъ В. С. Ю. Р. большевики выставили 140 тыс., имѣя двѣ сильныхъ ударныхъ группы: 1) западнѣе Орла [3]) и 2) противъ Воронежа. Такъ какъ въ октябрѣ и ноябрѣ большевики подвезли еще 5 пѣх. и 1 кав. дивизію, то силы ихъ возросли до 160 тыс. По большевицкимъ источникамъ лучшими войсками считалась 14 армія и группа Буденнаго; хуже 8-я, 11-я и 13-я; а 12-я «являла признаки разстройства и разложенія».

Вооруженныя силы Юга располагались:

Войска Кіевской области (ген. Драгомировъ), 9 тыс., впереди Кіева и по Деснѣ у Чернигова (включ.).

Добровольческая армія (ген. Май-Маевскій), 20½ тыс., отъ Чернигова къ Орлу и до Дона (у Задонска).

Донская армія (ген. Сидоринъ), 50 тыс., отъ Задонска до устья Иловли.

Кавказская армія (ген. баронъ Врангель), 14½ тыс. — въ раіонѣ Царицына, имѣя часть силъ противъ Астрахани, на обоихъ берегахъ Волги.

Отрядъ изъ состава войскъ Сѣв. Кавказа (ген. Драценко), 3—5 тыс. — противъ Астрахани съ юга и юго-запада.

Всего на противобольшевицкомъ фронтѣ Кіевъ—Орелъ—Воронежъ—Царицынъ—Астрахань мы имѣли 98 тыс. противъ 140—160 тыс. большевиковъ [4]). Боевая цѣнность нашихъ частей была далеко не одинакова, и поэтому числен-

---

[1]) Численность красной арміи взята изъ совѣтскихъ источниковъ.

[2]) Часть фронта ея (около 5 тыс.) направлена была на западъ, противъ поляковъ. Сосница — на жел.-дор. линіи Гомель—Бахмачъ.

[3]) Въ Брянскомъ направленіи.

[4]) Въ расчетъ не входятъ войска Новороссіи, боровшіяся противъ Петлюры.



XII.
XIV.
XIII.
VIII и кав. Бд.
IX.
X.
XI.
Доб. ар.
Дон. ар.
Кав. ар.
Кв. гр.
Нов. гр.
Юж. фр.
Юго-Вост. фр.
Ровно
Житоміръ
Кіевъ
Черниговъ
Гомель
Брянскъ
Орелъ
Елецъ
Курскъ
Воронежъ
Тамбовъ
Саратовъ
Балашовъ
Бѣлгородъ
Харьковъ
Полтава
Знаменка
Екатеринославъ
Александровскъ
Гуляй Поле
Мелитополь
Бердянскъ
Маріуполь
Николаевъ
Херсонъ
Одесса
Умань
Жмеринка
Бахмутъ
Новочеркаскъ
Ростовъ
Царицынъ
Черный Яръ
Астрахань
Тихорѣцкая
Новороссійскъ
Севастополь
Петлюра
Петл. фр.
Польск. фр.
Районъ махнов. бандъ.
Операціи Д.С.Ю.Р.
Октябрь-Ноябрь 19г.

ный эквивалентъ не выражаетъ идеи развертыванія [1]). Наиболѣе крѣпкая духомъ Добровольческая армія наступала на Орелъ—Тулу—Москву, и этимъ фактомъ обусловливалось главное направленіе удара. Въ характеристикѣ Добровольческой арміи, какъ «самой стойкой» и «безудержно стремившейся впередъ», сходятся и офиціальные источники нашего противника.

Что касается резервовъ, то не только они, но, какъ увидимъ ниже, и часть силъ дѣйствующихъ армій къ тому времени была отвлечена на «внутренніе фронты» для усмиренія возстаній, поднятыхъ Махно и другими «атаманами» и залившихъ большія пространства Украины и Новороссіи. Въ частности Добровольческая армія была ослаблена выдѣленіемъ силъ и на внутренній, и на Кіевскій фронтъ, подъ Черниговъ. Часть силъ Кіевской области вела борьбу съ петлюровцами и повстанцами.

Послѣ неудачи августовскаго наступленія, совѣтское командованіе измѣнило планъ операціи. «Въ серединѣ октября (нов. ст.)—пишетъ Бронштейнъ [2]) — была закончена подготовка для рѣшительнаго контръ-удара. Образованы были двѣ группы: одна — изъ резерва главкома и части 14-й арміи къ сѣверо-западу отъ Орла для дѣйствія на Курско-Орловскую жел. дор.; вторая — къ востоку отъ Воронежа, изъ коннаго корпуса Буденнаго, который долженъ былъ разбить противника подъ Воронежомъ и ударить въ тылъ Орловской группѣ противника въ направленіи на Касторную».

Такимъ образомъ, въ предстоящемъ новомъ общемъ наступленіи главный ударъ съ двухъ сторонъ былъ занесенъ противъ Добровольческой арміи, выдвинувшейся къ Орлу. Стратегически этотъ ударъ преслѣдовалъ идею разобщенія Донской арміи отъ Добровольческой и разгрома послѣдней, политически — разъединеніе Добровольчества и казачества.

Группировка силъ противника не была для насъ тайной; но, въ виду отсутствія у насъ резервовъ, парировать намѣченные удары можно было лишь соотвѣтствующей перегруппировкой войскъ. Ударъ съ линіи Орелъ—Сѣвскъ, выводившій противника на фронтъ Корниловской и Дроздовской дивизій, не внушалъ мнѣ опасеній. Угроза же со стороны Воронежа лѣвому флангу Донской арміи была болѣе серьезна. Поэтому я, не пріостанавливая наступленія Добровольческой арміи на линію Брянскъ—Орелъ—Елецъ, 17 сентября вновь предписалъ Донской арміи ограничиться въ центрѣ и на правомъ флангѣ обороной, чтобы сосредоточить надлежащія силы на своемъ лѣвомъ флангѣ, противъ Лиски и Воронежа [3]). Въ составъ Донской арміи передана была конница ген. Шкуро, находившаяся въ Воронежскомъ раіонѣ.

Выполненіе этихъ плановъ сторонами приводило къ встрѣчнымъ боямъ, развернувшимся въ генеральное сраженіе на пространствѣ между Десной, Дономъ и Азовскимъ моремъ — сраженіе, которому суждено было рѣшить участь всей кампаніи.

* * *

[1]) Группировка противниковъ къ началу октября:

	У насъ	У большев.	
На фронтѣ войскъ Кіевской области	9 тыс.	15 тыс.	
„ „ „ Добр. Арміи	20 „	46 „	(первонач.)
„ „ „ Донской арміи	50 „	49 „	
„ „ „ Кавказской арміи	14,5 „	20 „	

[2]) «Какъ вооружалась революція».

[3]) Въ дальнѣйшемъ Донская армія должна была развивать ударъ въ сторону Балашова.

Конная группа Буденнаго, усиленная пѣх. дивизіей 8-й арміи (12—15 тыс.), отбросивъ донцовъ къ югу, повела наступленіе на Воронежъ. Послѣ 9 дневныхъ боевъ съ перемѣннымъ успѣхомъ, конница ген. Шкуро[1]) вынуждена была оставить Воронежъ и отойти на правый берегъ Дона. Переправившись черезъ Донъ въ свою очередь, Буденный съ боями вышелъ къ Нижнедѣвицку, угрожая Касторной и тылу 1-го (Добровольческаго) корпуса.

Между тѣмъ, съ 1 октября началось наступленіе западной ударной группы большевиковъ.

На 500 верстномъ фронтѣ отъ Бахмача до Задонска шли тяжелые бои Добровольческой арміи противъ втрое превосходившаго ее силами противника (20 тыс. противъ 50—60)[2]).

Ослабивъ свое правое крыло и сосредоточивъ главныя силы въ Брянскомъ направленіи, ген. Май-Маевскій успѣлъ нанести ударной группѣ 14-й совѣтской арміи рядъ пораженій подъ Сѣвскомъ и Дмитровскомъ[3]), въ то время какъ войска его на Орловскомъ[4]) и Тульскомъ[5]) направленіяхъ успѣшно отбивали наступленіе 13-й сов. арміи. Но общая обстановка у Воронежа заставила армію оставить Орелъ и Ливны. Встрѣчая сопротивленіе лишь тонкой линіи Марковской дивизіи, 13-я сов. армія продолжала наступленіе, и нѣсколько полковъ ея въ двадцатыхъ числахъ прорвались къ Фатежу и Щиграмъ, угрожая Курску. Въ то же время группа Буденнаго съ 24-го октября атаковала Касторную, встрѣчая сильный отпоръ занимавшаго ее Марковскаго полка и конницы Шкуро.

Въ результатѣ 30 дневныхъ кровавыхъ боевъ, непрестанно маневрируя, одерживая не разъ частные успѣхи[6]) и неся большія потери, войска Добровольческой арміи отошли на линію Конотопъ—Глуховъ—Дмитріевъ—Касторная.

На Донскомъ фронтѣ въ теченіе октября происходили встрѣчные бои съ перемѣннымъ успѣхомъ. Нанеся частное пораженіе лѣвому флангу 8 сов. арміи у Боброва и Таловой и частямъ 9 сов. арміи на берегу Хопра, Донская армія въ дальнѣйшемъ отошла правымъ флангомъ за Донъ и центромъ за Хоперъ, удерживаясь за этими рѣками и на линіи Лиски—Урюпино.

На западѣ войска Кіевской области ген. Драгомирова, противъ ожиданія весьма мало пополнившія свой составъ, съ трудомъ выполняли свою задачу — очищенія праваго берега Днѣпра и лѣваго — Десны. Во второй половинѣ сентября, усиленныя частями Добровольческой арміи, кіевскія войска имѣли крупные успѣхи на Деснѣ и овладѣли Черниговомъ. Но въ то же время правый флангъ 12-й сов. арміи, освобожденный отъ угрозы со стороны поляковъ вслѣдствіе заключеннаго ими перемирія, неожиданно перешелъ въ наступленіе отъ Житомира и, не встрѣтивъ надлежащаго отпора, овладѣлъ Кіевомъ.

Трое сутокъ на улицахъ города происходили бои, послѣ чего противникъ былъ отброшенъ обратно за р. Ирпень. Между тѣмъ, лѣвобережныя части кіевскихъ войскъ послѣ ряда боевъ очистили отъ большевиковъ весь лѣвый берегъ Десны и разбили противника, наступавшаго на Черниговъ. Но къ концу октября новое

---

[1]) 4-й Донской корпусъ и 3-й конный корпусъ, ослабленный выдѣленіемъ Терской дивизіи противъ Махно. Командующій 4-й Донскимъ корпусомъ ген. Мамонтовъ былъ въ отпуску, почему во главѣ группы сталъ ген. Шкуро.

[2]) Кромѣ 13-й и 14-й арміи, части 8-й и группа Буденнаго.

[3]) Дроздовцы, Самурцы и конница 5 кавк. корпуса.

[4]) Корниловцы.

[5]) Марковцы.

[6]) Главнымъ образомъ 1-й корпусъ (Добров.) ген. Кутепова.

наступленіе по всему фронту 12-й сов. арміи заставило насъ отдать Черниговъ и Макошинскую переправу [1]), а 5 ноября большевики заняли Бахмачъ, что составило уже прямую угрозу лѣвому флангу Добровольческой арміи.

* * *

Еще хуже складывалась обстановка въ тылу.

Послѣ весенняго разгрома, понесеннаго Махно, онъ бѣжалъ съ небольшимъ коннымъ отрядомъ въ раіонъ Александровска. Тамъ вокругъ него собрались спасшіеся за Днѣпръ его мелкіе отряды, присоединилась часть повстанцевъ Григорьева и красноармейцевъ разбитой совѣтской крымской группы.

Тѣснимый съ востока нашими частями, Махно подвигался вглубь Малороссіи; въ августѣ, задержавшись въ раіонѣ Елисаветграда—Вознесенска, онъ былъ снова разбитъ правымъ крыломъ ген. Шиллинга и къ началу сентября, продолжая уходить къ западу, подошелъ къ Умани, гдѣ попалъ въ полное окруженіе: съ сѣвера и запада — петлюровцы, съ юга и востока — части ген Слащева...

Махно вступилъ въ переговоры съ петлюровскимъ штабомъ, и обѣ стороны заключили соглашеніе: взаимный нейтралитетъ, передача раненыхъ махновцевъ на попеченіе Петлюры и снабженіе Махно боевыми припасами. Довѣрія къ петлюровцамъ у Махно, однако, не было никакого, къ тому же повстанцевъ тянуло неудержимо къ роднымъ мѣстамъ... И Махно рѣшился на смѣлый шагъ: 13 сентября онъ неожиданно поднялъ свои банды и, разбивъ и отбросивъ два полка ген. Слащева, двинулся на востокъ, обратно къ Днѣпру. Движеніе это совершалось на смѣнныхъ подводахъ и лошадяхъ съ быстротой необыкновенной: 13-го — Умань, 22-го—Днѣпръ, гдѣ, сбивъ слабыя наши части, наскоро брошенныя для прикрытія переправъ, Махно перешелъ черезъ Кичкасскій мостъ и 24-го онъ появился въ Гуляй-Полѣ, пройдя въ 11 дней около 600 верстъ.

Въ ближайшія двѣ недѣли возстаніе распространилось на обширной территоріи между нижнимъ Днѣпромъ и Азовскимъ моремъ. Сколько силъ было въ распоряженіи Махно, не зналъ никто, даже онъ самъ. Ихъ опредѣляли и въ 10, и въ 40 тыс. Отдѣльныя банды создавались и распылялись, вступали въ организаціонную связь со штабомъ Махно и дѣйствовали самостоятельно. Но въ результатѣ въ началѣ октября въ рукахъ повстанцевъ оказались Мелитополь, Бердянскъ, гдѣ они взорвали артиллерійскіе склады, и Маріуполь—въ 100 верстахъ отъ Ставки (Таганрога). Повстанцы подходили къ Синельникову и угрожали Волновахѣ — нашей артиллерійской базѣ... Случайныя части — мѣстные гарнизоны, запасные батальоны, отряды государственной стражи, выставленные первоначально противъ Махно, легко разбивались крупными его бандами.

Положеніе становилось грознымъ и требовало мѣръ исключительныхъ. Для подавленія возстанія пришлось, невзирая на серьезное положеніе фронта, снимать съ него части и использовать всѣ резервы. Въ раіонѣ Волновахи сосредоточены были Терская и Чеченская дивизіи и бригада Донцовъ. Общее командованіе надъ этими силами [2]) поручено было ген. Ревишину, который 13 октября перешелъ въ наступленіе на всемъ фронтѣ. Наши войска въ теченіе мѣсяца наносили одинъ ударъ за другимъ махновскимъ бандамъ, которыя несли огромныя потери и вновь пополнялись, распылялись и воскресали, но все же катились неизмѣнно къ Днѣпру. Здѣсь у Никопольской и Кичкасской переправъ, куда стека-

---

[1]) На пути Гомель—Бахмачъ.

[2]) Кромѣ указанныхъ частей, входили 3 полка, 3 запасн. батальона и друг. мелкія части.

лись волны повстанцевъ въ надеждѣ прорваться на правый берегъ, они тысячами находили смерть...

Къ 10 ноября весь лѣвый берегъ нижняго Днѣпра былъ очищенъ отъ повстанцевъ.

Но въ то время, когда наши войска начинали еще наступленіе, Махно съ большой бандой, перейдя Днѣпръ, бросился къ Екатеринославу и взялъ его... Съ 14 по 25 октября злополучный городъ трижды переходилъ изъ рукъ въ руки, оставшись въ концѣ концовъ за Махно.

Между тѣмъ, успѣхъ на фронтѣ войскъ Новороссіи далъ мнѣ возможность выдѣлить изъ ихъ состава корпусъ ген. Слащева [1]), который къ 6 октября началъ наступленіе противъ Екатеринослава съ юга и запада отъ Знаменки и Николаева. Совмѣстными дѣйствіями право и лѣвобережныхъ войскъ Екатеринославъ былъ взятъ 25 ноября, и контръ-атаки Махно, врывавшагося еще трижды въ городъ, неизмѣнно отбивались.

Переправы черезъ нижній Днѣпръ были закрыты и тылъ центральной группы нашихъ армій, такимъ образомъ, до извѣстной степени обезпеченъ. Но затяжные бои съ Махно въ Екатеринославской губ. продолжались еще до середины декабря, т. е. до начала общаго отступленія нашего за Донъ и въ Крымъ.

Это возстаніе, принявшее такіе широкіе размѣры, разстроило нашъ тылъ и ослабило фронтъ въ наиболѣе трудное для него время.

* * *

Какъ бы ни были серьезны событія, разыгравшіяся на лѣвомъ флангѣ и въ тылу центральной группы армій, не они опредѣляли грозность общаго стратегическаго положенія. Съ начала октября стало яснымъ, что центръ тяжести всей операціи перенесенъ на Воронежъ—Харьковское направленіе... Только разбивъ ударную группу 8-й арміи и корпуса Буденнаго, мы пріобрѣтали вновь иниціативу дѣйствій, возможность маневра и широкаго наступленія. Для этого необходимо было собрать сильный кулакъ, что по условіямъ обстановки можно было сдѣлать лишь за счетъ Донской и Кавказской армій.

Попытки образованія конной ударной группы на Воронежскомъ направленіи, отражая сложныя воздѣйствія стратегіи, политики, психологіи и личныхъ взаимоотношеній, служатъ весьма образнымъ показателемъ тѣхъ условій, въ которыхъ протекала дѣятельность Ставки.

Начиная съ 1919 г., всѣ мои директивы [2]) требовали отъ Донской арміи растяжки фронта и сосредоточенія сильной группы къ лѣвому флангу на Воронежскомъ направленіи. Это стремленіе разбивалось о пассивное сопротивленіе донского командованія, и Донской фронтъ представлялъ линію, наиболѣе сильную въ центрѣ — на Хопрѣ, гдѣ сосредоточена была половина всей донской конницы [3]), и слабую — въ Лискинскомъ раіонѣ [4]), почти исключительно пѣхотнаго состава [5]). Это развертываніе отвѣчало стремленію удержать и прикрыть возможно большую

---

[1]) Войска его послѣ ликвидаціи Махно предназначались для усиленія Добровольческой Арміи.

[2]) 19 августа, 17 сентября, 14 ноября, 29 ноября.

[3]) 2-й корпусъ, 17½ тыс., изъ нихъ 9 700 конницы.

[4]) 3-й корпусъ, 14 тыс., изъ нихъ 2 200 конницы.

[5]) Донскую пѣхоту нач. штаба арміи ген. Кельчевскій характеризовалъ такъ: «пѣшія части совершенно не приспособлены къ пѣшему бою и такъ же легко сдаютъ, какъ и красноармейская милиція». За немногими исключеніями это опредѣленіе было вѣрно.

часть Донской области, но въ корнѣ расходилось съ планомъ операціи. Повидимому, на стратегію донца Сидорина и россійскаго профессора Кельчевскаго производила сильнѣйшій нажимъ психологія донской казачьей массы, тяготѣвшей къ роднымъ хатамъ...

Въ ударную группу Донъ выдѣлилъ полуразвалившійся послѣ тамбовскаго набѣга 4-й корпусъ генерала Мамонтова, насчитывавшій къ 5 октября 3½ тыс. сабель [1]). Послѣ настойчивыхъ требованій Ставки къ серединѣ ноября донское командованіе включило въ ударную группу пластунскую бригаду (пѣхотную) — 1 500 шт., кавал., не казачью дивизію — 700 сабель и направило въ 4-й корпусъ пополненія. Не донскія направленія общаго театра войны представлялись чѣмъ-то самодовлѣющимъ. Ген. Сидоринъ считалъ и такое ослабленіе чисто донского фронта чрезмѣрнымъ, выражая опасеніе, что «при дальнѣйшемъ нажимѣ противника армія не будетъ въ состояніи удержаться на берегу Дона».

Не менѣе сложно обстояло дѣло на фронтѣ Кавказской арміи. Нанеся въ началѣ октября подъ Царицынымъ сильный ударъ и сѣверной и южной группамъ противника, ген. Врангель доносилъ, что достигнутъ этотъ успѣхъ «цѣною полнаго обезкровленія арміи и послѣднимъ напряженіемъ моральныхъ силъ тѣхъ начальниковъ, которые еще не выбыли изъ строя». Но обстановка складывалась грозно и требовала новаго чрезвычайнаго напряженія и новыхъ жертвъ отъ всѣхъ армій. И начальникъ штаба ген. Романовскій 16 октября запросилъ ген. Врангеля, какія силы онъ можетъ выдѣлить въ ударную группу въ центръ... «или же Кавказская армія могла бы немедленно начать активную операцію, дабы общимъ движеніемъ сократить фронтъ Донской арміи и дать ей возможность вести операцію на сѣверо-западъ». Ген. Врангель отвѣтилъ, что развитіе операціи Кавказской арміи на сѣверъ невыполнимо «при отсутствіи желѣзныхъ дорогъ и необезпеченности водной коммуникаціи». Что касается переброски, то «при малочисленности конныхъ дивизій переброска одной, двухъ... не измѣнитъ общей обстановки, и не разбитый, хотя бы и пріостановленный противникъ, оттѣснивъ Донцовъ за Донъ, будетъ имѣть возможность обрушиться на ослабленную выдѣленіемъ частей Кавказскую армію...» Баронъ Врангель предлагалъ «крупное рѣшеніе», взять изъ состава Кавказской арміи 4 дивизіи (при этомъ условіи онъ не предполагалъ оставаться во главѣ ея), и, сведя остающіяся силы въ отдѣльный корпусъ, поручить его ген. Покровскому.

Картина состоянія Кавказской арміи, нарисованная ген. Врангелемъ, была угнетающей, а потеря Царицына въ то время, когда центръ арміи находился еще впереди Харькова, чреватой тяжелыми послѣдствіями. Поэтому, я счелъ возможнымъ взять изъ Кавказской арміи только 2-й кубанскій корпусъ [2]).

И когда черезъ нѣкоторое время ген. Врангель принялъ Добровольческую Армію и изъ Кавказской взята была еще одна дивизія, замѣститель его ген. Покровскій телеграфировалъ барону: «съ переброской трехъ четвертей всей конницы арміи и отнятіемъ боевыхъ пополненій, направляемыхъ съ Кубани только вамъ... обезсиливаніе Кавказской арміи перешло уже всѣ предѣлы...»

Между тѣмъ, въ началѣ ноября ударная группа Буденнаго, отбросивъ конницу Шкуро, взяла Касторную, выйдя въ тылъ нашей пѣхотѣ. Подъ ударами 13-й,

---

[1]) Но и эти силы были ослаблены отвлеченіемъ части ихъ на поддержку лискинской группы, такъ что въ группѣ ген. Шкуро подъ Касторной оставалось одно время только 1 800 сабель 4-го Донского корпуса.

[2]) Одна бригада Кавказской арміи находилась въ то время въ Екатеринодарѣ, въ виду событій въ Радѣ. Кубанскія дивизіи имѣли составъ 500—800 сабель и только одна 3-я имѣла 1 350 сабель. Она входила ранѣе въ составъ 2-го корпуса, но была замѣнена кавказскимъ начальствомъ 4-й.

14-й сов. арміи и группы Буденнаго Добровольческая Армія, неся большія потери, особенно на своемъ правомъ флангѣ, съ упорствомъ отстаивая каждый рубежъ, медленно отходила на югъ.

Къ серединѣ ноября мы потеряли Курскъ, и фронтъ Добровольческой Арміи проходилъ черезъ Сумы—Лебедянь—Бѣлгородъ—Новый Осколъ, дойдя приблизительно до параллели Донского фронта (Лиски). Въ ближайшемъ тылу ея, въ губ. Харьковской, Полтавской разростались возстанія; банды повстанцевъ все болѣе наглѣли и для усмиренія ихъ требовалось выдѣленіе все новыхъ и новыхъ силъ. Донская армія была прикована къ своему фронту и не могла развить широкаго наступленія: лѣвый флангъ ея былъ отброшенъ отъ Лисокъ, центръ и правый удерживались еще на Хопрѣ и Донѣ.

Конная группа Шкуро, потомъ Мамонтова[1]), дѣйствовавшая въ стыкѣ между Добровольческой Арміей и Донской, не могла противостоять большевицкой ударной группѣ — по малочисленности своей, разрозненнымъ дѣйствіямъ и внутреннимъ недугамъ: кубанцы жаловались на развалъ и утечку въ донскомъ корпусѣ, донцы говорили то же о кубанцахъ...

Ко второй половинѣ ноября въ раіонъ Волчанскъ—Валуйки путемъ большого напряженія сосредоточены были подкрѣпленія, которыя, вмѣстѣ съ основнымъ ядромъ Мамонтовской группы, составили отрядъ силою въ 7 тыс. саб., 3 тыс. штык. и 58 орудій, снабженный танками, бронепоѣздами и авіаціонными средствами[2]).

На него возлагались большія надежды...

Вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣднія подкрѣпленія съ Сѣвернаго Кавказа и съ Сочинскаго фронта двинуты были на сѣверъ.

Въ началѣ ноября, будучи въ Ставкѣ, ген. Врангель предложилъ образовать изъ собиравшейся группы отдѣльную конную армію, съ нимъ во главѣ, перебросивъ для управленія ею штабъ Кавказской арміи. Незначительность силъ группы не оправдывала необходимости разстройства существовавшихъ соединеній и созданія новаго штаба для Царицынскаго направленія; отсутствіе третьей меридіальной жел. дор. не давало возможности вклинить новую армію между Добровольческой и Донской. Принимая во вниманіе обнаружившіеся недочеты ген. Май-Маевскаго и желая использовать кавалерійскія способности генерала Врангеля, я рѣшилъ упростить вопросъ, назначивъ его командующимъ Добровольческой Арміей, со включеніемъ въ нее конной группы Мамонтова.

Май-Маевскій былъ уволенъ.

До поступленія его въ Добровольческую Армію я зналъ его очень мало. Послѣ Харькова до меня доходили слухи о странномъ поведеніи Май-Маевскаго и мнѣ два, три раза приходилось дѣлать ему серьезныя внушенія. Но теперь только, послѣ его отставки открылось для меня многое: со всѣхъ сторонъ, отъ гражданскаго сыска, отъ случайныхъ свидѣтелей посыпались доклады, разсказы о томъ, какъ этотъ храбрѣйшій солдатъ и несчастный человѣкъ, страдавшій недугомъ запоя, боровшійся, но не поборовшій его, ронялъ престижъ власти и выпускалъ изъ рукъ возжи управленія. Разсказы, которые повергли меня въ глубокое смущеніе и скорбь.

Когда я впослѣдствіи обратился съ упрекомъ къ одному изъ ближайшихъ помощниковъ Май-Маевскаго, почему онъ, видя, что происходитъ, не поставилъ меня

---

[1]) Шкуро уѣхалъ въ отпускъ по болѣзни.

[2]) Составъ частей приведенъ по боевому расписанію отъ 5 ноября, такъ какъ послѣдующія не сохранились.

Въ составъ коннаго отряда входили: 4-й донской корпусъ, 3-й конный корпусъ (безъ одной бригады), 2-й кубанскій корпусъ, Сводная кавалерійская дивизія и 2 пластунская бригада.

въ извѣстность объ этомъ во имя дѣла и связывавшаго насъ боевого содружества, онъ отвѣтилъ:

— Вы могли бы подумать, что я подкапываюсь подъ командующаго, чтобы самому сѣсть на его мѣсто.

Май-Маевскій прожилъ въ нищетѣ и забвеніи еще нѣсколько мѣсяцевъ и умеръ отъ разрыва сердца въ тотъ моментъ, когда послѣдніе корабли съ остатками бѣлой арміи покидали Севастопольскій рейдъ.

Личность Май-Маевскаго перейдетъ въ исторію съ суровымъ осужденіемъ...

Не отрицаю и не оправдываю...

Но считаю долгомъ засвидѣтельствовать, что въ активѣ его имѣется, тѣмъ не менѣе, блестящая страница сраженій въ каменноугольномъ раіонѣ, что онъ довелъ армію до Кіева, Орла и Воронежа, что самъ по себѣ фактъ отступленія Добровольческой Арміи отъ Орла до Харькова при тогдашнемъ соотношеніи силъ и общей обстановкѣ не можетъ быть поставленъ въ вину ни арміи, ни командующему.

Богъ ему судья!

ГЛАВА XXV.

Событія въ Закаспіи и на Сѣверномъ Кавказѣ. Взаимоотношенія Юга съ Грузіей и Азербейджаномъ къ началу 1920 г.

Военно-политическое положеніе и операціи на второстепенныхъ театрахъ, не имѣя рѣшающаго значенія въ исходѣ противобольшевицкой борьбы, оказывали на него, тѣмъ не менѣе, весьма существенное вліяніе.

* * *

Съ выходомъ на побережье Каспійскаго моря мы установили болѣе тѣсныя сношенія съ Закаспійскимъ краемъ, вошедшимъ съ вѣдома Верховнаго правителя въ орбиту вліянія власти Юга [1]). Большое государственное значеніе этого края въ россійскомъ масштабѣ—для насъ, въ условіяхъ междуусобной гражданской войны и малаго наличія нашихъ силъ, не могло быть использовано. Съ отходомъ Оренбургской арміи (Восточн. фронта) въ глубь Сибири, для совѣтскихъ войскъ и совѣтской промышленности [2]) открывался свободный путь въ Туркестанъ. Развитіе сколько-нибудь широкихъ операцій въ Средней Азіи было для насъ непосильно, и поэтому закаспійскимъ войскамъ приходилось выполнять болѣе скромную задачу: сохранять занятую часть Закаспія и богатые еще его запасы сырья, поддержать противобольшевицкое движеніе среди туземныхъ народовъ [3]) и препятствовать наступленію большевиковъ къ Красноводску, занятіе котораго открывало бы имъ новый важный транзитный путь (Средне-Аз. жел. дор.—Каспій—Волга) и укрѣпляло бы ихъ положеніе на Каспійскомъ морѣ. Послѣднее было опасно въ особенности, въ виду близости Баку и враждебнаго намъ Азербейджана.

Къ лѣту 1918 г. весь Туркестанскій округъ, при содѣйствіи военно-плѣнныхъ мадьяръ и нѣмцевъ, въ большомъ числѣ поселенныхъ въ краѣ, былъ захваченъ

[1]) Схема — въ главѣ XXIII.
[2]) Хлопокъ, шерсть, кожи и т. д.
[3]) Хива, Бухара, туркмены, текинцы, іомуды и друг.

большевиками. На почвѣ неистовствъ совѣтскихъ властителей въ двадцатыхъ числахъ іюня по линіи Средне-Азіатской жел. дор. вспыхнуло возстаніе: жел.-дор. рабочіе, небольшое число фронтовиковъ и офицеровъ и 2—3 тысячи туркменъ, образовавъ военные отряды, изгнали большевиковъ изъ Красноводска, Кизилъ-Арвата и Асхабада. Нестройное и плохо вооруженное ополченіе это, подъ начальствомъ полковника Уразъ-Сердара (туркменъ), встрѣчая лишь незначительное сопротивленіе со стороны мѣстныхъ большевиковъ, дошло до самаго Чарджуя [1]). Для управленія освобожденной территоріей образовался исполнительный комитетъ въ составѣ представителей рабочихъ организацій и мѣстной интеллигенціи, преимущественно соц.-рев., подъ предсѣдательствомъ машиниста Фунтикова [2]). Намѣренія комитета не были особенно дерзновенны: офиціально онъ ставилъ своею цѣлью «возстановленіе чистыхъ принциповъ совѣтской власти и очищеніе ея отъ негодныхъ элементовъ».

Подъ давленіемъ усилившагося большевицкаго отряда, наступавшаго со стороны Ташкента, подъемъ угасъ, ополченіе покатилось назадъ, растаяло и остановилось невдалекѣ отъ Асхабада. Въ составѣ его было уже только нѣсколько десятковъ русскихъ и совершенно необученныя и недисциплинированныя туркменскія банды.

«Фронтъ» рушился, и потому исполнительный комитетъ обратился за помощью въ Мешхедъ, гдѣ находился небольшой англійскій отрядъ ген. Маллесона. О масштабахъ военныхъ дѣйствій того времени на Средне-Азіатской жел. дор. можно судить по тому факту, что посланное Маллесономъ небольшое количество оружія и 20 сипаевъ дали перевѣсъ асхабадскому ополченію, которое отбросило большевиковъ и укрѣпилось у Каахки, верстахъ въ 120 впереди Асхабада.

Между ген. Маллесономъ и представителемъ исполнительнаго комитета Доховымъ 19 августа 1918 г. былъ заключенъ договоръ отъ имени «британскаго и Закаспійскаго правительствъ». Комитетъ обязался «возстановить спокойствіе и порядокъ въ краѣ и оказать сопротивленіе турко-нѣмецкимъ планамъ военныхъ захватовъ и политическаго господства въ Закаспіи и Туркестанѣ». Маллесонъ обязался предоставить комитету помощь финансовую, оружіемъ, боевыми припасами и войсками. Въ числѣ другихъ пунктовъ договоръ заключалъ обязательство комитета предоставить англичанамъ въ пользованіе портъ Красноводскъ и суда Каспійскаго моря, воспретить вывозъ хлопка, съ цѣлью «воспрепятствовать переходу его въ руки непріятеля» и «въ случаѣ надобности» разрушить желѣзную дорогу.

Политика Маллесона находилась въ полномъ соотвѣтствіи съ общей закавказской политикой англичанъ и обусловливалась необходимостью прикрытія Баку (нефть) и Сѣверной Персіи (протекторатъ) и воспрепятствованія связи совѣтскихъ войскъ съ враждебнымъ Англіи и открывшимъ военныя дѣйствія Афганистаномъ (Мервъ, Кушка, Гератъ). Скорѣе по традиціи, нежели исходя изъ реальной обстановки, дѣятельность англичанъ въ Закаспіи носила характеръ умаленія тамъ русскаго и утвержденія англійскаго вліянія.

Закаспійскія власти попали въ полную зависимость отъ англичанъ. Генералъ Маллесонъ третировалъ комитетъ и распоряжался назначеніемъ его личнаго состава [3]). Онъ поддерживалъ комитетъ, когда существованію послѣдняго грозило

---

[1]) Граница Закаспійской области на Аму-Дарьѣ.

[2]) Разстрѣлянъ большевиками въ 1926 г.

[3]) Въ январѣ 1919 г. подъ давленіемъ англичанъ исполнительный комитетъ (40 человѣкъ) былъ замѣненъ «Комитетомъ общественнаго спасенія» изъ 6 лицъ — трехъ русскихъ, двухъ туркменъ и агента англійской контръ-развѣдки — еврея Дружкина.

очередное большевицкое выступленіе, и одновременно поощрялъ самостійныя устремленія начальниковъ туркменскихъ и іомудскихъ бандъ. Финансовая помощь англичанъ ограничилась предоставленіемъ ссуды въ 500 тыс. индійскихъ рупій, въ обмѣнъ на которыя, по крайне невыгодному для закаспійскаго правительства расчету, послѣднимъ было выдано 12 милліоновъ рублей асхабадскими бонами. Англичане отпустили закаспійцамъ нѣсколько тысячъ ружей, нѣсколько милліоновъ патроновъ и небольшое количество снаряженія. Но самый фактъ участія англійскихъ войскъ оказалъ весьма большое и положительное вліяніе на ходъ событій: въ первыхъ числахъ октября при участіи англичанъ большевикамъ нанесено было пораженіе у ст. Душакъ и въ дальнѣйшемъ, преслѣдуя противника уже самостоятельно, асхабадское ополченіе продвинулось до линіи Мервъ—Кушка, занявъ оба эти пункта. Англійскія войска стали у Мерва (около 2 тыс.) и небольшими гарнизонами въ Асхабадѣ и Красноводскѣ.

Фронтъ держался исключительно англичанами — не столько боями, сколько обаяніемъ англійскаго могущества. Ополченіе вновь начало таять. Мѣстный русскій элементъ былъ и слишкомъ малочисленъ, и мало пригоденъ для организаціи серьезной вооруженной силы. Объявленная мобилизація дала... 17 человѣкъ. Туркмены были ненадежны, и фронтъ понемногу разваливался. Между тѣмъ въ половинѣ ноября Маллесонъ заявилъ комитету, что англійскія войска въ военныхъ дѣйствіяхъ дальше Мерва участвовать не будутъ. Это заявленіе стало извѣстнымъ на фронтѣ и еще болѣе понизило настроеніе.

Такъ дѣло шло до начала апрѣля 1919 г., когда ген. Маллесонъ и послѣдніе эшелоны британскихъ войскъ покинули фронтъ: часть ихъ перешла обратно въ Мешхедъ, другая двинулась въ Красноводскъ, откуда англичане продолжали осуществлять «морской контроль» и вести сепаратныя сношенія съ туземными главарями.

Верховная власть Закаспія, совмѣщая законодательныя и исполнительныя функціи, претерпѣвъ рядъ и организаціонныхъ и личныхъ перемѣнъ, къ веснѣ представлена была «комитетомъ общественнаго спасенія» [1]), офиціальнымъ лозунгомъ котораго стали уже «Великая, Единая, Недѣлимая Россія и полновластное Учредительное Собраніе». Въ качествѣ техническаго аппарата управленія на территоріи въ два уѣзда существовало восемь «министерствъ». Дѣятельность этого правительства, по докладу лица обслѣдовавшаго положеніе въ Закаспіи [2]), сводилась, главнымъ образомъ, къ удовлетворенію потребностей сегодняшняго дня, путемъ выпуска бонъ и вывоза и распродажи безъ всякой системы и учета богатыхъ еще мѣстныхъ запасовъ, не исключая и продовольственныхъ, «ничего за это не получая, кромѣ бакинскихъ бонъ».

Еще осенью 1918 г. исполнительный комитетъ командировалъ въ Добровольческую Армію ген. Савицкаго [3]) «для доклада о нуждахъ Закаспійской области и выясненія возможности ихъ удовлетворенія». Ген. Савицкій и прибывшій ранѣе его въ Екатеринодаръ Е. П. Джунковскій [4]), расширивъ, повидимому, свои полномочія, вошли съ представленіемъ о необходимости установленія государственной связи Закаспія съ властью Юга. Въ результатѣ ген. Савицкій получилъ назна-

---

[1]) Въ апрѣлѣ, послѣ переизбранія на съѣздѣ представителей городск. самоуправл., проф. союз. и сельск. общ. въ составъ комитета вошли Зиминъ (директоръ реальнаго училища), Крутень (ген.), Акимовъ (учит., офиц. военнаго времени) и 2 туркмена — полковники Уразъ-Сердаръ и Хаджи-Муратъ.

[2]) Докладъ начальника гос. контр.

[3]) Бывш. командиръ 2-го турк. корпуса.

[4]) Называлъ себя представителемъ исполн. комитета и туркест. союза по борьбѣ съ большевиками.

ченіе командующимъ войсками Закаспія, но отъ объявленія его главою гражданской власти я воздержался, вручивъ ему лишь соотвѣтствующее предписаніе, которое предстояло использовать съ большой осмотрительностью и лишь въ случаѣ вполнѣ благопріятной обстановки[1]). Предосторожность оказалась не лишней... Посѣтившій по моему порученію Асхабадъ въ мартѣ ген. Эрдели привезъ ходатайство Комитета общественнаго спасенія о подчиненіи мнѣ закаспійскихъ войскъ «со всѣми вытекающими изъ этого послѣдствіями...» Но опубликованіе этого факта, въ виду возможности «внутреннихъ осложненій», откладывалось до «достаточнаго укрѣпленія власти (комитета), финансовой и, если возможно, военной поддержки» со стороны главнаго командованія Юга. Эрдели вынесъ впечатлѣніе, что объявленіе о включеніи Закаспія въ составъ территоріи Юга, въ виду позиціи Азербейджана, Грузіи и англійскаго командованія въ Закавказьи, можетъ повести къ полной изолированности области въ финансовомъ, торговомъ и военномъ отношеніяхъ.

Ген. Савицкій прибылъ въ Асхабадъ въ маѣ съ переброшеннымъ туда небольшимъ отрядомъ и нѣсколькими милліонами денегъ — въ качествѣ командующаго войсками. Былъ встрѣченъ весьма торжественно; но ни по личнымъ своимъ даннымъ, ни по условіямъ обстановки не внесъ никакого измѣненія въ положеніе дѣлъ.

Послѣ ухода съ фронта англичанъ, 21 мая у Мерва большевики разбили закаспійское ополченіе, при чемъ находившіяся въ его рядахъ сводныя части бывш. бичераховскаго отряда сдались въ плѣнъ, а туркмены разбѣжались по домамъ, захвативъ оружіе. 19 іюня въ бою у Каахки ополченіе снова потерпѣло серьезное пораженіе, результатомъ котораго была потеря большого подвижного состава, артиллеріи и боевыхъ припасовъ, сдача Асхабада и дальнѣйшее отступленіе къ Красноводску. Въ отрядѣ оставалось не болѣе 800 бойцовъ, преимущественно офицеровъ, съ одной батареей. Мервскій оазисъ — житница Закаспія — былъ утерянъ.

Эвакуаціи произведено не было, и весь богатый запасъ хлопка и хлопкового масла, скопившійся въ Мервскомъ раіонѣ, достался большевикамъ. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ Комитетъ Спасенія сложилъ съ себя власть и передалъ ее 27 іюня «совѣту министровъ». Такъ какъ къ концу іюля каспійскій отрядъ подходилъ уже къ Кизилъ-Арвату, и территорія, прикрываемая имъ, ограничивалась однимъ Красноводскимъ уѣздомъ, такое громоздкое построеніе управленія стало излишнимъ. Поэтому, 23 іюля власть была передана военному командованію, которому было предписано постепенно сократить администрацію до уѣзднаго масштаба. Общее руководство управленіемъ и военными операціями было возложено на главноначальствующаго Терско-Дагестанскаго края.

Власть Юга получила въ наслѣдіе разоренный, пустынный уѣздъ, пустую казну и клубокъ сложныхъ взаимоотношеній въ конецъ перессорившихся мѣстныхъ дѣятелей. Словомъ — новыя обязанности и нравственную отвѣтственность, при отсутствіи достаточныхъ силъ и средствъ не только для расширенія операціи въ Закаспіи, но и для прочной обороны важнаго въ стратегическомъ отношеніи порта Красноводска. Численность войскъ тамъ, нѣсколько пополненныхъ за счетъ Сѣвернаго Кавказа и снабженныхъ техникой, не превосходила 2½—3 тыс.; за немногими исключеніями составъ ихъ былъ не вполнѣ удовлетворителенъ. Задачей имъ поставлено было прикрытіе и удержаніе Красноводска. Сначала подъ начальствомъ ген. Лазарева, временно замѣщавшаго смѣненнаго Савицкаго, по-

---

[1]) На должность своего помощника по гражд. части ген. Савицкій предназначалъ Джунковскаго.

томъ, съ конца ноября подъ начальствомъ ген. Казановича, Закаспійскій отрядъ медленно отходилъ къ морю. Съ оставленіемъ Кизилъ-Арвата раіонъ, населенный туркменами, перешелъ въ совѣтскую зону, что повлекло за собою поголовное оставленіе ими рядовъ отряда и даже переходъ на сторону большевиковъ. Это обстоятельство ухудшило положеніе, и Закаспійскій отрядъ къ 19 января 1920 г. отошелъ на ближайшія къ Красноводску позиціи.

24 января большевики атаковали Красноводскъ, и наши войска подъ огнемъ непріятельской артиллеріи, неся большія потери (раненъ былъ и командующій войсками ген. Казановичъ) и утративъ дисциплину, при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ начали эвакуацію моремъ въ Петровскъ.

Оставленіе Красноводска явилось тяжелымъ событіемъ для русскаго противобольшевицкаго населенія края и его защитниковъ, но на стратегическое положеніе Вооруженныхъ силъ Юга уже особенно повліять не могло.

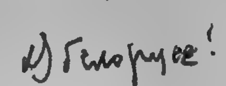
* *
*

Сѣверный Кавказъ попрежнему представлялъ изъ себя кипящій котелъ. На югѣ Ставропольской губерніи и въ раіонѣ Кизляра бродили партіи «камышанъ» (зеленыхъ) и большевицкія банды... На Терекѣ шли кровавые пограничные споры съ чеченцами и ингушами, и временами подымали голову мѣстные городскіе большевики, осмѣлѣвшіе послѣ вывода терскихъ гарнизоновъ на фронтъ... Въ Осетіи и Кабардѣ нападенія керманистовъ, балкарцевъ и просто разбойничьихъ шаекъ оставались явленіемъ обычнымъ, бытовымъ... Въ іюнѣ подняла возстаніе Ингушетія; оно было подавлено въ теченіе недѣли. Но усмиреніе загнало лишь «болѣзнь» внутрь. Комиссія, объѣзжавшая край съ цѣлью изслѣдованія его хозяйственно-экономическаго положенія, какъ на одну изъ причинъ волненій, указывала на бѣдственное положеніе нагорной Ингушетіи, потерявшей пастбища и пахотныя земли, которыя снимались раньше въ аренду у терскихъ казаковъ, и отрѣзанной враждебными станицами отъ рынка — Владикавказа. Споръ старый, кровавый, который нельзя было разрѣшить скоро и безболѣзненно...

Но если въ указанныхъ раіонахъ внутренняя борьба носила характеръ локальный и велась «мѣстными средствами», иначе обстояло дѣло въ Чечнѣ и Дагестанѣ. Области эти становились новыми театрами войны, отвлекая на себя крупныя по нашему масштабу силы. Это было тѣмъ болѣе опасно, что Чеченско-Дагестанскій театръ находился въ клещахъ подъ возможными ударами — съ сѣвера, отъ Астрахани большевиковъ, съ юга — сохранявшаго вооруженный нейтралитетъ Азербейджана.

Во второй половинѣ іюня въ нагорномъ Дагестанѣ вспыхнуло возстаніе, поднятое Али-Хаджи. Въ теченіе мѣсяца шли бои. Войска петровскаго отряда взяли штурмомъ непокорные аулы, и 11 іюля въ Темиръ-Ханъ-Шуру прибыла делегація Али-Хаджи съ просьбой о мирѣ и съ заявленіемъ, что вождь ихъ «введенъ былъ въ заблужденіе». Нѣкоторое время онъ дѣйствительно оставался лойяльнымъ, но затѣмъ, подъ вліяніемъ бакинскихъ субсидій, началъ враждебныя дѣйствія опять, раздѣляя вліяніе съ другимъ вождемъ — турецкимъ эмиссаромъ Кіазимъ-беемъ.

Въ серединѣ августа болѣе серьезное возстаніе поднято было въ горной Чечнѣ шейхомъ Узунъ-Хаджи. Онъ подымалъ народъ, разжигая національно-религіозную вражду, въ то время какъ его сообщники — Шериповъ и выходецъ изъ Грузіи Гикало, — вели большевицкую пропаганду, направляемую изъ Астрахани. Силы Узунъ-Хаджи вскорѣ возросли до 1½ тыс. при 4 оруд., а первые успѣхи,



одержанные надъ мелкими нашими отрядами, окрылили надеждами и усилили авторитетъ шейха. Основной составъ шаекъ Узунъ-Хаджи вербовался изъ бездомнаго и преступнаго мѣстнаго элемента, бѣглецовъ изъ Ингушетіи, Дагестана, красноармейцевъ — остатковъ разбитыхъ нѣкогда 11, 12 сов. армій. Дальнѣйшее увеличеніе силъ достигалось при помощи насильственной мобилизаціи, временами доводившей численность повстанцевъ до 4—5 тысячъ. Методы, примѣнявшіеся для поднятія ауловъ, были суровы и элементарны: Узунъ-Хаджи убивалъ отступниковъ, бралъ ихъ добро и жегъ ихъ сакли. Такой участи подвергались иногда цѣлые непокорные аулы. Въ темномъ краѣ, гдѣ личныя вліянія враждебныхъ обыкновенно другъ другу шейховъ, имамовъ и муллъ подмѣняли подлинно народныя движенія, авторитетъ Узунъ-Хаджи былъ неодинаковъ: въ плоскостной Чечнѣ къ нему отнеслись враждебно, въ нагорной — одни видѣли въ немъ святого, дѣйствующаго по волѣ Аллаха, другіе смотрѣли на предпріятіе шейха, какъ на возможность хорошо пограбить.

Началась настоящая война, въ которой на нашей сторонѣ было вооруженное ополченіе почти всей плоскостной Чечни, поднятое предсѣдателемъ чеченскаго національнаго совѣта, Ибрагимомъ Чуликовымъ.

Въ теченіе августа Узунъ-Хаджи, укрѣпившись въ Ведено и дѣйствуя съ большой энергіей, одержалъ рядъ серьезныхъ успѣховъ и спустился съ горъ, угрожая Грозному. Эти успѣхи отозвались и въ Дагестанѣ, который къ началу сентября снова почти весь былъ объятъ возстаніемъ. Вооруженныя шайки держали подъ постоянной угрозой Темиръ-Ханъ-Шуру — административный центръ области, Петровскъ — базу нашего Каспійскаго флота и весь тылъ нашей астраханской группы; повстанцы овладѣли Дербентомъ, изъ-за котораго три недѣли шли бои — не разъ на улицахъ города, подвергавшагося къ тому же обстрѣлу съ моря судовой артиллеріей.

* * *

Борьба на Сѣверномъ Кавказѣ была явно безсмысленна и губительна для обѣихъ сторонъ, и является поэтому вопросъ, какія же условія питали ее.

Почва для народнаго неудовольствія была подготовлена многообразными причинами: тяжелое экономическое положеніе, темнота массъ, бытовые навыки, острая вражда между горцами и терцами, несправедливость и поборы мѣстной туземной администраціи, въ Дагестанѣ — насилія, чинимыя войсками и чинами флота и т. д., и т. д.

Перманентное волненіе, въ свою очередь, не давало возможности перейти къ мирнымъ методамъ сожительства и устранить опасное и тяжелое вмѣшательство регулярныхъ войскъ въ жизнь Чечни и Дагестана, какъ это было достигнуто въ лойяльныхъ къ намъ Осетіи и Кабардѣ.

Но никогда на почвѣ внутреннихъ неурядицъ это движеніе не могло бы разростись въ настоящую войну безъ внѣшнихъ побудительныхъ факторовъ, при отсутствіи которыхъ мы, въ худшемъ случаѣ, имѣли бы съ Чечней и Дагестаномъ «худой миръ», хотя бы такой, какъ съ Ингушетіей.

Послѣ крушенія «горскаго правительства» и «парламента» (май 1919 г.), бѣжавшіе изъ Дагестана горскіе главари нашли пріютъ въ Азербейджанѣ и Грузіи. Тамъ они образовали три «полномочныхъ» горскихъ представительства: 1) Джабагіева и 2) Ахмедъ ханъ Матушева — въ Баку, 3) Ахмеда Цаликова — въ Тифлисѣ. Осенью 1919 г. къ нимъ присоединился еще «Совѣтъ обороны Сѣвернаго Кавказа» въ с. Леваши, предсѣдатель котораго Али-Хаджи въ своемъ воззваніи

хулилъ бывшій парламентъ и правительство, которые «не выполнили своихъ обязанностей передъ народомъ и позорно оставили страну безъ защиты».

Болѣе шумно, чѣмъ другіе, проявлялъ свою дѣятельность тифлисскій комитетъ Цаликова, именовавшій себя «меджилисомъ горской республики», вступавшій въ «дипломатическія» сношенія съ Закавказскими новообразованіями, съ Турціей и иностранными представителями, которыхъ комитетъ засыпалъ нотами протеста противъ «тираніи Добровольческой Арміи». Этимъ же цѣлямъ служила издававшаяся имъ газета «Вольный Горецъ».

Вліяніе меджилиса замѣчалось исключительно въ Чечнѣ и Дагестанѣ. Ингушетія охотно пріобрѣтала черезъ меджилисъ оружіе и боевые припасы, но отъ выполненія активныхъ порученій его уклонялась. Осетія, Кабарда и другіе округа, числившіеся въ составѣ «Горской Республики», ни ея, ни меджилиса не признавали.

Горскія организаціи получали средства съ трехъ сторонъ — отъ Турціи, Азербейджана и Грузіи — являясь одновременно орудіемъ политики трехъ различныхъ направленій. Неясны отношенія ихъ къ четвертой сторонѣ — совѣтской власти, но личность главарей — Цаликова (чеченецъ), Джабагіева (ингушъ) и др., насаждавшихъ въ свое время (конецъ 1918 г.) совѣтскую власть въ горскихъ округахъ, не исключаетъ и этой возможности.

Положеніе «меджилисовъ» было поистинѣ труднымъ. Эрзерумъ (правительство Кемаль-паши), при помощи посѣщавшаго часто Баку и оказывавшаго сильное вліяніе на азербейджанское правительство Нури-паши, проводилъ идею панисламизма и пантюркизма. Азербейджанъ, поддерживая первую идею, не съ такимъ ужъ пыломъ относился ко второй, предпочитая союзъ—вассальной зависимости и открыто ставя ближайшей своей цѣлью «присоединеніе родственнаго Дагестана».

Грузія питала большой страхъ передъ планами Нури-паши, грозившими въ ближайшемъ будущемъ окружить и залить ее волною мусульманскаго фанатизма. Поэтому она наиболѣе прямолинейно поддерживала идею образованія «независимой горской республики», стремясь создать изъ нея буферъ противъ Россіи. Наконецъ, совѣтская власть разжигала ненависть противъ «Добровольцевъ», не оглашая своихъ и безъ того ясныхъ политическихъ цѣлей.

Въ этомъ послѣднемъ чувствѣ сошлись всѣ потентаты. Содѣйствіе ихъ возстанію было широко, почти открыто и заключалось въ пропагандѣ, деньгахъ, оружіи и въ подкупѣ вліятельныхъ людей. Азербейджанъ посылалъ своихъ и турецкихъ офицеровъ въ качествѣ инструкторовъ и командпаго состава преимущественно въ Дагестанъ. Грузія отправляла партизанскіе отряды изъ плѣнныхъ красноармейцевъ, грузинскій «легіонъ», десятки офицеровъ-инструкторовъ, подъ общимъ начальствомъ ген. Кереселидзе, главнымъ образомъ, въ Чечню [1]). Меджилисъ назначилъ Кереселидзе «верховнымъ главнокомандующимъ войскъ горской республики...» Али-Хаджи и Узунъ-Хаджи были признаны закавказскими правительствами въ качествѣ полномочныхъ начальниковъ Чечни и Дагестана.

И Грузія, и Азербейджанъ обратились къ иностраннымъ миссіямъ, прося ихъ поддержать «національное движеніе народовъ горской республики». По этому поводу Гегечкори писалъ лицемѣрно: «... правительство Грузіи съ тревогою слѣдитъ за этими событіями и не можетъ оставаться къ нимъ безучастнымъ, такъ

[1]) Было установлено въ отрядахъ повстанцевъ наличіе и германскихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ. Мнѣ неясно — было ли это результатомъ германо-турецкаго альянса и берлинской политики или мы имѣли дѣло просто съ ландскнехтами.

какъ разростающаяся по сосѣдству анархія явится угрозой государственному порядку и общественному спокойствію Грузинской республики[1]).

На нашей сторонѣ оказалась всецѣло англійская военная миссія ген. Хольмана. Командированный ею въ Дагестанъ полк. Роулинсонъ обратился къ горскимъ народамъ съ призывомъ подчиниться власти Вооруженныхъ силъ Юга. Онъ говорилъ, что «возстаніе горцевъ не есть національное движеніе» и что «противодѣйствіе ген. Деникину будетъ разсматриваться, какъ актъ недоброжелательства къ союзникамъ». Это его воззваніе произвело большое впечатлѣніе на Кавказѣ, но не надолго: вскорѣ было опубликовано въ газетахъ письмо верховнаго комиссара Англіи въ Закавказьи Уордропа на имя министра иностр. дѣлъ Грузіи Гегечкори, въ которомъ указывалось, что мысли Роулинсона совершенно не выражаютъ воззрѣній британскаго правительства... Гегечкори на съѣздѣ народной гвардіи заявилъ прямо: «не въ интересахъ Англіи включать Закавказье въ предѣлы Россіи».

Двѣ руки...

Я не буду останавливаться на ходѣ военныхъ операцій, имѣвшихъ характеръ «малой войны» — затяжной, изнурительной и неизбѣжно жестокой. Въ конечномъ результатѣ, въ теченіе октября главныя банды повстанцевъ были разгромлены, предводители ихъ перессорились между собой, и движеніе явно пошло на убыль, претворившись въ хроническое состояніе броженія, проявлявшагося неорганизованными и несерьезными выступленіями. Тѣмъ не менѣе, военно-политическая обстановка на Кавказѣ имѣла своими ближайшими послѣдствіями срывъ нашей операціи противъ Астрахани и удержаніе на Сѣверномъ Кавказѣ отъ 10 до 15 тыс. бойцовъ.

Подъ вліяніемъ противоположныхъ идей, брошенныхъ въ гущу темныхъ племенъ — національзма, большевизма, панисламизма и пантюркизма — поднятое ими движеніе потеряло опредѣленныя формы и всякій подъемъ. Только на верхахъ установилось прочное тяготѣніе, при томъ довольно неожиданное: глава наиболѣе широкаго и опаснаго движенія Узунъ-Хаджи обратился къ кумыкамъ съ воззваніемъ, въ которомъ, именуя себя «членомъ комиссіи Всероссійскаго центральнаго исполнительнаго комитета», говорилъ:

> «Находя, что для блага мусульманъ всего міра необходимо работать совмѣстно съ совѣтской Россіей, Имамъ Узунъ-Хаджи, совмѣстно съ представителями совѣтской Россіи, имѣлъ совѣщаніе и пришли къ соглашенію, что Узунъ-Хаджи будетъ исполнять временно обязанности Верховнаго Правителя Сѣвернаго Кавказа и всѣхъ мусульманскихъ вооруженныхъ силъ, и остатки 11 и 12 красныхъ армій временно подчиняются Имаму Узунъ-Хаджи. На этихъ основаніяхъ Узунъ-Хаджи уже давно принялся за работу и уже побѣда, можно считать, на его сторонѣ, ибо всюду мусульмане поднялись на своихъ вѣковыхъ угнетателей — монархистовъ Кавказа».

Совѣтское золото оказалось полновѣснѣе...

* * *

Всѣ усилія моего представителя въ Закавказьи ген. Баратова — сдвинуть вопросъ о примиреніи съ мертвой точки — не увѣнчались успѣхомъ. Попрежнему грузинская и азербейджанская печать, не исключая офиціальной, съ исключительной злобой и сквернословіемъ обрушивалась на «Добровольческую Армію»[2]); без-

---

[1]) Нота отъ 2 октября.

[2]) Какъ я уже говорилъ раньше, этотъ терминъ обнималъ обыкновенно — правленіе, командованіе, армію, вообще Южное движеніе.

возбранно и открыто велась пропаганда борьбы съ «Деникинской опасностью», и видные большевики, бѣжавшіе съ Сѣвернаго Кавказа, пользовались гостепріимствомъ и свободой дѣйствій въ Тифлисѣ.

31 августа, проѣзжая по улицѣ столицы въ автомобилѣ, ген. Баратовъ подвергся нападенію злоумышленниковъ. Взрывомъ двухъ бомбъ онъ былъ тяжело раненъ въ ногу, которую пришлось ампутировать...[1]). Достойно вниманія, что глава этой шайки, видный большевикъ Эльбакидзе состоялъ въ Азербейджанской контръ-развѣдкѣ, сплошь заполненной большевиками, организовавшими также неудавшееся покушеніе (адская машина) и на миссію нашу въ Баку.

Въ сентябрѣ 1919 г. я счелъ себя вынужденнымъ вновь напомнить англійской миссіи ея обязательство, предложивъ «обезпечить мой тылъ безъ кровопролитія, проведя мирнымъ путемъ всѣ необходимыя для меня мѣры». Въ противномъ случаѣ я оставлялъ за собой свободу дѣйствій[2]).

Англичане не помогли.

Вслѣдствіе непрекращавшагося враждебнаго отношенія Грузіи и Азербейджана, въ ноябрѣ я отозвалъ офиціально миссію генерала Баратова изъ Тифлиса и нашего военнаго представителя изъ Баку[3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, мною приняты были рѣшительныя мѣры къ дѣйствительному осуществленію закрытія нашихъ южныхъ границъ и экономической блокады — мѣры, особенно чувствительныя для Грузіи, которую въ томъ году постигъ неурожай.

Обстановка складывалась вообще неблагопріятно для обоихъ новообразованій. Направленіе, которое стало принимать возстаніе горцевъ, и пронесшаяся по Грузіи волна большевицкихъ выступленій, заставили грузинскихъ правителей призадуматься... Полный разгромъ азербейджанской арміи, нанесенный ей въ началѣ ноября армянскими партизанами въ Зангезурѣ, показалъ все ничтожество ея въ боевомъ отношеніи и въ то же время тщетность надеждъ на активное заступничество Турціи...[4]).

Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ съ неудачей чеченско-дагестанскаго возстанія, побудили и Грузію и Азербейджанъ измѣнить свою аггрессивную политику, прежде всего въ отношеніи Арменіи. Грузія заключила съ Арменіей два договора — объ обязательномъ арбитражѣ и о безпошлинномъ транзитѣ грузовъ... Зангезурскій округъ былъ отданъ фактически въ руки армянъ. Также измѣнилось нѣсколько отношеніе къ В. С. Ю. Р. Грузинское правительство отозвало изъ Чечни ген. Кереселидзе и своихъ офицеровъ; появилось офиціальное распоряженіе Уссубекова[5]) о прекращеніи дальнѣйшаго отправленія боевыхъ припасовъ въ Дагестанъ; наконецъ, къ иностраннымъ представителямъ поступила «нота» отъ меджилиса съ жалобой на Грузію и Азербейджанъ за ихъ «безучастіе къ возстанію горцевъ...»

Мы плохо вѣрили этимъ оказательствамъ миролюбія, усматривая въ нихъ только инсценировку.

Въ началѣ ноября вновь получено было сообщеніе изъ Тифлиса о предстоящей посылкѣ въ Таганрогъ грузинской миссіи «для установленія дружественныхъ отношеній». Предварительно прибылъ въ Ростовъ частнымъ образомъ кн. Тумановъ «зондировать почву». Со словъ Туманова грузины увѣряли впослѣдствіи англичанъ, что ему предъявлены были «четыре предварительныхъ условія» для

---

[1]) При этомъ покушеніи былъ легко раненъ и груз. генералъ Одишелидзе.

[2]) Нота отъ 15 сентября.

[3]) Полк. Палицынъ состоялъ офиціально представителемъ при англійской миссіи въ Баку. Неофиціально чины миссіи въ Тифлисѣ оставались.

[4]) Азербейджанъ выручило только вмѣшательство англичанъ.

[5]) Азербейджанскій премьеръ.

пріема делегаціи. Повидимому, вышло недоразумѣніе, такъ какъ къ тому времени я ставилъ лишь одно условіе — очистить Сочинскій округъ, отведя грузинскія войска за р. Бзыбь.

Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ миссія не появлялась и, когда въ началѣ января выяснилось недоразумѣніе и для прибытія делегаціи не ставилось никакихъ условій, мы получили изъ Тифлиса докладъ: «теперь, въ виду нѣкоторой перемѣны политическаго положенія, въ связи съ успѣхами большевиковъ и признаніемъ Заказказскихъ правительствъ, вопросъ о посылкѣ (грузинами) делегаціи задерживается».

Около того же времени (декабрь) и Азербейджанъ впервые отъ начала своего существованія сдѣлалъ нѣкоторые шаги къ сближенію со своимъ сѣвернымъ врагомъ: три члена новаго кабинета Уссубекова, во главѣ съ Ханомъ Хойскимъ вступили въ переговоры съ предсѣдателемъ Русскаго нац. сов. въ Баку, М. Ф. Подшибякинымъ о возможности соглашенія съ Вооруженными силами Юга на почвѣ «предоставленія Добровольческому флоту бакинскихъ доковъ, возстановленія почтово-телеграфнаго сообщенія, установленія товаро-обмѣна и активнаго военнаго сотрудничества въ борьбѣ съ большевиками на сторонѣ Добровольческой Арміи».

Неизвѣстно, какой оборотъ приняли бы эти запоздалые шаги, если бы къ тому времени не послѣдовало значительное ухудшеніе на фронтѣ: арміи наши въ концѣ декабря отступили за Донъ, и это обстоятельство, повергнувъ закавказскія образованія въ большую тревогу, измѣнило вновь ихъ политику.

Съ начала января возобновились усиленные переговоры бакинской и тифлисской радіостанцій съ Астраханью и Москвой. Что говорилъ Тифлисъ, намъ не было тогда извѣстно. Только впослѣдствіи въ книгѣ Авалова [1]) я прочелъ, что на предложеніе совмѣстныхъ дѣйствій противъ Добровольческой Арміи «Гегечкори отвѣтилъ ссылкой на невозможность для Грузіи принять участіе въ гражданской войнѣ, раздирающей Россію». Бакинскіе же разговоры не были для насъ тайной. Синтезъ ихъ изложенъ въ перехваченномъ 29 января радіо новаго министра иностранныхъ дѣлъ Хана Хойскаго на имя Чичерина. «Ханъ Хойскій — доносилъ ставкѣ штабъ командующаго Терско-Дагестанской области — опровергаетъ упреки, сдѣланные Чичеринымъ Азербейджану въ терпимости по отношенію къ Добровольческой Арміи, при чемъ опредѣленно заявляетъ, что правительство Азербейджана всегда, всѣми доступными ему средствами оказывало горцамъ поддержку и добивалось удаленія силъ Добровольческой Арміи изъ ихъ территоріи. Министръ выражаетъ сожалѣніе, что ни въ одной телеграммѣ Чичерина нѣтъ признанія независимости Азербейджана. Указывая на признаніе независимости Польши, Финляндіи и Эстоніи, Ханъ Хойскій заявляетъ, что переговоры могутъ происходить лишь на основаніи безусловнаго признанія независимости Азербейджана».

Совѣтское правительство, не предрѣшая этой политической дилеммы, настаивало на своемъ планѣ, предложенномъ еще осенью: захватъ совѣтскими арміями Царицына, Петровска, Красноводска, Дербента и по овладѣніи, такимъ образомъ, Каспійскимъ моремъ, ударъ въ тылъ Вооруженнымъ силамъ Юга совмѣстно съ арміями Грузіи и Азербейджана... Азербейджанское правительство соглашалось на союзъ, товарообмѣнъ и помощь совѣтской Россіи живой силой, но при условіи, что территорія Азербейджана «останется запретной, какъ для военныхъ силъ Добровольческой Арміи, такъ и совѣтской Россіи...» [2]).

---

[1]) «Независимость Грузіи».

[2]) Условія, выработанныя Катабековымъ, предс. партіи Иттихатъ.

Ни Грузія, ни Азербейджанъ послѣдняго шага, однако, не сдѣлали.

Въ концѣ января Грузинское правительство, какъ увидимъ ниже, посодѣйствовало все же «зеленой арміи» Вороновича въ ея операціи противъ главной нашей базы Новороссійска; по всей вѣроятности — съ цѣлью умилостивить ту грозную силу, что надвигалась съ сѣвера и угрожала смести бытіе Закавказскихъ республикъ.

Ибо рушилась уже та единственная мощная преграда, которая обусловливала ихъ непродолжительное самостоятельное существованіе, спасая отъ затопленія красной волной.

ГЛАВА XXVI.

Событія на Черноморскомъ побережьи (зеленые). Фронтъ Новороссіи и разгромъ Петлюры.

Слѣдующій изъ второстепенныхъ театровъ — Черноморскій.

Грузины оставались на Механдыри, не проявляя активности. Между нашими линіями установилось неопредѣленное положеніе «ни мира, ни войны», прерываемое временами частными пограничными столкновеніями, вызванными взаимнымъ недовѣріемъ и подозрительностью.

На Черноморскомъ побережьи съ лѣта 1919 и до весны 1920 гг. намъ приходилось держать отрядъ силою разновременно отъ 2½ до 6½ тыс. Назначеніемъ его было обезпеченіе Черноморскаго побережья и нашей главной базы — Новороссійска не только отъ вторженія грузинъ, но и отъ «зеленыхъ», съ теченіемъ времени ставшихъ бѣдствіемъ для края и серьезной угрозой нашему тылу. Они состояли неизмѣнно подъ особливымъ покровительствомъ Грузіи, предоставлявшей пріютъ, помощь и свободу дѣйствій возглавлявшимъ ихъ организаціямъ.

Руководители и апологеты этого движенія въ Черноморьи стараются его идеализировать и приписываютъ возникновеніе его всецѣло «недемократичности», грѣхамъ и беззаконіямъ Добровольческой Арміи. Взглядъ и узкій, и несправедливый. Къ великому сожалѣнію, окружная администрація Черноморской губ. оказалась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ корыстной и преступной; войска злоупотребляли не разъ реквизиціями; контръ-развѣдка вносила своими дѣйствіями элементъ произвола; карательныя экспедиціи были суровы. Все это правда. Но, съ другой стороны, въ Черноморьи болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, по бытовымъ и историческимъ условіямъ власть встрѣчала противодѣйствіе населенія во всѣхъ законныхъ и естественныхъ требованіяхъ. Кары и репрессіи вызывались тяжелой необходимостью — тѣмъ обстоятельствомъ, что населеніе знало хорошо свои права, но рѣшительно уклонялось отъ всякихъ тяготъ и повинностей государственныхъ.

Родоначальникомъ зеленыхъ былъ элементъ уголовный и бѣглые красноармейцы, скрывавшіеся отъ красныхъ и отъ бѣлыхъ, боясь кары. Съ осени 1918 г. они населяли районы бывшихъ боевъ — наиболѣе пересѣченные, удобные для укрытія, засадъ и нападеній. Безбрежныя плавни Тамани, густыя лѣсныя заросли Черноморскаго побережья и предгорій южной Кубани, камыши Свято-Крестовскаго района (Ставропольской губ.) опредѣляли разселеніе зеленыхъ географически.

Знаменательно, что главными районами дѣйствій зеленыхъ были какъ разъ тѣ, которые наименѣе испытали гнетъ совѣтскаго режима. Трижды происходившія смѣны власти на Тамани и четырежды въ Черноморьи, широкая пропаганда

кубанскихъ самостійниковъ и явное попустительство ихъ дезертирству — расширяли контингентъ вольныхъ и случайныхъ участниковъ зеленаго движенія.

Наконецъ, Черноморская губ. по преимуществу служила издавна этапомъ или пристанищемъ для разнаго бездомнаго, вольнаго, бродячаго люда, находившагося въ постоянной коллизіи съ закономъ, властью и обществомъ.

Добывали зеленые оружіе и патроны изъ числа припрятаннаго на мѣстахъ ушедшими съ фронта солдатами, путемъ нападенія на мелкія воинскія команды и регулярнымъ порядкомъ — отъ грузинскихъ властей. Ходили они малыми группами или большими организованными партіями, жили грабежомъ и встрѣчали отпоръ, не разъ вооруженный, со стороны мѣстнаго населенія. Мало-по-малу, однако, воровской промыселъ становился все труднѣе и опаснѣе, а притокъ недовольнаго мѣстнаго люда устанавливалъ связи съ населеніемъ. И чисто бунтарское движеніе, не мѣняя своей внутренней сущности — уклоненія отъ голодной трудовой жизни или отъ суда и наказанія и прежде всего, больше всего отъ воинской повинности — принимало внѣшній обликъ борьбы за «попранныя права народа», за «свободу» . . . Свободу — оставаться безучастнымъ въ происходящей междуусобной борьбѣ. Это уклоненіе оказалось невозможнымъ.

Насколько далеко было отъ идеальныхъ побужденій въ своихъ стремленіяхъ и цѣляхъ зеленое движеніе, настолько же опредѣленна была его практика, въ общемъ мало отличавшаяся отъ практики махновщины, атаманщины и просто бандитизма. Зеленые устраивали крушенія поѣздовъ, грабили пассажировъ, брали заложниковъ; производили набѣги на мирныя деревни и поселки, угоняя скотъ, захватывая добро, производя насильственныя мобилизаціи и убивая сопротивляющихся. «Свобода» получала однобокое толкованіе. И, ударяя однимъ концомъ по власти, другимъ зеленые больно били по населенію, въ особенности въ Черноморьи, которое жило подвозомъ, и безъ того до крайности затрудненнымъ кубанскими рогатками, а теперь, въ силу отсутствія элементарныхъ условій безопасности, паралича сообщеній и товарнаго оборота, было терроризовано и обречено на голодъ.

Нужно отмѣтить, что чисто мѣстные зеленые крестьянскіе отряды Черноморья были значительно человѣчнѣе, чѣмъ пришлые и чѣмъ ихъ собратья на Украинѣ и Тамани.

Движеніе это на Югѣ было использовано политическими группировками, старавшимися привить ему, хотя бы внѣшне, свою идеологію, въ двухъ направленіяхъ. Кубанскіе зеленые [1]) попали всецѣло подъ вліяніе и руководство «Екатеринодарскаго комитета россійской коммунистической партіи» и влились въ общее большевицкое русло. Это вліяніе съ осени 1919 г. раздѣлялось между большевиками и самостійными дѣятелями кубанской рады [2]), вначалѣ предполагавшими использовать зеленую армію для утвержденія самостійности Кубани, потомъ мало-по-малу склонившимися къ пріятію большевизма и мечтавшими заслужить расположеніе совѣтской власти.

Черноморскіе зеленые попали въ руки соціалистической демократіи, въ лицѣ «Соціалистическаго блока Сочинской думы», «Черноморскаго крестьянскаго комитета», позднѣе «Комитета освобожденія Черноморья». За этими учрежденіями стояла реальная помощь Грузіи и тайное вліяніе совѣтской Россіи. Оттого воз-

---

[1]) Организація именовалась «Штабъ Кубанско-Черноморской Зеленой Совѣтской арміи».

[2]) Нѣкоторые члены Рады занимались гласно сборомъ денегъ и продуктовъ для зеленоармейцевъ. Наиболѣе активное участіе принимали Шеховцевъ, Пилюкъ, Крикунъ, братья Рябоволы и друг.

главленіе зеленыхъ здѣсь, невзирая на преобладаніе соц.-рев., лишено было опредѣленной политической физіономіи, объединяясь лишь во враждебномъ чувствѣ къ Добровольческой Арміи. Въ организаціи нашли мѣсто большевикъ Цвангеръ, извѣстный «сенаторъ» Соколовъ, пребывавшій въ Тифлисѣ, члены «Комуча» соц.-рев. Филипповскій и Сорокинъ, имѣвшіе уже за собою печальный опытъ на Волгѣ, грузинъ Джанашія, новоявленный народный печальникъ, ротмистръ гвардіи Вороновичъ и другіе представители русскаго соціализма, грузинскаго шовинизма, московскаго большевизма и внѣнаціональнаго авантюризма. Поэтому, «Комитетъ освобожденія», устанавливая заднимъ числомъ идеологію зеленыхъ, страдалъ нѣкоторымъ косоглазіемъ. Комитетъ «обращалъ свои взоры въ сторону демократической Грузіи», съ которой его соединяла «общая опасность и общая вѣрность революціи», и «въ творчествѣ демократической государственности» которой онъ видѣлъ «прообразъ грядущей свободной жизни». И въ то же время Комитетъ заглядывалъ въ сторону Москвы, съ которой Черноморье «объединено стремленіемъ къ одной и той же конечной цѣли — соціализму, а въ данный моментъ еще и общей борьбой противъ общаго врага — Добровольческой Арміи...» Они не хотятъ власти коммунистовъ, но... «мы съ замираніемъ сердца слѣдимъ за разыгрывающейся гигантской борьбой между совѣтской арміей и реакціонными полчищами Деникина и радуемся каждому успѣху совѣтскихъ войскъ. И съ нетерпѣніемъ ожидаемъ мы того великаго историческаго момента, когда подъ нашими ударами рухнетъ реакція, и на всемъ пространствѣ Россіи восторжествуетъ власть трудового народа» [1]).

Что обѣщали они — эти «черноморскіе крестьяне» — Филипповскій, Вороновичъ, Сорокинъ и другіе крестьянамъ Черноморья? Изгнаніе Добровольцевъ и «образованіе Черноморской демократической республики» впредь до вхожденія ея въ свободный союзъ народовъ «Россійской федеративной республики...» Въ качествѣ союзниковъ для осуществленія этой цѣли они указывали на англійское командованіе, которое должно было «нейтрализовать Сочинскій округъ»; на Грузію и Кубань; на «всю трудовую демократію Россіи, Европы и Америки»; наконецъ, на совѣтъ народныхъ комиссаровъ, которому предлагалось самоупраздниться и «образовать коалиціонное соціалистическое правительство...»

При мощномъ содѣйствіи всѣхъ этихъ факторовъ, въ благословенномъ природой Черноморьи должно было возникнуть свободное государство, не знающее войны, мобилизацій, повинностей и налоговъ...

Романтика или нѣчто гораздо худшее?

Небезынтересно, что мѣстныя легальныя соціалистическія организаціи Черноморья въ Новороссійскѣ временно устранились отъ политической борьбы и направили свою работу исключительно въ сторону улучшенія экономической жизни края.

* * *

Первая мобилизація послужила главнымъ толчкомъ къ возстанію зеленыхъ. Въ апрѣлѣ 1919 г., одновременно съ наступленіемъ грузинъ, нашъ фронтъ былъ атакованъ и зелеными, группировавшимися главными силами въ раіонѣ села Пластунскаго. Возстаніе было вскорѣ подавлено. Но повсемѣстныя неорганизованныя нападенія зеленыхъ не прекращались и въ концѣ іюля заставили насъ принять болѣе серьезныя мѣры: вооруженныя силы были увеличены за счетъ третьеочередныхъ кубанскихъ частей, общее командованіе войсками Черноморья и со-

---

[1]) Изъ «обращеній» комитета: 1) къ грузинскому народу, и 2) къ совѣту народныхъ комиссаровъ. Декабрь 1919 г.

сѣднихъ кубанскихъ отдѣловъ было объединено въ рукахъ ген. Добророльскаго, и начались правильныя операціи по окруженію и очисткѣ раіоновъ возстанія. Эти операціи увѣнчались успѣхомъ, и движеніе къ октябрю пошло совсѣмъ на убыль, тѣмъ болѣе, что наступившіе холода сильно разрѣдили ряды зеленыхъ, расходившихся по домамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ начала, было, налаживаться нѣсколько хозяйственная жизнь края.

Такой оборотъ дѣла не входилъ въ разсчетъ революціонной демократіи. Усердіемъ Черноморскаго «Крестьянскаго комитета» 5-го ноября въ Гаграхъ, въ раіонѣ оккупаціи грузинъ и подъ ихъ покровительствомъ былъ собранъ «Делегатскій съѣздъ Черноморскаго крестьянства», на которомъ былъ избранъ «Комитетъ освобожденія» — во главѣ съ Самаринымъ-Филипповскимъ и «главный штабъ» — во главѣ съ Вороновичемъ, которому поручено было организовать «крестьянское ополченіе». Комитетъ рѣшилъ, что «единственный способъ освободить Черноморье отъ тираніи — это вооруженная борьба съ Деникинымъ» [1]. Предстояло лишь выбрать наиболѣе благопріятный моментъ для открытія военныхъ дѣйствій и «изгнать Добровольцевъ». Дальнѣйшій ходъ событій Комитету и, въ частности, Вороновичу, представлялся въ такомъ видѣ: «у насъ будетъ тогда обширная территорія (?), все населеніе которой твердо рѣшило бороться со всякими попытками насильственнаго подчиненія края какой бы то ни было чуждой ему власти. А естественныя, трудно доступныя границы Черноморья позволятъ намъ съ незначительными силами обороняться отъ наступленія враговъ. Большевики не рѣшатся на такую борьбу, ибо у нихъ въ тылу останется Кубань, гдѣ къ тому времени неизбѣжно вспыхнутъ антибольшевицкія возстанія казаковъ...» [2].

И снова невольно напрашивается вопросъ: романтика или нѣчто гораздо худшее?..

Между тѣмъ, къ началу декабря, въ виду тяжелаго положенія на нашемъ фронтѣ, всѣ силы, которыя только можно было снять съ второстепенныхъ театровъ, были переброшены на сѣверъ. Туда же была направлена 2-я дивизія, стоявшая издавна на Побережьи. Ее замѣнилъ сводный полкъ 52-й пѣх. див., сформированный на Сѣверномъ Кавказѣ, состоявшій почти исключительно изъ плѣнныхъ красноармейцевъ и имѣвшій уже въ своемъ прошломъ (лѣто 1919 г.) мятежъ съ убійствомъ офицеровъ и переходомъ къ большевикамъ [3]. Предполагалось, что на пассивномъ грузинскомъ фронтѣ эти части, приведенныя въ порядокъ, устоятъ.

15 января Ставкой получено было донесеніе, что на Сочинскомъ фронтѣ грузины перешли въ наступленіе. Въ теченіе цѣлой недѣли продолжали поступать неизмѣнно донесенія о бояхъ съ грузинами и о безпорядочномъ отступленіи нашихъ войскъ. Я приказалъ прервать всякія сношенія съ Грузіей, выселить офиціальныхъ представителей ея съ территоріи Вооруженныхъ силъ Юга; Черноморскому флоту идти къ берегамъ Грузіи и открыть военныя дѣйствія. Очередной угольный кризисъ задержалъ выполненіе приказа, а тѣмъ временемъ грузинское правительство доказало непреложно, что грузинская армія стоитъ на мѣстѣ и никакихъ военныхъ дѣйствій не открывала...

«Недоразумѣніе» явилось слѣдствіемъ растерянности мѣстныхъ ближайшихъ военныхъ начальниковъ, но имѣло весьма серьезныя основанія. Наступали въ дѣйствительности зеленые Вороновича, но накопились они въ нейтральной по-

---

[1]) «Зеленая книга» Вороновича.

[2]) Вороновичъ. «Архивъ русской революціи». Т. VII.

[3]) Ширванскій полкъ — на Каспійскомъ побережьи. Съ тѣхъ поръ сводки Сѣв.-Кавказск. штаба отмѣчали не разъ «доблестное поведеніе» полка...

лосѣ, мѣстами подъ прикрытіемъ грузинскихъ аванпостовъ, и съ фронта шелъ батальонъ грузинской народной гвардіи, отъ котораго офиціально отреклось грузинское командованіе [1]). И хотя соучастіе и помощь грузинскаго правительства были несомнѣнны, внѣшне все обстояло лойяльно, и я, въ виду общаго критическаго положенія, вынужденъ былъ признать объясненія грузинъ удовлетворительными и возобновить съ ними прерванные переговоры.

* * *

15 января ротмистръ Вороновичъ, собравъ въ нейтральной полосѣ около 600 зеленыхъ, ударилъ съ ними на нашу позицію въ раіонѣ Адлера. Одновременно въ тылу ея въ нѣсколькихъ мѣстахъ шайки зеленыхъ захватили переправы и преградили береговую дорогу. Сводныя части 52-й див. не оказали почти никакого сопротивленія: меньшая часть бѣжала, большая выкинула бѣлый флагъ и передалась на сторону зеленыхъ. Въ трагическое положеніе попало офицерство и вѣрная долгу артиллерія, брошенная своей пѣхотой и пробивавшаяся самостоятельно на сѣверъ. Такъ катилась смѣшанная волна мятежниковъ, дезертировъ и зеленыхъ на сѣверъ по побережью и 11 февраля докатилась до Туапсе, гдѣ собравшіеся тамъ остатки 52 пѣх. дивизіи, кубанскіе пластуны и Черноморскій полкъ мѣстнаго формированія подняли мятежъ, ознаменованный насиліями, грабежомъ населенія и убійствомъ многихъ офицеровъ. Большинство этихъ частей перешло къ зеленымъ [2]).

Принимая во вниманіе эти привходящія обстоятельства, военныя заслуги «зеленой арміи» и, въ частности, сравненіе себя съ маршаломъ Неемъ, высказанное ротмистромъ Вороновичемъ, грѣшатъ нѣкоторымъ преувеличеніемъ [3]).

Между тѣмъ, черноморскіе крестьяне, столь сознательно раздѣлявшіе идеи Комитета освобожденія и столь самостоятельно рѣшившіе бороться до конца «за свободу», поголовно разошлись по домамъ, такъ какъ они «очень устали отъ безпрерывныхъ боевъ и походовъ» и, кромѣ того... близилось время полевыхъ работъ. На фронтѣ осталась только армія дезертировъ изъ состава нашихъ войскъ. Числомъ до 3—4 тысячъ, имѣя много пушекъ, оружія и боевыхъ припасовъ, попавшихъ въ ихъ руки, банды эти подступили къ Геленджику, остановленные тамъ подошедшими частями 2-й дивизіи.

Новороссійскъ переживалъ дни большой тревоги, почти паники... Донесенія о положеніи на новомъ фронтѣ отличались большой неопредѣленностью и преувеличеніями, нервируя Ставку. Англійское дипломатическое представительство (ген. Кизъ), совершенно не разбиравшееся въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ, продолжало переговоры съ Комитетомъ и Вороновичемъ о «примиреніи», дискредитируя только своимъ вмѣшательствомъ главное командованіе [4]). А банды, избравъ «реввоенсовѣтъ», во главѣ съ прибывшими представителями 9 совѣтской арміи, товарищами Соркинымъ и Цимбалистомъ, свергли власть Вороновича и Комитета,

---

[1]) Нами были захвачены плѣнные грузины изъ этого батальона.

[2]) Сопротивленіе оказывали почти исключительно офицерскіе отряды и артиллерія.

[3]) Изъ статьи Вороновича въ «Архивѣ русской рев.»: «... Я думаю, что во всей военной исторіи еще не было такого случая, чтобы командующій арміей стоялъ часовымъ на передовомъ посту, лично прикрывая свою армію. Впрочемъ, я вспомнилъ: маршалъ Ней представлялъ собой однажды «арьергардъ великой арміи...»

[4]) Кизъ на англійскомъ миноносцѣ привозилъ Вороновича въ Новороссійскъ, съ цѣлью устроить свиданіе его съ представителями главнаго командованія; въ этомъ ему было категорически отказано.

объявивъ себя «Черноморской красной совѣтской арміей». Эта армія, какъ оказалось въ дальнѣйшемъ, не имѣла большого желанія наступать на Новороссійскъ по узкому береговому пространству подъ огнемъ судовой артиллеріи, предпочитая движеніе на сѣверъ отъ Туапсе, въ предѣлы мятущейся Кубани.

Между совѣтскимъ командованіемъ и Комитетомъ освобожденія, увѣровавшимъ якобы въ эволюцію большевизма, состоялось соглашеніе, въ силу котораго «реввоенсовѣту» предоставлено было «командованіе фронтомъ и власть въ прифронтовой полосѣ», а за Комитетомъ остался Сочинскій округъ.

Революціонная демократія, добросовѣстно выполнивъ свою задачу въ пользу большевиковъ, затѣмъ, за ненадобностью, была сметена набѣжавшей красной волной: большинство членовъ «Комитета освобожденія» и другихъ дѣятелей зеленаго движенія были арестованы большевиками, многіе изъ нихъ разстрѣляны; Вороновичъ бѣжалъ въ Гагры, подъ крыло грузинъ, и оттуда вскорѣ посыпались вновь воззванія ко «всей трудовой демократіи Россіи, Европы и Америки», рисовавшія подлинно страшныя картины большевицкаго владычества въ Черноморьи.

* * *

Вполнѣ удачно протекала операція на Петлюровскомъ фронтѣ.

Въ началѣ мая 1919 г. вся Украина находилась въ рукахъ совѣтской власти, и правительство Петлюры перешло на территорію Галиціи, вмѣстѣ съ бывшимъ у него корпусомъ галичанъ и «надднѣпрянскими» войсками. Къ тому же времени (8 мая), воспользовавшись труднымъ положеніемъ галиційскихъ войскъ, поставленныхъ теперь между двумя противниками въ тѣсномъ раіонѣ между Львовомъ и р. Збручемъ, поляки на всемъ галицкомъ фронтѣ перешли въ общее наступленіе. Дважды галиційское командованіе уславливалось съ поляками о пріостановкѣ военныхъ дѣйствій, и дважды условіе было нарушено. Польское наступленіе, встрѣчая вначалѣ сильное сопротивленіе, обратилось вскорѣ въ преслѣдованіе разстроеннаго совершенно противника, не имѣвшаго тыла. 4 іюля польская армія, очистивъ отъ украинскихъ войскъ всю Галицію, достигла Збруча, т. е. той своей восточной границы, которая предначертана была Версальскимъ Верховнымъ совѣтомъ.

Дальнѣйшая борьба съ галицко-украинскими войсками, во главѣ которыхъ сталъ Петлюра, не входила въ польскіе разсчеты. Не тревожимый болѣе съ запада, воспользовавшись крайнимъ ослабленіемъ 12-й сов. арміи, раскинувшейся, въ виду наступленія войскъ Юга, до Херсона, Петлюра вступилъ въ Подольскую губ., медленно продвигаясь въ направленіи на Жмеринку и Бердичевъ. Съ поляками украинское командованіе вошло вновь въ переговоры: 5 августа Петлюра «отказался» въ пользу Польши отъ «Покутья» [1]), оккупированнаго до того румынами, а 19 августа, т. е. на третій день послѣ занятія нами Кіева, между Петлюрой и Пилсудскимъ было заключено перемиріе срокомъ на одинъ мѣсяцъ.

Между поляками и украинцами установлена была демаркаціонная линія по Збручу и далѣе на Волочискъ—Мозырь.

Какъ извѣстно, военныя дѣйствія между поляками и украинцами болѣе не возобновлялись; Петлюра, вступивъ затѣмъ въ тѣсныя договорныя отношенія съ Польшей, «отдалъ» ей Галицію, Прикарпатскую Русь, Холмщину, большую часть Волыни и часть Подоліи, играя съ тѣхъ поръ трагикомическую роль «союзника» — послушнаго орудія польской политики.

---

[1]) Часть Прикарпатской Руси сѣвернѣе Буковины, раіонъ Коломыи.

Въ связи съ движеніемъ отъ Полтавы къ Кіеву и отъ Одессы къ Бирзулѣ нашихъ войскъ, разгромившихъ на своемъ пути 12-ю и 14-ю сов. арміи, украинцы свободно продвинулись впередъ до линіи Кіевъ—Умань—Бирзула, на которой 17—29 августа произошла встрѣча ихъ съ Добровольческими войсками[1]. 17 августа одновременно вступили въ Кіевъ войска ген. Бредова и одного изъ галицкихъ корпусовъ. 18-го между Бредовымъ и «Команд. кіевской группой галицкихъ войскъ» состоялось соглашеніе, въ силу котораго галичане «во избѣжаніе братскаго кровопролитія» были отведены на переходъ къ югу отъ Кіева, гдѣ должны были ожидать результатовъ переговоровъ между главнымъ командованіемъ обѣихъ армій. При этомъ въ одномъ изъ пунктовъ письменнаго договора галиційскій командующій заявлялъ, что «Галиційская армія дѣйствуетъ независимо отъ войскъ Петлюры подъ собственнымъ галиційскимъ командованіемъ, безъ всякой политической программы, съ одной лишь цѣлью борьбы съ большевизмомъ».

29 августа и въ Одесскомъ направленіи, на станціи Затишье[2]) также произошла встрѣча съ петлюровцами, при чемъ делегація послѣднихъ предложила войскамъ Добровольческой Арміи, «оказавшимся по причинѣ общей борьбы съ большевиками на территоріи Украинской народной республики», отойти къ Одессѣ за Раздѣльную, гдѣ и установить демаркаціонную линію. Начальникъ нашего отряда уклонился отъ отвѣта за неимѣніемъ инструкцій. Но черезъ день петлюровцы напали врасплохъ на ст. Затишье, захвативъ и обезоруживъ находившіеся тамъ два нашихъ эскадрона...

Между тѣмъ, 31 августа на постъ Волынскій[3]) прибыла делегація уже отъ украинскаго главнаго командованія[4]), во главѣ съ ген. Омельяновичемъ-Павленко, имѣя порученіе установить демаркаціонную линію и соглашеніе относительно совмѣстныхъ военныхъ дѣйствій противъ большевиковъ[5]). Кіевское командованіе, ознакомивъ делегацію съ «лозунгами Добровольческой Арміи», уклонилось отъ прямыхъ отвѣтовъ, обѣщая запросить Ставку. Вслѣдствіе неисправности связи я получилъ докладъ объ этомъ эпизодѣ только 7 сентября, одновременно... съ текстомъ прокламацій, разбрасываемыхъ петлюровскими аэропланами, летавшими надъ Кіевомъ:

«...Послѣ красной сотни — черная сотня завладѣла Кіевомъ. Надо освободить Кіевъ отъ грязныхъ рукъ чужеземцевъ и передать его въ чистыя украинскія руки...»[6]).

«...Приближается моментъ рѣшительной борьбы съ помѣщиками и офицерами...[7]).

* * *

Украинскіе эмиссары, разбросанные по свѣту, вели весьма дѣятельную пропетлюровскую агитацію. Неумѣренность въ опредѣленіи своихъ силъ и значенія («армія — почти 500 тыс.», «народъ — ждетъ не дождется прихода своей (петлюровской) власти») и чрезвычайный оппортунизмъ (какія угодно территоріальныя компенсаціи, протектораты, концессіи) производили извѣстное впечатлѣніе на пра-

---

[1]) Схема — въ главѣ XXIV.

[2]) Въ 120 верстахъ сѣвернѣе Одессы.

[3]) Станція возлѣ Кіева.

[4]) Документы подписаны были: «за Верховнаго главнокомандующаго ген. Юнаків» (бывш. русскій ген. Юнаковъ).

[5]) Павленко откровенно заявилъ, что къ соглашенію побуждаютъ украинцевъ представители державъ Согласія.

[6]) Подписали ген. Юнаків и Курмановичъ.

[7]) Подписалъ мин.-предс. и вн. дѣлъ — Мазепа.

вительства Согласія, выражаясь наглядно въ настойчивыхъ предложеніяхъ ихъ, обращенныхъ ко мнѣ. Такъ Черчиль 10 августа телеграфировалъ, что «при настоящей критической коньюнктурѣ было бы благоразумно идти, насколько возможно, навстрѣчу украинскимъ сепаратистскимъ тенденціямъ». Французское правительство, не взирая на офиціальный разрывъ сношеній съ петлюровскимъ правительствомъ, происшедшій незадолго до паденія Одессы, не переставало вести съ нимъ переговоры, держа при штабѣ Петлюры негласную военную миссію [1]). Клемансо поручилъ военному агенту въ Румыніи, ген. Петенъ, «устроить сотрудничество Деникина и Петлюры». Наконецъ, представитель американской миссіи въ Варшавѣ, ген. Джудвинъ, прибывшій 6 сентября въ Кіевъ, настойчиво убѣждалъ заключить съ Петлюрой перемиріе по типу существовавшаго между нимъ и Польшей.

Въ сношеніяхъ своихъ съ представителями державъ Согласія украинское командованіе опредѣляло «временную линію для разграниченія дѣйствій противъ большевиковъ между арміей Украинской и ген. Деникина»: Днѣпръ отъ устья до Кременчуга и далѣе Кременчугъ—Ромны—Конотопъ—Новгородъ-Сѣверскъ [2]).

Въ какой же формѣ мыслилось взаимодѣйствіе украинцевъ съ Вооруженными силами Юга?

Хотя офиціозная пресса Директоріи и приказная литература украинскаго штаба въ отношеніи «Добровольческой Арміи» проявляла всегда крайнюю нетерпимость, однако, попытки соглашенія дѣлались и раньше. 2 іюля украинскій эмиссаръ, полк. Стрижевскій посѣтилъ въ Бухарестѣ нашего военнаго представителя, ген. Геруа и сдѣлалъ ему предложеніе, сводившееся къ слѣдующему:

1. Во внѣшней политикѣ украинское правительство «готово дѣйствовать съ кѣмъ угодно, хотя бы съ китайцами». Допускаетъ союзъ и федерацію также «съ кѣмъ угодно».
2. Отказъ отъ самостійности немыслимъ: «подобное признаніе явилось бы для насъ (украинцевъ) самоотрицаніемъ».
3. «Отлагая разрѣшеніе всѣхъ острыхъ вопросовъ о будущемъ устройствѣ Русскаго государства и положеніи Украины...» петлюровское правительство согласно «создать единый боевой фронтъ... подъ командованіемъ ген. Деникина...»
4. Общая перспектива: Добровольцы идутъ подъ флагомъ Единой, Недѣлимой Россіи, петлюровцы — подъ «прапоромъ» независимости Украины, а послѣ побѣды надъ большевиками борьба между обоими «союзниками» возобновляется» [3]).

Интересно, что въ тѣ же дни Стрижевскій обратился къ румынскому правительству съ «меморандумомъ» [4]), въ которомъ онъ противополагалъ Россію — «страну дикости и деспотизма, вся исторія которой построена на насиліи и порабощеніи» — украинскому народу, съ его «нѣжной романтической культурой и развитіемъ эстетики...» Указывалъ на одинаковую опасность для Румыніи и со

---

[1]) На запросъ по этому поводу таганрогской англійской миссіи, франц. военный агентъ въ Румыніи увѣдомилъ, что «на Украинѣ нѣтъ французскихъ офицеровъ, аккредитованныхъ при Петлюрѣ». Есть только «контръ-развѣдывательный пунктъ въ Каменецъ-Подольскѣ» и «офицеръ ген. штаба для собиранія свѣдѣній». Замѣчено также присутствіе на Украинѣ «французскихъ торговцевъ въ военной формѣ».
Нота англійской миссіи отъ 21 сентября, № 2111.

[2]) Нота «Дипл. миссіи Украинской респ. въ Румыніи» — представителямъ державъ Согласія. Отъ 7 сентября н. ст., № 117.

[3]) Докладъ ген. Геруа отъ 3 іюля, № 526.

[4]) Отъ 23 іюня, № 37.

стороны большевиковъ, «угрожающихъ залить ее своимъ потокомъ», и со стороны антибольшевиковъ, «желающихъ ей такого же разрушенія и ослабленія, имѣющихъ въ виду отторженіе отъ Румыніи нѣкоторыхъ частей (Бессарабія) для Единой, Недѣлимой Россіи». Въ виду этого Украина предлагала Румыніи «подать другу другу руки», пойти въ отношеніи Румыніи на всѣ территоріальныя «уступки и даже жертвы» и защитить ее отъ большевиковъ и антибольшевиковъ. Взамѣнъ за это Румынія должна была помочь Украинѣ оружіемъ и снаряженіемъ (бывш. россійскимъ!) и обезпечить тылъ украинскихъ войскъ (отъ Вооруженныхъ силъ Юга?).

Оппортунизмъ украинской директоріи переходилъ границы не только національнаго самосознанія, но и цѣлесообразности. Мы видѣли, что эта Директорія искала «дружбы и союза» съ большевиками (декабрь 1918 года) и союза съ нами (іюль 1919 г.)... Всемѣрно добиваясь признанія и помощи державъ Согласія, она поддерживала тѣсную связь съ германскимъ правительствомъ, которое въ мѣру своихъ ограниченныхъ возможностей помогало Украинѣ деньгами, воздухоплавательными аппаратами, военными спеціалистами и формированіемъ въ Германіи украинскихъ частей изъ военно-плѣнныхъ [1]).

Въ то же время Директорія входила въ соглашеніе съ Польшей — врагомъ Германіи и галичанъ — цѣною земель «украинскихъ» и галицкихъ и оставленія въ рукахъ польскихъ помѣщиковъ всѣхъ ихъ латифундій на Украинѣ; съ Румыніей — цѣною земель Россійскихъ, съ Махно — въ силу общей враждебности противъ бѣлыхъ армій... Наконецъ, Петлюра сумѣлъ снискать расположеніе и папскаго престола, открывая ему широкія перспективы насажденія католичества въ полузависимой отъ Польши «украинской державѣ».

Этотъ оппортунизмъ не привелъ ни къ чему. Можно сказать, что съ начала 1919 г. Директорія и Петлюра потеряли всякій престижъ и значеніе самодовлѣющаго національнаго фактора, ставъ игрушкой въ международной политикѣ, въ водоворотѣ противоположныхъ теченій и взаимно исключающихъ другъ друга интересовъ. Цѣнность такого «союзника» въ отношеніи политическомъ была болѣе чѣмъ проблематична.

Но, быть можетъ, въ военномъ отношеніи украинская армія представляла изъ себя крупный факторъ?

Прежде всего, въ структурѣ украинской кочевой государственности было двѣ верховныхъ власти — Директорія Петлюры и галиційскій «диктаторъ» Петрашевичъ, два правительства и двѣ арміи — украинская [2]) и галиційская [3]), объединенныя подъ общимъ начальствомъ «генералиссимуса» Петлюры. Численность этихъ армій была внушительна — 35—40 тыс., изъ которыхъ большая половина (около 20 тыс.) галичанъ. Боевая годность армій была неодинакова. Украинская — представляла изъ себя разлагающіяся банды, митинговавшія и не желавшія драться вообще. Галиційская — сохраняла дисциплину и боеспособность, но съ потерей своей территоріи и яснаго стимула борьбы — освобожденія своей родины отъ поляковъ, пала духомъ. Она сохраняла ненависть къ полякамъ и не имѣла желанія драться съ русскими — безразлично — красными или бѣлыми.

Если между украинскимъ и галиційскимъ правительствомъ всегда существовали натянутыя отношенія, то теперь, послѣ перехода въ Малороссію и заключенія Петлюрой договора съ Польшей, между ними легла глубокая трещина, вотъ-вотъ готовая вызвать полный разрывъ. Такія же отношенія были между коман-

---

[1]) Маршалъ Фошъ въ апрѣлѣ 1919 г. запретилъ эти формированія.
[2]) Главнокомандующій — атаманъ Тютюникъ.
[3]) Главнокомандующій — ген. Тарнавскій.

дованіями. Еще ранѣе, въ серединѣ іюня, на почвѣ взаимныхъ захватовъ запасовъ, доходило до того, что петлюровское военное министерство рѣшило отказаться отъ снабженія галиційской арміи, поставить на границѣ стражу и ничего не выпускать въ Галичину...

Обѣ арміи испытывали страшнѣйшую нужду въ одеждѣ, амуниціи и, въ особенности, въ оружіи и боевыхъ припасахъ.

* * *

Таковы были предпосылки для установленія отношенія къ движенію Петлюры. Ко времени соприкосновенія нашихъ фронтовъ большая часть Малороссіи и Новороссіи были освобождены и заняты Добровольческими арміями. Какія же перспективы открывалъ намъ союзъ съ Петлюрой? Онъ повлекъ бы за собой передачу судебъ края и нашего тыла въ руки правительства, глубоко и органически намъ враждебнаго, ввергнувшаго уже однажды (зимой 1918—1919 гг.) всю Украину въ анархію; въ руки арміи, показавшей свою полную небоеспособсость въ борьбѣ съ большевиками.

Не было сомнѣнія, что никакихъ другихъ задачъ, кромѣ овладѣнія Украиной, петлюровское правительство не преслѣдовало и что при первомъ удобномъ случаѣ, а тѣмъ болѣе при извѣстныхъ посулахъ со стороны совѣтской власти, украинскіе штыки будутъ повернуты противъ насъ. Если только сама армія не разбилась бы раньше времени, какъ это имѣло мѣсто въ началѣ года, на рядъ крупныхъ повстанческихъ бандъ, парализуя окончательно нашъ тылъ. Предоставить огромные матеріальные и людскіе ресурсы правобережной Малороссіи Петлюрѣ (и Махно?), вооружать и снабжать его армію руками союзниковъ представлялось по меньшей мѣрѣ нелѣпымъ. Наконецъ, идти вмѣстѣ съ Петлюрой, стремящимся къ отторженію отъ Россіи Украины и Новороссіи, значило бы порвать съ идеей Единой, Недѣлимой Россіи — идеей, глубоко проникшей въ сознаніе вождей и арміи, и тѣмъ вселить въ рядахъ ея опаснѣйшее смущеніе.

Трехцвѣтное національное знамя отталкивало однихъ и привлекало другихъ. Но только подъ его сѣнью можно было собрать и двинуть на Москву тѣ силы, которыя служили оплотомъ русскихъ бѣлыхъ армій...

И потому, въ согласіи съ командованіемъ Добровольческимъ, кіевскимъ и новороссійскимъ, я рѣшилъ вопросъ отрицательно. Представители Согласія заблаговременно, еще 3-го августа были увѣдомлены о невозможности какого бы то ни было взаимодѣйствія нашего съ Петлюрой.

Въ концѣ концовъ англійское и французское командованія восприняли эту точку зрѣнія и, когда въ началѣ сентября обнаружилось движеніе петлюровцевъ, угрожавшее Одессѣ, адм. Сеймуръ и ген. Франше д'Эспре отдали приказаніе союзнымъ флотамъ принять участіе въ отраженіи его. Добровольческимъ войскамъ я далъ указаніе: «... Самостійной Украины не признаю. Петлюровцы могутъ быть или нейтральны, тогда они должны немедленно сдать оружіе и разойтись по домамъ; или же — примкнуть къ намъ, признавъ наши лозунги, одинъ изъ которыхъ — широкая автономія окраинъ. Если петлюровцы не выполнятъ этихъ условій, то ихъ надлежитъ считать такимъ же противникомъ, какъ и большевиковъ» [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ указывалось на необходимость «дружелюбнаго отношенія къ галичанамъ, съ цѣлью извлечь ихъ изъ подчиненія Петлюрѣ... Если же это достигнуто не будетъ, то считать и ихъ враждебной стороной...» [2]).

---

[1]) 10 августа, № 11671.
[2]) 8 августа, 9 сентября и друг.

Переговоры не привели ни къ чему, и въ началѣ сентября начались военныя дѣйствія.

За время съ августа по ноябрь на Петлюровскомъ фронтѣ изъ состава войскъ Новороссіи, включая и 5-ю див. Добровольческой Арміи, участвовало 8—10 тыс. бойцовъ, преимущественно мѣстнаго укомплектованія, изъ которыхъ часть, временами довольно значительная, отвлекалась для борьбы съ Махно и другими повстанцами. На ген. Шиллинга возложена была задача — прочно занявъ Николаевъ, Херсонъ и Одессу, наступать на фронтъ Казатинъ—Жмеринка—Могилевъ-Подольскій.

Въ дальнѣйшемъ большую часть войскъ Новороссіи предполагалось перебросить на фронтъ Добровольческой Арміи.

Наступая въ трехъ направленіяхъ — съ востока на Казатинъ, съ юго-востока и юга на Вапнярку, войска ген. Шиллинга нанесли петлюровцамъ рядъ пораженій подъ Уманью, Гайсинымъ и Бирзулой. 9 октября совмѣстными дѣйствіями колоннъ ген. Слащева и Розеншильдъ-Паулина взята была Вапнярка и захвачено много трофеевъ. Петлюра, перебросивъ на южное направленіе шесть галиційскихъ бригадъ, повелъ контръ-наступленіе вдоль Южнаго Буга... Въ результатѣ двухнедѣльныхъ боевъ сопротивленіе петлюровцевъ было сломлено, и арміи ихъ въ концѣ октября вынуждены были отступать на всемъ фронтѣ, неся огромныя потери.

На совѣщаніи 21 октября въ Жмеринкѣ украинскихъ и галиційскихъ старшихъ начальниковъ и представителей обществ. и проф. организацій, было выяснено, что крестьянство не дастъ ни мобилизованныхъ, ни хлѣба; арміи разложились, боевые припасы истощились... Ставился вопросъ о невозможности самостоятельнаго продолженія борьбы и необходимости примкнуть къ одной изъ сторонъ: къ Добровольцамъ, большевикамъ или полякамъ... [1]).

Между тѣмъ, обстановка на южномъ Днѣпрѣ заставила меня перебросить туда, противъ Махно почти половину силъ Новороссіи — сводный корпусъ генерала Слащева. Тѣмъ не менѣе, оставшіяся части продолжали преслѣдованіе петлюровцевъ. 29 октября колонна ген. Розеншильдъ-Паулина взяла Жмеринку, и въ дальнѣйшемъ обѣ колонны (Розеншильдъ-Паулина и Осовскаго), разбивъ остатки петлюровскихъ войскъ, въ началѣ ноября вышли на фронтъ Волочискъ—Бердичевъ—Казатинъ.

Галиційская армія въ полномъ составѣ перешла на нашу сторону. Въ силу заключеннаго 3 ноября договора эта армія, сохраняя свою организацію и внутренній распорядокъ, «поступила въ полное распоряженіе главнокомандующаго Вооруженными силами Юга», при чемъ она не могла быть направлена противъ петлюровской арміи. Разрѣшеніе вопроса о политическихъ взаимоотношеніяхъ откладывалось, но за «диктаторомъ Галиціи» (Петрашевичъ) сохранялось право руководства и контроля внутренней жизни арміи.

Галиційская армія была отведена въ тылъ [2]). Она сохранила до конца дисциплину и полную лойяльность. Но, потрясенная морально, изможденная физически, страшно нуждающаяся, имѣвшая до 10 тыс. людей больныхъ сыпнымъ тифомъ, въ тотъ краткій срокъ, который предоставленъ былъ развертывавшимися событіями, армія не могла вернуть своей боеспособности.

---

[1]) По показаніямъ офицеровъ петлюровскаго штаба, бѣжавшихъ къ намъ. За присоединеніе къ Добров. Арміи высказалось, якобы, 37 голосовъ, къ полякамъ — 22 голоса и къ большевикамъ 7.

[2]) По спискамъ ѣдоковъ числилось 50 тыс... Одна бригада должна была прикрывать сосредоточеніе арміи, занявъ Бердичевъ.

Украинская армія частью взята была въ плѣнъ, частью разбрелась. Ничтожная часть ея, штабъ и правительство Петлюры бѣжали за линію польскаго фронта [1]).

Выйдя на линію Волочискъ—Казатинъ, войска Новороссіи вступили въ непосредственное соприкосновеніе съ фланга — съ польской арміей по линіи Збручъ и съ фронта — съ 12-й совѣтской арміей. Положеніе этой послѣдней, сжатой съ трехъ сторонъ, становилось критическимъ, и открытіе военныхъ дѣйствій поляками давало объективную возможность измѣнить въ корнѣ всю стратегическую обстановку Кіевскаго раіона, освободивъ войска его для удара въ восточномъ направленіи, что, въ свою очередь, могло бы вызвать переломъ въ положеніи главнаго фронта.

Этого, какъ извѣстно, не случилось.

ГЛАВА XXVII.

Отступленіе армій Юга на Одессу и Крымъ, за Донъ и Салъ.

Къ концу ноября обстановка на противобольшевицкомъ театрѣ Вооруженныхъ силъ Юга была такова:

На западѣ, въ Кіевской области войска наши удерживались на Ирпени и у Фастова; лѣвое крыло 12-й сов. арміи, прервавъ связь между Кіевскими войсками и Добровольческой Арміей, подвигалось съ боями по лѣвому берегу Днѣпра къ самому Кіеву, одновременно угрожая Черкасамъ и Кременчугу.

Въ центрѣ, отдавъ Полтаву и Харьковъ, Добровольческая Армія вела бои на линіи отъ Днѣпра на Константиноградъ—Зміевъ—Купянскъ; далѣе шелъ фронтъ Донской арміи, отброшенный отъ Павловска и отъ Хопра къ Богучарамъ и за Донъ, главнымъ образомъ, благодаря конному корпусу Думенко, вышедшему въ разрѣзъ между 1-мъ и 2-мъ донскими корпусами. Между Добровольческой и Донской арміями образовался глубокій клинъ къ Старобѣльску, въ который прорывалась конница Буденнаго [2]).

На востокѣ — въ началѣ ноября 10-я сов. армія перешла вновь въ наступленіе на Царицынъ, но была отброшена Кавказской арміей съ большими потерями. Въ серединѣ ноября, въ виду начавшагося ледохода, наши заволжскія части были переведены на правый берегъ, и вся армія стянута къ царицынской укрѣпленной позиціи. Съ тѣхъ поръ многострадальный городъ подвергался почти ежедневно артиллерійскому обстрѣлу съ лѣваго берега, а части 10-й и 11-й сов. армій вели на него демонстративное наступленіе съ сѣвера и юга, успѣшно отбиваемое Кавказской арміей.

Общая идея дальнѣйшей операціи В. С. Ю. Р. заключалась въ томъ, чтобы обезпечивъ фланги (Кіевъ, Царицынъ), прикрываясь Днѣпромъ и Дономъ и перейдя на всемъ фронтѣ къ оборонѣ, правымъ крыломъ Добровольческой и лѣвымъ Донской армій, нанести ударъ группѣ красныхъ, прорывающихся въ направленіи Воронежъ—Ростовъ [3]).

* * *

---

[1]) Въ апрѣлѣ 1920 г. поляки, совмѣстно со вновь организованной арміей Петлюры, предприняли наступленіе на Кіевъ (совѣтскій), окончившееся ихъ пораженіемъ.

[2]) Къ концу періода, усиленная конницей и пѣхотой, эта сов. группа образовала 1-ю конную армію Буденнаго.

[3]) Директивы 29 ноября и 5 декабря.

Новое назначеніе ген. Врангеля внесло много осложненій и атмосферу внутренняго разлада, особенно тягостную въ обстановкѣ потрясеній, переживаемыхъ тогда арміями и мной.

Прежде всего послѣдовалъ рапортъ съ изложеніемъ «пренебреженія (нами) основныхъ принциповъ военнаго искусства» въ прошломъ и преимущества стратегическихъ предположеній генерала Врангеля. И этотъ рапортъ былъ также сообщенъ имъ старшимъ начальникамъ . . . Новый командующій нарисовалъ удручающую картину наслѣдія, полученнаго имъ отъ ген. Май-Маевскаго: систему «самоснабженія», обратившую «войну въ средство наживы, а довольствіе мѣстными средствами — въ грабежъ и спекуляцію . . .» Развращенныя этой системой и «примѣромъ нѣкоторыхъ изъ старшихъ начальниковъ» войска . . . Громадные «тылы», запрудившіе всѣ пути . . . Хаотическая эвакуація, осложненная нахлынувшей волной бѣженцевъ . . . И какъ выводъ:

«Арміи, какъ боевой силы, нѣтъ!»

Велики и многообразны были прегрѣшенія Добровольческой Арміи — но отнюдь, конечно, не большія, чѣмъ Кіевской, Новороссійской, Донской и той, которой командовалъ баронъ Врангель — Кавказской. Но такъ какъ про вины другихъ никто изъ ихъ начальниковъ не говорилъ такъ громко, въ общественномъ сознаніи могла получиться извѣстная психологическая аберрація . . . Мнѣ не хотѣлось бы сравнивать степень грѣховности . . . Къ сожалѣнію, всѣ арміи грѣшили и всѣмъ есть въ чемъ покаяться.

Но глубоко ошибоченъ былъ выводъ. Армія, которая подъ ударами почти втрое превосходившаго ее силами противника въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, на разстояніи 400 верстъ — отъ Орла до Харькова, потерявъ въ кровавыхъ бояхъ до 50% своего состава, могла еще противостоять напору противника, маневрировать, отражать атаки, сама съ успѣхомъ атаковать — такая армія не умерла.

Сквозь внѣшнюю неприглядную обстановку, подъ наноснымъ слоемъ пыли и грязи живъ былъ тотъ духъ неумирающій, который горѣлъ въ ней во времена Перваго и Второго походовъ, который выводилъ горсть храбрецовъ изъ сплошного большевицкаго кольца, бросалъ ихъ, почти безоружныхъ, на бронированные поѣзда и давалъ имъ побѣду въ столкновеніи съ противникомъ, во много разъ сильнѣйшимъ . . .

Ближайшія недѣли борьбы за Дономъ и вся послѣдующая исторія арміи показали, что духъ этотъ не угасалъ.

Съ первыхъ же дней обнаружились и новыя стратегическія расхожденія. Ген. Врангель считалъ, что обстановка на правомъ флангѣ понудитъ его оторваться отъ Донской арміи и отходить въ Крымъ. Ссылаясь на неизбѣжность въ этомъ случаѣ порыва связи со Ставкой [1]); онъ просилъ о назначеніи общаго начальника надъ арміями Кіевщины, Новороссіи и Добровольческой. Я отвѣтилъ ген. Врангелю, что не допускаю и мысли объ отходѣ въ Крымъ. И, если удержаться нельзя будетъ, отступать можно только на Ростовъ въ связи съ Донской арміей, какихъ бы жертвъ это ни стоило [2]). По этому поводу дважды еще запрашивалъ Ставку по телеграфу начальникъ штаба Добровольческой Арміи, генералъ Шатиловъ. Въ то же время общая линія фронта, группировка войскъ и

---

[1]) Почему—было неясно, такъ какъ съ Крымомъ сообщались черезъ Новороссійскъ.

[2]) Совѣтское командованіе было увѣрено, что, потерпѣвъ пораженіе, Добровольческая Армія вынуждена будетъ отойти на западъ. Исходя изъ этого, имъ дана была директива о преслѣдованіи въ этомъ направленіи. Только 20 декабря эта директива была измѣнена.

направленіе подкрѣпленій не давали увѣренности въ твердомъ стремленіи командующаго обезпечить ростовское направленіе.

Это обстоятельство возбудило тревогу во мнѣ и въ особенности въ донскомъ командованіи и заставило принять особыя мѣры къ предотвращенію большого несчастья: уходъ Добровольческой Арміи въ Крымъ вызвалъ бы неминуемое и немедленное паденіе Донского и всего казачьяго фронта, что обрекало бы на страшныя бѣдствія, быть можетъ на гибель, десятки тысячъ больныхъ, раненыхъ воиновъ [1]) и семействъ военнослужащихъ, въ особенности добровольческихъ, разсѣянныхъ по территоріи Дона и Сѣвернаго Кавказа. Никакія стретегическія соображенія не могли бы оправдать въ глазахъ казачества этого шага и казаки отнеслись бы къ нему, какъ къ предательству съ нашей стороны.

* * *

Надежды на нашу конную группу не оправдались.

Передъ отъѣздомъ въ армію, въ Таганрогѣ ген. Врангель заявилъ мнѣ, что онъ не потерпитъ присутствія въ ней генераловъ Шкуро и Мамонтова, какъ главныхъ виновниковъ разстройства конныхъ корпусовъ. Ген. Шкуро находился тогда на Кубани въ отпуску по болѣзни. Что касается Мамонтова, я предостерегалъ отъ рѣзкихъ мѣръ по отношенію къ лицу, какъ бы то ни было, пользующемуся на Дону большой популярностью.

По прибытіи въ армію, ген. Врангель назначилъ начальникомъ конной группы достойнѣйшаго и доблестнаго кубанскаго генерала Улагая. И, хотя отрядъ этотъ былъ временный и назначеніе начальника его, всецѣло зависѣвшее отъ командующаго арміей, не могло считаться съ мѣстничествомъ, оно вызвало крупный инцидентъ: Мамонтовъ обидѣлся и телеграфировалъ по всѣмъ инстанціямъ: «... учитывая боевой составъ конной группы, я нахожу несоотвѣтствующимъ достоинству Донской арміи и обиднымъ для себя замѣненіе, какъ командующаго конной группой, безъ видимыхъ причинъ лицомъ, не принадлежащимъ къ составу Донской арміи и младшимъ меня по службѣ. На основаніи изложеннаго считаю далѣе невозможнымъ оставаться на должности командира 4 Донского корпуса». Копіи этой телеграммы Мамонтовъ разослалъ всѣмъ своимъ полкамъ, а на другой день, самовольно покидая корпусъ, не безъ злорадства сообщалъ, какъ полки подъ давленіемъ противника панически бѣжали.

Этотъ неслыханный поступокъ не встрѣтилъ, однако, осужденія на Дону. Я отдалъ приказъ объ отрѣшеніи Мамонтова отъ командованія и встрѣтилъ неожиданную оппозицію со стороны Донского атамана и ген. Сидорина. Они указывали, что помимо крайне неблагопріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго удаленіемъ Мамонтова на Донскую армію, 4-й корпусъ весь разбѣгается и собрать его можетъ только одинъ Мамонтовъ. Дѣйствительно, когда корпусъ былъ переданъ обратно въ Донскую армію, Мамонтовъ вступилъ вновь въ командованіе имъ, собралъ значительное число сабель, и впослѣдствіи за Дономъ корпусъ этотъ нанесъ нѣсколько сильныхъ ударовъ конницѣ Буденнаго.

Успѣхи эти не могли измѣнить общаго положенія и не компенсировали тяжкаго урона, нанесеннаго дисциплинѣ.

Не лучше было и въ другихъ частяхъ конной группы. Внутренніе недуги и боевыя неудачи угасили духъ и внесли разложеніе. И ген. Улагай 11 декабря

---

[1]) Къ 1 декабрю 1919 г. въ военно-лѣчебныхъ заведеніяхъ В. С. Ю. Р. состояло 42 733 больныхъ и раненыхъ.

доносилъ о полной небоеспособности своего отряда: «... Донскія части, хотя и большого состава, но совсѣмъ не желаютъ и не могутъ выдерживать самаго легкаго нажима противника... Кубанскихъ и Терскихъ частей совершенно нѣтъ... Артиллеріи почти нѣтъ, пулеметовъ тоже...» [1]).

Дезертирство кубанцевъ приняло массовый характеръ. Вмѣсто того, чтобы попытаться собрать части гдѣ-нибудь въ армейскомъ тылу, ген. Врангель отдалъ самовольно приказъ объ отводѣ «кадровъ» кубанскихъ дивизій на Кубань для формированія, и эта мѣра вызвала новыя тяжелыя осложненія. Уклонявшіеся отъ боя казаки и дезертиры, которыхъ раньше все-таки смущала совѣсть и нѣкоторый страхъ, перешли на легальное положеніе. Ихъ оказалось много, очень много: за Донъ, домой потекли довольно внушительнаго состава полки, на хорошихъ коняхъ, вызывая недоумѣніе и озлобленіе въ донцахъ, въ подходящихъ подкрѣпленіяхъ и соблазнъ въ кубанскихъ дивизіяхъ, еще остававшихся на фронтѣ.

Дома они окончательно разложились.

Помимо всѣхъ прочихъ условій, большое вліяніе на неуспѣхъ конной группы имѣло то обстоятельство, что донская конница за все время отступательной операціи, охотно атакуя непріятельскую пѣхоту, рѣшительно избѣгала вступать въ бой съ конницей. По свидѣтельству полк. Добрынина [2]) «донское командованіе пыталось понудить (ее) къ активности, но ничего сдѣлать не могло, такъ какъ она не исполняла приказовъ объ атакѣ конницы противника».

Съ распаденіемъ конной группы положеніе Добровольческой Арміи становилось еще болѣе тяжелымъ, и ей въ дальнѣйшемъ приходилось совершать труднѣйшій фланговый маршъ подъ ударами справа всей 1-й сов. конной арміи.

* * *

Послѣ ряда рѣзкихъ выступленій по моему адресу, я былъ удивленъ, получивъ 11 декабря отъ барона Врангеля частное письмо слѣдующаго содержанія:

> «Въ настоящую грозную минуту, когда боевое счастье измѣнило намъ и обрушившаяся на насъ волна красной нечисти готовится, быть можетъ, поглотить тотъ корабль, который Вы, какъ кормчій, вели сквозь бури и непогоды, я, какъ одинъ изъ тѣхъ, что шелъ за Вами почти съ начала на этомъ кораблѣ, я нравственно считаю себя обязаннымъ сказать Вамъ, что сердцемъ и мыслями горячо чувствую, насколько сильно должны Вы переживать настоящее испытаніе судьбы.
>
> Если Вамъ можетъ быть хоть малымъ утѣшеніемъ сознаніе, что тѣ, кто пошелъ за Вами, съ Вами вмѣстѣ переживаютъ и радости и горести, то прошу Васъ вѣрить, что сердцемъ и мыслями я нынѣ съ Вами и радъ всѣми силами Вамъ помочь».

Я повѣрилъ этимъ словамъ, былъ тронутъ ими и отвѣтилъ, что душевный порывъ этотъ нашелъ во мнѣ самый искренній откликъ.

Между тѣмъ, къ 11 декабря подъ непрекращавшимся напоромъ противника фронтъ центральныхъ армій между Дономъ и Днѣпромъ отодвинулся еще далѣе на югъ, до линіи станица Вешенская—Славяносербскъ—Изюмъ; центръ Добровольческой Арміи удерживался на среднемъ Донцѣ, тогда какъ лѣвый флангъ, испытывавшій меньшее давленіе, оставался у Константинограда. Въ тотъ же день командующій Добровольческой Арміей призналъ дальнѣйшее сопротивленіе въ Донецкомъ бассейнѣ невозможнымъ и вошелъ съ рапортомъ объ отводѣ цен-

---

[1]) Потеряны были въ бояхъ.
[2]) Нач. оперативнаго отдѣленія Донского штаба.

тральной группы за Донъ и Салъ, оставивъ за нами лишь плацдармъ по линіи Новочеркасскъ—Таганрогъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ген. Врангель считалъ необходимымъ «подготовить все, дабы въ случаѣ неудачи... сохранить кадры арміи и часть техническихъ средствъ, для чего нынѣ же войти въ соглашеніе съ союзниками о перевозкѣ въ случаѣ надобности Арміи въ иностранные предѣлы...»

Отъ командованія Добровольческой Арміей баронъ Врангель отказывался, предлагая свернуть ее, въ виду малочисленности, въ корпусъ. Прибывшій въ Таганрогъ по порученію барона ген. Науменко изложилъ его пожеланіе — предоставить ему, генералу Врангелю, формированіе на Кубани трехъ конныхъ корпусовъ, которые, съ придачей Терскаго корпуса, части Донской и Добровольческой конницы, составили бы въ будущемъ конную армію подъ его начальствомъ [1]).

Подъ вліяніемъ частнаго письма ген. Врангеля, о которомъ я передъ этимъ упоминалъ, желая вѣрить въ его лойяльность, я согласился съ этимъ предложеніемъ, тѣмъ болѣе, что оно давало мнѣ возможность безъ возбужденія обидъ и страстей вручить судьбу Добровольцевъ тому, кто вѣрилъ въ нихъ, хотѣлъ и могъ вести ихъ дальше. Хотя и дорогой цѣной: временно уходило изъ офиціальнаго обихода наименованіе «Добровольческая Армія», сохранявшееся по традиціи и тогда, когда «армія» въ боевомъ составѣ своемъ насчитывала не болѣе 1½ тысячи бойцовъ... [2]).

Я почувствовалъ это особенно тягостно при ближайшей встрѣчѣ въ Таганрогѣ съ генераломъ Врангелемъ, который говорилъ:

— Добровольческая Армія дискредитировала себя грабежами и насиліями. Здѣсь все потеряно. Идти второй разъ по тѣмъ же путямъ и подъ Добровольческимъ флагомъ нельзя. Нуженъ какой-то другой флагъ...

И, не дожидаясь моего вопроса, онъ спѣшно прибавилъ:

— Только не монархическій...

О какомъ флагѣ онъ говорилъ, такъ и осталось тогда невыясненнымъ.

Мы условились, что послѣ оттяжки фронта армія будетъ свернута и генералъ Врангель уѣдетъ на Кубань. Командующимъ Добровольческимъ корпусомъ, получившимъ позже наименованіе «Отдѣльнаго Добровольческаго корпуса», былъ назначенъ старшій Доброволецъ, генералъ Кутеповъ, который со своими славными войсками вынесъ главную тяжесть отступленія.

Итакъ, 10-го числа баронъ Врангель писалъ мнѣ о своей лойяльности, а на другой день произошелъ эпизодъ, разсказанный впослѣдствіи ген. Сидоринымъ...

11 декабря на станціи Ясиноватой въ штабѣ Добровольческой Арміи состоялось свиданіе генераловъ Врангеля и Сидорина [3]), на которомъ баронъ, жестоко критикуя стратегію и политику Ставки, поднялъ вопросъ о сверженіи главнокомандующаго. Для рѣшенія этого и другихъ сопряженныхъ съ нимъ вопросовъ ген. Врангель предполагалъ въ одинъ изъ ближайшихъ дней созвать совѣщаніе трехъ командующихъ арміями (Врангель, Сидоринъ, Покровскій) въ Ростовѣ. Дѣйствительно, это было сдѣлано имъ въ ближайшіе дни телеграммой, въ копіи препровожденной въ Ставку. Баронъ Врангель объяснялъ потомъ этотъ шагъ «необходимостью выяснить цѣлый рядъ вопросовъ: мобилизація населенія и коней

---

[1]) О миссіи генерала Науменко, ген. Врангель предупредилъ Ставку 13 декабря телеграммой № 010586.
[2]) 31-го марта 1918 г.
[3]) Сидоринъ выѣхалъ въ Ясиноватую съ моего разрѣшенія по вопросу о направленіи отхода Добровольческой Арміи.

въ Таганрогскомъ округѣ, разворачиваніе нѣкоторыхъ кубанскихъ частей и т. д.»[1]).

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о внутреннихъ побужденіяхъ, которыми руководствовался бар. Врангель, самый фактъ созыва командующихъ армій безъ разрѣшенія главнокомандующаго являлся безпримѣрнымъ нарушеніемъ военныхъ традицій и военной дисциплины.

Я указалъ командующимъ на недопустимость такого образа дѣйствій и воспретилъ съѣздъ.

* * *

Къ серединѣ декабря стратегическое положеніе Вооруженныхъ силъ Юга было таково:

Къ 3-му декабря войска Кіевской области подъ напоромъ 12-й сов. арміи оставили лѣвый берегъ Днѣпра и Кіевъ. Въ виду общности съ того времени задачъ войскъ Кіевскихъ и Новороссійскихъ, командованіе ими было объединено въ рукахъ ген. Шиллинга. Общая обстановка заставила меня отказаться отъ наступательныхъ дѣйствій на этомъ театрѣ и возложить на ген. Шиллинга лишь прикрытіе Новороссіи и Крыма, съ тѣмъ, чтобы главныя силы направить спѣшно въ раіонъ Екатеринослава для быстрой ликвидаціи бандъ Махно, попрежнему сковывавшихъ корпусъ Слащева, и для дальнѣйшихъ дѣйствій во флангъ и тылъ противника, наступающаго противъ Добровольческой Арміи[2]).

Во исполненіе этой директивы войска Шиллинга, ведя постоянные бои съ повстанческими бандами и 12-й сов. арміей, нанеся послѣдней сильный ударъ у Черкассъ, отошли постепенно на линію Вапнярка — Бобринская (противъ Черкассъ) и далѣе по Днѣпру, осадивъ лишь нѣсколько у Кременчуга.

У Царицына установилось извѣстное равновѣсіе: и Кавказская и совѣтскія арміи дѣлали попытки частныхъ наступленій, не имѣвшія серьезныхъ результатовъ.

Добровольческая и Донская арміи, продолжая отступленіе, отошли на линію Екатеринославъ — Дебальцево — Каменская и далѣе въ направленіи къ устью Хопра. Донъ на всемъ участкѣ между Хопромъ и Иловлей былъ перейденъ большевиками, выходившими въ тылъ центральной группѣ, а послѣдняя пододвинулась уже къ Ростову на 200 и къ Новочеркасску на 140 верстъ. Терялась всякая связь между Донской и Кавказской арміями.

Эти обстоятельства заставили меня принять болѣе сосредоточенное расположеніе, оттянувъ войска съ Царицынскаго фронта. Директива отъ 15 декабря ставила войскамъ задачи: Кавказской арміи отойти за линію р. Салъ для прикрытія Ставропольскаго и Тихорѣцкаго направленій; Донской и Добровольческой стать между р.р. Міусомъ и Сѣв. Донцомъ[3]), прикрывая Ростовъ и Новочеркасскъ; войскамъ ген. Шиллинга, при выполненіи прежней задачи, главное вниманіе указывалось обратить на прикрытіе Крыма и сѣверной Tавріи.

Задержка армій была необходима тѣмъ болѣе, что не была еще закончена переброска къ Ростову подкрѣпленій и не эвакуированы армейскіе тылы, Таганрогъ, Ростовъ, Новочеркасскъ.

Въ ближайшій плацдармъ Ростова и Новочеркасска подъ начальствомъ генерала Топоркова сосредотачивался мой резервъ[4]). На этой позиціи въ случаѣ надобности я предполагалъ дать рѣшительный отпоръ противнику.

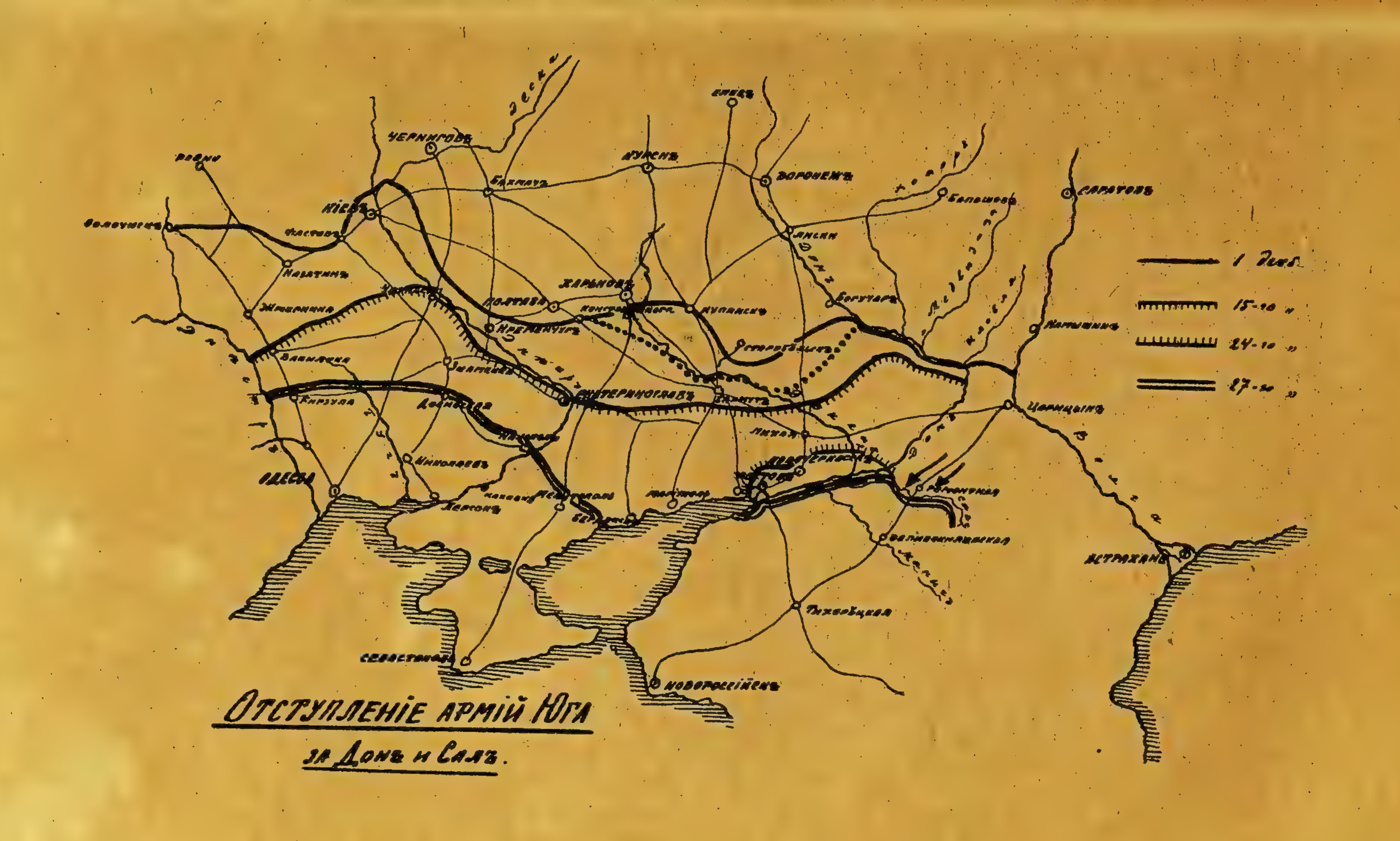
---

[1]) Ни одинъ изъ этихъ вопросовъ не могъ бы пройти безъ санкціи Ставки.

[2]) Директива 5 декабря.

[3]) Линія: Цимлянская—Усть-Бѣлокалитвенная—Каменская—Ровеньки—Матвѣевъ Курганъ—лиманъ Міусскій.

[4]) 1½ конн. дивизіи, пластунская бригада и двѣ офицерскія школы.



Отступленіе армій Юга за Донъ и Салъ.

Указанная выше линія не была удержана. Инерція отступательнаго движенія, въ силу многообразныхъ причинъ, преимущественно моральнаго характера, влекла войска къ естественному рубежу, какимъ являлся Донъ. И къ 23—24 декабря, въ началѣ съ боями, потомъ оторвавшись отъ противника, Добровольческая и Донская арміи отошли въ Ростовъ — Новочеркасскій плацдармъ.

Сосредоточивъ центральную группу на фронтѣ не болѣе 80 верстъ, я считалъ и необходимымъ и возможнымъ даже для ослабленныхъ нашихъ войскъ дать здѣсь сраженіе. Тѣмъ болѣе, что къ тому времени обозначились явно преутомленіе и разстройство непріятельскихъ армій.

20 декабря въ видахъ объединенія фронта, ген. Сидорину подчиненъ былъ въ оперативномъ отношеніи и Добровольческій корпусъ ген. Кутепова [1]). Ген. Сидоринъ развернулъ войска, прикрывъ Ростовъ Добровольцами, Новочеркасскъ Донцами и въ центрѣ, на уступѣ поставивъ конные корпуса Топоркова и Мамонтова.

Къ 25-му противникъ подтянулъ главныя силы къ нашему расположенію. Бои продолжались два дня, являя перемѣнчивую картину доблести и смятенія, твердаго выполненія долга и неповиновенія, и окончились неудачей. Въ тотъ же день, 25-го донской корпусъ, прикрывавшій Новочеркасскъ, подъ давленіемъ конницы Думенко сдалъ городъ и отхлынулъ къ Дону...

Въ центрѣ—конница ген. Мамонтова и Топоркова атаковала и разбила 1½ непріятельскихъ дивизіи, взявъ плѣнныхъ и орудія; но послѣ этого, не использовавъ успѣха, Мамонтовъ отвелъ корпусъ въ исходное положеніе... 26-го конница Буденнаго почти уничтожила терскую пластунскую бригаду, поставленную въ центрѣ Добровольцевъ и опрокинула конницу Топоркова; а въ то же время Мамонтовъ, невзирая на повторное приказаніе атаковать противника, посланное ему непосредственно мною черезъ штабъ Корниловской дивизіи, бросилъ фронтъ и спѣшно уходилъ черезъ Аксай на лѣвый берегъ Дона, «опасаясь оттепели и порчи переправъ...»

На остальномъ фронтѣ Добровольческаго корпуса весь день шелъ жестокій бой, при чемъ всѣ атаки противника неизмѣнно отбивались; отбита была и ворвавшаяся въ прорывъ позицій терцевъ непріятельская конница. Лѣвое крыло наше (Дроздовцы и конница Барбовича) переходило въ наступленіе, отбросивъ большевиковъ и преслѣдуя ихъ на 7 верстъ. Но со стороны Новочеркасска выходили уже въ тылъ колонны непріятеля. И когда Дроздовцы и Корниловцы, отступая по приказу, проходили черезъ Ростовъ и Нахичевань, города эти были уже въ рукахъ противника; послѣ тяжелаго, упорнаго боя, эти дивизіи пробились на лѣвый берегъ Дона...

27-го на лѣвомъ берегу находилась уже вся армія. Ставка была переведена на ст. Тихорѣцкую. Наступила оттепель, переправа по льду становилась ненадежной. Совѣтскія арміи сдѣлали нѣсколько попытокъ на плечахъ отступающихъ форсировать Донъ, но были отражены съ большимъ урономъ.

Къ этому времени на востокѣ — Кавказская армія совершала свой отходъ отъ Царицына, подъ давленіемъ неотступно слѣдовавшей за ней 10-й сов. арміи, и къ 4 января 1920 года сосредоточилась за Саломъ.

На западѣ ген. Шиллингъ, во исполненіе своей задачи, двинулъ корпусъ генерала Слащева изъ Екатеринослава внизъ по Днѣпру для непосредственнаго прикрытія сѣверной Тавріи; корпусъ ген. Промтова и бывш. Кіевскія войска подъ начальствомъ ген. Бредова Шиллингъ развернулъ на линіи Бирзула—Долинская—Никополь (искл.), тогда какъ Слащевъ, перебросивъ свои тылы въ Крымъ, сталъ

---

[1]) Генералъ Врангель выѣхалъ спѣшно на Кубань.

между Днѣпромъ и Азовскимъ моремъ на высотѣ Мелитополя. Въ этихъ раіонахъ въ теченіе второй половины декабря войска ген. Шиллинга вели бои противъ частей 12, 13 и 14 сов. армій, Махно и повстанческихъ бандъ, наводнявшихъ Новороссію.

* * *

Кончился 1919 годъ.

Годъ, отмѣченный для насъ блестящими побѣдами и величайшими испытаніями... Кончился циклъ стратегическихъ операцій, поднявшихъ линію нашего фронта до Орла и опустившихъ ее къ Дону... Подвигъ, самоотверженіе, кровь павшихъ и живыхъ, военная слава частей — всѣ свѣтлыя стороны вооруженной борьбы поблекнутъ отнынѣ подъ мертвящей печатью неудачи.

. . . .

Трехмѣсячное отступленіе, крайняя усталость, порѣдѣніе армій, развалъ тыла, картины хаотическихъ эвакуацій произвели ошеломляющее впечатлѣніе на общественность, отозвались болѣзненно на состояніи духа ея и арміи и создали благопріятную почву для пессимистическихъ настроеній и паническихъ слуховъ. Появились люди, которые все предвидѣли и все предсказывали... Люди экспансивные и неуравновѣшенные, съ невыдержавшими нервами, которые впадали въ глубочайшую безнадежность, считали, что сопротивленіе сломлено и борьба проиграна. И это паденіе воли къ борьбѣ — иногда въ прямой открытой формѣ, иногда подъ маской гуманитарныхъ соображеній или стратегическихъ предосторожностей — тонкимъ ядомъ проникало въ диспуты представительныхъ и политическихъ организацій, въ доклады нѣкоторыхъ военныхъ начальниковъ.

Я употреблялъ всѣ усилія, чтобы побороть инерцію отступательнаго движенія, видя въ затяжкѣ операцій одно изъ дѣйствительныхъ средствъ подорвать силы противника. Походъ въ нѣсколько сотъ верстъ и непрестанные кровавые бои не могли не ослабить его и морально, и физически, не могли не разстроить его сообщеній. И я, и ген. Романовскій считали, что и въ Каменноугольномъ раіонѣ, и на Донскомъ плацдармѣ мы могли бы удержать противника; что, невзирая на неравенство силъ, взаимоотношеніе ихъ цѣнности таково, что достаточно было одного сильнаго удара, одного крупнаго успѣха, чтобы перевернуть вверхъ дномъ всю стратегическую ситуацію и помѣняться ролями съ противникомъ, подобно тому, какъ это было въ маѣ въ Каменноугольномъ бассейнѣ...

Люди, потерявшіе равновѣсіе, осуждали Ставку за такой «оптимизмъ». Между тѣмъ, онъ покоился не только на интуитивномъ чувствѣ, но и на реальныхъ данныхъ. То, что открылось впослѣдствіи, превзошло значительно наши тогдашнія «оптимистическія» предположенія. Совѣтскіе источники пріоткрываютъ намъ картину того тяжелаго, почти катастрофическаго положенія, въ которомъ побѣдители докатились до Дона. Страшнѣйшая эпидемія тифа, большія потери и дезертирство выкосили ихъ ряды... У насъ былъ хаосъ въ тылу, но у нихъ вовсе не было никакого тыла: «желѣзныя дороги — говоритъ совѣтскій офиціозъ — совершенно разрушенныя противникомъ (нами), стали. Между Красной арміей и центромъ образовалась пропасть въ 400 верстъ, черезъ которую ни подвезти пополненія, ни произвести эвакуацію, ни организовать санитарную помощь было невозможно...» [1]). Красныя войска, предоставленныя самимъ себѣ, жили исключительно мѣстными средствами — реквизиціями и повальнымъ грабежомъ. Совѣтская приказная литература постоянно отмѣчала эту эпидемію насилій и грабежей. И, если верхи, для сохраненія лица, приписывали эти «печальные факты» вліянію «темныхъ элементовъ, примазавшихся къ арміи, уголовныхъ

[1]) Журналъ «Военная наука и революція». Кн. 1, 1921 г.

преступниковъ и переодѣтыхъ офицеровъ Деникинской арміи» [1]), то низы были откровеннѣе: «Что мы сдѣлали ?.. Насъ встрѣчали, какъ освободителей, съ хлѣбомъ-солью, но мы въ пьяномъ видѣ дѣлали насиліе и грабежъ, что на почвѣ сего у насъ въ тылу, за наши дѣланныя разныя незаконныя продѣлки возставали противъ насъ...» [2]).

Если у насъ въ тылу бушевали повстанчество и бандитизмъ, то и линія наступающаго совѣтскаго фронта не смела повстанцевъ, а только перекинулась черезъ нихъ, и они работали теперь въ тылу совѣтскихъ армій. Тотъ же Махно, который ранѣе приковывалъ къ себѣ 1½ нашихъ корпуса, въ концѣ декабря перейдя въ Гуляй-Польскій раіонъ, вклинился между частями 14-й сов. арміи, наступавшей на Крымъ. Совѣтское командованіе предписало Махно перейти съ его арміей на польскій фронтъ. Въ виду отказа Махно, онъ и его армія «Всеукраинскимъ ревкомомъ» объявлены были внѣ закона. Съ середины января 1920 г. началась, поэтому, упорная и жестокая борьба Махно съ совѣтскими войсками, длившаяся до октября [3]).

Эти обстоятельства содѣйствовали оборонѣ Крыма Слащевымъ.

Пѣхота противника была деморализована и «выдохлась» совершенно, и только конница Буденнаго и Думенко, состоявшая, главнымъ образомъ, изъ донскихъ и кубанскихъ казаковъ, рвавшихся въ родныя мѣста, не потеряла боеспособности и активности.

Къ началу января 1920 г. Вооруженныя силы Юга насчитывали въ своихъ рядахъ 81 тыс. штык. и сабель при 522 орудіяхъ [4]). Изъ нихъ на главномъ театрѣ—по Дону и Салу — было сосредоточено 54 тыс. [5]) и 289 орудій.

Настроеніе этой массы было неодинаково. Въ Добровольческомъ корпусѣ, невзирая на все пережитое, сохранились дисциплина и боеспособность, активность и готовность продолжать борьбу. Численно слабые [6]), они были сильны духомъ.

---

[1]) Приказъ № 3 по первой конной арміи, подписанный Буденнымъ и Ворошиловымъ.

[2]) Изъ воззванія коммунистической ячейки 4-й Кавк. дивизіи арміи Буденнаго.

[3]) Къ этому времени враждующія стороны заключили снова миръ для совмѣстныхъ дѣйствій противъ войскъ ген. Врангеля. Тотчасъ послѣ паденія Крыма большевики разгромили Махно.

[4]) Боевой составъ В. С. Ю. Р. по даннымъ къ 5 январю 1920 г.:

Составъ / Наименование	Штык.	Сабель	Орудій
Донского войска	18 622	19 140	154
Добровольческ. части (на Дону, въ Новорос., Крыму, въ Кавказск. ар., на сѣверн. Кавказѣ и на Побережьи)	25 297	5 505	312
Кубанскаго войска	5 849	2 468	36
Терскаго войска	1 185	1 930	7
Горскія части	490	552	8
Астраханск. войска	—	468	5
Всего	51 443	30 063	522
	81 506		

[5]) Донская армія — 37 тыс., Добров. корпусъ — 10 тыс. и Кавказская армія — 7 тысячъ.

[6]) Особенно пострадали 2-я пѣх. и Марковская дивизіи; послѣдняя въ предыдущихъ бояхъ потеряла артиллерію и обозы. Въ тылу имѣлось еще 10 тыс. пополненій.

Я видѣлъ войска подъ Батайскомъ и Азовомъ и бесѣдовалъ съ офицерами. Этотъ вечеръ въ полутемномъ зданіи, въ Азовѣ, оставилъ во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе, напомнивъ живо другой такой же вечеръ и бесѣду — 18 октября 1918 г. въ станицѣ Рождественской въ дни тяжелаго кризиса подъ Ставрополемъ. Такъ же, какъ и тогда, я не увидѣлъ ни унынія, ни разочарованія. Такъ же, какъ тогда, измотанные, истомленные, оглушенные событіями люди «жадно ловили всякій намекъ на улучшеніе общаго положенія и интересовались только тѣмъ, что облегчало намъ дальнѣйшую борьбу».

Въ Донской арміи послѣдніе два мѣсяца было неблагополучно. Не только рядовымъ казачествомъ, но и частью командного состава былъ потерянъ духъ. «Въ серединѣ декабря — говоритъ полк. Добрынинъ — это опредѣлилось настолько ясно, что поступилъ (въ штабъ арміи) рядъ самыхъ отчаянныхъ донесеній вплоть до совѣтовъ о капитуляціи, отъ чего, видимо, не прочь была и часть тыловыхъ дѣльцовъ Новочеркасска» [1]). Ген. Сидоринъ, касаясь этого періода, говорилъ впослѣдствіи [2]): «Былъ моментъ, когда командный составъ подорвалъ свою душу, а это равносильно — подорвать армію...» Но періоды упадка въ жизни Дона повторялись трижды, и казачество подымалось вновь. Такъ и теперь: отходъ за Донъ и нѣкоторая передышка вдвое увеличили силы Донской арміи [3]), успокоили нѣсколько нервы, вернули самообладаніе. А первые успѣхи вернули и увѣренность, и активность. Казачьи верхи — генералы Богаевскій, Сидоринъ, Кельчевскій, предсѣдатель Круга Харламовъ были тверды въ своемъ рѣшеніи продолжать борьбу.

Гораздо хуже обстояло дѣло на Кубани. Съ возвращеніемъ къ власти въ концѣ декабря самостійной группы, процессъ разложенія области и кубанскихъ войскъ пошелъ болѣе быстрымъ темпомъ. И безъ того на фронтѣ находилось ничтожное количество кубанскихъ казаковъ — всѣ остальные «формировались» или дезертировали. Но и оставшіеся выказывали признаки большого душевнаго разлада, вотъ-вотъ готоваго вылиться въ полный развалъ.

Передъ нашей Задонской группой находился противникъ, ослабленный выдѣленіемъ 13 и 14 армій, которыя ушли къ западу противъ Украины и Крыма. 8-я, 9-я, 10-я, 11-я и 1-я конная арміи располагались отъ Ростова до Астрахани. Войска эти образовали новый «Кавказскій фронтъ». Численность войскъ на главномъ театрѣ составляла 50—55 тыс., т. е. столько же, сколько имѣли мы [4]). Командующій 8 сов. арміей, Ворошиловъ, стоявшій на ростовскомъ фронтѣ, въ докладѣ своемъ начальству такъ оцѣнивалъ положеніе [5]): «Вслѣдствіе трудности похода, гигантской эпидеміи тифа и потерь въ бояхъ, части 8-й и сосѣднихъ армій въ численномъ составѣ дошли до минимума. Къ тому же старые бойцы замѣнены мѣстными мобилизованными и плѣнными; пополненій нѣтъ... Противникъ, вопреки ложнымъ донесеніямъ увлекающихся товарищей, сохранилъ всѣ кадры и артиллерію... Наше продвиженіе впередъ безъ значительнаго пополненія и реорганизаціи можетъ окончиться плачевно, такъ какъ въ случаѣ отхода будемъ имѣть въ тылу непроходимыя, разлившіяся рѣки. Необходима радикаль-

---

[1]) «Борьба съ большевизмомъ на югѣ Россіи». Часть Круга во главѣ съ Агѣевымъ еще въ Новочеркасскѣ вела тайныя бесѣды о сдачѣ большевикамъ.

[2]) На совѣщаніи въ Тихорѣцкой.

[3]) Подтянулись, потерявъ родныя станицы, отставшіе; мобилизованные, часть дезертировъ, наученные уже разъ, въ началѣ года большевицкимъ обѣщаніемъ «мира».

[4]) Не включая съ одной стороны 11-й сов. арміи, которая изъ Астрахани вела наступленіе на Кизляръ и Св. Крестъ, съ другой — войскъ Сѣв. Кавказа.

[5]) Сов. журналъ «Военная наука и революція». 1921 г.

ная переоцѣнка всего положенія на фронтѣ, дабы избѣжать чрезвычайно тяжелыхъ сюрпризовъ въ близкомъ будущемъ...»

Принимая во вниманіе извѣстныя тогда данныя, я считалъ, что, если подымется Кубанское казачество, успѣхъ нашъ будетъ скорый и окончательный. Если же нѣтъ, то положеніе наше станетъ весьма труднымъ, но далеко не безнадежнымъ. Условія матеріальнаго порядка для обѣихъ сторонъ были болѣе или менѣе одинаковы.

Побѣда довлѣла духу.

И войскамъ приказано было готовиться къ наступленію.

ГЛАВА XXVIII.

«Мы» и «они». Тылъ. Традиціи беззаконія.

Борьба Вооруженныхъ силъ Юга окончилась пораженіемъ. Это обстоятельство наложило свой мрачный колоритъ на воспріятія и переживанія, на мысль и память людей. И тѣхъ, что томились подъ властью большевиковъ и, переживъ краткое время просвѣта, вернулись вновь во тьму совѣтскаго застѣнка. И тѣхъ, что вмѣстѣ съ послѣднимъ клочкомъ родной земли потеряли все — Родину, семью, добро, весь смыслъ своего существованія... Эти углубленныя личными переживаніями картины прошлаго — въ разсказахъ, отчетахъ, мемуарахъ — вытѣсняютъ часто и тѣ положительныя стороны, которыя были въ исторіи бѣлаго Юга.

«Народъ встрѣчалъ ихъ съ радостью, на колѣняхъ, а провожалъ съ проклятіями...» Такъ формулируютъ часто приговоръ надъ бѣлымъ прошлымъ.

Съ проклятіями!.. Не потому ли, что мы — побѣжденные — уходили, оставляя народъ лицомъ къ лицу съ совѣтской властью? Вѣдь слѣдовавшіе за нами большевики не вносили умиротворенія; ихъ правленіе было жестокимъ, ихъ совдепы, че-ка и прочіе институты не были гуманнѣе, справедливѣе «буржуазно-помѣщичьихъ губернаторовъ»; суды большевицкіе были беззаконны и безсмысленны; народу при большевикахъ не становилось ни легче, ни сытнѣе; наконецъ, красная армія приносила гораздо болѣе разоренія, чѣмъ бѣлая...

Невзирая на всѣ отрицательныя стороны бѣлаго режима, разница его съ отходившимъ совѣтскимъ была слишкомъ наглядна и разительна. Прежде всего, упразднялась система террора, и жизнь освобождалась отъ тяготѣвшихъ надъ ней нестерпимаго гнета, ужаса, неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, взаимной подозрительности. На смѣну тюремныхъ оковъ, душившихъ мысль, совѣсть, всякое индивидуальное проявленіе личное и общественное, расходившееся со взглядами коммунистической партіи, появлялась кипящая жизнь обществъ, союзовъ, политическихъ партій, профессіональныхъ организацій[1]).

Неизмѣримо поднялась добыча въ Каменноугольномъ бассейнѣ и, хотя очередной транспортный кризисъ парализовалъ въ извѣстной степени ея успѣхи, повлекши за собой одно время и топливный кризисъ, но «кладбище фабрикъ и заводовъ» оживало съ каждымъ днемъ. Свобода торговли и общественная самодѣятельность въ хозяйственной области вызвали къ жизни множество кооперативныхъ товариществъ, частью самостоятельныхъ, частью объединенныхъ въ

---

[1]) Мѣры ограниченія принимались лишь въ отношеніи жел.-дор. союзовъ, такъ какъ вся страна представляла театръ войны, а пути сообщенія — одно изъ важнѣйшихъ средствъ ея.

крупные союзы[1]). Городскія и земскія самоуправленія жили почти исключительно на правительственныя ассигнованія; къ осени начался переходъ отъ полуназначенныхъ городскихъ управленій къ выборнымъ, за немногими исключеніями давшій преобладаніе національно-демократическимъ элементамъ; въ значительной степени устранялась правительственная опека надъ городскимъ хозяйствомъ.

Деревня испытывала общія тяготы и бѣдствія, сопряженныя съ гражданской войной. Обиды отъ проходящихъ войскъ, злоупотребленія мѣстныхъ властей и «возвращающіеся помѣщичьи шарабаны» — факты безспорные. Но тягость ихъ все же ограничивалась и умѣрялась: во-первыхъ, естественнымъ путемъ — трудностью, зачастую невозможностью проникновенія въ деревню «шарабановъ» внѣ фронтовой полосы и внѣ окрестностей крупныхъ городовъ — съ одной стороны, и обильнымъ урожаемъ, посланнымъ судьбою въ 1919 г, — съ другой; во-вторыхъ. правительственными мѣропріятіями: запрещеніемъ самоуправнаго возстановленія собственности, возмѣщеніемъ за незаконныя реквизиціи, ссудами, предоставленными сельскимъ обществомъ на обсѣмененіе и сборъ хлѣба, освобожденіемъ или отсрочкой по отбыванію воинской повинности хозяйственнымъ одиночкамъ, нормированіемъ и сниженіемъ арендной платы за землю и, вообще, рядомъ законодательныхъ актовъ, подводившихъ нѣкоторое юридическое обоснованіе подъ фактъ земельнаго захвата. Повсемѣстно переходъ къ намъ новыхъ территорій вызывалъ въ нихъ рѣзкое пониженіе стоимости хлѣба и предметовъ первой необходимости.

Наконецъ, бѣлый режимъ приносилъ свободу церкви, печати, внѣсословный судъ и нормальную школу.

Всѣ эти явленія заглушались бездной нашихъ нестроеній и потонули въ общей пучинѣ того всеобъемлющаго, всесокрушающаго и всенивеллирующаго событія, имя которому п о р а ж е н і е. Когда пройдутъ сроки, отзвучатъ громы и переболѣетъ сердце, безстрастное перо историка остановится и на положительныхъ сторонахъ государственнаго строительства Юга.

Распространяться объ этомъ я не буду.

* * *

Вопросъ объ отношеніяхъ, создавшихся ко мнѣ л и ч н о, принадлежитъ къ области чисто субъективныхъ воспріятій и можетъ быть освѣщенъ только извнѣ. Скажу лишь, что успѣхъ или неудача, прежде всего, вліяли на эти отношенія, и что напоръ шелъ и справа, и слѣва.

Я остановлюсь лишь нѣсколько на крайнихъ проявленіяхъ общественнаго ко мнѣ вниманія, въ видѣ готовившихся на мою жизнь покушеній...

О нихъ органы сыска и контръ-развѣдки докладывали часто. Гдѣ тамъ была правда, гдѣ заблужденіе или вымыселъ, опредѣлить трудно. У меня лично не было никогда ощущенія нависшей опасности. До лѣта 1919 г. не было рѣшительно никакой охраны, кромѣ почетнаго караула у дома, и я пользовался полной свободой передвиженія. Затѣмъ, подъ давленіемъ общественныхъ дѣятелей, вопреки моему запрещенію, штабъ установилъ секретную охрану, достаточно примитивную и только тяготившую меня. Простой пріемъ—отъѣздъ на автомобилѣ, а ихъ было мало и не хватало для охранной службы — избавлялъ, впрочемъ, отъ этой тягостной опеки.

---

[1]) Случайная справка: Харьковскій окружный судъ за вторую половину октября зарегистрировалъ 32 новыхъ кооперативныхъ общества.

Розыскные органы сообщали о цѣломъ рядѣ готовившихся покушеній со стороны большевиковъ, а съ ноября 1919 г. — и со стороны кубанскихъ самостійниковъ. Одна партія «террористовъ», направлявшаяся изъ Харькова въ Таганрогъ, была обнаружена донской контръ-развѣдкой, и пятеро участниковъ «боевого отряда» по приговору донского полевого суда были казнены. Но, спустя нѣкоторое время, контръ-развѣдка Ставки получила свѣдѣнія, что весь этотъ заговоръ явился, якобы, чистой провокаціей, и казнены были невинные... По этому весьма темному дѣлу велось слѣдствіе, но результаты его до моего отъѣзда изъ Россіи не были мнѣ доложены.

Были свѣдѣнія о командировкѣ на Югъ соц.-рев. Блюмкина, убійцы Мирбаха, съ порученіемъ отъ большевиковъ...

На процессѣ правыхъ соц.-рев. въ Москвѣ, въ 1922 году, выяснились нѣкоторыя, лично меня касающіяся детали. Нѣкто Семеновъ, оказавшійся провокаторомъ, предложилъ ц. к. партіи «убрать обоихъ», т. е. Колчака и Деникина, но получилъ отказъ: «Колчакъ разогналъ Учредительное Собраніе, разстрѣлялъ многихъ нашихъ товарищей. Но Деникинъ еще Учредительнаго Собранія не разогналъ, его позиція не выявилась. Пока мы при немъ имѣемъ легальную возможность работать»[1].

Осенью 1919 г. какой-то анонимный доброжелатель сообщалъ мнѣ изъ Кіева о боевой организаціи лѣвыхъ соц.-рев., имѣвшихъ задачей убить меня. Эти показанія впослѣдствіи совпали вполнѣ съ разсказомъ Каховской[2]), находившейся въ составѣ боевой дружины, которая, дѣйствительно, послѣ убійства въ Кіевѣ Эйхгорна, перебралась въ Ростовъ, гдѣ довольно долго подготовляла покушеніе на меня. Не придавая тогда никакого значенія письму, я его порвалъ, не передавъ въ штабъ. На это дѣло потрачено было соц.-рев. много времени и денегъ. Для реабилитаціи себя въ неудачѣ не очень самоотверженные террористы ссылались на рядъ встрѣченныхъ ими совершенно непреодолимыхъ трудностей, не разъ анекдотическаго характера. Зачастую соц.-рев. развѣдка — говоритъ Каховская — давала «сильно преувеличенныя свѣдѣнія»: «Деникинъ бываетъ въ Ростовѣ разъ въ недѣлю на засѣданіи Верховнаго Совѣта (очевидно, Особое Совѣщаніе. Авт.). Каждый разъ мѣсто засѣданій мѣняется. Съ вокзала онъ ѣдетъ загримированнымъ, въ закрытомъ автомобилѣ, при чемъ всегда въ ряду другихъ, такихъ же автомобилей...»

По свидѣтельству той же Каховской неудача постигла и боевыя группы, посланныя въ Одессу и Харьковъ. При этомъ послѣдняя, «растерявъ по дорогѣ взрывчатыя вещества и оружіе... безсильно смотрѣла въ нѣсколькихъ шагахъ на принимавшаго парадъ Деникина».

Лѣтомъ 1919 г. появились свѣдѣнія о готовящемся покушеніи со стороны крайнихъ правыхъ; въ числѣ участниковъ называли ген. Комиссарова, вѣроятно, и тогда уже состоявшаго одновременно на службѣ и у большевиковъ. Нѣкоторое время съ этой стороны было тихо и лишь въ началѣ 1920 г., въ связи съ усилившейся противъ меня кампаніей, въ Севастополѣ «освящался ножъ», который долженъ былъ «устранить» меня. Желающаго имъ воспользоваться, вѣроятно, не нашлось. Мнѣ лично всѣ эти разсказы казались слѣдствіемъ излишней впечатлительности освѣдомителей или бравадой заговорщиковъ. Тѣмъ болѣе, что мои прогулки по улицамъ Екатеринодара, Новороссійска и Феодосіи облегчали до крайности возможность убійства.

---

[1]) Членъ ц. к. Тимофеевъ, устыдившись, повидимому, на судѣ такой терпимости, оспаривалъ это показаніе: была очередь, а не прямой отказъ.

[2]) Сборникъ «Пути революціи». Годъ изд. 1923.

Оппозиція находила откликъ и въ нѣдрахъ правительственныхъ учрежденій. Въ началѣ декабря 1919 г. поступилъ докладъ лица, занимавшаго видное положеніе въ Освагѣ, о томъ, что, якобы, готовится убійство нач. штаба генерала Романовскаго и что центромъ организаціи является «бюро секретной информаціи» Освага. Гражданской частью государственной стражи произведено было по этому дѣлу разслѣдованіе, обыскъ въ «бюро» и аресты. Уликъ по данному обвиненію не нашлось. Но попутно развернулась картина интриги, питавшейся изъ казеннаго сундука, слѣжки за главнокомандующимъ, субсидированія оппозиціонной правой организаціи и таинственной связи «бюро» съ анонимными группами, стремившимися къ перевороту. Разслѣдованіе затрагивало и высокопоставленныхъ лицъ.

Считая неумѣстнымъ возбужденіе подобнаго политическаго дѣла въ дни переживаемыхъ нами тогда потрясеній (декабрь), я ограничился удаленіемъ со службы нѣсколькихъ чиновъ Освага и разслѣдованіе велѣлъ прекратить.

Лучшій слѣдователь — исторія, если только ее будутъ занимать эти мелочи нашей жизни.

* * *

Развалъ такъ называемаго «тыла» — понятіе, обнимающее въ сущности народъ, общество, все не воюющее населеніе — становился поистинѣ грознымъ. Слишкомъ узко и элементарно было бы приписывать «грѣхамъ системы» всѣ тѣ явленія, которыя, вытекая изъ исконныхъ чертъ націи, изъ войны, революціи, безначалія, большевизма — составляли непроницаемую преграду, о которую не разъ разбивалась «система».

Классовый эгоизмъ процвѣталъ пышно повсюду, не склонный не только къ жертвамъ, но и къ уступкамъ. Онъ одинаково владѣлъ и хозяиномъ и работникомъ, и крестьяниномъ и помѣщикомъ, и пролетаріемъ и буржуемъ. Всѣ требовали отъ власти защиты с в о и х ъ правъ и интересовъ, но очень немногіе склонны были оказать ей реальную помощь. Особенно странной была эта черта въ отношеніяхъ большинства буржуазіи къ той власти, которая возстанавливала буржуазный строй и собственность. Матеріальная помощь арміи и правительству со стороны имущихъ классовъ выражалась ничтожными въ полномъ смыслѣ слова цифрами. И въ то же время претензіи этихъ классовъ были весьма велики...

Долго ждали мы прибытія виднаго сановника — одного изъ немногихъ, вынесшихъ съ пожарища старой бюрократіи репутацію передового человѣка. Предположено было привлечь его въ Особое Совѣщаніе. Прибывъ въ Екатеринодаръ, при первомъ своемъ посѣщеніи онъ представилъ мнѣ петицію крупной буржуазіи — о предоставленіи ей, подъ обезпеченіе захваченныхъ совѣтской властью капиталовъ, фабрикъ и латифундій, широкаго государственнаго кредита. Это значило принять на государственное содержаніе классъ крупной буржуазіи, въ то время, какъ нищая казна наша не могла обезпечить инвалидовъ, вдовъ, семьи воиновъ и чиновниковъ...

Чувство долга въ отношеніи отправленія государственныхъ повинностей проявлялось очень слабо. Въ частности, дезертирство приняло широкое, повальное распространеніе. Если много было зеленыхъ въ плавняхъ Кубани, въ лѣсахъ Черноморья, то не меньше «зеленыхъ» — въ пиджакахъ и френчахъ — наполняло улицы, собранія, кабаки городовъ и даже правительственныя учрежденія. Борьба съ ними не имѣла никакого успѣха. Я приказалъ одно время принять исключительныя мѣры въ пунктѣ квартированія Ставки (Екатеринодаръ) и давать мнѣ на конфирмацію всѣ приговоры полевыхъ судовъ, учреждаемыхъ при

главной квартирѣ, о дезертирахъ. Прошло два-три мѣсяца; регулярно поступали смертные приговоры, вынесенные какимъ-нибудь заброшеннымъ въ Екатеринодаръ ярославскимъ, тамбовскимъ крестьянамъ, которымъ неизмѣнно я смягчалъ наказаніе; но, несмотря на грозные приказы о равенствѣ классовъ въ несеніи государственныхъ тяготъ, несмотря на смѣну комендантовъ, ни одно лицо интеллигентно-буржуазной среды подъ судъ не попадало. Изворотливость, безпринципность — вплоть до такихъ пріемовъ, какъ принятіе персидскаго подданства, кумовство, легкое покровительственное отношеніе общественности къ уклоняющимся — служили имъ надежнымъ щитомъ.

Не только въ «народѣ», но и въ «обществѣ» находили легкій сбытъ расхищаемые запасы обмундированія новороссійской базы и армейскихъ складовъ...

Спекуляція достигла размѣровъ необычайныхъ, захватывая въ свой порочный кругъ людей самыхъ разнообразныхъ круговъ, партій и профессій: кооператора, соц.-дем., офицера, даму общества, художника и лидера политической организаціи. Несомнѣнно, что не въ людяхъ, а въ общихъ явленіяхъ народной жизни и хозяйства коренились причины бѣдствія — дороговизны и неразрывно связанной съ ней спекуляціи. Ихъ вызвало общее разстройство денежнаго обращенія и товарообмѣна, сильное паденіе труда и производительности и множество другихъ матеріальныхъ и моральныхъ факторовъ, привнесенныхъ войной и революціей. Торгово-промышленный классъ видѣлъ средство «вырвать торговлю изъ рукъ спекулятивныхъ элементовъ» — въ «широкой поддержкѣ государственнымъ кредитомъ, оказываемой крупнымъ и солиднымъ торговымъ организаціямъ...» Но и этотъ способъ возбуждалъ въ насъ извѣстное сомнѣніе, принимая во вниманіе ту суровую самокритику, которую вынесли сами представители класса: «... совѣщаніе[1]) считаетъ своимъ долгомъ указать на угрожающее паденіе нравственнаго уровня во всѣхъ профессіяхъ, соприкасающихся съ промышленностью и торговлей. Паденіе это охватило нынѣ всѣ круги этихъ профессій и выражается въ непомѣрномъ ростѣ спекуляціи, въ общемъ упадкѣ дѣловой морали, въ страшномъ паденіи производительности труда...»

Обыватель не углублялъ причинъ постигшаго его бѣдствія. Онъ видѣлъ ихъ только въ спекуляціи и въ спекулянтахъ, противъ которыхъ наростало сильнѣйшее и справедливое возбужденіе. Подъ вліяніемъ этихъ общественныхъ настроеній я предложилъ управленію юстиціи выработать законоположеніе о суровыхъ карахъ за злостную спекуляцію. Н. В. Челищевъ затруднялся выполнить это порученіе, считая, что само понятіе «спекуляція» имѣетъ столь неясныя, расплывчатыя формы, что чрезвычайно трудно регламентировать его юридически, что въ результатѣ могутъ получиться произволъ и злоупотребленія. Я провелъ все-таки черезъ военно-судебное вѣдомство, въ порядкѣ верховнаго управленія, «временный законъ объ уголовной отвѣтственности за спекуляцію», каравшій виновныхъ смертной казнью и конфискацией имущества. Безполезно: попадалась лишь мелкая сошка, на которую не стоило опускать карающій мечъ правосудія.

Лишь оздоровленіе народнаго хозяйства могло очистить его отъ паразитовъ. Но для этого, кромѣ всѣхъ прочихъ условій, нужно было время.

Казнокрадство, хищенія, взяточничество стали явленіями обычными, цѣлыя корпораціи страдали этимъ недугомъ. Ничтожность содержанія и задержка въ его полученіи были одной изъ причинъ этихъ явленій. Такъ, жел.-дор. транспортъ сталъ буквально оброчной статьей персонала. Проѣхать и отправить грузъ нормальнымъ путемъ зачастую стало невозможнымъ. Въ злоупотребленіи проѣздными «литерами» принимали участіе весьма широкіе круги населенія. Въ немъ,

---

[1]) Изъ резолюціи торгово-промышленнаго совѣщанія въ Ростовѣ. Октябрь, 1919 г.

напримѣръ, изобличены были въ свое время и составъ редакціи столь демократической «Родной Земли» Шрейдера, и одна большая благотворительная организація, которая распродавала купцамъ предоставленныя для ея нуждъ «литеры» по договору, обусловливавшему ея участіе въ 25% чистой прибыли... Донское правительство, отчаявшись въ полученіи хлѣба съ Кубани, поручило закупку его крупному дѣльцу Молдавскому. Хлѣбъ, дѣйствительно, сталъ поступать массами, хотя и обошелся донской казнѣ чрезвычайно дорого. При этомъ вся Кубань и всѣ желѣзныя дороги края были покрыты контръ-агентами Молдавскаго, которые по таксѣ и по чину совершенно открыто платили попудную дань всей администраціи отъ станичнаго писаря и смазчика до... предѣловъ не знаю. Въ Кубанской радѣ поднятъ былъ даже вопросъ о томъ, что «Молдавскій развратилъ всю администрацію». Мнѣ, кажется, однако, что сѣтованія Рады были не совсѣмъ основательны: лиходатели и лихоимцы только дополняли другъ друга на общемъ фонѣ безвременья.

Традиція беззаконія пронизывала народную жизнь, вызывая появленіе множества авантюристовъ, самозванцевъ — крупныхъ и мелкихъ. Для характеристики приведу нѣсколько незначительныхъ, но характерныхъ эпизодовъ, задѣвавшихъ непосредственно меня...

Въ Одесской контръ-развѣдкѣ подвизался въ темныхъ дѣлахъ какой-то чинъ, именовавшійся моимъ «родственникомъ» и пріобрѣтшій служебный иммунитетъ... Такую же роль играла на черноморскихъ курортахъ какая-то дама, назвавшаяся моей сестрой... Во время переѣзда по Азовскому морю — одна неизвѣстная мнѣ особа, предполагая скорое разрѣшеніе отъ бремени, принудила капитана большого пассажирскаго парохода измѣнить маршрутъ, назвавшись моей племянницей...

Однажды въ управленіе земледѣлія обратился полковникъ (фамиліи его не помню) съ запиской отъ «группы», въ составѣ которой была названа моя фамилія, ген. Лукомскаго и другихъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ лицъ, числомъ около 50, въ томъ числѣ и автора записки. «Группа» указывала на необходимость колонизаціи Черноморья и надѣленія участками казенныхъ дачъ лицъ, оказавшихъ услуги отечеству, въ первую очередь членовъ «группы». Управленіе въ спѣшномъ порядкѣ занялось этимъ дѣломъ и готовило соотвѣтствующее представленіе въ Особое Совѣщаніе.

Когда я узналъ объ этомъ эпизодѣ, я приказалъ розыскать полковника и посадить его подъ арестъ. Произведенное разслѣдованіе обнаружило, что онъ не вполнѣ нормаленъ. Но служебный оппортунизмъ управленія земледѣлія!..

Всѣ эти факты не вытекали изъ «системы». Это была давняя и прочная традиція.

Въ городахъ шелъ развратъ, разгулъ, пьянство и кутежи, въ которые, очертя голову, бросалось и офицерство, пріѣзжавшее съ фронта.

— Жизни — грошъ цѣна. Хоть день, да мой!..

Шелъ пиръ во время чумы, возбуждая злобу или отвращеніе въ стороннихъ зрителяхъ, придавленныхъ нуждой. Въ тѣхъ праведникахъ, которые кормились голоднымъ пайкомъ, ютились въ тѣснотѣ и холодѣ реквизированной комнаты, ходили въ истрепанномъ платьѣ, занимая иногда очень высокія должности общественной или государственной службы и неся ее съ величайшимъ безкорыстіемъ. Такихъ было не мало, но не они, къ сожалѣнію, давали общій тонъ жизни Юга.

Великія потрясенія не проходятъ безъ пораженія моральнаго облика народа. Русская смута, наряду съ примѣрами высокаго самопожертвованія, всколыхнула еще въ большей степени всю грязную накипь, всѣ низменныя стороны, таившіяся

въ глубинахъ человѣческой души. Между тѣмъ, только самодѣятельность народныхъ и общественныхъ силъ могла доставить перевѣсъ въ борьбѣ.

И вотъ, учитывая слагаемыя силъ и средствъ боровшихся сторонъ, приходишь къ заключенію, что въ отношеній подъема и активности народныхъ настроеній бѣлое движеніе имѣло не многимъ больше шансовъ, чѣмъ большевизмъ.

ГЛАВА XXIX.

Особое Совѣщаніе: вопросъ о перемѣнѣ политическаго курса. Наказъ правительству.

Осенью 1919 г. съ особенной остротой всталъ вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи Особаго Совѣщанія.

Послѣ признанія мною верховной власти адмирала Колчака, вмѣстѣ съ привѣтственнымъ адресомъ Особаго Совѣщанія, предсѣдатель его ген. А. М. Драгомировъ вручилъ мнѣ свое письмо, въ которомъ высказался о своей государственной дѣятельности. «На Югѣ — писалъ онъ — задача... устранить всѣ тренія къ объединенію разрозненныхъ частей Россіи... пріобрѣтаетъ чрезвычайное государственное значеніе, въ виду яркихъ сепаратистскихъ теченій, борьба съ которыми до сихъ поръ не привела къ успѣху... По свойствамъ моего темперамента и характера... у меня совершенно отсутствуетъ умѣнье сглаживать и смягчать отношенія; каждый компромиссъ, безъ котораго никакая политика невозможна, достается мнѣ путемъ большого насилія надъ моей натурой и проводится въ жизнь безъ того чистосердечія и искренности, которыя въ этихъ случаяхъ столь необходимы... Родъ занятій всей моей жизни создалъ изъ меня генерала, но не политика. Передѣлать себя я не въ состояніи... Я считаю себя неразрывно связаннымъ и съ той великой задачей, которую Вы исполняете, и лично съ Вами... Но глубоко убѣжденъ, что по своей спеціальности я могу дать Вамъ большую помощь, чѣмъ на посту, нынѣ мною занимаемомъ».

Я не предполагалъ производить перемѣнъ до реорганизаціи всей структуры правительства и, отдавъ должное прямотѣ этого заявленія, попросилъ Абрама Михайловича оставаться на посту. Въ ближайшіе дни онъ уѣхалъ во главѣ миссіи за границу и, когда въ концѣ августа вернулся, то обстановка измѣнилась: съ одной стороны казалось близкимъ государственное объединеніе съ казачьими областями, и роль полуотвѣтственнаго передъ Высшимъ совѣтомъ (право запросовъ) главы правительства была бы для ген. Драгомирова еще болѣе не по сердцу; съ другой — открылся постъ командующаго войсками и главноначальствующаго въ Кіевской области, съ которой у ген. Драгомирова были давнишнія связи служебныя и общественныя. Постъ этотъ требовалъ немедленнаго замѣщенія. Я указалъ Абраму Михайловичу на предстоявшую возможность и онъ, послѣ краткаго размышленія, принялъ назначеніе въ Кіевъ.

Временнымъ предсѣдателемъ Особаго Совѣщанія сталъ другой мой помощникъ, ген. Лукомскій, исполнявшій эту должность лѣтомъ, во время отсутствія ген. Драгомирова. Замѣстителемъ предсѣдателя былъ назначенъ В. Н. Челищевъ.

Въ этотъ переходный періодъ круги, близкіе къ «Совѣту Государств. Объедин.», и правый секторъ Особаго Совѣщанія выдвигали усиленно положеніе, что главою новаго правительства должно быть непремѣнно лицо гражданское... Подразумѣвался А. В. Кривошеинъ.

* * *

Тяжкія внутреннія нестроенія наши служили неоднократно предметомъ для обмѣна мнѣній въ засѣданіяхъ Особаго Совѣщанія. Въ серединѣ октября по частному поводу «махновщины» я предложилъ членамъ Совѣщанія подготовить фактическій матеріалъ для сужденія о причинахъ, питавшихъ повстанческое движеніе. Сборъ и обработка этого матеріала поручены были Н. И. Астрову, который въ одно изъ ближайшихъ засѣданій Совѣщанія сдѣлалъ докладъ, охватившій общую картину нашихъ бѣдствій, грѣховъ правительственной системы, гражданскаго управленія и арміи.

Картина получилась глубоко безотрадная. «Черныя страницы арміи», произволъ и беззаконія гражданской администраціи — тема больная и обширная. Но докладъ не заключалъ въ себѣ положительныхъ, конкретныхъ предложеній, могшихъ уврачевать язвы и обосновать новый политическій курсъ. Эта работа была произведена Н. И. Астровымъ дополнительно и вылилась въ составленіе записки — «тезисовъ по вопросу о политическомъ курсѣ», подвергнутой затѣмъ авторомъ, по предложенію предсѣдателя Особаго Совѣщанія, обсужденію совмѣстно съ членами Совѣщанія Савичемъ и Соколовымъ.

Записка Астрова состояла изъ неравноцѣнныхъ частей. Въ одной перечислялись цѣли, лозунги борьбы, всецѣло повторявшіе наши неоднократныя деклараціи и заявленія. Въ другой — указывалось на необходимость пресѣченія ряда преступленій безпощадными карами. Эти положенія также составляли тему десятковъ моихъ приказовъ, а смертная казнь являлась обычной мѣрой наказанія военно-полевого и уголовнаго кодекса. Было, напримѣръ, совершенно безспорнымъ, что «власть должна понудить тылъ принять участіе въ предоставленіи арміи всего, что нужно для продолженія борьбы», а въ арміи «принять героическія мѣры къ ея оздоровленію, прекращенію грабежей и поднятію дисциплины». Что власть «рѣшительно отвергаетъ месть, насиліе, самоуправство и произволъ надъ мирнымъ населеніемъ. . .»

Наконецъ, третья часть записки касалась предстоящаго измѣненія курса и смѣны личнаго состава центральнаго органа. Первый вопросъ — на кого опираться — былъ разрѣшенъ въ такой формѣ:

> «Въ цѣляхъ привлеченія къ дѣлу строительства Государства разныхъ слоевъ населенія, кровно заинтересованныхъ въ установленіи порядка, власть должна дѣйствіями, не расходящимися съ ея деклараціями и обѣщаніями, дать населенію ясное представленіе о томъ, какія цѣли ставитъ себѣ она и какія требованія предъявляетъ къ населенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, власть должна неукоснительно принимать рѣшительныя мѣры въ области соціальныхъ реформъ на демократическихъ основаніяхъ. Эти реформы, среди которыхъ на первомъ мѣстѣ должна стоять аграрная реформа, должны установить связь власти съ разными слоями населенія и, по преимуществу, съ крестьянствомъ, связаннымъ съ землей, со всѣми элементами, занятыми производительнымъ трудомъ въ области промышленности и торговли, со служилымъ элементомъ, съ городскимъ населеніемъ, съ его мѣщанствомъ и мелкимъ ремесленничествомъ. Опора на одну какую-либо часть населенія и отбрасываніе всего остального населенія было бы непоправимой ошибкой, которую использовали бы враги новой власти».

Эта формула не обнаруживала степени дерзанія ни въ аграрномъ, ни въ прочихъ соціальныхъ вопросахъ, сильно напоминая наши всегдашніе призывы къ сотрудничеству «всѣхъ государственно-мыслящихъ слоевъ населенія», а нѣкоторая неясность редакціи этого пункта дала даже поводъ предсѣдателю Особаго Совѣщанія, ген. Лукомскому сопроводить ее замѣчаніемъ: «т е. выбросить буржуевъ !. . .»

Наконецъ, вопросъ о составѣ высшаго органа власти:

«Преобразованіе Центральнаго Органа Управленія и образованіе Органа Власти изъ лицъ, связанныхъ единствомъ пониманія политическихъ задачъ и стремленіемъ объединить свою волю съ волей носителя высшей національной власти и способныхъ освободиться отъ умертвляющей энергію рутины.

Центральный органъ долженъ привести мѣстные органы въ полное соотвѣтствіе съ планами и намѣреніями центральной власти, для чего должны быть пересмотрѣны всѣ назначенія на высшіе административные посты, а новые кандидаты на эти должности должны быть проводимы черезъ Особое Совѣщаніе (Высшій органъ)».

Какая же политическая или общественная группа могла принять на свои плечи бремя власти?

Особое Совѣщаніе въ цѣломъ отнеслось скептически къ «перемѣнѣ курса», и записка Астрова долгое время не ставилась на обсужденіе. Поэтому, я вызвалъ членовъ комиссіи для доклада въ Таганрогъ 2-го декабря. На этомъ докладѣ [1]) всѣ приведенные выше вопросы не только не разъяснились, но были затуманены еще болѣе; каждый изъ трехъ членовъ комиссіи придерживался особаго мнѣнія. Н. И. Астровъ, считая, что деклараціи главнаго командованія въ достаточной степени соотвѣтствуютъ требованіямъ жизни, говорилъ о необходимости претворить слово въ дѣло, устранить расхожденіе обѣщаній съ практикой, словомъ принять «ясный политическій курсъ», не поясняя, однако, кому надлежитъ приводить его въ исполненіе?.. Н. В. Савичъ говорилъ о томъ, что наша политика не удовлетворяетъ ни одно изъ теченій, борющихся съ оружіемъ въ рукахъ, и о необходимости опереться на «классъ, способный постоять за себя» — опять-таки не опредѣляя, какой именно. Только К. Н. Соколовъ высказался вполнѣ опредѣленно: «власть должна опереться на консервативные круги, при условіи признанія ими факта земельной революціи» [2]). Это предложеніе теряло свою цѣнность, принимая во вниманіе настроенія правыхъ круговъ, въ глазахъ которыхъ т о г д а даже «третій снопъ» считался «уступкой домогательствамъ черни...»

Пришлось дешифрировать бесѣду...

Итакъ, коалиціи — конецъ. Предстоитъ выборъ: либерализмъ, консерватизмъ или «лѣвая политика правыми руками» — та политика, которая была испытана впослѣдствіи въ Крыму другими лицами, безъ особаго успѣха.

Мои убѣжденія не были тайной и всецѣло соотвѣтствовали либеральному направленію. Но осуществленіе ихъ встрѣчало непреодолимыя трудности. Если въ концѣ іюня, въ разгаръ блестящихъ успѣховъ армій и общаго высокаго подъема либеральная общественность страшилась взять руль правленія, въ предвидѣніи «враждебнаго отхожденія другихъ вліятельныхъ общественныхъ силъ и противодѣйствія съ ихъ стороны», то теперь позиція ея была несравненно сложнѣе и тяжелѣе: арміи уходили къ Дону, теряя одну область за другой, замутилась вся жизнь страны, по которой катились уже людскія волны эвакуацій — предвѣстницъ катастрофы.

Полоса неудачъ вызвала сильный напоръ общественнаго мнѣнія на власть. Искусно веденная политическая игра съ особеннымъ упорствомъ перекладывала слѣдствія безвременья, вины правителя и правительства на лѣвый секторъ Особаго Совѣщанія, на «засилье въ немъ лѣвыхъ, кадетъ». И хотя такая постановка вопроса была слишкомъ элементарна, несправедлива и отзывала демагогіей, но

---

[1]) Присутствовали Астровъ, Савичъ, Соколовъ и ген. Романовскій.

[2]) Въ воспоминаніяхъ К. Н. Соколова упоминается, что онъ вообще стремился къ радикальному разрѣшенію аграрнаго вопроса. Въ засѣданіяхъ Особаго Совѣщанія, по крайней мѣрѣ въ моемъ присутствіи, этотъ взглядъ не проявлялся имъ сколько-нибудь рѣшительно.

она находила откликъ въ арміи и близкихъ ей кругахъ, гдѣ систематически создавалось озлобленіе противъ «кадетъ» и, въ частности, либеральныхъ членовъ Особаго Совѣщанія, которыхъ называли «злыми геніями» и «главными виновниками» постигшихъ насъ бѣдствій. Въ такой обстановкѣ либеральная общественность сочла для себя бремя власти непосильнымъ и, предлагая извѣстный политическій курсъ, въ то же время не давала своихъ людей, которые могли бы проводить его въ жизнь. Очевидно, и не могла дать, такъ какъ по признанію видныхъ ея дѣятелей, помимо внутреннихъ расхожденій, въ этомъ лагерѣ было очень мало людей, которые «революціонному разложенію и распаду могли бы противопоставить понятную всѣмъ организующую силу». Это послѣднее обстоятельство встало передо мной особенно ярко, когда я задалъ вопросъ, при создавшихся условіяхъ, чисто академическій:

— Кого же, все-таки, либеральная группа могла бы предложить въ главы правительства?

Послѣ нѣкотораго раздумья мнѣ было названо имя — В. Н. Челищева... Я высоко цѣню и уважаю Виктора Николаевича и лично, и какъ государственнаго дѣятеля; но такое предназначеніе человѣка, глубоко мирнаго по природѣ своей, въ дни жестокой борьбы и внутреннихъ потрясеній меня удивило. Вѣроятно, серьезныя сомнѣнія были и у Н. И. Астрова, потому что онъ не поддерживалъ свое предложеніе, заявивъ, что «если нельзя по какимъ-нибудь соображеніямъ назначить штатское лицо предсѣдателемъ правительства», то эту должность могъ бы занять генералъ Романовскій... Иванъ Павловичъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отклонилъ это предложеніе. Его имя было бы не прикрытіемъ, а яркою мишенью. Не подлежитъ сомнѣнію, что подобная комбинація привела бы только къ тому, что константинопольскій выстрѣлъ прозвучалъ бы на нѣсколько мѣсяцевъ раньше.

Настаивать на образованіи либеральнаго правительства было, такимъ образомъ, нецѣлесообразно. Но и другая комбинація — переходъ власти всецѣло въ руки правыхъ элементовъ, — не говоря уже объ идеологическихъ обоснованіяхъ, представлялась немыслимой: этотъ уклонъ, и безъ того преобладавшій въ дѣятельности правительства и подчиненныхъ ему органовъ, былъ осужденъ всѣмъ ходомъ событій. Фронтъ катился на югъ, «россійская» территорія сокращалась до минимума, и стратегическая обстановка, кромѣ всего прочаго, создавала и большую зависимость нашу отъ казачьихъ силъ, казачьихъ настроеній. Рѣзкій поворотъ руля вправо т а м ъ прозвучалъ бы, какъ вызовъ.

Бесѣда моя съ членами Особаго Совѣщанія, нося характеръ теоретическаго обмѣна мнѣній, не привела ни къ какимъ конкретнымъ результатамъ; по выраженію одного изъ участниковъ «идеи не были персонифицированы». И хотя въ формахъ весьма туманныхъ, вопросъ какъ будто сводился къ выбору: Челищевъ, Кривошеинъ или... Соколовъ.

Между прочимъ, со времени наименованія кандидатуры Челищева, правые круги стали проводить мысль, что главою правительства въ переживаемое тяжелое время можетъ быть только лицо военное.

* * *

Стратегическая обстановка требовала настоятельно принятія мѣръ предосторожности. 6 декабря предсѣдатель Особаго Совѣщанія былъ увѣдомленъ Ставкой о необходимости начать эвакуацію центральныхъ управленій за Донъ. Это извѣстіе произвело большое впечатлѣніе на членовъ Особаго Совѣщанія, не вполнѣ

ясно воспринимавшихъ грозность военнаго положенія. Они считали свою эвакуацію преждевременнымъ «бѣгствомъ» — обиднымъ и зазорнымъ для правительства. Въ конечномъ результатѣ съ запозданіемъ началась эвакуація правительственныхъ учрежденій, личный составъ которыхъ было приказано сократить на половину и больше, въ Черноморскую губ. и Крымъ. Вслѣдствіе враждебности Кубанскаго правительства, на Кубани оказалось возможнымъ размѣстить только одно военное управленіе... Въ виду отсутствія крупныхъ центровъ въ тылу и предстоявшей, поэтому, разбросанности расквартированія, главы вѣдомствъ должны были обосноваться въ Новороссійскѣ лишь съ небольшими ячейками своихъ управленій. До послѣдняго дня они оставались въ Ростовѣ. Это рѣшеніе, продиктованное чувствомъ патріотизма и которому я не воспротивился, повліяло, однако, на планомѣрность общей эвакуаціи.

Въ связи съ предстоявшимъ раздѣльнымъ пребываніемъ Ставки и правительства, по иниціативѣ послѣдняго мною отданъ былъ приказъ о расширеніи правъ начальниковъ управленій и предсѣдателя Особаго Совѣщанія, которому въ извѣстныхъ случаяхъ предоставлялось право утверждать постановленія Совѣщанія за главнокомандующаго. Въ связи съ этимъ приказомъ, Особому Совѣщанію данъ былъ мною «наказъ», опредѣлявшій тотъ «политическій курсъ», который ставился главнымъ командованіемъ. Въ немъ не было ничего новаго. Наказъ представлялъ изъ себя скорѣе болѣе подробную сводку моихъ словесныхъ и письменныхъ заявленій и указаній, моральная отвѣтственность за которыя лежитъ на мнѣ.

«Въ связи съ приказомъ моимъ сего года за № 175 приказываю Особому Совѣщанію принять въ основаніе своей дѣятельности слѣдующія положенія:

1. Единая, Великая, Недѣлимая Россія. Защита вѣры. Установленіе порядка. Возстановленіе производительныхъ силъ страны и народнаго хозяйства. Поднятіе производительности труда.
2. Борьба съ большевизмомъ до конца.
3. Военная диктатура. Всякое давленіе политическихъ партій отметать, всякое противодѣйствіе власти — и справа, и слѣва — карать.

   Вопросъ о формѣ правленія — дѣло будущаго. Русскій народъ создастъ верховную власть безъ давленія и безъ навязыванія.

   Единеніе съ народомъ.

   Скорѣйшее соединеніе съ казачествомъ путемъ созданія Южно-русской власти, отнюдь не растрачивая при этомъ правъ общегосударственной власти.

   Привлеченіе къ русской государственности Закавказья.
4. Внѣшняя политика — только національная русская.

   Не взирая на возникающія иногда колебанія въ русскомъ вопросѣ у союзниковъ — идти съ ними. Ибо другая комбинація морально недопустима и реально неосуществима.

   Славянское единеніе.

   За помощь — ни пяди русской земли.
5. Всѣ силы, средства — для арміи, борьбы и побѣды.

   Всемѣрное обезпеченіе семействъ бойцовъ.

   Органамъ снабженія выйти, наконецъ, на путь самостоятельной дѣятельности, использовавъ все еще богатыя средства страны и не разсчитывая исключительно на помощь извнѣ.

   Усилить собственное производство.

   Извлечь изъ состоятельнаго населенія обмундированіе и снабженіе войскъ.

   Давать арміи достаточное количество денежныхъ знаковъ, преимущественно передъ всѣми. Одновременно карать безпощадно за «безплатныя реквизиціи» и хищеніе «военной добычи».

6. Внутренняя политика:

Проявленіе заботливости о всемъ населеніи безъ различія.

Продолжать разработку аграрнаго и рабочаго закона въ духѣ моей деклараціи; также и закона о земствѣ.

Общественнымъ организаціямъ, направленнымъ къ развитію народнаго хозяйства и улучшенію экономическихъ условій (кооперативы, профессіональные союзы и проч.) содѣйствовать.

Противогосударственную дѣятельность нѣкоторыхъ изъ нихъ пресѣкать, не останавливаясь передъ крайними мѣрами.

Прессѣ — сопутствующей помогать, несогласную терпѣть, разрушающую — уничтожать.

Никакихъ классовыхъ привилегій, никакой преимущественной поддержки — административной, финансовой или моральной.

Суровыми мѣрами за бунтъ, руководительство анархическими теченіями, спекуляцію, грабежъ, взяточничество, дезертирство и проч. смертные грѣхи не пугать только, а осуществлять ихъ при посредствѣ активнаго вмѣшательства Управленія Юстиціи, Главнаго Военнаго Прокурора, Управленія внутреннихъ дѣлъ и Контроля. Смертная казнь — наиболѣе соотвѣтственное наказаніе.

Ускорить и упростить порядокъ реабилитаціи не вполнѣ благополучныхъ по большевизму, петлюровщинѣ и т. д. Если была только ошибка, а къ дѣлу годны — снисхожденіе.

Назначеніе на службу — исключительно по признакамъ дѣловымъ, отметая изувѣровъ и справа и слѣва.

Мѣстный служилый элементъ, за уклоненіе отъ политики центральной власти, за насилія, самоуправство, сведеніе счетовъ съ населеніемъ, равно какъ и за бездѣятельность — не только отрѣшать, но и карать.

Привлекать мѣстное населеніе къ самооборонѣ.

7. Оздоровить фронтъ и войсковой тылъ — работой особо назначенныхъ генераловъ съ большими полномочіями, составомъ полевого суда и примѣненіемъ крайнихъ репрессій.

Сильно почистить контръ-развѣдку и уголовный сыскъ, вливъ въ нихъ судебный (бѣженскій) элементъ.

8. Поднятіе рубля, транспорта и производства преимущественно для государственной обороны.

Налоговый прессъ, главнымъ образомъ, для состоятельныхъ, а также для не несущихъ воинской повинности.

Товарообмѣнъ — исключительно за боевое снаряженіе и предметы необходимые для страны.

9. Временная милитаризація воднаго транспорта, съ цѣлью полнаго использованія его для войны, не разрушая, однако, торгово-промышленнаго аппарата.

10. Облегчить положеніе служилаго элемента и семействъ чиновъ, находящихся на фронтѣ, частичнымъ переводомъ на натуральное довольствіе (усиліями Управленія Продовольствія и Вѣдомства военныхъ Снабженій). Содержаніе не должно быть меньше прожиточнаго минимума.

11. Пропагандѣ служить исключительно прямому назначенію — популяризаціи идей проводимыхъ властью, разоблаченію сущности большевизма, поднятію народнаго самосознанія и воли для борьбы съ анархіей».

Г. Таганрогъ,
14 декабря 1919 г.

ГЛАВА XXX.

Упраздненіе Особаго Совѣщанія. Кризисъ русскаго либерализма.

Въ кругахъ ростовской общественности, въ политическихъ организаціяхъ шли непрерывно совѣщанія, царило возбужденіе, углубляемое нервирующей обстановкой отступленія и эвакуаціи.

16 декабря начальникъ управленія торговли и промышленности, Фенинъ, привезъ мнѣ записку, являвшуюся по существу плодомъ мысли либеральной общественности и по формѣ — обращеніемъ ко мнѣ лѣваго сектора Особаго Совѣщанія:

«Въ тяжелую пору новыхъ испытаній, ставшихъ на пути возсозданія нашей Родины, въ минуты особенно трудныя для Васъ, взявшаго на себя все великое бремя отвѣтственности, позвольте намъ, до конца остающимся преданными Вамъ и великому дѣлу, которому Вы служите, мнѣніе которыхъ Вы неоднократно выслушивали, по долгу чести и совѣсти сказать Вамъ, какъ мы смотримъ на сложившееся положеніе и какой выходъ мы предполагаемъ изъ тяжелыхъ обстоятельствъ переживаемаго времени.

Мы не станемъ перечислять ошибки и упущенія, допущенныя военными и гражданскими органами, призванными Вами служить дѣлу борьбы за возсозданіе государства и установленіе элементарнаго порядка. Ошибки эти многообразны. Главнѣйшія изъ нихъ по нашему мнѣнію: допущеніе развитія дурныхъ нравовъ въ арміи и безнаказанность высшихъ попустителей, а также отсутствіе организованнаго, сильнаго аппарата центральной власти, объединеннаго въ своемъ составѣ единымъ пониманіемъ задачъ, стоящихъ передъ властью, единствомъ методовъ дѣйствій, и полная изолированность отъ жизни и населенія того органа, который являетъ собою весьма несовершенный суррогатъ власти.

Эти недостатки и ошибки были бы сглажены и исправлены успѣхомъ и достигнутой цѣлью. Но неудача, какъ возмездіе, требуетъ коренныхъ и глубокихъ измѣненій въ тѣхъ органахъ и устройствахъ, съ которыми связаны эти ошибки. Общее смущеніе и тревога на фронтѣ и въ тылу требуютъ немедленныхъ рѣшительныхъ и яркихъ дѣйствій.

Опытъ всѣхъ странъ свидѣтельствуетъ, что въ наиболѣе критическія для государства минуты Высшая Власть, несущая передъ Страной всю тяжесть отвѣтственности, распускаетъ правительство и на его мѣсто призываетъ новыхъ людей, болѣе отвѣчающихъ новымъ задачамъ, ставшимъ передъ страной.

Эти измѣненія въ составѣ Правительства достигаются не только привлеченіемъ новыхъ лицъ въ его составъ, но и освобожденіемъ этого состава отъ прежнихъ руководителей и участниковъ, а въ нужныхъ случаяхъ путемъ измѣненій въ самой конструкціи центральнаго органа власти.

Мысль о необходимости преобразованія Особаго Совѣщанія, состоящаго при Васъ, возникла давно и едва ли кто сталъ бы теперь защищать его конструкцію и его составъ.

Только не въ мѣру затянувшаяся работа Южно-русской конференціи задержала преобразованіе Особаго Совѣщанія и остановила давно назрѣвшую реформу. До осуществленія этой реформы — въ смыслѣ созданія Высшаго Совѣта и Совѣта Начальниковъ Управленій, въ видѣ переходной мѣры было бы совершенно необходимо распустить Особое Совѣщаніе и на его мѣстѣ образовать Правительство въ составѣ семи лицъ, съ привлеченіемъ въ него трехъ представителей отъ казачьихъ войскъ.

Это Правительство — Совѣтъ при Главнокомандующемъ — должно быть объединено общимъ пониманіемъ поставленныхъ ему задачъ и способно къ энергичнымъ и рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Оно должно дать Вамъ объявляемую Арміи и Населенію, торжественную клятву въ строгомъ исполненіи принятыхъ на себя обязательствъ.

Этотъ органъ, представляя собой Походное Управленіе, долженъ быть возглавленъ лицомъ, наиболѣе понимающимъ Ваши идеи и близкимъ Вамъ по духу и воззрѣніямъ.

Семь лицъ, входящихъ въ составъ Правительства, должны сосредоточить въ своихъ рукахъ портфели министровъ: Военнаго, Финансовъ, Внутреннихъ дѣлъ, Торговли и Промышленности, Юстиціи, Путей сообщенія и Снабженія. Если бы портфель министра внутреннихъ дѣлъ можно было вручить Предсѣдателю Совѣта, то составъ членовъ можно было бы сократить до шести.

Министру снабженія должны быть подчинены всѣ нынѣшніе несовершенные органы снабженія Арміи, а безсильные органы продовольствія должны быть вовсе упразднены. Другія вѣдомства, нынѣ сокращенныя, должны находиться подъ управленіемъ начальниковъ, дѣйствующихъ по указаніямъ Совѣта при Главнокомандующемъ. Иностранная политика, какъ и нынѣ, остается въ рукахъ Главнокомандующаго, исполненіе предуказаній котораго осуществляется черезъ особое Управленіе, состоящее наравнѣ съ другими Управленіями, руководители которыхъ не входятъ въ составъ Совѣта. Государственный контроль получаетъ указанія непосредственно отъ Главнокомандующаго.

Подготовительная работа по законодательству временно, до образованія Высшаго Совѣта могла бы производиться въ Совѣщаніи по законодательнымъ предположеніямъ, члены коего назначаются Главнокомандующимъ.

Роспускъ Особаго Совѣщанія и образованіе Совѣта при Главнокомандующемъ должны быть произведены особымъ актомъ, въ которомъ могло бы быть указано, что преобразованіе Особаго Совѣщанія вызвано тяжелыми условіями борьбы и необходимостью сосредоточить власть въ рукахъ лицъ, все вниманіе которыхъ должно быть сосредоточено на управленіи, на дѣйствіяхъ, столь необходимыхъ въ данное время.

Въ этомъ обращеніи къ Арміи и населенію могли бы быть указаны тѣ начала, которыя Вы преподали Особому Совѣщанію сегодня, 15 декабря, къ руководству, и особенно подчеркнуто, что Новому Правительству ставятся основныя и главнѣйшія задачи — сосредоточить всю энергію на помощи и содѣйствіи Арміи, на ея снабженіи, снаряженіи, на заботахъ объ ея раненыхъ и больныхъ, на обезпеченіи семействъ борющихся; что помощь Арміи нужна быстрая и полная для скорѣйшаго доведенія до конца борьбы съ большевиками за возсозданіе Россіи, за поруганную православную вѣру, за освобожденіе національнаго сознанія Русскаго народа отъ поработившаго его ига большевизма и за скорѣйшее возстановленіе гражданскаго мира на началахъ права и справедливости; что новая Власть устранитъ въ своихъ дѣйствіяхъ допущенныя раньше ошибки и, безпощадно карая нарушителей гражданскаго мира, грабителей и насильниковъ, возьметъ подъ свою защиту все населеніе, желающее прекращенія смуты и междоусобія; что новой Власти вмѣняется въ обязанность привлечь населеніе къ установленію порядка и поднятію производительности труда.

Создавая новое Правительство въ минуты опасности и тревоги, Вы снова поднимете бодрость въ Арміи и населеніи, снова окрылите надежды, ибо вмѣсто непопулярнаго Особаго Совѣщанія около Васъ будетъ новый органъ, которому будутъ поставлены новыя ясныя задачи.

Тогда можно будетъ начать рѣшительную борьбу съ пороками, разлагающими Армію и тылъ. Тогда можно будетъ противопоставить новую организованную Власть развивающимся опаснымъ теченіямъ въ Арміи и тылу. Тогда можно будетъ привлечь сосѣднія государственныя образованія къ борьбѣ за возсозданіе Русскаго государства. Пусть этотъ органъ возьметъ на себя часть ноши, которую Вы несете, и приметъ на себя удары, направленные со стороны тѣхъ, кто ставитъ себѣ иныя, чѣмъ Вы, цѣли и задачи.

Громоздкое и неспособное дѣйствовать Особое Совѣщаніе исполнило свое назначеніе и пережило себя. Ни Вамъ, ни дѣлу оно больше не можетъ быть полезно.

Вмѣсто того, чтобы отсылать его отъ себя и тѣмъ самымъ лишать его всякаго политическаго и дѣлового значенія, вмѣсто того, чтобы ставить его въ положеніе укрывающагося и спасающаго себя въ наиболѣе суровыя минуты и обрекать его на вынужденное бездѣйствіе и утрату послѣдняго престижа въ глазахъ Арміи и населенія — лучше распустите его.

Твердо и горячо вѣруя въ историческую правду движенія, возглавленнаго Вами, и въ его конечный успѣхъ, мы всѣми силами души желаемъ Вамъ мудрости и величія духа въ Вашемъ великомъ и трудномъ подвигѣ».

Подписали: Н. Астровъ, М. Бернацкій, В. Степановъ, Челищевъ, В. Юрченко, Мих. Федоровъ.

Въ тотъ же день полученъ былъ мною докладъ предсѣдателя Особаго Совѣщанія, ген. Лукомскаго, затрагивающій «главнѣйшіе вопросы, по которымъ необходимо знать (мое) мнѣніе». Ген. Лукомскій писалъ:

«1. Наиболѣе животрепещущій вопросъ для даннаго момента — это наша неудача на фронтѣ.

При неудачѣ всегда масса (и на фронтѣ и въ тылу) ищетъ виновниковъ. Конечно, этимъ дѣла не исправишь, да и занятіе, которое хотя нервируетъ массу и создаетъ извѣстное настроеніе и въ арміи и въ тылу, довольно безполезное, ибо дѣла не исправитъ.

Но если для массы это занятіе безполезное, надо помнить, что извѣстное настроеніе и впечатлѣніе отъ этой же массы передается и тѣмъ, отъ коихъ очень многое можетъ зависѣть.

Одни обвиняютъ Ставку, другіе Особое Совѣщаніе. Тѣ, кои обвиняютъ Особое Совѣщаніе, въ свою очередь, раздѣляются на два лагеря: одни ругаютъ за слишкомъ правое направленіе, другіе за слишкомъ лѣвое направленіе.

Лично думаю, что виновны обѣ стороны: и Ставка и Особое Совѣщаніе.

Ставка, правильнѣй штабъ, виновенъ тѣмъ, что не организована была военная сила въ тылу, что допущено было чрезмѣрное продвиженіе войскъ впередъ безъ соотвѣтственнаго устройства тыла (и въ военномъ и въ гражданскомъ отношеніи) и что, повидимому, штабъ не зналъ состоянія войскъ [1]).

Особое Совѣщаніе (главнымъ образомъ, управленіе Внутреннихъ дѣлъ) виновно тѣмъ, что не справилось съ устройствомъ тыла [1]).

Это я отмѣчаю не съ цѣлью искать виновныхъ, а для того, чтобы предостеречь отъ опасности искать причину неудачи въ области политики.

А эта опасность есть.

И. П. Романовскій на этихъ дняхъ сказалъ мнѣ примѣрно слѣдующее: «Мы съ Вами нѣсколько расходимся въ нашихъ политическихъ воззрѣніяхъ и я не могу умолчать, что, по моему глубокому убѣжденію, мы сорвались на томъ, что въ Малороссіи, фактически, проводили слишкомъ правую „гетманскую" политику».

Н. И. Астровъ, представляя свою записку объ измѣненіи политическаго курса, также считалъ, что одна изъ причинъ неудачи — это неправильная политика.

---

[1]) Нужно пояснить, что организація тыла въ военномъ отношеніи лежала не только на Ставкѣ, но и на военномъ Управленіи (военномъ министерствѣ), во главѣ котораго стоялъ авторъ этой записки. Точно также дѣятельность Управленія внутреннихъ дѣлъ была связана неразрывно съ дѣятельностью предсѣдателя Особаго Совѣщанія. *Авт.*

Я лично считаю, что здѣсь не въ политикѣ дѣло, а въ томъ, что мы не умѣли устроить тыла, не умѣли и не могли обуздать грабежи и насилія, чинившіяся и войсками, и государственной стражей, и органами контръ-развѣдки.

Если же мы теперь начнемъ мѣнять политическій курсъ, то попадемъ въ еще болѣе тяжкое положеніе.

2. Реорганизація Особаго Совѣщанія.

Сговориться съ казаками теперь будетъ трудно. Вчера мнѣ Харламовъ сказалъ: «не скрою отъ Васъ, что настроеніе среди членовъ конференціи нѣсколько измѣнилось, и нѣкоторые говорятъ такъ: когда Добрармія занимала Орелъ, то съ нами не церемонились и говорили очень твердымъ языкомъ; теперь пора и намъ заговорить другимъ языкомъ».

Но если-бъ даже разговоры съ казаками шли гладко — врядъ ли теперь своевременно создавать всю ту постройку, которая намѣчалась.

Н. И. Астровъ настойчиво доказываетъ, (а Федоровъ къ нему присоединяется), что Особое Совѣщаніе отжило свой вѣкъ; что теперь надо создать небольшое дѣловое правительство, (изъ пяти-шести начальниковъ главнѣйшихъ управленій) и черезъ него Вашему Превосходительству управлять всѣми «министерствами». При такомъ небольшомъ «волевомъ» (какъ выражается Н. И. Астровъ) правительствѣ долженъ быть законосовѣщательный органъ.

Этотъ вопросъ члены Особаго Совѣщанія просили поставить на обсужденіе въ присутствіи Вашего Превосходительства.

Сегодня былъ у меня П. Б. Струве. Говоритъ, что всѣ (и правые, и средніе, и лѣвые) ругаютъ Особое Совѣщаніе.

Что по его мнѣнію надо положить руль направо и, отметая всякое соглашательство, твердо проводить военную диктатуру.

Долженъ сказать, что съ эвакуаціей начальниковъ Управленій въ Новороссійскъ, а Управленій въ Крымъ — дѣло осложняется чрезвычайно.

Ясно, что Особое Совѣщаніе дѣйствительно надо реорганизовать, но какъ — это сказать трудно».

Эти два документа поставили вновь и весьма остро вопросъ объ Особомъ Совѣщаніи. Было ясно, что дальнѣйшее существованіе его становится невозможнымъ психологически. Кромѣ того, и въ техническомъ отношеніи общая обстановка требовала дѣйствительно большей концентраціи власти, сокращенія и упрощенія ея органовъ.

Приказомъ моимъ отъ 16 декабря была проведена реорганизація управленія, вылившаяся въ такія формы:

1. Особое Совѣщаніе упразднено.
2. Упразднены отдѣлъ законовъ и управленіе продовольствія, самостоятельный отдѣлъ пропаганды подчиненъ начальнику управленія внутреннихъ дѣлъ и должность начальника военныхъ сообщеній и начальника путей сообщеній соединены въ одну; точно также соединены въ одно вѣдомства морское и военное.
3. Учреждена новая должность главнаго начальника снабженій, къ которому перешли функціи военнаго снабженія, санитарной части и общаго продовольствія.
4. Образовано правительство изъ главъ шести вѣдомствъ (военно-морского, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, сообщеній, снабженій, торговли и промышленности, юстиціи)[1].

---

[1]) Предсѣдатель могъ быть и безъ портфеля.

5. Начальникъ управленія иностранныхъ дѣлъ и главный контролеръ подчинялись непосредственно главнокомандующему; нач. управл. земл. и землеустройства, народн. просв. и исповѣд., также не входя въ составъ правительства, по вопросамъ, превышавшимъ ихъ права, должны были входить съ представленіемъ къ послѣднему.
6. При правительствѣ учреждалось «совѣщаніе по законодательнымъ предположеніямъ».

Несравненно труднѣе обстоялъ вопросъ о политическомъ курсѣ и составѣ правительства... Я отвѣтилъ на него оставленіемъ въ силѣ даннаго мною «наказа» и оставленіемъ въ должности генерала Лукомскаго, стоявшаго во главѣ правительства въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ — дѣятеля праваго, но офиціально не носившаго партійнаго штампа. При указанныхъ выше условіяхъ мѣнять главу правительства не имѣло смысла.

Этотъ мой шагъ произвелъ въ свое время большое впечатлѣніе на общественные круги и вызвалъ всевозможные толки и догадки относительно внутреннихъ, «скрытыхъ» побужденій, вызвавшихъ его.

Ближайшіе дни показали, что и либеральная группа Особаго Совѣщанія не вполнѣ правильно восприняла свершившееся.

Отступленіе продолжалось, штабъ Добровольческой Арміи перешелъ уже въ Таганрогъ, и Ставка перенесена была временно въ Ростовъ. Предсѣдатель правительства, ген. Лукомскій на первомъ же докладѣ сообщилъ мнѣ, что либеральная группа Особаго Совѣщанія обратилась къ нему съ просьбой ввести въ составъ правительства... А. В. Кривошеина и инженера Чаева [1]. Не сказавъ ни слова, я утвердилъ ихъ назначенія. Эта капитуляція побудила меня при ближайшей встрѣчѣ съ моими бывшими сотрудниками по Особому Совѣщанію (либералами) бросить имъ фразу, выражавшую удивленіе и укоръ... Въ отвѣтъ одинъ изъ нихъ писалъ въ то время ген. Романовскому:

> «Въ нашей запискѣ былъ данъ планъ концентраціи власти съ привлеченіемъ въ нее казачьихъ элементовъ. При этомъ имѣлось въ виду, что опытъ коалиціи, вызвавшій провалъ основной — земельной реформы и всего мѣстнаго гражданскаго строительства, осужденъ. Мы ожидали смѣны почти всего дѣйствующаго состава, начиная съ главы правительства. Но назначеніемъ генерала Лукомскаго предрѣшался вопросъ о дальнѣйшемъ направленіи внутренней политики. Этимъ устанавливалось ея правое направленіе съ сохраненіемъ военной бюрократизаціи гражданскаго управленія. Подчиняясь этому рѣшенію, мы должны были направить все вниманіе на созданіе сильной, а слѣдовательно однородной и технически наилучше оборудованной власти. Отсюда вытекала необходимость именно въ рядахъ правыхъ искать наиболѣе сильныхъ, наиболѣе активныхъ элементовъ. Мы, прежде всего, обратились къ Савичу, но когда онъ категорически отказался, остановились на Кривошеинѣ и Чаевѣ. Въ тяжелыхъ условіяхъ переживаемаго момента мы не считали себя въ правѣ считаться съ политическими и иными недочетами этихъ людей, на которые мы своевременно указывали и Главнокомандующему, и считали себя, по долгу совѣсти, обязанными указать на нихъ, какъ на наиболѣе сильныхъ и пригодныхъ для однороднаго и способнаго къ дѣйствію праваго кабинета».

Впрочемъ, Н. И. Астровъ нѣсколько иначе опредѣлялъ отношеніе либеральной группы:

> «Мы не хотѣли усмотрѣть въ этомъ принятіе новаго — праваго курса. Но это было и не то, что мы предполагали, ибо образовывалось новое Правительство — не опредѣленнаго политическаго курса, связанное съ Вами единствомъ

---

[1]) Перваго на должность главн. нач. снабженій, и второго — начальникомъ управленія сообщеній.

пониманія политическихъ задачъ, а чисто техническое для наилучшаго разрѣшенія невѣроятно сложныхъ техническихъ задачъ, выдвинутыхъ временемъ и обстановкой.

Политическій моментъ отступалъ на задній планъ, стушевывался передъ техническими трудностями задачъ.

Отсюда — право выбора техниковъ отовсюду».

Главы остальныхъ вѣдомствъ остались на своихъ мѣстахъ, а не получившіе портфелей члены бывш. Особаго Совѣщанія, кромѣ Соколова, вошли въ составъ «Совѣщанія по законодательнымъ предположеніямъ». Въ такомъ видѣ новое правительство — по существу старое, перейдя въ Новороссійскъ, нѣкоторое время еще продолжало свою дѣятельность, въ силу сложившейся обстановки сводившуюся исключительно къ веденію текущихъ дѣлъ.

Наступалъ періодъ ликвидаціи и эвакуаціи.

Всѣ эти перипетіи, связанныя съ «реорганизаціей» правительства, представляютъ, можетъ быть, интересъ для исторіи русской общественности. Но, какъ показало ближайшее будущее, то или иное рѣшеніе никакого вліянія на ходъ событій уже оказать не могло.

Я не знаю, нужно ли говорить о тѣхъ побужденіяхъ, которыя руководили мною въ дни перестроенія власти... Мнѣ казалось, что и тогда они были достаточно ясны и вовсе не прикровенны.

Въ сущности, все въ правительствѣ должно было оставаться по старому до созданія новыхъ формъ управленія, слагавшихся въ процессѣ работъ южно-русской конференціи.

Послѣдніе приказы мои означали: невозможность опереться на либераловъ, нежеланіе передать власть всецѣло въ руки правыхъ, политическій тупикъ и личную драму правителя.

Въ болѣе широкомъ обобщеніи они свидѣтельствовали объ одномъ, давно назрѣвшемъ и теперь особенно ярко обнаружившемся явленіи:

О кризисѣ русскаго либерализма.

* * *

Особое Совѣщаніе и съ нимъ цѣлый періодъ жизни противобольшевицкаго Юга отошелъ въ прошлое. Судить насъ будетъ исторія. Я хотѣлъ бы отмѣтить одно только явленіе, общее для всѣхъ поднявшихся противъ безумнаго совѣтскаго режима частей Россійскаго государства — общее для Сѣвера, Востока, Юга и Запада, для казачьихъ областей, Закавказскихъ новообразованій и западныхъ лимитрофовъ...

Первые же шаги насажденія государственнаго строя на обломкахъ прежняго, поросшихъ большевизмомъ, различаясь внѣшними формами, большей или меньшей радикальностью и демократизмомъ содержанія, худшей или лучшей организаціей — имѣли вездѣ одну, проникавшую существо ихъ черту:

Они направляли народную жизнь въ старое русло.

Одни — въ нетронутое, затянутое тиной, другіе — въ расчищенное, углубленное, но все же прежнее. Въ разсчетѣ на то, что надъ страной пронеслась только буря, опрокинувшая, изломавшая реальныя цѣнности, накопленныя вѣками, трудомъ и разумомъ поколѣній, а не наступилъ глубокій процессъ, переродившій духовную природу и психологію націи.

Свидѣтельствовало ли это явленіе только о той цѣпкой связи и зависимости отъ прошлаго, которое довлѣло надъ страной и строителями, быть можетъ, иногда помимо сознанія и воли ихъ?.. Исходило ли оно изъ безсилія и неумѣнія дѣя-

телей революціи прорыть, не выжидая, новое русло, въ которое могла бы хлынуть и успокоиться очищенная въ крови и страданіяхъ волна народной жизни?.. Или, наконецъ, было оно признакомъ жизненности основныхъ вѣхъ, по которымъ шло послѣдовательно, вѣками русское строительство?..

Отвѣтъ дастъ будущее.

ГЛАВА XXXI.

Походъ на власть.

Начало 1920 г., наряду съ тягчайшими трудностями стратегическими, осложнено было сильнымъ походомъ на власть.

Шелъ онъ съ двухъ сторонъ.

Генералъ Врангель, получивъ назначеніе формировать казачью конную армію, прибылъ въ Екатеринодаръ, гдѣ имѣлъ рядъ совѣщаній съ кубанскими дѣятелями. На этихъ совѣщаніяхъ были выработаны общія основанія формированія трехъ кубанскихъ корпусовъ, во главѣ которыхъ должны были стать генералы Топорковъ, Науменко и... Шкуро.

Предназначеніе ген. Шкуро представилось мнѣ довольно неожиданнымъ.

Послѣ освобожденія Шкуро отъ командованія корпусомъ, въ силу непріемлемости его для генерала Врангеля, Шкуро, по личной его просьбѣ, предоставлено было Ставкой объѣхать кубанскія станицы и поднять сполохъ. Популярность его среди кубанцевъ сохранялась, а отрицательныя стороны его дѣятельности въ глазахъ казачества не были одіозны.

13 декабря баронъ Врангель послалъ телеграмму кубанскому атаману, съ копіей въ Ставку: до свѣдѣнія его дошло, будто Шкуро начинаетъ формировать нештатныя добровольческія части на Кубани. Баронъ просилъ задержать эти формированія до прибытія въ Екатеринодаръ съ его планомъ организаціи командируемаго туда генерала Науменко.

Генералу Шкуро было предоставлено подымать казачество, а не вести формированія [1]), и потому моимъ штабомъ отправлена была на его имя соотвѣтственная телеграмма. Мѣстопребываніе Шкуро не было точно извѣстно, и служба связи отнеслась съ исключительнымъ вниманіемъ къ пожеланію ген. Врангеля, разославъ телеграмму эту въ цѣлый рядъ попутныхъ станицъ. Всюду, гдѣ появлялся ген. Шкуро, ему вручали телеграмму, содержаніе которой, довольно рѣзкое, становилось извѣстнымъ и подрывало его престижъ. Онъ протелеграфировалъ въ Ставку о своей обидѣ, бросилъ «уговариваніе» и вернулся въ Екатеринодаръ. Дальнѣйшіе эпизоды такъ излагаются генераломъ Шкуро:

> «Мой поѣздъ остановился напротивъ поѣзда ген. Врангеля. Прошло нѣсколько минутъ, какъ адъютантъ мнѣ доложилъ, что меня желаетъ видѣть генералъ Шатиловъ. Я приказалъ просить. Съ ген. Шатиловымъ я былъ давно знакомъ, но за время гражданской войны намъ какъ-то не приходилось встрѣчаться. Послѣ взаимныхъ привѣтствій ген. Шатиловъ заговорилъ о моихъ отношеніяхъ съ ген. Врангелемъ. Сказалъ, что всѣ недоразумѣнія, которыя произошли между нами, вызваны исключительно тѣмъ, что ген. Врангель былъ неправильно информированъ о моей работѣ и дѣятельности, что теперь, въ виду тяжелаго положенія на фронтѣ и общей опасности, намъ всѣмъ надо объединиться для спасенія общаго дѣла, а затѣмъ просилъ, чтобы я зашелъ къ гене-

---

[1]) Военное управленіе въ Ростовѣ, безъ вѣдома Ставки, назначило въ помощь ему офицера генеральнаго штаба.

ралу Врангелю. Не задумываясь, я отвѣтилъ полнымъ согласіемъ и выразилъ готовность явиться къ ген. Врангелю немедленно.

Спустя немного времени я пошелъ къ ген. Врангелю. Будучи приглашенъ въ салонъ, я тамъ засталъ ген. Науменко и Шатилова. Ген. Врангель очень любезно принялъ меня, наговорилъ массу любезностей и просилъ помочь ему въ той тяжелой работѣ, которую онъ на себя принялъ. Вскорѣ зашелъ только что прибывшій съ фронта ген. Улагай, но онъ былъ совершенно боленъ и сейчасъ же ушелъ. Въ тотъ же день онъ свалился отъ тифа и долго проболѣлъ. Когда ушелъ и ген. Науменко, то ген. Врангель началъ разспрашивать о настроеніяхъ казачества на мѣстахъ, о степени популярности ген. Деникина среди казачества и офицерства и вскользь нѣсколько разъ бросилъ мысль, что Главное Командованіе совершенно не понимаетъ обстановки и всѣхъ насъ ведетъ къ гибели и что противъ этого надо бороться и искать какой-либо выходъ. Такъ какъ время было близко къ Рождеству, то, помню, ген. Врангель сказалъ, что онъ хочетъ ѣхать на два-три дня въ Кисловодскъ немножко отдохнуть, а также чтобы повидаться съ Терскимъ атаманомъ и ген. Эрдели. Собираясь также выѣхать въ Кисловодскъ, гдѣ была моя семья, я предложилъ ген. Врангелю и ген. Шатилову съ супругами встрѣтить у меня сочельникъ. Генералы очень любезно согласились.

Мы соединили наши поѣзда и 23-го декабря мы всѣ вмѣстѣ выѣхали. По дорогѣ я долго бесѣдовалъ съ ген. Врангелемъ, который настойчиво доказывалъ мнѣ, что вся общественность и армія въ лицѣ ея старшихъ представителей совершенно извѣрилась въ ген. Деникинѣ, считая его командованіе пагубнымъ для дѣла и присутствіе ген. Романовскаго на посту нач. штаба даже преступнымъ; что необходимо заставить во что бы то ни стало ген. Деникина сдать командованіе другому лицу и что съ этимъ вполнѣ согласны и что онъ уже переговорилъ объ этомъ лично съ Донскимъ и Кубанскимъ атаманами, съ предсѣдателями ихъ правительствъ, а также съ командующимъ Донской арміей ген. Сидоринымъ и его нач. штаба генераломъ Кельчевскимъ, съ кубанскими генералами Покровскимъ, Улагаемъ и Науменко, съ видными членами Кубанской рады и Донского круга, со многими чинами Ставки и представителями общественности и что всѣ вполнѣ раздѣляютъ его, Врангеля, точку зрѣнія, и что теперь остановка только за мной и за Терскимъ атаманомъ, а тогда въ случаѣ нашего согласія, мы должны предъявить ген. Деникину ультимативное требованіе уйти, а въ случаѣ нужды не останавливаться ни передъ чѣмъ.

Я отвѣтилъ, что я пока не могу дать своего согласія, что это слишкомъ рискованный шагъ, который можетъ вызвать крушеніе всего фронта.

Затѣмъ я ушелъ, условившись вечеромъ въ сочельникъ встрѣтиться у меня на дачѣ въ Кисловодскѣ. 24 декабря, утромъ, подъѣзжая къ Пятигорску, я приказалъ отцѣпить свой вагонъ, а самъ тотчасъ же проѣхалъ къ Терскому атаману ген. Вдовенко. Ген. Врангель также до вечера оставался въ Пятигорскѣ. Разсказавъ ему (ген. Вдовенко) все подробно, я спросилъ, какъ онъ думаетъ поступить. На это атаманъ отвѣтилъ: «Думаю, что это все не такъ, тутъ чувствуется какая-то провокація. Во всякомъ случаѣ, полагаю, что подобная генеральская революція преступна и насъ всѣхъ погубитъ. Этого допускать нельзя и я сейчасъ же экстреннымъ поѣздомъ отправлю предсѣдателя Круга Губарева къ Донскому атаману и къ Главнокомандующему. Къ вечеру мы всѣ будемъ знать точно всю обстановку. Ты же никоимъ образомъ не соглашайся на ту роль, которая тебѣ подготавливается, а если придется дѣйствовать энергично, я тебѣ помогу». Немедленно послѣ этого я поѣхалъ въ Кисловодскъ.

Ген. Врангель оставался еще нѣсколько часовъ въ Пятигорскѣ. Вечеромъ часамъ къ 8 пріѣхалъ въ Кисловодскъ ген. Врангель, котораго я встрѣтилъ на вокзалѣ съ почетнымъ карауломъ, а оттуда поѣхали ко мнѣ генералы Врангель и Шатиловъ съ супругами. За обѣдомъ обмѣнялись всѣ очень любезными тостами, но никакихъ серьезныхъ разговоровъ не поднимали. Вскорѣ пришелъ ген. Эрдели. Тотчасъ же ген. Врангель и ген. Эрдели уединились въ сосѣднюю

комнату и о чемъ-то долго и горячо говорили. Затѣмъ всѣ ушли, а утромъ совершенно неожиданно ген. Врангель потребовалъ паровозъ и выѣхалъ. Мы условились, что по пріѣздѣ въ Екатеринодаръ, черезъ два дня, мы снова обо всемъ переговоримъ».

Посѣщеніе барономъ Врангелемъ Терскаго атамана, ген. Вдовенко, описано въ запискѣ послѣдняго слѣдующимъ образомъ:

«24 декабря 1919 года вмѣстѣ съ генераломъ Шатиловымъ пріѣхалъ ко мнѣ генералъ Врангель.

Бесѣда происходила въ присутствіи П. Д. Губарева, который случайно былъ у меня. Предложенія ген. Врангеля заключались въ томъ, что у донцовъ и кубанцевъ возникла мысль о коренной реорганизаціи власти на Югѣ Россіи. Власть эта мыслилась, какъ власть общеказачья, и что по мнѣнію генерала Врангеля обстановка требовала созданія такой власти, а между тѣмъ ген. Деникинъ на созданіе такой власти не соглашается. Себѣ ген. Врангель отводилъ мѣсто командующаго казачьими арміями: Донской, Кубанской и Терскимъ корпусомъ. На вопросъ, какъ же мыслилось дальнѣйшее существованіе Добровольческой Арміи, ген. Врангель подтвердилъ, что хотя ген. Деникинъ и грозитъ увести Добровольческую Армію, но этого не будетъ и армія безусловно останется, ибо недовольна генераломъ Деникинымъ. По словамъ ген. Врангеля выходило, что на признаніе его, Врангеля своимъ вождемъ кубанцы уже согласились, согласіе у донцовъ обезпечено и остановка только за терцами. Надо сказать, что ген. Врангель очень волновался, поэтому почти послѣ каждой фразы обращался къ генералу Шатилову: «Не правда ли, Павлуша?» Я высказалъ сомнѣніе, чтобы эту идею, идею смѣны революціоннымъ путемъ командованія на Югѣ Россіи въ такой тяжелый для арміи моментъ, раздѣляли бы Войсковые Атаманы и командующій Донской арміей. Все это только послужитъ къ усиленію развала и поможетъ большевикамъ. Терекъ на это не пойдетъ, — сказалъ я, — и этимъ бесѣда кончилась.

Почувствовавъ интригу, я въ тотъ же день командировалъ П. Д. Губарева къ Донскому атаману и командующему Донской арміей, чтобы онъ установилъ истину и доложилъ бы обо всемъ главнокомандующему, а затѣмъ бы заѣхалъ и на Кубань. Для офиціальнаго Дона все это была новость. На Кубань Петръ Дементьевичъ не заѣхалъ, а потому я и не зналъ, какъ думала офиціальная Кубань, но для меня стало ясно, что и на Кубани эта идея не имѣла успѣха».

Въ тѣ же дни бывшій помощникъ ген. Врангеля по должности главноначальствующаго Харьковскою областью и будущій его министръ внутр. дѣлъ г. Тверской собиралъ въ Кисловодскѣ видныхъ общественныхъ дѣятелей и освѣдомлялся — можетъ ли ген. Врангель, въ случаѣ переворота, разсчитывать на поддержку общественныхъ и финансовыхъ круговъ. Отвѣтъ получился отрицательный.

Между тѣмъ, какъ оказалось, съ возглавленіемъ казачьей группы барономъ Врангелемъ вышло недоразумѣніе и на Кубани. Замѣститель атамана Сушковъ и предсѣдатель кубанской рады Скобцовъ отнеслись къ такому предположенію совершенно отрицательно, заявивъ, что «если это случится, то казаки не пойдутъ въ полки, такъ какъ ген. Врангель потерялъ свой престижъ на Кубани». Они просили ген. Науменко «принять мѣры, чтобы баронъ самъ отказался отъ этой мысли». Науменко порученіе исполнилъ.

Скобцовъ по этому поводу пишетъ:

«Ген. Врангель просилъ о свиданіи, которое и было назначено на первый или второй день Рождества. Мы были вдвоемъ съ Сушковымъ. Ген. Врангель прибылъ совмѣстно съ генераломъ Шатиловымъ...

Предупрежденный генераломъ Науменко, ген. Врангель... предупредилъ насъ своимъ заявленіемъ, что онъ рѣшилъ отказаться отъ порученія главнокомандующаго и срочно выѣзжаетъ въ Новороссійскъ.

Въ отвѣтъ на его предложеніе — воспользоваться услугами его штаба при формированіи частей, мы указали, что это уже дѣло спеціалистовъ военныхъ, которыхъ мы назначаемъ изъ природныхъ кубанцевъ».

Поѣздъ Ставки перешелъ 27 декабря въ Тихорѣцкую и въ ближайшій день туда прибылъ ген. Врангель и предсѣдатель Терскаго круга П. Д. Губаревъ; послѣдній съ порученіемъ отъ атамана Вдовенко и ген. Эрдели — выслушать его докладъ ранѣе генерала Врангеля. Губаревъ сообщилъ мнѣ почти дословно то, что изложено выше въ позднѣйшей запискѣ ген. Вдовенко, при чемъ финалъ разговора описывалъ болѣе образно:

— Выслушавъ ген. Врангеля, Герасимъ Андреевичъ (Вдовенко) ударилъ по столу кулакомъ и сказалъ: «Ну, этому не бывать». Послѣ чего разговоръ сразу пресѣкся.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ ухода Губарева, въ мой вагонъ вошелъ баронъ Врангель, и первыми его словами были:

— «Ваше превосходительство, Науменко и Шкуро предатели. Они увѣрили меня, что я сохранилъ популярность на Кубани, а теперь говорятъ, что имя мое среди казачества одіозно и что мнѣ нельзя стать во главѣ казачьей конной арміи...»

Ген. Врангель считалъ, поэтому, дальнѣйшее свое участіе въ формированіи ея невозможнымъ. Свои взгляды на роль казачества и на продолженіе борьбы онъ изложилъ въ представленной мнѣ тогда же запискѣ, носившей дату 25 декабря:

«Въ связи съ послѣдними нашими неудачами на фронтѣ и приближеніемъ врага къ предѣламъ казачьихъ земель, среди казачества ярко обозначилось съ одной стороны недовѣріе къ Высшему Командованію, съ другой стремленіе къ обособленности. Вновь выдвинуты предположенія о созданіи общеказачьей власти, опирающейся на казачьи арміи. За Главнымъ Командованіемъ проектомъ признается право лишь общаго руководства военными операціями, во всѣхъ же вопросахъ какъ внутренней, такъ и внѣшней политики общеказачья власть должна быть вполнѣ самостоятельной. Собирающаяся 2-го января въ Екатеринодарѣ казачья дума должна окончательно разрѣшить этотъ вопросъ, пока разсмотрѣнный лишь особой комиссіей изъ представителей Дона, Кубани и Терека. Работы комиссіи уже закончены и соглашеніе по всѣмъ подробностямъ достигнуто. Каково будетъ рѣшеніе думы, покажетъ будущее. Терекъ въ связи съ Горскимъ вопросомъ, надо думать, займетъ положеніе обособленное отъ прочихъ войскъ. Отношеніе Дона мнѣ неизвѣстно, но есть основаніе думать, что онъ будетъ единодушенъ съ Кубанью. Послѣдняя же, учитывая свое настоящее значеніе, какъ послѣдняго резерва Вооруженныхъ силъ Юга, при условіи, что всѣ Донскія и Терскія силы на фронтѣ, а Кубанскія части полностью въ тылу — стала на непримиримую точку зрѣнія. Желая использовать въ партійныхъ и личныхъ интересахъ создавшееся выгодное для себя положеніе, объединились всѣ партіи и *большая часть старшихъ начальниковъ, руководимые мелкимъ честолюбіемъ*.

Большевистски настроенные и малодушные поговариваютъ о возможности для новой власти достигнуть соглашенія съ врагомъ, прочіе мечтаютъ стать у кормила правленія. Есть основанія думать, что англичане сочувствуютъ созданію общеказачьей власти, видя въ этомъ возможность разрѣшенія Грузинскаго и Азербейджанскаго вопросовъ, въ которыхъ мы до сего времени занимали непримиримую позицію.

На почвѣ вопроса о новой власти агитація въ тылу нашихъ вооруженныхъ силъ чрезвычайно усилилась.

Необходимо опередить событія и учесть создавшееся положеніе, дабы принять незамедлительно опредѣленное рѣшеніе.

Со своей стороны, зная хорошо настроеніе казаковъ, считаю, что въ настоящее время продолженіе борьбы для насъ возможно, лишь опираясь на коренныя русскія силы. Разсчитывать на продолженіе казаками борьбы и участіе ихъ въ продвиженіи вторично вглубь Россіи нельзя. Бороться подъ знаменемъ «Великая, Единая, Недѣлимая Россія» они больше не будутъ, и единственное знамя, которое, можетъ быть, еще соберетъ ихъ вокругъ себя, можетъ быть лишь борьба за «права и вольности Казачества»; и эта борьба ограничится въ лучшемъ случаѣ очищеніемъ отъ врага казачьихъ земель.

При этихъ условіяхъ главный очагъ борьбы долженъ быть перенесенъ на западъ, куда должны быть сосредоточены всѣ наши главныя силы.

По свѣдѣніямъ, полученнымъ мною отъ генерала англійской службы Кизъ, есть полныя основанія думать, что соглашеніе съ поляками можетъ быть достигнуто. Польская армія, въ настоящее время, представляетъ собою вторую по численности въ Европѣ (большевики, поляки, англичане). Есть основанія разсчитывать на помощь живой силой другихъ славянскихъ народовъ (Болгары, Сербы).

Имѣя на флангахъ русскія арміи (Сѣверо-западную и Новороссійскую) и въ центрѣ поляковъ, противобольшевицкія силы займутъ фронтъ отъ Балтійскаго до Чернаго моря, имѣя прочный тылъ и обезпеченное снабженіе.

Въ связи съ изложеннымъ казалось бы необходимымъ принять мѣры къ удержанію Юга Новороссіи, перенесенію главной базы изъ Новороссійска въ Одессу, постепенной переброскѣ на Западъ регулярныхъ частей съ выдѣленіемъ нынѣ же части офицеровъ для укомплектованія Сѣверо-Западной арміи[1]), гдѣ въ нихъ огромный недостатокъ.

Генералъ-лейтенантъ баронъ Врангель».

Съ тѣхъ поръ правая оппозиція, главою которой считался баронъ Врангель, стала вести агитацію за разрывъ съ казачествомъ, за перенесеніе борьбы въ Новороссію и возглавленіе тамъ войскъ и власти генераломъ Врангелемъ. Это теченіе, находившее откликъ среди тылового офицерства и проникавшее въ армію, ослабляло импульсъ готовившагося рѣшительнаго наступленія.

ГЛАВА XXXII.

Верховный кругъ Дона, Кубани и Терека. Совѣщаніе въ Тихорѣцкой.

Походъ на власть шелъ и съ другой стороны.

Наши военныя неудачи, вызвавъ паденіе авторитета Южной власти, вмѣстѣ съ тѣмъ похоронили и результаты Южно-русской конференціи. Казачество сочло возможнымъ самостоятельно и односторонне разрѣшить вопросъ о построеніи общей власти. 5 января въ Екатеринодарѣ собрался «Верховный казачій Кругъ» [2]), который приступилъ «къ установленію независимаго союзнаго государства», объявивъ себя «верховной властью по дѣламъ общимъ для Дона, Кубани и Терека» Съ первыхъ же засѣданій обнаружилась истинная физіономія этого парламента, едва ли не наиболѣе слабаго изъ всѣхъ соборныхъ опытовъ русскаго безвременья. Перечитывая теперь отчеты о засѣданіяхъ Верховнаго Круга, я укрѣпился еще болѣе въ его оцѣнкѣ: отсутствіе національной идеи, убогая мысль, потеря чувства реальности, оторванность отъ народныхъ массъ, личные или партійные инте-

---

[1]) Сѣверо-западная армія въ это время была разоружена и интернирована на эстонской территоріи. *Авт.*

[2]) По 50 членовъ соотвѣтственныхъ войсковыхъ круговъ и рады, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя кубанской рады Тимошенко.

ресы — во главѣ угла. И безпомощность немногихъ государственныхъ людей, стремившихся безнадежно повернуть Кругъ на путь благоразумія, иной разъ — просто пристойности. Самонадѣянность смѣнялась подавленностью, жестокая и очень часто несправедливая критика, при забвеніи собственныхъ винъ, замѣняла всецѣло положительную работу.

Сразу обнаружились три главныхъ теченія на Кругѣ.

Часть Донцовъ и почти всѣ Терцы призывали къ продолженію борьбы въ единеніи съ главнымъ командованіемъ. Особенно твердо настаивали на этомъ Донской атаманъ Богаевскій и ген. Сидоринъ, рисуя перспективы полной военной катастрофы въ случаѣ ухода Добровольцевъ.

Большая часть Кубанцевъ, оба крайнихъ фланга Донцовъ (Агѣевъ, Гнилорыбовъ, Яновъ) и нѣсколько человѣкъ Терцевъ (лѣвый флангъ) требовали полнаго разрыва съ нами.

Чѣмъ же мыслили они возстановить равновѣсіе силъ передъ лицомъ надвинувшихся уже на Кубань большевицкихъ армій? Союзомъ съ полумифическимъ въ то время Петлюрой, помощью «живой силой» со стороны вступавшихъ уже на путь переговоровъ съ совѣтами Грузіи[1]) и Азербейджана, наконецъ, — «организаціей массъ», т. е. поддержкой кубанскихъ «зеленыхъ» — отрядовъ Пелюка, Крикуна, братьевъ Рябоволовъ и друг., съ которыми поддерживали тѣсную связь многіе члены Верховнаго Круга и которые мало-по-малу изъ дезертировъ превратились просто въ бандитовъ.

Кубанскій атаманъ Букретовъ вступилъ въ переговоры съ англійскими и французскими представителями, и предсѣдатель Рады Тимошенко обнадежилъ ее, что кубанская армія будетъ обезпечена англійскимъ снабженіемъ Тотчасъ же ген. Хольманъ послалъ атаману и опубликовалъ въ газетахъ письмо, въ которомъ было заявлено, что ни одинъ мундиръ, ни одинъ патронъ не будетъ выданъ никому безъ разрѣшенія главнокомандующаго... Тѣмъ не менѣе кубанскіе самостійники не теряли надеждъ и продолжали вести сильнѣйшую агитацію на фронтѣ и въ тылу. Кавказская армія разлагалась и разбѣгалась окончательно, пополненія отказывались идти на фронтъ, и славные нѣкогда кубанскіе корпуса превратились въ штабы безъ войскъ, а послѣдніе въ тучи дезертировъ, осѣвшихъ по станицамъ.

Наконецъ, третье теченіе — наиболѣе опасное. Оно захватывало лѣвые фланги Донцовъ и Кубанцевъ, представители которыхъ не осмѣливались пока выявлять его открыто съ кафедры, но на тайныхъ сходкахъ и засѣданіяхъ — ранѣе въ Новочеркасскѣ, теперь въ Екатеринодарѣ — склонялись къ прекращенію борьбы. Встревоженные этимъ обстоятельствомъ Терцы потребовали, чтобы Верховный Кругъ высказался по поводу слуховъ о возможности мирныхъ переговоровъ съ большевиками, но предсѣдатель Тимошенко отклонилъ обсужденіе этого опаснаго вопроса. Косвенно исчерпывающій, какъ будто, отвѣтъ, давало «введеніе» къ «положенію о Кругѣ», опредѣлявшее самую цѣль его «организаціей рѣшительной борьбы противъ большевиковъ и очищеніе отъ нихъ нашихъ территорій...» Но слухи ползли отовсюду, находя радостный откликъ въ самостійной прессѣ («Куб. Воля» и друг.); назывались уже имена и факты...

Внутри Круга шла борьба между Войсками, внутри Войскъ — между партіями. Донцы и Терцы съ возмущеніемъ и яростью нападали на Кубанцевъ за ихъ потворство оставленію фронта кубанскими частями, за равнодушіе и черст-

---

[1]) Серьезно дебатировался вопросъ о финансированіи предложенія нѣкоего князя Магалова, обѣщавшаго выставить 20 тыс. корпусъ грузинскихъ добровольцевъ (народная гвардія).

вость въ отношеніи донского бѣженства. Въ Донскомъ Кругу углублялся расколъ, осложнившійся кампаніей, поведенной противъ атамана ген. Богаевскаго и предсѣдателя Круга Харламова, который въ началѣ былъ даже забаллотированъ въ члены Верховнаго Круга [1].

Вражда между черноморцами и линейцами грозила перейти въ полный разрывъ, ставя вновь на очередь вопросъ о выдѣленіи изъ Кубанскаго войска линейскихъ («русскихъ») округовъ и о присоединеніи ихъ къ Тереку... Только Терцы — атаманъ, правительство и фракція Круга — почти въ полномъ составѣ представляли единый фронтъ.

На Кругѣ все громче слышались голоса, требующіе ограниченія борьбы «защитой родныхъ краевъ», а при обсужденіи вопроса о формѣ присяги подвергалось поношенію само имя Россіи... Даже лойяльные казаки говорили открыто на Кругѣ: «главнокомандующій не учитываетъ моментъ... «Москву» нужно держать въ сердцѣ, но говорить теперь можно только объ освобожденіи казаковъ отъ большевиковъ...» Не понимали, что эти упрощенные лозунги убиваютъ всякій импульсъ къ борьбѣ въ Добровольцахъ: «что же мы? — отвѣчали изъ ихъ рядовъ — пушечное мясо для защиты ненавистныхъ самостійниковъ?..»

А на фонѣ общаго бѣдствія и клокочущихъ страстей появлялись политическіе маклера — черезчуръ дальнозоркіе или чрезмѣрно близорукіе, ссылаясь на историческія заслуги казачества и указывая панацею отъ всѣхъ взаимныхъ столкновеній и обидъ: «Нужно исправить сѣверныя границы Дона за счетъ Воронежской губ. и присоединить къ нему Царицынъ (проектъ Доно-Волжскаго канала), раздѣлить Ставропольскую губ. между Терекомъ и Кубанью и отдать послѣдней Черноморскую губ. (порты Новороссійскъ и Туапсе)... Стоитъ только главнокомандующему поклониться этими землями казачеству, и все будетъ хорошо...»

Верховный Кругъ съ перваго же дня своего существованія разлагался, дискредитируя идею народоправства. Не только «верховной», но никакой властью фактически онъ не обладалъ. Кругъ не могъ указать путей, способныхъ привлечь, и не обладалъ энтузіазмомъ, могущимъ увлечь казачество на борьбу. Но Верховный Кругъ имѣлъ достаточно еще силъ и вліянія, чтобы склонить чашу вѣсовъ колеблющагося настроенія уставшаго, запутавшагося казачества къ разрыву съ Добровольческой Арміей и... къ миру съ большевиками. И съ Кругомъ нужно было считаться.

Идея самостоятельнаго казачьяго государства и самостоятельной казачьей арміи подъ вліяніемъ кубанскихъ самостійниковъ по началу стала брать верхъ на Кругѣ.

Еще до открытія Верховнаго Круга, по поводу екатеринодарскихъ настроеній я телеграфировалъ ген. Богаевскому для передачи Кубанской Радѣ и Донскому Кругу, отмѣчая два важныхъ случая послѣдняго времени: отходъ Добровольческой Арміи съ огромными потерями на Ростовъ для спасенія казачьяго фронта и... уходъ съ фронта въ самые тяжкіе дни кубанскихъ частей. «Невзирая на все случившееся — писалъ я — настоящее стратегическое положеніе, при условіи принятія участія въ борьбѣ кубанскихъ казаковъ, обѣщаетъ полную побѣду надъ большевиками... Но кубанскіе и донскіе демагоги, лишенные политическаго смысла, въ ослѣпленіи своемъ разжигаютъ низкія страсти, возбуждаютъ казачество противъ Добровольчества и командованія и тѣмъ рушатъ послѣдніе сво-

---

[1]) 29 января была переизбрана донская фракція Верховнаго Круга, при чемъ новый составъ имѣлъ большинство «харламовцевъ» и «парамоновцевъ».

ды, поддерживающіе еще фронтъ... Предвижу только два положенія: съ Добровольцами или... съ большевиками» [1]).

Черезъ нѣсколько дней въ отчетѣ Круга появилась фраза, сказанная будто бы на засѣданіи его генераломъ Богаевскимъ: «Если Кругъ предложитъ ген. Деникину уйти, онъ уйдетъ» и т. д. Я телеграфировалъ Богаевскому: «Ни въ малѣйшей степени не считаюсь съ желаніемъ въ этомъ отношеніи Круга. Веду борьбу за Россію на данномъ театрѣ до тѣхъ поръ, пока это возможно. А если идея общерусской государственности будетъ здѣсь попрана, вмѣстѣ съ Добровольческой Арміей перенесу борьбу на другой фронтъ...» [2]).

Разрывъ грозилъ катастрофой обѣимъ сторонамъ. Стратеги Верховнаго Круга могли заблуждаться, но Ставка и военачальники понимали прекрасно, что уводъ Добровольцевъ повлечетъ за собой немедленное паденіе всего фронта, быть можетъ сдачу большевикамъ со всѣми ея тягчайшими послѣдствіями. Съ другой стороны, если Добровольческій корпусъ, хотя и съ потерями, могъ бы пробиться къ Новороссійску даже сквозь большевицкіе полки и могущую стать враждебной ему казачью стихію, то на территоріи Кубани и Сѣвернаго Кавказа оставались еще тысячи офицерскихъ семействъ, военныя училища, гарнизоны, больные, раненые, чиновничество и вообще многочисленные элементы — россійскіе, кубанскіе, донскіе и терскіе, связанные крѣпко съ Добровольчествомъ. Бросить ихъ въ пучинѣ страстей, которыя поднялись бы съ уходомъ Добровольцевъ, было немыслимо.

Вопросъ для меня былъ ясенъ:

Никакія жертвы въ области ограниченія гражданской власти не велики, если, благодаря имъ, могло быть достигнуто оздоровленіе казачества и разгромъ большевиковъ.

Съ другой стороны, основы соглашенія совершенно безразличны, если будетъ утеряна казачья территорія, и въ послѣднемъ случаѣ важно лишь то, что ведетъ къ возможно безболѣзненному исходу.

Эти мотивы легли въ основу всѣхъ дальнѣйшихъ моихъ отношеній съ Верховнымъ Кругомъ и казачествомъ, приведшихъ къ ряду компромиссовъ, которые вызывали во многихъ россійскихъ кругахъ осужденіе.

Я бралъ на свою голову, съ полнымъ сознаніемъ своего долга, весь одіумъ «соглашательства» — ради побѣды или ради спасенія тѣхъ, кто былъ связанъ съ Добровольчествомъ.

Имя ген. Лукомскаго было одіозно въ казачьихъ кругахъ, и предсѣдателемъ правительства былъ назначенъ ген. Богаевскій [3]); въ составъ правительства я согласился ввести должности министровъ по дѣламъ трехъ казачьихъ войскъ.

Такъ какъ кубанцы не хотѣли идти въ ряды Кавказской арміи, то во исполненіе ихъ вожделѣній создана была Кубанская армія, во главѣ которой поставленъ былъ популярный на Кубани генералъ Шкуро [4]).

Этими актами начался рядъ уступокъ казачеству...

* * *

[1]) 31 декабря, № 017582.

[2]) 10 января 1920 г., № 00248.

[3]) Фактически до окончательнаго преобразованія власти не вступалъ въ исполненіе обязанностей. Назначеніе встрѣчено было въ казачьихъ кругахъ неблагожелательно.

[4]) Первый кандидатъ, ген. Улагай, былъ боленъ сыпнымъ тифомъ. Въ виду лойяльности ген. Шкуро къ главному командованію, онъ подвергся бойкоту кубанскихъ политиковъ, теперь припомнившихъ ему тѣ грѣхи, которые ранѣе не ставились ему въ вину.

Верховный Кругъ шумѣлъ, хотя слухи объ уходѣ Добровольцевъ вызывали страхъ и уныніе. Для вящшаго воздѣйствія на Кругъ, по инціативѣ военныхъ начальниковъ я собралъ 12 января въ Тихорѣцкой, гдѣ находилась Ставка, совѣщаніе изъ атамановъ, правителей и командующихъ. На этомъ совѣщаніи, оставляя въ сторонѣ вопросъ о личностяхъ, оставляя всякія обвиненія и ошибки, я поставилъ твердо и опредѣленно основное положеніе:

Единство Россіи и единство арміи.

«Безъ этого ни я, ни тысячи людей, единомыслящихъ со мной, не можемъ идти съ тѣми, кто эти идеи отвергаетъ. Отвѣтъ необходимъ немедленный, ибо дальше въ этой нездоровой политической атмосферѣ бороться не имѣетъ смысла...»

Демонстрація полнаго единенія всѣхъ военныхъ начальниковъ была внушительна и не оставляла сомнѣній во всеобщемъ негодующемъ чувствѣ по отношенію къ политиканствующему Екатеринодару. Прежде всего, всѣ сходились въ оцѣнкѣ стратегическаго положенія, не только допускающаго возможность продолженія борьбы, но и обѣщающаго успѣхъ. Генералы Сидоринъ и Кутеповъ свидѣтельствовали — и тогда это было истиной — о боеспособности Донской арміи и Добровольческаго корпуса, о сохраненіи въ ихъ рядахъ духа и желанія драться. Кубанскіе начальники (ген. Покровскій, Шкуро), не отрицая развала своихъ войскъ, относились, однако, съ большимъ оптимизмомъ — и это оказалось ошибкой — къ возможности поднять кубанское казачество. И даже предсѣдатель Кубанской Рады Тимошенко заявилъ, что Рада разослала своихъ членовъ для агитаціи въ станицахъ и увѣрена, что «всѣ кубанскія части, какъ одинъ, пойдутъ на фронтъ...» При этомъ, однако, кубанскій атаманъ Букретовъ нашелъ лицемѣрное объясненіе «той смутѣ, которая, якобы, (!) совершается въ Екатеринодарѣ — этомъ сердцѣ казачества»: весь вопросъ былъ, оказывается, въ малодушіи россійскихъ людей. «Паника, буквальное бѣгство на Новороссійскъ... Вмѣсто тыловыхъ позицій на границахъ Кубани — устраиваются позиціи у Новороссійска... Впечатлѣніе такое, что Кубань защищать не хотятъ...»

Такіе взгляды кубанскій атаманъ (офицеръ генеральнаго штаба) проводилъ по всей вѣроятности и въ средѣ казачества... Въ этомъ вопросѣ онъ не нашелъ поддержки даже со стороны Тимошенки, который заявилъ, что казаки понимаютъ, что нельзя ограничиться защитой географическихъ предѣловъ.

Не менѣе единодушно высказано было осужденіе Верховному Кругу и возобладавшимъ на немъ теченіямъ. Привожу нѣсколько выдержекъ изъ отчета объ этомъ совѣщаніи.

Донской атаманъ, ген. Богаевскій:

«Все, что происходитъ въ Екатеринодарѣ, приводитъ меня къ убѣжденію, что многіе люди вовсе не понимаютъ обстановки; всюду господствуютъ личные интересы и все ставятъ на карту ради нихъ. Къ моему глубокому сожалѣнію и у донцовъ случайно есть господа, думающіе и говорящіе о мирѣ съ большевиками, но и они записываютъ свои семьи на отходящіе за границу пароходы. Создается совершенно ненужный союзъ. Предатели затѣваютъ нечестную кампанію и ставятъ крестъ на нашемъ существованіи. Дезертиры громятъ тѣхъ, кто имъ мѣшаетъ, и, громя ихъ, губятъ армію и все дѣло борьбы. Офицеры сознаютъ, что имъ не сдобровать, и, если будетъ разрывъ, всѣ уйдутъ, они понимаютъ, что ихъ выдадутъ первыми большевикамъ. Я первый откажусь отъ поста атамана.

Что было сегодня въ Екатеринодарѣ? Два часа безсмысленныхъ рѣчей людей, ничего не понимающихъ въ военномъ дѣлѣ. Тамъ собрались, чтобы воткнуть ножъ въ спину... Если Добровольцы уйдутъ, все рухнетъ. Бредни о сборѣ 200 000 арміи на Дону противъ большевиковъ, безсмысленныя бредни ни-

чего не понимающихъ людей. Армія, собранная для заключенія мира, воевать не будетъ. Если откажемся отъ общей власти, отъ общаго командованія, будетъ лишь совдепъ, и все погибнетъ».

Предсѣдатель Донского Круга, Харламовъ:

«Я вижу, что вопросъ о возможности продолженія борьбы ставится подъ сомнѣніе. Открыто о мирѣ не говорятъ, о немъ упоминается лишь въ частныхъ бесѣдахъ. Но зараза эта распространяется и охватываетъ слабыхъ людей. Конечно, въ той обстановкѣ, въ которой протекаетъ политическая жизнь, благодаря созданію Верховнаго Круга и той атмосферы, которая вокругъ него складывается, зараза идетъ и шире и глубже.

Измѣненіе лозунга борьбы и замѣна идеи борьбы — борьбой за собственный очагъ, за собственную шкуру — означаетъ конецъ этой борьбы. Кубань счастливѣе Дона и Терека. Донъ вдался клиномъ въ Совдепію, Терекъ — вооруженный станъ. Кубань богата и цвѣтетъ и за нашей спиной можетъ чувствовать себя спокойно; она можетъ попытаться проводить въ жизнь слѣпливаніе Россіи по кусочкамъ. Мы это пережили и въ августѣ, и въ сентябрѣ; потребовался особый указъ Круга... Мы рѣшили, что не географическія границы области считать предѣломъ борьбы, а стратегическія требованія. И когда донцы поняли большевизмъ, у нихъ уже не было разговора о границахъ борьбы. То настроеніе, о которомъ говорилъ Командующій арміей, раздѣляется всѣми, сдѣлавшими отходъ; всѣ свидѣтельствуютъ о готовности бороться и дальше. Не только нѣтъ разговоровъ о мирѣ, не говорятъ даже о безнадежности борьбы. И у меня нѣтъ сомнѣній, что Донской Кругъ, который на этихъ дняхъ соберется, не останется на прежней позиціи, но станетъ на точку зрѣнія государственности. Самостоятельное казачье государство для насъ немыслимо.

Единая Россія можетъ создаваться единой общерусской властью и единой вооруженной силой. Это непреложно. Демократическими лозунгами казачество никого не обманетъ, никого не удивитъ и ничего не завоюетъ.

Я считаю своимъ долгомъ отмѣтить, что единственная рѣчь, произнесенная на Верховномъ Кругѣ, напоминавшая о государственной идеѣ и говорившая объ общегосударственной власти, единственная рѣчь — говорю это съ болью въ сердцѣ — вышла изъ устъ осетина Баева, представителя Терскаго Войска...»

Предсѣдатель Терскаго Круга, Губаревъ:

«Тяжелая обстановка и атмосфера на Кругѣ. Этого отрицать никто не будетъ. Тамъ слово «Россія» произнесено быть не можетъ. Вопросъ о борьбѣ съ большевиками проходитъ очень тяжело и былъ принятъ съ большимъ трудомъ и то послѣ того, какъ былъ поднятъ вторично Мы, терцы, до сихъ поръ не можемъ заглянуть въ душу и разгадать, что происходитъ, что дѣлается тамъ, чего хотятъ они. Мы считаемъ, что идея не должна умирать ни сегодня, ни завтра, ни послѣ... Дальнѣйшее такое положеніе невыносимо. Мы чувствуемъ, что многіе изъ васъ спасутся, наши же лучшіе люди погибнутъ».

Предсѣдатель Терскаго правительства, Абрамовъ:

«Безъ общей государственной власти и согласія съ главнымъ командованіемъ ни бороться, ни жить Терское Войско не можетъ. Другого выхода Терское Войско не видитъ. Если въ мое и Губарева отсутствіе прошла наша резолюція, то вы видите, каково настроеніе Терцевъ. Лучше погибнуть съ честью за Единство Россіи...»

Терскій атаманъ, генералъ Вдовенко:

«Теченіе у Терцевъ всегда одно. Золотыми буквами у насъ написано: «Единая и Великая Россія». У Терцевъ нѣтъ и мысли разрывать съ Добровольческой Арміей. Не будетъ ея, не станетъ и борьбы».

Въ сторонѣ отъ общаго настроенія собравшихся стояли только кубанскіе представители — атаманъ Букретовъ и предсѣдатель Рады Тимошенко, представлявшій на совѣщаніи одновременно и Верховный Кругъ.

«Это не смута, а движеніе народа — говорилъ Букретовъ — которому нужно пойти навстрѣчу и удовлетворить массу. Надо, быть можетъ, посчитаться съ личностями [1]). Нужны уступки, чтобы идти скорѣе въ наступленіе».

Тимошенко, видимо волновавшійся отъ града обвиненій, сыпавшихся на Кругъ, косвенно и по его адресу, отвѣтилъ весьма сдержанно. Онъ протестовалъ противъ опороченія Круга, представляющаго «все лучшее, что могли дать Донъ, Кубань и Терекъ». Заявилъ отъ имени Круга: «мы повинуемся главнокомандующему, когда говорятъ о стратегіи...» Но, видя центръ тяжести гражданской войны въ политической жизни, онъ требовалъ участія въ ней Круга: «мы, изъ народа, въ состояніи не хуже военныхъ авторитетовъ усвоить тѣ идеи, которыми живетъ народъ». Призывая «понять и оцѣнить причины настоящаго настроенія массъ», убѣждалъ насъ, что «утомленіе нельзя разсматривать, какъ измѣну и предательство». Тимошенко признавалъ необходимость борьбы, невозможность разрыва съ Добровольческой Арміей и даже единство Россіи, лишь бы не произносилась сакраментальная для казачества фраза о походѣ на Москву...

Сущность всего высказаннаго на совѣщаніи сводилась къ слѣдующимъ выводамъ:

1. Продолженіе борьбы возможно, необходимо и обѣщаетъ успѣхъ.
2. Необходимо немедленно выдвиженіе на фронтъ кубанскихъ частей для прикрытія обнаженныхъ ими направленій и для наступленія.
3. Донская и Кубанская арміи имѣютъ право на существованіе, но составляютъ съ прочими единую русскую армію, управляемую единой властью, которая используетъ казачьи и добровольческіе корпуса на тѣхъ фронтахъ и въ тѣхъ арміяхъ, гдѣ этого потребуетъ стратегическая обстановка.
4. Разрывъ съ Добровольческой Арміей знаменовалъ бы немедленное паденіе фронта и конецъ борьбы.
5. Добровольческая Армія, Добровольческія части, входящія въ составъ казачьихъ армій, и русское офицерство — мѣстной власти не подчинятся.
6. Горскіе народы Сѣв. Кавказа власти Верховн. Круга не признáютъ.
7. Безъ идеи единства Россіи и единства Арміи — продолженіе борьбы немыслимо. То тягостное неопредѣленное положеніе, въ которомъ нынѣ живетъ армія, долѣе выносить нельзя. Необходимо немедленное разрѣшеніе вопроса о власти, ибо русское Добровольчество и офицерство готово сложить свои головы за Россію, но за благополучіе одного лишь казачества умирать не будетъ. Это положеніе было высказано твердо не одними добровольческими начальниками, но и командующими Донской и Кубанской арміями.

ГЛАВА XXXIII.

Засѣданіе Верховнаго Круга 16 января 1920 г.

Послѣ совѣщанія Тимошенко обратился ко мнѣ съ предложеніемъ прибыть на Кругъ, увѣряя, что личное общеніе разрѣшитъ скорѣе и легче всѣ недоразумѣнія. Я отвѣтилъ, что это будетъ зависѣть отъ того, какъ отнесется Кругъ къ вынесеннымъ сегодня постановленіямъ.

---

[1]) Эта фраза была истолкована, какъ выпадъ противъ меня. Предсѣдатель Донского правительства Мельниковъ, резюмируя слышанное, говорилъ: «Сегодня большинство всѣхъ противъ одного отвѣтило, что казачество за генераломъ Деникинымъ идетъ». Я остановилъ оратора, предложивъ не касаться личностей и не выходить изъ области идей.

После вторичнаго настойчиваго приглашенія я рѣшилъ посѣтить Верховный Кругъ.

16 утромъ мой поѣздъ прибылъ въ Екатеринодаръ. Тотчасъ начались посѣщенія цѣлаго ряда лицъ, имѣвшихъ цѣлью побудить меня къ уступкамъ и предотвратить возможный разрывъ. Явились англійскій и французскій представители, принеся навѣянный Кругомъ, но все же далекій отъ его пожеланій проектъ государственнаго устройства Юга. Ихъ рѣчи были неувѣренны, пониманіе положенія сбивчивое, но цѣли несомнѣнно искреннія. Пришелъ и Тимошенко, который въ качествѣ аргумента въ пользу уступокъ и соглашенія съ казачествомъ привелъ «достовѣрное свѣдѣніе» о... броженіи въ Добровольческихъ кругахъ. Уступки казачеству, какъ средство успокоить Добровольцевъ — это было нѣсколько неожиданно...

Въ полдень я пріѣхалъ на засѣданіе Круга и сказалъ рѣчь, съ полнымъ текстомъ которой были ознакомлены предварительно командующіе генералы — Сидоринъ и Кутеповъ.

1. Въ дни нашихъ неудачъ всѣ ищутъ причинъ, поколебавшихъ фронтъ. Правые видятъ ихъ въ недостаточно твердомъ проведеніи своей программы; лѣвые — въ реакціонности правительства; одни — въ самостійныхъ устремленіяхъ; другіе въ нетерпимости къ новымъ «государственнымъ образованіямъ»; третьи — въ главномъ командованіи. И всѣ — въ грабежахъ и безчинствахъ войскъ — даже тѣ, кто толкалъ ихъ на это, замѣняя недостатокъ патріотизма — жаждой наживы.
2. Теперь, когда все горитъ въ огнѣ политическихъ страстей, трудно найти истину. Я отметаю, поэтому, всякія личности, всякія ошибки, всякую соціальную и политическую нетерпимость... Умудренные печальнымъ опытомъ прошлаго мы должны напречь всѣ свои силы, чтобы искупить свои большія и малыя, вольныя и невольныя вины передъ Родиной, въ безысходныхъ страданіяхъ ждущей избавленія.
3. Что же случилось на фронтѣ?

   Если въ Харьково - Воронежскомъ раіонѣ мы имѣли противъ себя огромныя силы большевиковъ, стянутыя со всѣхъ сторонъ, подъ напоромъ которыхъ сдвинулся нашъ фронтъ, то уже подъ Ростовомъ и Новочеркасскомъ, къ стыду нашему, мы сами имѣли превосходство надъ противникомъ и въ техникѣ, и въ силѣ. Но духъ былъ подорванъ: и отступленіемъ, и наживой, и безудержной пропагандой, подрывавшей авторитетъ командованія и затемнявшей цѣли борьбы. И вотъ, въ началѣ декабря южнѣе Купянска разсыпалась сильная конная группа, которая должна была рѣшить участь всей операціи... Когда шли горячіе бои подъ Ростовомъ, я видѣлъ у Батайска безконечныя вереницы веселыхъ, здоровыхъ всадниковъ на хорошихъ лошадяхъ съ огромными обозами... И еще больше болѣло сердце за тысячи погибшихъ Добровольцевъ, которые, имѣя возможность безболѣзненно уйти въ Крымъ, жесточайшими боями пробивались къ Дону, чтобы вмѣстѣ съ Донцами грудью прикрыть Кубань и Кавказъ. Болѣло сердце за тысячи казачьихъ жизней, павшихъ безрадостно, не дождавшись побѣды.
4. Но это прошлое.

   Фронтъ поправился и сталъ прочно. На Донскомъ фронтѣ даже численный перевѣсъ противника не великъ... Конница казачья и Добровольческая разбила недавно Буденнаго и потрепала Думенку. Вчера Донцы вновь разбили Думенку, который бросилъ большую часть своей артиллеріи. Добровольцы въ двухдневномъ бою отбили многократныя атаки и отбросили большія силы противника. Терцы отбросили большевиковъ далеко за Кизляръ. Крымъ и Новороссія прикрыты. Возможны, конечно, еще неудачи; но даже дальнѣйшій отходъ не страшенъ при

данной силѣ и настроеніи главнаго нашего фронта и при непремѣнномъ условіи немедленнаго выхода на фронтъ кубанскихъ частей для наступленія и для прикрытія нѣкоторыхъ направленій, совершенно обнаженныхъ и угрожаемыхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не кажется ли вамъ страннымъ, что въ часъ самой грозной опасности изъ всего кубанскаго казачьяго войска на боевомъ фронтѣ дерется всего лишь 8½ тысячъ бойцовъ?

Къ сожалѣнію, преступная пропаганда продолжаетъ свое злое дѣло, и нежеланіе нѣкоторыхъ полковъ идти на фронтъ, большая утечка изъ другихъ частей, медленное формированіе — это лишь отзвуки нездоровой жизни Екатеринодара.

Если такъ пойдетъ дальше, то на успѣхъ разсчитывать трудно.

5. Какую же силу представляетъ изъ себя нынѣ большевизмъ? Я не стану излагать своего мнѣнія и ограничусь оцѣнкой, данной Троцкимъ на засѣданіи революціоннаго военнаго совѣта Южнаго фронта.

«Отсутствіе продовольствія, разстройство транспорта, голодъ, холодъ, глухое и открытое недовольство нами массъ — все это грозитъ послѣдствіями, которыя до конца напряженная власть не въ состояніи будетъ ликвидировать. Нашъ противникъ также совершенно выдохся и весь вопросъ въ томъ, кто изъ насъ въ состояніи будетъ выдержать эту зиму. Мы не въ состояніи воевать, они тоже; поэтому, во что бы то ни стало надо наступать».

Неужели вы не понимаете, что, невзирая на всѣ видимые блестящіе успѣхи большевиковъ — это крикъ отчаянія зарвавшагося игрока, и отъ насъ требуется лишь послѣднее сильное напряженіе, чтобы покончить съ нимъ?

И если мы не напряжемъ всѣхъ силъ своихъ, чтобы свергнуть большевиковъ, то окажемся такою слякотью, которая недостойна тѣхъ вольностей, о которыхъ такъ много, горячо и красиво говорятъ во всѣхъ представительныхъ учрежденіяхъ. Ибо рабамъ подобаетъ ярмо, а не свобода.

6. Что же дѣлаетъ тылъ для воодушевленія борцовъ?

Екатеринодаръ устранилъ Россію, создалъ казачье государство, формируетъ самостоятельную армію и готовится принять всю полноту власти военной и гражданской на юго-востокѣ. Одно только не приняли во вниманіе, что Добровольческая Армія и главнокомандующій служатъ Россіи, а не Верховному Кругу.

Тѣмъ не менѣе, екатеринодарскія рѣчи сдѣлали свое дѣло. На фронтѣ явилась неувѣренность въ возможности продолжать при такихъ условіяхъ борьбу. Весь командный составъ, работая тяжко надъ фронтомъ внѣшнимъ, принужденъ оглядываться на внутренній. Мысли казачества отвлекаются отъ борьбы. Сначала шопоткомъ, потомъ все громче бросаются въ армію новые лозунги, разрушающіе всю идею борьбы, за которую тысячи людей безтрепетно сложили свои головы. Наконецъ, неумѣлыми руками разрушаютъ военную организацію, ставя стратегію въ полную невозможность исполненія своихъ плановъ. Къ такимъ больнымъ вопросамъ относится и требованіе самостоятельныхъ армій.

7. Вся наша борьба шла подъ флагомъ Единства Россіи и Единства Арміи. Корниловъ, Алексѣевъ, Калединъ, Марковъ и прочіе великіе и малые русскіе люди умирали за эту идею. Только эта идея могла спаять небольшой отрядъ Перваго Кубанскаго похода. Только она могла создать армію, двинуть съ большимъ трудомъ кубанцевъ на сѣверъ, соединить бурлящіе народы Сѣвернаго Кавказа.

И только забвеніе этой идеи могло привести здѣсь къ такому факту, какъ исключеніе самого имени Россіи изъ офиціальнаго акта [1]).

---

[1]) Эпизодъ при обсужденіи текста присяги членами Верховнаго Круга.

Единство Россіи... Только этимъ единствомъ — колеблемымъ, оспариваемымъ, быть можетъ призрачнымъ — мнѣ удалось заставить уважать достоинство русскаго имени, получить огромную помощь и оградить отъ посягательствъ извнѣ. Оградить отъ той судьбы, которая уготована всѣмъ мелкимъ, враждующимъ, спорящимъ и поглощаемымъ иноземцами окраинамъ.

Эту политику считаютъ нетерпимостью. Но развѣ можетъ жить великая наша страна безъ Балтійскаго и Чернаго морей? Развѣ можетъ она допустить переходъ во враждебный станъ своихъ окраинъ, за которыя пролито столько русской крови и особенно казачьей, вложено столько русскаго труда и народнаго достоянія?

На просьбу союзниковъ опредѣлить отношеніе къ окраинамъ я далъ отвѣтъ, дальше котораго идти невозможно [1]).

Въ виду того, что позиція, занятая конференціей по отношенію къ Азербейджану и Грузіи, дала послѣднимъ поводъ думать, что рѣчь идетъ о признаніи независимости этихъ новообразованій, я заявилъ протестъ. Но сегодня получилъ офиціальное разъясненіе, что державы признали самостоятельность фактическихъ правительствъ, а не самихъ окраинъ [2]).

Это не нетерпимость, а соблюденіе высшихъ интересовъ русской державы, и этимъ не исключается вовсе возможность установленія добрососѣдскихъ отношеній на тѣхъ именно основаніяхъ, которыя приведены въ моемъ заявленіи.

8. Вернемся, однако, къ фронту.

12 декабря на собраніи всѣхъ старшихъ начальниковъ выяснилась яркая картина положенія и настроеній фронта...

Прочтя затѣмъ, приведенныя выше положенія, принятыя совѣщаніемъ въ Тихорѣцкой, я продолжалъ:

9. И если Верховный Кругъ все же найдетъ возможнымъ принять рискованное рѣшеніе — откажется отъ организаціи общерусской власти, создастъ казачье государство, отдѣльную армію и поставитъ ей задачу только самозащиты, то ни мнѣ, ни Добровольческой Арміи здѣсь не мѣсто. Надо искать другихъ путей для освобожденія Россіи.

Я постараюсь нарисовать вамъ картину ближайшаго будущаго, основанную на яркихъ, образныхъ докладахъ всѣхъ казачьихъ и добровольческихъ старшихъ военноначальниковъ.

Я съ Добровольческой Арміей уйду. Русскіе офицеры и Добровольцы, заполняющіе почти всѣ техническія части казачьихъ войскъ, уйдутъ съ нами. Уйдетъ и значительное число казачьихъ начальниковъ и того казачества, которое не въ силахъ пойти подъ большевиковъ или не ждетъ отъ нихъ пощады. Помните, что нѣтъ той силы, которая могла бы воспрепятствовать движенію этой арміи людей, связанныхъ единой цѣлью, общей опасностью, озлобленныхъ крушеніемъ своихъ надеждъ...

Въ тотъ же день рухнетъ весь фронтъ. Большевики зальютъ Задонье и Кубань и вымѣстятъ на нихъ свои злоключенія. Не забудутъ ни чрезвычайныхъ судовъ, ни порки, ни выселенія... Пощады не будетъ. Для Европы они вѣдь недавно торжественно отмѣнили смертную казнь, а сами заливаютъ кровью Ростовъ, Новочеркасскъ и Донскія станицы. А черезъ два-три мѣсяца казаки, ограбленные до чиста, униженные, не досчитывая многихъ умученныхъ, возстанутъ вновь и начнутъ борьбу, поминая проклятіемъ тѣхъ, кто ихъ сбилъ съ толку.

---

[1]) Этотъ отвѣтъ приведенъ въ слѣдующей главѣ.

[2]) 29 января представитель мой въ Тифлисѣ заявилъ о признаніи главнымъ командованіемъ фактическаго существованія правительствъ Грузіи и Азербейджана.

Не скрою отъ васъ и того, что, если мнѣ придется уходить, я сдѣлаю это съ глубокой скорбью въ душѣ, со жгучей болью за разрушенныя надежды и за тяжкую долю того честнаго казачества, съ которымъ такъ долго дѣлилъ и радость и горе.

10. Зачѣмъ же нужно разрушать жизнь, какія непримиримыя противорѣчія возникли между казачествомъ и главнымъ командованіемъ, почему рождавшееся въ такихъ долгихъ мукахъ положеніе конференціи объ общегосударственной власти оказалось непріемлемымъ, зачѣмъ нужно расчленять югъ Россіи на призрачныя «государства», лишенныя силы и голоса въ международной политикѣ?

Я веду борьбу за Россію, а не за власть. Но, къ моему сожалѣнію, борьба за Россію немыслима безъ полноты власти главнокомандующаго. Эта власть, конечно, не можетъ быть ни капризомъ, ни произволомъ.

Въ основѣ ея я мыслю слѣдующія положенія:

1. Единая, Великая, Недѣлимая Россія.
2. Донская и Кубанская арміи составляютъ нераздѣльную часть единой Русской арміи, управляемой одними законами и единой властью.
3. Борьба съ большевиками до конца.
4. Автономія окраинъ и широкая автономія казачьихъ войскъ, историческими заслугами оправдываемая. Широкое самоуправленіе губерній и областей.
5. Правительство, вѣдающее общегосударственными дѣлами, изъ лицъ честныхъ, дѣловыхъ и не принадлежащихъ къ крайнимъ воззрѣніямъ. Полное обезпеченіе въ немъ интересовъ казачьихъ войскъ вхожденіемъ казачьихъ представителей.
6. Представительное учрежденіе законосовѣщательнаго характера.
7. Земля — крестьянамъ и трудовому казачеству.
8. Широкое обезпеченіе профессіональныхъ интересовъ рабочихъ.
9. Всероссійское Учредительное Собраніе, устанавливающее форму правленія въ странѣ.

Наконецъ, тѣмъ, кто хочетъ непремѣнно читать въ душахъ, я могу облегчить трудъ и совершенно искренно высказать свой взглядъ на самое больное мѣсто нашего политическаго символа вѣры.

Счастье Родины я ставлю на первомъ планѣ. Я работаю надъ освобожденіемъ Россіи. Форма правленія для меня вопросъ второстепенный. И если когда-либо будетъ борьба за форму правленія — я въ ней участвовать не буду. Но, нисколько не насилуя совѣсть, я считаю одинаково возможнымъ честно служить Россіи при монархіи и при республикѣ, лишь бы знать увѣренно, что народъ русскій желаетъ той или другой власти. И повѣрьте, всѣ ваши предрѣшенія праздны. Народъ самъ скажетъ, чего онъ хочетъ. И скажетъ съ такою силою и съ такимъ единодушіемъ, что всѣмъ намъ — большимъ и малымъ законодателямъ придется только преклониться передъ его державной волей.

Вотъ тѣ мысли, которыя я съ полной откровенностью счелъ необходимымъ изложить вамъ. Если возможно идти дальше рука объ руку съ казачествомъ, пойду съ радостью и съ глубокой вѣрой въ конечный успѣхъ. Если же нельзя, разойдемся, и пусть Богъ и Россія разсудятъ насъ».

Отвѣчалъ мнѣ предсѣдатель Круга Тимошенко.

«300 лѣтъ создавалась мощь и величіе Россіи костьми, потомъ и кровью русскаго народа. 300 лѣтъ во имя величія Россіи погибалъ русскій народъ.

И хорошо жилось въ это время на Руси немногимъ, и, во всякомъ случаѣ, не русскому народу.

Разразилась русская революція и народъ сбросилъ ярмо и рабство. Но цѣлый рядъ волнующихъ обстоятельствъ повелъ къ тому, что русскому народу не пришлось устроить свою жизнь такъ, какъ ему хотѣлось и подобало. На смѣну однихъ насильниковъ явились другіе, которые дали народу новыхъ сатраповъ-комиссаровъ, чрезвычайки и прочее.

И вотъ на далекихъ окраинахъ государства, великіе русскіе патріоты возстали противъ этихъ новыхъ насильниковъ. Два года длится упорная ожесточенная борьба во имя обезчещенной Родины, борьба, въ которой рука объ руку сражаются казаки и Добровольцы.

Мы уже далеко были продвинуты въ этой нашей борьбѣ и были около Москвы.

И что же?

Наши войска, предводимыя блестящей плеядой полководцевъ, окружающихъ главнокомандующаго, вахмистры Буденный и Думенко отбросили къ исходному положенію.

Не будемъ прислушиваться къ тому, что говорятъ правые, что говорятъ лѣвые, но давайте учтемъ причины этого нашего пораженія.

Великую идею освобожденія Родины, этотъ драгоцѣнный сосудъ можно пронести въ Москву только съ народомъ и только черезъ народъ. Мы цѣнимъ талантъ главнокомандующаго и его соратниковъ, но въ гражданской войнѣ кромѣ таланта стратегическаго и учета обстановки военной, нужно учесть и сторону политическую.

Гражданская война это — не племенная борьба, это борьба — за формы правленія. И, поэтому, возсоздать Россію мы можемъ лишь такой политикой, такими лозунгами, которые близки и понятны народу.

Мы привѣтствуемъ заявленіе главнокомандующаго о томъ, что земля должна принадлежать трудовому народу и казачеству, но мы думаемъ, что этотъ лозунгъ долженъ быть написанъ на нашемъ знамени еще въ самомъ началѣ борьбы.

Мы привѣтствуемъ лозунгъ, провозглашенный сегодня главнокомандующимъ объ Учредительномъ Собраніи, но мы думаемъ, что этотъ лозунгъ нужно было провозгласить еще въ самомъ началѣ борьбы, при выходѣ изъ Екатеринодара.

Диктатурой Россіи не побѣдить.

Главнокомандующій подчеркнулъ здѣсь, что кубанскія части слишкомъ малочисленны сейчасъ на фронтѣ, что Кубанцы въ этотъ историческій моментъ оказались позади.

Я долженъ сказать, что Кубань одна изъ первыхъ создала ядро, съ которымъ Добровольческая армія пошла на сѣверъ. Мнѣ тяжело объ этомъ говорить, но я долженъ сказать: всего два мѣсяца назадъ на Кубани произведена была тяжелая операція изъятія ея политическихъ вождей. Кубань много принесла жертвъ и много еще ихъ принесетъ, но Кубань не мыслитъ себѣ диктатуры, не мыслитъ такого положенія, когда народъ безмолвствуетъ.

И съ диктатурой, т. е. съ властью насилія Кубань не помирится.

Весь міръ объятъ сейчасъ движеніемъ народнымъ, и наши русскія событія лишь волна этой общей стихіи. И расцѣнивать нынѣшнія народныя движенія по старому, какъ смуту, клеймить ихъ предательствомъ и измѣной, какъ прежде — это крупная тяжелая ошибка. Мы пойдемъ сражаться, но не какъ рабы, а какъ свободные граждане, которые не подчиняются никакой диктатурѣ, какъ бы великъ диктаторъ ни былъ.

Верховный Кругъ, объявивъ себя верховной властью на Дону, Кубани и Терекѣ, не мыслитъ себя совершенно отдѣльнымъ отъ Россіи государствомъ. Идея единой Россіи Верховному Кругу близка, но борьбу за ея возсозданіе Кругъ мыслитъ себѣ иначе. И если между Верхов-

нымъ Кругомъ и Главнымъ Командованіемъ возникли разногласія, они могутъ быть устранены. Это только разногласія относительно построенія власти и организаціи аппарата управленія.

Соглашеніе возможно и необходимо въ общихъ интересахъ, а для этого нужно не подходить съ заранѣе предрѣшеннымъ опредѣленіемъ другъ къ другу. Мы никогда не говорили, что во всѣхъ неудачахъ на фронтѣ виноватъ Главнокомандующій, но и не нужно говорить, что мы, здѣсь собравшіеся, смутьяны и измѣнники.

Это невѣрно.

Изболѣвшіе душой, мучимые вопросомъ, какъ устроить нашу жизнь дальше, здѣсь собрались люди, которые корнями вросли въ народную душу. Это уполномоченные представители Дона, Кубани и Терека, и кому, какъ не имъ, рѣшать судьбу пославшихъ ихъ.

Верховный Кругъ понимаетъ и знаетъ, что уходъ Главнокомандующаго и Добровольческихъ частей это — гибель для казачества, но врядъ ли этотъ разрывъ спасетъ и Добровольцевъ. Насъ смущаетъ другое. Мы смущены тѣмъ, что наши разногласія погубятъ идею великой Россіи и осуществятся мечты Троцкаго о единой, великой и недѣлимой Совдепіи.

Вотъ та угроза, которая повисла въ этотъ историческій часъ надъ нами. И во имя интересовъ единой свободной Россіи договоримся, господа, о томъ, какъ, куда и какими путями мы дальше пойдемъ.

И Верховный Кругъ будетъ стремиться не рвать, а договориться съ Главнымъ Командованіемъ».

Наша политика заслуживала во многомъ осужденія, но меньше всего правъ на это имѣли единомышленники Тимошенки.

Начертанная имъ характеристика настроеній и взглядовъ оппозиціи, въ особенности кубанской — была неискренней и совершенно не соотвѣтствовала дѣйствительности. Ихъ цѣли, взгляды, пріемы, тактика уходили далеко отъ побужденій народнаго блага, отъ признанія національной идеи и даже просто отъ желанія договориться.

И всѣ хорошія слова въ устахъ Тимошенки звучали фальшиво, являясь только полемическимъ пріемомъ, разсчитаннымъ на довѣрчивыхъ слушателей и плохо разбиравшихся въ нашихъ дѣлахъ иностранцевъ.

Его единомышленники не хотѣли сражаться ни въ роли «рабовъ», ни въ роли «свободныхъ гражданъ».

Вершители дѣлъ на Кругѣ — группа донскихъ и кубанскихъ самостійниковъ — въ роли идеологовъ Единой, Великой Россіи... Творцы идеи «самостоятельной вѣтви славянскаго племени» и «борьбы за с в о ю независимость» — въ качествѣ оберегателей полномочныхъ правъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія... Законодатели, обездолившіе своихъ «иногороднихъ» — во образѣ печальниковъ за русскій трудовой народъ... Самый пафосъ борьбы съ большевиками вызывалъ тогда уже большія сомнѣнія въ его искренности. Впослѣдствіи сомнѣнія эти нашли подтвержденіе: тѣ самыя лица, которыя вели Верховный Кругъ — Тимошенко, Агѣевъ, Гнилорыбовъ, сбросивъ личину, пошли къ большевикамъ, къ тѣмъ самымъ, которыхъ они называли виновниками «безчестья Родины...»

* * *

Съ 16 января между Верховнымъ казачьимъ Кругомъ и главнымъ командованіемъ начались вновь переговоры о созданіи на Югѣ общей государственной власти.

ГЛАВА XXXIV.

Миссія Макъ-Киндера. Договоръ съ Верховнымъ Кругомъ. «Южно-русское правительство». Настроеніе тыла: Новороссійскъ (эвакуація) и Кубань.

Въ своей рѣчи на Верховномъ Кругѣ я упомянулъ о данномъ союзникамъ разъясненіи по вопросу объ отношеніи Южной власти къ окраинамъ. Исторія этого эпизода такова. Въ концѣ декабря по порученію англійскаго правительства прибылъ на Югъ, послѣ посѣщенія Варшавы, видный членъ парламента Макъ-Киндеръ, имѣя порученіе выяснить положеніе Юга и способы оказанія ему политической и моральной помощи. 31 декабря я получилъ изъ Новороссійска телеграмму отъ предсѣдателя правительства, ген. Лукомскаго:

Въ засѣданіи правительства 31 сего декабря подъ моимъ предсѣдательствомъ при участіи Астрова, Бернацкаго, Билимовича, Герасимова, Кривошеина, Нератова, Носовича, Савича, Степанова, кн. Трубецкого, Фенина, Челищева, Юрченко и Федорова былъ заслушанъ докладъ Нератова о предложеніяхъ Макъ-Киндера. Во вниманіе къ военному положенію, въ связи съ событіями въ казачьихъ областяхъ, создающими опасность потери остающейся территоріи, единогласно признано принять полностью предложеніе Макъ-Киндера, въ томъ числѣ признаніе Вами и Правительствомъ самостоятельности существующихъ окраинныхъ правительствъ и установленіе будущихъ отношеній путемъ договора общерусскаго правительства съ окраинными правительствами, съ допущеніемъ сотрудничества союзниковъ. Гарантію въ этомъ отношеніи со стороны союзниковъ совѣщаніе нашло нежелательнымъ, какъ чрезмѣрно закрѣпляющую ихъ самостоятельное положеніе. Терминъ «автономія», какъ крайне неопредѣленный и могущій вызвать длительные переговоры о ея предѣлахъ, признано желательнымъ избѣжать.

Относительно Польши и Румыніи совѣщаніе полагало возможнымъ согласиться полностью на предложеніе Макъ-Киндера[1]), при условіи содѣйствія со стороны Польши живой силой съ немедленнымъ частичнымъ переходомъ въ наступленіе для отвлеченія большевицкихъ силъ и дальнѣйшимъ развитіемъ операцій въ возможно кратчайшій срокъ и въ полномъ масштабѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ совѣщаніе нашло необходимымъ потребовать отъ союзниковъ:

1. рѣшительной и незамедлительной охраны флотомъ Черноморск. губ., Крыма и Одессы;
2. содѣйствія къ помощи живой силой со стороны Болгаріи и Сербіи;
3. обезпеченія тоннажа для перевозки указанныхъ въ пунктѣ второмъ войскъ; и
4. продолженія снабженія Вооруженныхъ силъ Юга Россіи.

Крайне желательно заинтересовать Англію въ экономическихъ предпріятіяхъ Черноморской губ. и Крыма путемъ предоставленія концессій, что въ значительной мѣрѣ свяжетъ ея интересы съ нашими и дастъ намъ валюту. Завтра, перваго, имѣетъ быть у Макъ-Киндера совѣщаніе по вопросамъ финансовымъ, торговопромышленнымъ и транспорта при моемъ участіи».

Постановленіе это я утвердилъ, внеся слѣдующія измѣненія: 1. Въ пунктѣ о признаніи «самостоятельнаго существованія фактическихъ окраинныхъ правительствъ» я добавилъ опредѣленіе: «ведущихъ борьбу съ большевиками». 2. Въ пунктѣ объ отношеніяхъ къ Польшѣ ограничился заявленіемъ: «Вопросъ восточ-

---

[1]) Оно заключалось въ признаніи границы, установленной на Версальской конференціи, къ западу отъ которой территорія должна принадлежать безспорно Польшѣ, а къ востоку должна войти въ то или иное государство на основаніи плебисцита. *Авт.*

ной границы Польши будетъ рѣшенъ договоромъ общерусскаго и польскаго правительствъ на этнографическихъ основахъ». Что касается вопроса объ экономическомъ содѣйствіи я далъ особо указаніе правительству: «невзирая на тяжелое положеніе, нельзя допускать ничего, имѣющаго характеръ мирной оккупаціи и исключительнаго управленія нашей торговлей и транспортомъ. По вопросу о концессіяхъ не согласенъ, такъ какъ заинтересованность варяговъ и безъ того велика» [1]).

Макъ-Киндеръ, удовлетворившись въ общемъ моимъ отвѣтомъ, остался неудовлетвореннымъ постановкой польскаго вопроса. Онъ просилъ пересмотрѣть его, въ видахъ «будущей политической комбинаціи». Уѣзжая на короткое время въ Англію, онъ предполагалъ по возвращеніи устроить свиданіе мое съ ген. Пилсудскимъ. Просилъ также разработать къ тому времени основы соглашенія съ Румыніей, совѣтуя намъ согласиться на плебисцитъ въ Бессарабіи, который, при существующихъ тамъ настроеніяхъ массы, былъ бы по его мнѣнію безусловно благопріятнымъ для Россіи . . . Макъ-Киндеръ не вернулся на Югъ.

Событія прошли мимо этого запоздалаго, хотя и несомнѣнно доброжелательнаго вмѣшательства англійскаго правительства. Двухсторонній договоръ остался мертвой буквой и интересенъ лишь, какъ показатель англійской точки зрѣнія съ одной стороны и той эволюціи, которая подъ вліяніемъ событій произошла въ политическихъ взглядахъ государственныхъ людей Юга. Бывшій государствовѣдъ Особаго Совѣщанія, К. Н. Соколовъ, не принимавшій уже участія въ правительствѣ, укоризненно подчеркиваетъ этотъ «уклонъ» его, полагая, что «принятіе идеи соглашенія между Россіей и окраинными образованіями было въ несомнѣнномъ противорѣчіи съ незыблемымъ до тѣхъ поръ у насъ догматомъ цѣлокупной русской государственности и противорѣчило принципу полновластія Всероссійскаго Учредительнаго Собранія . . .»

Мнѣ казалось, что «догматъ» отнюдь не поколебленъ. Не говоря уже о томъ, что юридическій смыслъ признанія «самостоятельнаго существованія фактическихъ правительствъ» вовсе не равносиленъ признанію de jure окраинныхъ «государствъ» и что *соглашеніе* вовсе не устраняло окончательной санкціи Всероссійскаго Учредительнаго Собранія, мнѣ лично представлялось, что *сговоръ* между метрополіей и окраинами можетъ идти только о предѣлахъ, хотя бы широчайшихъ, правъ ихъ на тѣ или другія области управленія, но не на раздѣльное существованіе. Этотъ путь нисколько не стоялъ въ противорѣчіи съ идеей цѣлокупности государства, и имъ я шелъ по существу и въ наказѣ ген. Баратову о Закавказскихъ новообразованіяхъ, и въ работахъ Южно-русской конференціи съ казаками. Я считалъ, что мы освобождаемся только отъ ненужнаго и вреднаго ригоризма. Ибо гипнозъ словъ довлѣлъ часто надъ людьми и дѣяніями, форма мертвила духъ, а жизнь . . . шла мимо.

* * *

Существенно выразился уклонъ моей политики въ переговорахъ съ Верховнымъ Кругомъ, веденныхъ 16-го мною лично съ лидерами Круга и атаманами, а послѣ этого — въ совѣщаніи представителей главнаго командованія [2]) и Круга. Эти переговоры, послѣ многихъ споровъ завершились къ концу января принятіемъ обѣими сторонами положенія:

---

[1]) Телеграфныя сношенія 31 декабря и 3 января ген. Лукомскаго, №№ 0772, 15 и 79, мои №№ 17592 и 021847.

[2]) Челищевъ, Савичъ, при неофиціальномъ участіи проф. Новгородцева.

1. Южно-Русская власть устанавливается на основахъ соглашенія между главнымъ командованіемъ Вооруженными силами на Югѣ Россіи и Верховнымъ Кругомъ Дона, Кубани и Терека, впредь до созыва Всероссійскаго Учредительнаго Собранія.
2. Первымъ главой Южно-Русской власти, по соглашенію Верховнаго Круга Дона, Кубани и Терека, съ одной стороны, и главнаго командованія Вооруженными силами Юга Россіи — съ другой стороны, признается генералъ-лейтенантъ Деникинъ.
3. Законъ о преемствѣ власти главы государства вырабатывается Законодательной Палатой на общемъ основаніи.
4. Законодательная власть на Югѣ Россіи осуществляется Законодательной Палатой.

   Примѣчаніе: Проведеніе выборнаго закона въ спѣшномъ порядкѣ, а равно текущее законодательство, возлагается на Законодательную комиссію, созываемую по соглашенію съ главнымъ командованіемъ изъ представителей казачьихъ войскъ и мѣстностей, находящихся подъ управленіемъ главнокомандующаго.
5. Функціи исполнительной власти, кромѣ возглавляющаго Южно-Русскую власть, отправляетъ совѣтъ министровъ, отвѣтственный передъ Законодательной Палатой, кромѣ министровъ военно-морского и путей сообщенія.

   Примѣчаніе: Военное снабженіе сосредотачивается въ военномъ министерствѣ. Министръ продовольствія исполняетъ требованія военнаго вѣдомства по снабженію арміи.
6. Предсѣдатель совѣта министровъ назначается лицомъ, возглавляющимъ Южно-Русскую власть, а члены совѣта министровъ утверждаются имъ же по представленію предсѣдателя совѣта министровъ.
7. Лицу, возглавляющему Южно-Русскую власть, принадлежитъ право роспуска Законодательной Палаты и право относительнаго «вето». При чемъ къ вторичному разсмотрѣнію отклоненнаго закона Палата можетъ приступить не ранѣе, чѣмъ черезъ четыре мѣсяца послѣ его отклоненія, и законъ воспріемлетъ силу лишь по принятіи его большинствомъ двухъ третей состава Палаты.

Совѣщаніе выработало еще положенія о законодательной комиссіи и о разграниченіи общегосударственной и мѣстной власти. Верховный Кругъ, не приступая къ обсужденію проектовъ, передалъ ихъ въ комиссію, и свѣта они не увидѣли.

Отвѣтственное министерство, законодательная палата и условное вето знаменовали переходъ отъ диктатуры къ конституціоннымъ формамъ правленія... Я не допустилъ ограниченія полноты военной власти главнокомандующаго и сохранилъ подчиненіе только ему важнѣйшихъ органовъ веденія войны. Это было по времени самое главное. Кромѣ того, Кругъ принужденъ былъ отказаться отъ своего ультимативнаго требованія о предоставленіи ему законодательныхъ функцій до созыва Палаты. Это было невозможно, въ виду отсутствія государственнаго смысла въ дѣяніяхъ Круга, и совершенно непріемлемо въ глазахъ россійскихъ людей.

Обѣ стороны пришли къ соглашенію подъ давленіемъ обстановки, безъ особой радости и безъ большихъ надеждъ...

Стремясь къ осуществленію народнаго представительства, я считалъ теперь, какъ и ранѣе, что въ дни борьбы и потрясеній и при томъ поразительномъ разслоеніи, которое являлъ собою организмъ противобольшевицкой Россіи, только военная диктатура, при нѣкоторыхъ благопріятныхъ условіяхъ, могла съ надеждой на успѣхъ бороться противъ диктатуры коммунистической партіи. Что разсредоточеніе и ослабленіе верховной власти внесетъ огромныя трудности въ дѣло

борьбы и строительства въ будущемъ. Но стоило ли страшиться этого будущаго, когда гибло настоящее и нужно было пытаться спасти его?..

Спасти, хотя бы и дорогою цѣной...

Донская и кубанская оппозиція Верховнаго Круга подходили къ вопросу съ другой стороны: «Мы вынуждены силою обстоятельствъ... отступить съ болью въ сердцѣ и душѣ отъ чистоты демократическихъ принциповъ... и принять положенія, далекія даже отъ скромныхъ нашихъ пожеланій...»

Было условлено, что главнокомандующій и Кругъ особымъ согласованнымъ актомъ объявятъ о состоявшемся соглашеніи. Проектъ воззванія Круга, составленный Агѣевымъ, не былъ принятъ Кругомъ и, тѣмъ не менѣе, появился въ печати подъ заголовкомъ «Обращеніе Верховнаго Круга Дона, Кубани и Терека къ населенію». Въ этомъ «обращеніи» Агѣевъ и его единомышленники, превознося себя безмѣрно и обвиняя во всемъ случившемся Особое Совѣщаніе, возглашали: «... Теперь, благодаря вліянію Верховнаго Круга, устранены отъ власти безотвѣтственные чиновники — честолюбцы... Мы, народные избранники, (установили) власть, у которой будутъ стоять только истинные защитники народа... Отнынѣ народныя чаянія и надежды будутъ немедленно осуществляться во всей полнотѣ...» Бывшіе члены Особаго Совѣщанія выступили съ краткимъ заявленіемъ относительно «документа... содержащаго явную и намѣренную ложь, заслуживающую презрѣнія со стороны всѣхъ, кто въ основу своей дѣятельности не полагаетъ дешевой демагогіи...»

Подобные пріемы, усвоенные лидерами Круга, обѣщали мало хорошаго...

Въ концѣ января я освободилъ отъ предсѣдательскихъ обязанностей ген. Богаевскаго. Послѣ совѣщанія съ лидерами трехъ фракцій Круга, предложившими на постъ предсѣдателя совѣта министровъ Н. М. Мельникова [1]) (Донцы и Терцы) и Тимошенку (Кубанцы), я предложилъ первому изъ нихъ составить кабинетъ. Дѣло это встрѣтило большія трудности, какъ по наличію большого числа вліятельныхъ членовъ Круга, стремившихся стать министрами, такъ, въ особенности, въ виду непремѣннаго желанія кубанской фракціи получить 5 портфелей и, въ томъ числѣ, для Тимошенки — министра иностранныхъ дѣлъ.

Не вѣря въ прочность и длительность соглашенія, я былъ озабоченъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, чтобы сохранить въ рукахъ людей лойяльныхъ и не опасныхъ въ смыслѣ пріятія большевизма главнѣйшія средства вооруженной борьбы— внѣшнія сношенія, военно-морское управленіе, финансы и пути сообщенія. Намѣченный Мельниковымъ составъ совѣта не встрѣтилъ съ моей стороны возраженій, за исключеніемъ кандидатуры Агѣева, присутствіе котораго въ правительствѣ, какъ лица склонявшагося къ большевизму и беззастѣнчиваго демагога, я считалъ опаснымъ. Но Мельниковъ увѣрилъ меня, что желаніе Агѣева стать министромъ настолько велико, что, получивъ постъ, онъ совершенно преобразится, а въ то же время назначеніе это обезоружитъ донскую оппозицію. Что касается приглашенія лидеровъ кубанской самостійной группы — этотъ вопросъ былъ нами разрѣшенъ отрицательно. Это обстоятельство вызвало среди кубанскихъ самостійниковъ большое раздраженіе и сразу возстановило ихъ противъ новаго правительства.

Въ началѣ февраля главнѣйшіе посты были замѣщены [2]), и совѣтъ министровъ

---

[1]) Предсѣдатель Донского правительства.

[2]) Предсѣдатель сов. мин. — Н. М. Мельниковъ; министры: военно-морской — ген.-лейт. Кельчевскій, иностр. дѣлъ — ген.-отъ-кавалеріи Н. Н. Баратовъ, внутр. дѣлъ — В. Ф. Зеелеръ, юстиціи — В. М. Красновъ, земледѣлія — П. М. Агѣевъ, финансовъ— М. В. Бернацкій, путей сообщенія — Л. В. Звѣревъ, торг. и пром. — Ф. С. Леонтовичъ, нар. просв. — Ф. С. Сушковъ, здравоохраненія — Н. С. Долгополовъ, пропаганды — Н. В. Чайковскій.

представилъ мнѣ въ спѣшномъ порядкѣ декларацію — воззваніе «ко всѣмъ гражданамъ». Я былъ немало удивленъ вступленіемъ въ декларацію, въ которомъ существо происшедшей перемѣны изложено было такими словами: «Во имя спасенія Родины и возрожденія ея на основахъ народовластія, по соглашенію главнокомандующаго В. С. Ю. Р. съ демократическимъ представительствомъ Дона, Кубани и Терека образована новая власть — Южно-Русское правительство изъ слѣдующихъ лицъ...» Шелъ списокъ министровъ...

Такое опредѣленіе, совершенно расходясь съ принятой нами «конституціей» и устанавливая нѣчто вродѣ директоріи въ составѣ несмѣняемыхъ членовъ ея, явилось, повидимому, результатомъ отсутствія въ составѣ правительства государствовѣдовъ. Послѣ исправленія вступленія, декларація, повторявшая многія хорошія слова и благія намѣренія предыдущихъ правительствъ [1]), была оглашена Н. М. Мельниковымъ на Верховномъ Кругѣ и опубликована въ печати.

Появленіе новаго правительства не внесло никакой перемѣны въ теченіе событій.

Верховный Кругъ отнесся къ нему съ явнымъ недоброжелательствомъ и даже съ нѣкоторымъ высокомѣріемъ. Кубанское правительство Иваниса особымъ постановленіемъ отказалось признавать его компетенцію на территоріи Кубани. «Признаніе или непризнаніе этого правительства Кубанью зависитъ отъ существующихъ законодательныхъ учрежденій (Законодательная Рада). Къ опубликованному списку министровъ кубанское правительство не можетъ отнестись иначе, какъ къ Особому Совѣщанію...»

Кубанская фракція добивалась вновь временнаго возложенія на Кругъ законодательныхъ функцій, съ цѣлью нисколько не скрываемой — «свалить кабинетъ Мельникова». Россійскіе круги, какъ либеральные, такъ и консервативные, отнеслись съ подозрительной враждебностью къ Южному правительству по мотивамъ — одни «казачьяго засилья», другіе «лѣвизны», третьи — персональнаго его состава. Соц.-рев., при участіи Тимошенки и Аргунова, обсуждали возможность переворота, а соц.-дем. вынесли резолюцію съ принципіальнымъ порицаніемъ Южнаго правительства и требовали соглашенія съ большевиками [2]). Только одна политическая партія, въ лицѣ «группы центральнаго комитета к.-д.» постановила «во имя сохраненія единства» поддержать Южное правительство, которое «представляется въ настоящій моментъ единственнымъ центромъ національнаго объединенія...»

Такъ было на верхахъ.

Въ народѣ и въ арміи появленіе новаго правительства не было воспринято никакъ: не мало рядовыхъ обывателей только много времени спустя, въ эмиграціи узнали объ его существованіи.

Сѣверный Кавказъ былъ вскорѣ отрѣзанъ; Кубань — главный театръ войны — жила своей жизнью, своей властью или вѣрнѣе безвластіемъ; послѣдніе клочки Ставропольской, Черноморской губ. и Крымъ по инерціи тяготѣли къ Новороссій-

---

[1]) Въ аграрномъ вопросѣ декларація обѣщала «всю землю, чья бы она ни была, превышающую опредѣленную законную норму (какую?), распредѣлить между нуждающимися въ землѣ».

Въ области внѣшнихъ сношеній особливая забота удѣлялась упроченію дружественныхъ отношеній съ Польшей, Азербейджаномъ, Грузіей и Арменіей.

[2]) По моему требованію кубанскій атаманъ закрылъ офиціозъ «Кубанскую Волю», въ которой помѣщены были эти резолюціи, при чемъ кубанскій министръ внутр. дѣлъ Бѣлашевъ лично зашелъ въ редакцію и занесъ распоряженіе о закрытіи «Куб. Воли» и одновременно разрѣшеніе на открытіе газеты «Воли».

ску, гдѣ сосредоточились органы стараго государственнаго аппарата — болѣе, чѣмъ къ Екатеринодару, гдѣ пребывали новые главы вѣдомствъ.

При такихъ условіяхъ говорить о дѣятельности министерства Мельникова затруднительно и судить ее было бы несправедливо. Положительной стороной этого правительства, состоявшаго изъ лицъ, въ большинствѣ своемъ одушевленныхъ самыми добрыми намѣреніями, было уже то, что оно не мѣшало вооруженной борьбѣ армій Юга.

* * *

Въ силу предоставленной мнѣ еще 19 ноября 1919 г. Верховнымъ Правителемъ полноты правъ, въ области переговоровъ съ Верховнымъ Кругомъ и реорганизаціи власти я не былъ стѣсненъ въ своихъ рѣшеніяхъ.

Въ то время, когда происходили эти событія на Югѣ, въ Иркутскѣ свершался кровавый эпилогъ. Оставленный своими, преданный «главнокомандующимъ союзными войсками въ Сибири», французскимъ генераломъ Жаненомъ, плѣненный ненавидѣвшими его чехо-словаками, Верховный Правитель былъ отвезенъ ими въ Иркутскъ и отданъ въ руки соц.-рев. «Политическаго центра».

Революціонная демократія торжествовала. Объявивъ адм. Колчака «врагомъ народа», его заключили въ тюрьму и подвергли допросу по обвиненію въ «предательствѣ имъ Родины». Еще не закончилась судебная процедура, когда, въ виду угрозы подходившей къ Иркутску арміи ген. Войцѣховскаго [1]), по распоряженію «правительства» 25 января адмиралъ Колчакъ былъ разстрѣлянъ.

Революціонная демократія, совершивъ это преступленіе—актъ политической мести, передала власть большевикамъ, уйдя снова въ подполье.

Глубокую скорбь вызвала во мнѣ вѣсть о гибели адмирала Колчака. Исторія оцѣнитъ подвигъ большого патріота и несчастнаго правителя, подъявшаго на свои плечи безмѣрно тяжелое бремя власти въ годину тяжкихъ испытаній. Она произнесетъ и свой приговоръ надъ тѣми людьми, что, не сдѣлавъ ничего для спасенія страны, мнили себя въ правѣ быть его судьями и палачами.

Я узналъ о смерти Верховнаго Правителя еще въ Тихорѣцкой. Событіе это поставило передо мной весьма тяжелый вопросъ о преемствѣ «всероссійской власти . . .»

Акты Верховнаго Правителя отъ 11 іюня 1919 г. предусматривали, что «въ случаѣ болѣзни или смерти Верховнаго главнокомандующаго, замѣститель его (ген. Деникинъ) незамедлительно вступаетъ въ исполненіе обязанностей Верховнаго главнокомандующаго». Актомъ отъ 2 декабря 1919 г. предрѣшалась и «передача верховной всероссійской власти ген. Деникину».

Въ глазахъ нѣкоторыхъ дѣятелей эти акты обязывали меня къ принятію соотвѣтственнаго наименованія и функцій, ради сохраненія идеи національнаго единства. Я считалъ эту точку зрѣнія совершенно непріемлемой: военно-политическое положеніе, въ которомъ въ январѣ-февралѣ находились правитель, власть, армія и территорія Юга, требовало величайшей осторожности. Претензіи на «всероссійскій» масштабъ являлись бы въ то время совершенно неумѣстными, власть — фикціей, а связанность судебъ бѣлаго движенія съ Югомъ наканунѣ катастрофы — политически весьма опасной. Во избѣжаніе кривотолковъ я оставлялъ вопросъ открытымъ, ссылаясь на отсутствіе офиціальныхъ свѣдѣній о событіяхъ на Востокѣ. Кривотолки появились, но въ направленіи совершенно неожиданномъ: въ виду того, что не было назначено офиціальныхъ панихидъ, пошли разговоры о моемъ «неуваженіи къ памяти» погибшаго Верховнаго Правителя . . .

---

[1]) Смѣнилъ доблестнаго генерала Каппеля, умершаго отъ обмороженія.

Этотъ эпизодъ имѣлъ неожиданное продолженіе нѣсколько мѣсяцевъ спустя, лѣтомъ 1920 года. Будучи уже въ Англіи, я получилъ письмо отъ А. И. Гучкова, въ которомъ послѣдній просилъ довершить патріотическій подвигъ и особеннымъ торжественнымъ актомъ облечь барона Врангеля, правившаго тогда въ Крыму, преемственной всероссійской властью. Отъ такого акта, считая его юридически ничтожнымъ и государственно вреднымъ, я воздержался...

Телеграммой на мое имя отъ 18 января[1]), ген. Семеновъ, облеченный адмираломъ Колчакомъ полнотой власти въ Сибири временно «впредь до полученія (отъ меня) указаній», доносилъ, что онъ принялъ предоставленную ему власть и просилъ «авторитетнаго подтвержденія ея», въ виду начавшагося на восточной окраинѣ распада: ген. Хорватъ объявилъ себя суверенным въ отношеніи русскаго населенія на территоріи полосы отчужденія Китайско-Восточной жел. дороги; въ Приморской области воцарилось земство; въ Амурской — большевизмъ и т. д.

Бѣлый Востокъ распался и агонизировалъ.

* * *

Если и раньше нашъ тылъ представлялъ изъ себя въ широкомъ масштабѣ настоящій вертепъ, то въ началѣ 1920 г., передъ нависшей и ожидаемой катастрофой, извращеніе всѣхъ сторонъ жизни, всѣхъ сторонъ общественной морали достигло размѣровъ исключительныхъ. И въ такой же степени возросло и усугубилось бѣдственное положеніе жертвъ войны и смуты, безпомощныхъ щепокъ срубленнаго Дерева — семействъ служилаго люда, давно уже колесившихъ по родной землѣ въ качествѣ бѣженцевъ. Теперь новымъ шкваломъ ихъ загнало въ негостепріимныя, почти враждебныя кубанскія станицы, въ забитые сверхъ всякой мѣры каменные ящики домовъ и подваловъ холоднаго Новороссійска... Города, пронизываемаго насквозь острымъ ледянымъ дыханіемъ нордъ-оста и... смерти, косившей людей безъ счету, особенно отъ сыпного тифа...

Иллюзорный договоръ съ Макъ-Киндеромъ имѣлъ, къ счастью, нѣкоторыя положительныя послѣдствія: отъ имени англійскаго правительства Макъ-Киндеръ далъ мнѣ гарантію, что семьи служилаго элемента будутъ эвакуированы за границу. Эта гарантія была выполнена честно англичанами, при содѣйствіи другихъ союзниковъ. Своими средствами мы справиться не могли бы. И хотя съ Принкипо, Салониками, Кипромъ и другими этапами россійскаго бѣженства связано много тяжелыхъ воспоминаній, но нельзя не признать, что эта помощь, хотя бы и недостаточная, спасла многія тысячи людей — однихъ отъ жизни паріевъ совѣтскаго режима, другихъ — отъ большевицкой расправы. Эвакуація направлена была и въ славянскія балканскія страны, главнымъ образомъ, въ Сербію, заслуги которой въ дѣлѣ помощи русскимъ бѣженцамъ особенно велики и незабываемы.

Страшная загруженность тыла и тревога бойцовъ за свои семьи требовали немедленной эвакуаціи, безотносительно къ возможному исходу борьбы на фронтахъ. И въ серединѣ января она началась фактически, при чемъ общая директива моя[2]) опредѣляла послѣдовательность эвакуаціи по раіонамъ: 1) Одесса, 2) Севастополь, 3) Новороссійскъ. И послѣдовательность подлежавшихъ эвакуаціи элементовъ: 1) больные и раненые воины, 2) семьи военнослужащихъ[3]),

[1]) Телеграмму эту (№ 13), посланную черезъ мин. иностр. дѣлъ Сазонова, я получилъ въ декабрѣ 1920 г., въ Брюсселѣ.

[2]) Телеграмма ген. Лукомскому 22 января, № 00604.

[3]) По распоряженію ген. Романовскаго семьи офицеровъ штаба подлежали эвакуаціи въ послѣднюю очередь, послѣ семей фронтовиковъ. Телеграмма его Лукомскому 2 января, № 017646.

3) семьи гражданскихъ служащихъ, 4) прочіе — если будетъ время и мѣсто[1]), 5) начальники — послѣдними.

Нѣтъ сомнѣнія, что протекція и взяточничество вносили свои коррективы въ установленную очередь эвакуаціи. Но и сами тѣ, которымъ принадлежало преимущественное право на выѣздъ — семьи служилыхъ людей не разъ осложняли вопросъ до чрезвычайности: тысячи людей, связанныхъ кровно съ послѣднимъ клочкомъ родной земли и съ остающимися мужьями, сыновьями, братьями, страшась неизвѣстнаго будущаго на чужбинѣ, колебались и отсрочивали свою очередь, жадно ловя малѣйшіе проблески на нашемъ фронтѣ. Пароходы вначалѣ задерживались въ порту или уходили безъ полнаго комплекта пассажировъ. Англичане грозили прекращеніемъ эвакуаціи и на нѣкоторое время, въ концѣ января пріостановили ее дѣйствительно, впрочемъ, больше изъ-за страха передъ занесеннымъ бѣженцами сыпнымъ тифомъ. Я торопилъ эвакуацію, угрожая въ приказѣ колеблющимся прекращеніемъ дальнѣйшихъ заботъ правительства объ ихъ участи.

Только передъ концомъ къ пристанямъ хлынули волны бѣженцевъ, нарушая весь планъ эвакуаціи и ослабивъ Новороссійскій портъ тоннажемъ въ самые критическіе дни.

Число эвакуированныхъ съ Юга Россіи въ чужія страны з а р е г и с т р и р о в а н н ы х ъ бѣженцевъ опредѣлялось въ 40 тысячъ. Число прочихъ, имущихъ, не пользовавшихся пособіемъ отъ правительства и союзниковъ, превышало эту цифру.

Со второй половины февраля эвакуаціонное настроеніе охватило широко буржуазные круги. Одни уѣхали не въ очередь, конечно, другіе оставались еще для ликвидаціи дѣлъ и предпріятій или въ силу духовной прострацiи. Только немногіе изъ общественныхъ и политическихъ дѣятелей самоотверженно подталкивали еще государственный корабль, загрязшій въ тинѣ, вызывая скептическія насмѣшки за свой оптимизмъ и свою неумѣлость со стороны тѣхъ, которые запаслись уже паспортомъ и билетомъ на пароходъ.

Бѣженская волна увлекла и офицерство, преимущественно тыловое — привилегированное, подъ предлогомъ «спасенія семьи» или «разочарованія въ бѣломъ движеніи. . .» Эпидемія «заболѣваній», дававшихъ право на выѣздъ, поражала неожиданно цѣлыя учрежденія, начиная съ главы, какъ это случилось, напримѣръ, съ санитарнымъ отдѣломъ. Это внесло хаосъ въ дѣло медицинской и санитарной помощи, особенно важной и нужной въ эти послѣднія тяжкія недѣли. . . Черноморскій военный губернаторъ, ген. Макѣевъ объявлялъ въ газетахъ о розыскѣ лица, занимавшаго видный административный постъ и скрывшагося, не сдавъ должности, отвѣтственнаго дѣла и отчетности.

Начиналось самое худшее — паника, обнаружились страсти, назрѣвали многочисленныя человѣческія драмы, сливавшіяся и терявшіяся въ одной общей великой драмѣ Бѣлаго Юга. . .

* * *

Народъ стоялъ въ сторонѣ.

Наиболѣе активная часть его, по мотивамъ далеко не идеальнымъ, увлечена была въ движеніе черноморскихъ зеленыхъ, ставропольскихъ камышанъ, въ кубанское «организаторство» и въ горскіе повстанческіе отряды. Всѣ эти движенія,

---

[1]) Былъ разрѣшенъ свободный выѣздъ за границу на собственный счетъ всѣмъ женщинамъ и дѣтямъ, а также мужчинамъ непризывнаго возраста.

враждебныя намъ, подтачивали наши силы. Остальная масса, сбитая съ толку привносимыми въ ея жизнь враждебными одна другой идеологіями, переживала новое бѣдствіе въ замкнутой области своихъ элементарныхъ нуждъ и интересовъ. Съ тревогой, но пассивно выжидала она событій, не интересуясь уже болѣе ни политической распрей, ни формами государственнаго строя, ни откровеніями правительствъ, Радъ и Круговъ...

Наиболѣе существенное значеніе для насъ имѣло, конечно, настроеніе на Кубани. Выходъ правящихъ круговъ ея на путь компромиссовъ былъ неискрененъ. И къ тому же, хоть призракъ раскрывающейся пропасти пугалъ воображеніе кубанской фронды, но развѣ можно было въ короткій срокъ вырвать тѣ плевелы, которые выросли въ душахъ кубанскаго казачества? Выросли изъ сѣмянъ недовѣрія, злобы и розни, сѣявшихся день за днемъ въ теченіе полутора лѣтъ...

Отряды кубанскихъ зеленыхъ то расходились, то вновь собирались, нападая на нашъ тылъ, въ особенности на сообщенія съ Новороссійскомъ. Руководители ихъ Пилюкъ и Савицкій [1]) «имѣли соглашеніе съ отвѣтственными представителями совѣтской власти о признаніи ею независимости (!) казачьихъ земель, какъ условія заключенія мира» [2]).

Слѣпые или безсовѣстные вожаки сбитыхъ съ толку казаковъ!

Кубанское правительство находилось въ постоянномъ колебаніи, теряя вліяніе на ходъ событій и не будучи въ состояніи руководить поднятымъ и имъ движеніемъ.

Въ двухъ станицахъ у самаго Екатеринодара (верстахъ въ 15 отъ города), вспыхнуло возстаніе, поднятое Пилюкомъ, и атаманъ Букретовъ съ юнкерами подавилъ его суровыми мѣрами — поркой и висѣлицей. Это обстоятельство возбудило противъ Букретова кубанское правительство и самостійную группу; возникъ даже вопросъ о смѣнѣ атамана. Букретовъ, въ цѣляхъ реабилитаціи, сталъ подчеркивать рѣшительнѣе свою оппозиціонность къ главному командованію, а подъ рукой передавалъ, что «перевѣшаетъ при первой возможности всѣхъ фельдшеровъ», какъ сталъ онъ называть теперь своихъ министровъ. И, не приставъ въ концѣ концовъ ни къ одной сторонѣ, атаманъ, щедро расточая кубанскую казну, приступилъ къ формированію офицерской организаціи и къ подготовкѣ легкаго обоза на случай... ухода въ горы.

Букретовъ — ставленникъ самостійниковъ — вернулся изъ объѣзда станицъ совершенно подавленный: вмѣсто традиціонныхъ атаманскихъ почестей онъ встрѣтилъ тамъ невниманіе и грубость. Пьяный станичный атаманъ, треплющій презрительно по плечу войскового атамана — такія картины напоминали канувшій какъ будто въ вѣчность 1917 годъ...

Командующій Кубанской арміей, ген. Шкуро, котораго недавно въ станицахъ носили на рукахъ, пытался поднять настроеніе, и ему изъ рядовъ гудящаго какъ улей станичнаго сбора бросили:

— Ладно, а помните Екатеринославъ?..

Быть можетъ, даже тѣ, что въ свое время попользовались тамъ «добычей»...

Шкуро былъ вскорѣ смѣненъ генераломъ Улагаемъ — доблестнымъ воиномъ, чуждымъ политики и безупречнымъ человѣкомъ, но и его никто не слушалъ.

Среди Донцовъ наростало сильнѣйшее возбужденіе противъ Кубанцевъ, и на бурномъ засѣданіи Верховнаго Круга 10 февраля, донская фракція поставила Кубанцамъ ультимативный вопросъ: «если Кубанцы не намѣрены воевать съ большевиками, то пусть они это прямо скажутъ Донцамъ, которые въ этомъ случаѣ

---

[1]) Тов. предсѣдателя кубанской рады.
[2]) Изъ записокъ донского полковника Добрынина.

оставляютъ за собой свободу дѣйствій». Нѣкоторые ораторы поясняли даже послѣднюю фразу, угрожая жестокой расправой кубанскимъ станицамъ... Послѣ многочасового фракціоннаго засѣданія, Кубанцы, указавъ на аналогію «нынѣшняго заболѣванія Кубани» съ «прошлогоднимъ непротивленіемъ Дона», выразили согласіе бороться «добросовѣстно» съ кубанской болѣзнью и даже допустить посылку карательныхъ отрядовъ для принужденія станичниковъ къ выходу на фронтъ [1]).

Вслѣдъ за тѣмъ члены кубанской фракціи Круга разъѣхались на отдѣльскія Рады для агитаціи...

Одни — подымать казачество въ армію, другіе — въ повстанческіе отряды. «Верховный Кругъ теперь утратилъ въ нашихъ глазахъ все свое значеніе — говорилъ лидеръ черноморцевъ Бѣлый. — Мы ѣдемъ на мѣста продолжать работу Крикуна, Пилюка и Рябоволовъ... Мы приложимъ всѣ усилія, чтобы поднять массы и, твердо опираясь на силу, предъявить свои требованія».

Но «массы» уже не слушали ни тѣхъ, ни другихъ. Или, можетъ быть, слушали и тѣхъ и другихъ, бросая и Кубанскую армію и повстанческія организаціи.

Невзирая на такое равнодушіе казачества, кубанскіе политики проявляли исключительную дѣятельность, меньше всего направленную къ добросовѣстному выполненію соглашенія. Въ февралѣ-мартѣ весь Екатеринодаръ былъ насыщенъ атмосферой заговоровъ — фантастическихъ и даже наивныхъ по замыслу. Такъ, Букретовъ, въ союзѣ съ «черноморцами», обсуждалъ проектъ замѣны Южной власти директоріей изъ трехъ атамановъ... «Черноморцы», считая ненадежными всѣхъ кубанскихъ генераловъ, пытались поставить во главѣ военнаго переворота ген. Сидорина или Кельчевскаго, возглавивъ однимъ изъ нихъ казачьи арміи... Наконецъ, разочаровавшись въ донскихъ генералахъ, въ Букретовѣ и въ Верховномъ Кругѣ, «черноморцы» задумали созвать краевую Раду, удалить Букретова, избрать атаманомъ Быча, Иваниса или Макаренку, подавить, буде нужно, сопротивленіе «чужеземцевъ» (Добр. Армія, Донцы и Терцы) и объявить на Кубани единственной верховной властью власть кубанскаго атамана.

Воля «народа» во всѣхъ этихъ комбинаціяхъ не играла никакой роли.

Кубанское казачество въ процессѣ длительной распри между своими верхами растеряло всѣ идеологическія обоснованія борьбы; усталость, разочарованіе и возобладавшее чувство самосохраненія вызвали духовную апатію; сытость и богатство устраняли и матеріальные импульсы для дѣйствія, подвига, самоотверженія. Въ большинствѣ своемъ они не шли ни за Россію, ни за Кубань; ни противъ большевиковъ, ни противъ насъ. Наиболѣе охотно они внимали тѣмъ рѣчамъ, которыя, какъ пріемъ наркотическаго средства, успокаивали и усыпляли тревожныя думы:

— Большевики теперь уже совсѣмъ не тѣ, что были. Они оставятъ намъ казачій укладъ и не тронутъ нашего добра.

Итакъ, фронтъ былъ предоставленъ самому себѣ. Между нимъ и тыломъ встала стѣна непониманія и отчужденія. Англійскіе патроны и кубанскій хлѣбъ текли еще изъ матеріальныхъ базъ, но моральныя базы были уже разрушены...

---

[1]) Донская гвардейская дивизія навела порядокъ въ нѣсколькихъ станицахъ, но это дѣлу не помогло.

ГЛАВА XXXV.

Операціи Южныхъ армій въ началѣ 1920 г.: отъ Ростова до Екатеринодара. Рознь между Добровольцами и Донцами.

Въ такихъ внѣшнихъ условіяхъ протекали военныя дѣйствія на Доно-Манычскомъ фронтѣ.

Въ началѣ января фронтъ главной группы Вооруженныхъ силъ Юга шелъ по р. Дону до станицы Верхне-Курмояровской и оттуда, пересѣкая жел.-дор. линію Царицынъ—Тихорѣцкая—по р. Салу уходилъ въ калмыцкія степи. На ростовскомъ направленіи стоялъ Добровольческій корпусъ ген. Кутепова, за Саломъ сосредоточивалась отступавшая Кавказская армія ген. Покровскаго, а въ центрѣ располагалась Донская армія ген. Сидорина.

Противъ насъ по Дону, отъ устья до Донца, развернулась 8-я сов. армія Ворошилова, далѣе на востокъ 9-я Степина, а отъ Царицына вдоль жел. дор. наступала 10 армія Клюева. 1-я конная армія Буденнаго располагалась въ резервѣ между Ростовомъ и Новороссійскомъ.

Численность войскъ была приблизительно одинакова у обоихъ противниковъ, колеблясь между 40—50 тысячами у насъ и 50—60 тыс. у большевиковъ.

Далѣе на востокъ, между трактомъ Царицынъ—Ставрополь и Каспійскимъ моремъ фронтъ имѣлъ прерывчатый характеръ. Кромѣ нѣсколькихъ локальныхъ очаговъ зелено-армейскаго возстанія, въ этомъ раіонѣ обозначилось наступленіе частей 11-й сов. арміи въ трехъ направленіяхъ — на Дивное, Св. Крестъ и Кизляръ, сдерживаемое сѣверо-кавказскими войсками ген. Эрдели.

Послѣ нѣсколькихъ дней затишья, совѣтскія войска Ростовскаго фронта перешли въ наступленіе, нанося главный ударъ со стороны Нахичевани въ разрѣзъ между Донской арміей и Добровольческимъ корпусомъ. Очевидно, по соображеніямъ стратегическимъ и политическимъ преслѣдовалась еще все та же идея «разъединенія», которая положена была въ основу всей зимней кампаніи большевиковъ.

5 января началось наступленіе 8 и 1 конной сов. армій, и въ этотъ день большевики, овладѣвъ Ольгинской, атаковали Батайскъ. Но на другой день конница ген. Топоркова [1]) нанесла сильное пораженіе дивизіямъ Буденнаго подъ Батайскомъ, послѣ чего совмѣстнымъ ударомъ съ 3 и 4 донск. корпусами непріятельскія войска были отброшены за Донъ, понеся большія потери. Въ то же время въ низовьяхъ Дона Добровольцы [2]), отбивъ всѣ атаки большевиковъ, преслѣдовали ихъ къ нахичеванской переправѣ и переходили за Донъ — къ станицѣ Елизаветинской.

На правомъ крылѣ обстановка складывалась хуже. Подъ давленіемъ 9 и 10 сов. армій, 1 и 2 донскіе корпуса и Кавказская армія, оказывая слабое сопротивленіе, отходили къ западу и къ 13 января, перейдя Манычъ, развернулись по лѣвому берегу его.

Къ этому времени совѣтское командованіе произвело перегруппировку, сосредоточивъ конную массу Буденнаго и Думенки, усиленныхъ нѣсколькими пѣхотными дивизіями, на нижнемъ Манычѣ, между станицами Богаевской и Платовской. Съ 14 января на всемъ сѣверномъ фронтѣ возобновилось наступленіе большевиковъ, и въ то же время конница ихъ, перейдя черезъ Манычъ, отбросила

[1]) Куб. и Терск. дивизіи и Добров. бригада ген. Барбовича, сведенная изъ 5-го кавалерійскаго корпуса.

[2]) Корниловцы, Дроздовцы, юнкера.



Отступленіе армій Юга
на Черному морю
Ростов
Батайскъ
Торговая
Лежанка
Кущевка
Тимашевская
Тихорѣцкая
Кавказская
Екатеринодаръ
Усть-Лаб.
Армавиръ
Ставрополь
Св. Крестъ
Крымская
Анапа
Новороссійскъ
Майкопъ
Туапсе
Сочи
Сухумъ
Поти
Батумъ
Тифлисъ
Владикавказъ
Кизляръ
Петровскъ
Елисаветполь
Баку
Керчь
Тамань
Сѣв. Кавк.
Нач. янв.
Нач. фев.
Наступл. большев.
Отступл. арм. Юга

донцовъ, захватила часть ихъ пѣхоты и артиллеріи и угрожала выходомъ въ тылъ нашей сѣверной группѣ. Но сосредоточенныя ген. Сидоринымъ въ сѣверо-восточномъ направленіи 6 конныхъ дивизій въ бояхъ, происшедшихъ 16—20-го января на Манычѣ, разбили ударную группу большевиковъ, взяли много плѣнныхъ и почти всю артиллерію 1-й сов. конной арміи. 4-й донской корпусъ ген. Павлова [1]), сыгравшій въ этомъ славномъ дѣлѣ главную роль, захватилъ 40 орудій... Противникъ въ паникѣ бѣжалъ за Донъ и Манычъ и, если бы донская конница не пріостановила преслѣдованія, могъ бы произойти переломъ во всей операціи...

Такъ же неудачно окончилось для большевиковъ наступленіе на Ростовскомъ фронтѣ, гдѣ части Добровольческаго корпуса отразили вновь всѣ атаки противника, нанеся ему немалый уронъ, атакуя и беря плѣнныхъ и орудія. Держалась еще на среднемъ Манычѣ Кавказская армія — слабая числомъ и духомъ, и только правое крыло ея отходило довольно поспѣшно, подвергая опасности Ставрополь— тѣмъ большей, что часть Ставропольской губ. была охвачена уже возстаніемъ.

* * *

Успѣхи на главномъ направленіи окрылили наши войска надеждами. Казалось, далеко еще не все потеряно, когда «разбитая армія» въ состояніи наносить такіе удары лучшимъ войскамъ Сѣв.-Кавказскаго большевицкаго фронта... 26 января я отдалъ директиву о переходѣ въ общее наступленіе сѣверной группы армій съ нанесеніемъ главнаго удара въ Новочеркасскомъ направленіи и захватомъ съ двухъ сторонъ Ростово-Новочеркасскаго плацдарма. Наступленіе должно было начаться въ ближайшіе дни, и къ этому времени ожидался выходъ на усиленіе Кубанской арміи (бывш. Кавказской) пополненій и новыхъ дивизій... [2]).

Въ эти предположенія вторгнулись два обстоятельства...

Первое — 30 января получено было свѣдѣніе, что 1-я конная сов. армія перебрасывается вверхъ по Манычу на Тихорѣцкое направленіе; второе — неустойчивость Кубанской арміи: центръ ея былъ прорванъ и непріятельская конница 10 арміи пошла вверхъ по р. Б. Егорлыку въ тылъ Торговой, угрожая сообщеніямъ съ Тихорѣцкой.

Совѣтское командованіе, извѣрившись въ возможность опрокинуть нашъ фронтъ съ сѣверо-востока, измѣнило планъ операціи, перенеся главный ударъ по линіи наименьшаго сопротивленія отъ Великокняжеской на Тихорѣцкую силами 10-й и 1-й конныхъ армій.

Приходилось разрубать узелъ, завязавшійся между Великокняжеской и Торговой — разбить тамъ главныя силы противника. Ген. Сидоринъ выдѣлилъ наиболѣе сильную и стойкую конную группу ген. Павлова (10—12 тыс.), которому была дана задача, слѣдуя вверхъ по Манычу, совмѣстно съ 1-мъ корпусомъ ударить во флангъ и тылъ конницѣ Буденнаго. 3 февраля ген. Павловъ, опрокинувъ на нижнемъ Манычѣ корпусъ Думенки и отбросивъ его за рѣку, двинулся дальше на Торговую, оставленную уже кубанцами.

Этотъ форсированный маршъ былъ одной изъ важнѣйшихъ причинъ, погубившихъ конную группу. Стояли жестокіе морозы и мятели; донскія степи по лѣвому берегу Маныча, которымъ рѣшилъ идти Павловъ, были безлюдны; рѣдкіе хутора и зимовники не могли дать крова и обогрѣть такую массу людей. Страшно изнуренная, потерявшая безъ боя почти половину своего состава за-

---

[1]) Смѣнилъ ген. Мамонтова, который заболѣлъ сыпнымъ тифомъ и вскорѣ умеръ въ Екатеринодарѣ.

[2]) Къ 26 января подошелъ къ арміи 2-й куб. корпусъ.

мерзшими, отмороженными, больными и отставшими, угнетенная морально, конница Павлова къ 5 февраля подошла въ раіонъ Торговой. Попытка захватить этотъ пунктъ не удалась, и ген. Павловъ отвелъ свой отрядъ въ раіонъ ст. Егорлыкской — сел. Лежанки.

6 февраля главныя силы Буденнаго сосредоточились въ сел. Лопанкѣ. Противники стояли другъ противъ друга, раздѣленные разстояніемъ въ 12 верстъ — оба не довѣряя своимъ силамъ, оба въ колебаніи, опасаясь испытывать судьбу завязкой рѣшительнаго боя...

Всѣ эти дни по Дону и нижнему Манычу, на всемъ фронтѣ противникъ велъ энергичное наступленіе, успѣшно отражаемое Донцами и Добровольцами.

Между тѣмъ, для отвлеченія силъ и вниманія противника началось наступленіе нашихъ войскъ на сѣверномъ фронтѣ.

7 февраля Добровольческій корпусъ, нанеся пораженіе 8 сов. арміи, стремительной атакой овладѣлъ городами Ростовомъ и Нахичеванью. Успѣхъ, вызвавшій большое впечатлѣніе и взрывъ преувеличенныхъ надеждъ въ Екатеринодарѣ и Новороссійскѣ...[1]). Такъ же удачно было наступленіе донского корпуса генерала Гусельщикова, который на путяхъ къ Новочеркасску захватилъ станицу Аксайскую, прервавъ жел.-дор. сообщеніе между Ростовомъ и Новочеркасскомъ и взявъ также богатые трофеи[2]). Еще восточнѣе, въ низовьяхъ Маныча дралась успѣшно противъ конницы Жлобы и Думенки конная группа ген. Старикова, доходившая до станицы Богаевской.

Это были послѣдніе свѣтлые проблески на фонѣ батальной картины.

Движеніе на сѣверъ не могло получить развитія, потому что непріятель выходилъ уже въ глубокій нашъ тылъ — къ Тихорѣцкой.

1-я сов. конная армія и части 10-й, выставивъ заслонъ противъ ген. Павлова, наступали безостановочно вдоль желѣзно-дорожной линіи Царицынъ—Тихорѣцкая. Кубанская армія распылялась, и подвиги отдѣльныхъ лицъ и частей ея тонули безслѣдно и безнадежно въ общемъ потокѣ разлагающейся, расходящейся, иногда предающей массы. Къ 10 февраля разрозненные остатки Кубанской арміи сосредоточились въ трехъ группахъ: 1) въ раіонѣ Тихорѣцкой — 600 бойцовъ, 2) въ раіонѣ Кавказской — 700 и 3) небольшой отрядъ ген. Бабіева прикрывалъ еще подступы къ Ставрополю.

Конная группа ген. Павлова, усиленная корпусомъ съ сѣвера, 12 февраля атаковала конницу Буденнаго у Горькой балки и послѣ тяжелаго боя, потерявъ большую часть своей артиллеріи, отошла на сѣверъ.

Къ 16 февраля Добровольческій корпусъ, оставивъ по приказу Ростовъ и отойдя за Донъ, отбивалъ еще веденныя съ необычайнымъ упорствомъ атаки 8-й сов. арміи. Но ослабленный сосѣдній донской корпусъ отходилъ уже къ Кагальницкой; осадилъ поэтому и правый флангъ Добровольцевъ у Ольгинской, понеся тяжелыя потери. Въ то же время наступавшія съ сѣверо-востока совѣтскія войска вели бой въ полупереходѣ отъ Тихорѣцкой и на улицахъ Кавказской, а отъ Св. Креста подвигались уже къ Владикавказской жел. дор., поддержанныя возстаніями мѣстныхъ большевиковъ во всемъ Минераловодскомъ раіонѣ.

* * *

---

[1]) Добровольцы въ этихъ бояхъ захватили 22 орудія, 163 пулемета, 6 бронепоѣздовъ, 4 тыс. плѣнныхъ и проч.

[2]) Въ руки корпуса попали: 15 оруд., 20 пулем., 2 тыс. плѣнныхъ, два нач. дивизій, штабъ 13 див., полевой штабъ 8 арміи и проч.

17 февраля ген. Сидоринъ отвелъ войска сѣв. фронта за р. Кагальникъ, но части не остановились на этой линіи и подъ давленіемъ противника отошли дальше.

Духъ былъ потерянъ вновь.

Наша конная масса, временами раза въ два превосходящая противника (на главномъ Тихорѣцкомъ направленіи), висѣла на флангѣ его и до нѣкоторой степени стѣсняла его продвиженіе. Но пораженная тяжкимъ душевнымъ недугомъ, лишенная воли, дерзанія, не вѣрящая въ свои силы — она избѣгала уже серьезнаго боя и слилась въ концѣ концовъ съ общей человѣческой волной во образѣ вооруженныхъ отрядовъ, безоружныхъ толпъ и огромныхъ таборовъ бѣженцевъ, стихійно стремившихся на западъ.

Куда?

Стратегія давала отвѣтъ опредѣленный: арміи должны задерживаться на естественныхъ водныхъ рубежахъ — сначала Дона, потомъ Кубани. Если не подымется духъ казачій и не удержатся арміи — тогда дальнѣйшій отходъ войскъ, не желающихъ драться, по мятущемуся Кубанскому краю, имѣя впереди Кавказскій хребетъ и враждебное Закавказье, велъ къ гибели. Необходимо было оторваться отъ врага, поставить между нимъ и собою непреодолимую преграду, и «отсидѣться» въ болѣе или менѣе обезпеченномъ раіонѣ. Первое время, по крайней мѣрѣ, пока не сойдутъ маразмъ и уныніе съ людей, потрясенныхъ роковыми событіями.

Такимъ пристанищемъ былъ послѣдній клочекъ русской земли, остающійся въ нашихъ рукахъ — Крымъ.

О такомъ предположеніи на случай неудачи знали Добровольцы, и такая перспектива не только не пугала ихъ, но, наоборотъ, казалась естественнымъ и желательнымъ выходомъ. Объ этомъ знало и донское командованіе, но страшилось ставить опредѣленно этотъ вопросъ передъ массой. Пойдутъ ли? И не вызоветъ ли отрывъ отъ родной почвы и потеря надежды на скорое возвращеніе къ своимъ пепелищамъ — полнаго упадка настроенія и немедленнаго катастрофическаго паденія фронта?..

И десятки тысячъ вооруженныхъ людей шли вслѣпую, шли покорно, куда ихъ вели, не отказывая въ повиновеніи въ обычномъ распорядкѣ службы. Отказывались только идти въ бой.

А вперемежку между войсками шелъ народъ — бездомный, безпріютный, огромными толпами, пѣшкомъ, верхомъ и на повозкахъ, съ дѣтьми, худобой и спасеннымъ скарбомъ. Шелъ невѣдомо куда и зачѣмъ, обреченный на разоръ и тяжкія скитанія...

Съ середины февраля арміи наши отступали въ общихъ направленіяхъ жел.-дор. линій отъ Кущевки (Добров. корп.), Тихорѣцкой (Донской арміи), Кавказской и Ставрополя (Куб. армія) — на Новороссійскъ, Екатеринодаръ, Туапсе. Непролазныя отъ грязи кубанскія дороги надежнѣе, чѣмъ оружіе, сдерживали инерцію наступательнаго движенія большевиковъ.

Къ 27 февраля сѣверный фронтъ отошелъ на линію р. Бейсугъ; Тихорѣцкая и Кавказская были уже оставлены нами[1]), и связь съ сѣвернымъ Кавказомъ утрачена. Съ цѣлью выиграть время для организаціи переправъ черезъ Кубань и эвакуаціи праваго берега, въ этотъ день я указывалъ еще разъ войскамъ — удерживая линію Бейсуга и прикрывая Екатеринодарское и Туапсинское направленія, перейти въ наступленіе правымъ крыломъ Донской арміи. Собранные въ раіонѣ Кореновской и руководимые лично генераломъ Сидоринымъ донскіе кор-

---

[1]) 10 февраля Ставка изъ Тихорѣцкой переведена въ Екатеринодаръ.

пуса все же не пошли... И къ 3 марта Добровольческій корпусъ, Донская армія и часть Кубанской сосредоточились на ближайшихъ подступахъ къ Екатеринодару, въ двухъ переходахъ отъ города[1]). Въ этотъ день я телеграфировалъ командующимъ: «Политическая и стратегическая обстановка требуютъ выигрыша времени и отстаиванія, поэтому, занимаемыхъ рубежей. Въ случаѣ вынужденнаго отхода за Кубань, линія рѣкъ Кубань—Лаба, въ крайности Бѣлая, является послѣднимъ оплотомъ, за которымъ легко, возможно и необходимо оказать упорнѣйшее сопротивленіе, могущее совершенно измѣнить въ нашу пользу ходъ операціи»[2]).

Смута въ умахъ Донцовъ не ограничилась рядовымъ казачествомъ. Она охватила и офицерскій составъ — подавленный, недовѣрчиво и опасливо относившійся къ массѣ и давно уже потерявшій власть надъ нею. Судьба день за днемъ наносила тяжкіе удары; причины обрушившихся бѣдствій, какъ это бываетъ всегда, искали не въ общихъ явленіяхъ, не въ общихъ ошибкахъ, а въ людяхъ. Донскіе командиры, собравши совѣтъ, низвергли командующаго конной группой, генерала Павлова — не казака и поставили на его мѣсто донца — генерала Секретева. Отъ этого положеніе не улучшилось, но самый фактъ самоуправства являлся грознымъ симптомомъ развала на верхахъ военной іерархіи... Ген. Сидоринъ вынужденъ былъ признать этотъ самоуправный актъ, потому что и у него не было уже въ то время ни силы, ни власти и онъ попалъ въ полную зависимость отъ подчиненныхъ ему генераловъ.

Въ Добровольческомъ корпусѣ положеніе было иное. Хотя отдѣльные эпизоды неустойчивости, дезертирства мобилизованныхъ и сдачи ихъ большевикамъ имѣли мѣсто въ рядахъ корпуса въ послѣднія недѣли, но основное ядро его являло большую сплоченность и силу. Части находились въ рукахъ своихъ командировъ и дрались доблестно. Затерянные среди враждебной имъ стихіи, Добровольцы въ поддержаніи дисциплины, быть можетъ, болѣе суровой, чѣмъ прежде, видѣли единственную возможность благополучнаго выхода изъ создавшагося положенія.

Въ то же время, какъ отголосокъ екатеринодарскаго политиканства и развала казачьяго фронта, наростало стихійно чувство отчужденности и розни между Добровольцами и казачествомъ. Бывая часто въ эти дни въ штабахъ генераловъ Сидорина и Кутепова, я чувствовалъ, какъ между ними съ каждымъ днемъ выростаетъ все выше глухая стѣна недовѣрія и подозрительности.

Когда предположено было вывести Добровольцевъ въ резервъ главнокомандующаго, это обстоятельство вызвало величайшее волненіе въ Донскомъ штабѣ, считавшемъ, что Добровольческій корпусъ оставляетъ фронтъ и уходитъ на Новороссійскъ... Подъ вліяніемъ донскихъ начальниковъ ген. Сидоринъ предложилъ планъ — бросить Кубань, тылы, сообщенія и базу и двинуться на сѣверъ. Это было бы чистѣйшая авантюра — превращеніе планомѣрной борьбы въ партизанщину, обреченную на неминуемую и скорую гибель. Планъ этотъ я категорически отклонилъ. Но переговоры между донскими начальниками и ген. Сидоринымъ о самостоятельномъ движеніи на сѣверъ, повидимому, продолжались, такъ какъ въ одну изъ затянувшихся поѣздокъ ген. Сидорина на фронтъ, когда порвалась связь съ нимъ, начальникъ Донского штаба, ген. Кельчевскій выражалъ свое опасеніе: «какъ бы генералы не увлекли командующаго на сѣверъ...»

---

[1]) Штабъ Донской арміи перешелъ въ Екатеринодаръ, Ставка — въ Новороссійскъ.

[2]) Телеграмма, № 001588.

Когда свѣдѣнія о планѣ, предложенномъ Донскимъ командованіемъ, дошли до Добровольческаго штаба, они вызвали тамъ цѣлую бурю: въ намѣреніи Донцовъ идти на сѣверъ Добровольцы усматривали желаніе ихъ пробиться на Донъ и распылиться тамъ, предоставивъ Добровольцевъ ихъ собственной участи, если ... не что-либо худшее...

Въ ночь на 2 марта правый флангъ Донской арміи, послѣ неудачнаго боя подъ Кореновской, откатился къ Пластуновской (30 в. отъ Екатеринодара), эшелонируясь между ней и Екатеринодаромъ. Добровольческій корпусъ сдерживалъ противника въ раіонѣ Тимашевской — въ 90 верстахъ отъ переправы черезъ Кубань (ст. Троицкая), имѣя уже въ своемъ тылу непріятельскую конницу. Это обстоятельство, въ связи съ общей неустойчивостью фронта и полной неудачей на Тихорѣцкомъ направленіи, побудило ген. Кутепова отдать приказъ объ отводѣ корпуса на переходъ назадъ. Ген. Сидоринъ отмѣнилъ это распоряженіе, приказавъ Добровольческому корпусу 2 марта перейти въ контръ-атаку и возстановить свое положеніе у Тимашевской... Въ этомъ распоряженіи Добровольческій штабъ увидѣлъ перспективу окруженія и гибели [1]). Столкновеніе грозило принять крайне острыя формы, и въ цѣляхъ умиротворенія я счелъ необходимымъ изъять корпусъ ген. Кутепова изъ оперативнаго подчиненія командующему Донской арміей, подчинивъ его непосредственно мнѣ.

* * *

Отступленіе продолжалось. Всякіе разсчеты, планы, комбинаціи разбивались о стихію. Стратегія давно уже перестала играть роль самодовлѣющаго двигателя операцій. Психологія массы довлѣла всецѣло надъ людьми и событіями.

4 марта я отдалъ директиву объ отводѣ войскъ за Кубань и Лабу и объ уничтоженіи всѣхъ переправъ. Фактически переправа кубанскихъ и донскихъ частей началась еще 3-го и закончилась 4-го. 5-го перешелъ на лѣвый берегъ Кубани и Добровольческій корпусъ послѣ упорныхъ боевъ съ сильной совѣтской конницей, пополненной возставшими кубанцами. Донесенія отмѣчали доблесть славныхъ Добровольцевъ и рисовали такія эпическія картины, что, казалось, оживало наше прошлое... Движеніе, напримѣръ, въ арьергардѣ полковника Туркула съ Дроздовскимъ полкомъ сквозь конныя массы противника, стремившагося окружить и раздавить его... При этомъ Туркулъ, «неоднократно сворачивая полкъ въ карре, съ музыкой переходя въ контръ-атаки, отбивалъ противника, нанося ему большія потери».

Представители союзныхъ державъ, обезпокоенные стратегическимъ положеніемъ Юга, просили меня высказаться откровенно относительно предстоящихъ перспективъ. Мнѣ нечего было скрывать:

— Оборонительный рубежъ — р. Кубань. Подымется казачество — наступленіе на сѣверъ. Нѣтъ — эвакуація въ Крымъ.

Вопросъ объ эвакуаціи заграницу въ случаѣ преждевременнаго паденія Крыма представлялся чрезвычайно деликатнымъ: поставленный прямо союзникамъ, онъ могъ бы повліять на готовность ихъ продолжать матеріальное снабженіе арміи; брошенный въ массу — онъ могъ бы подорвать импульсъ къ продолженію борьбы. Но довѣрительныя бесѣды съ принимавшимъ горячее участіе въ судьбахъ Юга ген. Хольманомъ и съ другими представителями союзниковъ приводили меня къ убѣжденію, что и въ этомъ, крайнемъ случаѣ мы не остались бы безъ помощи [2]).

---

[1]) Въ этотъ день правый флангъ Донцовъ въ безпорядкѣ отошелъ къ ст. Динской, въ переходѣ отъ Екатеринодара.

[2]) Первый разъ вопросъ этотъ былъ поднятъ офиціально 29 февраля.

ГЛАВА XXXVI.

Вражда между «Екатеринодаромъ» и «Новороссійскомъ». Положеніе Новороссіи. Эвакуація Одессы.

Положеніе главнокомандующаго въ то время было необыкновенно труднымъ. Рушился фронтъ, разлагался тылъ, наростали симптомы надвигающейся катастрофы.

Глубокія трещины, легшія между главнымъ командованіемъ и казачьими верхами, не были засыпаны. Наканунѣ оставленія Екатеринодара Верховный Кругъ, при незначительномъ числѣ членовъ терской фракціи, разъѣхавшейся по домамъ, принялъ резолюцію:

> «Верховный Кругъ Дона, Кубани и Терека, обсудивъ текущій политическій моментъ въ связи съ событіями на фронтѣ и принимая во вниманіе, что борьба съ большевизмомъ велась силами въ соціально-политическомъ отношеніи слишкомъ разнородными и объединеніе ихъ носило вынужденный характеръ, что послѣдняя попытка высшаго представительнаго органа краевъ Дона, Кубани и Терека — Верховнаго Круга, сгладить обнаруженные дефекты объединенія, не дала желанныхъ результатовъ, а также констатируя тяжелую военную обстановку, сложившуюся на фронтѣ, постановилъ:
>
> 1. Считать соглашеніе съ генераломъ Деникинымъ въ дѣлѣ организаціи Южно-русской власти не состоявшимся.
> 2. Освободить атамановъ и правительства отъ всѣхъ обязательствъ, связанныхъ съ указаннымъ соглашеніемъ.
> 3. Изъять немедленно войска Дона, Кубани и Терека изъ подчиненія генералу Деникину въ оперативномъ отношеніи.
> 4. Немедленно приступить совмѣстно съ атаманами и правительствами къ организаціи обороны нашихъ Краевъ — Дона, Кубани и Терека и прилегающихъ къ нимъ областей.
> 5. Немедленно приступить къ организаціи союзной власти».

Постановленію предшествовало заявленіе предсѣдателя Круга Тимошенки, что «на состоявшемся совѣщаніи высшихъ военныхъ начальниковъ въ присутствіи ген. Кельчевскаго, Болховитинова и друг.» признано было невозможнымъ дальнѣйшее подчиненіе казачьихъ войскъ главнокомандующему — тѣмъ болѣе, что Ставка исчезла и никакой связи съ ней нѣтъ. Совѣщаніе, по словамъ Тимошенки, просило «во избѣжаніе нарушенія дисциплины» о соотвѣтствующемъ постановленіи Круга.

Этотъ безполезный и безцѣльный жестъ имѣлъ одно только положительное значеніе: онъ освобождалъ меня юридически отъ всѣхъ обязательствъ и послѣдствій, вытекавшихъ изъ недолгаго и безрадостнаго соглашенія.

Въ тотъ же день Кругъ разсыпался.

Разставаніе двухъ содружественныхъ фракцій не было очень теплымъ. На одномъ изъ послѣднихъ засѣданій произошелъ такой діалогъ:

> Кубанецъ Горбушинъ: «Пришельцы съ ген. Деникинымъ вынули и опустошили душу казака. Мы должны идти на фронтъ и зажечь огонь въ его душѣ...»
>
> Донецъ Яновъ: «У васъ и не было души. Вы — лицемѣры. Посмотрите на нашихъ бѣженцевъ, помогли ли вы имъ? Здѣсь, на близкой имъ, казалось бы, Кубани они вмѣсто хлѣба получили камень. Въ жестокіе морозы они скитались по кубанскимъ степямъ и не находили пріюта и ночлега въ кубанскихъ станицахъ. Души кубанцамъ мы не вдохнемъ и не зажжемъ ихъ, но погибнемъ сами... Уйдемъ за Кубань!..»

Кубанская фракція пошла въ направленіи на Сочи (зеленые) и Грузію — къ своимъ всегдашнимъ союзникамъ, которые жестоко обманутъ всѣ ихъ надежды...

Донская фракція и часть терской, перейдя Кубань и убѣдившись въ несочувствіи Донского командованія принятому Кругомъ рѣшенію, а также въ томъ, что никакого совѣщанія старшихъ начальниковъ не было, что связь со Ставкой существуетъ и портъ Новороссійскъ все еще находится въ рукахъ Ставки, выразили раскаяніе, аннулируя принятое постановленіе, и эвакуировались въ Крымъ.

* * *

Ширилась трещина, образовавшаяся и съ другой стороны...

Ходъ событій вызвалъ новую дифференціацію политическихъ круговъ и новое, отчетливое ихъ разслоеніе.

Екатеринодаръ вобралъ въ себя весь цвѣтъ южно-казачьяго областничества и часть россійскихъ соціалистическихъ группъ. Это содружество было, впрочемъ, какъ всегда, не полнымъ и не вполнѣ искреннимъ, и въ умѣренной организаціи — Союзѣ Возрожденія вызвало даже расколъ: часть его — съ Мякотинымъ — ополчилась противъ «казачьяго лже-демократизма», другая — съ Аргуновымъ и редакціей «Юга Россіи» — поддерживала домогательства Верховнаго Круга, убѣждая «демократію Дона, Кубани и Терека» («хотя еще далеко не совершенную» — какъ поясняла газета) въ спорѣ своемъ съ главнымъ командованіемъ не бояться разрыва съ союзниками. Ибо «если за Ставкой стоитъ генералъ Хольманъ, то за казачьей демократіей — вся союзная демократія».

Въ Новороссійскѣ сосредоточилась россійская консервативная и либеральная общественность. Городу этому, представлявшему изъ себя разоренный, разворошенный муравейникъ, суждено было стать новымъ, четвертымъ по счету, этапомъ россійскаго бѣженства. Туда стекались со всѣхъ сторонъ обломки правительственныхъ учрежденій, органовъ печати, политическихъ партій и организацій. Прорицатели, обличители, претенденты. Стекались люди, оглушенные разразившимся несчастіемъ, уставшіе морально и физически, растерявшіе надежды, извѣрившіеся. Одни — ожесточенные и безсильно изливающіе свою злобу и свой безпросвѣтный пессимизмъ, другіе — ищущіе «виновниковъ» повсюду, кромѣ своей совѣсти и своего «прихода». Наконецъ, третьи — пытающіеся добросовѣстно разобраться въ причинахъ катастрофы и ищущіе новыхъ путей для спасенія дѣла.

Катастрофа не примирила и не стерла противорѣчій, раздѣлявшихъ южную общественность, нашедшую пріютъ въ Новоросійскѣ. Но она объединила ее въ двухъ направленіяхъ: въ горячемъ осужденіи прошлаго — хотя и по мотивамъ прямо противоположнымъ — и во враждѣ къ Екатеринодару. Новороссійскъ и Екатеринодаръ кипѣли страстями. Они не были просто антиподами, но двумя непримиримыми враждебными станами, готовыми, казалось, вотъ-вотъ пойти войною другъ на друга.

Ставка стояла одиноко, на перепутьи, среди враждующихъ между собою силъ, напрягая большія усилія къ поднятію фронта и только въ крупной побѣдѣ видя возможность благопріятнаго разрѣшенія всѣхъ политическихъ проблемъ.

Екатеринодаръ и Новороссійскъ самимъ ходомъ событій въ обстановкѣ многосторонней борьбы пріобрѣтали для главнаго командованія совершенно различное значеніе. Нужно было поднять казачій фронтъ — и мнѣ приходилось входить въ соглашеніе съ Екатеринодаромъ. . Нужно было удержать Новороссійскъ и эвакуировать злополучное россійское бѣженство, чуждое и ненавистное Екатеринодару — и я вынужденъ былъ мириться съ новороссійской оппозиціей.

Еще въ первой стадіи сношеній съ Екатеринодаромъ, назначенный мною главноначальствующимъ Черноморской губ., ген. Лукомскій писалъ мнѣ [1]): «... Настроеніе среди офицеровъ отъ младшихъ до старшихъ все болѣе и болѣе ухудшается. Нелѣпые слухи о полномъ соглашеніи съ требованіями самостійныхъ казачьихъ круговъ возбуждаютъ офицеровъ. Спрашиваютъ, за что же они должны проливать кровь? Усиливается дезертирство, ибо въ казачество не вѣрятъ и считаютъ, что соглашеніе приведетъ къ гибели... При нынѣшней обстановкѣ оставленіе на этомъ фронтѣ Добровольческихъ частей можетъ привести къ полному разложенію...» Про себя лично ген. Лукомскій говорилъ [1]): «хотя я и не вѣрю въ прочность соглашенія и въ твердость казачества, но этотъ путь неизбѣженъ и необходимъ. Но здѣсь вопросъ о предѣлахъ соглашенія... Вы согласились на законодательный органъ — я считаю, что это гибельно для дѣла...»

Другіе бывшіе мои сотрудники не были такъ ригористичны, но и ихъ «оторванность и невѣдѣніе поставили въ положеніе недоумѣвающихъ».

> «Я наблюдаю здѣсь — писалъ Н. И. Астровъ генералу Романовскому — двѣ различныхъ психологіи — штатскую и военную. Послѣдняя, насколько я понимаю ее, дѣйствительно проявляетъ черты оппозиціи, а среди офицерства замѣтны враждебность и недоброжелательство. Что же касается психологіи штатскихъ, въ томъ числѣ и лицъ, входившихъ въ составъ бывш. Особаго Совѣщанія, то она проникнута горячимъ желаніемъ поддержать главнокомандующаго или, по крайней мѣрѣ, не помѣшать ему... Мы знаемъ, что положеніе было въ полной мѣрѣ трагично и, чтобы удержать первенство русскаго государственнаго начала и защищать его силою оружія, пришлось пойти на громадныя уступки... Но казачье засилье не можетъ не смущать... Смущаетъ и то, что съ кореннымъ измѣненіемъ самой природы отношеній конституціоннаго правителя къ управленію весь аппаратъ власти уходитъ въ чужія и чуждыя руки...»

Астровъ отъ лица либеральной группы свидѣтельствовалъ: «мы будемъ попрежнему съ главнокомандующимъ и попрежнему будемъ служить тому же дѣлу, только въ нѣсколько иныхъ взаимныхъ отношеніяхъ».

Я не сомнѣвался въ лойяльности и сочувствіи этихъ круговъ, но, тѣмъ не менѣе, въ этотъ наиболѣе тяжкій періодъ государственной дѣятельности я чувствовалъ себя одинокимъ — какъ никогда. И въ этой тяжкой работѣ и переживаніяхъ только чуткое и самоотверженное участіе моего друга — Ивана Павловича Романовскаго сглаживало нѣсколько остроту этого одиночества...

Въ Тихорѣцкой все было просто и тихо. Органовъ или представителей гражданскаго управленія при Ставкѣ не было Въ часы, свободные отъ занятій и объѣздовъ, нѣсколько лицъ, чуждыхъ совершенно политической борьбѣ, составляли обычное мое общество. Генералъ Шапронъ, бросившій госпиталь не долѣчившись и вернувшійся въ Ставку [2]); полковникъ Колтышевъ — докладчикъ по оперативной части, всецѣло жившій интересами фронта [3]); адъютантъ и дежурный конвойный офицеръ. Временами — бесѣды съ генералъ-квартирмейстеромъ,

---

[1]) Письмо отъ 22 января.

[2]) Генералъ для порученій. Раньше былъ адъютантомъ ген. Алексѣева, потомъ моимъ. Лѣтомъ 1919 г. принялъ Дроздовскій конный полкъ, во главѣ котораго храбро и удачливо дрался въ Черниговскомъ направленіи, гдѣ и былъ тяжело раненъ. Раздѣлилъ со мной изгнаніе.

[3]) Штабъ-офицеръ для порученій. Послѣ моего ухода вернулся въ Дроздовскую дивизію, на должность рядового; потомъ доблестно водилъ въ бой полковыя команды и дважды былъ тяжело раненъ.

вначалѣ съ экспансивнымъ Плющевскимъ-Плющикомъ [1]), потомъ — со смѣнившимъ его уравновѣшеннымъ и спокойнымъ Махровымъ.

Въ ихъ обществѣ я отдыхалъ отъ «политики», врывающейся извнѣ бурно и сокрушительно въ жизнь и работу Ставки.

* * *

Въ это же время правая оппозиція перешла къ активнымъ дѣйствіямъ для проведенія къ власти генерала барона Врангеля.

Въ виду невозможности стать во главѣ казачьей арміи, ген. Врангель уѣхалъ въ Новороссійскъ, взявъ на себя руководство укрѣпленіемъ Новороссійскаго раіона. Съ того времени въ органахъ печати, въ бесѣдахъ съ общественными дѣятелями стали появляться жалобы Врангеля по поводу тягостнаго для него «вынужденнаго бездѣйствія». «Баронъ говорилъ — писалъ мнѣ одинъ изъ его собесѣдниковъ — что въ положеніи класснаго пассажира сидитъ въ вагонѣ, занимается не интересующей его эвакуаціей [2]), вмѣсто того, чтобы воевать. Онъ готовъ былъ бы даже стать командиромъ полка, если бы это не было опасной демагогіей». Баронъ развивалъ въ прессѣ и въ бесѣдахъ ту идею дальнѣйшей борьбы, которую излагалъ въ приведенной выше запискѣ отъ 25 декабря: «Я придаю чрезвычайное значеніе Новороссіи. Тамъ долженъ создаться объединенный славянскій фронтъ, который, вслѣдствіе нашего соглашенія съ братьями-славянами, въ частности съ поляками, будетъ настолько силенъ, что отъ его удара рухнетъ вся совдепская постройка». Въ связи съ этимъ, отъ ген. Лукомскаго получался цѣлый рядъ телеграммъ — частью по его личной иниціативѣ, частью по просьбѣ ген. Врангеля — о назначеніи послѣдняго въ Одессу — на смѣну ген. Шиллинга или, по крайней мѣрѣ, для формированія тамъ конницы и подготовки операцій въ томъ раіонѣ» [3]).

Представленія ген. Лукомскаго были не только настойчивы, но и обличали повышенную нервность. Такъ, въ телеграммѣ отъ 10 января, онъ, между прочимъ, сообщалъ:

> «Въ послѣдніе дни въ Новороссійскѣ появились какіе-то прохвосты, которые по кофейнямъ и ресторанамъ распространяютъ слухи, что Врангель изъ-за личныхъ къ главному командованію отношеній бросилъ армію въ самый критическій моментъ, и стараются возбудить публику противъ него. Эти господа ведутъ вредную и гибельную для дѣла игру, такъ какъ надо знать, что Врангель среди кадровыхъ офицеровъ пользуется большой популярностью. Если кого-либо изъ такихъ господъ поймаютъ, немедленно разстрѣляю...»

Представлялось страннымъ, что «нелѣпые слухи» по поводу главнокомандующаго, приведенные тутъ же рядомъ, въ той же телеграммѣ и «возбуждавшіе» противъ него «офицеровъ отъ младшихъ до самыхъ старшихъ», оставались безъ осужденія. И мнѣ пришлось указать главноначальствующему, что «бороться нужно со в с ѣ м и этими явленіями, но законными мѣрами...»

Что касается вліянія самого бар. Врангеля на новороссійскія настроенія, то этотъ вопросъ смогутъ лучше освѣтить лица, соприкасавшіяся съ нимъ тогда не-

---

[1]) Въ 1926 году служилъ простымъ рабочимъ на заводѣ въ Парижѣ, гдѣ и умеръ отъ разрыва сердца.

[2]) Эвакуація Новороссійска возложена была на бар. Врангеля, по его же просьбѣ, генераломъ Лукомскимъ.

[3]) До паденія Одессы ген. Лукомскій считалъ наилучшимъ рѣшеніемъ вопроса, «въ виду несоотвѣтствія Слащева» — перемѣщеніе ген. Шиллинга въ Крымъ и назначеніе въ Одессу ген. Врангеля.

посредственно. Взглядъ же его на тогдашнюю политику Ставки былъ вполнѣ опредѣленный: «цѣпляясь за ускользавшую изъ рукъ Вашихъ власть — писалъ онъ въ своемъ извѣстномъ письмѣ ко мнѣ — Вы успѣли уже стать на пагубный путь компромиссовъ и, уступая самостійникамъ, рѣшили непреклонно бороться съ Вашими ближайшими помощниками, затѣявшими, какъ Вамъ казалось, государственный переворотъ».

Въ связи съ недоразумѣніями персональными, между Ставкой и Новороссійскомъ обнаружилось и серьезное расхожденіе въ вопросахъ военнаго дѣла. Я требовалъ направленія строевого офицерства, буквально наводнявшаго Новороссійскъ, на фронтъ, на пополненіе таявшихъ частей Добровольческаго корпуса, тогда какъ новороссійское начальство стремилось къ удержанію ихъ для формированія на мѣстѣ офицерскихъ отрядовъ. Добровольческій корпусъ жаловался на препятствія, чинимыя даже отпускнымъ и выздоровѣвшимъ Добровольцамъ, желающимъ возвратиться въ свои части... Въ результатѣ масса офицерства слабаго духомъ, устремляла свои взоры на уходящіе пароходы или создавала самочинныя организаціи вродѣ «отряда крестоносцевъ», прикрывавшаго религіозно-національной идеей уклоненіе отъ фронта.

Непонятна для меня была позиція либеральной группы.

Бывшее Особое Совѣщаніе, послѣ ряда частныхъ собесѣдованій, командировало ко мнѣ въ Тихорѣцкую 9 января Н. И. Астрова, Н. В. Савича и В. Н. Челищева. Главные вопросы, которые интересовали Совѣщаніе, заключались въ слѣдующемъ[1]: 1) необходимость образованія собственнаго правительства, внѣ зависимости отъ казачества, перенесеніе центра дѣйствій на собственную территорію (Крымъ, Новороссія); 2) вопросъ о независимыхъ дѣйствіяхъ въ общерусскомъ масштабѣ при участіи сербовъ, болгаръ и Польши, и 3) вопросъ о судьбѣ Новороссійска, наводненнаго бѣженцами и «обращеннаго въ ловушку...»

Второй вопросъ, казалось, не долженъ былъ вызывать недоумѣнія среди лицъ, освѣдомленныхъ въ международныхъ сношеніяхъ Юга: полуторагодовая практика ихъ показала, что Сербія и Болгарія желаютъ помочь, но не могутъ, что Польша можетъ помочь, но не желаетъ. Что касается прочихъ двухъ вопросовъ — они находились въ явномъ противорѣчіи другъ съ другомъ: трудно было увести Добровольцевъ, не вызвавъ тѣмъ немедленное паденіе фронта, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, спасти изъ «ловушки» всероссійское бѣженство...

Н. И. Астровъ отъ имени бывш. членовъ Особаго Совѣщанія выдвинулъ при этомъ посѣщеніи вопросъ о ген. Врангелѣ, его вынужденномъ бездѣйствіи и о назначеніи его въ Новороссію. Степановъ, уѣхавшій въ Одессу, убѣждалъ генерала Шиллинга просить о назначеніи помощникомъ себѣ барона Врангеля.

Я видѣлъ давно, что вопросъ идетъ не о «привлеченіи къ дѣлу», а о с м ѣ н ѣ.

Власть была для меня тяжелымъ крестомъ и избавиться отъ нея было бы громаднымъ облегченіемъ. Но бросить въ такую трудную минуту дѣло и Добровольцевъ я не могъ, тѣмъ болѣе, что я не считалъ государственно-полезнымъ передачу власти въ тѣ руки, которыя за ней протягивались.

Мнѣ казалось, что сущность затѣянной кампаніи понятна моимъ собесѣдникамъ такъ же, какъ и мнѣ, и не желалъ разъяснять имъ этого вопроса. Происходило обоюдное недоразумѣніе. Ибо черезъ нѣсколько дней, 28 января, Астровъ писалъ мнѣ:

> «Перемѣна вождя въ такое время болѣе чѣмъ когда-либо была бы преступленіемъ, авантюрой, легкомысліемъ, безуміемъ... И Вы еще ближе и дороже

[1]) По запискѣ Н. И. Астрова.

стали намъ послѣ ниспосланнаго на Россію, на Васъ, на всѣхъ насъ новаго испытанія...»

«Я уносилъ въ себѣ (однако) неудовлетворенное чувство, которое могъ бы выразить такими словами: когда такъ трагически тяжело Деникину, почему онъ не использует этого человѣка, давши ему опредѣленную задачу, почему главнокомандующій дразнитъ своихъ недоброжелателей, которыхъ такъ много, оставляя на виду у всѣхъ въ бездѣйствіи человѣка, около котораго сплелось такъ много слуховъ, интригъ и ожиданій...»

Слухи объ отношеніяхъ барона Врангеля къ главнокомандующему получили, очевидно, широкое распространеніе, такъ какъ еще 31 декабря 1919 г. баронъ доносилъ мнѣ по поводу разговора своего съ англійскимъ представителемъ:

«Макъ-Киндеръ сообщилъ мнѣ, что имъ получена депеша его правительства, требующая объясненій по поводу полученныхъ въ Варшавѣ свѣдѣній о якобы произведенномъ мною переворотѣ, при чемъ будто бы я возглавилъ Вооруженныя силы Юга Россіи. Г-нъ Макъ-Киндеръ высказалъ предположеніе, что основаніемъ для этого слуха могли послужить тѣ будто бы непріязненныя отношенія, которыя установились между Вашимъ Превосходительствомъ и мною, ставшія широкимъ достояніемъ; онъ просилъ меня съ полной откровенностью, буде признаю возможнымъ, высказаться по этому вопросу.

Я отвѣтилъ, что мнѣ извѣстно о распространеніи подобныхъ слуховъ и въ предѣлахъ Вооруженныхъ силъ Юга, что цѣль ихъ, повидимому, желаніе подорвать довѣріе къ начальникамъ въ арміи и внести разложеніе въ ея ряды, и что, поэтому, въ распространеніи ихъ надо подозрѣвать непріятельскую развѣдку. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я сказалъ, что, пойдя за Вами въ началѣ борьбы за освобожденіе Родины, я, какъ честный человѣкъ и какъ солдатъ, не могу допустить мысли о какомъ бы то ни было выступленіи противъ начальника, въ подчиненіе котораго я добровольно сталъ».

И привлеченіе бар. Врангеля къ новой дѣятельности, и оставленіе его не у дѣлъ одинаково вызывали крупныя осложненія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, боевая дѣятельность Шиллинга, сумѣвшаго съ ничтожными силами дойти до Волочиска и Казатина, не давала поводовъ къ его удаленію. Къ тому же представлялось неяснымъ, что дѣлать генералу Врангелю, въ глазахъ котораго «Добровольческой Арміи, какъ боевой силы, не существовало», съ войсками Новороссіи — и въ организаціонномъ и въ боевомъ отношеніи болѣе слабыми, чѣмъ части Добровольческой Арміи... Но въ виду возбужденнаго ген. Шиллингомъ ходатайства, я назначилъ барона Врангеля помощникомъ его по военной части.

Вскорѣ, однако, Одесса пала, Новороссія была очищена нами и ген. Шиллингъ со штабомъ и гражданскимъ управленіемъ переѣхалъ въ Крымъ. Нагроможденіе на маленькой территоріи многочисленной власти являлось совершенно излишнимъ; поэтому, 28 января, назначеніе Врангеля было отмѣнено. Баронъ Врангель и его спутникъ ген. Шатиловъ подали рапорты объ увольненіи ихъ въ отставку «по болѣзни». Рапорты эти были мною обычнымъ порядкомъ переданы въ штабъ для исполненія. Оба генерала отбыли въ Крымъ «на покой» [1]).

* *
*

Въ серединѣ декабря войска Новороссіи, ослабленныя выдѣленіемъ корпуса ген. Слащева для прикрытія Крыма, располагались по линіи Бирзула—Долинская—Никополь. Огромныя пространства правобережнаго Днѣпра и Новороссіи были залиты повстанческимъ движеніемъ. Отъ Умани до Екатеринослава и отъ

---

[1]) 4 февраля ген. Лукомскій доносилъ, что разрѣшилъ ген. Врангелю проѣхать въ Крымъ «впредь до (моего) разрѣшенія по его рапорту».

Черкассъ до Долинской ходили петлюровскія и атаманскія банды; жел.-дор. линія Долинская—Кривой Рогъ—Александровскъ находилась въ рукахъ Махно; отъ Черкассъ и Кременчуга наступали части 12 и 13 совѣтскихъ армій. Эти обстоятельства, въ связи съ переходомъ корпуса Слащева на лѣвый берегъ Днѣпра, создавали угрозу полнаго разрыва между правобережной Украиной и Тавріей.

Имѣя задачей прикрытіе Новороссіи и, главнымъ образомъ, Крыма, ген. Шиллингъ базировалъ свои правобережныя войска въ направленіи на Таврію (переправы у Херсона и Каховки). Это рѣшеніе, соотвѣтствовавшее стратегической обстановкѣ, отводившее второстепенное значеніе удержанію Одессы и вызвавшее начало частичной эвакуаціи ея, весьма встревожило союзныхъ представителей. Генералы Манженъ и Хольманъ, не безъ вліянія неотвѣтственныхъ русскихъ совѣтниковъ, настоятельно убѣждали Ставку удерживать во что бы то ни стало Одесскій раіонъ, указывая, что потеря его создастъ въ Лондонѣ и Парижѣ представленіе о концѣ борьбы и можетъ вызвать прекращеніе снабженія армій Юга... Ген. Хольманъ обѣщалъ оказать Одессѣ всяческое матеріальное содѣйствіе. Заинтересованность англичанъ была настолько велика, что Макъ-Киндеръ настойчиво совѣтовалъ вести широкія формированія въ Новороссіи изъ нѣмцевъ колонистовъ — обстоятельство, къ которому до тѣхъ поръ англичане относились съ большой нетерпимостью.

Подъ такимъ воздѣйствіемъ, хотя надеждъ на удержаніе Одессы было немного, 18 декабря ген. Шиллингу предписано было удерживать и Крымъ, и Одесскій раіонъ. Но при этомъ союзникамъ заявлено было, что «для обезпеченія операціи и моральнаго спокойствія войскъ и, главное, на случай неудачи, необходимо: 1) обезпеченіе эвакуаціи Одессы союзнымъ флотомъ и союзнымъ транспортомъ; 2) право вывоза семействъ и лицъ, оставленіе которыхъ грозило имъ опасностью; 3) право прохода въ Румынію войскъ, подвижныхъ составовъ и техническихъ средствъ» [1]).

3 января 1920 г. ген. Лукомскій телеграфировалъ изъ Новороссійска: «по заявленію англичанъ, они обезпечатъ эвакуацію раненыхъ и больныхъ, а также семействъ офицеровъ; что же касается гражданскаго населенія, то таковое необходимо будетъ отправить сухимъ путемъ въ Румынію...» [2]). Переговоры съ Румыніей — непосредственные и черезъ союзное командованіе на Востокѣ — были длительны и менѣе благопріятны. Штабъ французскаго главнокомандующаго въ Константинополѣ сообщилъ нашему представителю ген. Агапѣеву [3]): 1) относительно пропуска галицкихъ войскъ румыны запросили польское правительство; 2) въ случаѣ перехода границы Добровольческими частями, румынами предположено разоруживать и интернировать ихъ; 3) бѣженцевъ согласны пропустить при условіи, что французы обезпечатъ имъ продовольствіе, помѣщеніе и охрану; на первое и второе условіе французское командованіе согласно.

Точно также глава англійской миссіи въ Одессѣ 18 января сообщилъ лично ген. Шиллингу, что онъ «съ большой достовѣрностью можетъ гарантировать проходъ нашихъ войскъ въ Бессарабію» [4]).

Сношенія по данному вопросу съ союзниками и румынами продолжались весь январь.

---

[1]) Телегр. моя начальникамъ англ. и франц. миссій 22 декабря, № 017344.
[2]) Телегр., № 84/109.
[3]) Телегр. его отъ 22 января, № 139.
[4]) Докладъ ген. Шиллинга отъ 11 февраля 1920 г., № 0231593.

Задача, данная ген. Шиллингу, оказалась непосильной для его войскъ[1]), ни по ихъ численности, ни, главнымъ образомъ, по моральному состоянію ихъ. Неудачи на главномъ — Кубанскомъ театрѣ и неувѣренность въ возможности морской эвакуаціи вносили еще большее смущеніе въ ихъ ряды.

Усилія одесскаго штаба пополнить войска не увѣнчались успѣхомъ. Многочисленное одесское офицерство не спѣшило на фронтъ. Новая мобилизація не прошла: «по полученіи обмундированія и вооруженія большая часть разбѣгалась, унося съ собою все полученное»; почти поголовно дезертировали нѣмцы колонисты; угольный кризисъ затруднялъ до крайности войсковыя перевозки.

При такихъ условіяхъ тыла протекали операціи.

Въ началѣ января ген. Шиллингъ, оставивъ на Жмеринскомъ направленіи небольшую часть галичанъ, сталъ стягивать группу ген. Бредова въ раіонъ Ольвіополь—Вознесенскъ, чтобы отсюда нанести фланговый ударъ противнику, наступавшему правымъ берегомъ Днѣпра отъ Кривого Рога къ Николаеву. Но наступленіемъ съ этой стороны совѣтскихъ войскъ ранѣе окончанія нашего сосредоточенія корпусъ ген. Промтова, дѣйствовавшій въ низовьяхъ Днѣпра, былъ опрокинутъ и сталъ уходить поспѣшно къ Бугу. 18 января корпусъ этотъ, почти не оказывая сопротивленія, оставилъ Николаевъ и Херсонъ; дальнѣйшее наступленіе большевиковъ съ этихъ направленій на западъ выводило ихъ въ глубокій тылъ нашихъ войскъ, отрѣзывая ихъ отъ сообщеній и базы.

Съ этого дня фронтъ неудержимо покатился къ Одессѣ.

Между тѣмъ, положеніе Одессы становилось катастрофическимъ. Всѣ обращенія Ставки и одесскаго штаба къ союзникамъ о помощи транспортами не привели ни къ чему: британскій штабъ въ Константинополѣ на предупрежденія ген. Шиллинга и одесской англійской миссіи телеграфировалъ: «британскія власти охотно помогутъ по мѣрѣ своихъ силъ, но сомнѣваются въ возможности паденія Одессы. Это совершенно невѣроятный случай...»[2]). Наше морское командованіе въ Севастополѣ, которому приказано было послать всѣ свободныя суда въ Одессу, какъ оказалось впослѣдствіи, саботировало и одесскую и новороссійскую эвакуацію, подъ разными предлогами задерживая суда... на случай эвакуаціи Крыма. Угольный кризисъ не давалъ увѣренности въ возможности использованія всѣхъ средствъ Одесскаго порта. Небывалые морозы сковали льдомъ широкую полосу моря, еще болѣе затрудняя эвакуацію.

А фронтъ все катился къ морю...

23 января ген. Шиллингъ отдалъ директиву, въ силу которой войскамъ подъ общимъ начальствомъ ген. Бредова надлежало, минуя Одессу, отходить на Бессарабію (переправы у Маяковъ и Тирасполя). Отрядъ ген. Стесселя въ составѣ офицерскихъ организацій и государственной стражи долженъ былъ прикрывать непосредственно эвакуацію Одессы; англійское морское командованіе дало гарантію, что части эти будутъ вывезены въ послѣдній моментъ на ихъ военныхъ судахъ, подъ прикрытіемъ судовой артиллеріи.

Началась вновь тяжелая драма Одессы, въ третій разъ испытывавшей бѣдствіе эвакуаціи.

25 января въ городъ ворвались большевики, и отступавшіе къ карантинному молу отряды подверглись пулеметному огню. Англійскій флотъ былъ пассивенъ. Только часть людей, собравшихся на молу, попала на англійскія суда,

---

[1]) Большая часть войскъ Новороссіи перешла въ Крымъ. Въ непосредственномъ распоряженіи Шиллинга были войска Кіевской области и небольшая часть боеспособныхъ галичанъ.

[2]) Письмо нач. одесск. англійск. миссіи генералу Шиллингу отъ 8 января, № 41.

другая, перейдя въ наступленіе, прорвалась черезъ городъ, направляясь къ Днѣстру, третья погибла.

На пристаняхъ происходили душу раздирающія сцены.

Вывезены были моремъ свыше 3 тыс. раненыхъ и больныхъ, техническія части, не мало семействъ офицеровъ и гражданскихъ служащихъ, штабъ и управленіе области. Много еще людей, имѣвшихъ моральное право на эвакуацію, не нашли мѣста на судахъ. Разлучались семьи, гибло послѣднее добро ихъ и наростало чувство жестокаго, иногда слѣпого озлобленія.

Только 25-го на выручку застрявшихъ въ Одессѣ судовъ прибыли изъ Севастополя вспомогательный крейсеръ «Цесаревичъ Георгій» и миноносецъ «Жаркій».

Войска ген. Бредова, подойдя къ Днѣстру, были встрѣчены румынскими пулеметами. Такая же участь постигла бѣженцевъ-женщинъ и дѣтей. Бредовъ свернулъ на сѣверъ, вдоль Днѣстра и, отбивая удары большевиковъ, пробился на соединеніе съ поляками.

Въ сел. Солодковцахъ [1]) между делегатами главнаго польскаго командованія и ген. Бредовымъ заключенъ былъ договоръ, въ силу котораго войска его и находящіяся при нихъ семейства принимались на территорію, занятую польскими войсками, до возвращенія ихъ «на территорію, занятую арміей ген. Деникина». Оружіе, военное имущество и обозы польское командованіе «принимало на сохраненіе», впредь до оставленія частями ген. Бредова польскихъ предѣловъ.

Тамъ ихъ ждали разоруженіе, концентраціонные лагери съ колючей проволокой, скорбные дни и національное униженіе.

ГЛАВА XXXVII.

Событія въ Крыму. Орловщина. Флотъ. Претенденты на власть. Письмо барона Врангеля. Телеграмма ген. Кутепова.

Къ концу декабря корпусъ ген. Слащева отошелъ за перешейки, гдѣ въ теченіе ближайшихъ мѣсяцевъ съ большимъ успѣхомъ отражалъ наступленіе большевиковъ, охраняя Крымъ — послѣднее убѣжище бѣлыхъ армій Юга.

Принявъ участіе въ нашей борьбѣ еще со временъ второго Кубанскаго похода, ген. Слащевъ выдвинулся впервые въ качествѣ начальника дивизіи, пройдя съ удачными боями отъ Акманайской позиціи (Крымъ) до нижняго Днѣпра и отъ Днѣпра до Вапнярки. Вѣроятно, по натурѣ своей онъ былъ лучше, чѣмъ его сдѣлали — безвременье, успѣхъ и грубая лесть крымскихъ животолюбцевъ. Это былъ еще совсѣмъ молодой генералъ, человѣкъ позы, не глубокій, съ большимъ честолюбіемъ и густымъ налетомъ авантюризма. Но за всѣмъ тѣмъ онъ обладалъ несомнѣнными военными способностями, порывомъ, инціативой и рѣшимостью. И корпусъ повиновался ему и дрался хорошо.

Въ Крымскихъ перешейкахъ было очень мало жилья, морозъ стоялъ жестокій (до 22 гр.), наши части, также какъ и совѣтскія, были мало способны къ позиціонной войнѣ. Поэтому, Слащевъ отвелъ свой корпусъ за перешейки, занимая ихъ только сторожевымъ охраненіемъ; и, сосредоточивъ крупные резервы, оборонялъ Крымъ, атакуя промерзшаго, не имѣвшаго возможности развернуть свои силы, дебуширующаго изъ перешейковъ противника. Въ цѣломъ рядѣ боевъ [2]), разбивая совѣтскія части и преслѣдуя ихъ, Слащевъ трижды захватывалъ Перекопъ и Чонгаръ, неизмѣнно возвращаясь въ исходное положеніе. На-

---

[1]) Между Каменецъ-Подольскомъ и Проскуровымъ.

[2]) Особенно 12, 17, 23 января, и 11. 26, 29 февраля.

чавшіяся въ февралѣ между большевиками и махновцами, вклинившимися въ 14 сов. армію, военныя дѣйствія еще болѣе укрѣпили положеніе Крымскаго фронта.

Въ результатѣ всѣ усилія совѣтскихъ войскъ проникнуть въ Крымъ успѣха не имѣли.

Эта тактика, соотвѣтствовавшая духу и психологіи армій гражданской войны, вызывала возмущеніе и большія опасенія въ правовѣрныхъ военныхъ и даже въ политическихъ кругахъ Крыма и Новороссійска. Чувства эти нашли отраженіе и въ бесѣдѣ со мной делегаціи бывш. Особаго Совѣщанія, о которой я говорилъ въ прошлой главѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ген. Лукомскій, опасаясь за Перекопъ, неоднократно телеграфировалъ мнѣ о необходимости замѣны Слащева «лицомъ, которое могло бы пользоваться довѣріемъ, какъ войскъ, такъ и населенія».

Цѣну Слащеву я зналъ. Но онъ твердо отстаивалъ перешейки, увольненіе его могло вызвать осложненія въ его корпусѣ и было слишкомъ опаснымъ. Такого же мнѣнія придерживался, очевидно, и баронъ Врангель послѣ вступленія своего на постъ главнокомандующаго. По крайней мѣрѣ, въ первый же день онъ телеграфировалъ Слащеву: «... Для выполненія возложенной на меня задачи мнѣ необходимо, чтобы фронтъ былъ непоколебимъ. Онъ — въ Вашихъ рукахъ, и я спокоенъ».

* * *

31 января въ Севастополь прибылъ ген. Шиллингъ, вокругъ имени котораго накопилось много злобы и клеветы. Общественное мнѣніе до крайности преувеличивало его вольныя и невольныя ошибки, возлагая на его голову всю отвѣтственность за злосчастную одесскую эвакуацію. Одни дѣлали это по невѣдѣнію, другіе — какъ морское начальство Севастополя — сознательно, для самооправданія.

Черезъ день послѣ Шиллинга въ Севастополь прибылъ ген. Врангель.

Эти два эпизода взбаламутили окончательно жизнь Крыма, и безъ того насыщенную всеобщимъ недовольствомъ, интригой и страхомъ.

Еще ранѣе въ Симферополѣ произошло событіе, свидѣтельствовавшее ярко о томъ развалѣ, который охватилъ армейскій тылъ, флотъ, администрацію, однимъ словомъ всю жизнь Крыма: выступленіе капитана Орлова.

Въ концѣ декабря, по порученію Слащева, въ Симферополь прибылъ его приближенный, герцогъ С. Лейхтенбергскій для «завѣдыванія корпуснымъ тыломъ и формированіями». Герцогъ вошелъ въ сношенія съ капитаномъ Орловымъ и бывшимъ нѣмецкимъ лейтенантомъ Гомейеромъ, которые и приступили къ формированію добровольческихъ частей; первый — изъ элементовъ русскихъ, второй— изъ нѣмцевъ-колонистовъ и татаръ.

Слащевъ и штабъ его весьма благоволили къ отряду, формировавшемуся Орловымъ, и обильно снабжали его деньгами и снаряженіемъ; черезъ двѣ, три недѣли отрядъ имѣлъ составъ свыше 300 человѣкъ. Какъ оказалось впослѣдствіи, въ Симферополѣ совершенно открыто говорили о предстоящемъ захватѣ власти Орловымъ; настолько открыто, что подпольная большевицкая организація («ревкомъ») сочла возможнымъ вступить съ нимъ въ связь и принять участіе въ дѣлѣ [1]).

Отрядъ Орлова не имѣлъ никакой политической физіономіи и состоялъ въ большей части изъ людей, поступившихъ въ него случайно, или изъ легальныхъ дезертировъ, предпочитавшихъ тыловыя формированія боевому фронту.

---

[1]) Я. Шафиръ «Орловщина». Сов. изданіе.

Окружали Орлова и руководили имъ лица темныя и безпринципныя, а самъ Орловъ — храбрый офицеръ, но страдавшій неврастеніей и болѣзненнымъ самомнѣніемъ, былъ, повидимому, довольно элементаренъ. Такъ, свою политическую принадлежность въ разговорѣ съ представителями «ревкома» онъ опредѣлялъ: «правѣе лѣвыхъ эсъ-эровъ и немного лѣвѣе правыхъ эсъ-эровъ...»

Все выступленіе отъ начала до конца имѣло характеръ неумной авантюры, только эта авантюра... разыгрывалась на вулканѣ.

20 января ген. Слащевъ потребовалъ выхода отряда Орлова на фронтъ. Орловъ, при поддержкѣ герцога Лейхтенбергскаго, уклонился отъ исполненія приказа подъ предлогомъ неготовности отряда. Требованіе было повторено въ категорической формѣ, герцогъ уѣхалъ объясняться въ штабъ Слащева, а Орловъ въ ночь на 22 января произвелъ выступленіе, арестовавъ таврическаго губернатора Татищева, случайно находившихся въ городѣ нач. штаба Новороссійской обл. ген. Чернавина, коменданта Севастопольской крѣпости Субботина и друг. лицъ. Въ тотъ же день имъ отданъ былъ приказъ № 1 слѣдующаго содержанія:

> «Исполняя долгъ передъ нашей измученной Родиной и приказы Комкора ген. Слащева о возстановленіи порядка въ тылу, я призналъ необходимымъ произвести аресты лицъ командного состава гарнизона гор. Симферополя, систематически разлагавшихъ тылъ. Создавая армію порядка, приглашаю всѣхъ къ честной объединенной работѣ на общую пользу. Вступая въ исполненіе обязанностей начальника гарнизона гор. Симферополя, предупреждаю всѣхъ, что всякое насиліе надъ личностью, имуществомъ гражданъ, продажа спиртныхъ напитковъ и факты очевидной спекуляціи будутъ караться мною по законамъ военнаго времени.
>
> Начальникъ гарнизона г. Симферополя, командиръ 1-го полка Добровольцевъ, капитанъ Орловъ».

Приходившимъ къ нему «делегаціямъ» Орловъ заявлялъ, что «молодое офицерство рѣшило взять все въ свои руки», но разъяснить это неопредѣленное сообщеніе не могъ. Одновременно по городу были расклеены воззванія его къ «товарищамъ рабочимъ» — одни большевицкаго содержанія, другіе «правѣе лѣваго и лѣвѣе праваго — эсъ-эровскаго». Однако, исполнить требованіе большевицкаго «ревкома» о выпускѣ «политическихъ арестованныхъ» Орловъ отказался.

Находившіяся въ Симферополѣ запасныя части и отрядъ Гомейера объявили «нейтралитетъ»; городская дума вступила въ переговоры съ Орловымъ; Слащевъ выслалъ противъ него изъ Джанкоя и изъ Севастополя войсковыя части. Не рѣшаясь вступить съ ними въ бой, Орловъ на третій день, выпустивъ арестованныхъ имъ лицъ, съ частью своего распылившагося отряда (человѣкъ 80—90) ограбилъ губернское казначейство на 10 милл. рублей и бѣжалъ въ горы.

* * *

Выступленіе Орлова нашло откликъ въ Севастополѣ, гдѣ «назрѣвалъ арестъ морскими офицерами Ненюкова и Бубнова, противъ которыхъ (создалось) большое возбужденіе на почвѣ безвластія и отсутствія должнаго управленія» [1]).

Въ Черноморскомъ флотѣ давно уже было неблагополучно. Нигдѣ въ арміи не существовало такого разлада, нигдѣ безвременье не оставило такихъ глубокихъ слѣдовъ, какъ въ морской средѣ. Оставляя въ сторонѣ причины этого явленія и особенности мало знакомаго мнѣ быта, я коснусь только тѣхъ нестроеній, которыя имѣли мѣсто на верхахъ и непосредственно относились къ компетенціи главнокомандующаго.

---

[1]) Изъ донесенія ген. Лукомскаго отъ 4 февраля 1920 г.

Я не зналъ никого изъ морскихъ чиновъ, и поэтому каждое высшее назначеніе по морскому вѣдомству ставило меня въ чрезвычайное затрудненіе. Аттестаци были отрицательны, и выбора не было. Укажу на такой фактъ: начальникъ морского управленія, адм. Герасимовъ на одинъ изъ видныхъ морскихъ постовъ представилъ мнѣ трехъ кандидатовъ, аттестуя ихъ слѣдующимъ образомъ: первый — за время революци опустился, впалъ въ прострацію; второй — демагогъ, ищетъ дешевой популярности среди молодежи; третій — съ началомъ войны попросился на берегъ «по слабости сердца»». Каждому новому назначенію предшествовала и сопутствовала интрига, въ которую вовлекалась офицерская среда.

Общее настроеніе передавалось и на периферію — въ Каспійскую флотилію, гдѣ — хоть и въ меньшемъ масштабѣ — происходили свои бури и волненія.

Флотскія дѣла не кончались морскимъ управленіемъ. Тайные освѣдомители вовлекали въ нихъ и Омскъ, вызвавъ однажды вмѣшательство самого Верховнаго правителя; отъ него получена была телеграмма о недопустимости пребыванія на командной должности адмирала Саблина, который въ то время состоялъ главнымъ командиромъ портовъ Чернаго моря. Саблина, совершенно эмансипировавшагося къ тому времени отъ центра и не выполнявшаго приказаній морского управленія, адмиралъ Герасимовъ замѣнилъ Ненюковымъ, котораго самъ же впослѣдствіи аттестуетъ: «законопослушный, очень инертный и донельзя лѣнивый...»

Большое несходство во взглядахъ существовало между морскимъ управленіемъ и севастопольскимъ начальствомъ. Первое ставило себѣ посильной задачей «всемѣрную помощь операціямъ и борьбѣ армій», второе — раздвигало ее внѣ зависимости отъ реальныхъ условій до «возсозданія россійскаго флота». При чемъ, возсозданіе начиналось не съ судовъ, а съ огромнѣйшихъ штабовъ и тыла. Въ одномъ только севастопольскомъ порту морской тылъ отвлекалъ сотни офицерскихъ чиновъ. Служба связи была прямо грандіозна по своему масштабу.

Расхожденіе существовало и въ основныхъ взглядахъ на идею служенія нашему дѣлу. Весьма характерная переписка имѣла мѣсто въ самомъ началѣ возсоединенія флота съ арміей Юга. Судъ чести Новороссійскаго порта запрашивалъ судъ чести Черноморскаго флота — не подлежатъ ли привлеченію къ отвѣтственности офицеры изъ Севастополя, не поступающіе на службу въ Добровольческую Армію... Предсѣдатель второго суда отвѣтилъ, что офицеры могли бы принять участіе, но поставилъ рядъ условій экономическаго характера, въ томъ числѣ опредѣленныя нормы содержанія. На этой почвѣ между двумя учрежденіями возникло столкновеніе, дошедшее до меня и вызвавшее съ моей стороны весьма рѣзкую резолюцію. Адмиралъ Герасимовъ считаетъ, что «это было одной изъ причинъ интриги противъ главнокомандующаго, послѣ эвакуаціи Новороссійска».

Борьба со всѣми этими явленіями встрѣчала пассивное сопротивленіе и глухой ропотъ.

Осенью 1919 года замѣнившему Саблина адм. Ненюкову дано было званіе командующаго флотомъ; его начальникомъ штаба сталъ адм. Бубновъ, подчинившій своему вліянію Ненюкова.

Послѣднія событія, преломляясь въ нездоровой атмосферѣ флота, еще больше запутали его жизнь. Бубновъ организовалъ въ Севастополѣ морской кружокъ. «Сначала задачей его было поставлено разрѣшеніе тактическихъ и организаціонныхъ вопросовъ флота, но вскорѣ кружокъ перешелъ исключительно на

политику и критику начальственныхъ распоряженій». Этотъ кружокъ, дѣйствовавшій съ вѣдома Ненюкова, принялъ видное участіе въ послѣдующихъ событіяхъ.

* * *

Со времени паденія Одессы и появленія въ Севастополѣ ген. Врангеля начинается борьба за возглавленіе имъ военной и гражданской власти въ Крыму. Въ теченіе ближайшей недѣли между Севастополемъ—Джанкоемъ—Тихорѣцкой идетъ нервная переписка и переговоры, а въ самомъ Крыму царитъ необычайное возбужденіе. Я приведу хронологическій перечень событій этого періода, основываясь исключительно на документахъ.

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Севастополь ген. Шиллингъ имѣлъ свиданіе съ адмиралами Ненюковымъ и Бубновымъ, которые заявили ему, что онъ дискредитированъ одесской эвакуаціей, что въ тылу развалъ и единственное спасеніе Крыма въ немедленной передачѣ Шиллингомъ всей власти барону Врангелю, пріѣздъ котораго ожидается въ ближайшіе дни. «Объ этомъ не нужно испрашивать разрѣшенія главнокомандующаго — говорили они — такъ какъ баронъ Врангель будетъ самостоятельнымъ въ Крыму» [1]).

1 февраля къ ген. Шиллингу съ тѣмъ же предложеніемъ явилось пять офицеровъ (преимущественно морскихъ), назвавшихся делегаціей отъ «группы офицеровъ» [2]).

И тѣмъ и другимъ ген. Шиллингъ, придавленный «всѣми интригами и происками», отвѣтилъ, что за власть не держится, охотно ее передастъ и предоставляетъ этотъ вопросъ на усмотрѣніе главнокомандующаго, которому обо всемъ донесъ.

Между 1 и 5 февраля происходитъ новая бесѣда ген. Шиллинга съ адмиралами, встрѣча съ ген. Лукомскимъ [3]) и двукратное свиданіе съ бар. Врангелемъ. По словамъ Шиллинга въ первый разъ баронъ «соглашался принять командованіе, но не съ разрѣшенія главнокомандующаго, дабы быть независимымъ». Во второй разъ ген. Врангель «соглашался принять отъ (Шиллинга) должность по приказу главнокомандующаго» [4]).

Ген. Слащевъ, до котораго доходили тревожные слухи, заявилъ Шиллингу, что будетъ выполнять приказанія только главнокомандующаго и Шиллинга. Объ этомъ посланный Слащевымъ въ Севастополь для того, чтобы «выяснить непосредственно у Врангеля, въ чемъ дѣло» — полковникъ Петровскій доложилъ послѣднему и ген. Лукомскому.

На телеграмму Шиллинга о сдѣланномъ ему предложеніи я отвѣтилъ категорическимъ отказомъ замѣнить Шиллинга Врангелемъ и подчинилъ флотъ въ оперативномъ отношеніи Шиллингу.

5 февраля ген. Лукомскій въ бесѣдѣ съ Шиллингомъ настоятельно совѣтуетъ ему передать власть Врангелю, но непремѣнно съ согласія главнокомандующаго [5]).

Въ тотъ же день — бесѣда ген. Лукомскаго съ бар. Врангелемъ, который по словамъ Лукомскаго заявилъ, что «никогда не пойдетъ на такой шагъ, какъ смѣ-

---

[1]) Изъ записки ген. Шиллинга.
[2]) По инціативѣ кружка Бубнова.
[3]) Ген. Лукомскій пріѣхалъ въ Севастополь по случаю смерти своей матери.
[4]) Изъ записки ген. Шиллинга.
[5]) Записка ген. Шиллинга и письмо Лукомскаго 6. 3. 1921 г.

щеніе Шиллинга» и «для спасенія положенія въ Крыму готовъ принять должность главноначальствующаго, если пожелаетъ главнокомандующій» [1]).

6 февраля ген. Шиллингъ ѣдетъ въ Джанкой.

Капитанъ Орловъ, спустившись съ горъ и пользуясь отсутствіемъ въ этомъ раіонѣ войскъ, послѣдовательно занимаетъ Алушту и Ялту. Оказавшійся въ Ялтѣ ген. Покровскій, мобилизовавъ и вооруживъ жителей Ялты, пытался защищать городъ, но его импровизированный отрядъ, не оказавъ сопротивленія, разбѣжался. Генералы Покровскій и Боровскій были арестованы Орловымъ, но затѣмъ при содѣйствіи англичанъ отпущены. Въ Алуштѣ и въ Ялтѣ Орловъ ограбилъ казначейства.

Ген. Шиллингъ посылаетъ противъ него войсковыя части и военное судно («Колхиду») съ дессантомъ.

Ген. Лукомскаго посѣщаетъ ген. Шатиловъ и заявляетъ, что «вслѣдствіе ухудшающагося положенія въ Крыму, баронъ Врангель согласенъ принять временное назначеніе для установленія порядка на Крымскомъ побережьи, при условіи невмѣшательства Шиллинга... если ген. Лукомскій именемъ главнокомандующаго ему это прикажетъ» [2]). Ген. Лукомскій отъ такой постановки вопроса отказывается, но посылаетъ соотвѣтственную телеграмму Шиллингу.

7 февраля (11 час.). Шиллингъ, на основаніи телегр. ген. Лукомскаго, подчинивъ Врангелю Севастопольскую крѣпость, флотъ и всѣ тыловые отряды, возлагаетъ на него «мѣрами, какія онъ признаетъ цѣлесообразными, успокоить офицерство, солдатъ и населеніе, и прекратить бунтарство кап. Орлова» [3]).

Въ этотъ же день въ Севастополѣ получено было по телеграфу свѣдѣніе, не дошедшее до Шиллинга, о назначеніи мною командующимъ флотомъ, вмѣсто Ненюкова [4]), бывш. нач. морского управл., адм. Герасимова. Это обстоятельство имѣло послѣдствіемъ появленіе у ген. Лукомскаго «двухъ адмираловъ» и предсѣдателя суда чести, заявившихъ ему, что «съ именемъ Герасимова связывается хозяйственная разруха флота» и что назначеніе его «вызоветъ броженіе, возможны печальныя недоразумѣнія». Лукомскій настаиваетъ на назначеніи Саблина [5]).

Экипажъ и дессантъ «Колхиды» отказались дѣйствовать противъ Орлова и вернулись въ Севастополь, привезя съ собой его воззванія. Морское начальство не приняло никакихъ мѣръ противъ мятежниковъ и не сочло нужнымъ увѣдомить объ этомъ фактѣ генерала Шиллинга.

Въ одномъ изъ своихъ воззваній капитанъ Орловъ писалъ: «По дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, нашъ молодой вождь, ген. Врангель прибылъ въ Крымъ. Это тотъ, съ кѣмъ мы будемъ и должны говорить. Это тотъ, кому мы всѣ вѣримъ...»

Лукомскій въ этотъ день въ двухъ телеграммахъ на мое имя описывалъ тревожное положеніе Крыма: въ связи съ событіями въ Ялтѣ и полученными оттуда воззваніями — глухое броженіе среди офицерства... Все, что будетъ формироваться въ тылу и направляться противъ Орлова, будетъ переходить на его сторону... Если произойдетъ столкновеніе, то это поведетъ къ развалу тыла и фронта... «Только немедленное назначеніе Врангеля вмѣсто Шиллинга спасетъ положеніе... Завтра, быть можетъ, будетъ поздно...»

---

[1]) То же письмо Лукомскаго.
[2]) Изъ письма ген. Лукомскаго.
[3]) Телегр., № 0231483.
[4]) О полной непригодности Ненюкова свидѣтельствовалъ и ген. Лукомскій.
[5]) Телегр. вх. № 194.

«Государственные и общественные дѣятели», проживающіе въ плѣненной Ялтѣ, отправили мнѣ телеграмму въ Тихорѣцкую о томъ, что «событія неминуемо поведутъ къ гибели дѣла обороны Крыма, если во главѣ власти въ Крыму не будетъ безотлагательно поставленъ баронъ Врангель» [1]).

Между тѣмъ, Врангель, отъ «временнаго назначенія», предложеннаго ему Шиллингомъ, отказался: «Всякое новое раздѣленіе власти въ Крыму при существующемъ уже здѣсь многовластіи — телеграфировалъ онъ Шиллингу — усложнитъ положеніе и увеличитъ развалъ тыла».

Вечеромъ ген. Лукомскій вновь убѣждалъ Шиллинга по аппарату [2]) безотлагательно просить главнокомандующаго о замѣнѣ его — Шиллинга — Врангелемъ или «въ случаѣ невозможности переговорить съ главкомомъ... передать всю полноту власти (бар. Врангелю) съ донесеніемъ главкому».

Въ ночь на 8-е (23 ч. 30 м.) ген. Шиллингъ, передавая мнѣ сущность предложеній ген. Лукомскаго, со своей стороны добавлялъ, что въ виду «разрухи тыла и разыгравшихся страстей среди офицерства до крупныхъ чиновъ включительно», онъ также полагаетъ, что передача имъ власти «будетъ болѣе отвѣчать всей совокупности обстановки».

8 февраля (1 ч. 15 м.) я отвѣтилъ: «Совершенно не допускаю участія генерала Врангеля. Увѣренъ, что Вы положите предѣлъ разрухѣ. № 630».

Въ виду такого результата переговоровъ, ген. Шиллингъ, въ 3 ч. 30 м. передавая текстъ своего доклада и моей резолюціи ген. Лукомскому, сообщалъ, что считаетъ, поэтому, необходимымъ: 1) принять рѣшительныя мѣры противъ Орлова, 2) отрѣшить тотчасъ же отъ должности Ненюкова и Бубнова и 3) просить ген. Лукомскаго предложить бар. Врангелю покинуть немедленно предѣлы Крыма. Отъ послѣдняго порученія ген. Лукомскій отказался, согласившись все же передать ген. Врангелю, что «дальнѣйшее пребываніе его въ Крыму Шиллингъ находитъ нежелательнымъ, ибо это можетъ помѣшать ему».

Въ 7 ч. того же дня ген. Врангель отправилъ въ Ялту Орлову телеграмму «горячо призывая (его) во имя блага Родины подчиниться требованіямъ начальниковъ» [3]).

Въ этотъ день вышелъ приказъ, подписанный мною еще 6-го, объ исключеніи со службы Ненюкова и Бубнова и приказы объ увольненіи въ отставку генераловъ Лукомскаго, Врангеля и Шатилова, на основаніи ходатайствъ, возбужденныхъ ими 24 и 28 января.

8 февраля я отдалъ приказъ о ликвидаціи крымской смуты:

«Приказываю:

1. Всѣмъ, принявшимъ участіе въ выступленіи Орлова, освободить ими арестованныхъ и немедленно явиться въ Штабъ 3 корпуса для направленія на фронтъ, гдѣ они въ бою съ врагами докажутъ свое желаніе помочь арміи и загладятъ свою вину.
2. Назначить сенаторскую ревизію для всесторонняго изслѣдованія управленія, командованія, быта и причинъ, вызвавшихъ въ Крыму смуту и для установленія виновниковъ ея.

---

[1]) Телеграмма получена была мною черезъ день или два. Подписали ее: Ненарокомовъ, Рѣшетовскій, Невѣровъ, Глинка, Ивановъ, Н. Савичъ, гр. Апраксинъ, кн. Гагаринъ, В. Келлеръ, Тесленко, Дерюжинскій и друг. Эти лица, входившія въ «Совѣщаніе обществ. дѣятелей Ялты», еще дважды потомъ обращались — ко мнѣ и Шиллингу — съ тѣмъ же ходатайствомъ.

[2]) Ген. Шиллингъ находился въ Джанкоѣ.

[3]) Копія этой телегр. была послана мнѣ ген. Лукомскимъ 10 февраля.

3. Предать всѣхъ, вызвавшихъ своими дѣйствіями смуту и руководившихъ ею, военно-окружному суду, невзирая на чинъ и положеніе»[1]).

Между тѣмъ, Орловъ, запутавшійся окончательно, предпринималъ уже въ Ставкѣ при посредничествѣ извѣстнаго соц.-рев. Баткина нѣкоторые шаги, съ цѣлью подготовить себѣ путь отступленія... 10 февраля онъ подчинился приказу и вышелъ съ отрядомъ на фронтъ. Слащевъ, вопреки приказанію Шиллинга — расформировать отрядъ, распредѣливъ его по частямъ корпуса — сохранилъ его въ видѣ отдѣльной части, проявляя и къ ней, и къ Орлову исключительное вниманіе. Содружество ихъ продолжалось недолго: 3 марта Орловъ самовольно снялъ отрядъ съ фронта и повелъ его въ Симферополь. Посланныя вслѣдъ Слащевымъ части огнемъ разсѣяли отрядъ. Орловъ съ нѣсколькими человѣками бѣжалъ въ горы — на этотъ разъ окончательно.

Крымскія событія порождали множество самыхъ нелѣпыхъ слуховъ, волнуя общественность, и отражались неблагопріятно на фронтѣ. Непониманіе происходящаго было настолько велико, что первое время орловское выступленіе было взято подъ покровительство кубанской самостійной печатью и «Утромъ Юга», которые видѣли въ немъ «движеніе чисто политическое — возстаніе революціоннаго офицерства противъ правыхъ генераловъ...» Потомъ они были весьма смущены.

Я не соглашался смѣнить Шиллинга[2]) не только потому, чтобы не дать удовлетворенія офицерской фрондѣ, но и по другой причинѣ: Кавказскій фронтъ катился къ морю, назрѣвала эвакуація. Управленіе и штабъ ген. Шиллинга само собой упразднялись съ переѣздомъ въ Крымъ главнокомандующаго...

Во всякомъ случаѣ, какъ показало ближайшее время, положеніе въ Крыму не было такъ безнадежно, какъ оно представлялось участникамъ описанныхъ выше событій. Крымъ былъ сохраненъ, хотя и не улеглось поднятое тамъ волненіе.

* * *

Броженіе во флотѣ продолжалось.

Ген. Шиллингъ, смѣстивъ Ненюкова, назначилъ временно командующимъ флотомъ прибывшаго изъ Константинополя адм. Саблина. Когда въ Севастополь прибылъ новый командующій адмиралъ Герасимовъ, Саблинъ отказался сдать ему должность. Прошло нѣсколько дней, пока сношеніями съ Феодосіей, гдѣ пребывалъ Шиллингъ, и со Ставкой не ликвидировано было это новое выступленіе. Саблинъ перешелъ на пароходъ «Александръ Михайловичъ», гдѣ имѣлъ мѣстопребываніе и баронъ Врангель. Бубновъ уѣхалъ въ Константинополь, но его кружокъ продолжалъ работать, не стѣсняясь даже посвящать адм. Герасимова въ свои предположенія о переворотѣ. Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ Герасимовъ счелъ себя вынужденнымъ посовѣтовать ген. Врангелю «на время уѣхать, такъ какъ около его имени творятся здѣсь въ Севастополѣ легенды и идетъ пропаганда противъ главнаго командованія». Баронъ отвѣтилъ ему, что «подумаетъ объ его словахъ»[3]).

---

[1]) Баронъ Врангель отнесъ къ себѣ пунктъ 3-й приказа.

[2]) Сенаторская ревизія ген. Макаренко закончила свои дѣйствія въ управленіе ген. Врангеля. Результаты ея не были опубликованы и мнѣ неизвѣстны. Въ день прибытія моего въ Феодосію ген. Макаренко сдѣлалъ мнѣ краткій личный докладъ о первой части своей работы — Одесской эвакуаціи. По его словамъ ничего предосудительнаго въ дѣйствіяхъ ген. Шиллинга обнаружено не было.

[3]) Изъ записки адм. Герасимова.

Въ двадцатыхъ числахъ февраля генералъ Хольманъ имѣлъ разговоръ со мною:

— Ваше превосходительство, вы предполагаете дать какое-нибудь назначеніе ген. Врангелю или нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, можетъ быть, лучше будетъ посовѣтовать ему уѣхать?

— Да, это было бы лучше.

Въ результатѣ этого разговора Хольманъ написалъ письмо барону Врангелю въ тонѣ исключительно доброжелательномъ:

«... Я глубоко увѣренъ, что Вашъ разрывъ съ генераломъ Деникинымъ явился слѣдствіемъ того, что Вы, какъ это часто бываетъ съ искренними патріотами во время смуты, недостаточно поняли другъ друга.

При такихъ отношеніяхъ служить вмѣстѣ бываетъ слишкомъ тяжело.

Мнѣ причинило глубокую боль просить Васъ оставить Крымъ, такъ какъ, искренне вѣря въ Ваши лучшія намѣренія и преданность Родинѣ, я все же счелъ правильнымъ и полезнымъ для настоящаго положенія просить Васъ сдѣлать это».

Генералъ Врангель излагаетъ этотъ эпизодъ такъ: англійскій адм. Сеймуръ, находившійся въ Севастополѣ, отъ имени ген. Хольмана передалъ ему мое «требованіе оставить предѣлы Россіи».

Врангель выѣхалъ въ Константинополь, предварительно отправивъ мнѣ съ нарочнымъ обличительное письмо. Все существенное изъ него мною приведено было дословно въ соотвѣтствующихъ главахъ. Остается дополнить лишь немногое:

Про меня генералъ Врангель говорилъ:

«Вы видѣли, какъ таяло Ваше обаяніе и власть выскальзывала изъ Вашихъ рукъ. Цѣпляясь за нее, въ полнѣйшемъ ослѣпленіи, Вы стали искать кругомъ крамолу и мятежъ...

Отравленный ядомъ честолюбія, вкусившій власти, окруженный безчестными льстецами, Вы уже думали не о спасеніи Отечества, а лишь о сохраненіи власти...»

Про себя баронъ говорилъ:

«Русское общество стало прозрѣвать.... Все громче и громче... назывались имена начальниковъ, имя которыхъ среди всеобщаго паденія нравовъ оставалось незапятнаннымъ... Армія и общество... во мнѣ увидѣли человѣка, способнаго дать то, чего жаждали всѣ...»

Наконецъ, про армію:

«Армія, воспитанная на произволѣ, грабежахъ и пьянствѣ, ведомая начальниками, примѣромъ своимъ развращающими войска, — такая армія не могла создать Россію...»

Вѣроятно, такое широкое обобщеніе впослѣдствіи сочтено было не отвѣчающимъ политическому моменту. Ибо со вступленіемъ генерала Врангеля на постъ главнокомандующаго всѣ старшіе начальники остались на своихъ мѣстахъ [1]), были награждены чинами, орденами и титулами. А черезъ годъ въ Константинополѣ въ офиціальномъ опроверженіи приписанныхъ ему корреспондентомъ «Послѣднихъ Новостей» словъ, баронъ заявилъ: «я никогда не говорилъ и не могъ говорить, что бѣлое движеніе требуетъ какихъ-то оправданій, что «наслѣдіе Деникина — разрозненныя банды». Я два года провелъ въ арміи ген. Деникина, самъ къ этимъ «бандамъ» принадлежалъ, во главѣ этихъ «бандъ» оставался въ Крыму и имъ обязанъ всѣмъ, что нами сдѣлано...»

---

[1]) Впослѣдствіи были суждены и уволены генералы Сидоринъ и Кельчевскій по политическому дѣлу.

Сначала съ парохода «Александръ Михайловичъ» въ Севастополѣ, потомъ изъ посольскаго дома въ Константинополѣ, гдѣ остановился ген. Врангель, копіи памфлета распространялись сотнями и тысячами экземпляровъ — по Крыму, въ арміи, за границей. Распространялись усердно и всякими способами.

Въ Константинополѣ, напримѣръ, «генералы Врангель и Шатиловъ — пишетъ одесскій журналистъ С. Штернъ — зная, что я ѣду въ Парижъ и связанъ съ тамошними литературными и политическими кругами, детально изложили мнѣ исторію взаимотношеній Врангеля и Деникина. Запись бесѣды съ ген. Шатиловымъ у меня сохранилась, но воспроизводить ее нѣтъ смысла, такъ какъ сообщенное ген. Шатиловымъ совпадаетъ съ сущностью опубликованнаго впослѣдствіи письма Врангеля къ Деникину» [1]).

И послѣ моего отъѣзда изъ Россіи письмо это печаталось и разсылалось въ войсковыя части. Въ дѣло агитаціи вовлечена была и церковь. Одинъ изъ наиболѣе активныхъ дѣятелей предполагавшагося переворота, епископъ Веніаминъ, ставшій послѣ моего ухода протопресвитеромъ военнаго и морского духовенства, разсылалъ въ полки проповѣдниковъ, которые порочили имя ушедшаго главнокомандующаго.

Письмо это появлялось и въ иностранной прессѣ.

Я отвѣтилъ генералу Врангелю кратко [2]):

«Милостивый государь,
Петръ Николаевичъ!

Ваше письмо пришло какъ разъ во время — въ наиболѣе тяжкій моментъ, когда мнѣ приходится напрягать всѣ духовныя силы, чтобы предотвратить паденіе фронта. Вы должны быть вполнѣ удовлетворены...

Если у меня и было маленькое сомнѣніе въ Вашей роли въ борьбѣ за власть, то письмо Ваше разсѣяло его окончательно. Въ немъ нѣтъ ни слова правды. Вы это знаете. Въ немъ приведены чудовищныя обвиненія, въ которыя Вы сами не вѣрите. Приведены, очевидно, для той же цѣли, для которой множились и распространялись предыдущіе рапорты-памфлеты.

Для подрыва власти и развала Вы дѣлаете все, что можете.

Когда-то, во время тяжкой болѣзни, постигшей Васъ, Вы говорили Юзефовичу, что Богъ караетъ Васъ за непомѣрное честолюбіе...

Пусть Онъ и теперь проститъ Васъ за сдѣланное Вами русскому дѣлу зло.

А. Деникинъ».

Были и другіе претенденты на власть.

Въ началѣ марта ген. Слащевъ совмѣстно съ герцогомъ С. Лейхтенбергскимъ и помощникомъ Шиллинга Брянскимъ замыслили устранить Шиллинга. Цѣль — вступленіе во власть въ Крыму Слащева, поводы — обвиненіе, предъявленное Брянскимъ, который «настаивалъ на томъ, чтобы произвести обыскъ (у ген. Шиллинга) и гарантировалъ обнаруженіе незаконныхъ денегъ и вещей» [3]). Въ послѣднюю минуту, однако, Брянскій смутился и вышелъ изъ игры. Въ своемъ рапортѣ и письмѣ на имя Шиллинга отъ 9 и 10 марта онъ объяснялъ свой поступокъ тѣмъ, что «любилъ (Шиллинга) какъ отца», но будучи посвященъ въ намѣренія Слащева и герц. Лейхтенбергскаго убить Шиллинга, въ случаѣ отказа его подать въ отставку [4]), онъ, Брянскій, «борясь съ этимъ планомъ, предлагалъ всякія средства, включая арестъ (Шиллинга) и обыскъ въ (его) домѣ» [5]).

---

[1]) «Въ огнѣ гражданской войны».

[2]) Предаю впервые гласности.

[3]) Телегр. Слащева 8 марта, № 10023.

[4]) Разговоръ, происходившій, якобы, 6 марта въ Джанкоѣ между Слащевымъ, Лейхтенбергскимъ и Брянскимъ.

[5]) Надъ Брянскимъ назначено было слѣдствіе, законченное при ген. Врангелѣ. Результаты его не были опубликованы.

Какъ предполагалъ использовать власть Слащевъ — неизвѣстно; самъ же онъ пишетъ по этому поводу: «... Я первый ему (ген. Врангелю въ Константинополь) черезъ графа Гендрикова сообщаю: ѣхать дальше вамъ нельзя, возвращайтесь — но, по политическимъ соображеніямъ, соедините наши имена, а Шатилову дайте названіе — ну хоть своего помощника...»

Въ началѣ марта бывшіе тогда не у дѣлъ генералы Покровскій и Боровскій посѣтили ген. Кутепова и «рѣшившись посвятить его въ свои предположенія», освѣдомлялись, какъ отнесся бы Добровольческій корпусъ къ перевороту въ пользу ген. Покровскаго? Ген. Кутеповъ отвѣтилъ, что ни онъ, ни корпусъ Покровскому не подчинятся.

Въ какихъ-то сложныхъ политическихъ комбинаціяхъ было замѣшано и англійское дипломатическое представительство въ лицѣ ген. Киза... Мнѣ извѣстенъ его проектъ реорганизаціи власти Юга, съ предоставленіемъ главнокомандующему только военнаго командованія. Предложеніе это предполагалось имъ поставить въ ультимативной формѣ. Повидимому, въ извѣстной связи съ такими планами находились волновавшіе Новороссійскъ слухи о предположенной англичанами оккупаціи. «Изъ англійскихъ круговъ — телеграфировалъ мнѣ 10 января Лукомскій — зондировали почву у Шликевича, предсѣдателя земскаго союза, не пойдетъ ли онъ въ предсѣдатели «Русскаго Совѣта» по управленію Черноморской губ., въ случаѣ назначенія сюда генералъ-губернатора англичанами».

Военное англійское представительство отнеслось, однако, совершенно отрицательно къ такого рода вмѣшательству въ русскія дѣла.

Позднѣе, когда назрѣвала уже эвакуація Новороссійска, ген. Кизъ интересовался возможностью переворота и съ этой цѣлью освѣдомлялся у ген. Кутепова объ отношеніи къ этому вопросу Добровольческаго корпуса.

* * *

Обстановка, въ которой мнѣ приходилось работать послѣдніе мѣсяцы, была, такимъ образомъ, необычайно сложна и тягостна.

Главной своей опорой я считалъ Добровольцевъ.

Съ ними я началъ борьбу и шелъ вмѣстѣ по бранному пути, дѣля невзгоды, печали и радости первыхъ походовъ. Съ ними кровно и неразрывно связывалъ я судьбу всего движенія и свое дальнѣйшее участіе въ немъ. Я вѣрилъ, что тяжкія испытанія, ниспосланныя намъ судьбою, потрясутъ мысль и совѣсть людей, послужатъ къ духовному обновленію арміи, къ очищенію бѣлой идеи отъ насѣвшей на нее грязи.

Я вѣрилъ въ Добровольцевъ и съ ними могъ идти дальше по тернистой дорогѣ къ цѣли завѣтной, далекой, но не безнадежной...

28 февраля я получилъ телеграмму отъ командира Добровольческаго корпуса, ген. Кутепова:

> «Событія послѣднихъ дней на фронтѣ съ достаточной ясностью указываютъ, что на длительность сопротивленія казачьихъ частей разсчитывать нельзя. Но если въ настоящее время борьбу временно придется прекратить, то необходимо сохранить кадры Добровольческаго корпуса до того времени, когда Родинѣ снова понадобятся надежные люди. Изложенная обстановка повелительно требуетъ

принятія немедленныхъ и рѣшительныхъ мѣръ для сохраненія и спасенія офицерскихъ кадровъ Добровольческаго корпуса и Добровольцевъ. Для того, чтобы въ случаѣ неудачи спасти корпусъ и всѣхъ бойцовъ за идею Добровольческой Арміи, пожелавшихъ пойти съ нимъ, отъ окончательнаго истребленія и распыленія, необходимо немедленное принятіе слѣдующихъ мѣръ, съ полной гарантіей за то, что мѣры эти будутъ неуклонно проведены въ жизнь въ кратчайшее время. Мѣры эти слѣдующія:

1. Немедленно приступить къ самому интенсивному вывозу раненыхъ и дѣйствительно больныхъ офицеровъ и Добровольцевъ за границу.
2. Немедленный вывозъ желающихъ семействъ офицеровъ и Добровольцевъ, служившихъ въ Добровольческой Арміи, въ опредѣленный срокъ за границу, съ тѣмъ, чтобы съ подходомъ Добровольческаго корпуса къ Новороссійску возможно полнѣе разгрузить его отъ бѣженцевъ.
3. Сейчасъ же и, во всякомъ случаѣ, не позже того времени, когда Добровольческій корпусъ отойдетъ въ раіонъ станціи Крымской, подготовить три или четыре транспорта, сосредоточенныхъ въ Новороссійскѣ, конвоируемыхъ наличными четырьмя миноносцами и подводными лодками, которыя должны прикрыть посадку всего Добровольческаго корпуса и офицеровъ другихъ армій, пожелавшихъ присоединиться къ нему. Вмѣстимость транспортовъ не менѣе десяти тысячъ человѣкъ съ возможно большимъ запасомъ продовольствія и огнеприпасовъ.
4. Немедленная постановка въ строй всѣхъ офицеровъ, хотя бы и категористовъ, которые должны быть влиты въ полки Добровольческаго корпуса и принять участіе въ оборонѣ подступовъ къ Новороссійску. Всѣ офицеры, зачисленные въ эти полки и не ставшіе въ строй, хотя бы и категористы, не подлежатъ эвакуаціи, за исключеніемъ совершенно больныхъ и раненыхъ, при чемъ право на эвакуацію должно быть опредѣлено комиссіей изъ представителей отъ частей Добровольческаго корпуса.
5. Всѣ учрежденія Ставки и правительственныя учрежденія должны быть посажены на транспорты одновременно съ послѣдней грузящейся на транспортъ частью Добровольческаго корпуса и отнюдь не ранѣе.
6. Теперь же должна быть передана въ исключительное вѣдѣніе Добровольческаго корпуса желѣзная дорога Тимашевская—Новороссійскъ съ узловой станціей Крымская включительно. Никто другой на этой линіи распоряжаться не долженъ.
7. Съ подходомъ корпуса въ раіонъ ст. Крымская вся власть въ тылу и на фронтѣ, порядокъ посадки, всѣ плавучія средства и весь флотъ должны быть объединены въ рукахъ командира корпуса, отъ котораго исключительно долженъ зависѣть порядокъ посадки на транспорты и которому должны быть предоставлены диктаторскія полномочія въ отношеніи всѣхъ лицъ и всякаго рода военнаго казеннаго и частнаго имущества и всѣхъ средствъ, находящихся въ раіонѣ Крымская—Новороссійскъ.
8. Дальнѣйшее направленіе посаженнаго на транспорты Добровольческаго корпуса должно будетъ опредѣлиться политической обстановкой, создавшейся къ тому времени и, въ случаѣ паденія Крыма или отказа отъ борьбы на его территоріи, Добровольческій корпусъ въ томъ или иномъ видѣ высаживается въ одномъ изъ портовъ или мѣстъ, предоставленныхъ союзниками, о чемъ теперь же необходимо войти съ ними въ соглашеніе, выработавъ соотвѣтствующія и наивыгоднѣйшія условія интернированія или же поступленія корпуса на службу цѣлою частью.
9. Докладывая о вышеизложенномъ Вашему Превосходительству, я въ полномъ сознаніи своей отвѣтственности за жизнь и судьбу чиновъ ввѣреннаго мнѣ корпуса и въ полномъ согласіи со строевыми начальниками, опирающимися на голосъ всего офицерства, прошу срочнаго отвѣта для внесенія въ войска успокоенія и для принятія тѣхъ мѣръ, которыя обезпечатъ сохраненіе отъ распада оставшихся борцовъ за Родину.

10. Все вышеизложенное выше отнюдь не указываетъ на упадокъ духа въ корпусѣ и если удалось бы задержаться на одной изъ оборонительныхъ линій, то опредѣленность принятаго Вами на случай неудачи рѣшенія внесетъ въ войска необходимое успокоеніе и придастъ имъ еще большую стойкость.

Кутеповъ».

Вотъ и конецъ.

Тѣ настроенія, которыя сдѣлали психологически возможнымъ такое обращеніе Добровольцевъ къ своему главнокомандующему, предопредѣлили ходъ событій: въ этотъ день я рѣшилъ безповоротно оставить свой постъ. Я не могъ этого сдѣлать тотчасъ же, чтобы не вызвать осложненій на фронтѣ, и безъ того переживавшемъ критическіе дни. Предполагалъ уйти, испивъ до дна горькую чашу новороссійской эвакуаціи, устроивъ армію въ Крыму и закрѣпивъ крымскій фронтъ.

Командиру корпуса я отвѣтилъ:

«Генералу Кутепову.

Вполнѣ понимая Вашу тревогу и безпокойство за участь офицеровъ и Добровольцевъ, прошу помнить, что мнѣ судьба ихъ не менѣе дорога, чѣмъ Вамъ, и что, охотно принимая совѣты своихъ соратниковъ, я требую при этомъ соблюденія правильныхъ взаимоотношеній подчиненнаго къ начальнику. Въ основаніе текущей операціи я принимаю возможную активность праваго крыла Донской арміи. Если придется отойти за Кубань, то въ случаѣ сохраненія боеспособности казачьими частями будемъ удерживать фронтъ по Кубани, что легко, возможно и весьма важно. Если же казачій фронтъ разсыплется, Добровольческій корпусъ пойдетъ на Новороссійскъ. Во всѣхъ случаяхъ нуженъ выигрышъ времени. Отвѣчаю по пунктамъ:

1. Вывозъ раненыхъ и больныхъ идетъ въ зависимости отъ средствъ нашихъ и даваемыхъ союзниками. Ускоряю, сколько возможно.
2. Семейства вывозятся, задержка только отъ ихъ нежеланія и колебаній.
3. Транспорты подготовляются.
4. Какъ Вамъ извѣстно — таково назначеніе Марковской дивизіи.
5. Правительственныя учрежденія и Ставка поѣдутъ тогда, когда я сочту это нужнымъ. Ставку никто не имѣетъ основаній упрекать въ этомъ отношеніи. Добровольцы должны бы вѣрить, что главнокомандующій уйдетъ послѣднимъ, если не погибнетъ ранѣе.
6. Желѣзная дорога Тимашевка—Новороссійскъ Вамъ передана быть не можетъ, такъ какъ она обслуживаетъ и Донскую армію. Это возможно лишь при тѣхъ исключительныхъ условіяхъ, о которыхъ говорилъ во вступленіи.
7. Вся власть принадлежитъ главнокомандующему, который дастъ такія права командиру Добровольческаго корпуса, которыя сочтетъ нужными».

День 28 февраля былъ однимъ изъ наиболѣе тяжкихъ въ моей жизни.

Ген. Кутеповъ, прибывъ въ одинъ изъ ближайшихъ дней въ Ставку, выражалъ сожалѣніе о своемъ шагѣ и объяснялъ его крайне нервной атмосферой, царившей въ корпусѣ на почвѣ недовѣрія къ правительству и казачеству. «Только искреннее желаніе — помочь Вамъ расчистить тылъ руководило мною при посылкѣ телеграммы» — говорилъ онъ.

Эта бесѣда уже не могла повліять на мое рѣшеніе.

ГЛАВА XXXVIII.

Эвакуація Новороссійска.

Ко времени отхода фронта за Кубань вопросъ о дальнѣйшихъ перспективахъ арміи пріобрѣталъ чрезвычайно серьезное значеніе. Въ соотвѣтствіи съ рѣшеніемъ моимъ — въ случаѣ неудачи на линіи р. Кубани отводить войска въ Крымъ, принятъ былъ рядъ мѣръ: усиленно снабжалась новая главная база въ Феодосіи; съ января было приступлено къ организаціи продовольственныхъ базъ на черноморскомъ побережьи, въ томъ числѣ плавучихъ — для портовъ, къ которымъ могли бы отходить войска; спѣшно заканчивалась разгрузка Новороссійска отъ бѣженскаго элемента, больныхъ и раненыхъ, путемъ эвакуаціи ихъ за границу.

По условіямъ тоннажа и моральнаго состоянія войскъ, одновременная, планомѣрная эвакуація ихъ при посредствѣ Новороссійскаго порта была немыслима: не было надеждъ на возможность погрузки всѣхъ людей, не говоря уже объ артиллеріи, обозѣ, лошадяхъ и запасахъ, которыя предстояло бросить. Поэтому, для сохраненія боеспособности войскъ, ихъ организаціи и матеріальной части, я намѣтилъ и другой путь — черезъ Тамань.

Еще въ директивѣ отъ 4 марта, при отходѣ за рѣку Кубань на Добровольческій корпусъ возложено было, помимо обороны низовьевъ ея, прикрытіе частью силъ Таманскаго полуострова у Темрюка. Рекогносцировка пути между Анапой и станціей Таманской дала вполнѣ благопріятные результаты; полуостровъ, замкнутый водными преградами, представлялъ большія удобства для обороны; весь путь туда находился подъ прикрытіемъ судовой артиллеріи, ширина Керченскаго пролива очень незначительна, а транспортная флотилія Керченскаго порта достаточно мощна и могла быть легко усилена. Я приказалъ стягивать спѣшно транспортныя средства въ Керчь. Вмѣстѣ съ тѣмъ, велѣно было подготовить верховыхъ лошадей для оперативной части Ставки, съ которой я предполагалъ перейти въ Анапу и слѣдовать затѣмъ съ войсками береговой дорогой на Тамань.

5 марта я посвятилъ въ свои предположенія прибывшаго въ Ставку ген. Сидорина, который отнесся къ нимъ съ сомнѣніемъ. По его докладу донскія части утратили боеспособность и послушаніе и врядъ ли согласятся идти въ Крымъ. Но въ Георгіе-Афибской, гдѣ расположился донской штабъ, состоялся рядъ совѣщаній, и донская фракція Верховнаго Круга, какъ я уже упоминалъ, признала недѣйствительнымъ постановленіе о разрывѣ съ главнокомандующимъ; а совѣщаніе донскихъ командировъ въ концѣ концовъ присоединилось къ рѣшенію вести войска на Тамань.

Хотя переходъ на Тамань предполагался лишь въ будущемъ, а директива Ставки требовала пока удержанія линіи р. Кубани, 4-й донской корпусъ, стоявшій за рѣкой выше Екатеринодара, тотчасъ же спѣшно снялся и сталъ уходить на западъ.

7 марта я отдалъ послѣднюю свою директиву на Кавказскомъ театрѣ: Кубанской арміи, бросившей уже рубежъ р. Бѣлой, удерживаться на р. Кургѣ; Донской арміи и Добровольческому корпусу оборонять линію р. Кубани отъ устья Курги до Ахтанизовскаго лимана; Добровольческому корпусу теперь же частью силъ, обойдя кружнымъ путемъ, занять Таманскій полуостровъ и прикрыть отъ красныхъ сѣверную дорогу отъ Темрюка [1]).

---

[1]) При отступленіи за Кубань корпусъ не прикрылъ ее.

Ни одна изъ армій директивы не выполнила.

Кубанскія войска, совершенно дезорганизованныя, находились въ полномъ отступленіи, пробиваясь горными дорогами на Туапсе. Съ ними терялась связь не только оперативная, но и политическая: Кубанская Рада и атаманъ, на основаніи послѣдняго постановленія Верховнаго Круга, помимо старшихъ военныхъ начальниковъ, которые оставались лойяльными въ отношеніи главнокомандующаго, побуждали войска къ разрыву со Ставкой. Большевики ничтожными силами легко форсировали Кубань и, почти не встрѣчая сопротивленія, вышли на лѣвый берегъ ея у Екатеринодара, разрѣзавъ фронтъ Донской арміи. Оторвавшійся отъ нея къ востоку корпусъ ген. Старикова пошелъ на соединеніе съ кубанцами. Два другихъ донскихъ корпуса, почти не задерживаясь, нестройными толпами двинулись по направленію Новороссійска. Многіе казаки бросали оружіе или цѣлыми полками переходили къ зеленымъ; все перепуталось, смѣшалось, потеряна была всякая связь штабовъ съ войсками, и поѣздъ командующаго Донской арміей, безсильнаго уже управлять войсками, ежедневно подвергаясь опасности захвата въ плѣнъ, медленно пробивался на западъ черезъ море людей, коней и повозокъ. То недовѣріе и то враждебное чувство, которое въ силу предшествовавшихъ событій легло между Добровольцами и казаками, теперь вспыхнуло съ особенной силой. Двигающаяся казачья лавина, грозящая затопить весь тылъ Добровольческаго корпуса и отрѣзать его отъ Новороссійска, вызывала въ его рядахъ большое волненіе. Иногда оно прорывалось въ формахъ весьма рѣзкихъ. Помню, какъ начальникъ штаба Добровольческаго корпуса, генералъ Достоваловъ во время одного изъ совѣщаній въ поѣздѣ Ставки заявилъ:

— Единственныя войска, желающія и способныя продолжать борьбу — это Добровольческій корпусъ. Поэтому ему необходимо предоставить всѣ потребныя транспортныя средства, не считаясь ни съ чьими претензіями и не останавливаясь въ случаѣ надобности передъ примѣненіемъ оружія.

Я рѣзко остановилъ говорившаго.

Движеніе на Тамань съ перспективой новыхъ боевъ на тѣсномъ пространствѣ полуострова, совмѣстно съ колеблющейся казачьей массой смущало Добровольцевъ. Новороссійскій портъ влекъ къ себѣ неудержимо и побороть это стремленіе оказалось невозможнымъ. Корпусъ ослабилъ сильно свой лѣвый флангъ, обративъ главное вниманіе на Крымскую—Тоннельную, въ направленіи жел.-дор. линіи на Новороссійскъ.

10 марта зеленые подняли возстаніе въ Анапѣ и Гостогаевской станицѣ и захватили эти пункты. Дѣйствія нашей конницы противъ зеленыхъ были нерѣшительны и безрезультатны. Въ тотъ же день большевики, отбросивъ слабую часть, прикрывавшую Варениковскую переправу, перешли черезъ Кубань. Днемъ конныя части ихъ появились у Гостогаевской, а съ вечера отъ переправы въ направленіи на Анапу двигались уже колонны непріятельской пѣхоты. Повторенное 11 числа наступленіе конницы генераловъ Барбовича, Чеснокова и Дьякова на Гостогаевскую и Анапу было еще менѣе энергично и успѣха не имѣло.

Пути на Тамань были отрѣзаны...

И 11 марта Добровольческій корпусъ, два Донскихъ и присоединившаяся къ нимъ кубанская дивизія, безъ директивы, подъ легкимъ напоромъ противника, сосредоточились въ раіонѣ ст. Крымской, направляясь всей своей сплошной массой на Новороссійскъ.

Катастрофа становилась неизбѣжной и неотвратимой.

* * *

Новороссійскъ тѣхъ дней, въ значительной мѣрѣ уже разгруженный отъ бѣженскаго элемента, представлялъ изъ себя военный лагерь и тыловой вертепъ. Улицы его буквально запружены были молодыми и здоровыми воинами — дезертирами. Они безчинствовали, устраивали митинги, напоминавшіе первые мѣсяцы революціи — съ такимъ же элементарнымъ пониманіемъ событій, съ такой же демагогіей и истеріей. Только составъ митингующихъ былъ иной: вмѣсто товарищей солдатъ были офицеры. Прикрываясь высокими побужденіями, они приступили къ организаціи «военныхъ обществъ», скрытой цѣлью которыхъ былъ захватъ, въ случаѣ надобности, судовъ... И въ то же время официальный «эвакуаціонный бюллетень» съ удовлетвореніемъ констатировалъ: «привлеченные къ погрузкѣ артиллерійскихъ грузовъ офицеры, съ правомъ потомъ по погрузкѣ самимъ ѣхать на пароходахъ, проявляютъ полное напряженіе и, вмѣсто установленной погрузочной нормы 100 пудовъ, грузятъ въ двойномъ и болѣе размѣрахъ, сознавая важность своей работы...»

Первое время, въ виду отсутствія въ Новороссійскѣ надежнаго гарнизона, было трудно. Я вызвалъ въ городъ Добровольческія офицерскія части и отдалъ приказъ о закрытіи всѣхъ, возникшихъ на почвѣ развала, военныхъ «обществъ», объ установленіи полевыхъ судовъ для руководителей ихъ и дезертировъ и о регистраціи военно-обязанныхъ. «Тѣ, кто избѣгнутъ учета, пусть помнятъ, что въ случаѣ эвакуаціи Новороссійска будутъ брошены на произволъ судьбы...» Эти мѣры, въ связи съ ограниченнымъ числомъ судовъ на Новороссійскомъ рейдѣ, разрядили нѣсколько атмосферу.

А въ городѣ царилъ тифъ, косила смерть. 10-го я проводилъ въ могилу начальника Марковской дивизіи, храбрѣйшаго офицера, полковника Блейша.

Второй «старый» марковецъ уходилъ за послѣднія недѣли... Недавно, въ Батайскѣ, среди вереницы отступающихъ обозовъ я встрѣтилъ затертую въ ихъ массѣ повозку, везущую гробъ съ тѣломъ умершаго отъ сыпного тифа генерала Тимановскаго. Желѣзный «Степанычъ», сподвижникъ и другъ ген. Маркова, человѣкъ необыкновеннаго, холоднаго мужества, столько разъ водившій полки къ побѣдѣ, презиравшій смерть и сраженный ею такъ не во время...

Или во время?

Убогая повозка съ дорогою кладью, покрытая рванымъ брезентомъ — точно безмолвный и безстрастный символъ.

* * *

Оглушенная пораженіемъ и плохо разбиравшаяся въ сложныхъ причинахъ его офицерская среда волновалась и громко называла виновника. Онъ былъ уже названъ давно — человѣкъ долга и безупречной моральной честности, на котораго армейскіе и нѣкоторые общественные круги — одни по невѣдѣнію, другіе по тактическимъ соображеніямъ—свалили главную тяжесть общихъ прегрѣшеній.

Начальникъ штаба главнокомандующаго, генералъ И. П. Романовскій.

Въ началѣ марта ко мнѣ пришелъ протопресвитеръ, о. Георгій Шавельскій и убѣждалъ меня освободить Ивана Павловича отъ должности, увѣряя, что въ силу создавшихся настроеній въ офицерствѣ возможно убійство его. Объ этомъ эпизодѣ о. Георгій писалъ мнѣ впослѣдствіи:

> «Чтобы Ив. Павл. не заподозрилъ меня въ какой-нибудь интригѣ противъ него, я, прежде чѣмъ бесѣдовать съ Вами, побывалъ у него и, скрѣпя сердце, нарисовалъ ему полную картину поднявшейся противъ него злобы.

Иванъ Павловичъ слушалъ спокойно, какъ будто безстрастно и только спросилъ меня: «Скажите, въ чемъ меня обвиняютъ?»

«Для клеветы нѣтъ границъ, — отвѣтилъ я, — во всемъ. Говорятъ, напримѣръ, что Вы на-дняхъ отправили за границу цѣлый пароходъ табаку, и дальше въ этомъ и другомъ родѣ».

Ив. Павл. опустилъ голову на руки и замолкъ.

Дѣйствительно, чего только не валили на его бѣдную голову: его считали хищникомъ, когда я знаю, что въ Екатеринодарѣ и Таганрогѣ, для изысканія жизненныхъ средствъ, онъ долженъ былъ продавать свои старыя, вывезенныя изъ Петрограда вещи; его объявили жидо-масономъ, когда онъ всегда былъ вѣрнѣйшимъ сыномъ Православной Церкви; его обвиняли въ себялюбіи и высокомѣріи, когда онъ ради пользы дѣла старался совсѣмъ затушевать свое я, и т. д.

Я умолялъ теперь Ив. Павл. уйти на время отъ дѣлъ, пока отрезвѣютъ умы и смолкнетъ злоба.

Онъ отвѣтилъ мнѣ, что это его самое большое желаніе...

Вы знаете — писалъ дальше о. Георгій, — какъ одіозно было тогда въ арміи имя Ив. Павл.; можетъ быть, слышите, что память его не перестаетъ поноситься и доселѣ. Необходимо разсѣять гнусную клевету и соединенную съ нею ненависть, преслѣдовавшія этого чистаго человѣка при его жизни, не оставившія его и послѣ смерти. Я готовъ былъ бы, какъ его духовникъ, которому онъ вѣрилъ и которому онъ открывалъ свою душу, свидѣтельствовать передъ міромъ, что душа эта была дѣтски чиста, что онъ укрѣплялся въ подвигѣ, который онъ несъ, вѣрою въ Бога, что онъ самоотверженно любилъ Родину, служилъ ей только изъ горячей, безпредѣльной любви къ ней, что, не ища своего, забывалъ о себѣ; что онъ живо чувствовалъ людское горе и страданіе и всегда устремлялся навстрѣчу ему».

Тяжко мнѣ было говорить съ Иваномъ Павловичемъ объ этихъ вопросахъ. Рѣшили съ нимъ, что потерпѣть ужъ осталось недолго: послѣ переѣзда въ Крымъ — онъ оставитъ свой постъ.

Нѣсколько разъ ген. Хольманъ обращался ко мнѣ и къ ген.-кварт. Махрову съ убѣдительной просьбой перемѣстить поѣздъ или уговорить ген. Романовскаго перейти на англійскій корабль, такъ какъ «его рѣшили убить Добровольцы...» Это намѣреніе, повидимому, близко было къ осуществленію: 12 марта явилось въ мой поѣздъ лицо близкое къ Корниловской дивизіи и заявило, что группа корниловцевъ собирается сегодня убить ген. Романовскаго; пришелъ и ген. Хольманъ. Въ присутствіи Ивана Павловича онъ взволнованно просилъ меня вновь «приказать» начальнику штаба перейти на англійскій корабль.

— Этого я не сдѣлаю — сказалъ Иванъ Павловичъ. — Если же дѣло обстоитъ такъ, прошу ваше превосходительство освободить меня отъ должности. Я возьму ружье и пойду Добровольцемъ въ Корниловскій полкъ; пускай дѣлаютъ со мной, что хотятъ.

Я просилъ его перейти хотя бы въ мой вагонъ. Онъ отказался.

Слѣпые, жестокіе люди, за что?

* * *

Отношенія англичанъ попрежнему были двойственны. Въ то время, какъ дипломатическая миссія ген. Киза изобрѣтала новыя формы управленія для Юга, начальникъ военной миссіи, ген. Хольманъ, вкладывалъ всѣ свои силы и душу въ дѣло помощи намъ. Онъ лично принималъ участіе съ англійскими техническими частями въ бояхъ на Донецкомъ фронтѣ; со всей энергіей добивался усиленія и упорядоченія матеріальной помощи; содѣйствовалъ организаціи Феодосійской базы — непосредственно и вліяя на французовъ. Ген. Хольманъ силой

британскаго авторитета поддерживалъ Южную власть въ распрѣ ея съ казачествомъ и дѣлалъ попытки вліять на поднятіе казачьяго настроенія. Онъ отождествлялъ наши интересы со своими, горячо принималъ къ сердцу наши бѣды и работалъ, не теряя надеждъ и энергіи до послѣдняго дня, представляя рѣзкій контрастъ со многими русскими дѣятелями, потерявшими уже сердце.

Трогательное вниманіе проявлялъ онъ и въ личныхъ отношеніяхъ ко мнѣ и начальнику штаба. Атмосфера «заговоровъ» и «покушеній», охватившая въ послѣдніе дни Новороссійскъ, не давала Хольману покоя. Съ нами говорить объ этомъ было безполезно; но не проходило дня, чтобы онъ не являлся къ ген.-квартирмейстеру съ упреками и совѣтами по этому поводу. Совмѣстно съ нимъ онъ принялъ тайно нѣкоторыя мѣры предосторожности, а явно демонстрировалъ вниманіе къ главнокомандующему, представивъ мнѣ на смотръ англійскій дессантъ и судовые экипажи.

Впрочемъ, я и до сегодняшняго дня думаю, что въ отношеніи меня лично всѣ эти предосторожности были излишни.

Югъ постигло великое бѣдствіе. Положеніе казалось безнадежнымъ, и конецъ близокъ. Сообразно съ этимъ мѣнялась и политика Лондона. Ген. Хольманъ оставался еще въ должности, но неофиціально называли уже имя его преемника, ген. Перси... Лондонъ рѣшилъ ускорить «ликвидацію». Очевидно, такое порученіе было морально непріемлемо для ген. Хольмана, такъ какъ въ одинъ изъ ближайшихъ передъ эвакуаціей дней ко мнѣ явился не онъ, а ген. Бриджъ со слѣдующимъ предложеніемъ англійскаго правительства: такъ какъ по мнѣнію послѣдняго положеніе катастрофично и эвакуація въ Крымъ неосуществима, то англичане предлагаютъ мнѣ свое посредничество для заключенія перемирія съ большевиками...

Я отвѣтилъ: никогда.

Этотъ эпизодъ имѣлъ свое продолженіе нѣсколько мѣсяцевъ спустя. Въ августѣ 1920 г. въ газетѣ «Таймсъ» опубликована была нота лорда Керзона къ Чичерину отъ 1 апрѣля. Въ ней, послѣ соображеній о безцѣльности дальнѣйшей борьбы, которая «является серьезной угрозой спокойствію и процвѣтанію Россіи», Керзонъ заявлялъ:

> «Я употребилъ все свое вліяніе на ген. Деникина, чтобы уговорить его бросить борьбу, обѣщавъ ему, что, если онъ поступитъ такъ, я употреблю всѣ усилія, чтобы заключить миръ между его силами и вашими, обезпечивъ неприкосновенность всѣхъ его соратниковъ, а также населенія Крыма. Ген. Деникинъ въ концѣ концовъ послѣдовалъ этому совѣту и покинулъ Россію, передавъ командованіе ген. Врангелю».

Неизвѣстно чему было больше удивляться: той лжи, которую допустилъ лордъ Керзонъ, или той легкости, съ которой министерство иностранныхъ дѣлъ Англіи перешло отъ реальной помощи бѣлаго Юга къ моральной поддержкѣ большевиковъ, путемъ офиціальнаго осужденія бѣлаго движенія.

Въ томъ же «Таймсъ» я напечаталъ тотчасъ опроверженіе:

> «1. Никакого вліянія лордъ Керзонъ оказать на меня не могъ, такъ какъ я съ нимъ ни въ какихъ отношеніяхъ не находился.
> 2. Предложеніе (британскаго военнаго представителя о перемиріи) я категорически отвергнулъ и, хотя съ потерей матеріальной части, перевелъ армію въ Крымъ, гдѣ тотчасъ же приступилъ къ продолженію борьбы.
> 3. Нота англійскаго правительства о начатіи мирныхъ переговоровъ съ большевиками была, какъ извѣстно, вручена уже не мнѣ, а моему преемнику по командованію Вооруженными силами Юга Россіи, генералу

Врангелю, отрицательный отвѣтъ котораго былъ въ свое время опубликованъ въ печати.

4. Мой уходъ съ поста главнокомандующаго былъ вызванъ сложными причинами, но никакой связи съ политикой лорда Керзона не имѣлъ.

Какъ раньше, такъ и теперь я считаю неизбѣжной и необходимой вооруженную борьбу съ большевиками до полнаго ихъ пораженія. Иначе не только Россія, но и вся Европа обратится въ развалины.

Для характеристики ген. Хольмана могу добавить: онъ просилъ меня разъяснить дополнительно въ «Таймсѣ», что «британскій военный представитель», предлагавшій перемиріе съ большевиками, былъ не ген. Хольманъ.

Я охотно исполнилъ желаніе человѣка, который, «познавъ истинную природу большевизма», готовъ былъ — какъ доносилъ онъ Черчилю — «скорѣе стать въ ряды армій Юга рядовымъ Добровольцемъ, чѣмъ вступить въ сношенія съ большевиками...»

* * *

Арміи катились отъ Кубани къ Новороссійску слишкомъ быстро, а на рейдѣ стояло слишкомъ мало судовъ...

Пароходы, занятые эвакуаціей бѣженцевъ и раненыхъ, подолгу простаивали въ иностранныхъ портахъ по карантиннымъ правиламъ и сильно запаздывали. Ставка и комиссія ген. Вязьмитинова, непосредственно вѣдавшая эвакуаціей, напрягали всѣ усилія къ сбору судовъ, встрѣчая въ этомъ большія препятствія. И Константинополь и Севастополь проявляли необычайную медлительность, подъ предлогомъ недостатка угля, неисправности механизмовъ и другихъ непреодолимыхъ обстоятельствъ.

Узнавъ о прибытіи главнокомандующаго на Востокѣ ген. Мильна и англійской эскадры адм. Сеймура въ Новороссійскъ, я 11 марта заѣхалъ въ поѣздъ ген. Хольмана, гдѣ встрѣтилъ и обоихъ англійскихъ начальниковъ. Очертивъ имъ общую обстановку и указавъ возможность катастрофическаго паденія обороны Новороссійска, я просилъ о содѣйствіи эвакуаціи англійскимъ флотомъ. Встрѣтилъ сочувствіе и готовность. Адм. Сеймуръ заявилъ, что по техническимъ условіямъ онъ можетъ принять на борты своихъ кораблей не болѣе 5—6 тысячъ человѣкъ. Тогда ген. Хольманъ сказалъ по-русски и перевелъ свою фразу по-англійски:

— Будьте спокойны. Адмиралъ добрый и великодушный человѣкъ. Онъ сумѣетъ справиться съ техническими трудностями и возьметъ много больше.

— Сдѣлаю все, что возможно, — отвѣтилъ Сеймуръ.

Адмиралъ своимъ сердечнымъ отношеніемъ къ участи бѣлаго воинства оправдывалъ вполнѣ данную ему Хольманомъ характеристику. Его обѣщанію можно было вѣрить, и эта помощь значительно облегчала наше тяжелое положеніе.

Суда, между тѣмъ, прибывали. Появилась надежда, что въ ближайшіе 4—8 дней намъ удастся поднять всѣ войска, желающія продолжать борьбу на территоріи Крыма. Комиссія Вязьмитинова назначила первые четыре транспорта частямъ Добровольческаго корпуса, одинъ пароходъ для кубанцевъ, остальные предназначались для Донской арміи.

12 марта утромъ ко мнѣ прибылъ ген. Сидоринъ. Онъ былъ подавленъ и смотрѣлъ на положеніе своей арміи совершенно безнадежно. Все развалилось, все текло, куда глаза глядятъ, никто бороться больше не хотѣлъ, въ Крымъ, очевидно, не пойдутъ. Донской командующій былъ озабоченъ главнымъ образомъ участью донскихъ офицеровъ, затерявшихся въ волнующейся казачьей массѣ. Имъ грозила смертельная опасность, въ случаѣ сдачи большевикамъ. Число ихъ

Сидоринъ опредѣлялъ въ 5 тысячъ. Я увѣрилъ его, что всѣ офицеры, которые смогутъ добраться до Новороссійска, будутъ посажены на суда.

Но, по мѣрѣ того, какъ подкатывала къ Новороссійску волна Донцовъ, положеніе выяснялось все болѣе и при томъ въ неожиданномъ для Сидорина смыслѣ: колебанія понемногу разсѣялись, и все донское воинство бросилось къ судамъ. Для чего — врядъ ли они тогда отдавали себѣ ясный отчетъ. Подъ напоромъ обращенныхъ къ нему со всѣхъ сторонъ требованій, ген. Сидоринъ измѣнилъ своей тактикѣ и въ свою очередь обратился къ Ставкѣ съ требованіемъ судовъ для всѣхъ частей — въ размѣрахъ явно невыполнимыхъ, какъ невыполнима вообще планомѣрная эвакуація войскъ, не желающихъ драться, ведомыхъ начальниками, переставшими повиноваться.

Между тѣмъ, Новороссійскъ, переполненный свыше всякой мѣры, ставшій буквально непроѣзжимъ, залитый человѣческими волнами, гудѣлъ, какъ разоренный улей. Шла борьба за «мѣсто на пароходѣ» — борьба за спасеніе... Много человѣческихъ драмъ разыгралось на стогнахъ города въ эти страшные дни. Много звѣринаго чувства вылилось наружу передъ лицомъ нависшей опасности, когда обнаженныя страсти заглушали совѣсть и человѣкъ человѣку становился лютымъ ворогомъ.

13 марта явился ко мнѣ ген. Кутеповъ, назначенный начальникомъ обороны Новороссійска, и доложилъ, что моральное состояніе войскъ, ихъ крайне нервное настроеніе не даютъ возможности оставаться долѣе въ городѣ, что ночью необходимо его оставить...

Суда продолжали прибывать, но ихъ все еще было недостаточно, чтобы поднять всѣхъ.

Ген. Сидоринъ вновь обратился съ рѣзкимъ требованіемъ транспортовъ. Я предложилъ ему три рѣшенія:

1. Занять сохранившимися донскими войсками ближайшіе подступы къ Новороссійску, чтобы выиграть дня два, въ которые несомнѣнно прибудутъ недостающіе транспорты.

Сидоринъ не хотѣлъ или не могъ этого сдѣлать. Точно также онъ отказался выставить на позиціи хотя бы сохранившую боеспособность учебную бригаду.

2. Повести лично свои части береговой дорогой на Геленджикъ—Туапсе [1]), куда могли быть свернуты подходившіе пароходы и направлены новые, послѣ разгрузки ихъ въ крымскихъ портахъ.

Сидоринъ не пожелалъ этого сдѣлать.

3. Наконецъ, можно было отдаться на волю судьбы, въ расчетѣ на тѣ транспорты, которые прибудутъ въ этотъ день и въ ночь на 14-е, а также на обѣщанную адмираломъ Сеймуромъ помощь англійскихъ судовъ.

Ген. Сидоринъ остановился на этомъ рѣшеніи, а подчиненнымъ ему начальникамъ, потомъ прессѣ, повѣдалъ объ учиненномъ главнымъ командованіемъ «предательствѣ Донского войска».

Эта версія, сопровождаемая вымышленными подробностями, была очень удобна, перекладывая весь одіумъ, всѣ личные грѣхи и послѣдствія развала казачьей арміи на чужую голову.

Вечеромъ 13-го штабъ главнокомандующаго, штабы Донской арміи и Донского атамана посажены были на пароходъ «Цесаревичъ Георгій». Послѣ этого я съ ген. Романовскимъ и нѣсколькими чинами штаба перешли на русскій миноносецъ «Капитанъ Сакенъ».

---

[1]) Путь преграждало около 4 тыс. дезертировъ. См. гл. XXVI.

Посадка войскъ продолжалась всю ночь. Часть Добровольцевъ и нѣсколько полковъ Донцовъ, не попавшихъ на суда, пошли береговой дорогой на Геленджикъ.

* * *

Прошла безсонная ночь. Начало свѣтать. Жуткая картина. Я взошелъ на мостикъ миноносца, стоявшаго у пристани. Бухта опустѣла. На внѣшнемъ рейдѣ стояло нѣсколько англійскихъ судовъ, еще дальше виднѣлись неясные уже силуэты транспортовъ, уносящихъ русское воинство къ послѣднему клочку родной земли, въ неизвѣстное будущее...

Въ бухтѣ мирно стояли два французскихъ миноносца, повидимому, не знавшіе обстановки. Мы подошли къ нимъ. Въ рупоръ была передана моя просьба:

— Новороссійскъ эвакуированъ. Главнокомандующій проситъ васъ взять на бортъ сколько возможно изъ числа остающихся на берегу людей.

Миноносцы быстро снялись и ушли на внѣшній рейдъ...[1]).

Въ бухтѣ — одинъ только «Капитанъ Сакенъ».

На берегу у пристаней толпился народъ. Люди сидѣли на своихъ пожиткахъ, разбивали банки съ консервами, разогрѣвали ихъ, грѣлись сами у разведенныхъ тутъ же костровъ. Это бросившіе оружіе — тѣ, которые не искали уже выхода. У большинства спокойное, тупое равнодушіе — отъ всего пережитаго, отъ утомленія, отъ духовной прострацiи. Временами слышались изъ толпы крики отдѣльныхъ людей, просившихъ взять ихъ на бортъ. Кто они, какъ ихъ выручить изъ сжимающей ихъ толпы?.. Какой-то офицеръ съ сѣвернаго мола громко звалъ на помощь, потомъ бросился въ воду и поплылъ къ миноносцу. Спустили шлюпку и благополучно подняли его. Вдругъ замѣчаемъ — на пристани выстроилась подчеркнуто стройно какая-то воинская часть. Глаза людей съ надеждой и мольбой устремлены на нашъ миноносецъ. Приказываю подойти къ берегу. Хлынула толпа...

— Миноносецъ беретъ только вооруженныя команды...

Погрузили сколько возможно было людей и вышли изъ бухты. По дорогѣ, недалеко отъ берега, въ открытомъ морѣ покачивалась на свѣжей волнѣ огромная баржа, выведенная и оставленная тамъ какимъ-то пароходомъ. Сплошь, до давки, до умопомраченія забитая людьми. Взяли ее на буксиръ и подвели къ англійскому броненосцу.

Адмиралъ Сеймуръ выполнилъ свое обѣщаніе: англійскія суда взяли значительно больше, чѣмъ было обѣщано.

Очертанія Новороссійска выдѣлялись еще рѣзко и отчетливо. Что творилось тамъ?.. Какой-то миноносецъ повернулъ вдругъ обратно и полнымъ ходомъ полетѣлъ къ пристанямъ. Бухнули орудія, затрещали пулеметы: миноносецъ вступилъ въ бой съ передовыми частями большевиковъ, занявшими уже городъ. Это былъ «Пылкій», на которомъ ген. Кутеповъ, получивъ свѣдѣніе, что не погруженъ еще 3-й Дроздовскій полкъ, прикрывавшій посадку, пошелъ на выручку.

Потомъ все стихло. Контуры города, берега и горъ обволакивались туманомъ, уходя въ даль... въ прошлое.

Такое тяжелое, такое мучительное.

[1]) Позднѣе они приняли участіе въ спасеніи людей, шедшихъ береговой дорогой, южнѣе Новороссійска.

ГЛАВА XXXIX.

Судьба войскъ, оставшихся на Сѣверномъ Кавказѣ, и Каспійской флотиліи. Упраздненіе Южнаго правительства. Послѣдніе дни въ Крыму. Оставленіе мною поста главнокомандующаго В. С. Ю. Р.

Грозныя недавно Вооруженныя силы Юга распались.

Части, двинувшіяся берегомъ моря на Геленджикъ, при первомъ же столкновеніи съ отрядомъ дезертировъ, занимавшихъ Кабардинскую, не выдержали, замитинговали и разсѣялись. Небольшая часть ихъ была подобрана судами, остальные ушли въ горы или передались большевикамъ.

Части Кубанской арміи и 4-го Донского корпуса, вышедшія горами къ берегу Чернаго моря, расположились между Туапсе и Сочи, въ раіонѣ, лишенномъ продовольствія и фуража, въ обстановкѣ чрезвычайно тяжелой. Надежды кубанцевъ на зеленыхъ и на помощь грузинъ не оправдались. Кубанская Рада, правительство и атаманъ Букретовъ, добивавшійся командованія войсками [1]), требовали полнаго разрыва съ «Крымомъ» и склонялись къ заключенію мира съ большевиками; военные начальники категорически противились этому. Эта распря и полная дезорганизація верховъ вносила еще большую смуту въ казачью массу, окончательно запутавшуюся въ поискахъ выхода и путей къ спасенію.

Свѣдѣнія о разложеніи, колебаніяхъ и столкновеніяхъ въ частяхъ, собравшихся на Черноморскомъ побережьи, приходили въ Феодосію и вызывали мучительныя сомнѣнія: какъ быть съ ними дальше? Эти сомнѣнія волновали Ставку и раздѣлялись казачьими кругами. Ставка указывала перевозить только вооруженныхъ и желающихъ драться. Донскіе правители смотрѣли болѣе пессимистично: на бурномъ засѣданіи ихъ въ Феодосіи рѣшено было воздержаться пока вовсе отъ перевозки Донцовъ въ Крымъ. Мотивами этого рѣшенія были — съ одной стороны развалъ частей, съ другой — опасеніе за прочность Крыма («ловушка»). Такое неопредѣленное положеніе доно-кубанскихъ корпусовъ на побережьи длилось послѣ моего ухода еще около мѣсяца, завершившись трагически: кубанскій атаманъ Букретовъ черезъ ген. Морозова заключилъ договоръ съ совѣтскимъ командованіемъ о сдачѣ арміи большевикамъ и самъ скрылся въ Грузію. Большая часть войскъ сдалась дѣйствительно, меньшая успѣла переправиться въ Крымъ [2]).

Въ началѣ марта начался исходъ съ Сѣвернаго Кавказа. Войска и бѣженцы [3]) потянулись на Владикавказъ, откуда въ десятыхъ числахъ марта по Военно-Грузинской дорогѣ перешли въ Грузію. Обезоруженныя грузинами войска и бѣженцы были интернированы потомъ въ Потійскомъ лагерѣ.

Еще восточнѣе, берегомъ Каспійскаго моря отходилъ на Петровскъ астраханскій отрядъ ген. Драценко. Отрядъ этотъ сѣлъ 16 марта въ Петровскѣ на суда и совмѣстно съ Каспійской военной флотиліей пошелъ въ Баку. Ген. Драценко и команд. флотиліей, адм. Сергѣевъ заключили условіе съ азербейджанскимъ правительствомъ, въ силу котораго, цѣною передачи Азербейджану оружія и матеріальной части, войскамъ разрѣшенъ былъ проходъ въ Поти. Военная флотилія, не подымая азербейджанскаго флага и сохраняя свое внутреннее управленіе, принимала на себя береговую оборону. Но когда суда начали входить въ гавань,

---

[1]) Командованіе было объединено въ рукахъ командира куб. корпуса ген. Писарева, которому подчинялся и 4-й донской корпусъ.

[2]) По даннымъ ставки ген. Врангеля изъ 27 тыс. перевезено было около 12 тыс.

[3]) Войскъ около 7 тыс., бѣженцевъ 3—5 тыс.

обнаружился обманъ: азербейджанское правительство заявило, что лицо, подписавшее договоръ, не имѣло на то полномочій, и потребовало безусловной сдачи. На этой почвѣ во флотѣ началось волненіе; адм. Сергѣевъ, отправившійся въ Батумъ, чтобы оттуда войти въ связь со Ставкой, былъ объявленъ офицерами низложеннымъ, и суда подъ командой капитана 2-го ранга Бушена ушли въ Энзели, съ цѣлью отдаться тамъ подъ покровительство англичанъ. Англійское командованіе, не желая столкновенія съ большевиками, предложило командамъ судовъ считаться интернированными и распорядилось снять части орудій и машинъ. И когда большевики вслѣдъ за тѣмъ сдѣлали внезапную высадку, сильный англійскій отрядъ, занимавшій Энзели, обратился въ поспѣшное отступленіе; къ англичанамъ вынуждены были присоединиться и наши флотскія команды. Одинъ изъ участниковъ этого отступленія, русскій офицеръ писалъ впослѣдствіи о чувствѣ нѣкотораго моральнаго удовлетворенія, которое испытывали «мы — жалкіе и безпомощные среди англичанъ» при видѣ того, какъ «передъ кучкой большевиковъ, высадившихся и перерѣзавшихъ дорогу въ囘ештъ, войска сильной, могущественной британской арміи драпали вмѣстѣ съ нами . . .»

Рухнуло государственное образованіе Юга, и осколки его, разбросанные далеко, катились отъ Каспія до Чернаго моря, увлекая людскія волны. Рухнулъ оплотъ, прикрывавшій съ сѣвера эфемерныя «государства», неустанно подтачивавшія силы Юга, и разительно ясно обнаружилась вся немощность и нежизнеспособность ихъ... Въ нѣсколько дней пала «Черноморская республика» зеленыхъ, не болѣе недѣли просуществовалъ «Союзъ горскихъ народовъ», вскорѣ сметенъ былъ и Азербейджанъ. Наступалъ чередъ Грузинской республики, бытіе которой по соображеніямъ общей политики допускалось совѣтской властью еще нѣкоторое время.

* * *

На маленькомъ Крымскомъ полуостровѣ сосредоточилось все, что осталось отъ Вооруженныхъ силъ Юга.

Армія, ставшая подъ непосредственное мое командованіе, сведена была въ три корпуса (Крымскій, Добровольческій, Донской), сводную кавалерійскую дивизію и сводную кубанскую бригаду. Всѣ остальныя части, команды, штабы и учрежденія, собравшіеся въ Крымъ со всей бывшей территоріи Юга, подлежали расформированію, при чемъ весь боеспособный личный составъ ихъ пошелъ на укомплектованіе дѣйствующихъ войскъ. Крымскій корпусъ силою около 5 тыс. попрежнему прикрывалъ перешейки. Керченскій раіонъ обезпечивался отъ высадки со стороны Тамани сводньмъ отрядомъ въ 1½ тыс. [1]). Всѣ прочія части расположены были въ резервѣ на отдыхъ: Добровольческій корпусъ въ раіонѣ Севастополя—Симферополя, Донцы — въ окрестностяхъ Евпаторіи.

Ставку я расположилъ временно въ тихой Феодосіи, вдали отъ кипящаго страстями Севастополя.

Ближайшая задача, возложенная на армію, заключалась въ оборонѣ Крыма.

Армія насчитывала въ своихъ рядахъ 35—40 тыс. бойцовъ, имѣла на вооруженіи 100 орудій и до 500 пулеметовъ. Но была потрясена морально, и войска, прибывшія изъ Новороссійска, лишены были матеріальной части, лошадей, обозовъ и артиллеріи. Добровольцы пришли поголовно вооруженными, привезли съ собой всѣ пулеметы и даже нѣсколько орудій; Донцы прибыли безоружными.

[1]) Сводная куб. бригада, свод. Алексѣевск. бр., Корниловская юнкерская школа.

Съ перваго же дня началась спѣшная работа по реорганизаціи, укомплектованію и снабженію частей. Нѣкоторый отдыхъ успокаивалъ возбужденные до крайности нервы.

До тѣхъ поръ, въ теченіе 1½ года, части были разбросаны по фронту на огромныя разстоянія, почти не выходя изъ боя. Теперь сосредоточенное расположеніе крупныхъ войсковыхъ соединеній открывало возможность непосредственнаго и близкаго воздѣйствія старшихъ начальниковъ на войска.

Противникъ занималъ сѣверные выходы изъ Крымскихъ перешейковъ по линіи Геническъ—Чонгарскій мостъ—Сивашъ—Перекопъ. Силы его были не велики (5—6 тыс.), а присутствіе въ тылу отрядовъ Махно и другихъ повстанческихъ бандъ сдерживали его наступательный порывъ. Со стороны Таманскаго полуострова большевики никакой активности не проявляли.

Движеніе главныхъ силъ Юга къ берегамъ Чернаго моря совѣтскимъ командованіемъ расцѣнивалось, какъ послѣдній актъ борьбы. Свѣдѣнія о состояніи нашихъ войскъ, о мятежахъ, подымаемыхъ войсками и начальниками — весьма преувеличенныя — укрѣпляли большевиковъ въ убѣжденіи, что бѣлую армію, припертую къ морю, ждетъ неминуемая и конечная гибель. Поэтому операція переброски значительныхъ силъ въ Крымъ, готовность и возможность продолжать тамъ борьбу явились для совѣтскаго командованія полнѣйшей неожиданностью.

На Крымъ не было обращено достаточно вниманія, и за эту оплошность совѣтская власть поплатилась впослѣдствіи дорогою цѣной.

* * *

Необходимо было упорядочить и реорганизовать гражданское управленіе, слишкомъ громоздкое для Крыма.

Южно-русское правительство Мельникова, прибывъ въ Севастополь, попало сразу въ атмосферу глубокой и органической враждебности, парализовавшей всякую его дѣятельность. Правительство — по своему генезису, какъ созданное въ результатѣ соглашенія съ Верховнымъ Кругомъ — уже по этой причинѣ было одіозно и вызывало большое раздраженіе, готовое вылиться въ дикія формы.

Поэтому, съ цѣлью предотвращенія нежелательныхъ эксцессовъ, я рѣшилъ упразднить Южное правительство еще до своего ухода. 16 марта я отдалъ приказъ объ упраздненіи совѣта министровъ. Взамѣнъ его поручалось М. В. Бернацкому организовать «сокращенное численно, дѣловое учрежденіе, вѣдающее дѣлами общегосударственными и руководствомъ мѣстныхъ органовъ». Приказъ подтверждалъ, что «общее направленіе внѣшней и внутренней политики останется незыблемымъ на началахъ, провозглашенныхъ мною 16 января въ г. Екатеринодарѣ».

На членовъ правительства этотъ неожиданный для нихъ приказъ произвелъ весьма тягостное впечатлѣніе... Форму не оправдываю, но сущность реорганизаціи диктовалась явной необходимостью и личной безопасностью министровъ.

Въ тотъ же день, 16-го, члены правительства на предоставленномъ имъ пароходѣ выѣхали изъ Севастополя и передъ отъѣздомъ въ Константинополь заѣхали въ Феодосію проститься со мной. Послѣ краткаго слова Н. М. Мельникова, ко мнѣ обратился Н. В. Чайковскій:

— Позвольте Васъ, генералъ, спросить: что Васъ побудило совершить государственный переворотъ?

Меня удивила такая постановка вопроса — послѣ разрыва съ Верховнымъ Кругомъ и, главное, послѣ того катастрофическаго «переворота», который разразился надъ всѣмъ бѣлымъ Югомъ...

— Какой тамъ переворотъ! Я васъ назначилъ и я васъ освободилъ отъ обязанностей — вотъ и все.

Послѣ этого Ф. С. Сушковъ указалъ на «ошибочность моего шага»: за нѣсколько дней своего пребыванія въ Крыму правительство, по его словамъ, заслужило признаніе не только общественныхъ круговъ, но и военной среды. Такъ что все предвѣщало возможность плодотворной работы его...

— Къ сожалѣнію, у меня совершенно противоположныя свѣдѣнія. Вы, повидимому, не знаете, что творится кругомъ. Во всякомъ случаѣ, черезъ нѣсколько дней все случившееся станетъ вамъ яснымъ...

* * *

Покидалъ свой постъ ген. Хольманъ — неизмѣнный доброжелатель Арміи. Въ своемъ прощальномъ словѣ онъ говорилъ: «... съ глубочайшимъ сожалѣніемъ я уѣзжаю изъ Россіи. Я надѣялся оставаться съ Вами до конца борьбы, но получилъ приказаніе ѣхать въ Лондонъ для доклада своему правительству о положеніи... Не думайте, что я покидаю друга въ бѣдѣ. Я надѣюсь, что смогу принести Вамъ большую пользу въ Англіи... Я уѣзжаю съ чувствомъ глубочайшаго уваженія и сердечной дружбы къ вашему главнокомандующему и съ усилившимся рѣшеніемъ остаться вѣрнымъ той кучкѣ храбрыхъ и честныхъ людей, которые вели тяжелую борьбу за свою родину въ продолженіи двухъ лѣтъ...»

При новой политикѣ Лондона ген. Хольманъ былъ бы дѣйствительно не на мѣстѣ.

Разставался я и со своимъ вѣрнымъ другомъ И. П. Романовскимъ. Освобождая его отъ должности начальника штаба, я писалъ въ приказѣ:

> «Безпристрастная исторія оцѣнитъ беззавѣтный трудъ этого храбрѣйшаго воина, рыцаря долга и чести и безпредѣльно любящаго Родину солдата и гражданина.
>
> Исторія заклеймитъ презрѣніемъ тѣхъ, кто по своекорыстнымъ побужденіямъ ткалъ паутину гнусной клеветы вокругъ честнаго и чистаго имени его.
>
> Дай Богъ Вамъ силъ, дорогой Иванъ Павловичъ, чтобы при болѣе здоровой обстановкѣ продолжать тяжкій трудъ государственнаго строительства».

На мѣсто ген. Романовскаго начальникомъ штаба я назначилъ состоявшаго въ должности ген.-квартирмейстера, ген. Махрова.

Хольманъ, предполагавшій выѣхать въ ближайшій день въ Константинополь, предложилъ Ивану Павловичу ѣхать съ нимъ вмѣстѣ.

Рвались нити, связывавшія съ прошлымъ, становилось пусто вокругъ...

* * *

Поздно вечеромъ, 19-го, въ Феодосію пріѣхалъ ген. Кутеповъ по важному дѣлу. Онъ доложилъ:

> «Когда я прибылъ въ Севастополь, то на пристани офицеръ, присланный отъ ген. Слащева, доложилъ мнѣ, что за мной присланъ вагонъ съ паровозомъ и что ген. Слащевъ проситъ меня прибыть къ нему немедленно. Въ этомъ вагонѣ около 8 часовъ вечера я прибылъ въ Джанкой, гдѣ на платформѣ меня встрѣтилъ ген. Слащевъ и просилъ пройти къ нему въ вагонъ. Послѣ легкаго

ужина, по просьбѣ Слащева я прошелъ къ нему въ купэ и тамъ онъ мнѣ очень длинно сталъ разсказывать о томъ недовольствѣ въ войскахъ его корпуса главнокомандующимъ и о томъ, что такое настроеніе царитъ среди всего населенія, въ частности среди заявившихъ ему объ этомъ армянъ и татаръ, въ духовенствѣ, а также во флотѣ и, якобы, среди чиновъ моего корпуса; и что 23-го марта предположено собрать совѣщаніе изъ представителей духовенства, арміи, флота и населенія для обсужденія создавшагося положенія и что, вѣроятно, это совѣщаніе рѣшитъ обратиться къ генералу Деникину съ просьбой о сдачѣ имъ командованія. Затѣмъ онъ прибавилъ, что, въ виду моего прибытія теперь на территорію Крыма, онъ полагаетъ необходимымъ и мое участіе въ этомъ совѣщаніи.

На это я ему отвѣтилъ, что относительно настроенія моего корпуса онъ ошибается. Участвовать въ какомъ-либо совѣщаніи безъ разрѣшенія главнокомандующаго я не буду и, придавая огромное значеніе всему тому, что онъ мнѣ сказалъ, считаю необходимымъ обо всемъ этомъ немедленно доложить генералу Деникину. Послѣ этихъ моихъ словъ я всталъ и ушелъ.

Выйдя на платформу, я сѣлъ въ поѣздъ и приказалъ везти себя въ Феодосію».

То, что я услышалъ, меня не удивило.

Генералъ Слащевъ велъ эту работу не первый день и не въ одномъ направленіи, а сразу въ четырехъ. Онъ посылалъ гонцовъ къ барону Врангелю, убѣждая его «соединить наши имена» (т. е. Врангеля и Слащева) и при посредствѣ герцога С. Лейхтенбергскаго входилъ въ связь по этому вопросу съ офицерскими флотскими кругами. Въ сношеніяхъ своихъ съ правой, главнымъ образомъ, общественностью, онъ старался направить ея выборъ въ свою личную пользу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, черезъ ген. Боровскаго, онъ входилъ въ связь съ генералами Сидоринымъ, Покровскимъ, Юзефовичемъ и уславливался съ ними о днѣ и мѣстѣ совѣщанія для устраненія главнокомандующаго. Въ чью пользу — умалчивалось, такъ какъ первые двое были антагонистами Врангеля и не имѣли также желанія возглавить себя Слащевымъ. Наконецъ, одновременно, чуть ли не ежедневно Слащевъ телеграфировалъ въ Ставку, съ просьбой разрѣшить ему прибыть ко мнѣ для доклада и высказывалъ «глубокое огорченіе», что его не пускаютъ къ «своему главнокомандующему...»

Ген. Сидоринъ усиленно проводилъ взглядъ «о предательствѣ Дона« и телеграфировалъ донскому атаману, что этотъ взглядъ раздѣляютъ «всѣ старшіе начальники и всѣ казаки». Онъ рѣшилъ «вывести Донскую армію изъ предѣловъ Крыма и того подчиненія, въ которомъ она сейчасъ находится» и требовалъ немедленнаго прибытія атамана и правительства въ Евпаторію «для принятія окончательнаго рѣшенія...» [1]).

Я зналъ уже и о той роли, которую игралъ въ поднявшейся смутѣ епископъ Веніаминъ, возглавившій оппозицію крайнихъ правыхъ; но — до какихъ предѣловъ доходило его рвеніе, мнѣ стало извѣстнымъ только нѣсколько лѣтъ спустя... На другой день послѣ прибытія Южнаго правительства въ Севастополь, преосвященный явился къ предсѣдателю его. Объ этомъ посѣщеніи Н. М. Мельниковъ разсказываетъ:

«Епископъ Веніаминъ сразу началъ говорить о томъ, что «во имя спасенія Россіи» надо заставить ген. Деникина сложить власть и передать ее ген. Врангелю, ибо только онъ — по мнѣнію епископа и его друзей — можетъ спасти въ данныхъ условіяхъ Родину. Епископъ добавилъ, что у нихъ, въ сущности, все уже готово къ тому, чтобы осуществить намѣченную перемѣну, и что онъ счи-

---

[1]) Телеграмма 18 марта отъ Сидорина ген. Богаевскому.

таетъ своимъ долгомъ обратиться по этому дѣлу ко мнѣ лишь для того, чтобы по возможности не вносить лишняго соблазна въ массу и подвести легальныя подпорки подъ «ихъ» предпріятіе, ибо, если Южно-русское правительство санкціонируетъ задуманную перемѣну, все пройдетъ гладко, «законно»...

Епископъ Веніаминъ добавилъ, что согласится Южно-русское правительство или не согласится — дѣло все равно сдѣлано будетъ...

Это приглашеніе принять участіе въ переворотѣ, сдѣланное притомъ епископомъ, было такъ неожиданно для меня, тогда еще впервые видѣвшаго заговорщика въ рясѣ, и такъ меня возмутило, что я, поднявшись, прекратилъ дальнѣйшія изліянія епископа».

Епископъ Веніаминъ посѣтилъ затѣмъ мин. вн. дѣлъ В. Ф. Зеелера, которому также въ теченіи полутора часа внушалъ мысль о необходимости переворота:

«Все равно съ властью Деникина покончено, его сгубилъ тотъ курсъ политики, который отвратенъ русскому народу. Послѣдній давно уже жаждетъ «хозяина земли русской» и мѣшать этому, теперь уже вполнѣ созрѣвшему порыву не слѣдуетъ. Нужно всячески этому содѣйствовать — это будетъ и Богу угодное дѣло. Все готово: готовъ къ этому и ген. Врангель и вся та партія патріотически настроенныхъ дѣйствительныхъ сыновъ своей Родины, которая находится въ связи съ ген. Врангелемъ. При чемъ ген. Врангель — тотъ Божіей милостью диктаторъ, изъ рукъ котораго и получитъ власть и царство помазанникъ...

Епископъ былъ такъ увлеченъ поддержкой разговора, что пересталъ сохранять сдержанность и простую осторожность и дошелъ до того, что готовъ былъ тутъ же ждать отъ правительства рѣшеній немедленныхъ» [1]).

Сидоринъ, Слащевъ, Веніаминъ... все это, въ сущности, меня уже мало интересовало.

Я спросилъ ген. Кутепова о настроеніи Добровольческихъ частей.

Онъ отвѣтилъ, что одна дивизія вполнѣ прочная, въ другой настроеніе удовлетворительное, въ двухъ — не благополучно. Критикуя наши неудачи, войска, главнымъ образомъ, обвиняютъ въ нихъ ген. Романовскаго. Кутеповъ высказалъ свое мнѣніе, что необходимо принять спѣшныя мѣры противъ собирающагося совѣщанія и лучше всего вызвать ко мнѣ старшихъ начальниковъ съ тѣмъ, чтобы они сами доложили мнѣ о настроеніи войскъ.

Я взглянулъ на дѣло иначе: настало время выполнить мое рѣшеніе. Довольно.

Въ ту же ночь, совмѣстно съ начальникомъ штаба, ген. Махровымъ, я составилъ секретную телеграмму — приказаніе о сборѣ начальниковъ на 21 марта въ Севастополь на Военный Совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ ген. Драгомирова, «для избранія преемника главнокомандующему Вооруженными силами Юга Россіи». Въ число участниковъ я включилъ и находившихся не у дѣлъ, извѣстныхъ мнѣ претендентовъ на власть и наиболѣе активныхъ представителей оппозиціи. Въ составъ Совѣта должны были войти: «Командиры Добровольческаго (Кутеповъ) и Крымскаго (Слащевъ) корпусовъ и ихъ начальники дивизій. Изъ числа командировъ бригадъ и полковъ — половина (отъ Крымскаго корпуса, въ силу боевой обстановки, норма можетъ быть меньше). Должны прибыть также: коменданты крѣпостей, командующій флотомъ, его начальникъ штаба, начальники морскихъ управленій, четыре старшихъ строевыхъ начальника флота. Отъ Донского корпуса — генералы Сидоринъ, Кельчевскій и шесть лицъ въ составѣ генераловъ и командировъ полковъ. Отъ штаба главнокомандующаго — начальникъ штаба, дежурный генералъ, начальникъ военнаго управленія и персонально

---

1) Изъ записки В. Ф. Зеелера.

генералы: Врангель, Богаевскій, Улагай, Шиллингъ, Покровскій, Боровскій, Ефимовъ, Юзефовичъ и Топорковъ».

Къ предсѣдателю Военнаго Совѣта, я обратился съ письмомъ [1]):

«Многоуважаемый
Абрамъ Михайловичъ!

Три года россійской смуты я велъ борьбу, отдавая ей всѣ свои силы и неся власть, какъ тяжкій крестъ, ниспосланный судьбою.

Богъ не благословилъ успѣхомъ войскъ, мною предводимыхъ. И хотя вѣра въ жизнеспособность Арміи и въ ея историческое призваніе мною не потеряна, но внутренняя связь между вождемъ и Арміей порвана. И я не въ силахъ болѣе вести ее.

Предлагаю Военному Совѣту избрать достойнаго, которому я передамъ преемственно власть и командованіе.

Уважающій Васъ А. Деникинъ».

* * *

Слѣдующіе два, три дня прошли въ бесѣдахъ съ преданными мнѣ людьми, приходившими съ цѣлью предотвратить мой уходъ. Они терзали мнѣ душу, но измѣнить моего рѣшенія не могли.

Военный Совѣтъ собрался, и утромъ 22-го я получилъ телеграмму ген. Драгомирова:

«Военный Совѣтъ призналъ невозможнымъ рѣшать вопросъ о преемникѣ Главкома, считая это прецендентомъ выборнаго начальства, и постановилъ просить Васъ единолично указать таковаго. При обсужденіи Добровольческій корпусъ и Кубанцы заявили, что только Васъ желаютъ имѣть своимъ начальникомъ и отъ указанія преемника отказываются. Донцы отказались давать какія-либо указанія о преемникѣ, считая свое представительство слишкомъ малочисленнымъ, не соотвѣтствующимъ боевому составу, который они опредѣляютъ въ 4 дивизіи. Генералъ Слащевъ отказался давать мнѣніе за весь свой корпусъ, отъ котораго могли прибыть только три представителя, и вечеромъ просилъ разрѣшенія отбыть на позиціи, что ему и было разрѣшено. Только представители флота указали преемникомъ генерала Врангеля. Несмотря на мои совершенно категорическія заявленія, что Вашъ уходъ рѣшенъ безповоротно, вся сухопутная армія ходатайствуетъ о сохраненіи Вами главнаго командованія, ибо только на Васъ полагаются и безъ Васъ опасаются за распадъ Арміи; всѣ желали бы Вашего немедленнаго прибытія сюда для личнаго предсѣдательствованія въ Совѣтѣ, но меньшаго состава. Въ воскресенье въ полдень назначилъ продолженіе засѣданія, къ каковому прошу Вашего отвѣта для доклада Военсовѣту.

Драгомировъ».

Я считалъ невозможнымъ измѣнить свое рѣшеніе и ставить судьбы Юга въ зависимость отъ временныхъ, мѣняющихся, какъ мнѣ казалось, настроеній. Генералу Драгомирову я отвѣтилъ:

«Разбитый нравственно, я ни одного дня не могу оставаться у власти. Считаю уклоненіе отъ подачи мнѣ совѣта генералами Сидоринымъ и Слащевымъ недопустимымъ. Число собравшихся безразлично. Требую отъ Военнаго Совѣта исполненія своего долга. Иначе Крымъ и Армія будутъ ввергнуты въ анархію.

Повторяю, что число представителей совершенно безразлично. Но, если Донцы считаютъ нужнымъ, допустите число членовъ сообразно ихъ организаціи».

---

[1]) 20 марта, № 145/м.

Въ тотъ же день получена мною въ отвѣтъ телеграмма ген. Драгомирова:

«Высшіе начальники до командировъ корпусовъ включительно единогласно остановились на кандидатурѣ ген. Врангеля. Во избѣжаніе треній въ общемъ собраніи, означенные начальники просятъ Васъ прислать ко времени открытія общаго собранія, къ 18 часамъ, Вашъ приказъ о назначеніи, безъ ссылки на избраніе Военнымъ Совѣтомъ».

Я приказалъ справиться — былъ ли ген. Врангель на этомъ засѣданіи и извѣстно ли ему объ этомъ постановленіи и, получивъ утвердительный отвѣтъ, отдалъ свой послѣдній приказъ Вооруженнымъ силамъ Юга:

§ 1.

«Генералъ-Лейтенантъ баронъ Врангель назначается Главнокомандующимъ Вооруженными силами Юга Россіи.

§ 2.

Всѣмъ, шедшимъ честно со мною въ тяжкой борьбѣ — низкій поклонъ. Господи, дай побѣду Арміи и спаси Россію.

Генералъ Деникинъ».

ГЛАВА XL.

Военный совѣтъ. Мой отъѣздъ. Константинопольская драма.

О томъ, что происходило на Военномъ Совѣтѣ, я узналъ лишь много времени спустя. Я думаю, что тогда и ген. Кутеповъ и я не вполнѣ вѣрно оцѣнивали Добровольческія настроенія.

Приведу описаніе этихъ событій, составленное однимъ изъ участниковъ и нашедшее подтвержденіе со стороны другихъ членовъ Совѣта [1]):

«Въ день Совѣта было назначено въ 2 часа дня собраніе старшихъ начальниковъ дивизіи на квартирѣ у ген. Витковскаго, на которое долженъ былъ пріѣхать въ 3 часа ген. Кутеповъ. На совѣщаніи у ген. Витковскаго было единогласно рѣшено просить ген. Деникина остаться у власти, такъ какъ всѣ мы не могли мыслить объ иномъ главнокомандующемъ. Заявленіе ген. Кутепова о томъ, что ген. Деникинъ твердо рѣшилъ оставить свой постъ, не измѣнило общаго единодушнаго рѣшенія. У всѣхъ насъ было впечатлѣніе, что ген. Деникинъ пришелъ къ своему рѣшенію вслѣдствіе какого-то разногласія, интригъ и выраженнаго ему недовѣрія. Всѣмъ намъ непонятно было — почему ген. Кутеповъ не поддерживалъ насъ въ нашемъ рѣшеніи, но, наоборотъ, настаивалъ на томъ, что наше рѣшеніе ничего не измѣнитъ, такъ какъ онъ знаетъ о твердомъ рѣшеніи генерала Деникина. Намъ было совершенно непонятно поведеніе ген. Кутепова, а потому большинство ушло съ засѣданія непріязненно настроенными противъ него [2]).

Ген. Кутеповъ, уѣзжая съ засѣданія у ген. Витковскаго, приказалъ собраться во дворцѣ на назначенный вечеромъ того дня Военный Совѣтъ на 1½ часа раньше, съ тѣмъ, чтобы устроить передъ началомъ Военнаго Совѣта предварительное совѣщаніе старшихъ начальниковъ Добровольческаго корпуса.

Кстати скажу, что такъ какъ въ воздухѣ было тревожно, то рѣшено было принять нѣкоторыя мѣры, которыя выразились въ слѣдующемъ: отъ нашихъ полковъ и артиллерійской бригады были назначены усиленные патрули, въ осо-

---

[1]) Изъ записки ген. Ползикова.

[2]) Примѣчаніе ген. Кутепова: «Полагалъ необходимымъ подготовиться къ рѣшенію этого тяжелаго вопроса, поэтому считалъ нужнымъ предупредить старшихъ начальниковъ. Слухи и сплетни, къ сожалѣнію, и тогда создавали настроеніе начальниковъ».

бенности на улицахъ, примыкающихъ ко дворцу. На мѣстахъ квартированія были назначены дежурныя части, которыя должны были бодрствовать въ полной готовности и имѣли связныхъ — быстроходовъ во дворцѣ. У главнаго входа дворца стояли команды пулеметчиковъ. Такія же команды были скрытно размѣщены внутри сосѣднихъ дворовъ. Во дворѣ дворца скрытно размѣщалась офицерская рота.

На предварительномъ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ ген. Кутепова всѣ начальники единодушно высказали мысль о недопустимости оставленія ген. Деникинымъ своего поста, настаивали на выраженіи ему полнаго довѣрія и о принятіи всѣхъ мѣръ, чтобы упросить его не оставлять своего поста. Рѣшено было оказать соотвѣтствующее вліяніе на остальныхъ участниковъ Военнаго Совѣта, съ тѣмъ, чтобы Военный Совѣтъ просилъ бы и даже умолялъ генерала Деникина не покидать свой постъ.

Ген. Кутеповъ сидѣлъ грустный, какъ бы подавленный, и неоднократно заявлялъ о твердомъ рѣшеніи генерала Деникина. Привыкнувъ видѣть въ генералѣ Кутеповѣ начальника энергичнаго, настойчиваго и рѣшительнаго, мы недоумѣвали его пассивности. Невольно вспомнились слухи о его неладахъ съ ген. Деникинымъ и о «подкапываніи». Это было совершенно неправдоподобно, но тѣмъ не менѣе не было объясненій молчаливому, пассивному, а потому непонятному поведенію ген. Кутепова. Никто изъ насъ не понялъ тогда, какъ ему было тяжело. Мы не могли понять, что ему дѣйствительно было извѣстно твердое и непреклонное рѣшеніе ген. Деникина, мы не понимали, что ген. Кутеповъ, всегда честный и прямой, зналъ, что не можетъ дать намъ надежду и, переживая гораздо острѣе и глубже все то, что мы переживали, не могъ сказать намъ ничего иного, какъ о твердомъ рѣшеніи ген. Деникина оставить свой постъ [1]).

Было рѣшено, на случай непреклонности ген. Деникина, выразить ему полное довѣріе и просить его самого назначить себѣ замѣстителя, признаніе котораго, естественно, будетъ для всѣхъ обязательнымъ.

Открывая засѣданіе, ген. Драгомировъ прочиталъ приказъ Главнокомандующаго о назначеніи Военнаго Совѣта. Затѣмъ была произведена повѣрка присутствующихъ на засѣданіи и установленіе ихъ права на участіе въ немъ.

Сейчасъ же по окончаніи повѣрки ген. Слащевъ заявилъ о томъ, что его корпусъ находится на фронтѣ, а потому онъ не могъ командировать на засѣданіе всѣхъ старшихъ начальниковъ, имѣющихъ право принять участіе въ немъ. Ген. Драгомировъ объявилъ, что это предусмотрѣно и оговорено въ приказѣ Главнокомандующаго. Ген. Слащевъ продолжалъ настаивать на томъ, что его корпусъ не имѣетъ на засѣданіи достаточнаго числа представителей для выявленія желаній и рѣшенія корпуса, что это является несправедливостью по отношенію къ доблестному корпусу, дольше всѣхъ отстаивающему послѣдній клокъ Бѣлой русской земли, и проч. Ген. Драгомировъ снова заявилъ, что онъ не имѣетъ права измѣнить приказъ главнокомандующаго, что для всѣхъ частей было назначено справедливое представительство, что число присутствующихъ отъ опредѣленнаго воинскаго соединенія не имѣетъ существеннаго значенія, разъ представительство отъ него все-таки есть, а, въ частности, касаясь 2-го корпуса, ясно, что его голосъ въ достаточной мѣрѣ будетъ сильнымъ въ лицѣ командира корпуса и присутствующихъ отъ корпуса представителей. Ген. Слащевъ снова съ большимъ волненіемъ старался доказать невыгодное и обойденное положеніе его корпуса въ то время, какъ 1-й корпусъ имѣетъ на засѣданіи обильное наличіе своихъ представителей. Ген. Кутеповъ заявилъ, что онъ согласенъ сократить число представителей отъ своего корпуса, если наличіе ихъ

---

[1]) Примѣчаніе ген. Кутепова: «Я отлично сознавалъ, что ген. Деникина замѣнить никто не можетъ, поэтому считалъ, что дѣло наше проиграно. Все это болѣзненно переносилъ; упрекалъ себя за посылку ген. Деникину телеграммы въ Новороссійскъ, такъ какъ полагалъ, что она, можетъ быть, имѣла значеніе при рѣшеніи ген. Деникина».

вызываетъ такой протестъ о нарушеніи справедливости. Ген. Драгомировъ снова заявилъ, что онъ не видитъ нарушенія справедливости по отношеніи какого-нибудь изъ воинскихъ соединеній, измѣнить приказъ главнокомандующаго онъ не смѣетъ и дальнѣйшее обсужденіе вопроса о представительствѣ на засѣданіи Военнаго Совѣта онъ прекращаетъ.

Вслѣдъ за тѣмъ ген. Драгомировъ объявилъ, что во исполненіе приказа Главнокомандующаго необходимо избрать ему замѣстителя. Ген. Слащевъ первымъ просилъ слова и весьма пространно говорилъ о необходимости установить порядокъ. Кромѣ ген. Слащева, говорили, какъ мнѣ помнится, ген. Махровъ и Вязьмитиновъ, заявляя о томъ, что имъ хорошо извѣстно о непреклонномъ рѣшеніи ген. Деникина уйти отъ власти. Ген. Слащевъ говорилъ нѣсколько разъ. Онъ говорилъ о недопустимости выборовъ «новаго главнокомандующаго», ссылаясь на уподобленіе Красной арміи, послѣ того, какъ старшіе покажутъ примѣръ «избранія». Горячо, прямолинейно, искренно, честно и хорошо говорилъ ген. Топорковъ. Со стороны Добровольческаго корпуса до сихъ поръ никто не говорилъ.

Ген. Драгомировъ приказалъ раздать бумагу и карандаши для закрытаго намѣченія замѣстителя Главнокомандующему. Тогда капитанъ 1 ранга[1]) просилъ слова, начавъ словами: «пути Господни неисповѣдимы», — произнесъ патетическую рѣчь о необходимости исполнить приказъ главнокомандующаго и назвать имя его замѣстителя, каковымъ является по убѣжденію чиновъ Черноморскаго флота ген. Врангель. Имя ген. Врангеля было названо офиціально на засѣданіи Совѣта, но въ частныхъ бесѣдахъ оно уже называлось.

Въ это время шло частное обсужденіе около ген. Витковскаго, который послѣ распоряженія ген. Драгомирова раздать бумагу, просилъ черезъ ген. Кутепова слова[2]) и энергично и настойчиво заявилъ о томъ, что онъ и чины Дроздовской дивизіи находятъ невозможнымъ для себя принять участіе въ выборахъ и категорически отъ этого отказываются. Послѣ словъ ген. Витковскаго сейчасъ же присоединились къ его заявленію начальники Корниловской, Марковской и Алексѣевской дивизій и другихъ частей Добровольческаго корпуса. Представители отъ дивизій поддерживали своихъ начальниковъ тѣмъ, что при ихъ заявленіи всѣ вставали. Ген. Драгомировъ въ строгой формѣ обратилъ вниманіе на недопустимость такого заявленія, такъ какъ оно составляетъ неисполненіе приказа Главнокомандующаго. Тогда ген. Витковскій возразилъ, что приказы Главнокомандующаго мы всегда исполняли и исполнимъ и теперь, что мы ему вполнѣ довѣряемъ и, если Главнокомандующій рѣшилъ сложить съ себя власть, то мы подчиняемся его рѣшенію и его назначенію себѣ замѣстителя. Но предварительно необходимо выразить Главнокомандующему довѣріе и просить его остаться у власти и немедленно довести до его свѣдѣнія о таковомъ постановленіи Военнаго Совѣта. Послѣ этихъ словъ кто-то изъ чиновъ Добровольческаго корпуса крикнулъ «въ честь его Высокопревосходительства Главнокомандующаго ген. Деникина—ура». Дружное и громкое «ура» долго оглашало зданіе дворца. Послѣ того, какъ оно кончилось и всѣ сѣли на свои мѣста, ген. Драгомировъ снова пытался доказать необходимость выполнить приказъ Главнокомандующаго, который Военнымъ Совѣтомъ не можетъ быть измѣненъ. Тогда ген. Витковскій и другіе чины Добровольческаго корпуса доказывали о необходимости доложить по прямому проводу ген. Деникину о настроеніи Военнаго Совѣта, о выраженіи ему довѣрія и просьбы остаться у власти. Ген. Драгомировъ на всѣ эти доводы возражалъ и не соглашался съ ними.

Всѣ были изрядно уставши, а потому къ нашей просьбѣ — сдѣлать небольшой перерывъ — охотно присоединились многіе другіе, и къ нашему удовольствію ген. Драгомировъ на это согласился, объявивъ перерывъ. Сейчасъ же мы

---

[1]) Нач. штаба Черноморскаго флота Рябининъ, впослѣдствіи перешедшій къ большевикамъ.

[2]) Прим. ген. Кутепова: «Первымъ выступилъ я, а послѣ ген. Витковскій».

(Добровольческій корпусъ) заняли одну изъ уединенныхъ и находящихся внизу комнатъ и рѣшили послать отъ себя срочную телеграмму ген. Деникину, въ которой выразить ему полное довѣріе и признательность и просить остаться у власти. Въ занятую нами комнату пришли нѣкоторые начальники, не принадлежавшіе къ Добровольческому корпусу, но вполнѣ раздѣлявшіе наши взгляды. Не помню — кто составлялъ телеграмму, въ общемъ она была составлена коллективно [1]).

Телеграмма сейчасъ же была отправлена на городской телеграфъ съ однимъ изъ нашихъ связныхъ съ приказаніемъ добиться немедленной ея отправки генералу Деникину. Телеграмма была принята, но своевременно отправлена не была, ибо, какъ выяснилось позже, проводъ со Ставкой былъ занятъ и было распоряженіе ген. Драгомирова никакихъ телеграммъ безъ его разрѣшенія не передавать.

По возобновленіи засѣданія Военнаго Совѣта ген. Драгомировъ изъявилъ согласіе послать телеграмму ген. Деникину и просилъ составить текстъ ея. На просьбу, обращенную къ ген. Драгомирову — переговорить съ ген. Деникинымъ немедленно по прямому проводу съ тѣмъ, чтобы послѣ этого закончить засѣданіе Военнаго Совѣта, ген. Драгомировъ категорически отказался.

На другой день засѣданіе долго не начиналось и мы въ недоумѣніи и съ разными предположеніями ходили по корридорамъ, заходили и въ большой залъ засѣданій, но постоянно видѣли двери въ комнату старшихъ начальниковъ плотно закрытыми; входъ въ эту комнату безъ разрѣшенія ген. Драгомирова не допускался. Неоднократно пытались узнать, когда начнется засѣданіе Совѣта и вообще состоится ли оно. Отвѣты получались самые расплывчатые и неувѣренные. Вызвать ген. Кутепова изъ комнаты старшихъ начальниковъ не удавалось. Ген. Витковскаго въ эту комнату не пропускали. Свѣдѣній объ отвѣтѣ ген. Деникина на посланную ему наканунѣ телеграмму никакихъ не было. Слагалось впечатлѣніе, что Военный Совѣтъ состоялся изъ высшихъ начальниковъ, а остальныхъ игнорировали. Полная неизвѣстность и неопредѣленность создавшагося положенія и отсутствіе хотя какихъ-либо объясненій сильно нервировали и вызывали недовольство генераломъ Драгомировымъ, упорство котораго на предыдущемъ засѣданіи породило противъ него много враговъ. Поэтому, черезъ нѣкоторое время настроеніе изъ нервнаго превратилось опредѣленно во враждебное противъ комнаты старшихъ начальниковъ. Но скоро оно было разсѣяно неожиданнымъ приходомъ группы новыхъ офицеровъ, сопровождавшихъ нѣсколькихъ англійскихъ офицеровъ. Дневное засѣданіе не было открыто, и отвѣтъ ген. Деникина не былъ объявленъ намъ. Намъ объявили, что прибыла делегація отъ англичанъ, что сдѣланные ими предложенія настолько необычайны и важны, что совершенно затемняютъ остроту переживаемыхъ событій, а потому высшіе начальники займутся обсужденіемъ англійскихъ предложеній, а засѣданіе Совѣта назначено на 8 часовъ вечера этого же дня.

Также прошелъ слухъ, что пріѣхалъ въ Севастополь ген. Врангель, который будетъ присутствовать на вечернемъ засѣданіи Военнаго Совѣта.

Когда мы прибыли на это засѣданіе и въ ожиданіи его открытія блуждали по корридорамъ и комнатамъ дворца, то черезъ нѣкоторое время замѣтили присутствіе ген. Врангеля, который нервно ходилъ по корридору около большого зала. Двери въ комнату старшихъ начальниковъ попрежнему были закрыты, и въ ней шло засѣданіе. Нѣсколько разъ туда приглашали ген. Врангеля и черезъ короткое время онъ выходилъ оттуда еще болѣе взволнованный».

---

[1]) Текстъ телеграммы: «Собравшись для участія на Военномъ совѣтѣ, дивизіи Добровольческаго корпуса единодушно рѣшили просить Ваше Превосходительство остаться во главѣ Арміи, при чемъ дивизіи вѣрили и всегда будутъ Вамъ вѣрить и не мыслятъ другого главнокомандующаго, кромѣ Васъ. Оставленіе Вами своихъ вѣрныхъ войскъ грозитъ несомнѣнной гибелью нашего общаго дѣла и поведетъ къ полному распаду арміи».

Какъ оказалось, ген. Врангель привезъ съ собою въ Севастополь англійскій ультиматумъ, адресованный мнѣ, но врученный ему 20 марта въ Константинополѣ; въ своей нотѣ Великобританское правительство предлагало «оставить неравную борьбу» и при его посредствѣ вступить въ переговоры съ совѣтскимъ правительствомъ. Въ случаѣ отклоненія этого предложенія Англія «снимала съ себя отвѣтственность» и угрожала прекратить какую бы то ни было дальнѣйшую помощь. По непонятнымъ причинамъ объ этомъ ультиматумѣ не было сообщено мнѣ въ Феодосію, и я узналъ о немъ только заграницей.

О происходившемъ въ засѣданіи «малаго совѣта» — старшихъ начальниковъ, до корпусныхъ командировъ включительно — ген. Богаевскій пишетъ:

> «У всѣхъ было подавленное настроеніе духа. Почти никто не зналъ — ни точной обстановки, ни истинныхъ причинъ ухода ген. Деникина. Неестественной казалась и сама причина нашего сбора — невозможная до сихъ поръ въ регулярной арміи.
>
> Кромѣ того, не было никого, кто могъ бы въ то время стать преемникомъ ген. Деникина — безъ возраженій съ чьей бы то ни было стороны. Никакихъ именъ не называли.
>
> На другой день ген. Драгомировъ собралъ снова совѣщаніе и прочиталъ отвѣтную телеграмму ген. Деникина, приказывавшаго все-таки выборы произвести.
>
> Несмотря на это, многіе протестовали противъ этого и нужна была вся твердость и настойчивость ген. Драгомирова, чтобы совѣщаніе не приняло форму митинга и прошло спокойно . . .[1]).
>
> Послѣ долгихъ споровъ рѣшено было составить два совѣщанія: одно — изъ старшихъ начальниковъ и другое изъ всѣхъ остальныхъ. Первое — должно было намѣтить преемника, второе — поддержать или отвергнуть выборное лицо.
>
> Я былъ въ числѣ старшихъ начальниковъ. Мы засѣдали въ большомъ угловомъ кабинетѣ, остальные — въ залѣ.
>
> Наше совѣщаніе затянулось. Все еще спорили и не могли остановиться на чьемъ-либо имени.
>
> Изъ зала, гдѣ томились уже нѣсколько часовъ уставшіе и голодные начальники войсковыхъ частей, являлись не разъ посланные съ запросомъ, что мы рѣшили?
>
> Нужно было какъ-нибудь кончать, откладывать на другой день было уже невозможно: этимъ неминуемо сразу подрывался бы авторитетъ будущаго главнокомандующаго.
>
> Тогда я выступилъ съ рѣчью, въ которой, очертивъ создавшуюся обстановку и необходимость во что бы то ни стало скорѣе кончить вопросъ, назвалъ генерала Врангеля, какъ новаго главнокомандующаго.
>
> Возраженій не послѣдовало, и, какъ мнѣ казалось тогда, не изъ симпатій къ нему, а просто потому, что нужно же избрать кого-нибудь и кончить тяжкій вопросъ. Въ то время едва ли кто думалъ о продолженіи борьбы съ красными внѣ Крыма: нужно было отсидѣться, привести себя въ порядокъ и уходить за границу, если не удастся удержать Крымъ. Считали, что Врангель съ этимъ справится.
>
> Пригласили его въ нашъ кабинетъ (онъ только что пріѣхалъ изъ Константинополя) и здѣсь предсѣдатель сдѣлалъ ему нѣчто вродѣ экзамена: «како вѣруеши?» Его отвѣты въ рѣзкомъ, рѣшительномъ тонѣ, сводившіеся въ общемъ къ тому, что онъ не мыслитъ о продолженіи серьезной борьбы и будетъ считать своимъ долгомъ, если станетъ во главѣ Арміи, «съ честью вывести ее изъ тяжелаго положенія» — удовлетворили не всѣхъ въ совѣщаніи.

---

[1]) Ген. Слащевъ рѣшительно заявилъ, что онъ противъ всякихъ выборовъ и сейчасъ же уѣзжаетъ на фронтъ, гдѣ онъ нуженъ: здѣсь же ему дѣлать нечего.

Ген. Врангеля попросили временно удалиться, чѣмъ онъ, видимо, остался очень недоволенъ, и снова начали обсуждать его кандидатуру.

Наконецъ, рѣшено было остановиться на немъ.

Снова вызвали его, и ген. Драгомировъ объявилъ ему о нашемъ рѣшеніи.

Ген. Врангель принялъ это внѣшне спокойно, однако, у многихъ изъ насъ, да, вѣроятно, и у него — все же были сомнѣнія, утвердитъ ли ген. Деникинъ нашъ выборъ? Мы не знали подробностей, но всѣмъ было извѣстно, что между ними были дурныя отношенія, и вина въ нихъ падала не на ген. Деникина...

Согласившись на нашъ выборъ, ген. Врангель удивилъ всѣхъ насъ своимъ рѣшительнымъ требованіемъ — дать ему подписку въ томъ, что условіемъ принятія имъ поста главнокомандующаго не будетъ переходъ въ наступленіе противъ большевиковъ, а только — выводъ Арміи съ честью изъ создавшагося тяжелаго положенія.

На вопросъ нашъ — зачѣмъ эта подписка, ген. Врангель отвѣтилъ, что онъ хочетъ, чтобы всѣ — и прежде всего его родной сынъ — не упрекнули его въ будущемъ въ томъ, что онъ не исполнилъ своего долга.

Все это было не совсѣмъ для насъ понятно — такая предусмотрительность, но въ виду настойчиваго требованія ген. Врангеля — чуть ли не подъ угрозой отказа отъ выбора — подписка была дана [1]).

Послѣ этого была послана телеграмма ген. Деникину».

Засѣданіе «малаго совѣта» закончилось.

«Наконецъ, было объявлено намъ приглашеніе занять свои мѣста въ залѣ засѣданія. Когда всѣ были на своихъ мѣстахъ, двери комнаты старшихъ начальниковъ отворились и изъ нея вышли ген. Драгомировъ, ген. Врангель и другіе.

Ген. Драгомировъ прочелъ текстъ телеграммы, посланной имъ наканунѣ ген. Деникину. Многіе изъ насъ обратили вниманіе, что содержаніе телеграммы было не совсѣмъ такое, какъ читали намъ наканунѣ въ окончательной формѣ. Затѣмъ ген. Драгомировъ прочелъ отвѣтный приказъ на нее ген. Деникина съ назначеніемъ своимъ замѣстителемъ ген. Врангеля. По прочтеніи этого приказа ген. Драгомировъ провозгласилъ «ура» въ честь главнокомандующаго, генерала Врангеля» [2]).

* * *

[1]) Текстъ этого акта: «На засѣданіи старшихъ начальниковъ, выбранныхъ изъ состава Военнаго совѣта, собраннаго по приказанію главнокомандующаго въ Севастополѣ 22 марта 1920 г. для избранія замѣстителя ген. Деникину, предсѣдателемъ Совѣта, ген.-отъ-кавалеріи Драгомировымъ было оглашено ультимативное сообщеніе Британскаго правительства ген. Деникину съ указаніемъ на необходимость прекращенія неравной безнадежной борьбы съ тѣмъ, чтобы правительство Великобританіи обратилось бы къ совѣтскому правительству объ амнистіи населенію Крыма, въ частности войскамъ Юга Россіи, при чемъ, въ случаѣ отклоненія ген. Деникинымъ этого предложенія, Британское правительство категорически отказывается впредь отъ всякой поддержки и какой бы то ни было помощи.

При этихъ условіяхъ Совѣщаніе выразило желаніе просить главнокомандующаго о назначеніи его замѣстителемъ ген. Врангеля, съ тѣмъ, чтобы онъ, принявъ на себя главное командованіе, добился бы неприкосновенности всѣмъ лицамъ, боровшимся противъ большевиковъ, и создалъ бы наиболѣе благопріятныя условія для личнаго состава Вооруженныхъ силъ Юга Россіи, именно для тѣхъ, кто не найдетъ для себя возможнымъ принять обезпеченіе безопасности отъ совѣтскаго правительства». Съ содержаніемъ этого акта я ознакомился только заграницей.

[2]) Изъ записки ген. Ползикова.

Вечеръ 22 марта.

Тягостное прощаніе съ ближайшими моими сотрудниками въ Ставкѣ и офицерами конвоя. Потомъ сошелъ внизъ — въ помѣщеніе охранной офицерской роты, состоявшей изъ старыхъ Добровольцевъ, въ большинствѣ израненныхъ въ бояхъ; со многими изъ нихъ меня связывала память о страдныхъ дняхъ первыхъ походовъ. Они взволнованы, слышатся глухія рыданія... Глубокое волненіе охватило и меня; тяжелый комъ, подступившій къ горлу, мѣшалъ говорить. Спрашиваютъ:

— Почему?

— Теперь трудно говорить объ этомъ. Когда-нибудь узнаете и поймете...

Поѣхали съ ген. Романовскимъ въ англійскую миссію, откуда вмѣстѣ съ Хольманомъ на пристань. Почетные караулы и представители иностранныхъ миссій. Краткое прощаніе. Перешли на англійскій миноносецъ. Офицеры, сопровождавшіе насъ, въ томъ числѣ бывшіе адъютанты ген. Романовскаго, пошли на другомъ миноносцѣ — французскомъ, который пришелъ въ Константинополь на 6 часовъ позже насъ.

Роковая случайность...

Когда мы вышли въ море, была уже ночь. Только яркіе огни, усѣявшіе густо тьму, обозначали еще берегъ покидаемой русской земли. Тускнѣютъ и гаснутъ.

Россія, Родина моя...

. . . .

Въ Константинополѣ на пристани насъ встрѣтили военный агентъ нашъ, ген. Агапѣевъ и англійскій офицеръ. Англичанинъ что-то съ тревожнымъ видомъ докладываетъ Хольману. Послѣдній говоритъ мнѣ:

— Ваше превосходительство, поѣдемъ прямо на англійскій корабль...

Англичане подозрѣвали. Знали ли наши?

Я обратился къ Агапѣеву:

— Васъ не стѣснитъ наше пребываніе въ посольствѣ... въ отношеніи помѣщенія?

— Нисколько.

— А въ... политическомъ отношеніи?

— Нѣтъ, помилуйте...

Простились съ Хольманомъ и поѣхали въ русскій посольскій домъ, обращенный частично въ бѣженское общежитіе. Тамъ моя семья.

Появился дипломатическій представитель.

Выхожу къ нему въ корридоръ. Онъ извиняется, что по тѣснотѣ не можетъ намъ предоставить помѣщенія. Я оборвалъ разговоръ: намъ не нужно его гостепріимства...

Вернувшись въ комнату, хотѣлъ переговорить съ Иваномъ Павловичемъ о томъ, чтобы сейчасъ же оставить этотъ негостепріимный кровъ. Но ген. Романовскаго не было. Адъютанты не пріѣхали еще, и онъ самъ прошелъ черезъ анфиладу посольскихъ залъ въ вестибюль распорядиться относительно автомобиля.

Раскрылась дверь, и въ ней появился блѣдный, какъ смерть, полковникъ Энгельгардтъ:

— Ваше превосходительство, генералъ Романовскій убитъ.

Этотъ ударъ доконалъ меня. Сознаніе помутнѣло и силы оставили меня — первый разъ въ жизни.

. . . .

Моральныхъ убійцъ Романовскаго я знаю хорошо. Физическій убійца, носившій форму русскаго офицера — скрылся. Не знаю — живъ ли онъ, или правду говоритъ молва, будто для сокрытія слѣдовъ преступленія его утопили въ Босфорѣ.

Ген. Хольманъ, потрясенный событіемъ, не могшій простить себѣ, что не оберегъ Романовскаго, не настоявъ на нашемъ переѣздѣ прямо на англійскій корабль, ввелъ въ посольство англійскій отрядъ, чтобы охранить бывшаго русскаго главнокомандующаго...

Судьбѣ угодно было провести и черезъ это испытаніе.

Тогда, впрочемъ, меня ничто уже не могло волновать. Душа омертвѣла.

. . . .

Маленькая комната, почти каморка. Въ ней — гробъ съ дорогимъ прахомъ. Лицо скорбное и спокойное. «Вѣчная память!..»

. . . .

Въ этотъ вечеръ я съ семьей и дѣтьми генерала Корнилова перешелъ на англійское госпитальное судно, а на другой день на дредноутѣ «Мальборо» мы уходили отъ постылыхъ береговъ Босфора, унося въ душѣ неизбывную скорбь.

Брюссель.
1926 годъ.

Содержаніе пятаго тома.

Опись схемамъ:

